

НОВЫЙ
МИР

3

1935

Н О В Ы Й

М И Р

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И**

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

К Н И Г А

Т Р Е Т Ь Я

М А Р Т

М О С К В А

1 . 9 . 3 . 5

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Письмо И. В. СТАЛИНУ	5
1. НИКОЛАЙ НИКИТИН. — Потерянный Рембрандт, повесть	9
2. БОРИС КОРНИЛОВ. — Моя Африка, поэма	28
3. ВС. ИВАНОВ. — Похождения факира, роман, продолжение	41
4. ТИЦИАН ТАБИДЗЕ. — Всем сердцем, поэма	64
5. ФЕДОР ГЛАДКОВ. — Трагедия Любаши, повесть, окончание	68
6. М. ЧУМАНДРИН. — Год рождения 1905-й, хроника одного детства, продолжение	106
7. ВС. ВИШНЕВСКИЙ. — Трагедия крестьянина, пьеса	140
8. И. КУТЯКОВ. — Василий Иванович Чапаев, с иллюстрациями	158

ЛЮДИ И ФАКТЫ:

9. Г. СТРЕЛЬЦОВ. — Два съезда	199
10. Р. Л. САМОЙЛОВИЧ. — В борьбе за Арктику	213

ЗА РУБЕЖОМ:

11. И. ТРАЙНИН. — Пути испанской революции	232
--	-----

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО:

12. А. ЛЕБЕДЕВ, Е. МЕЛИКАДЗЕ, А. МИХАЙЛОВ, П. СЫСОЕВ. — Журнал «Искусство» и задачи художественной критики	247
13. НИК. ЗАРУДИН, БОР. ПИЛЬНЯК. — Десять лет Палеха, с иллюстрациями	273
14. К. СИТНИК. — Выставка эстонского искусства	280
15. П. ПОПОВ. — Мистификация	282
16. С. ЧЕМОДАНОВ. — Творчество Д. Шостаковича, с иллюстрациями	293

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ:

БОРИС АНИБАЛ. — Лев Зилов, «Новеллы о Толстом»	302
Е. МЕЛИКАДЗЕ. — «В. Г. Перов»	302

Статформат Б/5 176 × 250.

Уполн. Главл. Б—1453. Тир. 56.400. Объем 19 печ. лист. по 64.000 знак. Сдано в набор 14/III—35 г.

Подписано к печати 14/IV—35 г. Техн. ред. Б. Белоконь. Зак. 685.

Тип. им. тов. И. И. Скворцова-Степанова. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». Москва.

И. В. Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мы, работники советской литературы, собравшись по случаю десятилетия журнала «НОВЫЙ МИР», шлем Вам, нашему вождю и учителю, другу и критику, сердечный и радостный привет.

Вы вместе с Владимиром Лениным повели в октябре 1917 года рабочих, крестьян и солдат нашей страны на штурм старого мира.

Вы во время гражданской войны организовали победы над буржуазно-помещичьей контрреволюцией на труднейших, опаснейших и важнейших фронтах.

Вы приняли из рук великого Ленина боевое знамя большевизма, знамя борьбы за коммунизм.

Вы создали теорию и тактику построения социалистического общества и тем самым развили ленинизм дальше, подняли его на новую, высшую ступень.

Вы создали железный Центральный Комитет—штаб великой партии Ленина, разоблачили и разгромили агентов буржуазии в самой партии—сппортунистов всех мастей и рангов—и выковали из одного куска металла партию, способную творить чудеса.

Вы стальной рукой пятилеток вздыбили нашу великую родину, вырвали ее из отсталости и привели к социализму, к величайшей технико-экономической и культурной мощи.

Вы создали нашу изумительную Красную Армию, способную не только защитить свою родину, но и уничтожить врагов, если они посмеют напасть на ее границы.

Вы подняли на недосягаемую высоту авторитет нашей родной и любимой социалистической страны. Гражданин Советского Союза—это звучит гордо во всех уголках земного шара.

Вы привели страну к зажиточности, и Вам обязаны мы тем, что наш народ уже никогда больше не будет знать ужасов безработицы, аграрного перенаселения и нищеты.

Вы указали всему нашему искусству путь развития и сплотили наших художников под знаменем социалистического реализма.

Вы назвали нас, писателей, инженерами человеческих душ и тем самым указали нам место на великой социалистической стройке. Мы знаем теперь, что наши произведения должны воспитывать миллионы людей в духе коммунизма.

И Вам, соратнику великого Ленина, вождю большевиков, великому сыну великой страны, ее гордости, ее славе, ее могучему горному орлу,

мы заявляем: все наши силы, все наше дарование, все наше мастерство мы положим на то, чтобы поднять нашу художественную литературу и литературную критику на такую высоту, которая отвечала бы поставленным партией задачам по воспитанию миллионов людей.

Мы обязуемся превратить «НОВЫЙ МИР» в журнал подлинно большевистского, пролетарского, социалистического искусства, в воинствующий орган социалистического реализма. Мы обязуемся перевыполнить намеченный редакцией журнала план на 1935 год и тем самым поднять «НОВЫЙ МИР» на еще большую качественную высоту.

И. Гранин Демьян Бедный

Вед. Сладков В. С. Иванов

Александр Веселов Г. Г. Гусев

Константин Мещеряков Борис Пильнер

Михаил Котляков Г. Г. Гусев

А. С. Мельников П. Пасечник

М. Мейерсон

А. Орлова. Вн. Мухом
А. Сейфулина А Сергеев.

Александр-Григорьевич Марк Зинин
П. Зинин — Петр Черепев

С. Мухомов И. Иванов

Раша Азов Тагор Дубинин.

Григор. Григорьевич Мухомов Мухомов.

Михаил Сергеевич Г. Сидоров

И. Сахаров: Мухомов

Борис Лавренко. П. Дубинин.

И. Соснов Ф. Орлов

Н. Мухоморов. Встречу

А. Сидорова. Т. Канников

Ивановичу Васильеву

Трошиков.

А. Погодин

А. Сидорова

Александров.

Ник. Уткин

Н. Соколов

Григорьев

Ник. Крайнев

Игорев

А. Александров

Александров.

Менделеев

Потерянный Рембрандт

Повесть

НИКОЛАЙ НИКИТИН

1

Шел 1926 год. Легальные миллионеры платили сотни тысяч подоходного налога. Доход был велик и очевиден. Запад заключал концессии. Все благоприятствовало предметам роскоши. Антиквары блаженствовали. Их связи так же, как некогда и связи масонов, тянулись через рубежи, нарушая все конвенции и все кордоны. Антиквары Лондона через финских и немецких антикваров посылали в Россию свои тайные заказы. Контрабандисты и консульства выполняли поручения. Но все кончается, все истекает. Впереди стояла опасность... и вожаки антикваров мечтали о редких вещах. Отчасти, чтобы рассеяться, отчасти, чтобы подтолкнуть энергию своих агентов, Семен Семенович Брук, ленинградский антиквар, решил устроить пирушку.

На площади, против сквера, где от памятника остался только мраморный пьедестал, в подвальчике помещался духан. В коридоре, за потертыми зелеными портьерами, в крайнем кабинете духана, сидел Брук со своими гостями. Кроме них, в духане не было ни души. Сюда народ обыкновенно скапливался к вечеру. Брук пировал на просторе... Он был щедр, на стол подали шампанское. Пирушка уже кончалась, стол был раздрызган, пьяные гости обнимали друг друга. Кто-то допивал еще вино, кто-то уже спал, кто-то подходил к Бруку, и он, почти не считая, совал деньги.

Художник Шамшин был единственным человеком со стороны в этой компании. Ему казалось, что он дышит не так, как все люди, и из его ноздрей вылетает синий коньячный огонь. Он уже перешел обычные грани опьянения, то есть тупость, усталость, сон, тошноту, он сверкал алкоголем. В голове у него кипело, мысли плавилась. Он с презрением пьяного смотрел на эту ораву. Ему хотелось крикнуть, оскорбить кого-нибудь, бросить бутылкою в стену, чтобы заявить громко в лицо всем: «Я не с вами, я чужой...» Он щурил глаза, выискивая жертву, и вдруг его взгляд упал на хозяина.

Брук был абсолютно трезв. За весь вечер он выпил только стакан вина. Он снисходительно помалкивал среди этого гама и благодушно обмахивался желтым шелковым платком. Брук посмотрел в глаза Шамшину. Этого было достаточно. Длинный Шамшин, не сгибаясь, наклонился над столом и крикнул, показывая пальцем на Брука.

— Кто этот жуткий молодой человек?

Брук улыбнулся ему. Они были знакомы уже два года.

— Не улыбаться! — еще отчаяннее закричал Шамшин: — Как ты смеешь улыбаться? Кто ты такой?

Шум в духане сразу затих. Пьяные жучки и прихлебатели поняли, что Шамшин затевает скандал. Брук сделался серьезным. Грузин стал припирать стол к стенке, боясь за свою посуду.

Брук мигнул одному из гостей. Маленький толстенький человек, все его звали Юсупом, подошел к Шамшину и ласково дотронулся до его плеча.

— Василий Игнатьевич... Почтенный гость, уважаемый гость...

— Прочь! — Шамшин рванулся.

Юсуп обхватил его сзади, со спины.

— Не смей!

Шамшин отбросил Юсупа к столу. Задребезжали стаканы... Бутылка с красным вином упала на асфальтовый пол и разбилась. Грузин побежал за официантом.

— Старьевщики! — кричал Шамшин: — Вы роетесь в старье и у себя под носом не видите Рембрандта.

— Уж кому, как не мне, знать, что имеется в этом городе, — спокойным, холодным тоном заявил Брук, желая образумить Шамшина.

Шамшин подхватил эту фразу.

— Конечно, как тебе не знать... Разве не ты ограбил этот город?.. А теперь ты рыщешь... И ни черта нет! Ты шаршишь в каждой щелочке, чтобы найти хоть что-нибудь. Все мелочь! Все не то!

Вдруг он улыбнулся, наивно, точно ребенок, и крикнул тонким голосом, как бы поддразнивая Брука.

— А в городе имеется Рембрандт... Имеется, имеется, имеется! А вы не видите, бандиты!.. Контры! Я знаю вас...

Шамшин захохотал, но в эту минуту официант Сашка, в мерлушковой кубанке, и грузин-хозяин взяли его подмышки и вытолкнули через три ступеньки в дверь, на площадь.

Прохожие с удивлением взглянули на молодого человека, схватившегося за фонарь, на его побелевшие глаза, наполненные отчаянием и алкоголем, на шелковый галстук, который он сорвал с себя и бросил на тротуар.

2

Рано утром он проснулся у себя дома, в постели. Он сразу представил себе весь вчерашний скандал. Разрыв с Бруком ни капли не смущал его. Он не нуждался в Бруке. Брук в нем нуждался.

Брук доверял его чутью и приглашал его для экспертизы, и кое-что давал для реставрации. Эта работа всегда казалась Шамшину отвратительной, он брал ее для денег. Иллюстрации, зарисовки, театральные костюмы, карикатуры, портреты, — он делал все, что ему давали. Он чувствовал свои способности, он был человеком увлекающимся, страстным, как пьяница, как игрок, как любовник. Он искал открытия в своем мастерстве и бестолково топтался, споря от попыток, от мучительной работы, которая не оправдывала себя. Он хотел быть современным и по существу не знал современности. Он жаждал понять мир, не зная мира. Он хвастал, что в его библиотеке столько же книг, сколько было и у Рембрандта. То есть, ни одной. Он жаждал славы, потому что был честолюбив и не умел ее делать. И это было его несчастьем. Вчерашний скандал конечно являлся отражением его душевных неудобств. Крик о Рембрандте был пьяным криком человека, оскорбленного своей судьбой. Антиквары поняли иначе.

От железных крыш и труб становилось душно. В квартире стояла тишина. В соседней комнате, за стеной, еще спала Александра Петровна, она работала в театре и вставала поздно. Уже около года она оставалась женой лишь по паспорту. Они встречались только в ванной. В третьей комнате, самой маленькой, жила Ирина. Она молчаливо любила Шамшина и ненавидела его бывшую жену. Шамшин же сам не знал — кого он любит. При кухне находилась старуха, презиравшая всех троих за несемейность и беспутство. Все вместе, точно в насмешку, называлось коммунальной квартирой.

За дверью Шамшин услышал голос Ирины. Он отозвался. Когда Ирина вошла в комнату, Шамшин раскрыл глаза и рассмеялся, пораженный ее нежностью и тонкими удивленными глазами.

— Вставайте... Звонит Апрельский...

Шамшин вскочил и побежал в коридор к телефону.

Алеша Апрельский, старый друг по Академии, давно бросил живопись. Революция увела его в сторону, на газет-

ную работу. Он стал заметным человеком в прессе. Встречались они редко. Апрельский был очень занят, но дружба не прерывалась. Апрельский в шутку говорил, что он шефствует над Шамшиным. Недавно, по его настоянию, даже по его теме, Шамшин начал работу над большой картиной. Картина предназначалась для выставки. Он должен был изобразить один из эпизодов советско-польской войны. Шамшин не чувствовал себя баталистом, но в этом эпизоде, помимо его батальной формы, он видел большую тему... Два полка сошлись в кавалерийской атаке. Утро. Долина. Скользит первый луч. Конница, построенная эскадронами, несется с обнаженными клинками. На бойцах синие венгерки, только-что пошитые из французского сукна, взятого недавно с боя. Навстречу нашим тем же эскадронным строем на рыжих гунтерах мчатся сенегальцы, во всем белом. Черные лица. Крик. Когда сошлись головные эскадроны, сенегальцы вдруг остановились и выкинули белый флаг. Атака замерла. Сенегальцы выслали парламентаров. «Нас обманули, — заявили парламентары. — Нам сказали, что большевики людоеды, пожирающие женщин и детей. А мы видим солдат». Ругаясь со своими офицерами, они отказались идти в атаку. Повернув лошадей, сенегальцы покидают поле... Горнист-сенегалец трубит отбой.

Шамшин набросал много эскизов, но когда начал писать картину, вдруг все разонравилось. Тема показалась иллюстративной, сюжет обычным, он стал работать формально, увлекаясь пятнами. Картина превратилась в какую-то фантазмагорию. Шамшин обращался к смыслу вещи, все переделывал заново, но, чем больше вкладывал в нее рассудка, тем автоматичнее становились образы. Он видел, что мысли без поэтики — ничто. Он пытался вообразить себя участником этого боя и окончательно потерял себя. Все действовало на него — идеи, форма, современность, желание угадать вкусы критики, все это влияло разновременно, смешивалось, путалось... Картина раздиралась на клочки заложенными в ней противоречиями. Это

был документ попыток и личных страданий, но это не было произведением искусства.

Апрельский настаивал на том, чтобы картина была приготовлена к ближайшей выставке. Шамшин очень ценил беспокойство друга, но честно поделиться с ним своими сомнениями мешала гордость и привычка к одиночеству. Он надеялся, что эта заминка временная и что в конце концов он выберется и даст такую работу, какая под силу только большому мастеру. Маленькой победы он не хотел. Этот человек все мерил большим аршином. Заготовки росли. А вещи не было.

— Ну как? — спросил Апрельский.

— Что как?

— Подвинулась?

— Немного... Нет фонаря, — вздохнул Шамшин.

— Какого фонаря?

— А вот такого, какой был у Рембрандта. Все понять и осветить по своему... Вчера утром я заходил в Эрмитаж. Там при мне освобождали от стекла фламандцев. Я опять увидел эту живопись так близко... Я посмотрел на нее и заплакал. А что они писали? Трактиры, пьяных баб, коров, детей, сидящих на горшке...

— Однако! — фыркнул Апрельский. — Рембрандт написал «Ночной дозор».

— А что ты из него поймешь? — спросил заносчиво Шамшин.

— Ты напиши, пойдем! — Апрельский засмеялся. — Сегодня вечером я позвоню тебе. Меня посылают в командировку.

Картина занимала половину комнаты. Из двух круглых окон, похожих на иллюминаторы, падало солнце, комната напоминала корабельную каюту. Стены ее Шамшин заклеил вместо обоев собственными копиями с гравюр Рембрандта. На потолке был прорублен большой квадрат и застеклен, как это делалось когда-то в фотографиях. К стеклянному люку приставлена стремянка. Шамшин взобрался по ней наверх, как по трапу, и раскрыл люк. Июльский свет и жар с раскаленных крыш наполнили комнату. Издали слы-

шался уличный шум, напоминая театр. Шамшин, полуголый, в синих широких штанах, как у сварщика с Северной верфи, ходил по комнате, засучив рукава. Будто он собрался с кем-то драться. Огромный ларь стоял в углу. Он был наполнен старыми альбомами, записками, набросками, копиями. Это был архив, черновики пройденного пути, летопись разочарований, оставленная только для себя. Когда дрова в плитке плохо загорались, Шамшин шутя запускал руку в ларь и, не разбираясь, разжигал огонь этим материалом. Есть человечки, понимающие втайне свое ничтожество и даже сознающие, что их терпят в искусстве только за выслугу лет, и все же они ревниво берегут, точно святыню, каждый клочок своей бездарности и нищеты! Шамшин был не похож на них. Люди, говорившие, что Шамшин мало работает, просто не знали тех Монбланов, через которые он перешагивал.

Он работал. Ирина вслух читала книгу. Он не слышал ее. Ему необходим был только голос. Иногда она прерывала чтение и снимала с плитки чайник. Работая, он поглощал кипящий чай.

Шамшин швырнул кисть. Она полетела под ящики.

— Не так! — закричал он: — Разве понятно, о чем трубят этот сенегалец? Это просто черный дурак...

Вдруг прозвенел телефон. Шамшин махнул рукой. Побежала Ирина и крикнула из коридора:

— Тебя.

— Пошли всех к чорту, — ответил он.

— По экстренному делу.

Сжав зубы, Шамшин подошел к телефону.

— Вася?

— Я.

— Брук говорит. Слушай, Вася. Что ты вчера кричал о Рембрандте?

— Я ничего не кричал.

Шамшин скривился в телефон и тихо повесил трубку. Брук разговаривал так, как будто между ними ничего не произошло. Через секунду снова прозвенел телефон.

— Нас раз'единили. Слушай, Вася. У тебя есть деньги?

— Есть.

— А то могу подсыпать...

Молчание. И снова однообразный и тягучий, точно лапша, голос Брука.

— Я сейчас буду проезжать в твоих краях. Он у тебя?

— Кто он? — уже обозлившись, крикнул Шамшин. — У меня никого нет! Отстань!

— Зачем орать! — печально сказал Брук. Звякнула трубка.

3

Вечером, чтобы отдохнуть и рассеяться, Шамшин предложил Ирине пойти с ним в Народный дом. Пока она переодевалась, он разбирал у себя в комнате всякую старую рухлядь. Среди хлама ему случайно подвернулась одна доска, плод увлечения Рембрандтом, реакция на мастера. Картина изображала молодую женщину, полулежащую среди разбросанного белья и кружев. Склоняясь к ее едва прикрытому животу и держа ее за руку, стоял еврей-врач. Пламя свечи падало пятном на его рыжую бороду. Глаза женщины улыбались. Смеялась ли она над бессилием врача, или наоборот: ей представлялась будущая праздничная жизнь, когда она встанет и скинет с себя эти широкие шерстяные одежды? Во всяком случае беременность ничуть ее не тревожила. Она мечтала... Она была далека и от этой постели, и от своего материнства. Шамшин вздохнул, поставив доску на мольберт. Картина пропиталась пылью, немножко потрескалась. Она долго пролежала около радиаторов. Шамшин написал ее совсем случайно, счистив чью-то живопись со старинной доски.

Вот годы юности... Ничего не знал — ни жизни, ни опыта, ни ученых соображений, их уже потом натвердила критика. Несмотря ни на что, одним инстинктом была создана эта вещь... В любви, в искусстве, даже в науке, да, пожалуй, и в политике, что сделаешь, если у тебя нет инстинкта?

Была жена. И нет ее... Был ребенок. И нет... Все умирает, даже дети. Был старый итальянец, живший на Васильевском острове, он составлял художни-

кам краски по какому-то старинному рецепту... Где же все это? Исчез, как все... Сколько исхожено дорог? Он прошел по всем путям живописца, от Сезанна и Матисса до черного пятна на незагрунтованном холсте. Здесь караулила смерть. Он отшатнулся к Рембрандту. Его глазами он написал эту вещь, думая, что он берет только традицию и перебрасывает в этот мир новую Голландию... и здесь завяз. Это не годилось для современного сюжета. Он хотел быть современным. А современность не давалась. «Кто же я? Где я живу?» — спросил он самого себя.

— На Манежной площади, — с'язвил он вслух, чтобы оборвать свои воспоминания.

Ирина вошла в комнату и заинтересовалась картиной.

— Что это? Почему я ее никогда не видала? Это Александра Петровна? — спросила она, прикусив губу.

— Нет!

— А похоже... Александра Петровна, переселенная назад, в столетия.

Шамшин усмехнулся.

— Все может быть!

Он захохотал, накинул на мольберт тряпку, и они ушли.

4

Поезд в составе трех вагонеток скрежегал, подскакивая на поворотах, падал в ущелья и снова взвивался вверх. Около управления стоял худой человек. Он улыбался, оглядываясь на пассажиров, точно скелет, не разжимая челюстей. Сзади всех, на самой последней скамейке, сидел молодой пьяный парень. Еще в начале пути с головы пьяного сдуло кепку, она упала прямо в толпу, около американских гор. Парень требовал моментальной остановки. Народ хотел. Когда поезд взлетел на самый верх, Ирина от страха закрыла глаза и уцепилась за Васю. Вместе с ними взлетела тяжелая Нева, черные граниты, электрический пунктир мостов, синие бастионы, коричневые дворцы, трубы Монетного двора и плоский ангел.

Пьяный крикнул:

— Спускайся, чорт.

Поезд ухнул вниз, упал в туннель, в сердце горы, там замигал багровый глаз и застонали рельсы. Шамшин нагнулся и крепко поцеловал Ирину. Тут поезд замедлил ход и подполз к игрушечному дебаркадеру. У Ирины билось сердце, и кружилась голова. Она улыбалась. А Шамшин подумал: «Она счастлива». И позавидовал ей. Он тоже хотел счастья. Ночью Ирина пришла к нему. Потом она попросила потушить свет. Когда же легла и, скинув рубашку, прижалась к Шамшину, в коридоре опять зазвонил телефон. Шамшин, набросив на себя пальто, побежал к аппарату. Он думал, что звонит Апрельский.

— Да! — крикнул он.

— Добрый вечер!.. Это Брук!

— Не мешай мне спать. Я сплю.

— Да погоди... Не вешай трубку. Я был сегодня у тебя. Открыла мне твоя старуха... Я видел эту вещь... — Брук явно волновался: — Сто хочешь?

— Слушай, Брук. Не сходи с ума. Я хочу спать.

— Откуда ты ее достал?

— Я хочу спать!.. Я вешаю трубку. Спокойной ночи.

— Погоди, погоди, Вася... Двести хочешь?

— Отстань, пожалуйста. Я хочу спать.

— Я думаю, это — подделка, но все-таки... А ты, Вася, как думаешь?

— Я ничего не думаю... Меня ждут.

— Ты же сказал, что ты спишь?

— Да я сплю.

— Погоди... Как ты думаешь, может быть, все-таки следует отдать на экспертизу?

— Позвони завтра... Я сейчас сплю.

— Что значит — спишь? Ты же не спишь... Ты же стоишь у телефона...

— Я больше не в силах стоять...

— Ты болен, что ли?

— Да, болен.

— Странная болезнь... Когда человеку предлагают деньги...

— Я больше не могу...

— Да погоди, мне надо выяснить...

— Мне некогда!

— Что значит — некогда?

— Всего!

Шамшин брякнул трубкой.

На следующий день Брук встретил Шамшина и первый подбежал к нему.

— Ты сердисься? Зачем?

Шамшин молчал.

— Ну! Триста хочешь? — Брук хлопнул Васю по плечу. — И кончим дело... Что за канитель?

— Это моя вещь... — сказал Шамшин, улыбаясь. — Моя! Пойми!

— Твоя? — Брук плутовато подмигнул: — За твою я дам тебе три копейки, а за эту даю триста рублей... Ты меня, надеюсь, понял?

— Вполне! Ты сволочь и арап!

Расхожавшись, Шамшин круто повернул от Брука. Брук стоял на тротуаре Невского. Прохожие толкали его, звенели трамваи, извозчики кричали «берегись!», поджаривало солнце. Опомившись, Брук почесал коротко остриженный затылок, поправил кепку и пробормотал.

— Однако!

5

Однажды в соседней комнате, у Александры Петровны, веселились гости. Из-за стены непрерывно слышались шутки, шум и смех. Шамшин злился. Его раздражало это веселье. Он не был желчным человеком, но ему опротивел быт. На столе две недопитые чашки чая. У окна груды неоконченной работы для журнала. На мольберте надоевший портрет. В кресле Ирина, читающая книжку. Перелистывая страницы, она подымает голову и смотрит на Шамшина влюбленными глазами. За стеной кто-то пропел пьяным голосом: «М а л ь ч и к р е з в ы й, ж у д р я в ы й, в л ю б л е н - н ы й...» Шамшин не выдержал и стукнул в стенку кулаком: «Эй, Мозарт, тише! Здесь Сальери!»

На минуту за стеной притихли, затем раздался взрыв хохота. Обхаживая комнату вдоль и поперек, Шамшин думал: «Хоть потолок бы провалился, что ли».

Когда в коридоре позвонил телефон, Шамшин кинулся к нему, точно птица за пищей. Шамшина спрашивал незнакомый, свистящий голос. Шамшин ответил, что он у телефона.

— Очень рад. Я давно ищу случая с вами познакомиться. Говорит Агафон Бержере.

Шамшин был изумлен.

— Вы ко мне?

— Да, именно к вам.

— Собственно, по какому делу?

— Разрешите мне объяснить это при личном свидании. Где мы можем встретиться? Может быть, мы вместе позавтракаем в Европейской?

Шамшин замаялся.

— Я затрудню вас только на полчаса.

— Ладно, — согласился Шамшин.

— Значит, завтра, — сказал Агафон Бержере, — в два часа в Европейской. Спокойной ночи.

Ровно в два часа Шамшин вошел в ресторан Европейской гостиницы. Официанты, одетые в белые куртки и белые брюки, толклись без дела. Зала была освещена только одной люстрой. В самом конце залы, под эстрадой, скрывшись за вазочкой с цветами, сидел у столика немолодой человек, сухой, коренастый, с коротенькими, почти выстриженными усиками и гладкими приклеенными волосами. На нем был жакет бутылочного цвета. Стоячий крахмальный воротничок повязан узким черным галстуком. Синий абажур скрывал выражение его лица. Этого человека знали все. Агафон Бержере, полуфранцуз, полуголландец, получив от своего отца, выходца из Голландии, небольшое дело, развернул его до европейских масштабов. Драгоценности, дорогие камни, украшения, ювелирные работы, статуэтки зверей, выточенные из минералов, все эти вещи с маркой Агафона Бержере всюду в мире считались первоклассными. Собственно, биография знаменитого ювелира была довольно банальной: мраморный дом на Морской, двуглавый орел поставщика его величества, одна, законная, семья в аппаратах, другая, незаконная, в скромном доме на набережной Мойки, у Крестовского яхт-клуба яхта, в Левашове богатый особняк, наполненный коллекциями, и т. д...

Семнадцатый год прихлопнул все великолепие Агафона Бержере. Законная жена с детьми отправилась в Па-

риж. Агафон переселился к незаконной, записался с нею в загсе и занялся антиквариатом. Девять раз его сажали, девять раз он выходил. К революции он относился, точно к погоде. Даже в камерах он вытачивал перочинным ножиком деревянные мундштучки и ставил свою марку. Находились любители, за эту дрянь платили деньги...

Бержере встал, приветствуя Шамшина. Метр д'отель, выгнув шею, как лошадь, почтительно принял от Бержере заказ: омары, рыба, утка по-руански, апельсины, французский сыр и теплое старое бордо. Ничего лишнего... И разговоры самые общие. Потом черный кофе. Агафон подымает узенькую рюмку с тяжелым ликером.

— За искусство! — холодно говорит он Шамшину.

Он краснеет от еды и выпитого вина, в его голосе прорывается что-то грубое: — Я довольно внимательно всматриваюсь в ваши работы. Вы будете или великим, или ничем.

— Почему же такая дистанция? — смеется Шамшин.

Бержере дергает головой.

— Вам нехватает пустяка! Но этот пустяк имеет большое значение.

— Какой пустяк?

— Признание! Одних оно губит, а других окрыляет и ведет к вершинам. Я это знаю по себе...

Бержере хвастливо дергает рукой.

— Что такое полупризнанный художник? Полупочтенный дворянин... Признание — это мостик к славе.

Бержере понюхал ликер и вздохнул.

— Да, в искусстве страшно жить. Вообще сейчас страшно жить. Смотрите, что происходит во всем мире... Но я люблю жизнь.

Он улыбнулся, и Шамшин увидал рот Бержере, наполненный маленькими, как у женщины, зубами.

— Больше жизни я люблю искусство... — продекламировал он, он все-таки был французом. — А кто сейчас понимает искусство? Никто! Нигде! В особенности здесь.

Шамшин решил вскочить, но удержался. Из любопытства к людям хотелось узнать этого человека поглубже.

— Зачем же тогда вы остались жить здесь, у нас? — нарочно подчеркивая, спросил Шамшин.

— Видите ли... — Агафон загадочно улыбнулся: — Мне необходим воздух революции... Да, да, не удивляйтесь. В эпоху войн и революций рождаются великие антиквары. Они идут в тылах армий и...

— Грабят! — смеясь, закончил Шамшин.

— Смело сказано! Если хотите—да... Если хотите—нет... Я покупаю! Кстати...

Тут он нагнулся к Шамшину и шепнул:

— Мне говорили, что у вас есть хороший Рембрандт?

Шамшин рассмеялся.

— Я отослал его, — сказал он.

— А разве он не ваш?

Шамшин отрицательно покачал головой.

— Кому же он принадлежит?

— Одной старухе.

Шамшин расхохотался, сам удивляясь своему нелепому, случайному ответу. Агафон разочарованно поправил бровь, ткнул окурком в пепельницу и кивнул метр д'отелю. Оба гостя встали из-за стола. В вестибюле гостиницы Бержере мимоходом, как будто небрежно, спросил Шамшина:

— А вы знаете эту старуху?

— Да нет... — Шамшин иронически пожал плечами. — Неизвестная старуха.

6

История с картиной странно оживила Шамшина. Дней через пять после встречи в Европейской гостинице Бержере опять звонил ему по телефону и спрашивал: не может ли он взять на себя хлопоты по разысканию этой неизвестной старухи?

— Нет! — Шамшин отрезал начисто. — Я не знаю, где эта старуха... А может быть, ее и нет?

Звонил Юсуп об этом же. Очевидно, антикварный муравейник кишел слухами. Только Брук пропал, он перестал существовать на свете. Шамшин всем

отказал, но его самого втянула эта фантастическая игра с картиной. В том, что она замечена, было какое-то признание, это странно бодрило.

Он встретил Бержере в балете. Был первый дебют молодой, только-что выпущенной из школы артистки. Они подошли друг к другу в конце спектакля. Много раз подымался занавес. Уже потухли люстры. В партере и наверху публика еще отхлопывала себе руки.

— Какая прелесть... — сказал Бержере. — Это Тальони!

Шамшин балета не любил, балет казался ему глупым, но спорить на эту тему не хотелось. Первый снег покрыл площадь перед Мариинским театром, кричали извозчики, подзывая седоков. Гудели редкие машины. Бержере предложил Шамшину поехать с ним отужинать во Владимирский клуб. «Чем я рискую...» — подумал Шамшин и принял приглашение. По дороге Бержере забавлял Шамшина анекдотами из жизни старого балета. Шамшин почувствовал, что все это опять только предлог к дальнейшим разговорам. «Пусть его...» — решил Шамшин.

Сани остановились около под'езда с чугунными столбами. В прямоугольных фонарях, оставшихся еще из-под газа, желтело электричество. Швейцар выбежал навстречу саням, распахнул теплую медвежью полость и с поклонами кинулся отворять двери. Раздевшись, они поднялись во второй этаж по широкой лестнице, сплошь затянутой красным бобриком. Лепные стены, грубые картины, пыльные амуры, маляром написанные фрески, гипсовые, грязные богини, все говорило о вертепе. На эстраде танцевала худая, стройная еврейка в желтых, мягких сапогах, сверкая монетами и бусами. За столиками аплодировали: «Бис, Берта! Браво, Берта!» Журчал серый фонтан. В бассейне дремали золотые рыбки. Пальмы свешивали над столами искусственные веера. Сиял свет люстр в хрустальных подвесках. Было жарко, душно, пахло жареным мясом и вином. Сновали официанты. Шныряли женщины, почти полуодетые. Шамшин оглядывался, точно путешественник. За

одним из столиков сидел Юсуп. Увидав вошедших, он вскочил. Бержере отвел Шамшина в сторону:

— Нам неудобно быть вместе с этой бандой.

Бержере брезгливо кивнул на компанию, окружавшую Юсупа. Они стояли посреди ресторана, не зная, куда приткнуться. Все места были заняты. Тогда Юсуп, подмигнув своим, подкатился к Бержере:

— Устроить, Агафон Николаевич?

— Да нет... мы сами... — сморщился Бержере.

— Я вас устрою отдельно, — Юсуп улыбнулся и схватил за рукав мимо пробежавшего официанта. — Сафар, сделай столик. Почтенные гости!

Бержере вежливо поблагодарил Юсупа. Юсуп поклонился и прижал руки к сердцу:

— Хоп май ли, Агафон Николаевич... Хоп!

«Однако буржуазия чувствует себя довольно бодро» — подумал Шамшин, усаживаясь с Бержере. Подали ужин. В соседнем помещении, за огромными дверями из красного дерева, шумела толпа. Там шла игра. Волнение, люди, нагретый воздух, духи, глаза и плечи женщин, улыбки их, возгласы, холодок, азарт, гул вентиляторов, шелест бумажных денег, все это смешалось и дразнило воображение. Бержере подливал шампанского.

— Кстати, вас можно поздравить... Вы женились?

— Да нет.

— А мне говорили, что вы женились на соседке по квартире?

— Напрасно говорили, — Шамшин отрекся. — Мне говорят уже десятый год, что падает Исаакиевский собор.

Они чокнулись, и в эту минуту легкие, влажные пальцы притронулись к уху Шамшина. Около столика стояла женщина. Ее лицо было покрыто густым слоем пудры. Прижав руки к плоской, маленькой груди, она смотрела на Шамшина зелеными, улыбающимися глазами и прошептала ему: «Вася, дай десять рублей... Я должна поставить, я все проиграла. Если, конечно, можешь?»

Шамшин дал. Сунув деньги в вырез платья, она так же неожиданно убежала. Бержере поджал губы.

— Какие бесстыдные глаза.

— А чего стыдиться?.. Она красивая... Ее зовут Лялькой. У этой девушки есть мать. Вполне приличная женщина. Отца я не знаю... Может быть, они скрывают отца.

Бержере, слушая Шамшина, задумчиво качал головой.

— Почему вы не женитесь на ней? Вам нравятся такие женщины.. Я заметил ваш взгляд.

Шамшин лениво ответил:

— Если бы в каждой женщине мы могли видеть будущую жену, мы никогда не ложились бы в постель рядом с женщиной.

— Неужели? — как будто намекая на что-то, ядовито захохотал Агафон.— В жизни бывает именно так. Случай из любовницы создает жену, честного человека делает преступником, величину ничтожеством, а ничтожество величиной. Это даже тривиально... Вам не надоела моя болтовня? Я вас сейчас развлеку.

Бержере вытащил из кармана замечательной работы золотую табакерку и подал ее Шамшину:

— Откройте.

Шамшин приоткрыл крышечку. В табакерке лежала маленькая горсть камней, они сияли гранями и радугой.

— Здесь на двести тысяч, прекраснейшие образцы! — шепнул Бержере.— Я никогда в жизни не расстаюсь с этой табакеркой, конечно, за исключением тюрьмы. Мне необходимо рассматривать и чувствовать эти камни. Я постоянно тренирую свой глаз и свои пальцы. Так же и в жизни надо ничего не бояться, надо тренировать себя, чтобы чувствовать случай. Успех, победу, славу имеет только тот, кто стремится им навстречу. Человек, чувствующий случай...

— ... почти бог! — зло подхватила Шамшин.

Бержере рассмеялся:

— Я заметил... вы прекрасно ловите чужие мысли.

Они встали.

— Пройдем в соседнюю залу, — сказал Бержере, — я хочу вернуть сегодняшний ужин.

— Сколько с меня?—спросил Шамшин.

— Какие пустяки! — Бержере зевнул, прикрыв рот. — Мы сейчас выиграем. Allons bon!

За овальным зеленым столом, на самой середине, выше всех сидел желтый крупье. Посматривая на стороны, точно жулик, он кричал:

— Банк принимает! Банк принимает!

Наваливаясь на спины игроков, стояла жадная толпа державших мазу. Раскратчики, рвачи, шулера тесно облепили стол, ожидая счастья. От толпы пахло, и стены были захватаны потными руками. Плавал табачный дым. Синяя мать зеркал превращала всю эту картину в мираж. Проигравшиеся подходили к зеркалам, чтобы поправить волосы или просто посмотреть на себя, и отходили в недоумении. Счастливец, мокрыми руками рассовывая по карманам деньги, бежал в ресторан. Столы заполнялись бутылками, слетались женщины, и лихо запевали цыгане. Нищие, в грязных сорочках, бродили из одного зала в другой. Они ни на что не надеялись, они дремали в креслах, потерявших позолоту. Утром очередной счастливец бросал им на колени бумажку в три рубля.

Бержере локтями растолкал всю эту толпу. Взявшись за спинку стула, он протянул руку через чье-то плечо и крикнул банкомету:

— Прошу!

По его тону поняли, пришел крупный игрок. Шум сразу затих. Все посмотрели на Бержере глазами изумленных животных.

— В банке три тысячи, — тихо сказал крупье. В руках у него хрустела новая колода карт.

— Ва банк! — спокойно ответил Бержере.

Крупье поднял голову и, прицелившись к игроку, улыбнулся.

— Простите, может быть, будете любезны обеспечить? Не правда ли?

Бержере тоже улыбнулся, сунул руку в жилетный карман и выбросил на

стол табакерку. Все в толпе переглянулись. Все смотрели за тонкими пальцами крупье. Крупье вынул себе туза, затем валета, секунду помедлил и выбросил третью карту. Все увидели, что это тоже валет.

— Банк бит, — сказал крупье.

Бержере снял со стола три тысячи, табакерку и отставил стул.

— Не желаете ли испытать счастье в следующую очередь? — ласково сказал он Шамшину. Тот почти механически сел, взял у Бержере выигранные деньги и, кинув их в банк, принял две карты. Кто-то сбоку подсказал: «Еще!» Он получил третью. «Жир!» — громко заявил сосед. Это был Юсуп.

— Банк берет! — крикнул крупье и длинной деревянной лопаточкой кокетливо сгреб деньги в свой ящик. Почти все игроки вздохнули облегченно, справедливость была восстановлена.

— Я не понимаю... — спросил Шамшин: — Что это? Я проиграл?

Улыбающийся Бержере держал его за руку. Они покидали клуб. На лестнице к Шамшину подскочил Юсуп и спросил:

— Ну, как дела, Василий Игнатьевич?

— Какие?

— Нашли старуху?

— Не одну, а десять!

Шамшин был конечно подавлен, но попрежнему смеялся и гробил.

7

Утром Шамшин проснулся в невероятном настроении. Его мучил проигрыш. И вообще, все поведение казалось недостойным. Он долго лежал, завернув голову в одеяло, делая вид, что спит.

«Можно этого долга не отдавать... — думал он: — Да у меня и нет никакой возможности. Кроме того, страшно глупо сунуть этой гнуси свои кровные деньги. Конечно никаких денег он не увидит. Да он и сам, по-моему, на это не надеется. Деньги-то шальные. И все-таки, как некрасиво получается! Разве спустить ему картину? А кто за нее даст три тысячи? Какой дурак? Это нужно сделать так: в стиле любезно-

сти. Так сказать, в обмен. Дело не в деньгах, а любезность за любезность... Я проиграл, ты получи картину. Только этот паршивый чорт несомненно сморщится, если я ему так предложу. Тут надо сделать хитрее... Надо, чтобы он умолял меня ее продать. Нет, и это нельзя. Ведь я же сказал, что картина не моя. Она принадлежит старухе... Какой старухе?.. Вот положение. Теперь изволь искать старуху, да еще не какую-нибудь, а подходящую старуху. Если поехать к Лялке да попросить ее допочтенную мамашу? Опасно путать старух в эти дела... Нет, тут, я думаю, следует поступить так. Нужно этих антикваров еще немножко повозить около картины, помучить, чтобы они вошли в раж, чтобы у них накопело доотказа и слюнки потекли... А потом сказать: пожалуйста, есть одна вещь! Как хотите, дело ваше, я тут не при чем... Я дам адрес... пусть они туда сегодня съездят. Лялька им скажет, что мамыши нет и неизвестно, когда вернется... Правда, Бержере может узнать Ляльку? И прекрасно! Пусть узнает... Это даже предпочтительнее. Ведь мог же я скрывать. А потом пройдет некоторое время, дело завертится, я тут что-нибудь придумаю... А если они действительно возьмут картинку, я могу сказать: картинка-то моя! Да. Так и сделаю... Комедия!

Он выскочил из постели. Полетел в ванную, обкатился холодной водой, выбрился, тщательно оделся и позвонил Бержере и Юсупу, чтобы они приехали сегодня к семи часам вечера по интересующему их делу на Раз'езжую, дом № 11, там он их встретит у ворот. Каждого он звал в отдельности, не общая о конкуренте, чтобы создать азарт.

За завтраком он весело рассказывал Ирине про Владимирский клуб, не упоминая об игре. Она огорчилась:

— А ты напрасно, по-моему, ездил.

— Почему?

— Надо все-таки разбираться в своих знакомствах. Не нравится мне этот Бержере.

— Ну, мало ли кто нам не нравится... До вечера!

Он поцеловал Ирину в нос и беззаботно удрал.

Все, что случилось дальше, напоминало сон. Днем Шамшин заехал к Ляльке, уговорился с нею. Лялька пошла на все с большой охотой.

Ровно в семь вечера к воротам дома подкатили два извозчика. На одном был Бержере, на другом Юсуп. Расплачиваясь, они еще не замечали друг друга. Столкнувшись у калитки, они отпрянули, но делать было нечего. Они поморщились и примирились с судьбой. Увидев Шамшина, стоявшего за воротами, Бержере церемонно приподнял котелок, а Юсуп ласково хлопнул Шамшина по плечу:

— Хитрец! Столкнул!

Шамшин повел их по лестнице.

— Сейчас вы подымитесь на второй этаж и спросите Агнию Николаевну Баринову.

Дали звонок. К дверям никто не подходил. «Сдрейфила!» — решил Шамшин.

— Попробую я, — сказал Юсуп, приподымаясь к звонку на цыпочках. Звонок задрезжал. Наконец Лялька отворила. Бержере, постукивая тростью, быстро осмотрел переднюю. Ляльки он не узнал. Она была не напудрена, в глухом черном платье. Шамшин не мог взглянуть ей в глаза. Он давился от смеха.

— Мы желали бы видеть Агнию Николаевну, — сказал Бержере.

— Ее нет... — бойко ответила Лялька.

— Позвольте, нам сказали...

— Она уехала! — перебила Лялька.

— Куда? — Бержере чуть не уронил трость.

Лялька выгнула спину и с озорством лисицы посмотрела на него.

— В Москву!

Шамшин не ожидал такого ответа. Бержере наморщил брови.

— Вы дочка?

— Да.

— Нам бы только посмотреть картины... Покажите их — и все в порядке.

Лялька растерялась:

— У меня нет картин...

— Как нет? — закричал Юсуп.

Лялька покраснела, поймав взгляд Шамшина, и храбро соврала, почти не задумываясь:

— Мама все картины увезла в Москву.

Антиквары переглянулись. Шамшин зачесал в затылке.

— Вы знаете адрес вашей мамы в Москве? — спросил Бержере.

— Нет.

Антиквары мрачно повернули к выходу. Лялька подмигнула Шамшину и показала ему язык.

Около ворот состоялось совещание.

— В Москву... — сказал Бержере. — Надо разыскать старуху. Собственно, куда ей деться в Москве? Ясно, она будет где-нибудь среди антикваров. Василий Игнатьевич, едемте в Москву. Расходы на мой счет!

Шамшин пробовал сопротивляться. Но Бержере был настойчив.

— Ехать! Иначе упустим. Ясно... Старуха повезла картины на продажу!

— Да! Надо ехать... — сказал Юсуп.

Шамшин испугался.

— Видите, у меня дела...

— Какие там дела? — энергически заявил Бержере.

— Я только вечером сумею вам дать ответ: поеду я или не поеду.

— Вечером? Ничего подобного! Вечер уже сейчас! — Бержере необыкновенно воодушевился. — Вечером мы будем уже сидеть в поезде и пить красное вино.

Он посмотрел на часы.

— Поезд отходит через два часа... Я еду на вокзал. Заказываю носильщику билеты для троих. Потом еду домой, забираю продукты и чемодан... и ужинаем мы в вагоне! Пошел... — сказал он, садясь в сани и дотронувшись до плеча извозчика, и уже с ходу крикнул: — Встреча в вестибюле!

Юсуп сел на своего извозчика. Шамшин остался на Раз'езжей.

— Что делать, чорт возьми!

Накаленная атмосфера заразила его. Он почувствовал, что иного выхода нет... Или все позорно проваливается, или надо как-то действовать? Он снова бросился на второй этаж, надавил зво-

нок изо всей силы. Лялька открыла. Он крикнул:

— Где мать?

— Спит...

— Буди! Некогда спать... Через два часа она едет в Москву.

— Да ты с ума сошел.

— Буди скорей.

На крик вышла в переднюю старуха, седая, напудренная, подстриженная, с подмазанными губами, в прекрасном суконном платье лилового цвета. На руке у нее брэнчала золотая браслетка, и на носу торчало маленькое пенсне без оправы, так называемая «бабочка».

— Я не поеду, — сказала она.

Шамшин понял, что старуха все знает, Лялька ей несомненно разболтала.

— Агния Николаевна, — сказал он решительно. — Нам уже некогда убеждать друг друга. Я сейчас еду на вокзал, заказываю вам билет у носильщика... Я еду в десять, вы в одиннадцать! В Москве я вас встречаю и устраиваю у своих знакомых. Все расходы на мой счет.

— Я не понимаю, Василий Игнатьевич, зачем мне ехать?

— Агния Николаевна, вы в Москве все поймете.

— Я не хочу тащиться в Москву неизвестно зачем.

— Как неизвестно? Я продаю картину... Это вам известно?

— Известно.

— Вы владелица этой картины, это вам известно?

— Ну, не совсем...

— Вы с продажи получите десять процентов.

— Василий Игнатьевич, — вдруг важно сказала старуха и высморкалась в маленький кружевной платок. — Простите меня, за кого вы меня принимаете?

— Как за кого? — Шамшин опешил и посмотрел на Ляльку, обращаясь к ней за помощью. Лялька повела плечами и улыбнулась.

— Я вас очень уважаю, Агния Николаевна, — сказал Шамшин, — но вы сами понимаете, все помимо моей воли так неожиданно обернулось, мои антиквары...

— Мне нет дела до ваших антикваров, — резко перебила старуха. — Я не могу Ляlecky оставить без глаза! Это, во-первых... А во-вторых: какой мне интерес?

— Я же вам сказал...

— Вы мне ничего не сказали. Что значат ваши проценты? Пятьдесят рублей, сто, триста... Я ведь ничего не знаю. Зачем я поеду? Я не девчонка, мотаться взад-вперед, неизвестно зачем.

— Да... — Шамшин вздохнул. — Я об этом не подумал.

— Вы странный человек, Василий Игнатьевич... Как будто не от мира сего! — настаивательно произнесла старуха и сняла дрожащее пенсне. — Не желаете ли чаю?

— Благодарю вас, некогда! Агния Николаевна, я умоляю вас...

Шамшин приложил руку к сердцу. Он уже вошел в игру, бес азарта им овладел. Он решил подействовать на воображение.

— Агния Николаевна! Это, конечно, риск. Рискните! Риск благородное дело. И вы, может быть, получите несколько тысяч.

Тут он понял, что порет какую-то невообразимую чушь. Растерявшись, он подмигнул старухе. Но пошлых людей сильнее всего убеждает пошлость. Вот почему старуха сперва удивилась, потом задумалась и наконец вопросительно взглянула на дочку.

— Ну, Ляlecka... Что ты посоветуешь?

— Право, не знаю, мамочка.

— Да чего не знать... — снова взрежался Шамшин. — Ну, потеряете дня три, только и всего... А вдруг?

— Рискнуть?

Старуха опять посмотрела на Ляlecky. Лялька, задрав ноги, раскачивалась на стуле.

— Обдерни юбку... Где у тебя юбка? Что за мода?

Лялька захохотала. Старуха рассердилась.

— Я не понимаю, Ляля, ведь Василию Игнатьевичу некогда. Он спешит... Надо же решать!

— Езжай, по-моему...

— А это не опасно, Василий Игнатьевич?

— Да что вы, Агния Николаевна... Чего тут может быть опасного? Люди-то свои... Я вас не в Америку везу. Согласились?

Он схватил ее за руку.

— Я сейчас еду домой, потом на вокзал, потом забрасываю вам картины... Говорю номер носильщика, вы забираете у него билет, и... в Москву, в Москву!

Он расцеловал и Ляльку, и заодно старуху. Старуха сразу же забежала по квартире, хватая вещи. Лялька закричала прислуге:

— Даша, вытащите с антресолей чемодан... Да оботрите!

Начался переполох.

Шамшин опрометью скакал вниз по лестнице. Думать уже было некогда...

Ирине была оставлена записка: «Иринушка! По экстренному делу выехал в Москву дня на три. Вася».

8

Старуха поселилась в одном из московских переулков, в каменном особнячке с помещичьим двориком, занесенным пухлым солнечным снегом. Среди снега стояли три роскошных замерзших березы. Все вокруг и в самом домике было очень приятно. Домик, отведенный под маленький музей начала девятнадцатого века, довольно хорошо сохранился. Заведующий музеем, старый художник-реставратор, был большим приятелем Шамшина по винной части. Старуху он приютил в жилой половине дома, которая не экспонировалась, среди красного дерева и ширмочек, около тяжелой круглой изразцовой печки. Старуха радовалась тихой жизни и готова была жить в этом особнячке до бесконечности. Утром она пила кофе, потом уходила обедать к московской приятельнице и там проводила вечер. Когда наступил решительный день, старухе стало страшно, а может быть, ей не хотелось расставаться с московской жизнью. Она категорически заявила Шамшину, что у нее сосет под ложечкой, что сегодня ночью ее томили скверные предчувствия и что она вообще не согласна на эту авантюру.

— Вы смеетесь надо мной, Агния Николаевна, — заявил испуганный Шам-

шин. — Отступить уже поздно. Через полчаса сюда приедут антиквары.

— Василий Игнатьевич, я вам говорю, что я сегодня не готова... — стояла на своем старуха. — Придут люди, а я не в состоянии связать мысли, не то что говорить...

Шамшин забежал по комнате... Выкурив две папиросы, он сказал старухе.

— Агния Николаевна, раздевайтесь.

Старуха удивленно посмотрела на него.

— Я вам говорю: немедленно раздевайтесь и ложитесь в постель.

— Зачем?

Она сняла пенсне.

— Вы больны. Вы умираете. Буду говорить я за вас. Ложитесь!

Старуха, подчиняясь приказу, молча пошла за ширму и стала раздеваться. Из-за ширмы он услышал ее веселый, даже интригующий голос: «Я легла, Василий Игнатьевич».

Шамшин раздвинул ширмы. Старуха лежала под одеялом, помолодевшая, томная, румяная, с улыбающимися глазами, почти невеста, ожидающая жениха.

— Что это такое? — строго сказал Шамшин. — Так не годится! Повяжите голову чем-нибудь черным. Сотрите губную помаду... Пойдите! Да у вас даже брови накрашены... Все стереть.. Все к чорту!

Старуха была недовольна, но ей пришлось подчиниться Шамшину. Когда раздался звонок, Шамшин побежал открывать двери.

— Старуха-то плоха... — сообщил он антикварам: — Боюсь, как бы тут не окачурилась.

Антиквары, покашливая, осторожно, на цыпочках, вошли в комнату. Расклялись со старухой. Она ответила им, мигнув ресницами. Когда они начали ее расспрашивать, она тупо ткнула в угол, где стоял пакет, зашитый в холщевый мешок. Юсуп вскрыл его. С недоумением антиквары разглядывали привезенные картины, пока не дошли до работы Шамшина.

Бержере покосился на старуху и шепнул:

— Эта?

Шамшин, взяв свою картину, повер-

тел ее, как фокусник, и швырнул на стол. Бержере с недоумением взглянул на нее.

— Ну как?

— По-моему, фальшивка! — холодно сказал Шамшин.

Бержере вздохнул. Ему тяжело было разочаровываться.

— Как быть?.. Подождите. Я с'езжу к Вострецову.

Он не поверил Шамшину. Он заметил в его глазах странный блеск.

Надев свой неизменный черный котелок, Бержере исчез.

9

Профессор Вострецов сидел на пуфике, неподалеку от старухи, и мечтательно оглядывал низкие комнаты сквозь запотевшие стекла очков. Снежинки таяли на его старинной шубе. Из-под бобрового воротника он вытащил седую, растрепанную бороду и расправил ее на две аккуратных бакенбарды.

Бержере подал ему картину. Вострецов взял ее небрежно.

— Агафон Николаевич, честное слово, делаю уступку только вам... Вы знаете, обыкновенно, когда мне приносит пакет и говорят, что там завернут Рембрандт или Рафаэль, я кричу: «Идите к чорту!»

— Это правильно, — неохотно процедил Бержере.

— А как же иначе? Ведь тащат чорт знает какую дребедень. И главное, все убеждены, что у них шедевр... Но я скептик! Я не доверяю неизвестным шедеврам... В особенности подписным!

Шамшин молчал.

— Это не подписная, — робко промолвил Бержере.

— Слава богу... А то, чем хуже вещь, тем лучше подпись.

Профессор хлопнул доскою по столу и рассмеялся.

— Ох, уж эти обманщики, фальсификаторы и шарлатаны! Чорт их побери, вот уже десятки лет проходят, шагнула техника, они же все фабрикуют по-старинке. Это непременно либо старая филенка, либо старое полотно, на котором делают копию или арлекинаду, то-есть

из самых разнообразных картин того же мастера берут куски и собирают вместе, меняют композицию, фигуры... Своей сухой живописи придают золотистый тон желтым голландским лаком, или обыкновенным, или лаком цвета сепии. Поддельвают грязь, пропитывают картину густым слоем лакричного сока, прогревают солнцем, ставят в духовую печь. Кракелюры намечаются иголкой. Хитрецы прикладывают к полотну металлическую пластинку и бьют по пластинке молотком. Лак звездится. Трансформация! Хромолитография! Кислоты! Всю эту машину времени я изучил до тонкости... Убожество! Думают о чем угодно... О линии, о форме, о пятне, о свете! Только не о том, что картина должна дать... Помнят о внешности, об эпидерме модели и забывают дух... Дух, дух!

Вострецов сдунул пыль с доски.

— И главное, всех тянет на Рембрандта! Здесь, между прочим, кроется какая-то несомненная тайна. Пожалуй, его можно скопировать, но дать Рембрандта очень трудно. Нужно самому быть гением, Рембрандтом! Гением, гением! — выкрикнул профессор.

Шамшину становилось не по себе. Чтобы спрятать дрожь, он сунул руки в карманы. Он жалел, что пошел на это дело. Ему хотелось как можно скорее убежать из комнаты и бросить все на произвол судьбы.

— И все-таки... — Профессор снова добродушно расхохотался: — Вы знаете, что сказал одному скептику знаменитый Анри Рошфор о Capitain en justan-corps de buffle, выставленном в Пти Пале... Он сказал: «Милый мой, ты сомневаешься в нем... Сомневайся! Ты прав! Я тоже сомневаюсь. Но если бы ты узнал, кто фальшив из выставленных здесь Рембрандтов, тебе не на что было бы смотреть!» Что делать? В мире циркулирует не менее трехсот фальшивых Рембрандтов. И если разоблачить некоторые из европейских и американских галлерей, мы недосчитаемся многого. Кто этого будет добиваться? Те триста погибших, которые были равны ему? Большинство из них умерло в таком же забвении, как он. Триста погибших ге-

чиев! Вот тема для трагедии. Разрыв между талантом и временем создал этих несчастных. Мне жалко их... Я их люблю.

Профессор вдруг мельком взглянул на Шамшина. Щеки Шамшина моментально покраснели, он отошел в сторону и готов был провалиться. Вострецов ехидно улыбнулся, снял очки и поднес картину к самому носу. Затем, сделав из ладони что-то вроде трубки, он стал внимательно разглядывать. Антиквары следили за его движениями.

— Откуда она? — вдруг спросил Вострецов, подымая голову.

Антиквары пожали плечами и кивнули на старуху. Вострецов подошел к ней, потянул носом воздух и моментально отскочил к окну. Здесь, оставив картину на расстоянии, он долго смотрел на нее, поспывая, колулнул ногтем краски, поскреб в бороде и осторожно положил доску на стул.

— Вот художник... Бог знает, что это за человек? Пользовался ли он известностью в свою эпоху? Документы говорят, что нет... Его портреты не очень нравились заказчикам. Он был чужим в своей среде. При официальных церемониях его забывали, при наградах обходили... А если где-нибудь случайно ему и находилось место, так обязательно позади прочих.

— Я очень извиняюсь... — Юсуп нервничал: — Вы уважаемый профессор, почтенный профессор. Что мы имеем?

Вострецов опять взял картину, перевернул ее, улыбнулся, постучал.

— Единственное, что меня в ней смущает, так это доска.

— Единственное, что есть в ней настоящего, профессор, так это доска! — горячо сказал Шамшин. Шамшину показалось, что профессор все видит и только издевается над ним. Тогда он решил открыто сгрубить ему. Профессор в ответ блеснул очками и ласково протянул руку Шамшину.

— Друг мой, древние говорили: «Мудрец сомневается только в истине»...

Потом, напялив на голову боярскую бобровую шапку с бархатным верхом, не прощаясь, профессор направился к выходу. Вслед ему бросились Бержере и

Юсуп. В темной передней Бержере схватил его за руки.

— Все-таки, это Рембрандт?

— Если да, то мы не знаем на него цены! Не знаем рынка. Если нет... Нет, очевидно, да!.. Чорт его знает, что это за мастер? — восторженно сказал Вострецов и загадочно заторопился. Сунул антикварам свою ладошку, заправил бороду под воротник шубы и уплыл, громко топя ботами.

Пока антиквары провожали Вострецова, Шамшин приказал старухе:

— Берите с них немедленно пятьдесят тысяч.

Она закатила глаза.

Вернувшись, Бержере долго ковырял в зубах спичкой. Юсуп мечтательно глядел в окно. Огни еще не зажгались.

— Ну... Ça у est... — шумно вздохнул Бержере и сказал Шамшину по-французски: — Я решил купить! Присоедините для виду еще каких-нибудь две картинки и спросите эту дохлую ведьму: сколько она возьмет за все?

— Дохлая ведьма возьмет за все пятьдесят тысяч, — бойко ответила старуха, тоже по-французски. Ее головка задорно зашевелилась на подушке. Бержере наклонился к старухе, почти вырвал из-под одеяла ее руку и поцеловал.

— Мадам... Я не мог знать... — зашептал он и отсчитал сорок тысяч.

— C'est mon dernier mot, больше я дать не в состоянии, madame.

От старухи они сразу уехали в Метрополь обедать и оттуда на вокзал. Бержере взял купе. В дороге он почувствовал себя еще лучше. Юсуп улегся спать, как человек, выполнивший свой долг. Шамшин забрался на верхнюю полку. Бержере попрежнему болтал.

— А хороша старуха! Все молчала и выпалила, точно пушка. Поскоблите русскую дворянку, и вы увидите боярыню.

— Да почему вы думаете, что она дворянка? — издевался над Бержере Шамшин. — А вдруг она вдова полицейского чиновника?

— Нет, мой дорогой. Не те манеры. Чиновницы любят унижаться, а эта, как отрезала! Не забудьте, у меня есть глаз на эти вещи... Я полуартист, полупридворный, полуаристократ!

— Вот именно, что полу... — захохотал Шамшин.

Скрипели оси, раскачивались занавески, хралел Юсуп.

10

Не всегда деньги бывают приятны. Шамшин старался спустить их, как можно скорее. Часть была отослана в Тамбов, старикам, часть отдана Ляльке, выплачен долг Бержере, куплена дача в Петергофе. На дачу приезжали гости. Кипел самовар и не сходили со стола закуски и вино. Ирина держала голову выше обыкновенного, и про нее говорили: ну вот, все-таки выслужилась в жены. По вечерам играли в покер. Он тоже играл и смеялся вместе со всеми... Однако даже мало знакомые люди замечали в этом смехе что-то маскарадное. Ирина пыталась узнать, он молчал. Вся окружающая жизнь подходила к пределу, после которого должно было начаться что-то новое... Но, как все это будет, Шамшин не видел. Первыми почувствовали частники. Антиквары, сообразив, что им теперь не жить, стали потихоньку свертываться. Бержере нелегально перебежал через границу. Шамшин узнал об этом совершенно неожиданно.

В Петергоф приехала Лялька. Она влетела в квартиру, точно кавалерийская бригада. За столом сидели гости. Ирина сжала губы, она сразу почувствовала опасность. Лялька села за стол, не смущаясь, попросила чашку чая и закурила папиросу. Она оглядывала Ирину и гостей, улыбаясь из-под фетровой шляпки, и весело спросила Шамшина: как он живет?

Он пожал плечами.

Лялька качалась на стуле, будто она сидела в седле.

— А я задумала смыться в Ташкент.

— Зачем?

Шамшин задал этот вопрос из необходимости, желая хоть чем-нибудь заткнуть образовавшуюся пустоту. Все молчали.

— Как зачем? Мы ведь живем совсем, не так, как надо жить... Как от нас требуют. Скоро все изменится...

Лялька захохотала и погладила себя по груди, по бедрам. Она вскочила. Простилась по комнате, щеголяя тонкими туфлями и серебристым платьем. Остановилась около начатых картин, потом, махнув рукой, перевернулась на каблучках и положила руки на плечи Шамшину.

— Я бегу! Наш клуб скоро прихлопнут. Чего мне ждать? Высылки. Я лучше уеду сама... В Ташкент! В отстающие районы.

Она засмеялась.

— Там солнце, виноград, восточные люди... Программы хватит на год. А дальше? Поживем, увидим... Да, кстати, Бержере смотался за границу... Разве ты не знала?

Лица у гостей вытянулись. Это не смутило ее.

— Неужели вы не знали? — сказала она необычайно звонко. — Этой осенью!

Шамшин покраснел. Кто-то из гостей заинтересовался: каким же образом сбегал Бержере?

— Ну, мне это неизвестно. Не я его переправляла! — опять засмеялась Лялька. — Мне говорили, что на яхте из Дубков... Прямо в Терриоки! Решительный мужик.

Крепко стиснув Шамшина за плечи, она ему шепнула.

— Юсуп сказал, что Бержере увез твою картину... туда!

И она сделала жест в воздухе, точно раскланиваясь с трапеции.

Лялька, заметив, что Шамшин терялся все больше и больше, наконец сжалась над ним. Она нагнулась к Ирине и сказала, нагло улыбувшись.

— Простите... Я могу поговорить с рашим...

Тут она нарочно сделала паузу.

— С вашим мужем. У меня к нему маленькое дело... Секретное! — прибавила она и погрозила пальцем.

Ирина молча кивнула головой и не подняла на нее глаз. Гости переглянулись. Шамшин, еще больше краснея, увел ее в соседнюю комнату.

Увидав большую французскую кровать, она прикусила губы, потом бросилась на шелковое одеяло, подрыгала ногами и захохотала от восторга.

— Какая мягкая.. Какая киска! Васья.. Я хочу быть твоей женой. Почему ты ни разу не зашел ко мне? Или уж так хороша твоя Ирина?

Не дав ему опомниться, она его поцеловала и, оглядываясь по сторонам, зашептала на ухо.

— У тебя есть немного денег? Капельку? Мне надо на отъезд... Если только есть?

Шамшин стал искать в шкафу деньги. Не считая, он сунул в сумку то, что попалося. Он понимал, что Лялька не шантажирует. Этот заем—для нее явление естественное, как снег зимой. Она не обиделась бы, если бы он отказал. Она прилетела сюда поклевать. Не найдя здесь ничего, она улетела бы, как птица, в другое место. Шамшин смотрел на этот маленький лоб, лишенный мысли, на разрисованное лицо, на котором широкие зеленые глаза казались странными, точно камни, заросшие тиной и выглядывающие из воды, на маленькое тело, небрежно прикрытое платьем, как будто по необходимости. Она прижалась к Шамшину и сказала ему бесстрастно, точно диктор:

— Спасибо...

Потом еще раз поцеловала его и посмотрела ему в глаза.

— Прощай! Тебя всегда будут любить бабы... А за что? Неизвестно. Впрочем, так именно и любят. Если будешь знаменитым, нарисуй меня. Пускай любят тебя! Хотя... Кому надо такое бабахло?

Тут она еще кое-что прибавила на своем кровосмесительном жаргоне, расхохоталась и удрала.

Шамшин вернулся, все гости уже ушли. Ирина одна сидела за столом, закрыв лицо руками. Шамшин бросился к ней.

— Что с тобой?

Он пробовал шутить.

— Ты точно проигралась?

— Да, я проигралась. Я-то ничего... Кто я? Никто. А вот ты...

Ирина развела руками.

— Не даром я боялась этого Бержере. Эта девка, свалившаяся с неба... Ты очевидно связан с ними каким-то темным делом?

— Я? Связан? — Шамшин поднял голову. — Ты с ума сошла.

Он рассказал ей все от начала до конца.

— Бержере сам влез во всю эту историю, он сам себя втянул. Есть о чем горевать...

Шамшин наигранно улыбнулся.

Ирина ходила по комнате, растирая лоб, ей мешали оскорбительные мысли, по щекам ее текли слезы.

— Ирина, — говорил Шамшин, — ну, чорт с ним, с этим буржуем... Что такое честность в конце концов? А он был честным? Они сами соблазнили меня. Они меня втянули в эту игру. Разве не так? Да не плачь... Да чорт с ними, с этими деньгами! Разве тебе так жалко денег Бержере? Может быть, следовало даже всерьез, по-настоящему обратить его... а не так, случайно...

— Случайно ли? — задумчиво сказала Ирина и взглянула в глаза Шамшину.

— Какой вздор! — Шамшин освирипел. — Ну, хорошо, значит, по-твоему, я смошенничал...

Он захохотал, но по его волнению видно было, что этот хохот стоит ему дорого.

— Допустим, я смошенничал. А кто от этого в убытке?

— Ты... — твердо сказала Ирина, — больше никого. Ты прежде всего советский художник... А не... Кто, как не ты, презирал всех этих людей, третировал... А чем ты от них отличаешься? Так чего же стоит твое благородство?

— Вот как? — крикнул Шамшин. — А почему Рубенс мог писать брегелевского «Старика» и эта копия ценится отнюдь не меньше, чем оригинал. Даже больше!

— Разве Рубенс выдавал ее за Брегеля? — холодно спросила Ирина.

Молчание. Шамшин лег на тахту и отвернулся лицом к стене. Ирина сидела у окна. Над Петергофом зимние коричневые тучи.

Не глядя на Шамшина, точно обращаясь к себе, вслух подумала Ирина:

— Теперь я понимаю, зачем тебе нужны эти постоянные гости и поккер, и рино...

Она, встала, обтерла лицо руками, будто умываясь.

— И такой человек мог мечтать о славе? Лучше бы ты убил меня, — сказала она, глубоко вздохнув. Затем она ушла в переднюю. Потом хлопнула дверь. Ирина уехала, не сказав ему ни слова.

Шамшин решил покончить с собой в этот вечер. Все случившееся казалось ему не случайным... А преступление, которое он понял во всей широте только сейчас, угнетало его своей бессмысленностью. Зачем он его сделал? Для славы... Чья же слава? Из-за Ирины? Нет. Для кутежей? Нет. Для денег? Нет... Так для чего же? Ни для чего. Тем хуже! Какая бессмыслица... При таком честолюбии попасть в такой тупик. Вспомнив слова Вострецова о погибших гениях, он сел за стол, чтобы написать письма Ирине и Апрельскому: о том, что истина всегда запаздывает, о том, как скучно повторять прошлое искусство и притворяться мертвым. Над чертежным столиком горела маленькая лампа, прикрытая зеленым колпачком. За домом прохрустел снег. Кто-то с улицы осторожно постучал в окно. Шамшин потушил лампу, решив не открывать. Он уже покончил со всем... Минут десять он просидел в темноте, не двигаясь. Когда он вновь повернул выключатель, опять раздался стук, на этот раз требовательный и настойчивый.

— Кто там? — спросил Шамшин, пойдя к дверям.

— Это я, Василий Игнатьевич, — радостно отозвался дворник с улицы. — К вам гость приехал, вас разыскивает... Шамшин открыл дверь.

Брук мрачно вошел в квартиру и, не снимая пальто, не здороваясь, спросил Шамшина.

— Можно мне пробыть у вас до утра?

— Здесь не гостиница, — резко ответил Шамшин.

— Неужели вы погоните меня?

Шамшин молча ушел в спальню, он не слышал Брука. Ему было все равно, кто бы там ни был, в соседней комнате. Прошло несколько часов. Брук хрипел за стенкой, кашлял, ворочался, как со-

бака, сторожившая Шамшина. Потом он крикнул:

— Вася!

Шамшин молчал.

— Не желаешь разговаривать? Не надо. Я хотел сообщить тебе новость о твоей картине.

Шамшин не откликнулся.

— Агафон увез ее в Берлин. Она была на экспертизе у доктора Бодэ, и он признал ее Рембрандтом тридцатых годов. Два мировых коллекционера-рембрандтиста спорили о ней... А купил какой-то третий дурак! Теперь она ушла в Америку за сто тысяч долларов! Какой ужас! А я с Агафона получил только пять тысяч комиссии... Зачем ты обманул меня?

Шамшин и на это ничего не ответил. Тогда Брук тихо засмеялся:

— Вася, да жив ли ты?.. Может быть, я говорю с покойником?

Шамшин, сжав кулаки, выскочил к Бруку и закричал.

— Врешь! Картина моя!

— Твоя? — Брук зло улыбнулся. — Интересно. Почему же она твоя? Я слышал уже это.

Брук махнул рукой.

— Если это даже так, надо доказать. А теперь поздно доказывать.

— Я докажу... — Шамшин впал в бешенство. — Только я знаю это место в картине... Если снять там слой краски, все увидят мою подпись: «Василий Шамшин. Ленинград». Я нарочно это сделал! Меня никто не может обвинить...

— Дурак! — Брук расхохотался. — Кому нужна твоя подпись! Кто выплюнет золото ради тебя?

— Кто выплюнет золото...

Шамшин, не помня себя, схватил со стола острый разрезальный нож и бросился на Брука. Зажав нож в руке, он вдруг остановился, закрыл глаза и швырнул его на пол.

Нельзя было понять: испугался Брук или нет. Но он встал. Вынул из кармана золотые часы, посмотрел время, щелкнул крышкой и покосился на окно. На синем замерзшем стекле уже проявились расплывшиеся черные лапы деревьев.

— Я уйду, — сказал Брук. — Только никому не советую говорить, что эту ночь я провел здесь. Вчера в городе арестовали нескольких антикваров...

Когда Шамшин открыл глаза, Брука не было, он исчез, как будто он никогда и не сидел в этой комнате. У стола валялся нож с разбитым клинком. Шамшин упал на тахту, совершенно обессиленный, словно он скатился в горную щель и все забыл. Мгновениями он просыпался и вспоминал все, и от тяжести этих воспоминаний опять провалился в забытие. Очнувшись он утром. Он услышал звон колокольчиков.

Он с ужасом подумал: неужели утро? Вдруг показался черный горнист, сбитый с седла, черная лошадь без всадника, а впереди нее четыре удирающих офицера. Брук с лошади махнул ему рукой... Потом Лялька скинула мундир, и Шамшин увидел себя. Он лежал, залитый кровью, на него смотрела лошадь. Тут опять все раздвоилось, и уже не он, а сенегалец вскочил с земли и крикнул: «Ты дурак!»

Он раскрыл глаза и рассмеялся. В квартире тишина. Он потушил электричество, растопил печку, вымылся с головы до ног, потом подошел к забытой картине и сдернул с нее полотно.

— Я повалю горниста... — решил он и начал работать.

Когда обеспокоенная Ирина привезла Апрельского, они увидели художника стоящим около картины. Он писал. Услышав людей, он обернулся и помахал кистью. В своем потрепанном комбинезоне, он с некоторой горечью разглядывал поле битвы, точно главнокомандующий.

— Кончаешь? — осторожно спросил Апрельский.

— Не знаю... Думаю... — ответил Шамшин и гордо прибавил: — Картины бывают разные. Одну можно писать месяц, а другую годы, и всё будет, что писать.

Горела печка. Высокий, выпрямившийся и спокойный художник, реставратор, ремесленник, пошляк, болтун, любовник, игрок, похититель Рембрандта, человек с самых низов, но чрезвычайно высокого полета человек, сложенный из противоречий, смотрел в огонь. Он думал: «Поменьше вечности, побольше жизни!.. Каждый должен жить настоящим. Не делая настоящего, не рождая его в себе второй раз, уже как художник, я мог убить себя...»

— Что ты бормочешь? — спросил Апрельский.

Шамшин улыбнулся:

— Я думаю о том, как будет сделан «Сенегалец»! Иринка, чаю...

Январь — февраль 1935.

Как выморочный, за грехи до дна —
и даже с Исаакия не видно
хоть лампой освещенного окна,
хотя б коптилкой,
хоть свечкой сальной,
хоть звездочкой рождественской,
сусальной.

И лишь по ненаписанным приказам,
почуя вдоволь прибыльные дни,
на лестницах,
по улицам,
по казам
расставлены грабеж и западни.

И редко, редко выглянет свинья
личина изумленная луны,
когда мелькнут, прохожего сминая,
через забор, как с неба, «прыгуны»¹⁾.
Из простыней смастряченных

нарядец —
и для бандита — масленица, рай,
и плавай в мутном море неурядиц,
и убивай, воруй и обирай.

Еще орел топорщится двухглавый,
и браунинги разговор ведут,
и по квартирам запертым с облавой
и с арестом, и с обыском идут.
Вот почему — квартиры на засовы,
и в облаке застывшем тишины
все люди, белоглазые, как совы,
запуганы и вооружены.

Зима.

Война.

Метельная погода.

Прыгун и ветер прыгнули во тьму..

Зимой восемнадцатого года
семнадцать лет герою моему.

Семнадцати —
еще совсем зеленым,
еще такого молоком корми, —
он в документах значился

Семеном

Добычиним,
из города Перми,
учащимся...

Учащимся..

Что ж в них?

И дабы не «учащимся» начать,
«Учащимся» — зачеркнуто,
«Художник» — начертано...

Поставлена печать.

А на печати явственное — Роста¹⁾.
Все по закону.
Правильно и просто.

Предание времен, не столь старинных,
дошло до нас преградам вопреки,
что клеили под утро на витринах
плакаты, красочные от руки.
Вернее, то была карикатура —
кармин и тушь,
и острое перо,
и подпись сочиненная, что

Шкура

фамилию меняет на Шкуро.

Или такая:

Гадину Краснова
сегодня били деятельно
снова.

Красноармеец шел, скрипя подсумком,
или в атаку конница пошла, —
под каждым обязательно рисунком
и подпись надлежащая была.

Все это вместе называлось — Роста.

Всезнающая,
насмешлива,
страшна...
казалось, это — женщина.

И роста,
пожалуй, поднебесного она.
Ей видно все — на юге, на востоке.
Ей понимать, незнамо кем, дано,
где у войны притоки и истоки,
где потушили,
где подожжено.

Она глядела золотым и бычьим,
блестящим глазом через все века,
и для нее писал Семен Добычин
Краснова,
Врангеля
и Колчака,
Красноармейца,
спекулянта злого,
тогс, другого, пятого, любого...

Он голодал.

Натянута на ребра,

¹⁾ Воровская шайка в Петрограде 1918 — 1919 гг.

¹⁾ Роста — Российское телеграфное агентство.

трещала кожа.
 Мучило, трясло.
 И все она, — сухая рыба, — вобла,
 все вобла — каждодневно, как на зло.
 Вот обещали — выдадут конины...
 Не может быть?..
 Когда?..
 Конины?..
 Где?..
 И растопить бы в комнате камин,
 разрезать мясо на сковороде...
 Оно трещало бы в жиру,
 и мякоть,
 поджаренная впору с чесноком,
 бы подана была...
 Хотелось плакать
 и песни петь на пиршестве таком.

Ему уха приснилась из налима,
 ватрушки, розоваты и мягки,
 несут баранину неумолимо
 ему на стол родные пермяки,
 на сладкое чего-то там из вишен,
 посудину густого молока
 и самовар.
 Но самовар излишен,
 ну, можно меду —
 капельку...
 слегка...
 Теперь заснуть — часов примерно
 на семь, —
 как незаметно время пробежит, —
 он падает под липу ли,
 под ясень,
 и сон во сне уютен и свежит.

Но все плывет —
 деревья, песня... — мимо,
 не надо спать,
 совсем не надо спать...

Вот кисточки,
 и блюдечко кармина —
 опять работа,
 оторопь опять...
 Кармин ли?..
 Не варенье ли?
 Добычин
 попробовал...
 Поганое — не в мочь...

Попрежнему помчался день обычен,
 а впрочем — день ли?

Может, вечер?
 Ночь?

У нас темнеет в Ленинграде рано,
 густая ночь — владычица зимой...
 Оконная надоедает рама,
 с пяти часов подернутая тьмой.
 Хозяйки ждут своих мужей усталых —
 они домой приходят до шести...
 И дворники сидят на пьедесталах,
 как самоеды рослые в шерсти.

Уже нахохлился пушистый чижик,
 под ним тюльпаны мощные цветут,
 и с улицы отъявленных мальчишек
 домой мамыши за уши ведут.
 А ночь идет.
 Она вползает в стены,
 она берет во тьму за домом дом,
 она владычествует...
 Скоро все мы
 за чижиком — нахохлимся, уснем.
 На дворнике поблескивает бляха,
 он захрапел в предутреннем дыму,
 и только где-то пьяница-гуляка
 не спит — поет, что весело ему.

Добычин встал.
 И тожкие омыл он
 под краном руки.
 Поглядел в окно.
 А ходики, тиктикая уныло,
 показывали за полночь давно.
 Знобило что-то.
 Ударяло в холод
 И в изморозь.
 И голод.
 И в тоску.
 И тонкий череп, будто бы надколот,
 разваливался,
 падал по куску.

Потом пошел
 тяжелым снегом талым —
 кидало в сторону, валило с ног,
 на лестнице Добычина шатало,
 но он свое бессилье превозмог.
 Он шел домой.
 Да нет, куда же шел он?
 Дома шагали рядом у плеча,
 и снег живой под валецком тяжелым
 похрустывал, как вощь,
 как саранча.
 Метелица гуляла, потаскуха,

по Невскому.
 Морозить началъ.
 И ни огня.
 Ни говора.
 Ни стука.
 Нигде.
 Ни человека.
 Ничего.

С немалыми причудами поэмка
 то завивает змейку и венки,
 то делает веселого бесенка,
 бесенок — прыг...
 рассыпался у ног.
 То дразнится невиданною рожей
 и осыпает острою порошей,
 беснуется, на выдумки хитра,
 повоевать до ясной, до хорошей,
 до радостной погоды,
 до утра.

По всей по глади Невского проспекта
 (Добычин увидал через пургу)
 хлыстов радеет яростная секта,
 и он в ее бушующем кругу.
 Она с распущенными волосами,
 она одна жива под небесами —
 метет платками, вышитыми алым,
 подскокит вверх
 и стелется опять,
 и под одним стоцветным одеялом
 его с собой укладывает спать.
 И боги темные — с икон старинных,
 кровавым намалеваны,
 грубы, —
 туда же, вниз.
 На снеговых перинах —
 эповалку с ними божию рабы.

Скорей домой,
 но улица туманна,
 морозами набитая битком...

Скорей домой —
 до грязного дивана,
 до чайника и воблы с кипятком...

Скорей домой,
 но перед ним со стоном,
 с ужимкою приплясывает снег...

Скорей домой, —
 и вдруг перед Семеном
 огромный возникает человек.

Он шел вперед, тяжелый над снегами.
 поскрипывая, грохоча, звеня
 шевровыми своими сапогами,
 начищенными сажей до огня.
 Он подвигался, фыркающая моча,
 шагал по бесенятам и венкам,
 и галифе, лиловые, как тучи,
 не отставая, плыли по бокам.
 Шло от него железное сиянье,
 туманности, мечта, ацетилен...
 И руки у него по-обезьяньи
 висели, доставая до колен.
 Он отряхнулся —
 все на нем звенело,
 он оступался, по снегу скользя, —
 и сквозь пургу ладонь его синела,
 но так синеть от холода нельзя.
 Не человек, не призрак и не леший,
 кавалерийской стянутый бекешей.
 Ремнями светлыми перевитая,
 производя сверканье и гром,
 была его бекеша золотая
 отделана мерлушки серебром.
 За ним, на пол-аршина отставая,
 не в лад гремела шашка боевая
 нарядной, золоченою ножной,
 и на ремнях, от черноты горящих,
 висел недвижимо маузера ящик,
 как будто безобидный и смешной.
 Он мог убить врага,
 или на милость
 махнуть рукой:
 иди, мол, уходи...
 Он шел с войны,
 война за ним дымилась
 и клочкотала бурей впереди.
 Она ему навеки повелела,
 чтобы в ладонь,
 прозрачна и чиста,
 на злой папахе, сломанной налево,
 алела пятипалая звезда.

Он надвигался прямо на Семена,
 который в стены спрятаться не мог, —
 вместилище оружия и звона,
 земли здоровье, сбитое в комки.
 Казалось, это бредовое, —
 словом,
 метель вокруг ходила колесом,
 а он откуда выходец?
 С лиловым,
 огромным, оплывающим лицом...
 Глаза глядели яростно и косо,
 в ночи огнями белыми горя,

широкого, приплюснутого носа
пошевелилась черная ноздря.

И дернулась, до десен обнажая
все зубы белочистые, губа,
отпеченная,
жирная,
большая,
мурашками покрыта и груба.
Он шел вперед —
на памятник похожий —
на севере,
в метели,
чернокожий...

Как тучу, пронесло перед Семеном.
и охватило жаром и зимой,
и оглушило грохотом и звоном,
и ослепило золотом и тьмой...
Метель шумела:
— Мы тебя уложим,
постель у нас мягка и хороша... —
А он глядел вослед за чернокожим,
в пургу,
не понимая, не дыша...
Хотел за ним,
а ноги, как чужие...
душило...
надавило на плечо,
и стыло,
стыло,
стыло в каждой жиле,
потом и хорошо, и горячо...

Текут моря,
и вот он — берег дальний,
где отдохнуть от горести не грех, —
мы ляжем под кокосовую пальмой,
я принесу кокосовый орех...
Усни, усни...
не правда, не пора ли —
забыть... уснуть...
Все хорошо вдали...

Виденья перепутались и ввали,
и понесло.
Добычина спасли —
его полуживого подобрали
и сразу же в больницу увезли.

Тяжелый год, — по-боевому грозный, —
он угрожал нам тучею — копной,
он подбирался, дикий и тифозный,
и зажигал багровый и сыпной.

Курносая была, пожалуй, рада,
насытилась на несколько веков, —
от Киева почти до Петрограда
поленницы лежали мертвяков.
Был человек — уснул.
Глядишь — не дышит...
И ни за что — костей охапка, хлам
Температура за сорок
и выше,
и разрывало сердце пополам.

Загалены больницы доотказа,
страна больная — под-чистую, сплошь,
по ней ползет кровавая зараза,
тифозная, распаренная вошь.
На битву с нею —
люди на дозорах,
земля лежит, могилою — дырой —
замучена.
Температура сорок.
И за сорок.
И пахнет камфорой.

Добычина четвертая палата
совсем забита, —
коек пятьдесят.
Тесемочки кофейного халата
не шелохнутся —
мертвые висят.
Запахло сукровицей.
Воздух спертый.
И, накаляя простынь добела,
опять огонь гуляет по четвертой
(четвертая предсмертная была).
Такой жары,
такого горя — вдоволь...
За что меня?
Ужели не простят?
Несет, качает в темноте бредовой,
и огненные обручи свистят —
про горький дым,
спящий нас навеки,
про черную, могильную беду,
про то, что мало жизни в человеке..

И чудится Добычину в бреду —

Текут пески куда-то золотые,
кипящие,
огнями залитые,
ни темноты,
ни ветра,
ни воды,
ни свежести, хоть еле уловимой,

и только в небо красное лавиной
ползет песок, смывая все следы.
Застынь, песок...
остановись...
не мучай
жарой, переходящею в туман...

Вот по песку,
по Африке дремучей,
цепочкой растянулся караван.
Курчавы негры.

Сожа вся лиловая,
на неграх стопудовые тюки, —
они идут, не говоря ни слова,
гемны,
широкоплечи,
высоки.

Их согни три,
а может, меньше — двести...
Не важно, сколько...
Главное — все вместе
осильщики,
как лошади, они...
Куда идут?
На негров не похожи, —
обуты в сапоги шевровой кожи,
одеты в бекеши и ремни.
Марки кавалерийские рубахи,
клокочет сердца пламенный кусок
тесны ремни,
и тяжелы папахи,
и шпоры задевают за песок.
Песок мерцает, шпорами изрытый,
и негры тонут в море золотом...
Широкополой шляпою покрытый,
погонщик белый гонит их кнутом.
Все завертелось в дикой карусели,
а негры вырастают из песка —
на них тюки, как облака, осели,
на них папахи, словно облака,
ремни скрипучи,
сапоги скрипучи,
по-львиному оскалены клыки,
и галифе лиловые, как тучи,
и лица голубые велики,
и, падая
и снова вырастая,
хрипят, а дышат пылью золотой, —
их всех несет жары сгрюя густая,
по Африке, огнями залитой.
Песок течет, дымясь и высыхая,
тюками душит,
солнце лепелит,

и закружилась Африка глухая —
ни жить, ни петь,
ни плакать не велит.
За что такая страшная расплата?

Добычин бредит неграми, жарой...
Открыл глаза —
четвертая палата,
сиделка дремлет,
пахнет камфорой.

На столике стакан воды отварной..
Немного воздуха,
глоток питья, —
и снова бестолочь
и дым угарный,
и, может, полминуты забытья.
И снова в мире грохота и воя
живет каким-то ужасом одним
опять одно и то же, бредовое,
огромное,
и гонится за ним.
Он падает — Добычин, —
уползая
в кустарники колючие...
Рывком
за ним летит пятнистая борзая
и по земле волочит языком,
и нюхает.
Брыластая,
сухая,
с тяжелым шлокотанием дыша.
глазами то горя,
то потухая,
найдет его звериная душа.
Нашла его.
Задохотала хрипло,
залаяла собачья голова...
Язык висит,
а на язык прилипла
какая-то поганая трава.
Глядит в глаза.
Несет невыносимой,
зловонной,
тошнотворной беленой.
Вонючее, как трупное.
И псиной.
Нельзя дышать.
И брызгает слюной.
Ужели жизни близко увяданье?
Погибель непонятна и глупа,
и на собачье, злобное рыданье
бежит осатанелая толпа.
Уже алеет небо голубое,

все жарче солнечное колесо,
 и вяжут белокурые ковбои
 Добычина волосяным лассо.
 Его волочат по корням еловым
 и бьют прикладами наперебой,
 он — не Добычин,
 он — с лицом лиловым,
 с отпяченной и жирною губой.
 Он — африканец, раб и чернокожий,
 он — бедный трус,
 а белые смелы...
 Он, кожей на белых не похожий,
 и только зубы у него белы.
 И волосы тяжелые курчавы,
 на кулаки его пошел свинец,
 под небом Африки его начало,
 и здесь, в Америке, его конец.
 Покрыто тело
 страха острым зудом,
 прощай, земля...
 Его зовут: «Идем!»
 Ведут судить,
 и судят самосудом,
 и судят Линча старого судом.
 За то, что черен —
 по причине этой...
 И он идет —
 в глазах его круги,
 в бекешу золотистую одетый,
 в шевровые обутый сапоги.
 Нога болит —
 Портянкой, видно, стерта,
 немного жмут нагрудные ремни,
 застегнута на горле гимнастерка, —
 ему велят:
 «Скорее расстегни...»
 Петля готова,
 Сук дубовый тоже
 наверно тело выдержит, —
 хорош.
 И вешают.
 И по лиловой коже
 еще бежит веселой зыбью дрожь.
 В последний раз
 сквозь листья вырезные,
 дубовые,
 сквозь облака сквозные
 в небесную глядит голубизну,
 где нет людей —
 ни черных
 и ни белых,
 где ничего не знают о пределах,
 где солнце опускается ко сну.
 Но петля душит...

Воздуха и света!
 Оставьте жить...
 И нет земли у ног,
 И каплют слезы маленькие с веток,
 кругом темно,
 и хрустнул позвонок...
 За что такая страшная расплата?

Добычин бредит неграми, жарой..
 Открыл глаза —
 четвертая палата,
 сиделка дремлет,
 пахнет камфарой.

Недели две Добычина носила,
 кружила бесноватая, звеня,
 сыпного тифа
 пламенная сила
 по берегам бездумья и огня.
 Недели две боролась молодая
 Добычина старательная плоть
 с погильею,
 тоскуя, увядая,
 и все-таки хотела побороть.
 Недели две — две вечности летели
 огромные,
 пылающие,
 две...
 Все Африка,
 все негры,
 все метели
 в больной его кружились головс
 И этот бред
 единый образ выжег,
 соединил, как цельное, в одно,
 все, что Добычин
 вычитал из книжек,
 из «Дяди Тома хижины», давно.
 И только негры,
 будто для парада,
 прошли перед Добычиным они,
 обутые в шевровые —
 что надо...
 одетые в бекешу и ремни.
 В кавалерийских, шерстяных рубахах,
 все было настоящее добро —
 оружие
 и звезды на папахах,
 кавказское на саблях серебро.
 И всем понятиям противореча,
 прошли они тяжелою стеной, —
 повидимому, та ночная встреча
 была тому единственной виной
 (когда в тифу,

в дыму,
 в буране резком,
 он шел домой
 и чувствовал: горю...
 и встретил негра
 (верить ли?)
 на Невском,
 одетого, как выше говорю).
 Знать, потому
 и не было покоя
 Добычину — и за полночь,
 и в ночь —
 хотя по правде
 зрелище такое,
 пожалуй, и здоровому не в мочь.
 На самом деле —
 ночью,
 в Петрограде,
 в метелицу
 (запомнится навек),
 в бряцающем,
 воинственном наряде,
 громадный
 чернокожий человек.
 Его уносит снежною рекою —
 бойца и негра —
 в северную ночь...
 Скажу наверно —
 зрелище такое,
 пожалуй, и здоровому не в мочь.
 (У нас, в России, —
 волки,
 снег
 и Волга,
 дожди растят мохнатую траву,
 леса...)
 Добычин
 сомневался долго,
 что он такое видел наяву.
 До самой выписки из лазарета,
 станковая,
 цветиста,
 тяжела,
 молниеносная картина эта
 в его воображении жила.
 Чем ближе дело шло к выздоровленью,
 надоедали доктора, кровать.
 По твердому душевному веленью
 он знал, что — буду это рисовать,
 что скоро... скоро...
 через две недели,
 я нарисую эту,
 хоть одну,
 про негра, уходящего в метели,

в Россию сумрачную,
 на войну.

Он вышел из больницы.
 Стало таять.
 Есть теплота в небесной синеве.
 Уже весна,
 как раньше, золотая,
 и полыньи все шире на Неве.
 Все зимнее и злое забывая,
 весна, весна, —
 как весело с тобой!
 и хлопает,
 и брызжет мостовая, —
 и все же хорошо на мостовой.
 Опять гадаю о поездке дальней,
 до берегов озер или морей,
 о девушке моей сентиментальной,
 о самой лучшей участи моей.
 Веду свою весеннюю беседу
 и забываю, льдинками звеня,
 что из-за лени к морю не поеду,
 что разлюбила девушка меня.

Окраина,
 Московская застава, —
 бревенчатые, низкие дома,
 тиха и молчалива, и устала,
 а почему, не ведаешь сама.
 Березы машут хилыми руками.
 Ты счастья не видала отродясь,
 кисейной занавеской и замками,
 стеной ото всего отгородясь.
 Вся в горестных и сумеречных пятнах,
 тебе бы только спрятаться скорей
 от непослушных,
 злых
 и непонятных,
 веселых сыновей и дочерей.
 Без боли,
 без раздумий,
 без сомненья,
 не плача,
 не жалея,
 не любя.
 без позволенья
 и благословенья,
 они навек уходят от тебя.
 У них любовь и ненависть другая,
 а ты скорби,
 и скорби не таи,
 и, лампой керосиновой моргая,
 заплачут окна серые твои.

Здесь каждый дом к несчастиям
привычен,
знать, потому печален и суров,
и неприветлив...

И когда Добычин
пришел сюда в один из вечеров,
на лестнице все так же, —
сохнет веник,
видна забота,
маленький покой,
опять скрипят четырнадцать
ступенек,

качаются перила под рукой.
Он постучал.
— Елена дома?
— Дома.
Крюки и цепи лязгнули, спеша.
— Елена, здравствуй!
— В кои веки... Сема...
где пропадал, пропащая душа?
Пел самовар хвалебную покою,
что тот покой — начало всех начал,
и кот ходил мохнатою дугою,
и коготками по полу стучал.
Мурлыкая, он лазил на колени,
свивался в серебристое кольцо...
Опять Елена...

(Впрочем о Елене.
Она в рассказе — новое лицо.)

Шестнадцать лет.
Но плечи налитые,
тяжелые.
Глаза, как небеса,
А волосы до звона золотые,
огромные, —
до пояса коса.
Нездешняя, какая-то лесная,
оборки распушились по плечам,
и непонятная.
Почем я знаю,
какие сны ей снятся по ночам?
Какие песни вечером тревожат?
О чем вчера скучала у окна?
Да и сама она сказать не может,
какая настоящая она.

Вы все такие —
в кофточках из ситца,
любимые, —
другими вам не быть,

вам надо десять раз перебеситься
и переплакать,
и перелюбить.
И позабыть.
И, снова вспоминая,
подумаешь,
осмотришься кругом:
и все не так —
и ты теперь иная,
поешь другое,
плачешь о другом.
Все по-другому в этом синем мире,
на сенокосе,
в городе,
в лесу...

А я запомню года на четыре
волос твоих пушистую лису.
Запомню все, что не было и было...
Румяна ли? Румяна и бела.
Любила ли? Пожалуй, не любила,
и все-таки любимая была.

Шестнадцать лет.
Из Петрограда родом.
Смешные, стоптанные каблуки.
Служила в исполкоме счетоводом
и выдавала служащим пайки.
Стрельба машинки.
Льется кровь, — чернила, —
зеленая,
жирна и холодна...
Своих родных она похоронила,
жила, скучала, плакала одна.
Но молодости ясные законы
(она всегда потребует свое) —
и вот они с Добычиным знакомы,
он провожает до дому ее,
он говорит:
— Я нарисую воздух,
грозу, —
в зеленых молниях орла, —
и над грозью,
над орлом,
на звездах,
чтобы моя любимая была.
Я нарисую так, чтоб слышно было —
девятый вал прогрохотал у скал,
чтобы меня любимая любила,
чтобы знамена ветер полоскал.
Орел разрушит молний паутину,
и волны хлещут понизу, грубы...
И скажут люди, посмотрев картину,
что то — изображение борьбы,
что образ мой велик и символичен, —

Не плачь, моя...
Все чепуха пустая...

Добычин встал.
Добычин говорит.
Мурлычет кошка, когти выпуская.
Елена плачет.
Самовар горит.

Страна летела, дикая, лесная, —
бой,
передвижение,
привал,
тринадцатая армия,
восьмая...
И только где Добычин не бывал?
Выспрашивал, мечту оберегая.
Война была совсем не весела,
и конница Шкуро и Улага
еще во-всю хоругвями цвела.
Еще горели села и местечки
всем своим накопленным добром,
но все-таки погоны на уздечке,
уздушку украшали серебром
и говорили конники:
— Деникин,
валяй, мотай,
не наводи тоску,
из головы, собака-сука, выкинь
Россию, православную Москву...
А мы тебя закончим на амине,
на страшном, гад, покаешься суде...

И только негра не было в помине,
как говорили конники, нигде.
— Китайцы здесь конечно воевали,
офицеров закапывали в грязь...

И только раз,
однажды на привале,
с конноармейцами разговорясь...

Конноармеец, маленький и юркий,
веселой рожею румян и бел,
за полчаса стоянки и закурки
рассказывал,
захлебываясь,
дел...

Он говорил на стороны, на об-
шаманя,
декламируя слегка,
о смерти,
о победе
и о злоте,
о командире своего полка.

— За командира нашего милóго
я расскажу, товарищи, два слова.
Я был при нем,
когда его убили,
и беляков я видел торжество.
Ему приятно, земляки, в могиле,
что не забыли все-таки его,
что поминаем добрыми словами
и отомстить клянемся подлецам,
казачьими качаем головами,
а слезы протекают по усам.
Он был черен,
с опухшими губами...
он с Африки — далекой стороны,
но, как и мы,
донские и с Кубани,
стремился до свободы и войны.
Не за награды
и не за медали,
за то, чтоб африканским буржуям,
капиталистам африканским, дали,
как и у нас, в России, по шеям.
Он с нами шел —
на белом,
на буланом,
погиб за нас
от огнестрельных ран...
Его крестили в Африке Виланом,
что правильно по-русскому — Иван.
Ушла его усмешка костяная,
перешапнул житейскую между...
Теперь, бойцы,
тоскуя и стеная,
я за его гибель расскажу.
Когда пришло его распоряженье,
что надо для разбития оков,
для, то-есть, полного уничтоженья,
пошли мы лавою на беляков.
Ну, думаю, Россия,
кровью вымой,
что на твоей нагадили груди...
И командир
на самой,
на любимой,
на белой,
на кобыле
вперед.
Ну, как сейчас,
его я вижу бурку —
летит вперед,
оружием звеня...
(Отсыпьте-ка махорки на закурку,
волнения замучили меня.)
У беляков же

мнения иные —
 не за свободу.
 В золоте погон.
 Лежат у пулеметов номерные,
 готовые.
 Командуют: «Огонь!»
 И дали жару.
 Двадцать два «максима»
 пошли косить
 жарче и сильнее,
 что, сами знаете, невыносимо, —
 скорее заворачивай коней.
 Мы все назад...
 За нами белых сила...
 Где командир?
 А он на беляков
 один пошел...
 — Да здравствует Россия
 и полное разбитие оков!
 Какой красивый...
 мать его любила...
 К полковнику
 в карьер,
 наискосок...
 сам черный — образина,
 а кобыла —
 вся белая, что сахарный песок.
 Как резанул полковника гурдою¹⁾
 вся поалела рыжая трава,
 качнул полковник
 головой седую,
 налево сам,
 направо голова.
 Но и ему осталось жить недолго —
 пробита грудь,
 отрубана рука...
 Ой, поминай, Россия,
 мама-Волга,
 ты командира нашего полка.
 Москва и Тула,
 Киев и Саратов,
 пожалуйста, запомните навек,
 что он конечно
 родом из арапов,
 но абсолютно русский человек.
 Он воевал за нас,
 не за медали,
 а мы, когда ударила беда,
 геройскую кончину наблюдали,
 и многие сгорели со стыда.
 Не вытерпев подобного примера
 коней поворотили боевых —

до самой смерти,
 не сходя с карьера, —
 уж лучше в мертвых,
 нежели в живых!
 Так вот, дела какие были,
 брат мой, —
 под городом Воронежем,
 в дыму,
 мы командира
 привезли обратно,
 и почести мы сделали ему.
 Когда-нибудь и я —
 веселый, шальный —
 прилягу на могильную кровать...
 Но думаю,
 что в Африке, пожалуй,
 мне за него придется воевать.
 И я уверен —
 поздно или рано —
 арапы скажут:
 «Он погиб от ран...» —
 и похоронят белого Вилана,
 который был по-русскому — Иван.

Он замолчал.
 Прошел по бездорожью
 веселый ветер,
 свистнул вдалеке..
 От ветра, что ли,
 прохватило дрожью,
 забегали мурашки по руке.
 И стало все Добычину понятно.
 смятением подуло и бедой,
 зашевелились темные, как пятна,
 румянцы под пушистой бородой.
 Над ним береза сирая простерла
 четыре замечательных крыла,
 тоска схватила горькая за горло, —
 все кончено:
 картина умерла.
 Она ушла под гробовую кровлю
 написанная золотом и кровью,
 знаменами,
 железом и огнем,
 казачьей песней яроу, любую
 победой,
 пулеметною стрельбою
 и к бою перекованным конем.

Все снова закурили.
 Помолчали.
 Подумали.
 Костер лежал у ног.
 Один сказал:

¹⁾ Шашка особой закалки.

— Веселые печали,
 оно бывает всякое, сынок.
 Мы человека —
 это же обидя! —
 должны всегда рассматривать с лица:
 другая сука ангельского вида...
 А как похоронили мертвеца?
 — Его похоронили на рассвете,
 мы все за ним
 поэскадронно шли,
 на орудийном повезли лафете,
 знамена преклонили до земли.
 Его коню завидовали кони,
 поджарые, степные жеребцы,
 когда коня
 в малиновой попоне
 за гробом проводили под уздцы.
 На нем была кавказская рубаха,
 он, как живой,
 наряженный лежал,
 на крышке гроба черная лапаха,
 лихая сабля,
 золотой кинжал.
 И возложили ордена на груди,
 пылающие радостным огнем,
 салютовали трижды из орудий
 и тосковали тягостно о нем.
 Ему спокойно, земляки, в могиле,
 поет вода подземная, звеня...
 Хотелось бы, чтоб так похоронили
 когда-нибудь товарищи меня.

Он замолчал.
 И вот — завывли трубы,
 и кони зашарахались в пыли.
 — Сидай на конь!
 — Сидай на конь, голубы! —
 запели эскадронные вдали.
 Бойцы сказали:
 — Порубаем гада!..
 Знамена, рдея, пышные висят.
 И вся кавалерийская бригада

ушла до места боя на рысях.
 Они пошли тропинками лесными,
 просторами потоптанных полей,
 и навсегда ушел Добычнин с ними,
 и ты его, товарищ, не жалей.

Пожалуй, все.
 И вместо эпилога
 мне остается рассказать немного
 (последние мгновения лови).
 Дай на прощанье
 дружеские руки,
 поговорим о горе,
 о разлуке,
 о Пушкине, о славе, о любви.
 Пришел к Елене.
 И, меня встречая,
 мурлычет кот,
 свивается кольцом.
 Шипит стакан дымящегося чая
 Поет Елена, теплая лицом.
 Нам хорошо.
 Любви большая сила,
 веселая,
 клокочет и поет...
 — А я письмо сегодня получила...
 Елена мне письмо передает,
 И я читаю.
 Сумрак бьется черный
 в мои глаза...
 — Родная, не зови...
 Пишу тебе со станции Касторной
 о гибели, о славе, о любви.
 Нет места ни печали,
 ни бессилью,
 ни горести...
 Как умер он в бою
 за сумрачную,
 за свою Россию,
 так я умру за Африку мою.

1934—1935 г.

Похождения факира

Роман

ВС. ИВАНОВ

Часть третья

ФАКИР ВХОДИТ В ЦИРК

(Продолжение ¹)

10

Круглая будка высотой в три моих роста припухлыми афишами повествовала о красотах и талантах екатеринбургских подмостков. Где мне обойти эту мачту, на которой как бы укреплены паруса, несущие этот деревянный город в необыкновенное! Я миновал много заборов с афишами, но круглая будка с ее обольстительным запахом клейстера остановила меня.

Цирк А. Коромыслова разноцветно сообщает о французской борьбе. Возле— громадный лист с галошей «Треугольника», хотя небо уже много дней сухое и высокое. Рекомендуется также посетить ресторан с террасами, увитыми розами, с открытой сценой, под удивительным названием «Золотой рог». Крайне пораженный, я прочел, что там выступает Антуанетта Сирбо и пани Марина Владычек, исполняющая «каскадные песни».

Видно, цирку Коромыслова приходится плохо. Иначе зачем бы уйти прелестной канатоходке Сирбо и скрыться круглыми плечам пани Марины?

— Кони твои, Петр!

Но тщетно я искал фрак и цилиндр Петра Захарова и разноцветные уши Нубии. Или праздничная толпа оттащила их от меня, или его так неудержимо

влекло к цирковым коням, что он не заметил, как я остановился возле будки.

Он не мог покинуть меня сам. Всю дорогу он веселился тому, что идет со мной. Он вспоминал Павлодар, поселок Лебяжье, черный выгон, самовар, раздуваемый сапогом, «XX век», существующий только благодаря Лебяжьему. С памятью, ему только свойственной, он смеялся над узкой коробкой черепа Степана Ломова, над толстыми ногами Стародубского-Тулуп, пушистыми бровями мадам Татариновой и пушистыми, хотя и глупыми, ее пуделями. Он восхищался упругой мускулатурой балаганщиков, утверждая, что она возникла в результате долгих испытаний и что точно такая же мускулатура уже начала появляться у нас! Голос его звучал истинной. Дорога узка для него, и он часто сворачивает в сторону, гонится за молодыми птицами или прыгает в реку. Ему нехватает губ для рассказов, ему мало тридцати верст, которые мы проходим в день!

Я перечел афиши. Возле синей галоши я долго изучал сообщение чайной фабрики «Торгового дома Кузнецов и К^о», чтобы вновь упереться в ресторан «Золотой рог». На кухне, что под наблюдением французского повара С. Сосна, изготавливается кушанье, которое ест пани Марина, А. Сирбо, Фиофелакт Челпанов, знаменитый мастер

¹) См. «Нов. мир», кн. кн. 1 и 2 с. г.

русских плясок, Евдокия Воронцова с множеством цыганских романсов, жонглер Матильда Эзоп, г-жа Фридрих, обладающая даром удивительно свистеть, и г-жа Ольга Философова с ее мимическими сценами в окружении прекрасных девушек...

Я долго размышлял о достоинствах и недостатках французской кухни и русской дружбы.

Мне бы зайти в парикмахерскую, но тому мешали мои ботинки, которых, в сущности, не было, так же, как и денег. О парикмахерской я думал исключительно из вежливости перед опрятными афишами и французской кухней, а направился я на толкучку. Я ждал Петра Захарова возле будки ровно столько времени, сколько ему нужно для того, чтобы купить не только лошадей, но и цирк. Так как он лошадей не купил, то ясно, что он придет на толкучку обедать.

Ожидая встречи, я предлагал спокойным екатеринбургским торговцам свои шпаги. Торговцы осматривали их издали, пренебрежительно, ни один даже не пожелал взять удивительные шпаги в руки. Обжорный ряд вызвал во мне жажду. Кстати, я вспомнил, что Петр Захаров увез наш общий хлеб. Надо полагать, он вспомнит о своем голодном товарище! Расхаживая между рядами, я мысленно осматривал все пространство дороги возле афишной будки, но Петр Захаров не оставил там хлеба. Тщетно ждал я: он не принес его и на толкучку. Не пообедав, он умчался обратно к «XX веку»!

Припухлый господин, больше всех напоминавший мне омского торговца, у которого я некогда купил две шпаги с маркой «Гамбург», как будто был добродетельным:

— Дайте мне какие-нибудь ботинки, а я оставлю вам, господин Клименов, в залог свои шпаги.

Полагаю, голос мой показался ему опасным. Он торговался недолго. Он выдал мне желтые дамские туфли на высоком и стоптанном каблуке, присовокупив нравоучение о вреде краж. Туфли едва влазили на ногу. Торговец сказал, что теснота — лишний повод к тому,

чтобы я вернул быстрее деньги. Покупателей так мало, безработица так велика, что он согласен считать дурацкие шпаги за какую-то надежду. У него чрезвычайно плотная кожа на пальцах, которая, видимо, не очень склонна выпускать собственность. Я торопливо покинул его лавочку.

Ресторан «Золотой рог» упирался в сосны, которые бежали от него на высокий холм, оставляя за собой песчаные дорожки. По этим песчаным дорожкам мимо веерообразных ковровых клумб, мимо клумб, похожих на мотылька, или на кучу, в центре которой стоит высокая сивая агава, я подошел к веранде, столь великолепно воспетой в афише. И точно, ее обвивали розы: желтые, белые, ярко-кармузиновые, опять белые и телесно-розовые. Для них очень годилось сухое солнце, но никак не годился я.

Я отошел к другому крылу ресторана. Весь ресторан сверху донизу окрашен в голубое лаковое сияние. В узких окнах, сверкая белизною фартуков, ходят широкоплечие татары-лакеи.

Щурясь и громко сморкаясь, я размышлял о том, что если в ресторане повар француз, то директором непременно должен быть американец. Не Вальтер ли Бретт случайно?

— Мадам Владычек потеряла портмоне, — сказал я проходившему мимо меня лакею, брови которого показались мне чересчур строгими.

Я смотрел бесстрастно. Лакею не хотелось унизиться передо мной, и хотя ему было трудно, но он тоже соорудил бесстрастное лицо и сказал в достаточной степени важно:

— Обожди, солдат, на ступенечке.

Слово «солдат», видимо, казалось ему страшно унижающим человека. Я спросил его:

— А ты не за японскую кампанию медаль получил?

— За японскую, — ответил он скромно, и бесстрастие покинуло его: — Какие же это были генералы! Обезобразили только наш мундир, и японцы гнали нас, как почталыонов.

— Зови, зови мадам, — сказал я ему строго, — у меня у самого отец был на сопках Манчжурии.

Сев на ступенечку, я почувствовал усталость и длинную дорогу от Лебяжьего до Екатеринбургa, которую словно я прошел в один день. Мне хотелось пить. Ничего не стоило попросить у лакея стакан воды, но я не мог встать, потому что я утерял булавку, и носки у меня теперь соскальзывали, обнажая пестрое тиковое белье. Белые костюмы лакеев заставляли меня думать об опрятности! К тому же брюки мои чересчур коротки, и мне, пожалуй, выгоднее разговаривать с мадам Владычек сидя. Но едва среди дустых столиков, хотя и украшенных множеством цветов и хрустальных судков, я увидел круглые плечи пани Марины, ее бархатные очи, как почувствовал, что не разговаривать мне с нею сидя. К тому же я пришел к ней, чтобы спросить: не порекомендует ли она меня в типографию!

Я одернул фрак. Стараясь выпрямить ноги, потому что правильным линиям мешали стоптанные каблуки, я хотел было напомнить ей о Павлодаре. Она, как бы стараясь затушить воспоминания, легонько дунула перед собой, склонила бархатную голову и спросила глубоким голосом:

— Вы за письмом?

Даже если она принимает меня за другого, то и это отличный повод для разговора о типографии, — подумал я.

— За письмом, пани Марина.

— Сейчас я его вам вынесу, пан Всеволод.

Кто мог писать мне? А главное, кто знал, что я приду именно к ней? Пани Марина не так важна, как прежде. Несчастья, должно быть, усмирили ее, и она стала понимать, что Польшу не так-то легко освободить. Раньше она уже давным-давно принесла бы мне письмо и давным-давно ушла б от меня, а сейчас она не прочь поболтать, и ей, должно быть, даже льстило, что я о ней отличного мнения, раз на ее имя приходят письма.

Опираясь нежными своими руками на белый переплет лестницы, по которому ниспадали красные розы, она сказала мне:

— К сожалению, пан Всеволод, у меня нет ни одного знакомого типографика,

чтобы рекомендовать вас. Даже муж мой не пишет мне. С грустью я признаю, что в Шадринске помогла уничтожить господину Филиппинскому ваше счастье, которое заключалось в двух немецких шпагах.

Я посмотрел на желтые носки своих туфель и сказал:

— Оно уничтожено и без вас, пани Марина.

Однако ей нравилось думать, что она уничтожила мое счастье. Даже и спустившись с пышного манежа цирка, обитого бархатом, до крошечного полукруга гулкой ресторанной сцены, ей все же хотелось быть величественной. «Ах, где много кушаний, так мало славы» — изредка восклицала она, обсуждая все несчастья, случившиеся со мной. Ей было жаль меня, и жалость эта была для меня обидна, так как она все-таки не говорила со мной, как с равным.

После одного из восклицаний, касательно горестей возле множества кушаний, я сказал ей:

— Вам бы поработать в «XX веке», пани Марина.

Положив афишу на колено с таким расчетом, чтобы она закрывала концом своим мои упавшие носки, и тыча пальцем в то место, где стояла моя фамилия, куплетиста и разоблачителя тайн Бен-Али-бея, я говорил ей глубоким тоном истины, которая охватила меня:

— Мы понимаем теперь, пани Марина, что такое служба. Нам обоим тяжело, но ни вам, ни мне нельзя рекомендовать возвращение в Павлодар, хотя мы там оставили весьма многое. Клянусь капитаном Лянгасовым, уральским изобилием, всеми замечательными людьми, которые посетили Лебяжье, клянусь и обещаю, что вы и я не вернетесь в Павлодар до полного моего освобождения, так же, как и до вашего освобождения, которое несомненно будет одновременным освобождением Польши. Не нужно думать о кушаньях, а нужно думать о славе, а также и об истине! Какой припев для куплета: «Истина, ты нага, но, к сожалению, непривлекательна».

Я услышал рядом с собой грубый хохот.

— Это наш хозяин, — сказала пани Марина, — он смеется так же сильно, как и танцует. Вот бы вам так танцовать, пан Всеволод.

Хозяин «Золотого рога», Фиофелакт Челпанов, одет во все серое и легкое, в руках у него тоже серое и легкое платье. Подвигая мою афишу к серой его шляпе, пани Марина сказала, что наиболее важным в человеке она считает заботу о предприятин, в котором тот работает:

— Нельзя ли его испытать, пан Фиофелакт?

Важность опять звучала в ее голосе. Эта важность доказывала, что полукруг шантана никому не унизителен.

Фиофелакт Челпанов был немногословен:

— Пой, — сказал он мне.

Я не хотел обижать пани Марину, повторяя, что я пришел ради павлодарских воспоминаний. Я не имел желанья поступать в шантан, и я пропел, возможно грубо и плохо, единственное, что я мог петь: «Ах вы, сени, мои сени». Но, по правде сказать, все остальное я совсем не умел петь.

Челпанов рассмеялся еще грубей:

— Смешно! Глупо и деревянно, но смешно. Дам шестьдесят рублей. Петь будешь в этом фраке? И в туфлях? Ты мне опоешь все мои стильные комнаты, кроме екатеринбургской злобы дня. Кроме того, будешь петь биографии моих артистов.

— С биографиями семьдесят пять, — сказал я.

— Ну, пускай семьдесят пять. Тащи паспорт в контору. Подпишем контракт. Авансов не даю.

— Без аванса не поступаю.

Меня возмущал его расчетливый и грубый голос, его сильная и злая походка и бескровное грубое лицо. Я говорил так же коротко и грубо:

— Аванс!

— Сколько?

— Пятнадцать.

— Копеек.

— Нет, рубликов.

— Ну ладно, чорт с тобой.

Наверху лестницы он остановился:

— Савицкий! Имей в виду, костюм твой для сцены, а не возле роз.

— Ладно, уйду.

Я направился в беседку подле песчаного холма. Я ожидал. Фиофелакт Челпанов еще раз говорил обо мне с пани Мариной, заготовляя контракт.

Лысый садовник, с длинной рыжей бородой, поливал коровяком розы. Я вспомнил сельскохозяйственное свое учение и сказал:

— При засухе предварительно необходимо полить землю водою, иначе воду из удобрения будет всасывать земля, и само удобрение станет слишком концентрированным, благодаря чему обожет корни.

— Вот еще один дурак навязался, — сказал садовник, не поднимая бороды.

Пани Марина вместе с приглашением Челпанова принесла письмо моего отца. Я держал письмо растерянно. Мое появление здесь мог только предвидеть Петр Захаров! Неужели он предвидел и мое поступление в шантан? Не для этого ли ударили меня по уху? Не придут ли сюда мои приятели, и не хотят ли они затащить скотоводов с их тысячами!

— После контракта вы присутствуете на репетиции, пан Всеволод.

— Благодарю вас, пани Марина. Я уже соскучился по репетициям. Полагаю, что вы не репетируете здесь голода?

Она не поняла мою шутку:

— Нас кормят превосходно, пан Всеволод.

Длинное голубое зало называлось «орлиным», потому что на потолке нарисованы парящие короткокрылые орлы. Здесь же стояла сцена. Остальные три зала назывались «гостинными». Стены и потолок темножелтого изображали египетскую жизнь, а на потолке умирала Клеопатра. Эту гостиную мы называли почему-то «Переснастка». Вообще названия зал были мало понятны: «Рубрика», черное с красным, сплошь замалеванное рыцарскими сценами, и «Снежник», зеленое с фиолетовым, рассказывавшее об Италии. Репетировали всегда в «Рубрике».

В круглой красной комнате, неподалеку от рояля, полулежали на широком диване отлично откормленные и вымытые женщины в ярких платьях с высоко

взбитыми волосами. Изредка они лениво вставали. Тапер подвигал круглый табурет. Женщина, положив на рояль розовую, украшенную искусственными бриллиантами руку, выпятив грудь, притопывая ножкой, пела о том, что и как можно купить за небольшие деньги.

Через комнату протягивали проволоку. Иногда Антуанетта Сирбо внезапно вскакивала, взбиралась по бронзовой лестнице к металлическому стулу, от ножек которого шла проволока, и долго сидела там, ударя носком в проволоку. Проволока гудела, и тапер старался подбавить к ней тон. Мне казалось, что актрисы не упражняются в работе, а допевают песни, которые не успели спеть вчера.

В противоположном от нас углу несколько купцов и какой-то необыкновенно бледный офицер, в зеленом кителе, с полужакрытыми глазами, занимали кресла. Купцы говорили между собой вполголоса. Вдруг офицер выпрямился, открыл глаза и поднял кверху обе руки:

— Донашивать! — крикнул он.

Официант подскочил к нему с вином. Туго завитой тапер ударил плясовую. Толстая танцовка Анастасия Климишина, прозывавшаяся «Вятские Поляны», любовница офицера, пустилась вокруг рояля. Она должна, танцуя, проскочить в щель между роялем и стеной так же быстро, как она скачет на свободе. Купцы вынули часы, следя за временем.

Антуанетта Сирбо в яркозеленом платье и желтом трико помахивала сверху батистовым платочком. Пани Марина подошла к роялю той важной походкой, о которой она наверно думала, что это и есть подлинно присущая ей походка. Я не чувствовал в себе важности, которая необходима была для репетиции.

Словно понимая меня, Фиофелакт Челпанов, проходя через комнату, спросил:

— К завтраму залы воспоешь?

— Попробую.

— Ты присматривайся к ним. Расписал, как во дворцах, а ни одной песни еще нету! Восемьсот шестьдесят рублей заплатил за роспись.

— Восемь рублей стоит, пожалуй.

— Ты не оценивай, а ты песни пиши. Роза вон, она пятак стоит, а сколько про нее песен написано.

До двадцати лет Фиофелакт Челпанов служил кучером у екатеринбургского купца. В армии он был гусаром. Он отличился плясками и, вернувшись на родину, поступил в трактир «народным танцором». В трактире он быстро разбогател; говорят, он удачно проводил пьяного купца домой, так что купец всю остальную жизнь не пришел в память и не мог вспомнить, куда же девался тугой его бумажник. Фиофелакт открыл трактир на соседней улице, возле базара. Через несколько лет он приобрел шесть больших домов, два мыловаренных заведения и давал крупные деньги в рост. Из деревни, услышав о его богатстве, приехала его семья. Он питал ее водой и хлебом, скупая у нищих «куски». Семья, шесть человек, живет в двух комнатках под крышей, куда ведет лестница, называемая нами «врозницу». Там же у Челпанова кабинет и контора. Он сам покупает провизию для ресторана. Он спокойный, холодный и презирует «своих «дам», которые признают любовь. Пани Марина чрезвычайно уважает его и старается доказать, что у нее нет любовника, не считая конечно тех, которые платят ей за песни.

— Он очень понимает дело, — сказала она, когда Челпанов ушел.

— Понимает, а дал мне семьдесят пять рублей. Я в балагане получал больше.

— Прошу вас, не упоминайте слово балаган, пан Всеволод. Это унижает и вас, и нас. Затем, неужели вам мало семидесяти пяти рублей в месяц с обедом и завтраком, где дают по две бутылки пива?

— Но все-таки...

Я сделал серьезное лицо и умолк, потому что г-жа Сирбо вскочила на проволоку. Я уважал серьезную работу и не мог не удивиться, что семьдесят пять рублей мне будут платить за месяц, а не за весь сезон, как я подумал.

Официант вновь пригласил меня в контору.

Комнатка тесна, так что, когда Челпанов разводит руками, он касается паль-

дами обеих стен. В углах пыль и паутина: Челпанов не убирает сам, а прислугу из опасения, что поймут тайны его преуспеяния, не пускает. Три окна позволяют видеть ему сад, веранду и кухню. Если он высунется и наклонится, то через нижнее окно он видит «орлиное» зало.

— Надо добавочный пункт.

— Дайте-ка мне, Фиофелахт Иваныч, контракт, перечту.

С недоумением смотрел я в графу, где значился оклад. Действительно, Челпанов обязывался платить мне семьдесят пять рублей в месяц! Даже дядя мой Македонов получал у купца Лыкошина только шестьдесят рублей.

Челпанов говорил строго:

— Рассказывать будешь, что получаешь двести. Кроме того, сейчас вписываем добавочный пункт: лицо красивое. На сцене. После конца пения в зало не выходить.

— А зачем мне выходить в публику?

Он дотронулся до моего носа:

— Нос тебя в публику не пускает. Издали она, на сцене, приклейного носа от настоящего не разберет, а если артист садится с нею рядом, она любит его ладить. У меня танцуют и поют только красавцы. Ты посмотри на меня, какой я выхожу в поддевке! Надо, чтобы публика утром, вспоминаячи свое пьяное безобразие, не стыдилась. И зачем ей стыдиться, если оно происходило в красоте! Ну, согрешил, не устоял перед красотой.

— А как же одежда?

— Одежда может быть как угодно смешна, но лицо — чтобы красивое. Из-за чего цыган не перебили и позволяют им коней красть? Лицом пугают. Красотой! Понял, что такое «Золотой рог»?

Я пощупал свой нос и беспрекословно позволил ему вписать добавочный пункт. Меня наняли на три месяца. Я получил двести двадцать пять рублей, бесплатные обеды, ужины, комнату. Дрожащими руками я взял копию договора.

Пани Марина внимательно прочитала договор. Она заботилась о предприятии, но в то же время ей хотелось позаботиться и обо мне.

— Как вы могли согласиться, пан Всеволод, не выходить в публику?

— Зачем мне выходить? Вина я не пью.

Удивленно спросила пани Марина:

— Зачем же вам тогда поступать в шантан? Главные доходы артистов—это десять процентов со всего, что выпьют гости. С пива вы немного получите.

Она шутила над моим пивом, которое за обедом и завтраком оставалось непопеченым.

— И пива я не пью, пани Марина.

— И не курите, пан Всеволод? — спросила она, улыбаясь.

— Вам бы можно помнить, пани Марина, что и не курю.

Она вздохнула:

— Ах, с того времени жизнь так изменилась, пан Всеволод, что многие стали курить и пить.

Она вынула из ридикюля тонкий золотой портсигар:

— Хотя вы молоды, — сказала она, раскуривая коричневую папироску, — но вы достигли большой сдержанности.

— У меня в роду все такне...

И я добавил медленно:

— куплетисты.

11

Артисты жили в двух крыльях, соединявшихся стеклянными галлерейками с «орлиным» залом ресторана. Правый флигель занимали женщины, левый — мужчины. Флигеля назывались «виталями». Когда я спросил, откуда и почему попало сюда это церковно-славянское слово, мне объяснили, что некий игумен Липат и монахиня Апния украли большую казну и приехали в шантан кутить. Они закатали такую «камчугу», что за два вечера потеряли 250 тысяч. Происходило это событие в Самаре, и уже оттуда пошло по всей России слово «виталя». В левом флигеле жили музыканты, несколько престарелых мамаш и «осетры». Тогда еще мало знали словосутенер.

Комнаты в левом флигеле оказались занятыми. Хотели было сунуть меня в кладовую, но пол в ней прогнил. Когда Челпанов попробовал похвастаться, что-

доски выдержат, и слегка присел, он провалился до пояса.

— Чего тебе с мужчинами жить, — сказал он тогда. — Еще научат «осетрину» кушать. Поселяйся с дамами, там возле ванной есть свободная...

— В одной комнате?

— Не в одной комнате, а ты будешь в одной комнате.

— Боюсь, Фиофелакт Иванов, дам смущать.

— Нашу даму смущают люди с доходом не менее трех тысяч в месяц, а краснеет она только перед миллионером. Ты не беспокойся, болезнью твоей ты их не напугаешь, но целомудрие благодаря тому соблюдешь.

— Какие мои болезни?

— Ну, такие, при которых, известно, водки не пьют. Не ангина же.

— Господин Челпанов! Я лишен болезней.

— Почему же, господин Иванов, ты не пьешь бесплатного пива?

Тут я вспомнил странную усмешку пани Марины и взгляды моих соседей за столиком. Я объяснил эти взгляды тем, что, когда официант взял от меня опорожненную глубокую тарелку, я, вспомнив диккенсовского мальчика из приюта, повторил его слова:

— Сэр, нельзя ли еще тарелочку?

Лакей ответил мне:

— I'll serve you in a moment, sir!

Оказалось, что лакеи говорили на трех языках. Это были инженеры, из-за безработицы поступившие в ресторан. Челпанов считал, что лакеи, говорящие на трех языках, привлекают посетителей. Когда я узнал об этих трех языках, я уже не хотел больше супа.

Получив аванс, я поверил в свой предстоящий заработок, в эти великолепные 225 рублей! Поверив, я растерялся. Вместо того, чтобы купить обыкновенные ботинки, я купил лаковые. Затем я приобрел желтую шелковую рубашку, пышный зеленый галстук, но тут выяснилось, что на брюки у меня не хватает. Добавив полтора рубля, остаток моих денег, я обменял свои короткие брюки на очень длинные у того самого старьевщика, которому заложил свои шпаги. Шпаги помешали мне выбрать

брюки впору. Я стеснялся старьевщика.

Когда я вошел в свою розовую комнату и увидел мягкую кровать, электрическую лампочку, тоже покрытую розовым абажуром, высокий умывальник с розовым мраморным столом, я одобрил лаковые свои ботинки. В зеркало над умывальником я увидел розы в саду. Я умылся, протер очки и надел свои ботинки.

Если брюки можно было завернуть и подшить, то с ботинками я ничего не мог поделывать, как ни распускал шнуровку. В магазине они мне жали чуть-чуть. Робея, — опять-таки из-за коротких брюк и довольно ветхих носков, — я не осмелился попросить приказчика сменить. Теперь, не стесняясь уже торговца и забыв магазинные приличия, ботинки, словно капкан, охватили мою ногу. Я прошел только через мою комнату до порога, попробовал встать на каблук, но не только каблук, иные положения моей ноги никак не освобождали меня от капкана.

Багровый, со слезами на глазах, вытянутый, прошел я через террасу, увитую розами. Через песчаную дорожку, будто посыпанную битым стеклом и мелкими гвоздями, я добрался до зеленой железной скамейки.

Я снял свой фрак, укоротил брюки.

Я распустил галстук.

Ботинки попрежнему давили и давили.

Тогда я, сняв их, поставил перед собой, а за ними свои ноги. Колена, вплоть до ботинок, я прикрыл фракком, а сверху положил серую свою тетрадь.

Пани Марина качалась на террасе в плетенке:

— Вам жарко, пан Всеволод?

— Не столько жарко, сколько привычка, пани Марина. Я пишу стихи всегда в рубашке, но мои ступни и голени требуют тепла.

— Вы пишете стихи? Я полагаю, вы их снимаете из печатных сборников.

— Я не такой идиот, как вы думаете обо мне, пани Марина.

— Зачем же? Мне жаль обезобразивать ваши иллюзии, пан Всеволод, однако они уменьшают траекторию вашего

полета и делают взор ваш несколько тупым.

— Я мог бы обойтись совсем без траектории, только бы мне попасть в цель, пани Марина.

Но и пустые ботинки и тщательно прочтенная газета «Урал» не помогали мне, а только увеличивали траекторию. Тщетно мерил я ладонью четырехугольники будущих куплетов. Тщетно стояли передо мною вычитанные события: член управы Алашеев потребовал у дежурной фельдшерской ученицы земской школы, чтобы будущие фельдшера, увидав его, вставали из-за стола и раскланивались с ним; екатеринбургские дамы решили заняться благотворительностью и уничтожением дурных пороков, а для этого отказались употреблять белила, румяна, корсеты; городская дума, дабы уничтожить барышников, запретила им скупать сельские продукты раньше двух часов дня, и наконец — разве не смешно придумано? — екатеринбургские аптекари ходатайствуют перед управой о следующих мероприятиях: проходящие мимо аптеки люди платят за это удовольствие 25 коп., рядом живущие по 50 р. в месяц, а кто появится в аптеке с капиталом менее чем 25 руб., передается суду, как виновный в оскорблении действием, все же остальные граждане обязаны болеть в год 11 месяцев.

Измучившись, я сказал Челпанову:

— Роспись внутри меня шевелится, как червь! Дайте мне, Фиофелакт Иваныч, опомниться и забыть ошеломление. Роспись серьезная, а куплеты мои смешные.

— Почему же посетитель не смеется на них?

— Посетитель ваш пьян.

Он уважал пьяных людей. Уважал он и себя за то, что многих мог сделать пьяными. Поэтому он сказал мне менее сурово:

— Ну, пиши, пиши. Ты вставай пораньше. На рассвете мысли приходят самые расчетливые.

— У меня столько перед глазами расцветов, что я мог бы рассчитать свою жизнь на множество лет вперед, Фиофелакт Иваныч.

Действительно, я просыпался рано. Я лежал долго, закрыв глаза и стараясь думать о смешных куплетах, столь необходимых мне. С визгом хлопала дверь, и стройные шаги слышались в коридоре. Это проснулась Ольга Философова. Я сразу вспоминал ее низкий лоб, удлиненные миндалины глаз, между коротким носом и круглым, как яблоко, подбородком постоянно улыбающиеся губы, длинную, прямую шею и высокую походку. Кожа у ней слегка желтоватая, и красное платье похоже на контур. Утром я верил рассказам о ней, что знаменитый художник Александр Дорофеев, увидав дикую ее красоту, решил писать ее. Но, чем дольше он приглядывался к ней, тем красота ее казалась ему недоступней! Он предпочел умереть, оставив картину неоконченной. Красота головы и шеи оказалась такой, что ни один его ученик и последователь не решились закончить картину.

Я лежал, прислушиваясь к шагам. Мимо моей двери дамы проходили в ванную, а затем на террасу завтракать. Они идут, размахивая тяжелыми полотенцами. Едва лишь раздавались их шаги, как дверь моя приоткрывалась сама собой. Цветущие лица их еще влажны, а мочки ушей совсем розовые. Сон и холодная вода создали на лице их нежную грусть, но вряд ли это чувство вызывает в ком-либо опасения. Грусть их не вечна, и отчаянность их не долга!

Голоса умолкали. Дамы уходили в сад или уезжали в город, чтобы вернуться к двум часам, когда начинались наши «репетиции». Мне тоже хотелось спуститься в сад, но тесные ботинки держали меня на террасе. Я сидел за столиком, положив тетрадь перед собой, разглядывая готовый припев: «Истина, ты нага, но не привлекательна!» Припев отличный, но все-таки куплетов нет. Я размышлял также о смехе. Что могло расшевелить уральцев?

Неужели уж так серьезен мой гумозный нос? Я вынимал его из кармана и рассматривал. Он робко и мягко лежал на моей ладони. Я вспоминал, как приходилось придавать красивый изгиб дугам бровей, чтобы они без всякого промежутка от самого основания непосред-

ственно продолжали боковые линии гумозного носа. Видимо, эта прямая спинка носа являлась весьма существенным условием для серьезного отношения к моим куплетам, так же, как и для получения красивого профиля. Спинка носа находилась на одной плоскости со лбом, не отделяясь от него углублением. Эта спинка способствовала несомненно грустным стихам, но никак не веселым куплетам! Вспоминая эту спинку, изредка, утром, откормленные полуголые женщины, смеясь, заглядывали в щель моей комнаты.

— Почему у вас такое грустное лицо, господин Савицкий?

— Не могу подобрать припева.

— А вы пойте, берите его на голос!

— Как я его возьму на голос, когда мой голос не годится для пения?

— Женитесь. Женитьба очищает голос, — смеясь, говорили они, и опять в щель я видел розовую штукатурку коридорной стены.

Пел я отвратительно. Неизменный мотив «Ах вы, сени, мои сени» надоел и дамам, и завитому донельзя пианисту. К тому же мотив постоянно убегал от меня.

— Пойте без музыки, чорт вас дерит, — кричал пианист. — Я буду играть в промежутке между куплетами, а вы в эти промежутки приплясывайте.

— Я, господин Башмаков, не умею приплясывать.

Пианист ложился щекой на клавиши и сквозь зубы говорил:

— Для каких дураков меня заставляют играть? Я консерваторию окончил! Поднимите ногу, стучите ею, ощущайте музыку.

Пока я поднимал ногу с медлительностью, свойственной разве Филиппинскому, ко мне подсакивало следующее четверостишье, и пианист поднимал руку, что значило — пора открывать рот. Я ловительно опускал ногу, но рот не раскрывался.

От плохого ли пения, оттого ли, что я не пил водки, или оттого, что постоянно смотрел в тетрадь, дамы быстро привыкли ко мне. Доверчивость их пугала меня. Добро еще, пока они вели беседы об уральском золоте:

— Золота давно нет, остались одни золотопромышленники, — начинала пани Марина.

Мне казалось, что она больше всех имеет оснований говорить так грустно. Иногда на рассвете, пока ресторан спал, я гулял по саду босиком. Однажды я встретил ее у входа. Она шла необычной для нее грузной походкой, — пожалуй, слегка пьяная. Поднимаясь по ступенькам террасы, она гордо посмотрела на меня. Я увидел, что плечи ее горят длинными багровыми полосами. Несколько дней она ходила, набросив на грудь и плечи темную кашемировую шаль.

— Это очень унылый летний сад, пан Всеволод. И в городе очень унылый разврат, — сказала она, поймав мой взор.

— Надеюсь, вы не рекомендуете мне это изречение, как припев, пани Марина?

— Траектория вашего полета, пан Всеволод, уже приближается к глупости.

О золоте и богатствах обычно мечтала Матилда Эзоп, жонглер и танцовка. У ней удивительные золотистые волосы, длинные, вьющиеся. Иногда мне казалось, что она способна бы удерживать на них весь мир, тогда как Платонида Ломова держит только свою сестру. Зеленые глаза ее необыкновенно веселы, и она улыбается даже во сне. Весь город завидует ее белым волосам — и любая одежда украшает ее. Городские дамы приходят вечером гулять в сад, и все знают, что они пришли смотреть, какое платье у жонглера М. Эзоп. Ровно в 10 часов вечера она облачается в парижское свое платье и величественно идет по дорожкам сада. Все расступаются! Тишина, только слышно, как каблучки ее вдавливаются в песок, который еще не успел отпустить солнечного тепла. «Какие еще богатства нужны ей?» — думаю я, глядя на ее золотисто-белые локоны, и меня удивляет, что она новое платье надевает с боязнью. Она любит старье, и деньги увлекают ее только потому, что помогают ей сохранить старину. Она часто говорит о семье:

— Мне бы, господа, семью любить, она больше, чем кто-либо, сохраняет старинку, а тут произойди такое, что машина моя была гувернанткой и вслед-

ствии лютого случая родила меня вне брака. Это неожиданное появление так испугало меня, что я возненавидела новшества при самом моменте моего рождения. «Собственность!» — воскликнула я. Собственность удаляет от вас множество новшеств.

Ольга Философова смеется над расчетливостью и религиозностью жонглерши. Мне нравится ольгин смех, он длинный, прямой и прекрасный, как ее шея:

— Любая собственность обременительна, Матильда! Даже любовь. Лучше всего жить нам, дамы, без собственности. Жизнь хитра, она хочет собственностью заставить нас отвернуться от полной чаши, потому что эта полная чаша достается немногим.

Женский нос, видимо, весьма отличается от мужского, — размышляю я. — Вот не помешал же короткий нос успехам Ольги Философовой. Едва она появляется в своем розовом камзоле с голыми ногами, очень сильными и длинными, окруженная девушками, которых изображаемый ею маркиз должен соблазнить, как сладострастие мгновенно сходит души зала. Официанты бегут с бутылками. Купцы завидуют каждому, кто идет к ней. Мне смешна их зависть, но все-таки я ухожу в репетиционный зал, прыгаю, хватаюсь за проволоку и долго раскачиваюсь на ней. Когда я отпускаю проволоку, она низко жужжит. В это время Ольга Философова смеется со сцены и так крепко и звонко целует девушек, что в зале раздаются возгласы:

— Ух, он какой, этот самый маркиз.

Ей нравится сидеть на террасе, окруженной дамами, стучать ноготком в краешек тонкой розовой чашки, на дне которой лежат ломтики лимона. Прислушиваясь к тонкому звону чашечки, она старается говорить так, чтобы не заглушать этот звон:

— У меня все размышления, дамы, около такой полной чаши, которую все мы называем настоящей и необыкновенной жизнью и от которой все мы отворачиваемся. Благодаря этим размышлениям меня еще в гимназии прозвали Философовой, тогда как настоящая моя

фамилия Герц, и мой папаша тоже был Герц, хотя и Иван Карлович, надворный советник, имевший полукаменный двухэтажный дом и службы.

Я слушал ее, и мне казалось, что она действительно знает, где находится эта «полная чаша». Едва она появляется где-нибудь, как сразу же вокруг нее качаются блестящие шелка, тонкие и красивые меха обнимают ее шею, золотые украшения ниспадают с ее рук, драгоценные камни колышатся возле ее ушей, и кружева, похоже на ее ресницы, заполняют даже ее сны. Ее постоянно осаждают любовники. Она отбивается от них букетами. Мало того — целыми снопами цветов! Она возила своих «маркизовых» девушек на Балканскую войну и говорила, что поездка эта уменьшила сражение на 25 тысяч орудийных выстрелов и на три полевые батареи, не считая людских потерь. Все свои балканские «заработки» она прокутила в Петербурге за четыре дня. На Урал она приехала не ради золотопромышленников, а ради волчьей и утиной охоты. Действительно, я видел в комнате ее два футляра с легкими ружьями, и в понедельник она непременно уезжала на горные озера. Она скакала по дорогам на вороном коне в голубом костюме, и лохматые уральские мужики шарахались от нее. Постоянно вокруг нее веселые собеседники, она хочет строить дома и церкви, ей нравится, когда ее обнимают красивые люди, платья ее издают блеск, она любит сукна с длинным ворсом и предпочитает голубой атлас. Денег она получает много, но их у ней никогда нет. Близорукий двоюродный брат ее, Харитон Сырчин, мужчина с такой вытянутой шеей, что иногда кажется, не придерживай он ее руками, так голова сралится на спину, считается управителем ее дел. Когда приходят портнихи со счетом, Философова говорит небрежно: «Деньги достанет управитель». И Сырчин будто бы достает.

«Маркиза» постоянно сопровождает Анна Фридрих, знаменитый свистун, про которую екатеринбургские купцы говорят: «Хорош ты соловей, купить бы мне тебя, но мамаша у нас религиозная. Из-за надсмехательства над природой

отравит тебя, госпожа Фридрих». Госпожа Фридрих, толстенькая, низенькая, очень уважает Ольгу Философову. Одно только смущает ее: Ольга имеет несомерно великие ноги. Однако госпожа Фридрих говорит:

— У античных женщин ноги были еще больше.

Меня удивляет ее способность к свисту и ее чувствительность к шутке. Ей кажется, что каждый улыбающийся хочет уязвить ее самолюбие, и поэтому она бранится заранее, причем бранится чрезвычайно искусно и зло, находя в человеке самую обидную слабость, которую тот прячет глубже всего. Знал я Скукову в балагане «XX век», снабженную тысячами ругательств всех тысячелетий. Она умела изображать ругательства и жестами, и междометиями, и личными местоимениями, умела сочетать это оскорбление и с вашими родителями, с братьями, сестрами, сыновьями, дочерьми, дядями, тетками, дедами, бабками, всеми вашими знакомыми, друзьями, любимыми существами и вещами, но ее усилия несомненно оказались бы тщетными, если бы она услышала хоть одну фразу госпожи Фридрих. Больше всего г-жа Фридрих ненавидела труд, а в особенности почему-то труд в лаборатории. С наслаждением она рассказывала о том, как приезжает она в новый город и как ищет лабораторию, где сидят возле микроскопов ученые. Найдет, выберет кирпич потяжелее — и трах в окно!

Кривя не только рот, но и все свое тело, сплевывая и мурлыкая, она говорит:

— Махаоны! Сидят, устались в стекло. Ищут! Я одному такому прямо кирпичом в лысину попала. Он кровью облился вплоть до пят.

Я пробовал ей возразить:

— Пастер избрал средство от бешенства, сидя возле микроскопа. Неужели, госпожа Фридрих, вам хотелось бы избежать?

— Деды и прадеды мои трудились, и никто до сего времени не видит в труде пользы, а они хотят пользу в микроскоп разглядеть. Не дам!

Она протяжно выкрикивала это слово: «Не да-а-ам!» Нижняя челюсть ее

тряслась, все ее толстое тело дрожало. Мне было тяжело смотреть на нее.

Ольга Философова говорила ровным голосом:

— Зачем же так бранить микроскопы. Вино например, благодаря микроскопам, стало лучше, чем в древности, так же, как и притирания. Гречанки, я убеждена, мазались белой глиной.

Госпожа Фридрих подскакивала, сжимала кулаки, лицо ее делалось цвета умбры, бурое, землистое, — и совсем странно лежали на нем черные брови, из-под которых светились злые глаза:

— Не дам! Не да-а-ам! Пусть перепрягают свои микроскопы.

Она поднимала вверх ладонь и кричала:

— Слушай!

И она испускала свой, как писалось в афишах, «коронный номер» — разбойничий свист. Купцы считали длину этого свиста по минутам. Говорят, она однажды тянула его две минуты. Силу его измеряли количеством людей, затыкающих себе уши. Если половина присутствующих затыкала уши, считалось, что свист ей не удался. Иногда, если извозчик vez ee медленно, она могла так засвистеть, что лошадь, прижав уши и задрвав хвост, неслась с быстротой, ею самой непредвиденной.

Госпожа Фридрих завидовала Ольге, завидовала и Евдокии Воронцовой, тоже неустанной спутнице «маркиза».

12

Я просыпаюсь поздно, хотя накануне мы сговариваемся подняться пораньше. Почтенный наш повар Софроний Петрович Сосна ежевечерне говорит:

— Вместе с солнцем уйду рыбачить! Внутри меня горячности больше, чем в любом супе, господин Иванов. Рыбу ловить способен я целый год, не отходя от удочки. Уйду!

— Зачем же стоите у котла? Разучиться боитесь?

— Поварству разучиться нельзя. Конечно службу потеряешь, жалко, но главное, остываю я быстро. Охоты много, а походки мало.

— Вы один раз попробуйте, а дальше будет легче. Мне так чудится, что вы ни разу не бывали. Неужели нельзя попробовать?

Я спрашивал не столько его, сколько себя.

Собой повар смугл, длинные темные волосы его падают на широкие плечи. У него кривые руки и ноги. Словно пряча их, он переминается так быстро, что, того и гляди, уронит свой белый колпак и выскочит из халата. Ему чрезвычайно обидно, что он по слабости признается в боязни своей потерять службу. Смущение его увеличивает пани Марина, которая, заботясь о процветании хозяйства, очень часто заходит на кухню.

Софроний тихо говорит мне:

— Поварят надо наблюдать, вот оттого и не могу собраться на охоту. Если взялся учить, так я учу хорошо! От них отступись на час, они всю жизнь пересядут и разжижат.

На кривых своих ножках он спешит к порогу кухни, чтобы оттуда преподать науку. Его бег отражается в бесчисленных медных кастрюлях. Ярче вспыхивают поленья в плите. Поварята делают по швам. Он спрашивает строго:

— Известно ли вам, молодые люди, как сделать мутное пиво светлым?

Мне нравится записывать его сообщения в серые тетради. Иногда я пробую прочесть ему, что записано мною еще до встречи с ним. Он хвалит мои записки, но перевести к себе их не желает. Мало того, мне кажется, он ненавидит эти полезные сведения. Тогда я спрашиваю, откуда же в нем те советы, которые он сообщает поварьям. Тихим и робким голосом он говорит мне:

— По юности папаша в меня вколоти! И вколоти так крепко, что я о своем папаше без трепета и посейчас вспомнить не могу. У папаша, он из кавалеристов, кулак был психический, весьма разнообразный, так что он с полным успехом выколоти из меня всю смелость. Осталось одно томление к охоте, потому что охоту не доглядел папаша.

Он вспоминает необходимость и важность поварской науки, стучит кривой ногой о порог и поднимает оробевший было голос:

— Известно ли вам, молодые люди, что повар всегда сойдет за буфетчика, но буфетчик за повара — никогда!

Это изречение он выкрикивает потому, что ему не нравится мое замечание: «сведения о пиве больше годятся для буфетчика или подвальщика, чем для повара».

— Сперва ты возьми полную горсть хорошей жженой соли и две бутылки воды. Затем соль ты эту распустишь в бутылках и вольешь в бочку. Вот и весь секрет! Пиво отстоится и перейдет в светлое состояние. Главное достоинство пива — чистота и прозрачность, а у нас в ресторане случается, что иное пиво не хочет быть чистым, хотя ему это и полагается по цене.

Пани Марина важно идет мимо кастрюль и чанов. Софроний уважает ее понимание хозяйства. Она способна по запаху узнать, хороший ли выйдет сегодня обед. Повар говорит об ней: «Ноздря у них еще не испорчена ресторанными запахами». Увидав меня, она вспоминает, что я все еще пою куплеты под один мотив: «Ах вы, сени». Она улыбається и говорит:

— Музыка, пан Всеволод, мне знакома мало, но можно попробовать научить вас хотя бы одним пальцем играть «Чижика».

Мне кажется, что «Чижик» поможет мне написать куплеты. Я иду за ней следом. Так как я посещаю кухню или рано утром, или поздно вечером, то я хожу без ботинок в темных носках. Носки мешают мне идти с ней рядом, и это обстоятельство уясняет мне причины, по которым мне с ней трудно говорить. Кстати, я вспоминаю письмо отца, полученное в адрес «Золотого рога». Отец благословляет мою женитьбу на актрисе. Он желал бы только, чтобы я женился на почтенной даме, так как молодая может покинуть мужа и тем испортить репутацию директора лебяжинского банка. Сам он за свою жизнь не видал ни одной актрисы, а тем более умеющей петь в ресторане, но в монастырях он встречал множество несчастных людей, которые клялись не посещать ресторанов. Унижение в монастырях казалось ему совершенно несправедливым возмездием

за те удовольствия, какие люди получают, кушая и развлекаясь. «Впрочем, не столько важен характер жены, — заканчивал он письмо, — сколько баланс бабька».

Разговаривать о «Чижики» унижительно. Я вспоминаю бледное лицо Платониды Ломовой, потому что затылок пани Марины богато украшен локонами. Пани Марина запрещает говорить о балаганах, но ведь косы существуют везде!

— Считаете ли вы, пани Марина, хозяйственным и ресторанным увеселением, если дама будет качаться перед публикой на косах?

— Разве к нам поступил такой аттракцион?

— Можно рекомендовать.

Любой вопрос, как ни странен он, кажется пани Марине естественным, если он хоть немного помогает тому хозяйству, где она работает. Подумав, она спокойно и важно говорит:

— Не советую. Кому любопытно, кушая свиную отбивную, смотреть, как люди качаются на волосах. Нам необходимы, пан Всеволод, легкие, нежные увеселения, противоположные той разочарованной жизни, которую вы встретите, едва лишь ступите за решетку нашего сада. Разве зря нас окружают розариумы? Разве зря создан этот отступающий фон темнозеленых сосен, которые как бы напоминают ущелье Уральских гор? Разве без смысла стоят перед вами розы, выписанные, по моему совету, из заграничных питомников?..

Указывая на розы пухлым пальцем, она с наслаждением называет их сорта: штамбовые, пирамидные, кустовые, вьющиеся, ковровые, чайные, ремонтантные. Я внимательно рассматриваю газоны и центры клумб. Я вспоминаю древнее сравнение, убедительней которого вряд ли что можно подыскать! Ах, как правильно называли эти свежие веселые лица; эти золотистые тела; эти широкие плечи, выступающие из платьев, плечи, линии которых такие, как вечерние волны равнин, трогательные и еле заметные, где не встретишь скал и ущелий, а если поднимаешься на пригорок, — то видно на десятки верст. Эти круглые,

спокойные овалы щек, которые, кажется, так и пройдут, не изменяясь, через всю жизнь; эти большие, задумчивые глаза, которые, кажется, рассматривают не вас, а нечто, стоящее за вами, пожалуй, ваше великодушное будущее. Розами называли их!

— Здесь петь нужно так нежно, чтобы вас едва слышали. Смех здесь должен быть тоже нежный, акробатические номера допускаются изредка, как роза на проволоке. О, пан Всеволод, искусство шантана требует большого рассудка. Вы полагали, имеет человек голос, — может выйти, петь и получать деньги. Нет, человек, не обладающий рангом привлекательности, не выйдет на сцену ресторана. Здесь и пить нужно слаженно, чтобы, извините меня, вас не тошнило. Земная, но и неземная программа, пан Всеволод!

— К земному относится постель, пани Марина?

Пани Марина молчит. Не потому, что она не может ответить на этот вопрос, а потому что вопрос этот невежливо сказан. Если б я ее спросил о любви, — о разнице земной и небесной, — она бы пояснила мне.

Пани Марина поэтому останавливает Евдокию Воронцову, что поет у нас цыганские романсы. Воронцова постоянно перебегает с места на место и даже на сцене пересаживается со стула на стул. Так же она прыгает от мысли к мысли. В разговоре она любит возвращаться к судьбе своей подруги г-жи Фридрих, которая непременно внесет горькую участь в ее воронцовские дни. Ей нравится, что я уговариваю ее не пить. Она любит рассуждать со мной и с пани Мариной о высоких делах и мыслях.

Пани Марина подозвала ее, чтобы прекратить со мной скучные разговоры. Воронцова понимает это. Она тянет меня за руку, садится рядом со мной на скамейку. От нее пахнет вином:

— Ты за ней, Савицкий, не ходи. Она пока надеется, что ты для хозяйства окажешься полезным. А ты способен подумать, будто она думает о другом. Испортишься.

Она шумно, по-пьяному вздыхает:

— Ой, и напьемся мы сегодня, Савицкий.

— Дорожите своей жизнью, Евдокия Федотовна. Если она не нужна вам, она необходима г-же Фридрих. Зачем вы пьете?

От удовольствия она хлопает в ладошки. С собой она полная, белая, со вздернутым носиком и маленьким ртом. Мне нравится ее рассказ, как, будучи в училище, она призналась попу в фиолетовой рзле с наперсным крестом, что она созрела, что ей пора любить, что иначе нельзя. Она вспоминает, смеясь, как законоучитель пытался преподавать ей законы любви.

— Ты полагаешь, Савицкий, что я дорожу своей жизнью ради г-жи Фридрих? Я государственных людей вижу возле нее и здесь понимаю смысл государства. Для меня государство важнее всего! Вот ты, Савицкий, вышел петь. Ты поешь, что гласные нашей думы могут спать спокойно, когда на главной площади города не горят фонари, когда дремлет пожарный, а где-то в переулке уже шает пожарище. Все улыбаются, а у меня сердце обливается кровью из-за государства. Один я у тебя понимающий, Савицкий.

— Какой же вы понимающий, если вы всегда слушаете меня в пьяном состоянии?

— Или вот горы...

Она волнообразно проводит рукой вокруг себя.

— Все горы на Урале прямо окованы золотом. Извозничьим шинам быть золотыми! А тут железа нехватает. Другие права — людям! На государство наложу такие обязанности, чтобы у него хрустело в голове, когда оно подумает о моей воронцовской судьбе!

Она вскакивает и бежит. Иногда она возвращается, иногда ловит меня за кулисами и в репетиционном зале, но всегда говорит об одном и том же: о государстве и об ее воронцовской судьбе:

— Шести лет обнаружили во мне сопро...

Мы стоим у лестницы, которая называется «врозницу».

— Родители! — восклицает она, указывая на лестницу.

— А сколько у Челпанова детей?

— Я о других родителях. Да и мои родители тоже были хороши. Обнаружив soprano, повели меня в табор. По мнению моих родителей, которые бывали только в кабаках, цыганские романсы — самое выгодное дело. Цыгане, когда мне исполнилось одиннадцать лет, уступают меня старичку, который торгует церковными свечами.

— Нужно протестовать, Евдокия Федотовна.

— Протестуй, когда старичок бьет тебя по голове этими самыми свечами, а они и для пятидесятилетнего возраста покажутся тяжелыми. Натурального воска! Затем свечной торговец и златоустовский мещанин Павел Евграфович Звездин...

Она сооружает руками две скобки и, улыбаясь, говорит в них:

— Главный проспект, дом Клушиной, против театра!

Она хохочет:

— Бросил Павел Евграфович свои свечи и пустился торговать музыкальными инструментами, и тогда ему потребовалась девица, которая бы обладала способностями игры на скрипке. К тому времени я подросла. Павел Евграфович уступил меня ресторанному владыке на берегу Волги в Самаре. Владыка направил меня в гимназию, считая, что такому soprano необходимо образоваться, перед тем как продать его в шантан.

— В XX веке позорно торговать людьми, — смущенно говорю я.

Она меня поражает своей откровенностью. В гимназии она научилась только воровству и глупым анекдотам. Она стремилась попасть на сцену ресторана, чтобы посмеяться над купцами, которые не уважают своего государства.

Дотрагиваясь легонько пальцами до моего плеча, она сознается:

— У своих дам воровать нельзя. Я это понимаю. Сейчас вхожу, а у Матильды лежит на столике бриллиантовое кольцо. Зачем ей волноваться, если она его потеряет? Еще хуже, если она его найдет и опять потеряет. А я могу Ольге за все ее благодеяния сделать подарок.

— Как вы можете говорить такое невысокое!

Смеясь и приплясывая, она покидает меня. Мои мысли плоски и необидительны для нее. Она может мне говорить все, что хочет, потому что, если я изложу своими плоскими словами сказанное ею, то мне никто не поверит, никто не будет слушать.

Куплеты мои скучны. Ботинки мои тесны. Меня уже не прельщает ресторанный пицца, а розовые откормленные женщины, жившие со мной дверь о дверь, мешают мне спать. Из-за тонких перегородок доносится их здоровое, сильное дыхание. Как ни напьются, а утром дамы вскакивают с хохотом. Запеваёт Воронцова. От неудержимого здоровья и молодости подхватывает другая, и весь стеклянный флигель дрожит от песни:

За заморской певицей,
Чернобровой, круглолицей,
Стал ухаживать корнет...
За любовь ее и ласку
Подарил ей — не коляску,
А свой собственный портрет...
Дева зло, в кругу товаров,
Покрасневши, как морковь,
Говорит: хорош подарок!
Хороша его любовь!..

Но самое плоское лицо и слова делал я перед канатоходцем Антуанеттой Сирбо. Если я читал об ее выходе в программе, сердце мое наполнялось тоской. Едва она вспрыгивала на проволоку, как голос мой ломался, а часто мой номер следовал за ее выходом. Стараясь исправить свой голос, я помогал служителям и брал у них лаковый зонтик ее, закрывающийся и цвета мыльной пены.

Раскачивая зонтик, я тихо говорил ей:

— На слабо натянутой проволоке труднее танцевать, госпожа Сирбо?

— Господи, как вы глупы! — восклицала она.

Тщетно искал я в себе веселую шутку:

— Глупость, госпожа Сирбо, часто происходит не от природы, а несчастных обстоятельств.

— Господа, он совсем глуп! Ну скажите же вы что-нибудь более связанное.

Я умолкал, краснея. Она смотрела на меня пристально. Ей трудно понять, по-

чему человек не способен сказать более двух фраз. Она может по любому поводу говорить плавно и свободно целые часы, причем она говорит не так, как например велегочивый Петр Захаров, обставляющий себя постоянно названиями городов, учеными, датами. Она говорит как-раз о том, о чем нужно сказать, разъясняя это понятие поступками и мыслями, нам всем доступными. Г-жа Сирбо быстро и легко пишет, а в особенности любит разбирать юридические клаузы. К ней приходят советоваться купцы, промышленники, ремесленники. Адвокаты уважают ее. Они говорят, что она незаконная дочь Карабчевского.

Г-жа Сирбо любит рассуждать о собственности:

— Собственность, господин Савицкий, это необходимое и важнейшее условие оседлой жизни. Разве я не имею права на оседлую жизнь, не имею права снять плоды, наполненные золотом, с деревьев, посаженных мною? Я говорю о яблоках! Каждый лепесток на этом дереве вырос под моим глазом. Тень от этого лепестка в жаркий полдень должна ложиться на мое лицо. Собрать плоды в большие корзины, получить с них доход, — вот обязанность человека, который уважает оседлость.

Но как странны средства, которыми Антуанетта Сирбо хочет приобрести богатство! Она верила в странный и смешной мир бестелесных существ, который будто бы окружал только ее одну, только ей шепча свои тайны. Ежеминутно духи, демоны, умершие люди тревожно кружились вокруг нее. Мало того, она не только верила тому, что можно с ними разговаривать, но что при догадливости можно их заставить служить нужному делу.

Я уважал ее. Но все же я осмеливался спросить:

— Выходит, что дух Наполеона или Данте должен возить дерьмо, чтобы удобрять ваш сад?

Она воскликнула:

— И будет возить! Спиритизм есть овладение тайнами, которые принадлежат духам. Вы полагаете, демоны там, в преисподней, не сопротивляются, когда я их вызываю? Еще как! И все же я их

заставлю создать и найти мне золото. Это золото лежит не в горах, а в бумажниках уральских золотопромышленников, господин Савицкий.

— Мой отец тоже искал клады, госпожа Сирбо, правда, по-другому.

— Если меня после смерти вызовут из преисподней, я буду весьма довольна. Я такому счастливцу весьма много тайн покажу, господин Савицкий.

Ее рыжеватые большие глаза путали мое сердце. Мне хотелось сказать, что лучше б ей, если уж осчастлививать, то лучше сейчас. Но я лепетал:

— Спиритизм — это заблуждение, вызванное неправильным положением нервной системы.

— Не говорите, господин Савицкий. Духи помогли мне найти призвание. Воспитатель мой председательствовал в земской управе. Он — дворянин. Казалось, откуда бы возникнуть мысли о канатоходстве? Однажды натянули через двор тонкую бечевку, чтобы развешивать белье, а мальчишки обрежь ее и утащи. Тогда меня поставили караулить новую веревку, толстую и солидную, которую — у нас хозяйство велось исправно — натянули немедленно: не лежать же белью в воде, подсиненному. Папаша распекает прачку. В кухне плачут и медлят выносить белье. Я стою у веревки, раскачивая ее рукой. Вдруг кто-то шепчет мне ласково на ухо: «Пройдись, ты обретешь свое богатство. Отважься». Я встала и пошла. На конце каната я увидела физическую манифестацию, то есть облик духа. Я разговаривала с ним, прикасалась к нему, в то же время сознавая все окружающее. Господин Савицкий, я получила полное доказательство.

— Вас в детстве много били, госпожа Сирбо?

— Пусть бы попробовали! Глаза выдеру!

Я не понимал, откуда у этой здоровой, умной женщины гордая убежденность в свои способности «письменного медиума». Она еще не перешла в «стадию говорящего медиумизма», еще не впадает в транс, она, к сожалению, только сильно бледнеет, теряя контроль над движущей рукой! Тело ее раскачивалось. Дух

отвечает ей письменно. Горнозаводские чиновники, полупьяные и осипшие, с желтыми лицами, «создают цепь», и статский советник Игнатов, казнокрад и картежник, вставляет ей в пальцы карандаш. Карандаш толстый, тяжелый, бумага плотная и шероховатая, так как г-жа Сирбо пишет неясными буквами.

— Мы вместе, и каждый порознь, способствуем установлению общения между землей и высшими сферами, — говорит она мне. В голосе ее чувствуется легкая обида, так как она дает советы о «желтом порошке» совсем чужим людям. Кто же ей даст совет? Она задумывается: — Духи иногда долго испытывают терпение и веру, господин Савицкий.

Иногда после таких слов она всматривается в меня и, постукивая в пол каблуком, говорит:

— Почему вы такой унылый, господин Савицкий? Как вам петь веселые куплеты? Я боюсь, что вдруг дух скажет мне: «Савицкого подослали сюда торговцы из Петербурга для рекламы косметических мазей». И то сказать, наши дамы покупают одну заграничную косметику, тратя на это большие деньги! Дух рекомендует мне не пробовать вообще косметики, так как я потеряю цвет кожи.

— Я презираю косметику, госпожа Сирбо.

Она отходила от меня, и мне непонятно, шутит она или говорит правду. Куплеты мои кажутся мне совсем скучными, и я считал справедливым то слегка презрительное спокойствие, с которым смотрят на меня в «Золотом роге».

И пани Марина тоже странно думала обо мне. Иногда она, вспоминая прочитанные книги по истории Польши, говорила, что мечта ее не брошена, что она в Екатеринбурге увеличила свои политические связи, что она возьмет меня в польскую армию. Иногда она язвительно упрекала меня, что мастер хорошего типографского дела кинулся в омут, где сплошное воровство и торговля живыми людьми, где трудно не пить водки, не превратиться в лакея. В такие минуты ей, должно быть, было совестно, что она покинула Павлодар, что богат-

ство не приходит, что надо лгать и мужа своего, г-на Роальда Азгарц, выдавать за троюродного брата. А вокруг люди очень плохого тона! Как бы вознаграждая себя, за страдания своего хорошего вкуса, она поучала меня ровным и мягким голосом:

— Вам следует, пан Всеволод, как можно реже прибегать к жестам, всегда стараясь, чтобы жесты соответствовали словам. Не следует также выражать свою радость чересчур громким смехом, сопровождая ее хлопанием в ладоши. Это значит относиться пренебрежительно к правилам приличия.

Я смотрел на ее широкие плечи, на мягкие ее очи и думал: «Почему ей никогда не придет в голову мысль о поездке в Индию?»

— Существуют и другие недостатки в манерах и осанке...

Она с презрением смотрит на пустую деревянную урну, предназначенную для мусора. По аллее раскиданы окурки, конфетные бумажки, обрывки газет.

— Вы поворачиваете часто голову с одной стороны в другую, и это во время разговора! Вы склонны протягивать ноги на каминную решетку в гостиной. Но опаснее всего, пан Всеволод, склонность самодовольно смотреть в зеркало!

— Что касается зеркала, то тому виновны ноги, которые в ботинках...

Пани Марина не слушает меня:

— Вы склонны постоянно поправлять свое платье, класть руку на своего собеседника, вводить во все четыре стороны света глазами, поднимать кверху глаза с аффектацией. Подмигивать! Пристукивать ногой! Барабанить в такт руками! Манерами, господа, называется тот образ действий в обращении с людьми, который составляет истинную вежливость или учтивость. Люди рождены для общественной жизни и завоевания, поэтому они обязаны беспрестанно стараться, чтобы взаимно понравиться. Кто не обладает приличными манерами, подвергается неблагоприятным для него суждениям со стороны общества, особенно польского.

Пани Марина повышала голос.казалось, она говорила теперь не только со

мною, но со всеми грубыми и плоскими людьми, которые встречаются ей на каждом шагу, наступают на ее платье, пачкают ее ботинки, смеются над ее любовью к батисту. Она говорила о поклонах, о прогулках, о том, как подниматься на лестницу, как держаться на улице, в экипаже, на пикнике и рауте, на балах и верхом.

— С такими знаниями, пани Марина, — говорил я, — вам трудно обойтись без самостоятельной Польши.

— Ах, еще далека моя Польша, пан Всеволод!

Пани Марина выходила петь свои песни тихо и скромно. Она старалась не привлекать внимания ни повышением голоса, ни жеманством. Она ждала, когда зал смолкнет. Она пела так, как будто просто и любезно отвечая на вопрос, но в то же время показывая, что она благодарна за внимание, с которым ее слушают. Ей было весело, но и веселость свою она тоже показывала очень умеренно. Но вот величественность ее возрастала. Голос ее строжал, хотя она пела ужаснейшую дрянь вроде «Чемоданчиков», куда кладут только драгоценное, да и то с большим разбором. Все понимали, что она поет совсем не то, что она может спеть. На ней всегда черное бархатное платье, желтая роза колышется возле плеча. Великолепный ее стан чуть склонен, и голова тоже чуть склонена набок. И она стоит, поет и презирает всех.

Ух, как она их презирала! И голос, и стихи, которые она пела, были весьма посредственны. В поведении ее нет ничего шантанного, то-есть того лихого искусства, которое ежедневно видели екатеринбургские купцы и чиновники в «Золотом роге», а все думают, что петь так может только польская царица. Именно польская, а не русская, так как никто не мог поверить, чтобы у русской царицы нашлось столько величественности! Почти все посетители ресторана были в нее влюблены, да и трудно не влюбиться. Я стоял за кулисами рядом с искусственной пальмой и банановым кустом, реквизитом г-жи Фридрих, смотрел на пани Марину и думал, что напрасно она не едет освобождать Польшу.

шу! Она пела, и «ноздри ее раздувались от негодования и других страстей». Я много читал об этих раздувающихся ноздрах, но тут я впервые увидел их, и мало того — поверил в страсти, от которых эти ноздри раздуваются.

Поздно ночью приходил «троюродный брат» ее — Роальд Азгарц. Он обрюзг, глаза у него теперь красные, и он не пользуется у зрителей таким успехом, с каким он выходил в Павлодаре. Он много пьет и жалуется на плохую распорядительность Коромыслова. Мне хотелось спросить, купил ли Петр Захаров коромысловских лошадей, но я так презирал Азгарца, что, увидав его серый котелок, немедленно уходил спать. Он отнимал у пани Марины те десять процентов, которые она получала с Челпанова за то, что уговаривала гостей пить побольше вина. За эти десять процентов ее раздевали и лапали купцы, торгующие гнилыми ситцами, торговцы киргизскими кожами, управляющие железодельными заводами, адвокаты, чиновники или купеческие сынки, укравшие деньги. Она сидела неподвижная и величественная, все еще надеясь освободить свою Польшу. Роальд Азгарц, взяв ее деньги, уходил с Матильдой Эзоп в отдельный кабинет, и пани Марина знала об этом и прощала ему, а Матильда злилась, что она получает только десять процентов с того, что зарабатывает пани Марина.

В уборной, где я гримируюсь, громадное зеркало. Оно тянется от пола и до потолка. Зеркало это устроено для того, чтобы вошедший в уборную гость уже с порога видел себя во всем великолепии. Это зеркало — одно из тех удовольствий, которые купец надеялся встретить здесь! Перед этим громадным зеркалом я снимал свой гумозный нос. Я сдувал пудру, от которой лицо походило на лицо статуи. Держа в руках ботинки, я заглядывал в коридор, и, если никого не было в нем, я рысью мчался в свою комнату. Я размахивал ботинками и горько вздыхал, и пар от моих вздохов ложился на блестящий лак ботинок:

— Бедный Артур-Гордон Пим, несчастный Артур-Гордон Пим!

Если мне было чересчур тяжело, я шел на кухню. Рядом с собой на высокий табурет я клал свой бурый фрак, который обладал способностью не поддаваться утюгу и пыли, а поверх его ставил лаковые свои ботинки на случай, если в кухню войдет пани Марина или Фиофелакт Челпанов. Повар Софроний орудовал возле плиты. Он вздыхал. Каждое утро он собирается на рыбалку, но перед рыбалкой надо получить от Фиофелакта Ивановича распоряжение на обед, и лицо у хозяина такое грубое, что где после такой встречи думать об удочке. Повар говорит:

— Взошел бы ты к нему в кабинет, Всеволод. Сообща бы мы, глядишь, и поговорили об рыбе.

Я ему кажусь чрезвычайно смелым человеком, и то, что я не иду к Челпанову, он объясняет малыши моими сведениями в поварском искусстве. Он рассказывает мне о кушаньях и напитках, о молочных похлебках, о том, как резать дичь и дворовую птицу, как готовить баранью ляжку по-султански, как хороши телячьи молоки с мелкими травами, как готовить свиную голову и голубей с лавровым листом и что такое соус, возбуждающий аппетит.

— Поднялся бы я с тобой, Софроний, но ботинки тесные, да и куплеты не подобрал, которые позволяли бы мне думать, что Челпанов выплатит жалованье, а не только пятнадцать рублей аванса.

Все же я сопровождал его до лестницы «врозницу». Софроний заканчивает вчерашнюю нашу беседу:

— Французское поварное искусство, милый мой, заставит тебя с надлежащим аппетитом есть дальнейшие блюда, когда ты совсем не голоден или даже слишком много поел. Повар должен уметь дразнить человеческое брюхо!

— Один ли повар?

— Конечно и хозяин ресторана много значит, у него тоже имеются психические удары на аппетит, но повар для пьяного человека — гигант!

Под лестницей маленький чуланчик, в нем зимой держат дрова. На двери пробой без замка. Однажды ударил ливень,

и мы зашли с поваром в этот чуланчик. Позже я всегда переживал здесь, когда Фиофелакт Челпанов вернется в свой кабинет, потому что каждого посетителя хозяин непременно провожал до конца лестницы. Склонив голову и выпятив вперед тяжелую челюсть, Челпанов на последней лестнице переводил свои серые и жадные глаза от посетителя на меня и говорил со злостью:

— Эх, уж эти мне куплетисты! Разрисовку видят, а поют свои картины.

В чуланчике я садился на сучковатое полено, испещренное ударами колуна. Лестница скрипучая, и скрипит она с каким-то особенным тщанием, злым и обиженным. Глядя на тех людей, которые ходят по ней к Челпанову, я понял, почему она называется «врозницу», так же, как и слова Е. Воронцовой о «родителях».

В тот день разговор повара Софрония и Фиофелакта Челпанова был весьма продолжительным, да и у лестницы собралось много посетителей.

Шантан ожидал Савву Устиновича Троегубова, главного акционера многих чугуноплавильных и железодельных заводов, которые выработывали знаменитое листовое железо, шедшее даже в Англию. Передавали, что С. У. Троегубов скучает, что заказов у него мало и что на заводах ожидается увольнение. Для поддержки своей славы он привез в Екатеринбург многих своих заказчиков — частных и казенных — и намерен устроить великий семидневный кутеж, который на языке шантана называется «камчуга». Весьма особым мастерством устройства «камчуг» славилась Ольга Философова, и поэтому выходило, что С. У. Троегубов никак не минует нашего ресторана, и «камчуга» начнется именно отсюда. «Камчуга» Ольги Философовой имела и ту особенность, что она иногда, принимая свойственные ей грандиозные размеры, оканчивалась смертью человека, пожелавшего ее узнать.

Перед тем как итти к хозяину, повар Софроний долго вспоминал те кушанья и приправы, которые могли возбудить аппетит, достойный «камчуги». Он советовался с Философовой и пани Мариной. Он не надеялся угодить. Люди из-

баловались, трудно возбудить их аппетит.

— Вот ты увидишь. Кремом из белого вина будут руки мыть.

Я весьма жаждал посмотреть «камчугу» и высказал сожаление, что по контракту не обладаю правом спуститься в зало.

— При «камчуге» контракты недействительны, — сказал повар Софроний. — Тут не только что ты, а и повара пьянствуют вместе с гостями и часто даже пригласают кухонных мужиков!

Вот почему повар Софроний спустился с лестницы весьма задумчиво, забыв окрикнуть меня. Вместо обычного лоскутка в руках у него три громадных листа, сплошь исписанных кушаньями, которые он должен приготовить. Я хотел было итти к себе, но возле двери увидел розовую рубаху хозяина. А вдруг он скажет: «Спускайся в зал!» — и «камчугисты» потребуют от меня особых, «камчужных», куплетов.

Я присел на сучковатый пень.

Фиофелакт ходил по свежему песочку, поскрипывая хромовыми сапогами, почти до подошвы залитыми плисом шанов. Фиофелакт приготовился к «плясовому» выходу, потому что «камчуга» начиналась всегда неожиданно: Савва Устинович со своей компанией мог явиться и в семь утра, и в четыре дня. Пожилая женщина в синем платье, забыв на скамейке кашемировую шаль, подбежала к нему, таща за собой декушку, с глазами свинцово-серыми, строгими и решительными.

— Не тесните мои мысли, мадам, — с тихой злостью сказал Челпанов пожилой женщине, — сами понимаете, как предстоит «камчуга», а от вашего предложения может произойти только убыток.

Пожилая женщина ответила так же тихо:

— Никакого убытка, Фиофелакт Иванович. Мы тоже понимаем склонности Саввы Устиновича.

— Вы понимали склонности, когда он был молодой, мадам, и когда вы тоже не были философ.

— Не смейте говорить такого при моей дочери!

Он грубо засмеялся, оскаливая мелкие зубы и прямо глядя в свинцовые, спокойные глаза девушки.

— Попросите, мадам, чтобы ваша мама оставила меня. Она еще удручается! Нашему заведению не так важна невинность, как умение петь. Пропой она «аминь» по-особому, я ее на отличный фураж поставлю и немедленно допущу к Савве Устиновичу.

— Не оскорбляйте нас вслух! — воскликнула пожилая женщина. — Мы имеем отношение к чиновничеству.

— Я тоже имею отношение к чиновничеству, госпожа Костромина.

Девушка поправила и без того аккуратно лежавшую пелеринку. Лицо ее было попрежнему спокойно, и попрежнему прямо смотрели свинцово-серые ее глаза.

— Мы попозже зайдем, мама, — сказала она.

— И попозже разговор будет такой же! — воскликнул им вслед Челпанов.

Затем к Челпанову подошел длинноволосый старец из Горного управления. Он сказал на ухо Фиофелакту Ивановичу, что дети его подросли, что требуют денег и что самого младшего он уже встретил в трактире. Старец боялся, что дети его могут попасть в «Золотой рог», и, если им не показать истинной жизни и в особенности того, как ужасно волочиться за шансонетками, они погибнут!

— Покажите им, Фиофелакт Иванович, что ваши дамы получают деньги, живут пошлой, мещанской жизнью, что возвышенного здесь не имеется, что «камчуга» — глупая горнозаводская выдумка...

— Не допущу. Театров для вас устраивать не буду, — сказал Челпанов чиновнику. — Детей хотите познакомиться с Троегубовым?

Высокая белокурая дама, положив тонкую руку в белой перчатке на перила, мягким голосом сказала Фиофелакту:

— Просто ужасно необходимо, Фиофелакт Иванович, заработать эти деньги. По ошибке муж их пропустил и может за это пострадать. Ревизия не поимает ошибок.

Еще тише она добавила, что у нее имеется хорошая фотография. И она подала эту фотографию, вложенную в узкий конверт.

— Муж снимал? — спросил Фиофелакт.

Она кивнула головой. Ей необходимо торопиться. В ее несчастье поможет только господин Троегубов.

— Не перепутывал ваш муж книг, — сказал грубо Фиофелакт, выставив вперед громадную челюсть. — Деньги нужны вам. Ясно! Таких ко мне приходит достаточно. У меня, мадам, сцена, а не сводной дом.

Рыжеволосый большухий чиновник в коротенькой зеленой тужурке подвел к Челпанову низенькую толстую женщину. Чиновник зашептал что-то возле челпановского плеча. Челпанов долго не понимал, видимо, он впервые встретил такого. Чиновник заговорил громче: он хотел иметь тройку белых коней, а также переманить кучера у Павла Лебзина. Тройка зачастую означает, что человек нажился на жульничестве, и тогда купцы бегут к нему за советом...

— Так ведь это же ваша жена? — сказал Челпанов, тыча пальцем в толстую женщину.

— Жена, — ответил чиновник.

— Так зачем вы ее любовницей называете?

— Для вашего удобства, Фиофелакт Иванович, — сказал чиновник, одергивая зеленую тужурку.

Мне гадко было слушать все это. Я вышел из чуланчика, громко хлопнув дверью. Челпанов упрекал чиновника в холодной расчетливой подлости, а чиновник спокойно говорил ему, что он пришел посоветоваться к близкому по душе человеку, а тот вдруг — завидовать!

Не даром свинцово-серые глаза девушки показались мне решительными: через три часа пожилая женщина в синем платье, размахивая кашемировой шалью, привела девушку к ресторанному роялю. Шесть мещан сопровождало девушку на испытание. Они присели скромно у дверей. Эти солидные и почтенные люди в опрятном и длинном платье, как заразы, боялись столиков, стоящих возле них.

Они говорили друг другу на ухо слова, несомненно весьма позорящие нас. Талер ударил по клавишам. Семейство внимательно слушало, как поет сероглазая девица.

— Дочка? — спросил я.

Русобородый сюртук быстро ответил мне: нет, это не их дочь, помилуйте! Они привели воспитанницу свою, Афанасию Беринову. Давно приняли они ее от друга своего детства, который ныне лежит в двадцати почти годах позади. Друг оставил немалые деньги на воспитание. Они открыли салотопенное заведение, надеясь к совершеннолетию Афанасии иметь таких заведений штук семь, а заведеньице возьми, да и прекрати свои операции, как будто страна не нуждается в сале! Воспитателям явно надоело домашнее пение Афанасии. Воспитатели подумали: чем ей петь дома или у соседей, чем ей развращаться, гуляя с реалистами, пусть она поступит на службу. Певица в ресторане — зазорное лицо, если у ней есть родственники, а когда ни родственников, ни друзей, ни салотопенного заведения, — кому важен зазор?

Девице Афанасии Бериновой, должно быть, весьма надоели ее воспитатели. Она пела старательно. Она благодарно потупила глаза, когда Фиофелакт Челпанов сказал со злостью, что берет ее в учение с жалованьем: ежемесячно семь рублей, а если госпожа Беринова уйдет ранее контракта, то платит полторы тысячи, и названные ее родители уплачивают неустойку. Родители спокойно подписали контракт.

Вечером на кухне собрались лучшие в городе знатоки ресторанный дела, которые по старости могли только давать советы. Несмотря на чрезвычайно жаркий вечер, они сидели в высоких резиновых галошах и в теплых картузах с длинными козырьками. Повар Софроний вспоминал свои рецепты, старики — свои, а Фиофелакт бранился с продавцами продуктов, которые привезли хотя и «приличное добро», но требовали повышенную цену. Продавцы отказались взять продукты обратно, если «камчугисты» не придут.

Челпанов бегал по кухне и кричал:

— Нет, ты увезешь их обратно, татарская твоя морда!

Возле кладовой шумно дышали битюги, бранились возчики, у которых кладовщик не принимал продукты, потому что хозяева еще не сторговались. Кухонные мужики звонко кололи дрова: В ресторане оркестр никак не мог доиграть песни: все выбирал получше.

Продавец мяса ласково отвечал ресторанисту:

— Татарская моя морда действительно татарская, но я тебе скажу, Фиофелакт Иванович, что тебе на «камчуге» тысячи наживать. Но я ведь свое предприятие унижаю, если ты не съешь моих продуктов!

— Ты возвышайся вместе со мной, а не отдельно. Ты хочешь даже нажать и тогда, когда камчугисты поедут в другой ресторан!

— Который возвышается в одно время, а который в другое, Фиофелакт Иванович.

Увидав меня, Челпанов вздохнул:

— Ох, уж эти мне куплетисты! Ну что в тебе есть беспредельного, господин Иванов? Чем ты годишься для «камчуги»?

— Принимайте продукты, а не человеческие души.

— Прошу вас, господин Иванов, не стоять у входа. Мешаете дрова носить.

— Тем лучше. Я буду сидеть на кровати, чтобы ботинки не жали мне ноги.

— И с таким человеком я заключил контракт! Пришло же мне в голову, что он чей-нибудь любовник, что он будет стараться в пользу моего дела, а он даже не способен описать уже нарисованные на стенах картины.

— Таковую грубость да для куплетов бы, — сказал я.

— Вы посмотрите в его лицо и в его нос! С таким носом накануне «камчуги» он еще позволяет себе лаяться. Уйдите! Я и ушел.

Я сел на свою кровать и снял свои ботинки.

На маленьком столике, возле лампы, вновь лежало пухлое письмо моего отца.

Отец мой начинал письмо рассуждениями о банке и деньгах. Определение денег, хотя и написанное на четырех во-

сточных языках, все же не отличалось особенной точностью. Отец мой отделывался главным образом обильными восклицаниями, вроде того, что, мол, кому не известна великая сила денег, кто не испытал на себе их власти, что они, мол, необходимы в условиях нашего существования, как воздух, которым мы дышим и который остается, даже при дурном запахе и обилии углекислоты, все-таки воздухом. Далее отец мой сообщал, что Россия вывезла в 1912 г. из-за границы на 1.171,8 миллиона рублей и ввезла тогда же товаров на 1.518,8 миллиона рублей. Не будь векселя как международного платежного средства, России пришлось бы отдать за границу в течение года весь свой наличный запас золота. Следовательно, — рассуждал мой отец, — откройся бы раньше лебяжинский банк, то его уже увезли бы за границу в 1912 г., а в 1913 увезли бы «и меня самого, ибо я полагаю, что я равноценен золоту. Иначе как же существовать лебяжинскому банку, который должен иметь золотые запасы, но который ими не обладает, если я не буду считать себя золотом». Следовательно, торговый баланс страны никак не удовлетворял моего отца. Он считал, что и ценные бумаги, то-есть процентные бумаги или фонды, тоже находятся в паршивом пассивном положении, и стоит задуматься над тем, есть ли смысл рисковать лебяжинским золотом, то-есть открывать лебяжинский банк в 1914 г.? И отец мой отвечал с решимостью, выработанной многими годами размышлений: есть смысл! Он пришел к глубочайшему убеждению, что, помимо банковских махинаций — международных и внутренних займов (здесь отец мой вспоминал попытку неудачного займа своего у В. Е. Петрова, самого бестолкового из всех подрядчиков Сибири), нам необходимо увеличить вывоз продуктов из России. Заемные обязательства каждый может подписать! Скоро русская рента ни чорта не будет стоять, и перед нами лежит обязанность вывозить с умом и с глубоким расчетом. Дальше, крайне удивленный, я прочел отцовское определение красоты. Прежде, чем вникнуть в смысл определения, я повертел в руках

гумозный свой нос и посмотрел в зеркало. Не упомянул ли где-нибудь я в своих письмах к отцу об одном странном пункте моего контракта, по которому я не могу даже разглядеть «камчугу»? Нет, как будто не писал. Видимо, отец тоже задумался над красотой, хотя и по иным причинам, чем его сын.

Отец мой писал, что во все времена людям свойственно стремление нравиться, казаться более красивым, чем им отпущено природой. Для этой цели они выбирают иногда странные способы. Например ботокуды продавают себе кольца в нос, китайки завинчивают ноги в тиски, индейцы раскрашивают тело в пестрые цвета, древние египтяне так же, как и твои спутники по сцене, Всеволод, подводят себе глаза и красят щеки. Это «окрашивание» себя можно было бы назвать одним словом: тщеславие, если бы летучая тщетность этого слова не была тому преградой. Следовательно, понятие красоты остается более трудным, нежели определение денег. Врач дает этому определению одну форму, художник — другую, молодость — весьма не схожую со старостью, а время меняет это определение иногда на протяжении десятилетия! Если мы не нашли еще твердых правил, математически точных, в описаниях и в определении красоты, то это совсем не значит, что мы должны перестать думать о красоте так, как и о векселях. Тут отец мой весьма уместно процитировал по-арабски, с подстрочным переводом на русский, определение красоты великого поэта, который считал, что женщина должна иметь:

Четыре предмета черных: волосы, ресницы, брови, зрачки.

Четыре предмета белых: кожу, белки глаз, зубы, ноги.

Четыре предмета красных: язык, губы, десны, скулы.

Четыре предмета круглых: голову, шею, предплечье, лодыжки.

Четыре предмета длинных: спину, пальцы, руки, ноги.

Четыре предмета мясистых: щеки, бедра, ягодицы, икры.

Четыре предмета маленьких: уши, грудь, кисти, стопы.

Четыре предмета широких: лоб, глаза, поясницу, бедра.

Четыре предмета узких: брови, нос...

Отец мой почему-то не закончил перевода последней строчки стихотворения. Он писал, что не имеет времени, чтобы оспаривать чужие вкусы, а тем более арабские. Он привел эти стихи только для того, чтобы показать, что большая часть требований красоты целиком отражает состояние физического здоровья. Здоровье! Оно дает сияющий оттенок глазам и великолепный цвет лица, блеск молодости и свежести всему вашему телу, той свежести, которая нас очаровывает и привлекает. Болезни и жизненные излишки высушивают и обесцвечивают кожу, проводят борозды, морщины, красят в желтый цвет покровы, выдергивают зубы и волосы. Можно спорить с арабским поэтом, но отец мой утверждал, что, несмотря на разницу во вкусах, все народы имеют одно постоянное стремление — увеличивать привлекательность лица и тела. И вот самое ценное, что имеет мир после золота, — это красота!

Здесь отец мой возвращался к лебяжинскому банку. Предварительно он немножко поговорил о красоте нашего Иртыша, Лебяжьего и Павлодара, утверждая, что эти местности только доказывают правильность его размышлений, потому что здесь люди сплошь здоровые, с отличными зубами, молодые, красивые, веселые. Лебяжинский банк обладает благодаря своим красивым складчикам второй ценностью в мире, то-есть почти золотом. Но так как Россия вывозит золото, но никогда не вывозила своей красоты, вернее, ее секрета, то лебяжинский банк обладает такой ценностью, какой в России не обладает еще ни одно предприятие. И если лебяжинский банк присовокупит к русскому вывозу секреты красоты, то это не-

сомненно высоко поднимет ценность русских фондов. Дирекции лебяжинского банка весьма приятно прочесть, что театр «XX век» обладает тем же, чем обладает лебяжинский банк, то-есть молодостью, а следовательно, красотой, и в будущем — золотом, как только русские фонды поднимутся. Отец мой выражал только недоумение, почему это мы переименовали наш театр «XX век», название, которое более свойственно идеям лебяжинского банка, в «Золотой рог», мимо которого когда-то отец мой проезжал и о котором он должен сказать, что он более приличествует для винных погребов, нежели для популяризации новых русских фондов.

Отец мой заканчивал свое письмо уверенностью, что я сегодня же переименую «Золотой рог», что я не буду мешать банку малоэстетическими названиями. Он занят достаточно серьезным делом, потому что лебяжинский банк — не только предприятие коммерческое, но и философское. Если удастся поднять ценность русских фондов, то ведь это будет не только банковское дело, но и новое, совсем неожиданное определение красоты, выражающееся в денежных единицах. К сожалению, это будет определение не совсем точное, потому что, как известно, валюта прыгает и опускается («подобно мячику в руках искусных и неискусных игроков» — писал мой отец), но, кто знает, не создаст ли лебяжинский банк абсолютно неколебимую валюту. И это не будет ли наиболее точное определение красоты? И не значит ли это, что в мире появится новый Аристотель, и деньги приобретут особое — красивое и трогательное — выражение?

(Продолжение следует)

Всем сердцем

Поэма

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

II. ПИСЬМО ОДНОСЕЛЬЧАНИНУ

Мне снятся юные года,
Когда апрель цветеньем яблонь
Деревню радовал, когда
Взрезала землю борозда
По целинам, от влаги дряблым.

Сосед мой! Помню я тебя...
Ты сам страданьем был изранен,
И все ж, быков своих любя,
Сильней, чем самого себя,
Ты их жалел, односельчанин!

Слетали с яблони цветы,
И ветерок скользил по грабу,
И, воплощение нищеты,
В немой задумчивости ты
На пашню гнал больного Лабу¹⁾.

Но что же делать? Каждый год
Одна нужда, одни печали,
И в сердце дымно от забот,
И жизнь мрачна, как тот завод,
Где известь белую сжигали.

Но не у всех паслись быки.
Полей чужих чужой орайт,
Как и другие бедняки,
Батрачил ты за куль муки
На пашне княжеской, богатой.

Навеки сгинул чумный строй,
Когда чужим был даже хворост,

Когда на пахоте порой
Тебе могилою сырой
Казалась каждая из борозд.

Теперь ты пишешь мне письмо,
Читаешь книгу, брови хмурия...
Село грузинское само
Разбило древнее ярмо
И разорвало апеури¹⁾.

Эпоха юная щедра,
Сбежал сиятельный нахлебник,
Вокруг весеннего костра,
Где глеют корни и кора,
Не пляшет с ведьмою волшебник.

На взгорьи, где, зарей багрим,
Алеет бук в зеленой шляпе, —
Там трактор буйволом стальным
Ревет, гудит, неукротим,
Как легендарный Гвелешапи²⁾.

Легко справляется он там,
Где в одиночку люди слабы,
И гулом вторит он сердцам,
И равен ста таким быкам,
Как ваши медленные Лабы.

Не затыкай ушей, мой друг,
Не бойся грома индустрии!
Где лишь царапал землю плуг,
Там рвы теперь, и через луг
Нужны мосты перекидные.

1) Кличка быка.

1) Веревка, связывающая ярмо.

2) Дракон.

Держитесь этой борозды,
Кавказа нового сельчане!
С ней проживете без беды, —
Коммунистической звезды
С нее виднее вам сверканье.

II. УРОЖАЙ

Не одним садам столицы
Шлю я братские приветы, —
Там стихам не ново литься,
Без меня там есть поэты.

Предо мною неизменно
Весь мой край с его полями,
Где высокие антенны
Пляшут радиолучами.

Первый стих мой и дыханье
И приветственное слово —
Вам, колхозные крестьяне,
Цвет народа трудового,

Кто столетием суровым
Обделен был и обижен,
Кто дрожал под мрачным кровом
Тростниками крытых хижин.

Нет насильника в деревнях,
Обирал не видно в селах, —
И народ печалей древних
Стал народом дум веселых.

Я приветствую посевы
И труды земные ваши,
Чтоб нужды не знали все вы
В кукурузе и лаваше.

И, подобно птичке счастья,
Под окошком распеваю:
Лучшим колосом украсьте
Праздник яркий урожая!

Распеваю звонко, бодро
И гоню от вас невзгоды:
Благотельное ведро
И хорошей вам погоды!

Пусть был нищим день вчерашний,
День сегодняшний — обильней.
Мой поклон гурийской пашне
С кахетинскою давилей!

Цинандали, Бандза, Вани
И зеленые Ахметы —
Всюду смех и ликованье,
Все эпохою согреты.

Окрокана и Хашури,
Гоми, Горди и Орпири,
Возрождающая бури,
Разливается все шире.

Там осенний ветер в уши
Шепчет новые сказанья,
Там поют рожки пастушью,
И трубят рога чабаньи,

Там, закатами горячий,
Пар над пашней фиолетов,
Там внимают передаче.
Вдохновеннейших поэтов...

Пусть же зреет, как колосья,
Поэтическое слово,
И гремит многоголосье
Коммунизма молодого!

III. ТАПАРАВАНСКАЯ ЛЕГЕНДА.

В дни золотой моей весны
Тапаравани вал
Легендой дряхлой старины
Меня очаровал.
Глубокий этот водоем
Синеет за горой.
Там с милой некогда вдвоем
Жил юноша-герой.
Когда скрывала воды мгла,
Любимая его
Свечу мерцающую жгла
Для друга своего.
И только он осилить мог
Тапаравани вал
И каждый раз на огонек
В Аспиндзы приплывал.
Могуч и дерзок был герой
И плыл, как налегке,
Хоть грузный жернов над водой,
Плывя, держал в руке.
Была с весной наедине
Любовь их горяча,
И каждый вечер на огне
Сияла та свеча.
Но погасило огонек
Дыханье ведьмы злой,

И берегов найти не смог
 И утонул герой.
 И тело бедного пловца
 На берег вынес вал,
 И грудь нагую мертвеца
 Когтить стервятник стал.
 Сидела милая одна
 У равнодушных вод,
 Звала его, грустна, бледна,
 Все ночи напролет:
 «Могилу влажную покинь!
 Любимый мой, восстань!»
 Ответа нет. Спокойна синь.
 Молчит Тапаравань.

С тех пор промчалось много лет;
 Куда ни погляди,
 Социализма яркий свет
 Увидишь впереди.
 Взамен видений старины
 Сверкает ныне явь,
 И молодежь моей страны
 Пустилась быстро вплавь.
 Стена поднялась за стеной —
 Известка и песок.
 Бетонный, каменный, стальной,
 Социализм — высок.
 Поет, цветет пружинский край,
 Звенят кирка и лом,
 И клич несется: «Наступай,
 Товарищ, напролом!»
 И первым начал драться Мцхет,
 А вслед за ним Кура,
 И, весь сиянием одет,
 Кавказ сказал: «Пора!»
 И глубже всех возмущена
 Тапаравани гладь,
 Где кольца всех огней страна
 Начнет соединять.
 Опять по глади озерной
 На челноке плыву
 И сны легенды золотой
 Встречаю наяву.
 Восстав из вод из голубых,
 Герой-пловец воскрес.
 В одной руке — железный бык,
 В другой руке — Загэс!
 В могиле ведьма старины
 Гниет уже года,
 И солнце пламенной страны
 Бессмертно навсегда.

А торжествующий герой
 Известен вам, друзья:
 То — край меняющийся мой,
 То — Грузия моя!

IV. КОГДА ЛАСТОЧКА ЛЕПИТ ГНЕЗДО...

Гудкам голосистым,
 Проснувшимся пламенным утром,
 И первым горнистам,
 Рассветным и розовокудрым,

Вам, краски восхода,
 Рубины его и сапфиры, —
 Весенняя ода
 И песнь задушевная лиры!

Привет пионерам,
 Снующим по лагерным сотам,
 И синим, и серым,
 И белым кавказским высотам,

В селениях вольных
 Колхозникам с острой мотыгой
 (Да здравствует школьник,
 Как пчелка, жужжащий над книгой!).

Янтарному меду
 Из коди в долине Мухраны,
 Тушинам — народу,
 Что туши свежует бараньи,

И жертвы все те же
 Приносят Ломион-Лошари¹⁾,
 Мехам с оджалеши²⁾,
 Навьюченным на чалвадаре³⁾,

Хевсурским коровам,
 Верховиям Терека хмурым,
 И бревнам сосновым,
 Пльвущим игривым Ингуром,

Амбарам, овинам
 Цветущего вновь Тирипона
 И снежным лавинам,
 Летящим с аджарского склона!

Приветствие сванам,
 Поклон мальчуганам безусым,

¹⁾ Сохранившийся еще языческий обряд.

²⁾ Сорт вина.

³⁾ Вьючный конь.

Путем караванным,
Идущим под гордым Эльбрусом,

Самгорской пустыне,
Где всходы подымутся скоро,
Где водами ныне
Уже зажурчала Иора.

Гвоздикам кумачным,
Косынкам, скрывающим локон,
И листьям табачным,
И полкам, где сушится жокон.

Кистям виноградным,
Усеявшим склон Цинакдали,
И лаврам прохладным,
И горькому вкусу миндалин,

И сельским покосам,
И жатве богатого злака,
И утренним росам
На травах зеленых Ширака!

Встречаю любовью
Рион и Куру с Алазанью,
Где парус в низовьи,
Как белое, мчится, сказанье,

И с братским поклоном
Жму руку родной молодежи,
И стражам бессонным
Республики — кланяюсь тоже!

Приветствую думой
Шуршание стеблей саманных,
И пальмы Батума,
И снявших чадру мусульманок,

Быков, что в предгорьях
Томятся от летнего жара,
Приветливый дворик
Вдовы неутешной Отара¹⁾.

¹⁾ Герония «Отаровой вдовы» Ильи Чавчавадзе.

Цыплят и наседок —
Любимый сюжет Пиросмана,
И ветер, что с веток
Срывает цветы неустанно.

И вас, Чаладиди¹⁾,
Зажившая язва мингрельца...
О, строфы, летите
И всех обнимите от сердца!

Когда белой пеной
Вскипают и груша, и персик,
И кровь постепенно
Алеет на девичьих персях,

И ласточка лепит
Гнездо под высоким карнизом,
И щебет, и лепет
Порхают и верхом, и низом,

И все в поднебесьи
К апрельскому тянется свету, —
Тогда эта песня
Одна подобает поэту.

И умер ты если,
И если безгласен для песни,
Как птицы воскресли,
Для звуков веселых воскресни.

И пой все живое,
Поднявшись над блещущим краем,
О, пой вслед за мною,
Как я, этой песней сжигаем!

Когда удалось бы
Мне выразить чувство словами,
Тогда и без просьбы
Я пел бы и пел перед вами,

Но волею Феба
Отпущено сил мне немного...
Просил бы у неба,
Да только не верю я в бога!

¹⁾ Чаладидские болота.

Перевел с грузинского БОРИС БРИК.

Трагедия Любаши

Повесть

ФЕДОР ГЛАДКОВ

(Окончание ¹)

VIII

Пряжа из склада поступала безобразная, — не было ни одной бобины, которая ласкала бы глаза своей бархатной гладью. Нити были больны, в наростах и опухолях. Ящики с бобинами стояли около машин, и бумага сверху казалась грязной, сорной и гнилой. Любаша уже не отрывалась от машины, и ей чудилось, что эти нити опутывают ее, как паутина: от напряжения и постоянного ожидания разрыва нитей у ней тупела голова, рябило в глазах, и ныло сердце. Все чаще и чаще она испытывала головокружение: машины начинали колыхаться в воздухе, а нити путаться и больно хлестать по глазам. Иногда она встречала случайно глаза Варюшки или Дуни, или Клавки и видела в них угарную ненависть и мольбу.

Сергеев заходил к любашинной бригаде уже молча и свирепо отмахивался. Однажды прибежала Мишурина, взволнованная, с лицом в красных и белых пятнах, и звонко раскричалась:

— До каких пор, Любаша, будет продолжаться это безобразие? Ты как будто злостно решила сорвать нашу борьбу за качество. Я тебя в последний раз предупреждаю: иначе я поставлю вопрос по партлинии.

Любаша, измученная и нервно надорванная, уже не могла владеть собою. Этот звонкий крик Мишуриной был нестерпим, как ожог. И машины, и окна, и сама Мишурина рванулись куда-то в сторону, а потом заплясали перед нею в бешеном вихре. Она с наслаждением и болью бросилась к Мишуриной и замала руками, оглушенная собственным визгом.

— Ты не вешай на меня собак, Мишурина. Я не позволю издеваться... Стань-ка сама на мое место и поработай... Я с тобой и разговаривать не желаю. К чорту!..

Мишурина, пораженная, не отрываясь, пристально смотрела на Любашу и не знала, что ей ответить. Варюшка и Дуня высовывались из-за машин и улыбались испуганно. Оглядывались и другие работницы и о чем-то переговаривались между собою, скаля зубы. Капитоновна на мгновение оторвалась от работы и посмотрела на Любашу со страхом и мольбой в лице.

— Хорошо, Любаша. Раз дело оборачивается так, я должна принимать меры. Я этого оставить не могу.

И Мишурина быстро пошла вдоль цеха.

— Пожалуйста, будьте любезны... Не на такую напали... Меня не испугаешь...

И, бегая от машины к машине, она кричала сама себе, дрожа и задыхаясь:

¹) См. «Новый мир», кн. 1 с. г.

— Ишь, жоклюшка вертлявая... хочет испугом схватить за душу... Я еще не так шугану...

В этот день после работы Любашу вызвали в бюро ячейки. В сумеречном, грязном помещении конторки сидели за столом — Мишурина, Марья Власовна и Сергеев. Все сидели молча, угрюмо и не смотрели на нее. И только в тот момент, когда Мишурина, с неестественно красными пятнами на лице, избегая взгляда Любаши, заявила взволнованно, что на повестке стоит один вопрос — о недисциплинированном и антипартийном поведении Любаши, Марья Власовна безучастно осмотрела Любашу с головы до ног и необычно кротко пробашила:

— Ну, что стоишь? Садись. Вишь ты, какая персона: специально даже бюро для тебя создали...

Мишурина коротко рассказала о своем столкновении с Любашей, назвала ее поведение наглым, подрывающим авторитет партруководства и унижающим ее, любашино, достоинство, как члена партии. Вместо борьбы за качество и за систему хозрасчетных бригад, вместо действительной помощи партии за поднятие производительности труда, Любаша своим возмутительным поведением и чисто рабским отношением к труду и к товарищам дезорганизует и трудовую дисциплину, и партийную работу в цеху.

— Я ставлю, товарищи, вопрос о строжайшем партвзыскании... — закончила Мишурина строго и твердо.

Марья Власовна опять осмотрела Любашу и сердито постучал пальцем о стол.

— Я все слышала... все знаю... Очень уж вы обидчивые... недотроги какие-то... А вот как бы с работой справиться, как бы этак за свое производство поболеть... честно умишком и силенкой распоряжаться, — этого вы и знать не хотите... Эх, вы!..

Любашу душила злоба, бурно колотало сердце. Как они смеют судить ее, не желая вдуматься в суть дела! Разве она с злым умыслом производит брак? Разве ей не хочется быть впереди всех? Разве она не гордилась, что ее бригада

была лучшей в цеху? Чего они хотят от нее? Почему они не желают понять, что дело не в ней, а в скверном сырье, что эту отвратительную пряжу не она же готовит...

— Ты, Марья Власовна, поработала бы на моем месте... тогда бы узнала... Зачем зря говорить... Тебе хорошо стоять на эмалировке... и судить со стороны... Ты ведь сам, Сергеев, признал, что пряжа — никуда...

Сергеев не обернулся на ее слова, ответил нехотя, усталю:

— Я не отрицаю: пряжа совсем никуда...

— Ну, так чего же вы хотите от работниц?

— Как чего? С неба ты, что ли, упала?..

Марья Власовна врезалась в слова Сергеева своим ласковым баском:

— Эх, ты, курица!.. Чего ты за плохую пряжу прячешься? Не прячься — все равно сквозь нее видно, какая ты хорошая... Буржуй давно бы тебя за ворота выбросил... Ты не знаешь, что такое старый фабрикант, а я прошла хорошую баню... До крови парили... До сих пор саднит...

И глаза ее стали озабоченными.

— Ну, так как же, товарищи? — нервно спросила Мишурина, но голос и лицо старалась делать холодными, бесстрастными.

Сергеев пожегил, вздохнул, потер глаза, подергал усы и наклонился над столом.

— Да ведь что ж... дело ясное...

— Вопросы будут?

Марья Власовна пытливо поглядела на Любашу, пожевала губами и с усилием переставила под столом больные ноги: она поморщилась и прислушалась к ним.

— Любашу я знаю не первый год: на моих глазах выросла. Хорошая девочка и хорошая работница... горячая только... с глупинкой...

У Любаши неожиданно для нее самой затрясся подбородок, и сердце заполнило всю грудь. Слова Марьи Власовны потрясли ее до глубины. Она упала на стол, на свои руки и заплакала навзрыд.

Мишурина опять взволновалась, и у ней надломился голос.

— Мы здесь собрались, Марья Власовна, не для того, чтобы объясняться в любви. Это дело — серьезное. Мы не можем позволить члену партии дезорганизовать массы. У нас и так уж распалась трудовая дисциплина. Это — позор, когда партийка позволяет себе поступки, которые порочат звание коммуниста... Это — во-первых. А во-вторых, если партийка плетется в хвосте и никак не желает бороться за качество и за свое превосходство, за ведущую роль, мы обязаны принять строжайшие меры.

Марья Власовна с суровым вопросом уставилась на Мишурина.

— Да ты чего словами-то стреляешь? Говори сразу: исключить из партии, что ли, хочешь?

Мишурина вдруг резко и запальчиво крикнула:

— А что же прикажешь — миндальничать? Нас самих надо прижучить за плохое руководство. Я ставлю вопрос об исключении.

Все на минуту замолчали, но этого молчания Любаша даже и не заметила. Ей было до боли жалко себя, и вся злоба и ожесточение, которые копились в этот месяц и отравляли кровь, вдруг вылились вместе со слезами: басовитые ласковые слова Марьи Власовны, как душевные слова матери, перевернули всю душу. Ей представилось, что все прожитые годы горели напрасно. Вот она сейчас сидит в бюро ячейки, и ее судят, как преступницу. Какая ее вина? Нагрубила Мишуриной? А разве у ней не было столкновений и с ней, и с другими? За плохую работу? Но ведь не одна она в таком положении. Пусть помогут ей, как обратиться с этой пряжей. Бригада ее из девчат-комсомолок была дружна, расторопна, и не было никаких затруднений перекрыть другие бригады, особенно — спокойных пожилых женщин. Пряжа была неплохая, машины работали без перебоев. Ее бригаду объявили ведущей и выдали премию. На рабочих собраниях завода и Дробишин, и директор Симаков ставили ее в пример другим. Как-то выходило так, что жизнь

улыбалась Любаше молодо, весело, шутиливо: ее все любили, баловали и смотрели на нее с улыбкой. Даже Сергеев часто пошлепывал ее по лопаткам и ухмылялся седыми усами. Она не привыкла вдумываться в дела завода, и сложная жизнь производства и смысл его существования в общей системе хозяйства Москвы и всей страны мало интересовали ее. Это было и скучно, и отвлеченно, и утомительно. Все это решалось где-то далеко, за воротами завода, — в трестах, в наркоматах, в партийных организациях. Говорили об этом и в ячейке, и на расширенных заседаниях бюро парткома, и на рабочих собраниях, — и этого было достаточно. Она вела партийную и общественную работу в цеху, как и другие: собирала партвзносы, вела ячейку МОПР и одно время редактировала цеховую стенгазету. Выполняла она все эти нагрузки старательно, хорошо, но без жара и без особого интереса; это были нагрузки, а всякие нагрузки нужно было выполнять честно, пунктуально, без всяких уступок. И в выполнении работы по этим нагрузкам она тоже ставилась всем в пример. Она даже чванилась немножко перед женщинами и честолюбиво кокетничала даже с Дробишиным. Иногда она самодовольно мечтала о том, что хорошо бы стать парторганизатором или пройти в члены бюро парткома, или в члены завкома. И она была уверена, что стоит ей этого захотеть, и она добьется быстро высокого положения. Она была уверена, что с работой она справилась бы не хуже других (звезд с неба никто не хватает).

И вот теперь, в эту исключительную минуту, когда она сидела в бюро ячейки и плакала над собою, она вдруг остро почувствовала, что ее судят не потому, что она проштрафилась со своей бригадой в соревновании по качеству и по нормам выработки продукции, а потому, что вся она в существе своем — не та, за кого ее принимали, что жизнь ее вдруг обнажилась до мелочей, что она до сих пор обманывала и себя, и других, что из лучшей она вдруг оказалась худшей. В цеху уже знают, что бюро собралось ради нее, знают не только свои работницы, но и работницы ночной смены.

Все следят за ее судьбой, все ждут какого-то неизбежного конца. Теперь ее прежняя жизнь оборвалась: прежняя Любаша умерла, — она погибла и для себя, и для всех, кто знал ее с юных лет. Для девчат своей бригады она уже угасла: завтра она уже не будет возглавлять их, — ее снимут, и она будет такой же рядовой и невидной работницей, как и другие. Возможно, что ее вообще снимут с машин и пошлют на другую работу. А может быть, и уволят с завода. И, когда она услышала звонкий и запальчивый голос Мишуриной, которая потребовала исключения ее из партии, Любаша уже не сомневалась, что жизнь ее кончена. Все равно теперь уж ничего не сделаешь: ни бунтовать, ни протестовать, ни кричать не хотелось.

Сергеев старчески кашлял, точно у него першило в горле.

— Ну, это... видишь ли, Мишурина... неправильно... Оно конечно дело серьезное, слов нет... но исключать... как будто преждевременно...

Марья Власовна сердито проворчала:

— А плакать нечего, Любаша... Чего ты льешь слезы-то? Поможешь этим, что ли? Надо было раньше думать...

Но по голосу было видно, что ей больно, и она жалеет ее.

— Ты, Сергеев, не финти... — раздраженно крикнула Мишурина. — Что это за позиция? Старый член партии, а держит себя, как слюнтяй...

У Марьи Власовны задрожало жирное лицо, и глаза сверкнули гневом.

— Да ты, Мишурина, не разоряйся, пожалуйста. Мы тебе — не пешки, чтобы командовать нами. Я! я!.. что это за «я»?.. Ежели мы будем якать да якать, так нас надо за шиворот — да за ворота. Не якай, сделай милость. Тут с человеком дело имеешь, а не с болваном.

Сергеев неожиданно рассердился и обрушился на Марью Власовну:

— Ну, Маша, насчет этого ты заткнись: у нас часто человек — не человек, а хуже болвана... Цена человеку, видишь ли, бывает настоящая и фальшивая. Полноценный человек познаётся в преданности идее труда... как он осу-

ществляет смысл жизни... Если человек живет только для себя, и он — центр движения, — это фальшивый есть человек... бесполезное мясо... А все бесполезное я считаю вредным... У тебя богатая и трудовая была жизнь... и ты это должна хорошо знать... Не мне тебя учить...

— Учи, учи... у всех — охота учить... Ты не учи, а воспитывай... Ты учи не палкой, — палка ума лишает, а учи примером и опытом. Ты вот орешь в цеху, а что ты сделал хотя бы вот для нее, Любаша, хорошей работницы, чтобы направить ее на успех? Какие ты ей указания дал, мастер ты маститый, чтобы избежать брака? Эх, ты, старый мудрец!.. Ведь цех-то у тебя весь хромает. Вот я хотела бы поглядеть, как у тебя у самого дело-то пойдет притякой отвратной пряже... Вот научи-ка ее завтра работать без брака. Ты вот покажи свое мастерство... сделай, сделай, тогда и учи...

Сергеев смущенно хихикнул и затеребил усы.

— Да что ты напала на меня, старая?.. Разве я... Я только к слову...

Марья Власовна сразу успокоилась и тоже засмеялась. Смеялась она беззвучно, всем телом, — вся тряслась, как студень.

— Эх, ты, мастер маститый!..

И вдруг опять стала суровой.

— Глупости ты порешь, Мишурина. Призвать к порядку бабенку надо... чтобы не распоясывалась... А исключать — и думать не думай...

Сергеев медленно обернулся к Любаше и осмотрел ее внимательно и остро. Потом опять отвернулся, вынул платок, посмотрел на него и выморкался.

— Выговор бы надо... чтобы не забывалась... чтобы призадумалась...

Мишурина нервничала и старалась не смотреть на Любашу. Она настойчиво повторила свое предложение и стала опять доказывать, как Любаша не оправдывает и своим поведением, и работой звание члена партии. Ее оборвала Марья Власовна и даже стукнула ладонью по столу.

— Ну, нечего ораторствовать — голосуй.

Предложение Мишуриной провалилось, и она вдруг присмирела и обиделась. Предложение Сергеева о выговоре она поставила вторым и голосовала за него. Марья Власовна осталась в одиночестве.

IX

Любаша вышла из здания цеха не через машинный зал, а через боковые двери по другую сторону корпуса. Она пробиралась домой мимо литейки и шпнотянульного цеха и долго плутала среди штабелей медных и алюминиевых болванок. Ей пришлось обогнуть механический корпус и пересечь кабельный цех. В памяти остались размашистые полеты трехфазных машин, с играющими в воздухе вьюшками, да маслянистый блеск толстых канатов кабеля. Пахло нефтью и чем-то ароматно-терпким. Рабочие заняты были у своих машин и на нее не обращали внимания.

Она не заметила, как пришла домой, не заметила, какое было небо и что за люди встречались на дороге, которые здоровались с ней.

В открытом окне квартиры она увидела Модеста, синего от эмульсии, и Надюшку. Девочка взвизгнула и замаяхала ручонками ей навстречу. Но Любаша была, как в столбняке: она не ответила Надюшке ни взглядом, ни рукою. Запомнила только одно: и домик, и воздух, и трава на дворе, и даже Модест с Надюшкой горели красным огнем.

Когда она вошла в комнату, Модест встал от окна и пытливо посмотрел на нее.

— Ты что же это? Опять какая-нибудь канитель? Продолжение следует? И хмуро усмехнулся.

Любаша ничего не ответила и стала посредине комнаты, как слепая.

— Я сейчас уйду в цех, Люба: авария в волочиальной. С ремонтом придется провозиться до утра. Бери дочку, а то упадет за окно.

Любаша подошла к гардеробу и прислонилась к нему спиной. Сказала спокойно, даже как-то бездушно:

— Я получила выговор, Модест.

— Так, так... Поздравляю. Теперь уж ты совсем стала нашей знаменитостью.

И весело фыркнул, точно слова Любаша доставили ему удовольствие.

— Что же мне теперь делать, Модест?

— Странный вопрос! Тебе виднее. Как аукнется, так и откликнется. Посиди, полежи, подумай: утро вечера мудренее.

— Такие умные речи я от тебя уже слышала.

— Ну, что ж... когда человек спотыкается, ему кажется, что все — дураки и идиоты, а он, умник, — их жертва.

— Иди в свой цех, Модест.

Модест засопел, натянул на глаза кепку и шагнул к двери.

Любаша повернулась к нему с мольбой в глазах и уткнулась лицом в руку. Плечи у нее запрыгали от рыданий.

— Значит, кроме слез-то, ничего не осталось? Перестань, пожалуйста. Видеть не могу...

— Оставь меня, Модест.

— Люба! — строго и жестко прикрикнул он: — Умей, пожалуйста, владеть собою. Ты — не фитюлька, а коммунистка.

— Если бы ты знал, Модест, как мне больно!.. Если бы мог понять, что я сейчас переживаю!..

— Я очень хорошо знаю. И знаю еще то, что ты погибнешь, как муха, если не поймешь, в чем суть нашего дела.

— Ну, так помоги же мне... раз'ясни, если я не понимаю...

— Все ясно. Тебе раз'ясняли достаточно. Ты сама должна знать свою дорогу...

— Вот все вы так: должна, должна... а сами ни черта путного не говорите...

Модест с усилием подавил в себе злой порыв.

— Пойми же наконец своим упрямым умишком, что мы с тобой — не только муж и жена, но и общественные люди. Наши с тобой болячки и обиды — это же жалкое обывательское себялюбие. Неужели недостаточно для тебя того, что на тебя обрушилось? Должна же

ты все-таки найти в себе силы, чтобы проверить себя и бороться.

— Иди, Модест... у тебя ведь — авария в цеху...

— Ну, хватит... Успокойся. Обсудим завтра. Надюшка вот хнычет и не знает, как к тебе подойти. Совсем втупик девочку поставила.

Только в этот миг она вспомнила о Надюшке и опрометью бросилась к ней. А Надюшка молча, очень вдумчиво смотрела ей в лицо и решала какой-то большой, суровый вопрос.

... Уснула Надюшка рано: не то очень устала в детсаде, не то потому, что Любаша молчала и часто совсем не слышала голоса девочки. Надюшка лезла к ней, тянула ее за рукав, назойливо спрашивала ее о чем-то, но мать застывшими глазами смотрела в ничто и не шевелилась.

Так Любаша сидела на одном месте часа два и совсем не замечала времени: за эти два часа она точно провалилась в небытие и, когда очнулась, не помнила уже, что с ней было. Она увидела, что Надюшка спит на своем стуле, положив голову на ручки и повернув к ней свое щекастенькое личико. Любаша растрогалась, поцеловала ее и нежно приложила к ней свою голову.

Она легла на кровать, не раздеваясь, и сразу заснула. Сколько времени спала — не знала, а проснулась внезапно от какого-то потрясающего толчка. Было тихо до звона в ушах. Спокойно сопела рядом, в кроватке, Надюшка и посвистывала носиком. Где-то глубоко под полом с писком рыскали крысы. Что это был за голос? Чей-то очень знакомый, предупреждающий голос, который кричал ей в ужасе о какой-то беде. Во сне она знала этот голос и очень отчетливо слышала слова — до того страшные, что они потрясли ее до глубины души, и она проснулась с ледящим чувством страха. А когда пришла в себя, слова и голос сразу забыла. Сердце билось гулко и прерывало дыхание. Ей стало жутко одной, без Модеста: в комнате колыхались какие-то неуловимые тени.

Чтобы успокоиться, она встала и засветила лампочку. На столике у кровати, как обычно, лежали часики. Она да-

же не поверила в первый момент и приложила их к уху. Часики шли бойко и звонко. Было двенадцать: значит, опала она не больше часа.

И от ночного своего непривычного одиночества ей стало грустно до слез. Как нехорошо обернулась жизнь! Из-за какой-то паршивой пряжи калечится человеческая судьба... А люди так безучастны... нет, люди — жестоки, безжалостны: им нет дела до того, что творится в ее душе. Эти ее дни дорожке всей жизни, потому что никогда еще Любаша не переживала таких обид и мук, как сейчас.

Все знают, что пряжа из рук вон плоха, что от узлов и постоянных обрывов обмотка уродлива, знают это все, кто имеет силу и власть, но устранить этого не хотят и не считаются с силами и возможностями работниц: пряжа плоха — верно, обмотка получается с браком — верно; но на то ты — партийка, на то ты — квалифицированная работница, на то ты и поставлена у машины, чтобы быть готовой ко всяким неожиданностям: вытяти из себя жилы, пропитай своей кровью нити, отдай все, что у тебя есть самого дорогого и кровного, сделай чудо, но доведи брак до нуля. А разве Любаша уже не изболелась сердцем, разве она не лила слез, разве вот эта бессонная ночь не мучительна? Она вспомнила, как на бюро клеймила ее Мишурина и требовала исключения из партии, как основательно говорил Сергеев, и оба не смотрели на нее, точно она была перед ними, как отрезанный ломоть. Вспомнила, как она страдала от унижения, и ей опять стало до того больно, что она застонала. И как проникновенно, по-матерински, и с ней, и с Мишуриной говорила Марья Власовна! Ее басовитый голос и сейчас еще гудит в ушах и волнует сердце.

Никогда еще она не была так одинока. Среди работниц в цеху она не может уже найти своего места: они сторонятся ее, они замыкаются и провожают ее злорадными усмешками. Ее девчата тоже стали чужими: точно они стыдятся, что работают в ее бригаде. Дружбы уже нет, их привязанность была только внешней, а в тяжелый час они уже от-

ступились от нее и все свои невзгоды и неудачи взваливают только на нее.

Она подошла к зеркалу и испугалась: из хрустальной глубины смотрело на нее лицо, искаженное болью: это была другая Любаша — растрепанная, с опухшими, лихорадочными глазами. Позади своей тени, вдали, колыхнулась кровать Надюшки, и Любаше почудилось, что девочка подняла головку и смотрит на нее с немым изумлением. Замирая от любви к дочурке, Любаша склонилась над нею и прикрыла ее своим телом. Щечки девочки румянились сонным жарком, и от нее пахло грудным ребенком и чем-то невыразимо милым и родным. Если бы был сейчас дома Модест... Она прижалась бы к нему вся, и вместе с теплом его тела в нее влилась бы и его сила. Он знает, как она тоскует в этот поздний час. Родной Модест! В прошлом году, когда план трещал по шинотанульному цеху от недостатка сырья (меди хватило только на двадцать дней месячного плана) и цеху грозил паралич, он на заседании партячейки предложил извлечь металл из земли заводского двора. В наносном слое всей территории завода за много лет накопилось большое количество медных отбросов. Эти отбросы торчали из сора, как золотые стебли, на каждом шагу. Рабочие устроили субботник, вооружились лопатами и вилами и три дня под ряд копали землю на всем размахе двора, точно взрыхляли почву под огород. Любаша видела, как около литейки каждый день росли ржавые заросли меди, будто копыны густого хвороста.

И она вспомнила, как Модест еще парнем носился по ночам вместе с комсомольцами на грузовиках и по всей Москве разыскивали барабаны для кабелей. Готовых барабанов не было на заводе, а деревообделочный цех стоял без древесных материалов. Целую неделю охотились ребята под командой Модеста и навозили барабанов столько, что покрыли ими всю широкую площадь перед кабельным цехом. С таким же напором он брал штурмом науки. И сейчас он долго сидит над книгами по ночам. Хотел он поступить на рабфак, но не мог выкроить время для занятий.

Выписал «Рабфак на дому» и все свободные часы с упоением работал над книгами. Спал мало, и глаза у него были воспаленные. И Любаша удивлялась его настойчивости и силе и чувствовала себя маленькой и глупой перед ним. А он бодро и возбужденно говорил ей:

— Как хочется все знать и охватить, Любаха!.. Вот она где, настоящая-то, огромная жизнь... Осилит одно, поднялся на одну гору, хватить — перед тобою хребты и страшнее, и выше... И опять хочется взбираться на высоты... Какая это сила, наука!..

Читал он запоем каждый день, и за эти годы язык его изменился: он стал сложным, литературным, богатым и гибким. Но Любаше было грустно: этот умный, книжный язык как будто отрывал от нее Модеста.

Почему же он сейчас не поможет ей в трудном ее положении? Он тоже далек ей: он тоже осудил ее на производственном совещании... Неужели он боялся выступить в ее защиту? Неужели он, как приспособленец, разыгрывал из себя беспристрастного партийца, для которого не существует ни любви, ни близости к родному человеку, кроме завода?

... Ночь провела Любаша мучительно — металась в бессонице. Бессонница изнуряла лихорадочным жарком и терзала неотвязными мыслями. Надюшка спала глубоко и спокойно, вкусно чмокая губами. Модест пришел на рассвете; он спал тоже крепко — здоровым сном утомленного рабочего человека. В окнах синело прозрачное небо, и в стекла видны были мерцающие искры звезд и немного затуманенный воздух, холодный, как вода. Пролетали по комнате сонные мухи с печальным звоном и сразлету стучались о стекла. Очень далеко покрикивали паровозы, и шипел пар не то на заводе, не то на железнодорожных путях. Было душно и угарно в комнате от спертого воздуха. Хотелось встать, тихо подойти к окну и распахнуть рамы. Но Любашу разморило бессилье и тоска. Голубела в окне стена соседнего дома с оголенными ребрами драки, — отвалилась штукатурка, и Любаша почему-то вспомнила, как покойница-мать тыкала

расстиранными пальцами в жестяные переплеты сундука и певуче гудела в ухо: «Умру — храни сундук-то. При несчастной статье материно добро пригодится. Здесь вот лежит матушкин сарафан шерстяной, полushалок шелковый... ну, и выкладки мои, когда я в деревне еще жила... Ткачихой на всю округу славилась... Храни это добро... пускай память будет... для души... для прибежища в лихоту дней».

И эти последние два слова у ней звучали, как «лихотудни», — смешно и непонятно, как у ворожеи. Все эти реликвии — «шерстяной сарафан», «шелковый полushалок» и разное тряпье, истлевшее, смрадное от плесени, — Любаша выбросила, а сундук стоит в сарайчике, набитый разной ненужной дребеденью.

Мать была страдальцей в жизни: до самых последних дней она работала, не покладая рук, — ходила по людям, стирала, прислуживала в кухне у состоятельных людей, а перед смертью ухаживала за свиньями в заводском свинарнике.

Струнами пели мухи в комнате, бились о стекла, струны рвались и замолкали. Это было мучительно, и от этого почему-то назойливо стояло в глазах отупевшее в печали лицо матери.

Любаша встала с кровати, прошла к окну и тихонько распахнула рамы. Прохладный голубой воздух хлынул ей в лицо, и она даже вздрогнула от пахучей свежести предутреннего покоя. Пахло травой и березовыми дровами. Небо было невиданно-зеленое, а к востоку — золотое, и облачка над крышами белых домиков горели по краям ослепительными кудерками. Кое-где дрожали колючие ресницы звезд, а над черной башней теплоцентрали (она еще одета в кружевные переплеты лесов) лучисто сияла Венера. Певуче и грустно кричали паровозы на далеких железнодорожных путях, затихающим громом рокотал поезд где-то за домами. Дыхание завода было беззвучно, но Любаша ощущала его всем телом и чувствовала, что с этим заводом, живым и огромным, она связана на всю жизнь. Она как-то сразу поняла, что все ее муки и боли — это муки и боли людей, которые волнуются

у машин в ярком свете электричества и спят вот в этих белостенных домиках, за тьмой окон, которые смотрят на нее пристально и задумчиво. Трава в палисаднике, под окном, с одуванчиками и ромашками, искрилась росой и была ядерной и пахучей. Над городом, очень далеко, у самого горизонта, сиреневым облаком спокойно висел дым. Пыхтели поезда на Курской и на Казанке, и оттуда доносился глухой, певучий гром.

Она не заметила, как взошло солнце. Ей показалось, что оно ослепило ее мгновенно и опалило жаром. И сразу же услышала дребезг воробьев на сорных кучах. По поселку в разных местах, близко и далеко, пели петухи. Небо как будто взвилось в недостижимую высоту и загорелось золотой пылью.

И так ей неудержимо захотелось поехать за город, в лес, в поля, на крутой берег маленькой речки, что она даже вздохнула от нетерпения... Она не была среди природы уже года два и забыла, как пахнет липа и сосенка, как дышат трава и вода в пруду, в чешуе зеленой рыбки.

Если бы можно было рвануться из этого тупика... если бы можно было распахнуть душу, обнажить ее навстречу ветру и небу и засмеяться солнечным полям и молодому лесочку на пригорке. Так она умела смеяться в дни комсомольской своей молодости.

Она тихо и торопливо оделась и написала записку Модесту: «Я уехала за город. Подышу свежим воздухом и чуточку отдохну одна. Пожалуйста, побудь с Надюшкой».

Х

В Царицыне она вышла из вагона и направилась в парк, где она была вместе с экскурсией молодежи четыре года назад.

Какая это была веселая прогулка! Цельный день они гуляли по парку, играли в долине за парком в мяч, плясали под гармошку (Макарка становился совсем красивым, когда упивался игрой на гармонии), купались в пруду. Тогда она только-что родила Надюшку, но чувствовала себя еще комсомолкой, а Мо-

дест еще не потерял прелести жениха. Варюшка, Дуня и Клавка были еще связаны с нею девичьей дружбой: они тогда цвели совсем еще девчушками. Вот это хорошее воспоминание о молодом дне, прожитом в Царицыне, и потянуло Любашу на старые места.

Любаша прошла по утренней улице села, еще пустынной и тихой, спустилась к плотине и еще издали услышала звонкое журчанье воды, стекающей по дощатым настилам водослива.

Она поднялась по дороге в гору, под нарядный, массивный мост, с причудливыми готическими украшениями, с лучистыми круглыми отверстиями. Говорят, что этот мост, с виду новый и пышный, сделан был еще при Екатерине, полтора столетия назад, вместе с огромным таким же пышным дворцом наверху. Говорят, что эта гора, в зарослях лип, ясеней и кленов, насыпана крепостными мужиками: землю снизу, оттуда, где пруд, возили на телегах и насыпали этот холм несколько лет. Говорят, что этот многолюдный труд рабов пропал даром: дворец не понравился царице, и с тех пор он был заброшен, а остались от него только кирпичные стены очень крепкой, старательной кладки.

Немного уставшая от крутого под'ема, она вышла на зеленую площадь, широкую и воздушную. Величавые кирпичные разрушенные дворцы пустынно краснели размашистой подковой. Направо — длинная стена с огромными провалами окон, а в провалах, внутри дворца, — лесная заросль, наверху стен — буйно кудрявятся березы, липы, сосны. Налево полукругом — другие здания: круглые павильоны, эрмитажи, с белой вязью фигурных кирпичей, с круглыми отверстиями, забитыми дощатыми пробками. Неужели эти сизые дощатые диски торчали здесь полтора столетия? Стены и сейчас новенькие, а все эти круглые дверцы будто сооружены на днях каким-нибудь Мосжилстроем... Вот что значит высокое качество работы! Оно рассчитано на прочность, на красоту, на добротность... И среди этого гулкого простора площади, с гордыми, царственными зданиями, четкими и строгими в архитектуре, Любаша сразу как-то по-

свежела, выпрямилась, и на душе стало упруго и легко. Она прошла через ворота с аркой в красных и белых лучах, с полуразрушенными колонками, и на нее хлынула стволлистая толпа столетних лип в медовом запахе цветения.

По широкой аллее, по чистой лиловой дорожке, засыпанной солнечными горошинами, Любаша шла долго, слушала лесную тишину и флейточки невидимых птичек. Из крылатых зарослей леса, из зеленой тьмы, плыли необъятные шорохи и трепет крыльев. Где-то наверху, в размашистой кружевной зелени листьев, смеялись галки.

Ее вдруг ослепила белизна стен и фронтона старинного здания. Четко и спокойно смотрели на нее буквы «Миловиды», и это слово показалось ей очень далеким, наивным, смешным, как лепет ребенка. Она прошла через широкий пролет, по мусору разрушения, и в глазах ее запестрели надписи на облезлых стенах — карандашом, гвоздем, краской. И эти надписи краской показались ей почему-то особенно забавными: до чего молодежь стремится увековечить свои имена! как хочется ей запечатлеть мгновение своей любви на долгие годы!

Любаша вышла на другую сторону «Миловиды» и ахнула от восторга. У ней даже закружилась голова от неожиданной воздушной глубины, от лесных просторов и неба. Прямо перед нею, далеко внизу, под крутым, зеленым спуском, зеркально голубело озеро, уходящее вдаль. Сосны и липы по берегам четко отражались в тихой зеленоватой воде, а глубоко, между ними, сияли в синеве снежные барашки облаков, и от этого озеро казалось бездонным.

Она не заметила, сколько времени она стояла и смотрела в эту глубину, — может быть, один миг, а может быть, и целый час. Она забыла себя и не ощущала времени. Никогда еще она не чувствовала себя так хорошо, чисто и безмятежно, никогда еще не испытывала себя такой свободной, воздушно-легкой и прозрачной, как в этот безвременный час. Она слышала свое сердце, звон крови в ушах, и ей чудилось, что сердце ее — всюду, во всем этом далеком и глубоком просторе. Блещающее озеро, и

леса, и небо залиты звоном далеких колоколов.

Любаша уже не чувствовала той боли, которая мучила ее в эти дни. Ощущалась только мутная усталость, как после болезни, а пережитые события не волновались в памяти, они дымилась тенью за ее сознанием. Обрывки воспоминаний мелькали перед нею, точно быстрые миганья отдельных кадров кинокартины и потухали, как мгновенные уколы в сердце.

Из-за лесных зарослей медленно плыла лодочка по озеру, без всплесков, без волн, только позади тянулся призрачный след. В лодочке сидел человек в синей майке и серой кепке. Он возился с удочками, пристально рассматривая что-то на тоненьких удилищах. Лодочка остановилась на середине озера, и в воде отчетливо отразились вниз головой фигура человека и борт лодки. Он закинул две удочки и успокоился, будто задремал. И Любаше очень захотелось спуститься вниз, к берегу, сесть на лодочку, поплыть куда-то далеко, в тишину озера, в безлюдные заросли леса, и тихо запеть хорошую песню — такую, которая пелась в незапамятные дни. Ей стало почему-то по-хорошему грустно, и она вздохнула, глубоко и блаженно. Золотыми пятнами играло солнце на дорожке аллеи, и листья на деревьях и кустах переливались голубыми вспышками. Маленькими пальцами разбрасывали кружевные листья папоротники по краям аллеи, лопухи разбрасывали мясистые опахала, и ветви молодых лип протягивали на дорогу тонкие побеги с ядреными листочками.

Любаша спустилась по аллее вниз, в долину, с извилистой речкой в густой траве и кустарниках. Солнце тут пылало жарко и ослепительно. На другой стороне, на холме, начинался дикий лес — березняк, осинник, сосняк, — мелколесье. Где-то очень далеко пели петухи. Наперерез ей пробежала лохматая рыжая собака, с разинутым от жары ртом. Красный язык трепыхался на-бегу, и с кончика его каплями стекала слюна. Собака на мгновение остановилась, с удивлением взглянула на Любашу и побежала дальше. Позади, на горе, пышно темнел парк,

и Любаша почему-то подумала, что там, за этим парком, — вокзал, а за вокзалом туманится на горизонте Москва. Теперь Надюшка вероятно проснулась и настойчиво спрашивает отца, где же ее мамка. А Модест зовет Любашу, думая, что она — в кухне, потом встает, находит на столе ее записку, хмурится, думает о чем-то, а потом усмехается: пусть, мол, погуляет, отдохнет немного, соберется с мыслями — это хорошо.

Она поднялась по косогору в березняк, забралась в самую чащу и села на траву. Кругом было глухо, белели стволы берез, трава пахла пряно и прохладно. Под ладонью она была влажной и холодной. Много роилось цветов, — желтых, фиолетовых, белых, синих, — точно брызги радуги. Ползали какие-то красные и бронзовые жучки по стеблям и листьям, звенели мухи, пели песенки комары. На осине бабочками трепетали листья.

Любаша легла на траву и прислушалась: тишина, до звона в ушах. Хорошо! Какой бездонный покой и какая буйная жизнь земли!.. И только она, Любаша, отравлена собственной болью и каждый день носит в сердце ожоги прожитых дней. Она смотрела на траву, погружала в нее лицо, и мягкая пахучая прохлада щекотала щеки и лоб. И от этого прикосновения к траве, хмельной и милой, она чувствовала себя безмятежной, певучей и кроткой. Как давно она не дышала этой влажной теплотой земли, этим медом цветения и живоносных соков! Точно в этот миг она опять родилась заново, опять чувствовала себя ребенком, переживающим первобытную радость жизни. Она стала перебирать траву, такую богатую, разнообразную в листьях и такую причудливую в архитектуре стеблей и разветвлений... И впервые она удивилась мастерству их чеканки, красоте их рисунка. С виду все они как будто невзрачные, неприметные, затерянные в массе травы, а взглядеться попристальнее в эту вот былинку с кружевными листьями, вырезанными мудро, сложно, запутанно, со странными лиловыми цветами, похожими на кувшинчики, — и не можешь оторваться. Или вот эти зонтики: те же вырезанные

листья, которые хочется вышивать шелком, те же упругие веточки, украшенные у основания бантами листьев, а вот на концах стеблей — лучи полушаром, и лучи эти расцветают малюсенькими цветами плоским кругом... сотни, тысячи неповторяющихся форм, рисунков, сплетений, нарядов... Разве можно их осмотреть и налюбоваться каждым в отдельности? Любаша глядела на каждую травку и былинку, изучала ее со всех сторон, исследовала пальцами, близко подносила к глазам, чтобы увидеть мельчайшие детали, и глаза ее светились от наслаждения.

Ее внимание привлекла невиданная раньше никогда работа. Она застыла на месте и вся ушла в наблюдение. В очень удобном углублении между стеблем и черешком листа зеленая водянистая гусеница ткала вокруг себя паутиный кокон. Червячок работал старательно, непрерывно, тыкаясь черной глянцевою головкой в плетение своего трикотажа. Он был уже в туманце перламутровой ткани, густой внизу и прозрачной в куполе, и в солнечном луче сам переливался жемчужной пылью. Как превосходный работник, он трудился непрерывно, уверенно, с знанием дела, и выпускал из скрытой бобины невидимую нить, вспыхивающую только на солнце. Любаша исследовала эту нить и в вязи, и в ее движении и чувствовала ее упругую добротность. Иногда червячок вздрагивал, производил какую-то работу во рту, клевал в ткань кокона, и Любаша видела, как пряжа выходила из его саячек в узелках и утолщениях. Он чесал их в мережке, разглаживал, и ткань выходила у него без изъёнов и брака — ровная, красивая, играющая радугой. И Любаша нутром ощутила огромную любовь этого ничтожного существа к своему делу. Впрочем, это — не любовь, а жизнь: работа этого червяка — это он сам. Без этой работы, напряженной и самоотверженной, он был бы немислим: в этом неизбежном, гигантском труде, который должен быть выполнен в свое время, чувствовалась непобедимая потребность и неотвратимый долг. Пусть здесь не было сознания и самокритики, но был непреложный закон и сила ин-

стинкта. Червяк делал свое дело с удовольствием, с радостью, с величайшей преданностью. Ему надо было производить — производить целесообразно, надежно, изящно: в этом воплощалось его будущее, в этом было его предназначение.

Любаша очарованно смотрела на этот чудесный труд изумрудной гусеницы и вся ушла в процесс ее работы: следила за каждым движением этого существа, за каждым змеиным изгибом его тела — эластичным, рассчитанным, экономным, хозяйственно-заботливым. И как-то поновому переживала она зависть к этому красивому уродцу — зависть любования, хорошую зависть, от чистого сердца.

Вспомнила она свой бунт в цеху против Сергеева, против Мишуриной и Дробина, вспомнила, с какой натугой и отвращением она обращалась с пряжей и машиной, как претила ей работа в цеху в эти дни, и ей стало совестно.

Если бы Любаша увидела эту гусеницу в другое время, в другом душевном состоянии, она, вероятно, не обратила бы на нее внимания. Но теперь, когда она находилась в смятении, когда переживала трагедию, которая могла окончиться для нее катастрофой, когда она чувствовала себя в мучительном тупике, — этот маленький урод, плетущий свой трикотаж, вошел в ее душу какой-то простой, детской радостью.

XI

Когда она возвратилась в парк, солнце уже перевалило за полдень. Как странно! она не заметила, сколько времени она пробыла в лесу. Она только сейчас догадалась посмотреть на часики: батюшки, три часа!..

В той же долинке, у маленькой речки, где она когда-то проводила молодые, веселые часы, Любаша увидела толпу девчат и парней. Яркие разноцветные платья, голые руки, разливная гармония, смех, крики, шлепанье ладошек.

Подошла она незаметно. Все теснились в плотном кругу плечо в плечо и зачарованно следили за пляской парня и девчухи. Парень был тонкий, гибкий,

смуглый, с сизыми волосами. А девчонка была белобрыса, коренаста, с задорным деревенским лицом. Она смотрела на людей серьезно, почти сурово и низким голосом сердито припевала частушки в такт плясовой. Парень вызывающе жег ее черными глазами и дразнил взмахами рук и извивающимся телом. Все хлопали в ладоши, притопывали и с застывшими улыбками следили за этой парой, уверенной самозабвенной пляской. Гармонист сидел на пне, положив ногу на ногу и улыбался, как слепой.

Сегодня — выходной день, не работает и ее завод. Городские рабочие гуляют теперь по всему парку. Чувствовала она горячие плечи девчат и парней, вздрагивающие от возбуждения и нетерпеливого желания сорваться с места и ринуться в круг. Девчата взвизгивали, парни кричали, возбуждая и плясунов, и друг друга.

Когда пара исчезла в толпе, оглушительно затрещали аплодисменты. Гармонист не прерывал игры и вызывал в круг новую пару. Выбежали еще двое, но у них ничего не вышло, и они сконфуженно разбежались в разные стороны. Какой-то нестерпимый порыв бросил Любашу в круг. Выбрасывая руки, она ветром пронеслась мимо людей, почти касаясь их, и дерзко вызывала взглядами и улыбкой любого танцора. Кто-то называл ее имя, смеялся ей в восторге, но она не заметила ни знакомых лиц, ни радостного изумления в толпе. Наперерез ей выбежал высокий молодой рабочий без рубашки, с калмыцким лицом. Он сразу же начал выделывать ногами запутанные фигуры, а голыми руками — причудливые выверты, точно хвастал перед нею своим высоким мастерством. А она вся вспыхнула, и у ней рванулось и зашлось сердце. Эти хвастливые выверты раздражали ее, и она, не помня себя, бурно распахнулась вся: красивая, здоровая, она пела и играла всем телом, и ноги ее легко и бойко скользили по траве и играли вместе с ладами гармонии. А гармония стонала и переливалась звонкими колокольчиками. Любаша чувствовала себя только в покое, и музыка лилась в нее смехом и вздохами, опьяняя ее, как вино. Она видела упругое дыхание и

дрожь мехов, окованных сверкающим металлом, и это дыхание и дрожь передавались ей, а всплески ладошек подбрасывали ее, как волны. Она дышала всей грудью, взмахивала руками и ненасытно стремилась лететь и взвиваться в эту глубокую высь, в эти зеленые лесные облака. Воздух ослепительно горел солнцем и зноем, и эти молодые лица, возбужденные, страстные, в блеске глаз и зубов, порхали перед нею стаями птиц. Тело жадно желало движений, порывов, оно ликовало, смеялось, и сердце рвалось из груди. Перед нею носился, прыгал и падал на зелень травы человек с лицом калмыка, взвизгивал, делал страшные глаза, скалил зубы, вертелся волчком, гонялся за нею, ловил и телом, и руками, а она гибко и мгновенно ускользала от него, кружилась, наступала на него грудью, бедрами и дерзко гнала от себя взглядами. Она не видела лиц, а только бурю этих лиц, рук и пляшущих тел, но хорошо знала, что все эти люди любят ее и восторженно рвутся к ней со всех сторон.

Внезапно все оборвалось, и она сразу утонула в тишине. Потом воздух взорвался бурными аплодисментами. Танцор подскочил к ней и, жеманно кланяясь, крепко пожал ей руку.

— Благодарю, Любаша, — не ожидал. Техмаксимум — на «отлично».

Ее обступили со всех сторон и стиснули в крикливой суматохе. А она, еще пьяная, с kloкочущим сердцем, тяжело дышала и чувствовала, как колыхалась земля под ногами, как подбрасывают ее ввысь плавные горячие волны. Кто-то из женщин чмокнул ее в щеку, кто-то обнимал ее, кто-то жал ее руки. Она смеялась, тоже кричала и жала чьи-то руки и целовала горячие лица.

Когда она пришла в себя и вздохнула всей грудью, мгновенно увидела знакомых девчат и работниц, своих однолеток, с другого завода, с которым они объединены производством и с которым соревновались в работе.

— Любаша, с какого неба ты упала? Вот неожиданность!.. Это — замечательно...

— Почему — одна? Почему — без Модеста? без девчат?

— А я гляжу: да ведь это — Любаша... да ведь гоголем — прямо в круг...

А она радостно смеялась и не успевала отвечать на вопросы.

Когда все успокоились, часть молодежи собралась около гармониста и хором запела песню. Другие стали играть в горелки. Платья девчат вихрились на солнце, а волосы трепались руном. Около Любаши расселись на траве молодые работницы, ее старые подруги. Тут была и Настя Пескова, тростильщица, морда-стенная и глазастая молодуха (у ней была тоже девочка, на год моложе Надюшки); тут же обнималась с рябой и смешливой Верой Чекушиной черненькая, маленькая Лия Гартман, с твердыми, но горячими глазами, — тоже обе тростильщицы; тут же легла на колени Любаши толстенная, прилипчивая Груня Москалева, оплетчица. Эта Груня влюблена была когда-то в Любашу и ревновала ее ко всем.

— Ах, Любашка, Любашка!.. — восторженно простонала Груня. — Как ты, душечка моя, пляшешь!.. Уму непостижимо!.. Жена, мамаша, солидная женщина, а порхаешь, как ласточка...

— Талант, талант... — снисходительно и авторитетно сказала Лия. Ей хотелось повосторгаться, но она строго сдерживала себя.

— Ну, как же прыгает твоя радость? — спросила Настя, и Любаша улыбнулась ее вопросу: Настя могла говорить о детях бесконечно. Все свое свободное время она посвящает девочке и водит даже с собой на собрания.

— Ну, моя Надюшка отвоевывает себе самостоятельность... — ответила Любаша, чтоб подразнить Настю. — Мне некогда с ней возиться.

— Что ты говоришь! — в ужасе рванулась к ней Настя. — Да разве это возможно? Ведь мои лучшие часы — это когда я со своей крошкой... Она же у меня — общая любимица...

Лия очень серьезно заметила:

— Правильно делает: она ребенка с первых лет связывает с коллективом.

А Вера Чекушина презрительно выпятила пухлые губы.

— Вот уж не понимаю. Мне кажется, что я завывала бы от этой обузы. Хорошо, что у меня нет детей.

Настя с негодованием набросилась на нее.

— Как ты можешь судить, Вера? Дети, это — страшное счастье. Вот будет у тебя ребенок, запоешь не так...

Груня щекотала травинкой щеку Любаши и тихо напевала песню.

Лия считала, вероятно, что разговор о детях — пустая болтовня. Она перевела твердые глаза на Любашу.

— Ну, как у вас с обмоткой, Любаша?

У Любаши болезненно дрогнули брови.

— Ах, не говори, Лия. Завязали, как в болоте. Одурили все, ну и я в том числе. Пряжа такая, что хуже нет. Это — единственное у меня несчастье. Но ведь и у вас, кажется, то же самое?

— Было, да.

Лия казалась даже бездушной в своем выдержанном спокойствии. Казалось, что она всегда обдумывала каждый свой шаг и каждое слово.

Любаша даже неестественно вытянулась от неожиданности.

— То-есть, что это значит — было? А разве теперь вы празднуете?

— Не празднуем, а выбиваемся на неплохие показатели.

Лия уже смотрела на свои длиннопальные руки и усмехалась снисходительно. Потом переглянулась с Верой и с Настей.

— Удивляюсь, почему вы до сих пор топчетесь на месте. Очевидно, свое ударничество вы понимаете односторонне.

Настя недовольно отмахнулась от Лии.

— Да ну вас, девчата... Даже здесь, на прогулке, не можете обойтись без деловых разговоров. Ты, Лия, всегда такая. А я, честное слово, хочу поболтать с Любашей, по сердечным делам... так, просто...

— Почему же разговор о нашей работе — не сердечное дело?

Вера фыркнула, упала на траву и залилась смехом.

— Ой, какая ты гадина, Лийка!.. Я не могу!.. Клянусь, она состряпает какую-нибудь запеканку.

Любаша вздохнула и погладила Груню по волосам. Ей хотелось пожаловаться своим старым подругам на свое положение, хотелось рассказать им, что произошло за эти дни, как она получила выговор и что ее погнало сюда, в Царицыно.

— Ах, если бы вы знали, что я пережила за это время...

Лия пропустила мимо ушей этот вздох Любаша и холодно заметила:

— Ты можешь переживать сколько угодно, но о соревновании помнить. Переживаниями ничего не возьмешь.

Кто-то из девчат истошно кричал издали:

— Лия! да иди же сюда!..

Лия рассеянно взглянула на играющих девчат и парней на поляне и вспыхнула веселой улыбкой.

Груня задушевно утешала Любашу:

— Ты, Любочка, не обижайся на Лию: она у нас очень даже деловая и строгая женщина. Не верь ее холодности: она тебя любит... но конечно не в таком роде, как я... Я ведь когда-то до слез тебя ревновала...

— Ты, Груня, оказывается, любишь вроде Володи... — захохотала Вера. Хотя ничего смешного не было в ее словах, но все тоже засмеялись — засмеялись, должно быть, потому, что вся зеленая долина горела солнцем, тепло пахло травой и лесом и так хорошо играла молодежь на лугу.

Но Любаша не смеялась. У ней беспокойно заныло сердце. Эта Лия несомненно издевается над нею: в ее деловых словах чувствовалась какая-то задирская игра.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, Лия, но с гнусной пряжей работать нельзя. А хозяйственники — ноль внимания. С нас только требуют, орут и туркают, а ничего существенного не делают.

Настя участливо глядела на взволнованную Любашу и хотела сказать ей что-то теплое и ласковое.

— Любашу я буду защищать грудью... — горячо крикнула Груня и,

вскинув руки к лицу Любаша, погладила ладошками ее щеки.

Вера быстро села и внезапно рассердилась. Рябины на лице покраснели и стали яркими и жгучими.

— У нас очень любят почитать на лаврах... особенно так называемые хорошие работницы...

У Лии глаза стали прозрачные и лукавые.

— Это она хвастается перед тобой... — нежно разъяснила Груня. — Она у нас передовай: скачет, как телка, ревет и — хвост на спину.

— А что? — кричала Вера. — При чем тут телка? Ты, Груня, не разводи киселя. Надо честно и открыто сказать дорогим товарищам: вы завязли, вы слали... Мы же пробилась вперед. А теперь мы обязаны взять вас на буксир. Ведь так? Ведь в соревновании-то вы позорно провалились? Разве мы не знаем, что Любаша со своей бригадой летит вверх тормашками?..

Любаша видела, что Вера и Лия торжествовали: в их переглядках было что-то оскорбительное, самодовольное. У ней тяжело забилося сердце, и она ослабела от изнуряющего потрясения. Настя поглядывала на нее с состраданием, а на Лию и Веру — с упреком.

— Ну для чего, девчата, портите хорошие минуты?.. Даже погулять и повеселиться как следует не можем... Не нравится мне это... С Любашей я давно не встречалась, хотела побыть с ней душа в душу, а вы испортили всю обедню.

И отвернулась огорченно.

А Вера взбесилась:

— Да кто тебе мешает, Настя?.. Пожалуйста!..

Она вскочила на ноги и побежала к гармонисту. А около гармониста теснились несколько рабочих и работниц и дружно пели песни. Танцор — это был Рукомойников, приятель Модеста, — дирижировал руками и с одушевлением подбадривал всех головою. Он делал страшные глаза и свирепо бодал поющих, а потом быстро менял выражение — блаженно улыбался и крутил головою от наслаждения.

Груня села рядом с Любашей, обняла ее и положила голову на ее плечо.

— Не обращай внимания, Любочка... Я не хочу, чтобы ты расстраивалась из-за пустяков. Мы проведем этот день вместе.

Лия холодно оглядела Любашу.

— Я вовсе не имела в виду делать неприятности Любаше. У нас — общее дело. Мы живем одной жизнью. И мы очень интересуемся успехами наших товарищей. Если это расценивается, как оскорбление, то я не виновата. Извиняюсь.

Любаша поднялась, вздохнула и начала старательно сбивать с юбки сор и обрывки травы. Вдруг она как будто испугалась какой-то своей внезапной мысли и быстро выпрямилась.

— Лия, ты сейчас сказала что-то насчет буксира. Как это понимать?

Лия небрежно скользнула по ней твердым взглядом и ответила сквозь зубы (так показалось Любаше):

— Очень просто. Вы застряли и проваливаете месячный план. Мы этот план выполняем. Обмотку подтягиваем к нулевому браку. Надо вам помочь выйти из тупика. Только и всего. Мы же ведь соревнуемся.

— Но ты же сказала, как же вы боретесь с пряхей...

Лия загадочно усмехнулась.

— Ну, это — наше дело, наша избрательность. Вот придем вам тягачей, тогда узнаете.

Любаша отчужденно подобралась и похолодела, и все увидели, что она мучительно взбудоражена, и глаза ее вспыхивали враждой и неприязнью.

— До свидания, товарищи...

— Куда ты, Люба?.. — испуганно крикнула Груня. — Я не пущу тебя.

Любаша оттолкнула ее взглядом и засмеялась.

— Нет, Груня... Гуляй, наслаждайся... А я уж понесусь домой... Мы же сейчас с вами как бы воюем...

— Но мы же — не враги?.. Люба!..

Настя подошла к Любаше и взяла ее за руки.

— Любочка, приходи ко мне, роденькая... Приводи свою Надюшечку... Я так тебя давно не видала... Есть о чем поговорить... Обещай мне, дорогая...

Лия тоже поднялась и неожиданно хорошо засмеялась.

— Ты, Любаша, не глупи. Сердиться нечего. Дружба дружбой, а борьба борьбой...

Любаша поцеловалась с подругами и побежала по дорожке вверх, в сторону парка.

XII

Домой она приехала к вечеру. Заметила она это только тогда, когда вышла из вагона на Рогожской. Ей казалось, что она очень долго ехала на трамвае.

Модест встретил ее на дворике около крыльца и сунул ей Надюшку.

— Я сейчас, Люба, бегу в цех. Возня с машиной.

И не спросил даже, отдохнула ли она, как провела время. Она испытующе посмотрела ему в лицо и ничего не ответила. Надюшка обнимала ее ноги и нежилась, путаясь в ее платье. Так проводилась она с дочуркой до тех пор, пока не вышел Модест в прозодежде. Он зашел кал им пальцами и быстро пошагал к заводу.

— Я приду в час ночи... А возможно, что провожусь до утра. Во всяком случае, ты не жди меня...

Любаша проводила его молча с недоброй усмешкой и пошла с Надюшкой в комнату.

Ночью, когда Любаша хотела потушить лампочку, раздеться и лечь в постель, в дверь постучали, сначала робко, а потом настойчиво. Любаша не успела подойти к порогу, как дверь тихо открылась и в ее распах затолкались в пересмешках Дуня, Варюшка и Клавка.

Одеты они были, как барышни, волосы взбили пышно и припудрились.

— Гостей принимаешь, бригадир?

— Милости просим... хотя я уже готовилась спать.

— Мы — на минутку, Любочка... — звонко прошептала Дуня. Она влетела в дверь первая, но сразу же остановилась и смущенно оглядела комнату. Увидев Надюшку в кровати, она замахала на Варюшку и Клавку, которые со смехом толкались в дверях.

— Детенок спит... Тише, бешеные!..

Варюшка и Клавка испуганно приложили ладошки ко рту и вошли в комнату на цыпочках.

Любаша сразу заметила, что они были взволнованы, нетерпеливы, дышали запаленно, точно бежали сюда сломя голову. Клава сразу же забыла о спящей девочке и заметалась по комнате. Она махала сумочкой, задыхалась, останавливалась на мгновение перед вещичками на комод, перед зеркальной дверкой гардероба, ловила свое отражение, но не видела его.

— Тише, Клавочка... не пыли... — вкрадчиво и ласково пропела Варюшка. Она улыбнулась, пристально следила за Клавкой и как будто потешалась ее бешенством. — Ты, родная, гонишь такой ветер, что рамы гремят.

— А ну вас к черту!.. Я готова сейчас всех вас зубами рвать, разгромить весь этот уют... и орать на весь свет, что мы — дрянь и дуры... и цена нам — дерьмо...

— Ох, Клавка!.. — пискливо засмеялась Дуня. — Ты груба до невозможности... У тебя нет женственности...

Любаша вглядывалась в беспокойные лица девчат и чувствовала, что пришли они к ней неспроста: вероятно, они узнали о решении бюро ячейки и примчались сюда, чтобы побеситься вместе с нею по поводу ее несчастья. Как-никак, а выговор, вынесенный Любаше, бьет не только ее, но и их. Она ждала, что они сейчас набросятся на нее и устроят ей скандал. Если она не может руководить бригадой, пусть передает свои обязанности кому-нибудь другому...

Варюшка села на стул около этажерки и взяла книгу, которая лежала наверху высокой стопки. Это был давно знакомый по заглавию том, который часто читал Модест: «Вопросы ленинизма». Варюшка перелистывала книгу, сдвигала брови и шевелила губами. Она казалась очень спокойной и рассудительной.

Все молчали и как будто не знали, о чем говорить, или не решались приступить к делу.

— Ну-ка, приостанови свой маятник... — сердито сказала Варюшка, оглядывая Клавку. — Чего размахалась?..

— Я больше не могу терпеть... — огрызнулась Клавка и завертела сумку на ремешке. — Довольно дурака валять...

Варюшка встала и процитировала с расстановкой, припоминая слова.

— Это — мы с вами, это — наша воля к труду, наша готовность работать по-новому... Лучше не скажешь, девчата. Ну-с, рассказывай, Любаша.

Во всей ее фигуре и в этих сдвинутых бровях Любаша увидела что-то новое, решительное, осуждающее, точно Варюшка потребовала от нее какого-то отчета в ее поступках.

— А что ж рассказывать?.. Мне ввели выговор...

Она хотела рассказать девчатам, что она пережила в минуты заседания бюро, когда обсуждалось ее дело, но поймала себя на мысли: ведь у нее было одно желание — пробудить в них сочувствие и взбунтовать их против Мишуриной. В глазах Варюшки она уловила насмешку, а мгновенная ее переглядка с Дуней уколола ее до боли в сердце. Она озлилась и на себя, и на девчат. Что это такое? Издеваться, что ли, пришли они над ней? Или уже настолько она пала, что не может владеть собою? Неужели она утратила весь свой авторитет и кажется перед ними тряпкой и пуганой вороной? Где же ее гордость и самолюбие?

Варюшка деловито и невозмутимо прошла по комнате.

— Это мы уже знаем, Любаша. Иначе не могло и быть. Поделом... и нам конечно вместе с тобою...

Клавка обозленно засмеялась и буркнула:

— Я еще никогда не была в таком дурацком положении...

Дуня молчала. Она все время колдуливо улыбалась и смотрела мимо всех, в стену.

Любаша наблюдала за ними и старалась угадать, что их взбунтовало сегодня. Почему они ворвались к ней именно сейчас, ночью. Какие они потешные и милые! Ведь они страдают так же, как она, ведь и они, должно быть, не находят себе места... вот не выдержали — к ней же прибежали облегчить душу. Эти три девушки всегда — вместе: их старая

дружба сейчас как будто задушевнее, а неурядицы в цеху спаяли их крепче. Только к ней они стали относиться недоверчиво и отчужденно, точно она одна была виновницей их неудач.

Этот внезапный их приход и растрогал, и растревожил ее. Что-то произошло с ними, что-то взвинтило их сверх меры...

Любаша решила подождать, что будет дальше: обязательно выложит все бурная Клавочка, а Дуня, хотя и конфузится и старается смягчить ее неистовость улыбочками, но ей до смерти хочется, чтобы Клавка прорвалась сразу. Только Варюшка разыгрывает из себя уравновешенную умницу и ждет от Любашы тревожных вопросов.

— Сегодня я, девочки, весь день была за городом... в Царицыне. До чего же хорошо... Надыхаться не могла... Как будто проветрило меня всю, промыло, пропитало солнцем и зеленью.

Варюшка усмехнулась осудительно.

— Тоже... нашла время прогуливаться...

Клавка со свистом замахала сумочкой.

— Не все ли ей равно... хотя бы с нас башки свернули... Все обстоит благополучно... Начхать!..

Любаша выпрямилась и сложила руки на груди.

— Ну, нечего жеманиться... Говорите прямо, в чем дело...

Варюшка поманила рукою Клавку и солидно подтолкнула к Любаше Дуню.

— Ситуация такова, товарищи.

Она заговорила так, как обычно выступала на собраниях, — газетно и приподнято: — Ситуация такова, что придется сейчас же проанализировать обстановку. Соотношение сил — не в нашу пользу. Сейчас мы были в клубе «Моспровода». Тамошние девчата подняли нас насмех. Говорят, что они решили взять нас на буксир.

— Да, да! — засмеялась Дуня. — Именно. Черным по белому.

А Клавка опять обозленно заметалась по комнате.

— Достукались, коклюшки!.. Ха, на буксир!.. будто мы какие-то старые баржи...

— Да-с, это называется — воля к труду... — раздельно, со сдержанным негодованием сказала Варюшка. — Решимость... ударничество, соревнование...

Дуня засмеялась, но сразу же вскинула ладошку ко рту.

— Дрянная пряжа... — рычала Клавка. — Дрянная пряжа... А знаем мы, как идет к нам эта дрянная пряжа?.. Ни черта мы не знаем и знать не желаем... Стоим мы, как кобылы на привязи, и жуем, что нам бросят в морду...

— Не хаи, Клава... — ласково и проникновенно проворковала Варюшка, — останови свой ветрогон... не пыли...

Дуня посмеивалась про себя:

— Да, все мы очень красивые...

Там, в Царицыне, слова Лии потрясли ее до изнеможения, а по дороге домой — в вагоне — она не находила себе места. Вагон был густо набит людьми — рабочей молодежью, которая возвращалась с прогулки. Все были веселы, оглушительно крикливы: смех, песни, гармония, непоседливая возня... А, она, Любаша, сидела у окна и задыхалась от мучительного беспокойства: страдала от унижения и от бессильного гнева, и от страха перед ударом, который занесен над нею, над ее бригадой, над цехом другим заводом. Лия и Вера ведь бесцеремонно издевались над нею, это — факт. Она, когда-то хорошая работница и ударница, в их глазах была просто жалкой пешкой, нюней, растрепой... С ней они даже не считали нужным говорить серьезно: они шалили, они поддразнивали ее, они только играли с ней. А у ней даже не нашлось силы и гордости ответить им с достоинством и защитить свою честь. А когда Настя и Груня старались поддержать ее своей дружеской теплотой, она еще больше чувствовала свою беспомощность. Она не нашла иного выхода, как бежать от них домой, и только в вагоне почувствовала, как она смешна в своем смятении и бешенстве. Всю дорогу она терзала себя за трусость и только в эти минуты нашла сильные и острые слова, какие нужно было тогда же бросить в лицо Лии и Вере.

Она напряженно думала, как вырваться из этой дыры, в которой она с девчатами копошится до сих пор, как и куда нужно ударить, чтобы проломить глухую стену безысходности.

Она представляла себе, как придут в обмотку делегаты с того завода, как соберут всех работников (будут и Дробишин, и Симаков, и Мишурица) и скажут: «Вот вам наши цифры, вот — наши победы... Показывайте ваши. Мы вас перекрыли, а теперь берем вас, как отстающих, на буксир. Принимайте наших работников». И будут дружески и самодовольно улыбаться. Но эта дружеская улыбка страшнее угрозы: она мучительнее ненависти. Любаша будет стоять безмолвно, как оплеванная, и в ней нехватит сил поднять глаза на людей. Она только мучительно будет ощущать неудержимую дрожь ног и безнадежный холод сердца. Из-за нее, из-за ее цеха завод будет обесславлен на всю Москву.

И так это ярко и неотразимо мерещилось ей, что она даже стонала, как больная. В вагоне, против нее сидела бледная девушка с наивными глазами и участливо спрашивала ее:

— Вам, кажется, трудно, товарищ? Может быть, воды выпьете? У меня — кипяченая.

А Любаша едва могла вымолвить:

— Нет, ничего... спасибо...

В трамвае она ехала на передней площадке прицепа. Рядом с нею, у тормозного колеса, стояли двое молодых рабочих, в новых кепках, в одинаковых синих рубашках, с одинаковыми серебристыми галстуками, и с увлечением разговаривали, перебивая друг друга.

— Тут ведь чем вещь дорога, Вася? Пойми!.. Тем дорога, что душу вкладываешь...

— Не только это, браток... Важно, как ты связал себя с ней от первоистока... как ты родил и вырастил ее...

— Нет-с, Вася: не в том суть, что ты — ее папаша, а в том, что ты — владыка...

— Пускай так...

— Именно так... Вот к примеру возьмем такой процесс: ну, скажем, отбор сырья... Самотек — это наша не-

чистоплотность... грязь... отсюда — обезличка вещей и людей. Надо вещь ожить рукой с самого начала... Любовь к вещи надо воспитывать...

Любашу будто подобрсила и завертела какая-то сила. Заорали и затолкались пассажиры в дверях и толкнули ее к выходу. В душе у ней тоже взвился оглушительный вихрь. Она внезапно ощутила себя в стремительном полете. Ее сдавили со всех сторон и швырнули в сторону. Выброшенная на улицу, в толпу ошалелых людей, она выбралась на дорогу и вдруг почувствовала себя легко и свободно.

Очнулась она на мостовой от неистового рева автомашины. Она оглянулась и испугалась: машина затормозила ход совсем рядом, а шофер орал на нее и яростно грозил кулаками. Почему угрозило ее итти середине улицы? Почему она вышла из вагона за две остановки от своего городка?

Перед приходом девчат она как будто совсем успокоилась: день прошел, потухли события, а она как будто только проснулась после кошмарного сна. И вдруг увидела она, что все ее боли, обиды, отчаяние, злора остались где-то позади и сгорели в солнце. А на душе — спокойно, устойчиво, светло, и она в этот час — сильна и готова к борьбе. Она уже знает, что делать: ее решение окрылит и взволнует девчат.

И вот сейчас, когда эти девчата прибежали к ней, мятежные и растерянные, она уже смотрела на них, как мать, и забавлялась их панической беспомощностью. В то же время они удивили ее: она увидела в них что-то новое.

Клавка и раньше бесилась и орала на весь цех, но тогда она злилась и на пряжу, и на нее, Любашу, и на Сергеева, и на хозяйственников. Злилась она только за себя, как капризная девчонка. Теперь она бесилась не от обиды, не оттого, что ее заставляли работать на плохой пряже, а оттого, что и она сама, и все ее подруги, а особенно она, Любаша, грохотали самое дорогое — свою честь. Она готова сейчас броситься в кулаками и на девчат, и на всех, кто стоит у ней на дороге. Варюшка, как умница, смотрит на Любашу и на девчат со скрытой

насмешкой: она хорошо знает им цену и не торопится высказать свое мнение. В ее лукавых глазах, в бледном и худеньком лице и в приглаженных волосах Любаша чувствовала терпеливую затаенность кошки.

— Мы раскисли, девчата... — сказала она сердито. Ей очень хотелось позлить их — испытать их самолюбие. — Придется сдаваться... Мы с вами только разводим бузу, а на дело у нас нет пороуху...

— Это еще что? — метнулась к ней Клавка, а Дуня даже испугалась и ахнула. — Сдавайся хоть самому чорту, если тебе нравится, а я не желаю... я не хочу этой срамоты...

Любаша не шевелилась и смотрела на нее вприщурку, как будто не верила в ее пыл. Варюшка тихонько напевала в нос песенку и знающе улыбалась про себя.

Дуня тоже взъерепенилась и покраснела от обиды.

— Я не понимаю тебя, бригадир... Мы пришли к тебе, чтобы решить вместе, как быть, а ты... Ведь нельзя же так дальше...

— Да, уж... пленить тебе своей шевелюшкой никого не удастся... как ни хорошишь, Дунечка...

Любаша усмехнулась и задержала взгляд на гривочке Дуни. А Дуня и в эти минуты не забывала о себе: она остороженько, легкими прикосновениями пальцев поправляла свои локоны на висках и на лбу и следила за складочками своей батистовой блузки.

Клавка остановилась и взглянула на Дуню. Глаза ее блеснули смехом, и зубы, хорошие, сплошные, вспыхнули ярко и весело. И от этого она стала очень хорошенькой и ядреной.

Варюшка всплеснула руками, как дирижер, и прислушалась ко всем, сдвигая брови. И в этот миг она опять стала похожа на кошку.

— Итак, товарищи? Что же мы сейчас должны предпринять? Есть ли у нас решимость?

— Да, есть! — Дуня встряхнула кудрями и выпрямилась, вызываясь выставив грудь. Это было так забавно, что все засмеялись.

Любаша по-девичьи обняла подруг и зашептала, как заговорщица:

— Я сейчас же бегу к Дробошину, девчата... Дело вот в чем... Придется здорово драться. План наш — таков...

Но тут же замолчала и тревожно прислушалась.

XIII

В дверь настойчиво барабанили пальцем. Хриплый тенорок, повизгивая от удовольствия, словоохотливо бормотал у замочной скважины:

— У ней — огонь... Не спит — полудничает... Какая-то бабья компания... Это — еще лучше...

Такой хриплый говорливый тенорок — только у заведующего складом Кулакова.

«Это — зачем? — испуганно подумала Любаша. — Что ему нужно?»

Она поочередно переглянулась с каждой из девчат, и в глазах у них тоже вспыхнул испуг и изумление.

Почему именно в этот час вваливается к ней Кулаков? Какой чорт толкнул его нюхать глухой ночью ее комнату? Этот Кулаков, тщедушный и подозрительный парень, с крошечными глазками, всегда казался ей злым и опасным. Он любил говорить о ворах, о кражах, о преступниках и, когда ругался с кем-нибудь, то грозил арестом. На каждого работника и работницу, которые попадались ему на глаза, смотрел подозрительно и ехидно.

Любаша сразу догадалась, что Кулаков нагрянул к ней потому, что она дала ему какой-то повод заподозрить ее в воровстве.

«Ах, ты, сволочь поганая!.. Я тебя отучу... мокрица чортова...»

Стук опять повторился нетерпеливо и нахраписто.

— Эх, отворяй-ка поскорее! Чего там возишься?

Она бросилась к двери и распахнула ее настежь. Дверь стукнулась обо что-то твердое и отразилась обратно. Кто-то охнул и выругался.

— Чорт тебя дерет, холеру... — застонал Кулаков и вскочил в комнату.

хватаясь рукою за лоб. — Не бережешь чужих черепков... Не иначе — шишку посадила...

Любаша увидела заводского милиционера, такого же щуплого и поношенного.

— Не ори!.. — строго зашептала она, махая рукою. — Ребенка испугаешь... Какого чорта надо?

Кулаков развязно присел к столу и пригласил рукою милиционера.

— Ты не кирпичись, Любашенька...

— Я тебе — не Любашенька, дурак... Какое ты имеешь право врваться ночью к работнице, к партийке?

— Ну, не кирпичись, дорогая, не мутить горячей крови...

Кулаков сел на стул и, ухмыляясь, щупал ее прищуренными глазами. Кепки он не снял и, как дома, не стесняясь, вынул пачку папирос, вытряс их до половины на ладонь, неторопливо вытащил одну из них и всунул в рот.

— Ты не распоясывайся, пожалуйста, Кулаков. Курить здесь нельзя.

— Ну, так вот, дорогая женщина... — Он чиркнул спичкой и пытливо оглядел девчат. — Пришли мы к тебе... ну, понятно, догадываешься, по какой надобности...

Он поднес спичку к папироске, и глазки его заморгали от удовольствия. Зажечь папироску он не успел: Любаша вырвала ее изо рта и бросила на пол.

— Чего хамишь? Куда ты пришел?

— Ну, ладно... обойдемся и без этих прикрас...

Любашу испугал даже не сам Кулаков, а вот этот милиционер. Он скромно и молча стоял у двери и застенчиво оглядывал комнату, девчат, гардероб с зеркалом, комод с флакончиками и с особым интересом этажерку с книгами. Он был простой, мешковатый, с толстым, добродушным носом и широкими челюстями.

Девчата сгрудились у окна, между столом и милиционером, и растерянно спрашивали глазами и Любашу, и друг друга, в чем смысл этой сногшибательной истории.

Варюшка вкрадчиво спросила Кулакова:

— Интересно, Кулаков: есть ли у тебя какие-нибудь полномочия врваться в квартиры работниц?

Кулаков подозрительно оглядел ее и усмехнулся.

— А это вас не касается. Раз я пожаловал с товарищем милиционером — значит все в порядке. А вот по какой надобности вы здесь находитесь в такое позднее время, скажите, пожалуйста?

Варюшка вздрогнула, вся подобралась, точно приготовилась к прыжку.

— Это еще что такое за вопрос? Ты не воображай, что я тебя испугалась.

— Это нахальство и безобразие... — взбесилась Клавка и опять заметалась по комнате. — Надо ударить по рукам этого журавчика...

Дуня робко озиралась и искала глазами поддержки у подруг.

Кулаков ехидно усмехался и чувствовал себя превосходно: он пришел сюда властный, неотразимый, как хозяин. Он может задержать этих девчат, арестовать Любашу, рыться во всех углах, в гардеробе, в ящиках комода, и никто не посмеет противодействовать ему.

— Ну-с, так вот, Любаша... — прищуривая то один, то другой глаз, веско сказал Кулаков: — Пришли мы к тебе маленький допросик сделать... ну, а потом, конечно, сама понимаешь, голубок... обыск произвести.

Он вытягивал к ней шею, шарил руками по столу, и они дрожали, как у алкоголика.

Любаша подошла к девчатам, и ей сразу стало легче. Чувствуя их дыхание, она уже не боялась ни Кулакова, ни милиционера, и этот ночной налет их уже не казался возмутительной дерзостью, а какой-то глупой комедией.

Она обняла Варюшку и пренебрежительно сказала:

— Никакого допроса не будет, и обыска делать не позволю. Освободика комнату.

— Это — как? — Кулаков даже встал от изумления и еще больше вытянул шею.

— А так, очень просто. Не позволю — и баста.

Она оторвалась от девчат и бросилась к милиционеру. Тот даже оторопело отступил от нее и смущенно улыбнулся. Рот у него оказался неожиданно большим и мясистым, с короткими, очень стертymi зубами.

— А тебе, товарищ милиционер, стыдно влипать в эту историю. Уходи, пока не поздно.

— А я — охрана. Мне — что?.. Поступило требование... а дежурный командировал...

Кулаков захлебнулся от смеха и подмигнул милиционеру. Он опять сел, и руки его беспокойно зашарили по столу дрожащими пальцами.

— Все в порядке, Любашенька... все в надлежащей формочке... не беспокойся. Я — стреляный воробей... Ты лучше покажи-ка мне свой шелковый беретик, каковым украшала голову в этот выходной день.

— Не покажу.

— Ну? Никакого удовлетворения просьбы?

— Никакого удовлетворения. И добром тебя прошу: сейчас же уходи вон.

— Как это? Мы еще поищем это вещественное доказательство в твоих домашних хранилищах. Неужто ты даже и не скажешь нам, как ты действовала насчет приобретения шелка?..

— Сволочь ты после этого, Кулаков. Как ты смеешь являться ко мне с этой грязью!

— Любашенька! голубок! Дай же полюбоваться твоим великолепным беретиком... Говорят, что даже искры от него сыпятся...

— Да, вот именно, шелковый с искрами. А где его связали и как я его прибрела — это мое дело.

— Да неужели? Ведь вот ты какая гордая!

Девчата пристально следили за Кулаковым и за Любашей и волновались. Клавка не выдержала и заорала на Кулакова, вся красная от гнева:

— Ты что же это, култыха... Ведь я же тебе могу сейчас морду набить...

Любаша очень спокойно подошла к Кулакову и по-деловому обратилась к нему, сдвигая брови:

— Вот что, Кулаков: шутишь ты или нет, но я предупреждаю тебя, что если ты сейчас же не смоешься, я двину дело по партлинии. Я немедленно сообщу Дробишину.

Кулаков отмахнулся и опять прищурился на Любашу.

— Ну, это, Любашенька, — не факт. Я к тебе явился не для любезных разговоров. Тут, милоч, — верное дело. Беретик-то свой выложи сюда, родная, а мы проверим вот по этому самому моточку.

Он вынул из кармана моток зеленого шелка и поиграл им перед своим носом.

— Ну, что тебе стоит, Любашенька?

Любаша взглядела в сияющий моточек и замерла: ее шелковый берет и нитки этого моточка были совершенно одинаковы. Она даже вздохнула от страха и беспомощно оперлась рукой на стол. Если Кулаков найдет ее берет и сравнит его с этим моточком заводского шелка, она пропала. Ее может быть, арестует этот милиционер, отведет в отделение, потом ее посадят в домзак, будет следствие, суд... оторвут ее от Надюшки, от Модеста, от этих девчат, от завода, и жизнь ее будет изуродована до конца.

Надюшка сидела в постельке, вцепившись ручками в железные переплеты, и молча, вдумчиво смотрела на незнакомых людей. Любаша опрометью кинулась к девочке.

— Спи, моя крошка, ляг, дорогая...

Но Надюшка как будто не слышала слов матери и очень серьезно изучала всех заспанными глазами.

Варюшка подкралась к Кулакову и протянула руку к моточку, но Кулаков отдернул его и хитро погрозил ей пальцем.

— Кулаков, ведь этот шелк — из заводского хранилища.

— Всеконечно. Иначе не может быть.

— Как же ты имеешь право брать шелк из склада?

— Как это? — пораженный вскочил Кулаков.

— Да так. Это называется хищением заводского имущества. Если бы контроль обнаружил этот моточек в твоём кармане, он задержал бы тебя, как вора.

Кулаков бессмысленно смотрел ей в глаза и, сбитый с толку, молчал, перебирая дрожащими пальцами атласную зеленую мотка. Варюшка с улыбкой следила за Кулаковым, кротко и терпеливо. И в этой тишине все услышали, как сдержанно переговаривались люди в коридоре и шоркали осторожные шаги. Вероятно, соседи пронюхали о приходе Кулакова с милиционером и подслушивала у двери, сгорая от любопытства.

Милиционер стоял у этажерки и перелистывал какую-то книгу. Он мусолил пальцы и задерживал их на страницах. Должно быть, он очень заинтересовался книгой и не замечал, что происходит в комнате. Вдруг он забеспокоился, почесал указательным пальцем нос и висок, поискал Любашу глазами, улыбнулся и пошagal к ней.

— А сочинение это очень замечательное. «Преступление Мартына» называется. Тут гроба с погибшими из вагонов выгружают... У меня тоже Мартын — товарищ был...

И с наслаждением погладил ладонью страницы.

— Можно воспользоваться для чтения?

Любаша сначала не поняла и отвернулась от милиционера. Но когда она встретила с растроганными его глазами и застенчивой улыбкой и увидела книжку в его руках, она успокоилась.

— Пожалуйста... книг у нас много... Модест покупает в каждую полочку...

Она не раз встречала этого милиционера в контрольном проходе и замечала, что он задерживал на ней свой взгляд и любовался ею. Книжку он держал осторожно, с усилием, точно она была очень тяжелой. И Любаша как-то сразу поняла, что этот милиционер не сочувствует Кулакову, что ему стыдно быть рядом с ним, что она сейчас может выгнать Кулакова в толчки, а милиционер только одобрительно заулыбается.

— Чтением я люблю заниматься... Наши сочинения берутся из самой жизни... Вот только мало сочиняют о войне... об обороне нашей социалистической родины... Ну, тоже обидно: героическую милицию не изображают.

Любаша дотронулась до рукава милиционера.

— Уволоки от греха этого уroda, товарищ милиционер, а то без скандала не обойдется. А еще лучше — сам сейчас же уходи под шумок.

Милиционер покосился на Кулакова, сдержанно усмехнулся и сразу похолодел.

— Товарищ Кулаков любит заниматься приключениями...

И опять отошел к двери.

А девчата уже наступали на Кулакова и прижимали его к стене. Особенно размашисто насканивала на него Клавка.

— Чорт рыжий!.. ввалился сюда с своей сухой мордой... Что мы тебе? шкуры барабанные?..

— Обожжешься, Кулаков... — осмелев, вскрикивала Дуня. — Мы это даром не оставим... Мы не позволим охалить нашу бригаду...

А Варюшка терлась около него кошечкой и мурлыкала:

— Пойми, Кулаков; ведь ты работаешь на свою голову. Шелк-то спер из склада, а хочешь взвалить кражу на Любашу. Не пройдет это, Кулаков. Ведь мы разоблачим тебя моментально.

Кулаков смотрел через головы девчат и держал себя опять независимо и бездушно.

— У меня все данные — налицо. Марья Речкина категорически доказывает, что берет — из заводского шелка.

Он подошел к комоду, оглядел его сверху донизу и, не найдя ключа, попробовал выдвинуть ящики, но они не подавались. Ключа нигде не оказалось, и Кулаков досадливо смахнул пот со лба.

— Ну-ка, Любаша, — дай-ка ключи, голубок...

Любаша стояла у кровати Надюшки, а девчата возмущенно порывались к ней и подбадривали ее глазами.

— Нет, уж лучше замки ломай — хулигань до конца. Заодно уж с тобой посчитаемся.

Кулаков, казалось, впал в уныние. Он вздохнул и беспомощно почесал за ухом.

— Ну, будет ломаться-то... Шутят с тобой, что ли...

В дверь с жадным любопытством глядели женщины и, когда оглядывался на

них милиционер, пугливо прятались. Остренькая мордочка Маньки Речкиной понюхала воздух и, встретив взгляды девчат, трусливо скрылась.

Любаша подошла к Кулакову, оттолкнула его плечом от комода и с ненавистью уставилась на него застывшими глазами.

— Вот что, приятель, эта канитель мне надоела. Пора кончать. Ты знаешь, что другой завод объявляет нам буксир? Ах, не знаешь? Выходит, что вместо помощи работникам ты налетаешь к ним с обыском? А где у тебя порядок в складе? Почему у тебя навоз, а не пряжа? Ты суешь старую заваль и гниль, чтобы замести следы. Хорошо. Мы сумеем и у тебя поднять пыль.

Кулаков выслушал ее и хитро кивнул головой. Он успокоился и заботливо отошел к гардеробу.

Милиционер, с книжкой в руках, конфузливо взглянул на Кулакова и круто повернулся к двери. На пороге он столкнулся с Марьей Власовной. С заспанным, обрюзглым лицом она прошла на середину комнаты и угрюмо осмотрела и девчат, и Любашу, и Кулакова.

— Это что же тут за диковина?

Она засучила рукав на левой жирной руке и с трудом потащила ноги к Кулакову.

— Ты что же это, непутевый.. ночь-полночь... с визитами ходишь... да еще милицию с собой водишь... Ишь время нашел по гостям ходить...

Кулаков неузнаваемо изменился: он заюлил перед Марьей Власовной и заворкогал:

— Да вот... как видите, Марья Власовна... прибыл на предмет обыска... Как видите, хищение шелка из заводской кладовой для производства головных уборов...

— Я, дружок, ничего не вижу. Не трещи, пожалуйста, — не глухая. С личным ты, что ли, поймал ее, Любашу-то?

— Не то ли, что с личным... Но, как видите, Марья Власовна...

— Ох, — вижу... только и вижу твою дурью ермолку... Сдерни ее с башки-то: не к свиным пришел, а к товарищу.

Кулаков послушно снял кепку с голо-

вы, и рыжие его волосы неожиданно встали ершом. Девчата засмеялись.

— Позвольте доложить, Марья Власовна... Речкина доподлинно зафиксировала... Будучи в кино, она признала головной убор Любашы не иначе, как из нашего шелку... Принимая во внимание, как Любаша учинила осмотр пряжи в кладовой... и тем вызвала скандал с Речкиной... я этот факт усмотрел собственным глазом... Нестерпимое разложение в цеху... ну, а тем паче выговор... каковой вы сами, Марья Власовна, формулировали...

— Так, так, батюшка... верно, верно, формулировали...

Она засучила рукав на другой руке, и глаза ее помолодели от смеха.

— А вот Любашу я знаю, как себя, и обижать ее не позволю. Дорогу-то до порога знаешь, аль, может, под ручку тебя вывести?..

Кулаков даже вздрогнул от неожиданности. Лицо его стало злым и упрямым.

— Вот-с этого, Марья Власовна, я принять от вас не могу. Спорить со мной вы исключительно бессильны, ибо я великолепно свой предмет знаю. Глаз и нюх у меня — целая эпоха...

Варюшка подошла к Марье Власовне и сказала:

— Вот он клеветает на Любашу, Марья Власовна, а сам тащит мотки шелку. Может быть, он подбросит ей хстел...

— Ага, ага, Кулаков! — торжествующе крикнула Дуня: — Ну-ка, выкладывай моток-то...

А Клавка грубо пробасила:

— Я уверена, что у него натискано во всех карманах.

Марья Власовна требовательно протянула руку.

— Ну-ка, давай сюда. Эпоха.

Кулаков, озираясь, стал пробираться к двери. Дубленое лицо его посерело и осунулось.

— Вы, Марья Власовна, колеблете мой авторитет. Мы об этом поговорим по существу.

— Ты меня не страшай, авторитет... Я ведь тоже умею по существу разговаривать...

Любаша не отрывала глаз от Марьи Власовны, и у ней дрожало сердце от нежности к ней. Марья Власовна пробирала ее на бюро и смотрела на нее осудительно, но в ее суровой строгости было что-то добродушное и проникновенное. А теперь она, как верный друг и знающая хозяйка, властно распоряжалась в комнате Любаши и уверенно наводила порядок. И казалось, что жирное ее тело и басовитый, старческий голос жили здесь постоянно и дышали родной теплотой и материнской лаской. Был момент, когда Любаша была близка к отчаянию: Кулаков оглушил ее в первые минуты, девчата растерялись, и она была бы раздавлена позором обыска, если бы милиционер не подошел к ней с книжкой и если бы Варюшка не смутила Кулакова вопросом о мотке шелка. Любаша подмывало отомстить Кулакову — сделать его посмешищем в глазах девчат и тех людей, которые копошились в коридоре и, вероятно, подслушивали у дверей ее комнаты. Она мигнула девчатам и дала знак, что надо обыскать Кулакова, — броситься на него всем одновременно и задать ему хорошую трепку.

Девчата как будто давно ждали сигнала от Любаши: они бросились на Кулакова все сразу, сдавили его и начали обшаривать карманы. В первое мгновение он ошалел и не сопротивлялся. Любаша преградила ему дорогу к двери и, схватив его за руки, командовала:

— Обыскивайте его лучше, девчата. Распушите его хорошенько, чтоб не врывался по ночам в квартиры... чтоб не конфузил товарищей... Разгружай-ка у него эти моточки... Тут буксир валится на голову, а он нашел время рожки нам мазать перед товарищами...

Кулаков опомнился и рассвирепел. Он начал рваться, рычать и изо всех сил пробиваться к двери. Клавка особенно рьяно работала руками и даже незаметно два раза саданула его кулаком в спину. Варюшка ловко и быстро запускала руки в карманы пиджака и брюк. А Дуняшка заливалась смехом и тащила его назад за воротник пиджака.

Марья Власовна смеялась беззвучно, всем телом и отмахивалась жирными руками.

— Вот, Марья Власовна... держи...

Клавка с озорным лицом победоносно бросила ей зеленый моточек шелку. А Варюшка вытащила из бокового кармана какую-то вещичку и отшагнула в сторону. Она близоруко всматривалась в находку и посмеивалась удивленно и весело.

Кулаков ринулся к двери и распахнул ее растежь.

Любаша увидела соседок в коридоре, сердито оглядела их и захлопнула дверь.

В руках у Варюшки был стеклянный рожок с соской. Он был новенький, купленный, вероятно, сегодня. Клавка осторожно взяла его из рук Варюшки и очень внимательно осмотрела со всех сторон, даже понюхала. Потом Варюшка опять взяла его из рук Дуни, вытерла платком, вдумчиво засунула соску в рот, потом щелкнула резиновым язычком и брезгливо сплюнула.

— Бя, противно! Будто чужой палец во рту.

Позади них вдруг заличато засмеялась Надюшка. Все обернулись и устремились к ней. Любаша забыла о ней во время столкновения и возни с Кулаковым. Надюшка стояла на коленях в своей кровати, опираясь ручонками о перильца, и ликовала неизвестно отчего. Любаша опустилась перед кроватью на колени и бурно целовала ручки девочки. Надюшка тянулась к Варюшке, и глазенки ее блеснули от смеха.

— Мам, это какой у ней палец?

И опять Любаша ощущала, что нежное тепло Надюшки льется в нее невыразимой радостью. Девчата обступили кровать, весело кричали и играли с девочкой.

Марья Власовна рыхло подошла к ним и, с молодым лукавством в глазах, выхватила Надюшку из кровати.

— Ну, коза-проказа, давай-ка сюда свои задние щечки... Вот я тебе их нашла.

Надюшка обняла ее, потом потыкала пальцем в ее обрюзглое лицо.

— Бабушка-Маша, отчего ты такая тестая?

— Что это за тестая?

— А мялая...

— Ах, ты шкода-егоза!.. Мяли много — вот и мялая. Раньше в наперсток загоняли, а теперь и в квашню не лезу...

— А зачем — в квашню?

— Вот шкода какая! Да теперь человек-то, знаешь, какой? И в землю лезет, и в морях ныряет, и в небо летит... Все перевернуть хочет на новый лад... И ты такая же будешь, коза-проказа...

Марья Власовна вся тряслась от беззвучного смеха.

XIV

Дверь распахнулась, и в комнату стремительно ворвался Модест. Он, должно быть, бежал быстро, потому что дышал во всю грудь. Ноздри раздувались широко, лицо, синее от эмульсии, обливалось потом. Не здороваясь, он сразу же хриповато выпалил.

— Что тут произошло, ребята? Где этот прохвост?

— А кто это выстрелил тобой, Модест? — вкрадчиво спросила Варюшка и обменялась взглядом с Любашей и девочками.

— У нас — много всяких стрелков... — озлился Модест и сорвал с головы кепку. — Тут дела не оберешься, а всякая шваль гадит на хорошем месте. Рабочий класс тоже имеет своих мерзавцев.

Чтобы скрыть свое волнение и показать Модесту, что событие с Кулаковым — суший пустяк, Любаша старательно возилась с постелькой Надюшки.

Клава победоносно выпятила грудь.

— Мы этим Кулаковым тоже выстрелили, а он, вероятно, рикошетом попал в тебя.

Надюшка затрепыхалась на руках Марьи Власовны.

— А у дядьки нашли карманный палец.

Модест удивленно вскинул брови и оскалил зубы.

— Что это за карманный палец?

Варюшка поднесла ко рту пузырек с соской и с серьезным видом пососала ее.

Все засмеялись, засмеялся и Модест. В комнате запахло эмульсией. Надюшка рвалась к отцу и настойчиво кричала:

— А как тобой стреляли? Папка!

— Надюша, иди спать в кроватку... иди, роднуша...

Любаша хотела взять Надюшку с рук Марьи Власовны, но девочка разгулялась: ей было хорошо и уютно, а в комнате так много людей, и с ними так интересно.

Модест был тревожен, хотя старался держать себя шутивно и беззаботно. Он подошел к женщинам и хотел даже поиграть с Надюшкой: забыл, что он — в прозодежде.

— Пройди в кухню, Модест! — прикрикнула на него Любаша: — Забылаешь о себе.

Модест спохватился и отступил назад.

— Нельзя. Я опять сейчас побегу в цех.

— Кто же тебя все-таки взбудоражил-то? Точно на пожар примчался.

— Да, да, да. Это весьма интересно... — певуче протянула Дуня.

— А кто же еще, как не Макарка. Ему-то, собственно, нечего делать в цеху: вступать ему с двенадцати. А гриперся нарочно, чтобы поднять скандал. Ну, там насчет того, что Любаша с девочками успешно упражнялись в ловкости рук насчет шелка. Обыграл и новый беретик. Я к нему — зверем от машины и здорово хотел смазать по зубам. Жалко, что не доставил себе удовольствия. Помешали. Как только услышал, что Кулаков здесь, сейчас же со всех ног — сюда.

— Опоздали-с, товарищ,— гордо взглядела на него Клава и свистнула, как парень: — Мы его выставили с треском.

— Вот сволочь!.. — злобно выдохнул Модест. — Ну, я ж его припаяю...

Марья Власовна с усилием передвинула ноги и протянула Надюшку Любаше.

— А ты бы, паяльщик липовый... не только бы об одних машинах думал, а и... о семье... Выступать-то горазд.. оратор... А вот жена-то... где-то с боку припека... У нее — о тебе забота, о ре-

бенке работа... о бригаде работа... А где же твоя о ней работа?.. Вот и... валится на ее голову всякая мерзота... Ишь, паяльщик какой нашелся!.. Ты бы себя получше к бабенке припаял... Сколько на нее обрушилось бед-то за эти дни?.. Выговор вот вlepили... А я бы не ей, а тебе этот выговор припаяла.

И Марья Власовна зашоркала шлепанцами к двери.

— Подожди, Марья Власовна! — бросилась к ней Любаша: — не уходи. Нужна ты...

— Это чего? Вы вон какие кобылки... вам бы носиться, песни играть и полунощничать, а мне вставать рано: у меня на шее тоже вон... старый хрыч... уж не перевоспитаешь... Накорми, напои, обшей, обстирай... да еще каждый день массаж ему делай... У меня вон у самой ноги-то, как бревна... Я тоже хочу, чтобы мне такой же массаж натрали...

Она возвратилась и, кряхтя, села на стул.

— Ну, чего там у тебя?.. Говори. Сядьте вы, сороки!.. И ты... мужчина. . не гляди сичом... не больно страшно...

Модест оверкнул зубами и снял кепку.

— Всем досталось поровну... всем сестрам по серьгам... а мне — вдвойне...

Любаша посадила Надюшку в кровать и бросила ей мишку. Надюшка сначала взглянула на мать с недоумением и обидой и хотела запротестовать, но в глаза матери она, вероятно, увидела что-то новое, устрашающее и при- смирела.

Любаша стала как будто выше ростом и старше своих лет. Никогда еще Модест не видел ее такой, сосредоточенной и уверенной. Он чувствовал, что с ней произошла какая-то большая перемена, точно она долго болела и выздоровела, и от прежней Любаши не осталось ничего, кроме облика. Даже голос стал иной — твердый и немного чужой.

— Скажи, пожалуйста, Модест: ты знал, что другой завод решил взять нас на буксир?

Модест усмехнулся и похлопал кепкой по глянцевоy коленке.

— А ты сама-то этого не могла ожидать?

— Ты не вилай, — говори прямо — отвечай на вопрос.

— Разговор был, верно. Но так ли это — не знаю... Проверю завтра.

— Почему же ты мне не сказал?

— Да просто так... Ну, признаюсь, — считал, что это для тебя лишний удар по нервам... Потом ты сама должна была помнить, что у нас — соревнование.

Любаша, к изумлению Модеста, не взбесилась, не набросилась на него, даже не обиделась, хотя голос у ней срыбался, а ноздри бледнели и вздрагивали. И он чувствовал, что под этим спокойствием и выдержкой в ней бушует настоящая буря.

— Должна, должна... Кроме твоего долга есть, Модест, и кое-что другое... Вот мы этим голым долгом-то и ржем друг друга.

Модест пристально изучал Любушу и не мог понять, что произошло с ней. Он считал себя выше и умнее ее и эту ее вспышку и неслыханную мудрость ее слов принял, как минутный порыв. Слова эти казались ему наивными и забавными, как неожиданные рассуждения Надюшки.

— А что же это «другое»? Как это называется? Я знаю смысл своего долга перед партией и рабочим классом, а какой смысл твоего косноязычного «другого»?

— Энтузиазм! — вдруг выпалила Клава, но Варюшка закрыла ей рот ладошкой и ласково спросила:

— Энтузиазм—это, Клава, следствие, а где — первоисточник?

Марья Власовна тряслась всем своим жирным телом и кашляла от смеха.

— Какие вы все умные... да образованные!.. Долг! энтузиазм!.. Вот потащат нас на аркане, тогда все эти ваши... умности... и слова красивые... разлетятся воробьями...

Дуня занервничала и густо покраснела.

— Я, товарищи, одно знаю: мы не должны допускать... Мы околеем от стыда... нам житья не будет... Это значит совсем не иметь самолюбия...

Варюшка умненько срезала ее:

— Дело — не в самолюбии, Дунечка. Это — чисто личное... Дело — в трудовой гордости... Помнишь, как у Сталина?..

Модест подхватил слова Варюшки:

— У Сталина здорово сказано и другое: труд наш — не зазорное ярмо, а дело чести, дело славы, дело доблести и геройства.

Любаша врезалась в слова Модеста с задорным вопросом:

— Значит, не только долг? Значит, есть что-то больше долга?

— Я и не говорю, что один долг... — смущенно возразил Модест: — Я только хочу сказать, что долг наравне с честью и доблестью — важнейшее условие победы.

— Нет, ты всегда говорил о долге... — упрямо наступала на него Любаша: — Ты всегда без всяких объяснений упрекал меня только в том, что я не знаю своего долга. Ты мне будто всегда выговор выносил... всегда стегал... А вот зажечь, взволновать не мог... Ты сам живешь только одним долгом... потому и сутулый...

Посмеялись. Модест развеселился. Даже смеюль грязь на лице видна была его молодая улыбка.

— Ну, так к чему же эта дискуссия?

— Ты, может быть, останешься дома?

— Никак нельзя. Там идет ремонт машины — не могу оставить без своего глаза. А ты что же решила? Тоже из дому удрать?

Любаша обратилась к девочкам и Марье Власовне.

— Сейчас Дробишин ходит по цехам. Пойду к нему. Насяду на него, чтобы до утренней смены наша бригада нагрязнула штурмом на склад и провела там сортировку пряжи. Брак мы не допустим в цех. А утром поднимем работниц.

Она с надеждой посмотрела на Марию Власовну.

— Поддержи, Марья Власовна. Чего ты молчишь?

Марья Власовна, кряхтя, поднялась со стула и с трудом пошагала к Надюшке, рыхло вздрагивая всем телом.

— Ну, пойдём ко мне, шкода... сорока-белобока... Шлепать тебя некому... уж натешусь, дай срок...

Надюшка протянула к ней плюшевого мишку и встала на коленки.

— Бабушка, а мой мишка скрипит... плакают и хвататки, и махатки.

— Сама ты хвататка и махатка. Где тебя шлепать-то надо?

Надюшка пошлепала себя по бедрышкам и серьезно объяснила:

— Вот тут...

XV

Любаша сговорилась с девочками встретиться через полчаса в контрольной будке. Хорошо бы, если бы они спугнули с постелей и других девчат: ведь в их бригаде восемь человек.

Модест шутил с девочками, пробовал даже поиграть с ними: он дурачился и пытался обниматься, но Клавка дралась с ним, как парень, а Дуняша свернулась ежиком в его руках и завизжала недоτροгой. Только Варюшка спокойно, без протестов, снасмешничала:

— Что это за жесты, дорогой товарищ? До чего мы доехали?

Событие с Кулаковым казалось Любаше уже смешным и глупым, и оно совсем не беспокоило ее.

Душа у нее будто распахнулась, и та боль, которая мучила ее долгие дни, сгорела мгновенно. Боль эта копилась медленно: она отравляла ее, как яд, а люди — товарищи, подруги, и даже Модест — не могли помочь ей в беде, потому что сами были отравлены и одурело толкались на одном месте. Все хорошо знали, что в соревновании с другим заводом они должны были добиться победы, но вороха плохой пряжи валились на цех сплошным навозом. Хозрасчетные бригады были бессильны бороться за высокое качество: они упали духом, и угорали от отчаяния — из бросовой пряжи не сделаешь прекрасного шнура. Заработок хозрасчетных бригад упал до последней возможности. Казалось, что выхода нет, что завод задохнется от дурного сырья. Заводоуправление только оправ-

дывалось тем, что оно лишено возможности браковать доставленную пряжу: оно поставлено трестом перед непреложным фактом — продукцию надо принять и пустить в дело. Заводоуправление конечно хлопочет о том, чтобы дальнейшие поступления сырья были более лучшего качества, но пока обмоточный цех должен использовать эту пряжу в полной мере. Квалифицированные работницы сами должны найти средства для успешного превращения плохого сырья в хороший продукт. А пряжа поступала на размотку и тростилку сплошняком, без сортировки, и никому в голову не приходило заняться отбором сносной продукции. И если бы кто-нибудь поднял вопрос о сортировке пряжи на складе, всем показалось бы это диким и нелепым: как? что за чушь? ведь отходы будут огромны, и эти отбросы лягут накладными расходами на бюджет завода: стоимость продукции увеличится, а это ударит по промфинплану и вызовет нежелательные осложнения.

Любаша не знала, как вышел из тупика другой завод: там охраняли свою тайну старательно. Но в тот момент, когда она услышала об угрозе буксира, ей впервые стало по-настоящему страшно.

Удар был занесен грозно, и Любаша с ужасом почувствовала всю сокрушительную силу этого грядущего события. Она испытала сначала изнуряющую слабость в сердце и немое бешенство. Потом, когда она увидела, что девчата ждут от нее решительного слова, что пришли они к ней с верой в ее силу и находчивость, она потрясена была их преданностью и почувствовала, что она — не одна, что она сильна и молода, и они могут бороться горячо и заодно. И в этот же момент она удивилась себе: как она могла с этими девчатами дойти до такой слабости, до такого позорного разложения? И первая мысль, совсем неожиданная и ясная, вспыхнула в мозгу там, на площадке прицепа. Эти двое рабочих, как нарочно, были посланы ей судьбой.

И эта мысль потрясла ее своей простотой и значительностью. Все знали, что склад завален сором, что оттуда идет

вся зараза, но никто даже заикнуться не мог об очистке его от навоза.

Она спешила на завод — найти во что бы то ни стало Дробишина и добиться от него согласия овладеть складом. Спешил почему-то и Модест, и оба они перегоняли друг друга. Еще никогда Любаша не испытывала такого возбуждения и никогда так не чувствовала себя хорошо с Модестом. И ни обиды, ни тягостной горечи уже не было на сердце. Модест шел рядом, легко, по-юношески стремительно, и Любаша чувствовала мягкое его плечо и знала, что он улыбается.

Ночь была голубая, прозрачная, точно все небо опустилось на землю, и звезды роились совсем близко, на взмах руки. Домики поселка тоже были голубые и прозрачные в густом небесном воздухе. На севере, над вокзалами и далекими громадами домов, похожими на скалы, широким рассветом прохладно разливалась заря. Огни в домиках уже потухли, и стекла темнели сном и покоем. Кричали паровозы и шипел пар где-то на железнодорожных путях, раскатисто прогремел поезд на Казанке, Бурые корпуса и трубы завода, подземное его дыхание и это рассветное небо над заводом были по-новому величавы, близки и милы душе.

Где-то неподалеку, за свалкой кабельных барабанов, в бурьянном пустыре зашелкал перепел: перетолочь! перетолочь!.. Кричал он настойчиво, могуче — и в его оглушительном щелканье было так много здоровья, что Любаша оставилась и засмеялась.

— Модест! слышишь? перепелка!

Остановился и Модест и тоже засмеялся.

— Вот стервец! здорово как наяривает...

И этот перепел, неизвестно откуда залетевший на территорию завода, неслыханный раньше никогда, и Модест, такой необычный и до слез любимый, всколыхнулись в душе невыразимым счастьем.

... Привычно оглушенная стрекотаньем машин и ослепленная блеском лампочек и деталей механизмов, Любаша быстро пробежала вдоль своего цеха,

Работницы, с которыми она встречалась только во время перерыва между сменами и на демонстрациях, не обратили на нее внимание. И в этой смене — такой же угар и так же кашляют и задыхаются машины. Тростильные механизмы шелкали всюду, и женщины, утомленные, с больными лицами, метались от машины к машине. Танцовали белые и черные бобины на коклюшках оплеточных станков, красиво переплетаясь друг с другом, но всюду Любаша видела, как они плавно замедляли свой полет и останавливались. Она уже не чувствовала ни тревоги, ни боли, как раньше. Ей хотелось крикнуть на весь цех какие-то внезапные призывные слова, чтобы все эти женщины бросились к ней со всех сторон, опьяненные неожиданностью и надеждой. Ей чудилось, что вместе с ней в цех ворвался свежий ветер и завихрился во всех кварталах и далеких углах, и лучистые лампочки закачались на своих длинных шнурах, как огромные пауки на паутинках.

Любаша подбежала к своей сменщице — бригадиру комсомольской группы, Валяйкиной, толстенькой щекастой девчухе в белой повязке на затылке. Валяйкина всплеснул руками, вытаращила широко расставленные большие глаза и застыла от изумления.

— Слушай, Валяйкина, тут не было Дробишина?

Валяйкина оторопело осмотрела ее и крикнула:

— Да ты это откуда прилетела-то? Разве ты...

— Что я? я тебя о Дробишине спрашиваю.

— Он, кажется, в металлопрокатной... Прошел в эту дверь с Симаковым.

Валяйкина опаматовалась и оживилась.

— Ты понимаешь, Любаша... тут сплетку пустили, что тебя арестовали и отправили в автомобиле.

— Ах, вот что!.. — засмеялась Люба. — Ну, нет, родненькая, я в автомобилях еще не катаюсь и арестов не терплю. А тебе рекомендую плевать в рожу всякой гадине.

Валяйкина схватила Любашу за руку и потрясла ее по-мужски.

— Я тебя знаю, Любаша, и люблю. Это разорялась здесь после смены замечательная Маничка Речкина. Я ей наступила на ногу — без всякого переносного смысла — и наивно поглядела в глаза. Она заорала. Я ей, разумеется, ласково в лоб: чем ты докажешь, что ты — не блоха?

Любаша не слушала Валяйкину и беспокойно оглядывала машины. Она порывалась к двери, но боролась с собою: сейчас или потом, после встречи с Дробишиным, растревожить Валяйкину? Она была уверена, что с Дробишиным дело пойдет без запинки: она сумеет взять его за душу. Если бы даже в этот час она ничего не добила — все равно вопрос разрешится завтра. Лучше будет, если она к этому подготовит и девчат этой смены. Торопливо и горячо она сообщила Валяйкиной, как она вместе со своей бригадой решила сейчас же взять склад и в пух растрепать всю пряжу. Буксира они допустить не должны: честь свою они не позволяют оскорбить, их гордость ударниц достаточно высока, чтобы без борьбы уступить первенство другому заводу и пойти у него на поводу. Выход — один: надо штурмовать склад и кладовую, тщательно рассортировать пряжу, сносную продукцию направить в цех, а безнадёжный брак — в сторону. На размотку и тростилку надо поставить своих девчат и зорко следить за накруткой початок и бобин. Завтра же надо добиться посылки рабочей делегации в трест и на текстильные фабрики.

Валяйкина безучастно слушала взволнованные слова Любаши и рассеянно кивала головой. Машины у нее стояли, но это ее не беспокоило. Она как будто даже рада была тому, что Любаша отрывала от работы: ей, должно быть, хотелось немного отдохнуть.

— Разве это тебя не касается, Валяйкина?

— Наоборот. Я тебе обеспечиваю смену на складе и кладовой. Дробишин сейчас — в металлопрокатной. Шагай туда.

И Валяйкина спокойно и деловито отошла к своим машинам.

В металлопрокатном цехе, таком же огромном в пространствах, как и обмоточный, с колоннами в два ряда, дымным, загроможденном ворохами металлических полос и хворостом медной и алюминиевой проволоки, Любаша долго не могла найти Дробишина. Она прыгала через металлический сор, взбиралась на кучки пружинных полос и чувствовала, как под ее ногами хрустят и лязгают судорожные прутья меди. Люди здесь толпились и перебегали с места на место, торопливо и беспорядочно. Вакуумные печи гудели скрытым пламенем, которое вспыхивало в щелях металлических дверок. Около резервуара с водой навалены были золотые вороха проволочных медных кругов, похожих на автомобильные шины. Они блистали и брызгали искрами, и от них не хотелось отрывать глаз. Рабочий в синей прозодежде, молодой парень, подтаскивал тяжелые круги к конвейеру и прикреплял их к едва заметно движущейся цепной ленте, которая погружалась в теплую воду. В воде круги казались раскаленными. Из воды они уходили в высокую свободной температуре, потом медленно выползали с другого края и, остывая, опять погружались в воду.

Любаша спросила у рабочего о Дробишине, но он нелюдино взглянул на нее и промычал что-то невнятное. Она побежала дальше. Чумазый рабочий с черными усами окаянно посмотрел на нее и пронзительно свистнул. Она отмахнулась от него, а он угрожающе шагнул к ней, весь грязный, масляный, и сделал вид, что хочет обнять ее.

Свистели и клокотали за колоннами волоочильные машины, обшитые зеленой броней. Из-под листов железа брызгала мутная пена эмульсии. Деревянные барабаны быстро крутились между колоннами, проволока молнией сверкала в глазах Любаши и плавилась золотом на барабанах. Молнии сверкали всюду, на всем протяжении цеха, и улетали в далекую перспективу. И в этих вихрях блеска Любаша чувствовала себя легко и крылато.

Дробишин с толстеньким Симаковым неожиданно сами вынырнули ей навстречу. Симаков жизнерадостно потрепал ей пухлой ручкой, а Дробишин удивленно вскинул безбровое лицо со слезою на щеке.

— Товарищ Дробишин! я ведь это за тобой гоняюсь по цехам. Да и товарищ Симаков — кстати.

— О! — крикнул Симаков и опять взмахнул пухлой ручкой. — Очень приятно.

Симаков всегда был в хорошем настроении и охотно говорил с работниками в смешливо-сниходительном тоне. За такое обращение женщины сначала обижались на него, а потом привыкли. Многим даже нравилась эта шутливая легкость в поведении Симакова, и работницы держались с ним тоже смешливо и фамильярно.

Дробишин хотел пройти дальше, но подумал и возвратился.

— Ну, что скажешь, Любаша? в чем дело? Имей в виду, я не могу терять времени. Может быть, завтра утром покалякаем?

Помимо воли Любаша озлилась и на Симакова, и на Дробишина.

— Я тоже не могу терять времени. Да и калякать не намерена. Тут экстренное дело, товарищ Дробишин. Другой завод, кажется, решил взять нас на буксир?..

Симаков и Дробишин обменялись взглядами. Дробишин загадочно улыбнулся и стер пальцами слезу со щеки.

— Ну, решил... Так что же? Прорывников и нужно брать на буксир.

— А ты вот по ночам стреляешь... — весело крикнул Симаков и рассмеялся. — Порхаешь пташкой-канарейкой...

Любаша грубо оборвала его:

— Смешного тут ничего нет, товарищ Симаков. Ты здесь щеголяешь в шелковой кепочке, как в парке культуры и отдыха, а мы с ума сходим: тут — буксир, а вы молчите, как утопленники.

Симаков изобразил ужас на лице.

— Убила, душу вынула!.. Там люди чудеса делали, а ты здесь носилась, как стрекоза над болотом.

— А это, должно быть, потому, что

организаторы там не шуточками проба-влялись, а руководили по-настоящему.

Дробишин посмотрел на блистающие бьюшки с золотой проволокой и медленно перевел взгляд на Любашу. Он смигнул слезу и вытер ее ладонью.

— Я предупреждал тебя, Любаша... У тебя ума нехватило понять момент... Как это ты на выговор налетела?

— Выговор, товарищ Дробишин, оставим в покое: заработала — и баста. Я к тебе — по другому поводу: насчет этого самого буксира. Мы не допустим этого скандала. Ты и товарищ Симаков должны нам немедленно помочь.

— Готов на все, готов на все!.. — басом Мефистофеля пропел Симаков. Он торопился куда-то и осматривался вокруг себя. Прошел мимо чумазый рабочий с инструментом в руках. Симаков перехватил его. Они отошли в сторону и стали оживленно разговаривать.

Дробишин казался равнодушным — он как будто тяготился Любашей.

— Ну, так что же ты хочешь предложить?

— А мы в бригаде решили сейчас же штурмовать склад.

— То-есть, как это штурмовать?

— Очень просто. У Кулакова там черт знает что делается: там — сплошной навоз. Пряжа поступает неровно — и гнилье, и добро в одной свалке. Мы сами хотим заняться сортировкой. Кулаков только Кашеем сидит в своем складе и на всех смотрит, как на воров. Вместо того, чтобы заниматься отбором пряжи, он налеты устраивает на квартиры работниц... Разве это не возмутительно?

— Подожди, подожди... ты уж много натростила. Какой налет, какие обыски? Ничего не пойму... и требуешь и жалуешься... и нервничаешь к тому же...

— Ничего я не нервничаю. И ничего я не жалуясь. Мне нужно только твое разрешение заняться чисткой продукции в складе. Я даю тебе руку на отсечение: тростилка и обмотка завтра заработают, как на параде. Как хочешь, товарищ Дробишин, а мы оклад сейчас же возьмем в свои руки.

Дробишин впервые улыбнулся Любаше и с лукавым любопытством изучал ее лицо. А лицо у нее раскраснелось от возбуждения, и вся она нетерпеливо порывалась к Дробишину, точно боялась, как бы он не ушел, как бы не отмахнулся от нее.

— Но ведь за склад отвечает Кулаков...

— Плохо отвечает твой Кулаков. Мы тоже хотим отвечать за этот склад — отвечать по-настоящему.

Дробишин уже весело обливался слезой и оглядывался на Симакова с коварной хитрецей.

— Симаков, иди-ка сюда на минутку!.. Слышишь?

Симаков проворно, легко подпорхнул к Дробишину.

— Ну-с, ну-с? Инструменталку-то надо все-таки переоборудовать, Дробишин... допотопная рухлядь...

— Ты слушай-ка, Симаков... что там инструменталка... тут вот переворотом пахнет.

— Ого!..

— Не «ого», товарищ Симаков... — огрызнулась Любаша. — Тут дело о жизни идет... Товарищ Сталин правильно сказал: воля к труду, воля к победе... дело чести, дело славы...

— Ой, батюшки!.. силы-то сколько в ней!.. прямо с ног валит...

Дробишин кивнул головой на Любашу, точно хотел похвалиться ею перед Симаковым.

— Придется нам, Симаков, дать дорогу женщинам. Шквал, что называется. Склад-то они все-таки перешерстят. Поддержать надо их боевой дух.

Симаков вдруг поблек и похолодел. Он враждебно покосился на Любашу и замкнулся.

— Какой это склад?

— Один у нас склад, Симаков.

Дробишин совсем оживился и стал горячо доказывать Симакову необходимость чистки склада и тщательной сортировки пряжи.

— Опять двадцать пять... Чего-то больно поздно вспыхнул этот боевой дух...

— Ну, боевой дух всегда загорается в решительные моменты...

— Нельзя же так сразу... с кондачка... Обсудить надо... согласовать с Кулаковым... Завтра и решим...

Любаша едва сдерживалась, чтобы не наговорить дерзостей Симакову. Видно было, что ему не нравится этот рьяный наскок Любаши, и он делал вид, что не придает ему значения, что его больше интересуют работы в цеху. Он повернулся к двум рабочим, которые проходили мимо. Любаша с ненавистью посмотрела в его вздутый затылок с глубокой складкой, отсекающей синее бритье от шеи, и фыркнула.

Дробишин подмигнул ей, взял ее под руку и отвел в сторону.

— Иди, гони своих девочек к складу. Я там буду через четверть часа. Симакова я уломаю. Я сам там распоряжусь.

Модест издали махнул ей рукой и блеснул зубами.

XVI

Широкий каменный пакгауз, прокладный и сырой, загроможден был кучами пряжи, которая лежала прямо на полу. Вороха мотков валялась в беспорядке в разных местах, пухлая путаница нитей, как пакля, разбросана была всюду и прилипала к ногам. Грохотали и визжали где-то в углах и среди тюков и куч небоязливые крысы. Пахло гнилью и плесенью. На полках в беспорядке тоже натисканы были черные и белые охапки пряжи. Тюки громоздились высоко, почти до потолка, а поодаль от них длинными штабелями сложены были коричневые лепехи изоляционной бумаги. И от этого ватного добра воздух казался глухим, тяжелым и вязким.

Когда Кулаков явился с ключами и увидел Любашу с девочками, а с ними вместе Дробишина, он смешно заморгал глазами.

— Ну, открывай свое хранилище, Кулаков. Принимай гостей. Долг платежом красен... — торжественно, как будто выполняя обряд, оказала Любаша.

Клавка по обыкновению сгрубила:

— Облавы на квартиры ты устраивать горазд. А вот мы налет на твой

склад произведем, — это, брат, похлеще...

— Эх, Кулаков, — засмеялась Дуня, — и пыль же мы у тебя поднимем. С ума сойдешь...

Серое лицо Кулакова в рассветной синеве казалось безжизненным, как у трупа. Но в мутных глазах была такая ненависть к ним, что Любаше стало не по себе.

— Товарищ Дробишин, я, как видите, должен заявить... Это — по сути не порядок... Я не могу допускать в склад заводской продукции... как сказать, подозрительных людей...

— Это — кто? Я-то — подозрительный?..

— Не вы, а... как видите, вот... другой элемент...

Дробишин подтолкнул его в спину и сердито заторопил:

— Ну, отпирай, отпирай... потом будем объясняться... Я сам хочу понюхать, чем у тебя пахнет...

— Навозом... — зычно засмеялась Клавка.

Кулаков дрожащими руками сорвал пломбы, зазвякал замком и тяжело отворил дверь. Первым вошел Дробишин, за ним — Кулаков и гурьбою — девочки. Дробишин молча и вдумчиво осмотрел всю свалку пряжи, потом так же молча и сосредоточенно брал в руки мотки из разных куч, подходил к лампочке и пристально перебирал нити. Он нюхал их, трепал, пробовал крепость на разрыв и топтал башмаками кучи пряжи на полу.

Любаша и девочки следили за ним с насмешливым ожиданием и перешептывались. У Кулакова вздрагивала голова, а кожа на лице будто сохла и затвердела. Он обиженно шагал около Дробишина и презрительно отворачивался.

— Ну, так расскажи, Кулаков, как это ты учинил обыск у Любаши... — равнодушно спросил Дробишин, не отрываясь от обследования пряжи.

Варюшка подошла к Кулакову и почтительно протянула ему рожок с соской.

— Разрешите вручить вам детскую вашу принадлежность.

Кулаков взглянул на рожок, выхватил его из рук Варюшки и быстро спрятал в карман.

Дробишин как будто лениво и нехотя осматривал пряжу, рассеянно окидывал глазами горы клады и вороха путаницы, разбросанной по полу, и смахивал пальцем слезу со щеки.

— Ну, вот что, друг... Утром придет сюда комиссия для обследования состояния склада, а сейчас любашина бригада займется сортировкой пряжи. У тебя здесь — баракло, а не продукция. Тут у тебя крысы хозяйничают, а не ты. Зайдешь ко мне в партком: по-лалякаем там.

И он раздумчиво пошел к дверям.

— Ну, действуй, Любаша... Вооружись бумагой, карандашиком и отмечай количество и качество пряжи. Потом доложишь.

Он вышел, а потом возвратился.

— Да, Вот что, Кулаков. Это — самое важное: создай все условия для работы бригады. Понял?

Кулакова будто ударили по шее: он вагнуллся и побежал к Дробишину.

— Я, товарищ Дробишин, как видите, не могу оставаться в положении какого-то оборота. Какой тут может быть авторитет, ежели у меня нет веры... И нас с'едает вражда?..

Дробишин вдумчиво взгляделся в него и поучительно сказал:

— Надо в разных обстоятельствах уметь владеть собою и не разбазаривать своего авторитета.

И медленно пошагал по пыльному двору к заводу среди мусора отбросов и материалов и ни разу не оглянулся.

Любаша деловито подошла к Кулакову и вынула из кармана тетрадку и карандаш.

— Ну, иди, иди — показывай, где что лежит.

Пряжа валялась в беспорядке, без сигнатурок, старая перемешана была с новой. Нужно было набить глаз и руку, чтобы определить номер и качество бумаги. Кулаков скаречно сохранял свои богатства и не допускал никого в помещение пакагуза. В его распоряжении были только две женщины, которые по его указанию отпускали пряжу в кладо-

вую обмоточного цеха. В кладовой распорядилась Манька Речкина, а за перегородкой сидел в своей конторке он же, Кулаков. Заводоуправление давно уже не производило проверки работы Кулакова, и он хозяйничал по своему усмотрению. Строгость Кулакова нравилась управленцам, и хозяйственники удивлялись его ведомостям, составленным очень подробно, чисто и плотно, педантично.

Любаша распределила девчат поровну — на черную и на белую пряжу. Она держалась с Кулаковым с насмешливой независимостью и туркала им по каждому поводу.

— Это — какой номер пряжи, Кулаков? Почему же у тебя нет сигнатурки? Хозяин липовый!..

— Ты у меня тут не шурови... У меня все здесь свое место любит.

Он мрачно стоял в стороне и косился на нее подозрительно, исподлобья.

Любаша работала и с той, и с другой группой. Она отрывалась от работы только для того, чтобы записать в тетрадке число мотков сносной и плохой пряжи и отмечать отбросы. Сначала они разбирали весь хлам, который валялся на полу. Весь этот навоз Кулаковым отправлялся сплошняком в кладовую цеха. Он привередливо подчищал всякую ветошь и складывал ее в кучу вместе с хорошей продукцией. В складе было много отбросов, которые оставались от прежних поступлений и лежали здесь с давних пор. Пряжа последней присылки была неважная, она нуждалась в отборе, а Кулаков считал, что это — баловство, что машина все должна жрать, раз она — машина, а советское добро — это золото.

Грязную и сорную пуганицу девчата отбрасывали в сторону, выбирали только чистые мотки. Куча росла, дымилась пылью, и Кулаков зловеще усмехался и покачивал головой. Девчата отмахивались и отфыркивались от пыли, но копошились бодро, с непонятным для Кулакова воодушевлением. Они смеялись, пели, кашляли и обрывали песню. Хорошей пряжи из этого навоза отобрали очень мало, но и она нуждалась в чистке. А когда перешли к разработке мот-

ков на полках и связках, работа пошла живее и веселее. Расстелили брезент на полу и кучи ватной пряжи стали разбирать по моточку: шелудивую откладывали в одну сторону, ровную — в другую. Любаша чувствовала себя обладательницей этого богатства. Мягкие жгутики мотков тысячами лежали на полках и в ворохах на полу — по всему пространству пакагуза — и кишели, как живые, дымясь в электрическом свете. Ей было приятно брать в руки эти пухлые космы, встряхивать их и перебирать пальцами бархатные нити. Опытным глазом она определяла добротность волокон и любовалась густыми чистыми пряжами, как пышными девичьими волосами. Вот такие красивые нити, с телесной прозрачностью в упругой намотке, заиграют на простилке, как туго натянутые струны. И ей было досадно, когда она ощущала пальцами и схватывала глазами паршу на нитях. Эти нити были больные: их надо откладывать в сторону, чтобы обработать их на размотке — очистить от опухолей и бородавок. Она смотрела на опрятно сложенные жгутики мотков на брезенте, и они были ей по-новому дороги и милы. Ей казалось, что она отчетливо видит в каждом плюшевом моточке и себя, и Варюшку, и Дуню, и Клавку, и каждую из девчат. Эти моточки впиваются в себя удары их сердца и выражение их глаз. Каждый моточек уносил теплоту их рук и судорожно пульсировал. Любаша впервые почувствовала что-то положее на нежность к этим пухлым моткам: что-то в них было младенческое, напоминающее Надюшку. То же самое, должно быть, переживали и девчата: они ласково гладили пальцами космочки нитей, складывали их бережно рядком, и в глазах их она видела материнскую теплоту, как у девочек, которые играют в куклы. Когда эти снопы мотков перенесут в цех, она, Любаша, не забудет о них: она узнает их на расстоянии, и бобины уже заискрятся собственной ее улыбкой или улыбками девчат. Вот там — в тюках и на полках — тусклая слепая свалка, бездушная и чужая, а вот здесь волнуются живые существа: они дрожат и возятся, как

новорожденные. Может быть, Модест то же самое испытывает, когда волочит свою медную проволоку, сверкающую молниями, и его слова о долге имеют такой же глубокий смысл, как ее нежность к этой пряже, в которой бьется ее сердце. Когда она станет сегодня у станка, и бобины с этой ее пряжей заснут на коклюшках, она почувствует новые волны в душе.

Девчата пели душевно, с увлечением, и сами слушали свою песню. Пела с ними и Любаша — пела впервые за эти дни, хорошо, с наслаждением.

— Давай другую партию, Любаша! — весело крикнула Клавка. — Вот как работают, Кулаков!.. Взасос!..

— Сегодня, девочки, обязательно надо в нашей смене прокатиться на нуле. Тряхнем стариной, ребята!

— Не увлекайся, Дунечка, — рассудительно пожурела ее Варюшка. — Имей в виду, мы — завершающее звено в производстве. Нас может подвести размотка и простилка.

Любаша позвала Кулакова и приготовила тетрадку. Он хмуро и молча подошел к полкам и ткнул пальцем в вороха черной пряжи.

— Давно родился у тебя дитенок-то, Кулаков? Мальчик или девочка?

Любаша спросила просто, дружелюбно, с интересом матери. В ее голосе уже не было ни насмешки, ни раздражения. Кулаков покосился на нее беспокойно и спاسливо.

— Это к делу не относится... в наш план не входит...

— Надюшка у меня очень потешной родилась. Положили в ванночку, а она, как обезьянка, схватилась за края и села в воде. Насилу ручонки оторвали. Я лежала тогда пластом, а исхохоталась вся.

Кулаков опять взглянул на нее искоса, и кожа на щеках дрогнула и покоробилась.

— У моего щенка — привычка за нос хватать... как клещ... и когтями режет до крови... И лакает почему зря... и чай, и молоко...

— Ах, значит, мальчик. Я тоже очень хотела мальчика... не вышло. От груди-то еще не отрывала мать-то?

Кулаков как-то обмяк и потеплел. Глаза его, тусклые, маленькие, блеснули лукавством.

— Ну, куда тут! Всю грудь матери исполосовал... Никак не сдает позиций...

В сущности, этот парень — не так плох: в нем есть что-то забавное и трогательное в любви к своему дитенку. Оба оглянулись на девчат, точно хотели скрыть свое странное сближение.

— Ах, Кулаков, сколько переживаешь с этими ребятами! — вздохнула Любаша. — Такой маленький живчик, а требует всю душу, все силы... и все ему мало...

Кулаков прислушивался к себе и к Любаше и почему-то полушопотом проговорил:

— Наверняка—мало... отец и мать — это только для поддержания порядка... Луконька вон у меня.... партизаном... Никаких гвоздей... и с фланга, и в лоб, и с тыла... Жизнь берет голыми руками...

Так они стояли и говорили несколько минут, и в эти минуты и Кулаков, и Любаша по-новому чувствовали друг друга, и прошлые дни и эта ночь уже казались далекими и глупыми, как дурной сон.

XVII

Пришла на смену Валяйкина со своей бригадой, а вместе с нею — еще несколько женщин с тростилки. Все они прибежали по-утреннему веселые и крикливые.

Варюшка осталась с ними на некоторое время, чтобы ввести их в курс дела. Дуню и Клавку вместе с двумя девчатами Любаша послала в цех, чтобы разобрать там наличную пряжу. Кулаков сам вызвался проводить их и распорядиться на месте. Девчата с удивлением смотрели на него и спрашивали взглядами Любашу, что случилось с этим оболтусом.

— Чего ты возишься с этим журавчиком? — сердито пробормотала Клавка: — Ты не распускай слюни, а то он еще не так напакостит.

Варюшка молчала и усмехалась хитренько, понимающе.

Утром, когда Любаша вышла из склада на воздух, ее ослепило и ошпарило

солнце. Она вздохнула глубоко, со стоном, и вся ахнула от наслаждения. Все показалось ей огромным, размашистым и воздушным.

Даже бурьянный пустырь перед пакугаузом волновался полынным дымком, и оттуда веяло жарким запахом травы и ржавчины. Летали желтые бабочки над бурьяном, и воздух пронзительно стрекотал кузнечиками. Далеко, на горизонте, за черной башней теплоцентрали, густыми белыми клубами поднималось от самой земли гигантское облако. На его сияющем фоне четко и тонко плелись кружева электрической подстанции, а оттуда широко шагали высокие железные конструкции. На их плечах висели гирлянды изоляторов, и через них струились обвислые провода электропередачи. И такой свободной и легкой чувствовала она себя, что могла бы взмахнуть руками, как крыльями, подняться в это голубое небо и реять плавно, величаво, как птица.

Она шла по двору к заводским корпусам стремительно и бойко. Болела немножко голова от бессонной ночи, но спать не хотелось. Она решила не уходить с завода до тех пор, пока отборная пряжа не поступит на тростилку. Ей хотелось расчистить это засоренное русло и пустить бесперебойно новый поток свежего сыря.

В кладовой шла веселая девичья толкотня и трудовая суета. Всюду группами, нагнувшись над ворохами пряжи, трепали и взмахивали белыми и черными мотками девчата из ее бригады и из бригады Валяйкиной; среди них спокойно и солидно копошились пожилые женщины. Почему-то здесь оказалась и старушка Капитоновна. Она увидела Любашу и засветилась от радости, но печаль на лице не растаяла.

— Ты что это здесь, старушка? И без тебя все делают за милую душу. Видишь, какие все ядерные?

Капитоновна испугалась, и у ней затряслась голова.

— Ох, что ты, Любашенька! Ведь и мне приятно и радостно с молодежью-то покопаться. Вот и у меня была дочка молодая...

Любаша быстро перебила ее.

— Как же ты узнала о нашей партизаншине?

— А раненько Марья Власовна зашла. Она тебя, милка, любит. А в Надюшке прямо души не чаёт.

Любаша растрогалась и даже обняла Капитоновну.

Манька, притаившись, сидела в стонке, немая, вся остренькая, с обожженным лицом. Любаша притворилась, что не заметила ее, но видела, что Манька сразу вся ссохлась, помертвела, и у ней задрожали веки. Она с ужасом ждала, что Любаша обязательно подойдет к ней и, ни слова не говоря, надаёт ей пощечин. И когда Любаша молодо и почтительно говорила с Капитоновной, а потом бойко подбежала к девочкам и поздоровалась с женщинами, Манька ослабела и покраснела густо, до помрачения.

И как-то само собой вышло, что Любаша почувствовала себя хозяйкой и здесь, в кладовой. Она даже была уверена, что ее ждали здесь, как жоака. Сейчас же, как только она вошла, все забеспокоились: некоторые звали ее издали, некоторые подходили к ней и спрашивали, как быть с такими-то мотками, с такой-то путаницей, с такими-то початками... Она отвечала быстро, уверенно, без запинки, и сама удивлялась, откуда у ней появилась эта авторитетная осанка и распорядительность. Все время она испытывала радостную приподнятость и нетерпеливое желание сделать что-то большое, чтобы все удивились.

Клавка тоже чувствовала себя здесь заводилой: ее сразу можно было отличить от других и по уверенным движениям, и по настороженности; она вскидывала голову и проверяла глазами работу соседок в других местах. К ней тоже обращались за справками, а она покрикивала в разные стороны:

— Эй, девчата! Вы эти мотки просматривайте получше: сорт — скверный. Тут отбор нужен. Эту пряжу пустим в последнюю очередь. Капитоновна! помощи, старушка, женщинам разобраться в этом хламе... ты — опытная... Тут, черти снулые, все ссыпали на пол — сплошные отбросы...

Лицо у ней запудрено пылью и постарело, только глаза были прозрачны и горячи.

Любаша поманила ее пальцем и отвела в сторону:

— Ты, Клавочка, не давай волю своему прямому характеру. Как ты с Маничкой-то?..

Клавка презрительно фыркнула.

— Могу ее тебе уступить. Для меня эта твоя Маничка даже не существует на карте.

Любаша засмеялась и без слов обменялась с Клавкой горячими взглядами. Они схватились за руки и поохотали взволнованно.

Вместе с Клавкой Любаша наметила очередь отпуска пряжи в размотку. Тростильщицы уже требовали свежих початков. Они подбегали к прилавку и покрикивали на Речкину. А она сидела, как шальная, и ничего не понимала.

Оказывается, Клавка уже поторопилась выдать отборный материал в размотку и, не глядя на Маньку, кричала:

— Веди свою бухгалтерию, Речкина.

Первая партия початков была доставлена уже при Любаше. Работницы принесли ящики озабоченно, осторожно, точно это было хрупкое печенье. Они с удовольствием брали початки и показывали девочкам, хотя те и не обращали на них внимания.

— Вот! Вилочки-то летали, как пташки...

И ловили взгляды Любаши. Она подошла к ящикам и, сдвинув брови, внимательно стала перебирать белые и черные цевки. Они накручены были ниточка к ниточке и отливали шелковистой пылью.

— Отпусти, Маничка, все эти ящики в тростилку, — спокойно и мягко приказала Любаша, но на Речкину не смотрела, стояла к ней боком. — И, пожалуйста, не задерживай, чтобы не было проста машин.

И сейчас же обратилась к женщинам:

— Ну? Вздохнули маленько?

XVIII

Семен Семеныч Купреев стоял около своей машины и истоиво следил за

дрожью нитей, блистающих на солнце. Он морщился от всплеск золотых струн и, казалось, напевал про себя фальцетом что-то очень старинное и заунывное. Любаша с любопытством стала наблюдать за ним из-за его спины. Трепетали искрами паутинки канители и таяли на медленно ползущей вверх тоненькой, туго натянутой, нити. Выше эти сверкающие нити накручивались на бобины. Семен Семеныч снял одну из бобин, покрутил ее в своих подагрических пальцах, потом отмахнул ее вдаль, полюбывался на нее и стал медленно приближать к лицу. Его маленькая головка, с облезлыми пегими волосенками, наклонялась то к правому, то к левому плечу, и видно было, что он переживал каждую пинточку и каждую бобину, как взыскательный художник.

Хотя Любаша стояла близко от него, но он не замечал ее и любовался готовой золотой катушкой. Он нехотя, с сожалением положил ее в ящик, к другим готовым бобинам, массивным, как слитки драгоценного металла, и, не отнимая руки, взял другую бобину и тоже осмотрел ее со всех сторон, точно сравнивал красоту и добротность их обеих. Пристально воматриваясь в золотые струны, он легонько, почти нежно, проводил по ним пальцем. И опять силенкой фистулой запел что-то бесконечное, переливая голосок в причудливых, очень запутанных руладочках.

И Любаша сама как-то незаметно залюбовалась этой игрой золота на нитях и на бобинах и чувствовала, как ей передается эта молчаливая торжественная настроенность Семена Семеныча. Он то и дело хватался за свою жиденькую бороденку пальцами и чистил рыженькие волосики так же сосредоточенно и любовно, как и нити. Вероятно, эта его бороденка нужна была ему, как какой-то особый орган, который делал пальцы более чуткими и осязательными. Пожалуй, без бороденки он не сделал бы такой красивой и тонкой обмотки.

Услышал ли он дыхание Любаши, или просто почувствовал постороннего человека за спиной, — он обернулся, строгий до суровости. Таким его Любаша никогда не видала. Но вот на миг лицо его

сморщилось в лукавой улыбке, и он шустро заюлил около нее, приветливый и радостный.

— А-а, Любашенька!.. арбузное мое семечко!.. Ну, поди, поди!.. Чего это ты, дочка, гуляешь здесь безо времяя?.. Однако бывает и время — не беремья, когда душа хороша...

— Как ты, Семен Семеныч, работу-то свою ласкаешь!.. Залюбуешься...

— А как же? Всякая работка — красотка, если в сердце есть любовь. Покой любит человек плохой, такого человека только одни мухи уважают.

— Сколько лет стоишь ты на золотоканители, Семен Семеныч?

— Я-то? — Купреев засмеялся, засмеялся просто так, по привычке. — Сорок лет вот кручу свои золотые тенетки, как паучок. Нас, таких мастеров-то, осталось немножко. Раз, два — и обчелся. Редкие люди мы среди миллионеров. И вот ежели вижу я наши красные знамена... плещутся они, как волны морские, блестят шитьем на солнце... и знаю: все это расшито моей золотой паутинкой... и кажется мне, Любашенька, что все эти многие тысячи людей — моя родня... а каждая золотошвейка — моя дочка...

— Счастливый ты человек, Семен Семеныч...

— Я-то? — и он опять беспричинно засмеялся. — А как же, Любашенька? Ведь мы счастье-то сами делаем. Бывало, что попы сулили нам счастье: после дождичка — ненастье. Счастье-то раньше на бирже торговали. А сейчас счастье-то — сырец: его обработать надо. А людей нас много, земля богата, и солнце мы видим не из оконца.

— Уж больно ты складно говоришь, Семен Семеныч!..

— А вот жить да думать хочу ладно. — И снова засмеялся, и Любаше чудилось, что он играл около нее и все порывался обнять и погладить ее. Он наклонился к ее уху и сказал серьезно: — Ты, Любашенька, одно не забывай: не то наше место, где ноги стоят, а где есть человеку размахнуться.

— Я всю ночь не спала, Семен Семеныч. Мы с девушками здорово размахнулись для начала.

— Вот, вот... Абы начало не подкачало, а там — весь свет наш...

Она прошла по цеху, прислушиваясь к грохоту машин и приглядываясь к работницам. Привычным ухом она уловила легкий полет механизмов и особый ровный их напев. Кое-где еще трещали автоматы на тростилке, но на оплетке коклюшки уже сновали весело и бойко, как ребяткишки в хороводе. Работницы хлопотали около машин и провожали ее безмятежно, и эта ясность их лиц и спокойная сосредоточенность в движениях волновали Любашу, как ласка. И Любаша сразу ощутила, что от этой ее бессонной ночи цех стал светлее и люди ярче. Каждая из этих работниц, которых она знала издали, неожиданно стала ей родной и милой. Подойди она к любой из них, взгляни в глаза, и она встретит доверчивую улыбку и нетерпеливое ожидание. Как странно и необыкновенно! Еще вчера было так больно и страшно, еще вчера она задыхалась от безнадежности, а вот стоило ей вырваться из своей собственной западни и забыть о личных невзгодах, как мир стал иным.

Она подошла к тростильным машинам. Они работали музыкально и звенели, как струны. Старая работница, с румяным лицом и седыми волосами, быстро связывала обрывы на нитях.

— Ну, как? теперь лучше с пряжей-то?

— Ох, и не говори! Конечно, есть еще изъяны, только разве сравнимо...

— Давайте бобины ровненькие, чтобы ни сучка ни задоринки. Пожалуйста, никакого браку, а то беда: от тростилки зависит все. Мы и без буксира обойдемся...

И она переходила от женщины к женщине и говорила одно и то же. Она перебирала бобины и внимательно исследовала их.

Попался навстречу Сергеев и блеснул на нее очками.

— Ну, что скажешь, Сергеев?

Он с хмурым добродушием обвел глазами цех.

— А я о чем же тебе толковал? Ка-

призы-то эти ваши... накладные расходы для завода...

Любаша заодно надела на него.

— Да ты, Сергеев, не виляй: ведь сам немножко запутался — сам струсил и потерял голову.

— С вами разве сговоришь... — сердито отмахнулся от нее и пошел дальше. Она смотрела ему вслед и смеялась. Сергеев оглянулся и зашевелил седыми усами.

Она подошла к своим машинам. Механизмы работали плавно, и Любаша чутко уловила их уверенную музыку. На душе стало твердо. Шнур оплетался тонко, красиво, туго, и его змеиное тело извивалось наверху упруго и сильно. Она долго, не отрываясь, смотрела на карусели коклюшек и на тонкое сплетение нитей у вершины под массивным обжимом аппарата. В этой чудесной кружевной игре нитей, в этой живой дрожи шнура она почувствовала напряженную судорогу здоровья и какой-то новой энергии. И знала, что это ее мятежная ночь и ее волнения струились через эти бесчисленные нити в машину и насыщали весь ее стальной организм молодостью и силой. Впрочем не только эту машину, но и все те, которые стояли в соседних кварталах, переплетаясь вблизи и вдали сверкающими и хитинными деталями. Нет, и тростильные, и обмоточные механизмы, похожие на дорогие музыкальные инструменты, — все они жили и дышали той же гордой стремительностью. И в каждой из них она чувствовала себя, тоже стремительной и молодой. Ей неудержимо хотелось подойти к каждому аппарату, обменяться дружеским взглядом с работницей, взять бобину или початку и любоваться ею, как своим созданием. Она быстро направилась к выходу, но вдруг остановилась. Бессознательно положила ладонь на сердце, потом как будто спохватилась и рысцей побежала к двери, задыхаясь от внезапно нахлынувшей горячей волны.

— Безобразие!.. Как девчонка какая-то восторженная... Дуреха...

Год рождения 1905-й

Хроника одного детства

М. ЧУМАНДРИН

(Продолжение ¹)

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кончилась холодная осень, пришла зима, и к весне Антон возмужал, вырос, он уже умел ругаться не хуже любого взрослого, у него выработался какой-то особый, хриплый, как у молодого петушка, голос. И вместе с этим мужанием в его жизнь входили новые интересы, заботы, мысли.

Он жил, где придется, но временами забредал в депо, где еще оставалось несколько приятелей его отца, они жалели мальчишку, подкармливали его, иногда оставляли его на ночь у себя, и он засыпал там, где-нибудь в паровозном стойле, на ящике. С Антоном рабочие подолгу и охотно говорили об отце, а иногда и сами рассказывали мальчишке, что сейчас делает Ажогин-старший. Вероятно он писал товарищам о своей жизни. Он был на германском фронте, говорили, что он много работает там.

Антон припоминал все, что он видел в эшелонах и на фронте, и ему странным казалось упоминание о «работе». Он видел «скупающих» мужиков, одетых в защитную одежду, вынужденное их безделье на стоянках, пустые разговоры, окрики офицеров, очереди у походных кухонь, разграбленные станции, запуганные деревни. О какой такой солдатской работе могла идти речь?

Днем Антон торговал «телеграммами». Это были коротенькие листки тонкой цветной бумаги, на которых Fortunатов, владелец «Городской молвы», печатал последние военные известия. Уже с утра, чтобы пораньше захватить «телеграммы», у типографии выстраивалась длинная очередь мальчишек. Типография была маленькая, в помещении ожидать было негде, поэтому вся эта разномастная очередь располагалась на тротуаре, вдоль домов, затевала тут же «орлянку», играла «о пристеночк», резалась в лапту.

Иногда Fortunатов выходил на крыльцо и молча махал рукой. Это означало, что кто-либо из его мастеровых запил и теперь нужна была помощь газетчиков вертеть колесо машины. Наиболее старательные получали от хозяина двадцать-тридцать копеек, и поэтому при появлении хозяина у дверей начиналась свалка. Как и везде, побеждали наиболее приспособленные. Поэтому Антону никогда не приходилось оставаться позади.

К весне это был крепкий парнишка, крупный не по летам, с обветренным лицом, выгоревшими вихрами волос, развалистой походкой, всегда готовый вязаться в драку.

Он имел вид совершенного босняка и пользовался в квартале настолько дурной славой, что родители большинства его сверстников, вообще-то не слишком

¹) См. «Новый мир», кн. 1 и 2 с. г.

разборчивые люди, под угрозой самых ужасных наказаний предостерегали своих детей от дружбы с Ажогиным, к тому времени ставшим «Антошкой-золоторотцем».

Но никакие угрозы не могли оторвать ребят от своего вожака. К нему шли даже подростки старше его: «мальчишки» от Твердохлебова, Кудашева, Юльма, из архиерейской типографии, обтирщики из паровозного депо. Таким образом, Антон подобрал себе хорошую группу «затевал» на кулачных боях.

Это были ребята, которые задолго до общей свалки выходили на середину поля и, становясь против неприятеля, упирались кулаками в бока и кричали нарочито-противными голосами:

— Эй, дава-а-ай-дава-ай-дава-а-ай!
А ну, давай-давай на ле-е-евую!

Им отвечали тем же, но антоновские бойцы делали несколько шагов вперед и кричали еще более противно:

— Давай, давай на левую! Давай, разменяем по грошу!

Последнее считалось почему-то очень обидным. Впрочем, нет,—бывали обиды еще больше. Например, кричали:

— Я вам рожу растворю! Губы на зубы помножу! Кулак с мордую сложу, руки-ноги вычту.

Последнее выражало такую меру презрения, что становилось прямо обязательным приберегать это заклинание к самому концу, чтобы сделать его тем обиднее.

Затем Антон сбрасывал с себя рваную, до-нельзя грязную рубаху и вылетал вперед, навстречу неприятелю.

— Голубятники - стервятники! Чиж доили, деда утопили! На безмене свесили, коптиться повесили! Разменяю по грошу, в бучило заброшу! — приговаривали свидетели со стороны Антона.

— Вот мы вам сейчас покажем! — бахвалился противник. — Вы у нас попросите аллилуй!

— А раньше-то это было? Жена мужа-то — была? — огрызались антоновские молодцы.

В самый разгар схватки с обеих сторон появлялись подростки по пятнадцати-шестнадцати лет. Они лениво расталкивали мелюзгу, медленно, словно нехо-

тя, засучивали рукава, долго рассматривали друг друга, переминались с ноги на ногу, откашливались и поглядывали назад, где уже стягивались основные силы бойцов, здоровые парни, бордатые мужики, солдаты. На стороне зареченских всегда дрались братья Горбонос-вы: хромой Виктор, однорукий Данила и женоподобный Сережа.

Долгое время благодаря им, неизменно шедшим против своего края, зареченцы редко уходили с поля побитыми.

Но однажды из казарм, что стояли за староверским кладбищем, вышла небольшая кучка солдат, и впереди нее — тонкий, невысокий солдат с такой громадной головой, что она клонилась то в одну, то в другую сторону. Выходило, будто ему тяжело держать голову прямо. Антон напряг свою память: ведь где-то он видел этого головастого солдата, — где же он его видел?!

Когда солдат вышел за железнодорожников, все увидели, что это за человек. Он отличался от остальных, тоже неплохих, бойцов тем, что никогда не отвлекался в сторону. Сначала он присматривался, как бы нащупывая, где главный боец противника, потом, не обращая внимания на насочки и тычки со стороны, пробивался туда, где дрались лучшие бойцы противника. Он неожиданно появлялся около них и начинал крушить их так, как не умел делать никто. Он был совершенное чудо в смысле устойчивости. У зареченских не было бойца, который мог бы сбить головастого с ног.

В первый же раз он наскочил на братьев Горбонос-вых. Данила шаг за шагом продирался вперед, страшной своей рукой разбрасывая встречных. Солдат устремился навстречу ему, он легко обходил схватившихся, он легонько расталкивал тех, кто пытался остановить его самого, он видел только одного Данилу и, уже достигнув цели, нанес ему в грудь такой удар, что мясник повернулся лицом к своим и рухнул наземь. Скача, как подбитая птица, размахивая длинными руками, уже взбешенный, сюда мчался Виктор, но солдат свернул в сторону и, столкнувшись с Сережей, сцепленными в кулак руками ударил его по голове. Из ушей и носа Сере-

жи хлынула кровь, его вывели под руки на зеленую траву и положили на разостланную, тонкого синего сукна, поддежку.

Тем временем сюда подскакал Виктор. Вот он уже оказался рядом с солдатом. Уже все прекратили свалку, все смотрели на то, что должно было разыграться сейчас.

Но самого интересного так и не последовало. Виктор, красный, встрепанный, тяжело дышащий, остановился перед солдатом, и тотчас же громадная толпа окружила их.

— Ты... Чего... Здесь... Фулюганишь?.. — с расстановкой спрашивал Виктор, перебирая пальцами в воздухе.

— А ты чего фулюганишь? — дерзко посмеиваясь, возразил солдат, снимая с себя гимнастерку. — На-ко поддержи... — бросил он ее Антону, случившемуся тут же. — Ты, видать, злой, раздерешь мне, а вещь казенная, из-за тебя, живодера, меня под арест? Извините!..

Виктор, озадаченный, смотрел на головастого солдата. Сначала он, было, промолчал, но увидел в небольшом отдалении обоих братьев и то, как Сереже сейчас мыли окровавленное лицо, — он покраснел еще больше и незнакомо-тоненьким голоском закричал:

— Чего ты людей калечишь? Ты выведешь меня из терпения!

— Не пугай, я и так пугливый!.. — отсмеивался солдат, вытирая мокрый лоб. — Так, значит, как же у нас? Одевать мне гимнастерку, ай желаешь попробовать? Только мне твоих детей жалко, ежели есть. Все ж таки — сироты...

— Но-но-но! — закричал Виктор, отступая в сторону. — Я к губернатору пойду! Откуда ты такой взялся?

— Все мы с одного гнезда, приятель... — ласково-издевательским тоном, уже надевая гимнастерку, отозвался солдат. — Ну вот и хорошо, что поберегся...

Горбоносков заторопился к братьям. Он подпрыгивал и взмахивал руками. Толпа молча расступилась перед солдатом. Он направился к дому Кудашева. Там на крыльце, оказывается, незамеченные раньше, стояли оба брата Кудаше-

шевы. Артем был без пиджака, даже без жилетки, в сорочке, облитой чем-то темным. Степан Николаевич, как и всегда, с белоснежной собачкой на руках.

Солдат шел прямо на них, возбужденная толпа следовала за солдатом. Артем шагнул навстречу герою.

— Ну, как у тебя, триумфатор? Голова — цела?

Солдат молча тряхнул своим пивным котлом.

— Получай обещанное.

Артем достал из бумажника и отдал солдату зелененькую кредитку, старуха в белой кружевной наколке поднесла солдату из-под фартука бутылку водки.

— Это, брат, мирного времени... Хорошее питье, очищает, а, Путилов? — посмеивался Артем.

— Точно так, очищает, господин фабрикант, — насмешливо ответил солдат.

— Ну вот и с богом, Путилов. Спасибо!..

— Рады стараться, господин фабрикант! — еще более насмешливо ответил солдат, сунул бутылку в карман штанов и многозначительно сказал: — Мирного время, братцы!..

«Путилов», — теперь Антон вспомнил все: да ведь это же — «Заклепка», Кудашевский мастеровой, тот самый, что еще в прошлом году в апреле показал мясникам, почему фунт лиха.

Толпа последовала за солдатом дальше. Впереди лениво шагал он сам, победитель Горбоносковых, — неслыханная вещь! Рядом шел Антон и нес солдатский пояс. Путилов весело оглядывался по сторонам, посвистывал при виде проходящих женщин, замечая собаку, быстро нагибался к земле, замахивался на пса, и пес, напуганный столь натуральным жестом, пронзительно визжа, пукался на-утек. Солдат дурачился, как счастливый, большой ребенок.

Толпа пересекла Суворовскую, солдат направился к Рубцовской. Даже Антон понял, что Путилов направлялся в один из публичных домов.

— Ты в б...? — спросил он солдата.

— А то куда же? — весело ответил солдат, отбирая от него ремень и подпоясываясь. — Слава богу, мы еще не старики.

Он пощупал карман с бутылкой и произнес:

— Хорошо живут фабриканты... А? Мирного времени, — вот какие будут дела!..

На каждую «телеграмму» Fortunatov давал четверть копейки скидки. Город был невелик, до Москвы — близко, московские газеты в город приходили зачастую раньше, нежели появлялись «телеграммы», поэтому покупателей было немного. По большей части у Антона бывали остатки. Fortunatov давал телеграммы газетчикам по три четверти копейки, а остатки принимал от них по полугрошу. Так что, если сегодня Антон, положим, взял сотню телеграмм, то он платил за нее семьдесят пять копеек, за восемьдесят проданных получал восемь гривен да пятак за остаток. Таким образом, выходил гривенник за двенадцать-четырнадцать часов беготни.

Но однажды Антону повезло.

Fortunatovu прислали посылку из Петрограда. Это были большие ящики, стянутые проволокой. Сам Fortunatov и старший наборщик распаковывали ящики, овали плоскогубцами проволоку, в них оказалась свинец. Он матово переливался под скудным светом керосиновой лампочки. Это, оказывается, прислали новый шрифт. Видимо, дела Fortunatova шли неплохо.

Во время распаковки привезли бумагу. Хозяин бросился навстречу возчикам, высокий наборщик, помогавший ему, быстро пересыпал из ящиков в карманы несколько горстей свинца и затянул пояс потуже.

— Дай рубль? — громко сказал Антон.

— Чего это? — с деланным изумлением спросил наборщик.

— А то скажу Fortunatu.

— Ты видал? — с восхищением воскликнул наборщик. Он вытер лицо, покрытое черным свинцовым потом. — Ну и проворный!

— Fortunatu скажу... — спокойно повторил Антон. Он чувствовал этого взрослого человека в своих руках, и ему стало приятно от сознания своей силы.

— Дашь?

— Чш-ш... — наборщик увлек Антона за собою в мастерскую. Здесь еще работали двое: лысый старик и худощавый, средних лет, наборщик с жидкими рыжими бакенбардами. Старик был невелик ростом и поэтому стоял за кассой на опрокинутом ящике.

— Получай! — наборщик отсчитал несколько медяков, посмеиваясь, дал Антону затрепину и вытолкал его вон. Так неожиданно, — правда, рубль не рубль, — но все же заработал Антон. У него не было никакой злобы к удалившему его: в конце концов все равно Антон не сказал бы Fortunatovu ничего.

Сам Fortunatov происходил из семьи богатых городских купцов. Сейчас ему было уже за сорок. Года три назад его мать, шестидесятилетняя, но еще здоровая старуха, неожиданно вышла замуж за околodочного Кронидова, молодого щеголя и красавца, чьи увеличенные портреты красовались в самой модной фотографии, на Суворовской. Обезумевшая старуха переписала все имущество и все капиталы на имя молодого мужа, дала своему сыну, Ивану Фаденчу, на разживу тысячу рублей и ни с того, ни с сего выгнала его вон.

Говорили, будто его удалили за непочтительность к Кронидову. По другим слухам получалось, что всего лишь за отказ Fortunatova звать молодого отчима папашей.

Впрочем иногда старуха появлялась в типографии. Она приезжала в пролетке, низко оседавшей под семипудовой купчихиной тяжестью. В пролетке постоянно бывал запряжен один и тот же шоколадный жеребец-першерон. При виде этого жеребца на память Антону невольно приходили рассказы об Ильепророке. Видимо, от такого вот жеребца, от грохота его подков да пролетки на железном ходу и рассыпался по небу пром в летние бурные ночи.

Сам Fortunatov никогда не выходил встречать старуху. Он только высовывал из конторки свою лысую голову и кричал в мастерскую:

— Приехала!.. Выйди кто-нибудь!..

Он за-глаза называл ее «Кронидихой» и ведьмой, но при ней молчал, смотрел куда-то в сторону, усиленно сморкался.

Старуха Кронидова, не обращая внимания на сына, величественной, грузной походкой, мимо мальчишек, ожидавших «телеграмм», проходила в мастерские. Здесь всегда удушливо пахло свинцом. Старуха внимательно оглядывала все кругом, иной раз брала оригинал и, далеко отставив руку с испачканным листком, подолгу смотрела на него. Напоследок она крестилась в угол, на икону Кирилла и Мефодия, так же молча выходила обратно в коридор и прежней величавой походкой, мимо газетчиков, шла к коляске.

— Сидит... Идол!.. — басом, гневно говорила она, толкала тростью в спину красавого курчавого старика-жучера, протетка медленно поворачивала и, грохоча железными шинами по булыжнику, плыла обратно.

Газетчики, злорадно посмеиваясь, наблюдали все это. Им было интересно: и на хозяина, оказывается, находилась управа. Это впрочем не мешало ему в такие дни горланить на мальчишек и рабочих больше, чем когда-либо. В такие дни с ним надо было держать ухо особенно остро, иначе он, очень просто, мог не дать и десятка «телеграмм», — оставить неслуха безо всякого заработка.

После случая со шрифтом высокий наборщик — его звали Кошатый — неоднократно сталкивался с Антоном. Странно, Кошатый, видимо, нисколько не сердился на мальчишку. Наоборот, наборщик каждый раз весело усмехался при виде его, подмигивал ему, смешно таращил глаза.

— Ты умный... — сказал он однажды, когда Антон утром нагнал его, шедшего на работу, — Ты — жулик, а жулик должен быть умен.

— Почему? — недоверчиво спросил Антон, ожидая от наборщика каверзы.

— Будешь глуп, никого не обманешь, факт? — он любил очень часто упоминать это незнакомое Антону слово. — Раз жулик — значит шарик ботают...

— Значит, и ты... — Антону было неловко сказать «жулик», но Кошатый понял все.

— Думаешь, жулик? Нет, дружок, тут будет не то, — факт...

— Значит, забастовщик? — попрежнему недоверчиво продолжал Антон.

— Значит, и верно: умен... — охотно согласился Кошатый.

И, когда уже подходили к типографии, он подтолкнул Антона и сказал ему таким тоном, будто говорил со взрослым:

— Вообще, ты бы как-нибудь зашел ко мне... У меня тоже сын был, но только он помер в позапрошлом году... Койчего осталось, пальтушка там... штаны... — он оборвал себя, махнул рукою и печально добавил: — Факт...

Он поднялся по ступенькам типографии и прошел внутрь.

Антон сел на нижнюю ступеньку и нахмурился. Над домами уже вставало утреннее солнце. Мимо шел обоз ломовиков, после них на дорогу шумно и весело слетали с крыш, из подворотен целые тучи голубей, они клевали свежий теплый конский навоз, мягко шуршали крыльями.

Сюда уже бежали мальчишки, чувство довольства наполняло Антона: он пришел первым.

— Ну-ка, Кузьма-Федор Иванович... — раздался над ним знакомый голос. Кошатый стоял над мальчишкой, весело скорчив лицо, смешно подняв верхнюю губу, с жиденькими, точно отмоченными в воде, усами. — Как насчет харчишек? Желудок работает?

Он держал в руке большую горбушку пеклеванного, жирно пропитанную подсолнечным маслом.

— Бери-бери... В случае, под старость попрошу, — ты мне тоже дашь... Дашь ведь, а? Факт?

Антон молча взял горбушку и посмотрел в маленькие голубые глазки Кошато-го.

— Ну что ж... — рассудительно ответил мальчишка. — Дам. Я работать буду...

— Ну, вот именно... Сговорились, — согласился Кошатый. — А «телеграммы»-то не нравятся?

— Какая ж это работа? — пренебрежительно отрезал Антон.

— Конечно, разве это для тебя? — весело согласился опять Кошатый. — Ты — малый гвоздь, мы еще с тобой надерем лыка... Как звать-то? Антон? Ажогин? — он неподдельно изумился и уже всерьез оглядел Антона. — Позволь, а отца? Не Иван-ли? Иван? О-о-о! — он умолк и почесал за ухом. — Вот это здорово, понимаешь... Так-так-так. — Он еще раз оглядел Антона. — Что ж ты такой, понимаешь... Мать-то у тебя где? Удивительный факт... — он немного подумал и медленно поднялся по ступенькам. Пора было приступить к работе.

С тех пор Антону все чаще и чаще приходилось вместе с Кошатым ходить на работу. Оказывается, дядя Костя — так звали наборщика — жил около железнодорожной церкви, и, если хорошо рассчитать время, можно было даже утром, после ночевки в депо, зайти за ним и, постучав в окошко, дожидаться, когда Кошатый, веселый и шумный, выскочит на крыльцо. Почти всегда вслед ему из окошка выглядывала маленькая чернявая женщина, с круглыми глазами и резким, тоже веселым голосом.

— Костик! Приходи скорее-е-е! — кричала она вслед. — Завтрак взял?

— А я забастовал! Хватит, поели! — отшучивался Кошатый.

Они вместе с Антоном выходили на шоссе, вешнее от вокзала к Суворовской, и торопились в типографию.

— У тебя имя дурацкое... — сказал как-то Кошатый, — «Антон». Что такое — Антон? Я лучше тебя Тоней прозову... Идет?

— Как девчонка... — мрачно ответил Ажогин.

— А наплевать! Девчонка — тоже человек! — И дядя Костя, подумав, добавил: — Меня раньше, мальчицкой, звали: Кошачий. Что хорошего?

Он подумал еще и почесал за ухом, — любимый его жест, как потом узнал Антон, — и мечтательно рассказал:

— Когда-то я, бывало, плачу, ребята не дают проходу. Когда женился, тоже звали Кошачьим. Другой раз и сейчас

обзовут — сплошь да рядом. Но я думаю, что этого не будет. Захочу и назовусь, как угодно. Предположим, имя мое Онуфрий. Противно ведь, факт? Ну, а я пошел и назвался, предположим, — Леонид. Красивое имя, верно?

— Куда пошел?

— «Куда-куда»... В участок... — но вдруг Кошатый опомнился. — Вернее сказать, тогда участков не будет... И городских не будет... И околоточных — то же самое...

— А как же?

— Ну, этого я сказать тебе не могу, сам не знаю... — огорченно сказал дядя Костя. — Эх, Тонька, Тонька, вообще многого мы еще с тобой не понимаем... Про отца-то ничего не слышишь?

— На войне он... — сказал Антон и покраснел: он вдруг ощутил стыд оттого, что сказал это с такой легкостью, — похоже, он забывал отца.

— Ну, в общем он здоров? Все в порядке? — скороговоркой отозвался Кошатый. — А такую — Нину Матросову знал? Ну, а вот про нее уже слышал я: тоже здорова, как надо быть...

— Вместе? — обрадованно воскликнул Антон.

— Зачем? — удивился Кошатый. — Один, понимаешь, на позиции, другая — в Сибири, как в песне поется, давно кандалами звенит... Как же так вместе?.. Ты очень хорошо знал ее, что ли? Факт?

В скорости Антон перебрался к Кошатым. Они занимали маленькую комнату в домике железнодорожного псаломщика Акинфиева. Оказывается, Марья Львовна, жена Кошатого, была «незаконной», «любовницей», как говорил псаломщик. Впрочем это обстоятельство несколько не смущало старика.

Служба в церкви происходила редко, старик все время околачивался дома. Это был ленивый и нехозяйственный человек; если б не Кошатый, его домишко развалился бы давным-давно. Он был грязен, и лишь в комнате Марьи Львовны все блестело, начиная с самовара и кончая иконой в углу. Марья Львовна успевала уже с утра прибрать у себя, навести порядок в кухне, даже заглянуть

к старику. Она обращалась с ним бесцеремонно, словно с вещью, поставленной не у места.

— Подвинулись бы... Насорили... Живете, как свинья, не стыдно?

— Не кричи, Манька! — огрызался старик. — На Коську своего кричи!

— Наплевали, срам. Выйдите на кухню, подмести надо...

Он, огрызаясь, все-таки подчинился Марье Львовне. Она, напевая, убирала комнату хозяйина, варила ему обед, стирала белье.

Странно, чем чаще вспоминалось об отце, тем отчетливее вставал перед Антоном облик Нины Матросовой.

— Нина, Нинок... — шептал он иногда, забываясь. Бывали минуты, когда он совершенно отчетливо представлял обоих: отца и Нину и недолгое счастливейшее время, проведенное с ними.

Он однажды сказал дяде Косте о воспоминаниях, которые вызвала в нем Марья Львовна. Кошатый только молча покрутил головой.

— Ты не знаешь ее... — с неловкостью сказал он и больше не прибавил ни слова. — Она, понимаешь... — дядя Костя не докончил, махнул рукой и озадаченно почесал за ухом.

Марья Львовна, как и Нина, работала на машинке. Только она шила не солдатское белье, а разные лифчики, модные кофточки, подрубала тонкие батистовые и шелковые платки. Ей приносили работу на дом. Заказчицами были продавщицы от Филиппова, официантки из Купеческого клуба, — красивые молодые женщины. Они подолгу торговались с Марьей Львовной, много разговаривали, часто шептались о чем-то, выгоняя мальчишку на кухню. Из комнаты слышались взрывы смеха, точно кто-то щекотал женщин. Громче всех смеялась сама Марья Львовна.

— А ты не слушай, паршивец... — сказал раз старик Акинфиев. — У них женские там дела, у тебя к примеру — играть, у меня — служба при храме... Каждому свое...

— Я не играю, — обидчиво возразил Антон.

— А ты бы не спорил... — строго сказал псаломщик. — Не будь настырным. Я — постарше.

— Зато я поумнее... — возразил Антон. Ему стало просто скучно слушать старика. Не обращая внимания на его вопли и ругательства, Антон вышел на улицу. Вот и опять шла зима. Стояли уже последние, правда теплые, дни ноября. По утрам, просыпаясь, Антон замечал тончайшие морозные узоры на стекле. К обеду однако разогреловало, и иногда до самой темноты можно было бродить по улицам в одной рубашке, без шапки. Это была на-редкость теплая осень.

Дядя Костя уговорил Fortunatova взять Антона «мальчиком». Работы в типографии прибавилось. Антону пришлось целыми днями гоняться по городу со счетами, бланками, корректурами. Fortunatov брал любые заказы: молитвенники, конверты, визитные карточки, этикетки для красных бутылок, бланки для земского склада.

— Солонкин! — не переставая, покрикивал хозяин. — Ты чего заснул? Накладные — готовы? Поворачивайся...

— А чего мне торопиться?

— На позиции возьмут, наплачешься!

— Не возьмут, я чахоточный... — спокойно возражал Солонкин. Это был не по годам старообразный, широкоплечий и сутулый человек с огненно-рыжими волосами. На лице его странно выделялись совершенно черные брови. Он брил усы, оставляя жиденькие красные бакенбарды.

Солонкин был весельчаком и фокусником. В обеденный перерыв он доставал из бокового кармана своей китайчатой блузы засаленную колоду карт и говорил:

— Какая?

Кошатый или старик называли. Напершот:

— Седьмая!

— Девятка крестей! — торжествующе откликнулся Солонкин.

Он скидывал шесть верхних — седьмая оказывалась именно трефовой девяткой.

— Двадцать вторая!

— Пожалуйста, бубновый хлап.

Названная карта и в самом деле оказывалась валетом бубен.

Или Солонкин делил колоду надвое, отдавал карты кому-либо из товарищей и тот перемешивал их. Потом Солонкин тасовал колоду вторично и передавал Антону.

— Ну, клади! — командовал он. — Пиковая дама! — Первая же карта оказывалась дамой пик. Таким образом, сбрасывалась целая колода. Солонкин безошибочно угадывал все до одной карты...

Он проделывал еще массу занятных штук с монетами, литерами, носовыми платками. Фортуналов суеверно смотрел на все это и сумрачно говорил:

— Вот ты, наверно, так и воруюшь у меня шрифты... Или бумагу... Очень просто...

— Именно, — охотно откликнулся Солонкин. — Затем и голову морочу...

— «Чохоточный», а как воровать — не чохоточный? — вскипал Фортуналов.

— Ну-ну-ну, хозяин! — теперь уже всерьез огрызался наборщик. — Знай меру! Уйду к орту, в архиерейскую типографию, оставайся один... Людей-то нынче — не богато. Чохоточный нынче — чистый клад...

— На фронт возьмут — запоешь!..

— Раз не взяли — значит не нужен...

Фортуналов, ворча, уходил к себе, Солонкин победителем смотрел ему вслед.

— Бойтся... — говорил Кошатый. — Однако ты тоже... Вроде как жулик...

— Почему такое?

— Ты не обижайся, я по-хорошему, чудило-мученик!..

Иногда в типографии появлялся Витька Солонкин. Нос у него как будто стал еще длиннее, а веснушки уже сплошь покрывали его лицо. Он вытянулся и стал целой головой больше Антона.

Врал он попрежнему без всякого удержу.

— Ты знаешь, мне шестнадцатый год... — однажды таинственно сообщил он, оглядываясь по сторонам.

— Ты прошлым летом говорил: тринадцать.

— Все равно, — прежним тоном возразил Витька и вдруг переменял тему: — А я скоро уеду отсюда...

— Куда же это ты уедешь? — делая незаинтересованное лицо, спросил Антон.

— Меня отец из дому гонит... — воодушевленно сообщил Витька. — Ты не смотри, что он у меня веселый, он, сволочь, сегодня утром саданул — голову мне проломил. Ты никому не говори. Побожись!

— Побожился!.. А где проломлено?

— Зажило, — ответил Витька.

Антону стало уже скучно слушать это дурацкое вранье, он отодвинул Витьку в сторону и стал перебирать бабашки, в беспорядке раскиданные на столе, обитом жестью.

— Мы вместе с Казькой... Знаешь такого? Стрелецкий... Ну, мы обокрали отца, — у него, у казькина отца, много денег на почте, — и уедем далеко. Не могу сказать — куда.

— Ты все врешь, Солонкин... — обрзал его Антон и больше даже не взглянул на товарища.

— Все равно. Вчера я на бою был... — продолжал Витька. — На меня трое зареченских налетели, один с гирькой, а я — к-а-ак дам!..

— Врешь, трепло! — вскричал Антон и даже сам испугался своего голоса: так он был резок и громок. — Вчера не было никакого боя! Я вот отцу твоему скажу!

— А раньше-то это было?

Этого Тонька уже не мог вынести, он развернулся, ударил Витьку в ухо, и оба они покатались по полу. Антон сгрел Витьку за глотку и начал колотить его головой об пол. Витька ревел, но отбивался отчаянно, его силы, казалось, возросли от отчаяния, он временами получал преимущество, но Ажогин был ловким зверенышем, с хорошей хваткой. Он только рычал, когда Витька оказывался наверху.

Они не заметили, как в помещении появились взрослые. Это были старик Иван Парфеньич и Солонкин-отец.

— Сукины коты! — с восхищением сказал Солонкин-отец. — Чисто — волчата! Витька, ногами не сметь! Смотри — Антошка бьет, как мужик!

Эти слова разом отрезвили противников. Они одновременно вскочили на ноги и взглянули друг другу в измятые, грязные, с кровоподтеками, лица.

— Я в твои годы дрался разве так? — поддразнивая, сказал Солонкин-отец. — Старик, не помнишь?

— А? — спросил лысый, он был туговат на ухо.

— Говорю: как я дрался в его годы!..

— Да-да-да... Помню, помню, как же...

Старик притянул к себе Антона и пощупал сначала его ключицы, потом лопатки и наконец руки. Он проделывал все это с таким видом, точно имел дело с вещью, которую покупал. Очевидно, он остался доволен осмотром.

— Не щупай, не щупай!.. — вдруг, надувшись, прикрикнул на него Солонкин-отец. — Тебе мало?

Не стесняясь присутствием старика, Солонкин объяснил Антону:

— Это он тебя оглядывает — к себе. У него таких трое, деньгу ему заколачивают, кости по дворам собирают... Чорт старый, оглоед!

Лысый на этот раз отлично расслышал Солонкина.

— Не ври, не ври, Васька! Ты у меня в кармане не рылся!

— Пороемся! — сердечно пообещал Солонкин-отец.

— У Fortunatova ройся!

— А нам он ни к чему...

Старик долго чертыхался, потом полез под кассу и выдвинул оттуда неприметно прилаженный ящичек. Он достал пучок увядшего лука и краюшку хлеба. Жадными, торопливыми щипками он крошил в кружку хлеб, рвал зеленые луковые перья, потом посолил все это и залл водой.

— Чорт-жила... — не унимался Солонкин. — Дома имеет, а жрет, как побирушка... Христарадник...

— Ты не ври, не ври, Васька! — спяты закричал лысый.

Как-то в воскресенье, проходя по Суворовской, Антон увидел капитана Аристова. В нем почти не узнать было офицера-пьяницу из деревенской халупы на фронте. Он был чисто выбрит, худ, бледен и волочил одну ногу, обутую в желтую мягкую туфлю. Под

руку с ним шла молодая, высокая женщина в громадной шляпе с черным пером, распространяя тонкий запах духов, туго шурша платьем.

Антон долго шел следом за ними, но потом забежал вперед и остановил капитана. Тот сразу было не узнал Ажогина, а когда узнал, слабо усмехнулся и что-то сказал женщине. Она достала из плетеной серебряной сумочки несколько новеньких марок (они начали ходить вместо денег) и протянула Антону. Он думал, что, узнав, капитан позовет его с собою, — а тут с ним обходятся, как с нищим? Не сказав ни слова он разжал кулак, и деньги упали в грязь.

— О-о-о! — удивленно протянула молодая дама, с интересом глядя на него своими большими синими глазами и чуть-чуть трогая улыбочкой свои яркие, нарисованные губы. — Мальчуган с коготком... Ну, как вам угодно...

Аристов нахмурился, дама взяла его под руку, и, не прибавив больше ни слова, они медленно пошли дальше. Антон с громко стучащим сердцем стоял здесь, он видел под ногами деньги. В конце концов глупо было оставить их здесь, зря, для кого-нибудь другого. Он поднял их, вытер от грязи и спрятал за клеенчатый отворот фуражки.

Случалось (это, когда он ехал на войну...), солдаты давали ему картофель, хлеб, подпускали его к своему бачку, делились сахаром. Нина Матросова взяла его к себе, она кормила его, смотрела за ним. Кошатый вроде как бы усыновил его, — и все же это было совсем не то.

Встреча с Аристовым резко напомнила Антону Москву и Веру Владимировну. Там тоже с ним обошлись, как с нищим, как со щенком, которого сразу же выбросили, когда он перестал забавлять хозяев.

Придя домой, он рассказал дяде Косте о своей встрече. Тот слушал и только покачивал головой.

— А откуда ты его знаешь?

Антону пришлось рассказать всю историю.

— Вона что-о! — протянул Кошатый, смешно топорща свои жиденькие

усы. — Значит, ты — воевал? До победного конца? Пока мы тут работали, — защищал нас?.. Молодец, молодец!..

Тонька слышал в голосе Кошатого и насмешку, и просто веселые нотки, и насмешка испугала мальчишку.

— Я больше не буду с ним говорить... — торопливо сообщил он дяде Косте.

— Ты про Аристова-то? Э, все это чепуха на постном масле... — беззаботно ответил Кошатый. — Я про другое. Они же — как машина. Отработанное масло, — оно же машине не нужно, факт? Пока хорошее — оно в посуде, заткнуто. А чуть что — к чорту, выливают в помойку. Я не умею говорить, но ты подрастешь — узнаешь... Одним словом, как тряпка. Выжмут и бросят с глаз подальше. В общем, понял? Ничего ты не понял!.. — с огорчением заключил Кошатый.

Видимо, он повторял чьи-то слова, в смысле которых не слишком разбирался и сам.

— А тебя на войну возьмут?

— Взяли бы, да у меня — вот... Разве ты не знал?

Он показал свою правую руку; на ней нехватало указательного и среднего пальцев. Странно, этого Антон не замечал никогда, хотя он заметил, что при разговоре дядя Костя сует правую руку в карман, а при работе держит в ней вёрстатку, набирает же левой.

— Это мне обрубили в прошлом году. Офицер, такой же вот, вроде твоего Аристова: как полосне-ет!.. — он даже зажмурился, точно вторично переживая свою давнюю боль.

— Ты, значит, тоже забастовщик!.. — утвердительно сказал Антон. — Ты и Ажогина знал? Отца... — поправился он. Ему стало опять нехорошо при мысли, что вот он уже забывает отца и даже называет его по фамилии.

— Отца-то? Я знал, да вот никого теперь не осталось, понимаешь... Только вот и есть, что эти — Солонкин, — ну, разве это народ?

— Витька, ничего, — он еще мал... — снисходительно сказал Антон.

— Я не про Витьку, я про лысого...

Так Тонька узнал, что Иван Парфеньич — витькин дед. Это открытие поразило Антона.

— Что же они, как собаки?

— Это, брат, у людей такой характер. Чисто — волки. Они например друг у друга хлеб, и то воруют. Или например лук. Факт!

— Витькин отец — не жадный...

— А кто их разберет. Эх ты, жизнь-жизнь... — Кошатый пошевелил пальцами, почесал за ухом и спросил: — А как ты думаешь — почему это?

Когда Антон промолчал, дядя Костя усмехнулся, задумчиво глядя в окно, и заговорил снова:

— Я в девятьсот девятом году к графу Льву Николаевичу Толстому ходил. Пешком. Он жил недалеко отсюда. Очень бедных любил, а я всегда ходил чисто, но тут нарочно оделся похуже, даже без картуза пошел...

— А зачем?

— Разве ты не слышал про графа Льва Николаевича? И сочинений его не читал?

И вот тут-то выяснилось, что Антон в школе пробыл только год, все перезабыл, и если что знал, то только из того, чему когда-то учила его Нина.

— Это нехорошо, матушка ты моя... Такой взрослый человек...

Он позвал Марию Львовну и сообщил ей о своем намерении с осени отдать Антона в школу. Она безо всякого интереса выслушала его и молча ушла в кухню.

— Серчает... — шопотом объяснил Кошатый. — Все тащит меня в церковь... Венчаться... А я думаю: зачем это? Мы живем, как надо, — что мне поп поможет, что ли? Ты как считаешь?

— Люди смеяться будут... — тоном взрослого возразил Антон.

— Вот люди-то, они, брат, вредный народ, — сокрушенно согласился Кошатый. — Но только я им не мешаю, зачем они будут мне мешать? Факт?

— Ты хорошо живешь, а люди завидуют... — прежним, рассудительным тоном сказал Антон.

— Это верно, Тоня... Ты маленький, а шарики у тебя в голове есть. Люди любят завидовать. У самих у них есть —

завидуют, что у тебя то же самое. У них нет — завидуют, что они безо всего. У тебя нет — им и то завидно, что ты вообще не подох с голоду. Отчего это? Друг другу — волки...

Антону нравилось, что Кошатый говорит с ним, как со взрослым.

— Как ты думаешь, она перестанет сердать? Нет? — озабоченно спрашивал дядя Костя.

— А ты скажи ей. Боишься? — посмеивался Антон.

— Нет, брат, я не могу, понимаешь, с женщинами... Предположим, заплачет, а я терпеть этого не могу, у меня все зло пропадет... — сокрушался Кошатый.

Между тем Марья Львовна фыркала все больше и больше, Антону уже начало попадать от нее. Как нарочно, он подвертывался ей под руку, бить она его не била, но каждый раз глядела на него так, что он готов был провалиться сквозь землю. Он даже боялся садиться за стол в ее присутствии.

Дядя Костя замечал все это. Он относился к мальчишке попрежнему, но выказывал это тогда, когда Марья Львовна не было поблизости.

Однажды Кошатый сказал ему:

— А ты чего в самом деле? Предположим, она тебе — слово, а ты ей — десть...

Но это были одни слова.

Антон как-то ночью проснулся от громкого разговора.

— Ведь он зарабатывает себе на хлеб, не дармоед, ничего... — уговаривающе говорил дядя Костя.

— А все равно! Зачем он здесь? — плача, спрашивала Марья Львовна.

Антон понял, что речь шла о нем.

— Мальчишка очень хороший. Разве не факт?

— На Володьку похож, да? — уже громко, не боясь разбудить Антона, кричала Марья Львовна. — Про Нюрку вспоминаешь?

Речь шла о первой жене Кошатого и сыне его, умерших года два назад.

— Забыть не можешь? Не смей! Живешь со мной — велю забыть все!

Она зарыдала, кровать скрипнула, дядя Костя смущенно кашлянул и укоризненно сказал:

— Разбудишь... Утром ему на работу... Мальчишка, а встает, чуть свет...

— И разбужу! Чорт с вами обоими! — она помолчала и вдруг зло спросила: — Венчаться пойдешь? Уйду, вот тебе крест, уйду!

Вероятно, она соскочила на пол: по полу зашлепали ее легкие, босые шаги. Антон приоткрыл глаза. Он увидел у стола ее смутную, белеющую фигуру. Женщина звякала крышкой чайника, пила воду и, задыхаясь, говорила:

— Ты Нюрку вспоминаешь! Я этого тебе не велю, слышишь?

Она снова зашлепала голыми ногами по полу, бросилась в постель, кровать тяжело скрипнула, женщина громко заворочалась и вдруг произнесла спокойно, уже чувствуя свою победу:

— А мальчишку я погоню со двора. На кой он мне ляд? Своих у меня нет, а я буду чужих обмывать, обшивать?

Антон заткнул уши, как всегда, когда ему было особенно тяжело, и отвернулся к стене. Его не удивляли слова Марьи Львовны, — его возмущала покорность Кошатого, дяди Кости.

Вот и снова начиналась бесприютная жизнь Антона, — ему опять надо было уходить прочь. Перед ним снова, — в который раз! — совершенно отчетливо, во весь рост, встали отец и Нина. Нина улыбалась, как это она умела делать, — открыто, всем лицом, она рассказывала Антону разные интересные истории, отец припоминался менее ясно, но все равно: вот это были люди, настоящие люди! Они думали и говорили только то, что хотели думать и говорить, — это не дядя Костя, который ругается с лысым стариком, ходит к какому-то графу, боится своей любовницы. Антон уже подумал о Марье Львовне так, как думал о матери, когда, просыпаясь утром, видел рядом с ней старика Мологонова.

Кстати о матери. Она теперь все чаще и чаще представлялась ему, но всегда в том виде, как он увидел ее последний раз на кладбище. Антону становилось и жалко ее, и противно в то же время. Все-таки отец был с Ниной. «Главным». Антон был с ними, — это была хорошая жизнь. С кем была мать?

Ее бросили все, и Антон в том числе, покинул ее — пьяную, грязную мать. Она осталась на свалке. Тут он вскрикнул и, чтобы его не услышали, уткнулся головой в подушку.

Так Антон незаметно забылся. Он с трудом проснулся утром, когда Кошатый разбудил его. В комнате было еще полутемно, окно было все запушено инеем. Сквозь маленькое, величиной с пятак, незамерзавшее светлое пятнышко стекла Антон увидел на улице снег. Люди шли большие, смутные, снегу лежало еще не так много, он не скрипел под их ногами и, видимо, был мокрый. Антону стало нехорошо, он взглянул в лицо дяди Кости: лицо его выглядело смущенным. Кошатый отвел глаза в сторону.

— Я уйду... — с трудом удерживаясь от слез, проговорил Антон. — Дядя Костя, я уйду, совсем, совсем и никогда не приду сюда, не надо...

— Что не надо, Тоня, маленький? — шопотом, прижимая Антона к себе, спросил Кошатый.

— «Она» не хочет, я слышал все!..

Кошатый медленно повернулся к Марье Львовне, которая прислушивалась к их разговору и сейчас пристально и насмешливо глядела на них. Кошатый зашевелил пальцами, покраснел и сгладился, как бы ища что-то, чем можно было бросить в нее.

— Не пугай, — закричала она. — Не из пугливых, чорт беспальный!

— Маня, не выводи из терпенья... — умоляюще попросил Кошатый.

— Плевать мне на твое терпенье! — Она вильнула хвостом и вышла в кухню.

Кошатый виновато улыбнулся и потрепал Антона по щеке.

«Бойтся, бойтся Маньки...» — с сожалением и жалостью подумал Антон. Он оделся, натянул валенки, обшитые кожей. Он торопливо напялил на себя ватный пиджак и, не умываясь, не взяв завтрака, вышел на улицу. Дядя Костя что-то крикнул ему вслед, но Ажогин независимо, с поднятой головой — руки в карманы, — вышел из калитки и направился прочь.

Он не знал, куда идет, но его ноги сами собой направились к Суворовской.

Лысый старик уже стоял за кассой, Солонкин перебирал какие-то листки, нанизанные на гвоздь. Недавно принятый на работу подросток, которого звали Коськой, принес таз с кипятком и зло закричал:

— Ты, чертенок! Мой!

Он был головой выше Антона, но очень уж бледен и щупл.

«Дать ему по животам? Свалится?» — размышлял Антон, однако беспрекословно взял тряпку и принялся за работу. Он видел сначала пыльное, желтое стекло, потом, после воды, оно украшалось бурными разводами, затем грязь бледнела, и уж только потом стекло становилось чистым. Антона подмывало бросить все это к чертям, сказать Фортунатову что-нибудь обидное, дать Коське разà и уйти отсюда, куда придется.

— А где Кошатый-то? — спросил вдруг Иван Парфеньич, поворачивая к нему свой голый лоб. — Антошка, я кому говорю!?

— Я тебе не Антошка, а Антон Иванович!.. — еле сдерживая бешенство, отрезал он, повернувшись к старику и сжимая кулаки.

В ответ последовал оглушительный хохот. Закатился даже Коська. Упав прямо грудью на табуретку, он тоненько и противно визжал. Он держался руками за живот, а старик басом, по-бараньи блял:

— Э-э-э-э!..

Только Солонкин с нескрываемой злостью глядел на лысого и говорил ему, повторяя одно и то же:

— Ну, чего ты ржешь, старое полено? Чего ты, старое полено?

Но никто не обращал на него внимания. Тогда Солонкин шагнул к Коське и дернул его за ухо. Коська не переставал тоненько и противно визжать. Антон совершенно побелел, у него от злости брызнули слезы, он размахнулся мокрой тряпкой и начал хлестать ею по спине, по лицу, по голове Коське. Потом, оставив его, ошеломленного внезапным нападением, ринулся к старику.

Он начал хлестать и старика. Брызги летели по всей мастерской, оставляя на стене грязные следы. Коська оглядывался и вытирал лицо. Солонкин подошел к обезумевшему мальчишке и осторожно взял его за локти.

— Брось, дурачок, оставь его, старого чорта, скоро и так сдохнет... — говорил он, поблескивая глазами в сторону отца.

В дверях уже стоял Фортунатов. Он глядел поверх очков на происходящее в мастерской и медленно выговаривал:

— Чтоб духу твоего не было...

Он подошел поближе, поднял ногу и вдруг с силой ударил мальчишку прямо в живот, ударил вторично, загнал его в угол и, схватив железную линейку, начал бить его по чем попало. Страшная боль ослепила Антона, он упал на пол и услышал над собою тяжелое дыхание хозяина. Антон, как во сне, слышал голоса в мастерской, противное блеяние лысого, собрал последние силы, открыл глаза, увидел табурет рядом, толкнул его под ноги хозяину и, почувствовав внезапный приток сил, вскочил с пола, размахнулся, подпрыгнул и двинул низкорослого Фортунатова в ухо. Тот громко выругался, не удержался, вместе с табуретом повалился на пол и завозил по нему ногами.

Антон чувствовал оглушительный бой своего сердца, бешенство охватило его, он раздвинул ноги хозяина ногой, не глядя куда, — кажется, в лицо, выскочил за дверь, сорвался со ступенек на середину улицы, взял склизкий от талого снега камень и пустил им в окно. Стекло с дребезгом взвыло и разлетелось. Он схватил второй камень, третий, и все они таким же манером полетели в окна. На крыльцо уже выскочил хозяин, из-за его спины выглядывал лысый.

— Убьет! Отвернитесь, убьет!.. — кричал он, оттаскивая хозяина прочь.

Фортунатов молча и яростно потрясал линейкой.

Таким образом, Антон, как был, без шапки, в одной рубашке, оказался на улице. Ему казалось, что и отец, будь он на его месте, поступил бы точно так же. Гордость начала наполнять сознание Антона, — ведь он поступал совер-

шенно самостоятельно, без всяких указаний о том, как надо жить в людях.

Лысый опять показался на ступеньках крыльца, он прямо в грязь, на мостовую, выбросил тиджак и шапку и молча погрозил ему кулаком.

Таким образом, еще один новый шаг к взрослой жизни. Десятилетний мальчишка с открытой грудью шел ей навстречу, навстречу ее опасностям, ее тревогам. Он попробовал свои кулаки — они оказались крепкими, с ними можно было пуститься в путь.

С этого дня он надолго потерял из виду Солонкиных, Кошатога, Марию Львовну. Иногда он проходил недалеко от типографии, но каждый раз воспоминания о происшедшем там и страх перед расплатой толкали его прочь, и он быстро проходил мимо.

Только примерно через полгода после события в типографии он встретил на улице старика Ивана Парфеныча. Он был одет в невероятную рвань, пожалуй, даже Антон выглядел много чище его. Старик шел по улице, засматривая в окна домов. Он потихоньку стучал в оконные переплеты и негромко, беспрестанно кланяясь, говорил что-то. Из окон высовывались люди, кто захлопывал окно, кто подавал старику, — оказывается, он побирался! Значит, он был уничтожен. Антон подошел к старику, как к человеку, которого он сам же и загнал в угол.

— А, старое полено, так тебе и надо! — спокойно, тоном приветствия сказал он. — Попался, зачем кусался?

Старик зло блеснул маленькими глазками и рассмеялся своим противным смешком.

— Антошенька, голубок...

Но Антону было неинтересно разговаривать с ним. Противный старик уже не представлял ничего интересного.

— Так тебе и надо, жила! — больше для приличия сказал Антон, но старик и тут рассмеялся своим бараньим смешком.

— Подойди-ко поближе, Антошенька... Не трону, святая икона! — и старик даже перекрестился.

— Ну-ну! — Антон угрожающе нахмурился и приблизился к старику.

Старик опасливо посмотрел на него:

— Пойдем-ко, что я тебе покажу, Антошка... Пойдем, голубок, гривенничек хочешь? Или пятиалтынничек? А? Ладношки?

Он говорил с ним, как с несмысленным, Антон не привык к такому языку.

— Сначала давай. Только рубль!

— Да у меня таких денег и не водится, голубочек! — всплеснул руками старик. — Ну, хочешь — два двугривенничка?

— Сначала дай.

— Да не обману же, господи-батюшко... Ну, на-на! — испугался лысый, видя, что Антон поворачивает обратно.

Он отсчитал мальчишке четыре синие бумажные марки. Антон деловито осмотрел каждую из них, грязную, захватанную, побывавшую в сотнях рук.

— Ну, показывай.

— Сюда, идем сюда... — старик шагнул в широкие покосившиеся ворота и быстро, не старческим шагом, направился через двор к запустевшему, обширному саду, который виднелся в конце двора, за повалившимся, почерневшим палисадником.

Старик минутно оглядывался, точно проверяя, здесь ли спутник. Старик продирался сквозь репейник, крапиву и колючие заросли малинника. Антон еле поспевал за лысым. Где-то в стороне, тоже в саду, слышались детские голоса.

Наконец старик вывел Антона к невысокому забору, отделявшему эти заросли от другого двора. Посреди него стоял двухэтажный некрашенный дом. От ворот до этого забора была протянута толстая проволока, по ней, гремя цепью, бегал серый лохмоногий пес, величиной с доброго теленка. Он почуял людей и помчался к забору.

— Сукин сын, паскуда, зверя завел, отца родного псами травит..

Антон взглянул на старика, у того из глаз текли мелкие слезы, он шмыгал носом и яростно чесался.

Антон вспомнил рассказы Кошатого о Солонкиных.

— Это твой дом? — сурово спросил он.

— Выгнал, паскуда, жулик несчастный... Антошка, дали его камнями! В окна! Бей! Ты помоложе меня! Глазки у тебя получше! На, голубок! — он совал ему в руки камни, хорошо выбранные, словно специально для того, чтобы бить стекла. У самого забора лежала целая куча этих камней. Старик начал выбрасывать камни еще и из сумки. Оказывается, это он накапливал их здесь. Потом старик швырнул один камень сам, попал в собаку, пес остервенело взвизгнул и, рыча, полез на забор.

На крыльцо вышел Солонкин, он закричал, грозясь кулаком:

— Убью лысого чорта! Застрелю из поганого ружья! — он скрылся в сенях и через мгновение, в самом деле, показался с ружьем в руках. Антон ничего не успел сообразить, как Солонкин пристрел разорвал воздух. Пес присел на задние лапы, Антон упал на спину, быстро перевернулся на живот и проворно пополз прочь.

Теперь Антон нашел себе дело. Он собирал по дворам бутылки, банки, кости и сносил все это лысому. У того работали человек шесть таких же мальчишек. Старик давал ребятам наиболее вкусные куски из собранного ими в течение дня. Кроме того, иной раз — гривенник, а то и больше: тряпье и кости давали старику немалую пользу.

Однако все стало много дороже: за фунт хлеба например надо было платить семь копеек, — раньше он стоил полторы.

Лето в этом году было холодное и дождливое. Несколько раз Антон пробовал ночевать на музыкантских подмостках в Кудашевском саду. Правда, здесь над головой была настоящая крыша, но ведь от холода она не спасала. Изредка он ходил на Рубцовскую улицу, в ночлежку. Это случалось лишь в самых крайних случаях: там, в громадном помещении, на нарах, на полу, под нарами, спало множество золоторотцев — мужчин, женщин, детей. Все эти люди не стеснялись никого и все свои дела делали тут же, на людях.

Целый день здесь играли в карты, пили ханжу, дрались, распевали песни. Здоровые мужики, страшась попасть в солдаты, впрывскивали себе под кожу керосин, обвязывали грязным тряпьем руки и ноги, становились на деревянные, ходили на костылях. Один из них, монах, еще не скинувший с себя подрясника, ежедневно по нескольку раз на дню пил махорочный настой.

— Ну как? — с надеждой спрашивал он у окружающих.

Его гнали прочь, пинали, кляли последними словами, и лишь кое-кто снисходлил:

— Заметно помираешь, батюшка... Сало да мясо, — скоро совсем сдохнешь...

— Без смеху? — радостно спрашивал монах. — Я еще больше буду заваривать, а?

— Заваривай, идиот, чем тебя только делали?!

Монах шел в свой угол и снова начинал колдовать над чайником с махоркой. На него никто не обращал внимания, люди ходили мимо, толкали его, опрокидывали его вареву, сыпали ему в чайник клопов и тараканов, — он не обижался и только заискивающе хихикал.

По воскресеньям к нему приезжала на жирном купеческом рысаке какая-то старуха, в клетчатой — черное с зеленым — шали, с громадной бородавкой на носу. Старуха вполголоса разговаривала с монахом, он вздыхал, отвечал с расстановкой и тоже негромко. Ночлежники ходили мимо потихоньку, притихали, переставали ругаться. Все это делалось не зря: старуха входила и оставляла монаху узелочек. В нем была всегда большая сдобная булка, но главное — в уголке платка завернута новенькая пятирублевка.

В такие минуты монах командовал всей ночлежкой. Он еще гуще заваривал свое снадобье, накрывал чайник чьим-либо тряпьем, — владелец тряпья даже и не думал теперь протестовать, — забирался с ногами на нары и покрикивал:

— А ну! Кто за елеем?

— Политурки бы, батюшка... — робко говорил кто-либо.

— Я вот тебе дам политурки, сволота!.. А ну — ханжи на всю синенькую!..

Скоро появлялась ханжа. Ее принесли в нескольких молочных жбанах, взятых напрокат у сторожа, — сторожа тоже принимали в пай. Около монаха начиналось столпотворение, уже через пару минут появлялись первые пьяные, закуски при этом не полагалось, каждый обходился тем, что у него было припрятано под тряпьем. Люди становились куда добрее и лучше, нежели трезвые, они хотя ругались и кричали больше обычного, но подзывали к себе ребятешек, угощали их, играли с ними. Однако ханжа так безобразно воняла, что лишь немногие из ребят выдерживали глоток другой.

Антошка однажды оказался как-раз в числе этих немногих.

Когда ему «поднесли», он проглотил все без остатка. Он проглотил это жгучее, позывающее на рвоту, питье и огляделся. В этот момент ему показалось, что он на карусели. Кругом него плыли нары и люди на них, растерзанные женщины звали к себе Антона, он пошел к одной из них, покачнулся и упал прямо к ней на колени. Он больше не чувствовал ничего: голова его приятно кружилась, он слышал отовсюду ровный гул, не различал голосов. Он очнулся уже ночью от холода, на полу. Кругом раздавался густой храп, кто-то ругался во сне, у самой двери плакала и грубым голосом причитала женщина. Антон поднял голову, взглянул туда, но тяжелая голова снова упала на пол.

Страшная боль разрывала виски, он кое-как поднялся на ноги и, подавляя тошноту, выбрался в сени. Там, на скамье, спал сторож, около него — одна из молодых женщин, постоянная обитательница ночлежки, — голоногая, с растегнутой кофтой. Антон вышел на крыльцо и спустился во двор. Над городом в бездонной вышине стояли частые звезды. Еще чувствуя горечь во рту, Антон перевел дух.

От ветерка, который ходил по двору, который забирался под рубаху, не было

холодно. Наоборот, он приятно обдавал свежестью тело Антона, и ему хотелось побыть подольше на этом ветерке. Он сдернул с себя рубашку и вышел на улицу. Шел он безо всякого смысла, ему просто хотелось уйти из этого грязного логова. Антона обогнали двое подростков с удочками на плечах. При виде их ему стало ясно, чего он хотел и что все время не давало ему покоя: он должен пойти на Монастырку, на огороды, туда, где он когда-то увидел «Главного», куда он ходил с Ниной. Он взглянул подросткам вслед, потом на небо, — небо уже начинало светлеть.

Антон был оставлен один, покинут, его окружали враги, он ни к кому не может пойти, никто с ним не поговорит по-людски. Отец находился неизвестно где, Нина пропала, точно ее и не было никогда, — пропала, как жарким полднем пропадает след на росистой траве.

Мальчишка жил одиноким на этой большой и бесприютной земле. Его толкали встречные, они наступали ему на босые ноги, и никто не хотел остановить его и спросить, чего ему хочется.

Он вспомнил последнее время, когда он жил у Кошatego. Там было хорошо, но сам Кошатый, — он боялся своей любовницы! Самое позорное для взрослого: взрослый должен быть всегда смелым!

У гостиницы «Лондон» дворник подметал мостовую, какой-то пьяный солдат попался навстречу Антону. Уже рассвело, и Антон узнал в солдате Лукьянова. У него, как и тогда, в день прихода к отцу, лихо были закручены усы. Покачиваясь, он остановился поболтать со стариком: ведь Лукьянов в свое время работал в «Лондоне». Он говорил чересчур громко, — черта, свойственная пьяным, — дворник дал солдату прикурить. Антон хотел окликнуть Лукьянова и напомнить ему о прошлогодней встрече, но всего лишь всхлипнул, пересилил себя и пошел дальше.

Иногда впрочем Антона тянуло к Кошатому. Кошатый был чересчур слабым для мужчины, но все равно: после аре-

ста отца и Нины это был единственный человек, который по-людски отнесся к Антону. В моменты таких настроений Антон проходил мимо железнодорожной церкви, и если бы открылось окно и его позвали в маленький домик, он без раздумья вошел бы внутрь, огляделся бы там и решил бы, что ему больше ничего и никого не надо, кроме этой чистенькой комнатки, веселого взгляда дяди Кости, и даже Марья Львовна теперь уже не помешала бы их счастью.

Но окно ни разу не открылось, никто и ни разу не позвал его внутрь.

Тем временем и по утрам, и днем, и даже ночами с вокзала и на вокзал гремели обозы. Это были не первые дни войны, когда раненых располагали в специальных фургонах, — сейчас их развозили по лазаретам на деревенских скрипучих телегах, на ломовых качках, с пучком соломы, кое-как брошенным на подстилку.

Раненые из выздоравливающих уже открыто бродили по улицам, по лавчонкам, по базару. Они где жалобно просили, где просто требовали себе милостыню. На базарах они продавали больничные грязные халаты, матрастики, даже костыли продавали они. Раненые голодали, бабы жалели их, но, когда под окнами раздавался их стук, открыть фортку боялись: их за день проходило едва ли не сотни.

Однажды Антон увидел, как Соломонида Мологонова била одного такого. Он попытался украсть осьмушку махорки. Соломонида вывела раненого на улицу, громко закричала, что ее обкрадывают, и, когда уже собралась порядочная толпа, ударила солдата прямо по лицу: раз, другой, третий. Из окон лазарета высовывались товарищи избиваемого, они по чем зря кляли Соломону, а она все била его, все била, обычной женской ухваткой, не размахиваясь, но тыча кулаком солдату в лицо. Возбуждение сделало ее еще более красивой, и даже злая усмешка не портила сейчас ее свежего лица.

В дверях стоял Хрош, он крутил усы и приговаривал:

— Будете воровать? Или не нравится, — что?

Такие-то вот дела происходили в городе.

Как-то Антон встретил на улице Марью Львовну. Она была беременна и шла сейчас медленной походкой, словно опасаясь разбиться от неаккуратного движения. Заметив мальчишку, она остановилась и оглядела его.

— Запаршивел... Где это ты пропадаешь?.. Чисто босяк...

Он молча стоял перед нею, глядя на ее большой живот. Он ждал, что она пригласит его к себе, но женщина продолжала с любопытством и брезгливостью осматривать его.

— Вообще, чего ты убежал? Ты разве слышал что-нибудь?

— А то — нет?! — громко воскликнул Антон, и ненависть к этой чернявой женщине мгновенно вспыхнула в нем. — Не подмазывайся, все равно не приду, гада!

Он подумал и через мгновение добавил самое грязное из ругательств, которое он только знал. Она ахнула, подобрала юбку и прямо по грязи заторопилась дальше.

Антон уже сожалел о своей несдержанности, — теперь-то уж наверное с Кошатым покончено все. Но когда у человека накопится на душе столько, сколько накопилось у этого одиннадцатилетнего мальчишки, человек перестает владеть собою, — в самом деле, его пинали все, кому только не лень, и он, разумеется, отвечал людям тем же.

У него оставалось товарищей все меньше и меньше. Витька Солонкин изредка встречал Антона и свысока говорил ему.

— Что-то ты, как нищенка... Зайди к нам, мы богатые, я тебе картуз дам, — хочешь?

— Вы деда обворовали, жулябии! — зло отвечал Антон.

— Это верно, — охотно соглашался Витька. — Отец у меня жулик, он, кого хочешь, обворует. А дед то же самое — жулик.

— Значит, вы все жулики?

— Все, — равнодушно говорил Витька. — Я вот, когда вырасту, я отца из дому выгоню, буду в него из ружья стрелять ..

— Как он — в лысого? — уже с интересом спрашивал Ажогин.

— Ага... — с прежним равнодушием отзывался Витька и с сожалением добавлял: — Ну, до свиданья, мне в школу приходится итти...

Казя Стрелецкий вытянулся, похудел, говорить он стал еще более тонким голосом. Как-то он попался навстречу Антону: в аккуратной шинели, в новенькой фуражке, с оленьим ранцем за плечами. Антон заговорил было с ним, но Казя только близоруко прищурился и сделал непонимающие глаза. Антон, не думая ничего такого, сделал было шаг к гимназисту, тот мгновенно бросился бежать, и в этот момент кто-то проходивший мимо схватил Антона за ухо и раз-два — больно дернул его. Над Антоном наклонилось рыхлое рябое лицо. Рябой наклонился к Антону, держал его за руку и спрашивал:

— Что-с? Хулиганить; милостивый государь? А-с? Или тебя давно не пороли-с? Как-с?

— Пусти, чорт паршивый! «Как-с!» — взревел Антон, изловчился и дернул рябого за толстую цепочку часов, видневшуюся из-под распахнутого пальто. Рябой с испуга выпустил мальчишку, схватился за живот, цепочка была на месте. Он застегнул пальто, молча погрозил Антону толстой тростью и важно проследовал по тротуару.

К городу подступала осень, уже вторая осень без отца. Она шла по-особому, как никогда раньше. К раненым и солдатам, следующим через город, уже привыкли. Теперь не только солдаты с костылями бродили под окнами, уже следом за ними шли и здоровые: они предлагали хозяйкам чистые портянки, еще не обношенное белье и резе всего — хлеб.

У булочных и бакалейных лавок стояли громаднейшие очереди, люди приходили туда еще с ночи, очереди иной раз тянулись на целый квартал. Все чаще и чаще на окнах лавок появлялись надписи:

«САХАРУ НЕТ».

«МУКИ НЕТ».

«МЯСА НЕТ».

«ХЛЕБА НЕТ».

На базаре, где целыми днями околачивался Антон, все труднее и труднее становилось найти хоть что-либо из еды. За порцию рубцов (или «рябчиков»), еще весной стоившую три копейки, теперь требовали двенадцать, и все чаще и чаще Антону приходилось засыпать голодным.

Иногда впрочем случались удачные дни, это, когда в город, на второй, Рязский, вокзал, приходили поезда с Волги. Оттуда вываливались толстые барыни со множеством банок, корзиночек и узелков. Барыни тяжело дышали, и в такие минуты босяк Антон бывал для них единственным спасением. Сначала на него косились, однако носильщиков на вокзале уже не было давным-давно. Антошка тащил до извозчика эти припасы, — дары из дальних, пока еще сытых, уездов. Антону давали когда двадцать, когда даже тридцать копеек.

Но деньги становились настолько дешевы, что этих денег не хватало и до завтра, а поезда приходили только дважды в неделю.

В депо многие из мастеровых переменялись. Знакомых осталось меньше. Антон ночевал, где придется, но редко-редко ему удавалось устроиться не в ночлежке. Правда, в ночлежке он был тоже хозяином, как и все, кто приходил туда. Он, никогда не спрашиваясь, появлялся там, ложился среди золоторотцев и проституток, — и засыпал, как человек, утомленный длинной дорогой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Однажды, проходя мимо колбасного магазина Твердохлебова, Антон увидел «Сутулого». Несмотря на дождливую погоду, Ефим был в одной сатиновой, горошком, рубашке, и лишь брезентовый фартук прикрывал его грудь. Ефим выкатывал из магазина пустые сальные бочки и громоздил их на тяжелый полук. Кругом стояла кучка ребятишек-ротозеев. Ефим вытирал свое потное, изуродованное оспой лицо и скалил крупные белоснежные зубы. Он смеялся и говорил:

— Чего собрались? А если я драться полезу? Или — с'ем кого-нибудь? Что тогда мамка скажет? Или если в бочку посажу?

По этому страшному рябому лицу, белым зубам и привычке говорить вопросами Антон в тысячной толпе узнал бы «Сутулого». Он растолкал мелюзгу и прямо подошел к Ефиму.

— Слушай... — сказал он тоном равного. — Ты не видал моего отца? Помнишь, Ажогина?

Ефим словно даже испугался. Он быстро поставил на полку последнюю бочку.

— Садиться хочешь? Или не хочешь? А если я — на работе? Думаешь, дорогой поговорить не сможем?

Полок гулко загромыхал по шерботой мостовой, «Сутулый» накиннул на плечи мальчишке свой пиджак, сам остался, как был, и заговорил, оглядывая Антона:

— Так и ходишь? А дождь? Допустим, осень? Значит, забнешь конечно? Или нет? Уже приебь? Живешь-то где? Где попада, небось? А харчи? Разве это хорошо? Нынче подадут, а завтра? Значит, все время на чужбинку? А потом — воровать? — укоризненно говорил он. — Золотая рота? Разве так полагается? Небось, не учишься? Личность, и ту не моешь? Что?

— Где отец? — не слушая его, сказал Тонька.

— Отец сейчас на позиции, его ранили. Думаешь, война — это что? Игрушки, или как?

Так Антон узнал, что Ажогин скоро вернется в город. Ему казалось, что и Нина появится вместе с ним. Он спросил об этом «Сутулого», но тот молча покрутил головой и ничего не сказал. Подвода под'ехала к фабрике, сторожиха открыла ворота, Ефим завел лошадь во двор, выпряг, прибрал, и только после этого они с Антоном вышли на улицу.

Ефим привел Антона в «Бельгию», грязный трактир на углу Суворовской и Посольской. Народу там было мало, в трактире вкусно пахло чем-то жареным, вместо половых здесь работали женщины в грязных фартуках и таких же ко-

сынках. Ефим заказал горячего, Антон жадно оглядывался кругом, за прилавком он видел красномордого парня, курчавого и чернобрового, словно с обложки песенника.

— Это хозяин? — спросил Антон.

— Сын, я думаю, или племян. Большой, — не видишь? — усмехнулся Ефим. — Разве такого на войну можно брать? Это например нашего брата, — что?

— А ты?

— Ну, что я? Мне уже пятьдесят первый год! А то, не взяли бы?

Теперь Антон с повышенным интересом глядел на «Сутулого»: он выглядел много моложе. Он чисто брился, оставляя только усы. Значит, это замечательные, белые зубы так молодили его.

— Никогда не ем сладкого, — объяснил Ефим. — Дай мне железную цепку — не разорву? Зубами? Или гирьку в три пуда — не подниму?

Он говорил о разных пустяках, но Антону хотелось побольше услышать об отце.

— Думаешь, не придет? А куда же ему деваться? Он же раненый, верно? Лечить-то его обязаны? Или, думаешь, не будут?

Словом, Ефим ждал Ажогина со дня на день. Это до того подействовало на Антона, что, поев, он сразу же собрался уходить. Он не знал, что ему делать со своей радостью, ему хотелось скрыться отсюда, чтобы не видеть этот грязный трактир и краснорозега хозяйского парня.

— Куда? — остановил его «Сутулый». Опять накинув на него свой тяжелый, просаленный ватный пиджак, он вышел с Антоном на улицу. — Придет отец, — где он тебя будет искать?

Ефим жил на Технической улице, в громадном доме, неподалеку от могоновского. Нижний, полуподвальный этаж был сплошь заселен угловыми жильцами, и только в стороне от кухни, отделенная тонкой дощатой перегородкой, приткнулась клетушка Ефима. Перегородка стояла грязная и некрашеная. Но внутри комнатки было чисто и уютно. Ефим оклеил ее голубыми обоями, на стенах висели вырванные из книжек

портреты каких-то незнакомых Антону людей, на подоконнике громко тикал никелированный будильник.

— Это — Пушкин, это — Гоголь, а это — Толстой, граф. Писатели, не знаешь?

— Какой Толстой? К которому Кошатый ходил?

— Кто такой Кошатый? Куда он мог ходить? Граф Толстой помер, — верно? Или ты ничего не знаешь? — вполголоса говорил «Сутулый». — Однако жить здесь — будешь? Вместе с тобой будем отца дожидать, хорошо?

Антону уже надоело скитаться по городу, он был непрочь передохнуть, обогреться в этой маленькой комнатке. Подождать отца. А может быть, Ефим своими роскознями только утешал Антона? Как маленького?

Но впрочем ему было все равно: он слушал Ефима, иногда даже вставлял в его речь свои замечания, он видел взволнованное лицо Ефима, и ему становилось удивительно, почему этот посторонний человек так заинтересован в приезде отца.

Антон не особенно верил и в то, что его долго продержат здесь. Поэтому он первое время ел все, что можно было есть, подолгу спал, как бы отдыхая после долгого пути, перед тем, как тронуться в еще более утомительный. Изредка он выходил на кухню, где всегда толпился народ. На полу ползали ребяташки, те, что постарше, затевали какие-то игры. Антон смотрел на них снисходительно и с интересом, как на щенят. В кухне всегда было жарко, непрестанно шла руготня; кто-то взял не свою сковородку, кто-то отодвинул от огня чужой чугунок, кто-то вчера вечером не вынес помой. Антон молча присматривался к людям и при этом вспоминал ночлежку. Там тоже царствовали эти грошевые интересы, люди там тоже грызлись из-за пустяков.

«Сутулый» достал ему чистую одежду. Антон непривычно чувствовал себя в коротких штанах, в чулках и хоть чиненых, но вполне хороших башмаках. Иногда, просыпаясь под утро, он видел, как Ефим, согнувшись у окна, чистил его башмаки. Эта удивительная забот-

ливость трогала Антона, ему хотелось расплакаться, но он сдерживал себя и только хмурился и сурово поджимал губы.

Нет, рано или поздно ему придется уйти и отсюда, — счастье не продолжается вечно. В такие минуты он пытался представить себе, что наступит потом, и — не мог представить.

Ефим не няньчился с ним, трогательная его заботливость проявлялась почти незаметно, — так, видимо, казалось Ефиму, — и Антон делал вид, что он не замечает ее. Другой раз, просыпаясь, Антон замечал около себя чистую рубашку. Это значило, что прежняя уже лежит в узелке с грязным бельем. Как-то в субботу вечером Ефим сказал, будто подумал вслух:

— В иллюзионе был? Ты завтра что делаешь? Хотя, может, занят?

Ефим конечно знал все дела Антона и все же спросил: он как бы давал понять этим, что, каковы бы они ни были, он ценит эти дела и считается с ними.

Назавтра, в воскресный день, они пошли в кинематограф «XX век». Дорого Ефим глухо говорил:

— Думаешь, мне много надо? Или я, наоборот, загребая много денег? Нет, просто я не пью, не курю, верно? Курил двадцать девять лет — бросил. Думаешь, неправда?

Они пришли в «XX век». Снаружи театр был хорошо знаком Антону, внутри же — нет, внутри ему еще не случалось бывать. Ему и сейчас казалось, что его могут не пустить туда, но Ефим купил в кассе билеты, и они прошли в большой зал, где ходили, смеялись и лущили семечки хорошо одетые люди. На низких подмостках за роялем сидела седая женщина, черноволосый, глазастый человек проворно играл на скрипке. На стенах висели ярко раскрашенные картинки, двери были скрыты коричневыми толстыми занавесками.

Антон взглянул на Ефима: тот держался, как всегда, — ходил по комнате, уступал людям дорогу, поглядывал на них так, словно ожидал неприятностей.

Потом они очутились в еще большем высоком зале, где рядами стояли стулья.

— Вам на скамьи! Третье место! — кричала над ухом Антона вертлявая барышня.

Ефим беспомощно оглянулся, барышня закричала еще громче:

— У тебя по гривеннику! Иди вперед, где скамейки!

Впереди, отгороженные от стульев барьером, стояли длинные, некрашенные скамьи. Там расположилась публика поплотнее. Она громко кричала, перекликалась друг с другом. У самой стены, на которую было натянуто белое полотно, за низенькой перегородкой тускло светился огонек, и оттуда слышались негромкие звуки музыки.

Потом свет погас, что-то громко затрещало, и на передней стене показалось серое квадратное пятно, в правом углу которого отчетливо обозначился нарисованный красный петух. Потом петух исчез, и на Антона надвинулась громадного роста женщина. Она беззвучно шевелила губами, сзади засмеялись, потом женщина стала меньше, и оказалось, что она стоит посреди большой красивой комнаты. Потом женщина вышла оттуда, и Антон увидел уже автомобиль, мчавшийся прямо на него. Он отшатнулся, автомобиль резко остановился около большого дома, из парадного вышла давешняя женщина, открыла дверцу автомобиля, внутри показалось лицо мужчины, и все исчезло. Вместо картин на стене появилась длинная надпись. Буквы дрожали, Антон старался прочесть, — это плохо удавалось ему. Сзади громко читали эти надписи:

— Везите меня на Енисейские поля, Жан...

Слова исчезли, и опять появились картины. Они снова сменялись буквами, кто-то бежал по улице, падал, опять катились автомобили, мчались лошади, показывался большой и густой лес. Антон ничего не понимал. Ефим, видно, сам был в таком же положении и на расспросы Антона — молчал. Сзади слышалось громкое чтение, гремела музыка, в зале было темно, душно, у Антона начинала болеть голова.

Когда зажегся свет, он зажмурил глаза, потом раскрыл их и растерянно взглянул на Ефима: тот стоял потный,

ошеломленный. Они пошли к выходу. Уже на улице Ефим виновато посмотрел на Антона.

— Вот дела-то... Понял? Или ничего, а?

Когда они пришли домой, там, в голубой комнате, их встретил отец.

Он поднялся с сундука, большой, чисто выбритый, в мятой солдатской гимнастерке, левая рука его, поддерживаемая черной повязкой, недвижно висела на груди.

— Наследник... — низким голосом начал он. — Мальчуган... Антон...

Он растерянно повторял эти слова, потом наклонил к обмотанной руке свое лицо и приложился к ней то одним, то другим глазом.

— Ну вот... И вы, Иван Ефимыч... — хрипло, закашливаясь, сказал «Сутулый». — А то ваш мальчик мне не верил. Думаете, верил? Я говорю, скоро отец придет, а он? Думаете, он был рад?

— Что ж ты, наследник? — подхватывая Антона к себе на колени, спрашивал Ажогин. — Ты, видать, позабыл своего батьку? Арестанта?

— Нет, нет, ничего не забыл... — Антон потупился, он снова увидел обмотанную руку и вдруг припал к ней щекою.

Отец серьезно, прижимая к себе сына, смотрел ему в лицо. Он видел, как лицо это бледнело, как слезы стекали по осунувшимся щекам сына, подбородку, горлу, как темнел намокший узенький воротничок рубашки.

— Наследник, наследник... — громко шептал Иван.

Он взглянул на Ефима, тот, смущенный, стоял посреди комнаты. Антону было стыдно своего припадка, но он уже не мог совладать с собою. Со страшной быстротой перед ним менялись картины недавнего, почти вчерашнего прошлого. «Главный», Нина, мать на кладбище, старик Мологонов, Кошатый, Fortunat, капитан Аристов, — все это снова, в который уж раз, с бешеной быстротой замелькало перед ним.

Он вдруг отодвинулся от отца и безо всякого предисловия начал рассказывать

обо всем, что сейчас с беспощадной отчетливостью встало перед ним. Слезы еще продолжали катиться по его щекам

Пережитое им с самого начала, — это были только обиды, сплошные обиды, и начав перечислять их, Антон уже не мог остановиться.

Когда он заговорил о Кошате, отец вдруг беспокойно завозился на месте.

— Ну-ка, объясни мне про него...

Но Антона незачем было понукать. Он рассказывал и рассказывал, и чем больше он говорил, тем более страшным казался ему путь, которым шел он то время, пока отца не было дома. И вдруг Антон в середине рассказа остановился и внимательно посмотрел на отца. Тот сидел угрюмый, его глаза были опущены, глубокая складка легла около рта.

— Продолжай, наследник... — глухо сказал он, не поднимая головы.

— А ты больше не уедешь? — сын даже попридержал дыхание.

Отец помолчал, пошевелил пальцами здоровой руки и сказал, опять не поднимая глаз:

— Я никуда не хочу уезжать, рассказывай...

Но Антон заподозрил в ответе какую-то фальшь. Он растерянно взглянул на «Сутулого», тот смущенно улыбнулся ему, и эта улыбка окончательно убедила Антона в том, что тут кроется неладное.

— Ты же — уедешь!? — сухо сказал Антон.

Отец встал, провел ладонью по волосам сына и серьезно посмотрел ему в глаза.

— Ты не обманывай, я понимаю все. — И сухой, сдержанный тон изменил Антону. Он добавил жалобным тоном: — Что же, значит, я, как собака, буду жить опять где-нибудь на улице? Да?

В словах прозвучала такая боль, что отец даже скривил рот.

Потом он деланно рассмеялся и обратился к Ефиму:

— «Не обманывай»... говорит...

Он помолчал и вдруг сказал по-другому, жестким и сильным голосом:

— До чего «они» доводят людей. Даже вот их! Ребятишек!.. Ефим, ведь

за это мы будем их вешать на вонючей веревке! Ну, вот ей-богу, я сам!.. — он вдруг скрипнул зубами и снова привлек к себе мальчика. — Ну, наследник, я никогда не обманывал тебя, правда? Бить — бил, но разве врал?

— Кого вешать?

— Найдем «кого»!..—пообещал отец.

— Фортуната, да?

— Вот-вот, в том числе и Фортуната! — обрадованно сказал отец. — Вообще, наследник, ты только молчи об этом, мы еще с тобой поработаем. Ты у меня, видать, здесь не стал глупее. Верно я говорю? — и он тотчас же спросил: — А ты ничего такого не говорил Кошатуму? Предположим, про Павел Орестыча или, предположим, вот про него... — он указал глазами на Ефима.

Антон отрицательно покачал головой.

— Это хорошо,—удовлетворенно сказал отец. — Лучше помалкивать. Вот ты говоришь, у него жена такая... Вернее, он у нее под пяткой? Это верно?

— Она — сволочь!

— Это неважно: сволочей много, но, значит, лучше помолчать, — согласен?

Антон молча кивнул ему.

— Ну, ничего... Начнем работать снова... Кой-чего я делать еще могу, с голоду не помрем... Не-е-ет! — словно погрозились отец. — Тебе дядя Ефим понравился?

«Сутулый» потупился.

— Он — смиренный.

— «Смиренный»?—посмеивался отец.— Смиренных нынче собаки едят, а его не с'ешь...

Антон радостно смеялся, шумел, лез к отцу в карманы гимнастерки, а отец здоровой рукой весело и шумно отбивался от него.

Опять наступала осень. В противоположность лету она началась ясными, хотя и прохладными, днями, солнце по утрам широко било в единственное окошко ефимовой каморки. Дни проходили звонкие, радостные, по мостовым весело постукивали конские подковы, пыль не поднималась с земли, грязь давно высохла, давно перетерлась ногами прохожих, мостки, насланные вдоль

улицы, поскрипывали под ногами пешеходов на свежем воздухе.

Отец поступил работать опять в свои мастерские, только уже не слесарем, а крановщиком. Впрочем на работу он пока не ходил. Первое время он ничего не показывал сыну, и поэтому, когда снял повязку, Антон ахнул: на изуродованной руке отца не хватало кисти, обрубок руки был изукрашен глубокими белыми шрами.

Антон взглянул на отца такими глазами, что отец счел нужным сказать особым, как говорят с маленькими, тоном:

— Скоро мне новую пришлют, лучше этой. Скрипеть будет... Интересно?

Антон молча взял руку отца, посмотрел на нее, погладил ее и опустил голову.

— Ну, чего ты, наследник?.. Вот именно — глупый!..

В мастерские он пошел через несколько дней после того, как его вызвали в главный госпиталь. Он пришел из госпиталя веселый, позвал Антона со двора и протянул к нему обе руки:

— Пробуй, наследник!

Антон взял отца за левую руку. Он увидел на месте все пять пальцев. Они были желтые и глянцево-блестящие, как у манекенов в окнах магазинов, и пахли новой кожей.

— Ничего, ничего, наследник... Мы еще поработаем... — отец помолчал и вдруг добавил с особенной силой: — Мы покажем!

Он как будто впервые увидел свою новую руку: он поворачивал кисть и осматривал ее со всех сторон. Потом он с усилием сунул новую руку в карман,—она скрипнула.

За день до выхода на работу Ажогин повел сына в училище, и хотя Антон был много старше второклассников, видимо, то, что Ажогин был солдатом, да еще раненым, сыграло свою роль: Антона приняли сразу во второй класс.

Вечером пришел с работы Ефим, он выслушал все, что рассказал ему Ажогин, полез под матрац и достал оттуда длинные бумажные брюки и куртку, перешитую из зеленой суконной гимнастерки.

— Вы не обидитесь, Иван Ефимыч? — сказал он. — Думаете, я бы не отдал его в школу? Если бы не приехали вы сами?..

Отец внимательно посмотрел на «Сутулого».

— Есть еще товарищи на этом свете, — тихо сказал он и громко добавил: — Чтой-то я тебе все Ефим да Ефим, а ты мне все по имени-отчеству да по имени-отчеству... Нехорошо ведь, а?

«Сутулый» ничего не ответил. Под окошком стукнули, он вышел и скоро вернулся. За ним шел тот самый солдат, которого в прошлом году видел Антон на кулачном бою, — Путилов, победитель Горбоносых.

Он выглядел попрежнему, громадная голова его, как и всегда, клонилась то в ту, то в другую сторону, только теперь Путилов похудел еще больше. Ворота гимнастерки был широк ему. На его плечах горбом вздулись узкие грязные погоны с цифрой «56». Он был желт, кашлял и, кашляя, упирался ладонями в стол.

Отец встретил Путилова довольно спокойно, видимо, он знал его и уже успел встретиться с ним после приезда.

Ефим достал из-под кровати неполную бутылку ханжи.

— Вот это вещь, Иван Ефимыч... — хрипло засмеялся и закашлялся Путилов. — Недавно мы тут в одном месте раздавили столько, что я думал, подохну, — нет, ничего!

— Вредно, чудак...

— Вредней не будет. А газы например?... — он показал себе на грудь. — Не вредно? — Он огляделся и заметил Антона. — Чей? Ефим, твой?

— Зачем же? — «Сутулый» указал глазами на Ажогина и добавил: — Если б мой!..

— Детишек любишь, говоришь? Зря... — кашляя и упираясь ладонями в стол, говорил Путилов. — Их будешь любить, так они людьми станут, а разве человеку нынче жизнь? Надо, чтобы каждый, как зверь, был, за глотку хватал всех, — вот таким манером и проживешь, не иначе!

— Что ж так? — посмеиваясь, спросил отец.

— А так, что нынче столько развелось всякого гаду!.. Как же ты с ним будешь? Ты с ним, как человек, а он с тобой, как волк. Где же мне с волком справиться? Особо сказать, если их много...

— А нас меньше? — продолжал посмеиваться отец.

— Что ж толку, что больше...

— А толк-то — от кого?

— Ну, брат!.. — Путилов широко развел руками, потом взял бутылку и взболтнул ее. — А посудка, Ефим? Перекусить?

«Сутулый» вывалил на тарелку обрезки, там была разная смесь: и ливерная колбаса, и языковая, и польская, и вареная, и ломтики сыра. Тут же поблескивали кусочки студня, — это были оскребки с прилавков. Ефим как рабочий Твердохлебова мог частенько и за дешево баловаться этой роскошью.

— Не выпьете, Иван Ефимыч? Или думаете: нехорошо? — держа бутылку над чашкой отца, спрашивал Ефим.

— Почему ж не выпить? Надо же руку обмыть... — опять посмеиваясь, отозвался Ажогин. — И наследника в ту же компанию. Ну, сын, пьем за тебя! За нового студента!

Ефим не притронулся к ханже, Путилов сморщился, покачал головой, взял кусок колбасы, повертел ее и положил обратно.

— Учись, не учись, а подохнешь, как пес... Либо газом отравят, либо так. Где твоя рука? — вдруг вскричал он.

— Где была, там теперь нету, — прежним, несерьезным тоном отозвался отец. — Нет, неправильно говоришь, Путилов, ты еще сам поймешь, Путилов...

Следующая выпивка происходила в этой же комнате, но только в иной обстановке.

Путилов куда-то уезжал. В день отъезда он пришел к Ажогину, встал против него и положил обе руки ему на плечи.

— Нет у меня ни жены, ни матери, ни отца, ни хороших товарищей... — задумчиво заговорил он. — Только,

может быть, Ефим да ты, да и с вами увидимся ли, нет ли, — никому неизвестно, Иван Ефимыч. Давай в таком случае по-нашему — крест-накрест... Вроде как прощенный день...

Он сдернул фуражку и троекратно поцеловался с отцом. Затем он достал из кармана маленький флакончик из-под духов, наполненный все той же, желтого цвета, ханжой, разлил содержимое его на три аккуратные части и, поморщившись, не дожидаясь остальных, выпил. Он даже не прикоснулся к холодному крошеному мясу.

— А ты чего, Ефим?

Ефим чокнулся и поставил чашку на место.

— Ну, когда так... — Путилов проглотил и порцию Ефима. — Большое спасибо тебе, Иван Ефимыч, за все, за хорошие слова, а теперь все к черту! — он махнул рукой. — Вообще сказать, мы своего не упустим.

— Ты непонятно говоришь, — вмешался Антон.

— Со временем поймешь, человек! Ты вот слушай отца, он у тебя — большая личность!..

— Оставь, оставь, Путилов!..

— Ничего не оставь, Иван Ефимыч, — горячо восклицал Путилов, опять кладя руки Ажогину на плечи. — Я бы и сейчас без тебя пропадал, как пешка, но теперь уже пойму, где малина, где могила! Помнишь, как ты в четырнадцатом году...

— А ну тебя! Завел... — с веселым отчаянием махнул рукой отец. — Ну, а что я тебе дал, не забыл?

Путилов достал из-за пазухи пачку каких-то листков и взмахнул ими.

— Поосторожнее, а?

— Будь спокоен, Иван Матвеевич... — он взглянул на будильник и начал протирать окончательно. По его уходе наступило короткое молчание.

Отец молча рисовал пальцем на клеенке стола, Ефим вышел на кухню вымыть посуду, из которой пили.

— Он — тоже забастовщик? — спросил Антон.

Иван сбоку, как петух на зерно, посмотрел на сына. По лицу было невозможно понять, что думает отец. Но он

неожиданно рассмеялся и потрепал сына по щеке.

— Ты все своего не бросаешь? — намекая на позапрошлогдний арест, спросил Антон. — Не любишь, когда тебе указывают.

Отец рассмеялся еще веселее.

— А ты любишь?

— Нет, — откровенно, подумав, признался Антон.

— Ну вот, я пошел весь в тебя... — глаза Ивана радостно блеснули, он добавил: — Вообще ты у меня умный, наследник, только побольше слушай, поменьше говори. Ведь ты не хочешь, чтобы меня забрали опять?

Антон уже вторую неделю ходил в школу. Он быстро восстановил в памяти все, чему когда-то учила его Нина, и сейчас шел первым в классе, читал хорошо, арифметику любил, — только вот закон божий не давался ему. Антон внимательно слушал рассказы о том, как бог создал в один день разных животных, потом из земли — человека, и когда священник вызывал его ответить, Антон молча стоял за своей партой.

— Ну вот и стой! Столбом! — приказывал поп и сердито добавлял: — Не хочешь знать? Тебя, большого остолопа, в школу приняли, правила нарушили, а ты? Маленькие, и то знают! Вырастешь неучем... Стыдно, да!

После звонка Антон сумрачный выходил из класса и шел на лестницу, где собирались старшие, — третий класс. Сначала они гнали его прочь, но после того, как Антон сцепился с самым сильным из третьеклассников и шутя одолел его, отношение к Ажогину быстро переменилось. Старшие, ведшие давнишнюю борьбу с девятым городским училищем, которое занималось в этом же здании во вторую смену, всячески старались склонить Ажогина на свою сторону. Но он, предварительно посоветовавшись с отцом, отказался от лестного предложения.

— В самом деле, наследник... — говорил ему отец. — Ты, брат, без меня подрался в свое удовольствие; и ты бил, и тебя били. Не хватит ли? Человек

ты — большой, тебе надо учиться, спешить, догонять других, а? Вот я получку получку, куплю тебе книжечку. Ведь какие, знаешь, бьют книги, если бы ты только знал. Вот я не маленький, а как я читал их! Я вот сидел в Орле, в тюрьме...

И с этого разу он почти ежедневно стал рассказывать сыну о своей тюремной жизни. Он рассказывал с таким увлечением, что временами сыну начинало казаться, будто отец жалеет о тюрьме. Он так прямо и сказал отцу.

— Ну, брат, это чушь! — воскликнул отец. — Конечно, благодарить — благодарю, а жалеть мне там нечего. Например, чтобы еще раз, — это зачем же?

В получку он и в самом деле принес сыну несколько книг. Они были с многочисленными картинками. Особенно Антона заинтересовала одна: на переплете был нарисован человек, державший на ладони карету, запряженную шестеркой лошадей, из окна кареты выглядывал человек в короне.

— Ты вот сначала эту... Я ее читал в тюрьме: даже спать не мог... — признался отец. — Все думал: ведь вот умеют же люди так сочинять! Даже стало завидно, знаешь...

Антон приступил к книге. Он читал, садясь у окна и негромко бормоча про себя. Смеркалось рано, он теперь торопился из школы, чтобы сесть за книгу, — она и в самом деле захватила его всего. Он даже забросил уроки, стал отставать, и учитель прислал отцу записку.

— Нет, брат, так не советую... — сердито говорил отец. — Ты ухитряйся и учиться, и знаешь, читать, и с ребятами играть... Все успевай... Дикарем тоже, знаешь, не того... Ну, а чего ты понял из книжки? Гулливер — хороший человек, как ты считаешь?

— Это сказка, — не желая сразу согласиться с отцом, ответил Антон.

— «Сказка»! — еще сердитее ответил отец. — Сказки, знаешь, тоже бывают разные... — Когда Антон стал излагать прочитанное, он прервал его и сказал, точно жалея сына: — Ты еще действительно глуп. Не в этом дело...

И он прежним сердитым тоном начал рассказывать:

— Это только смотреть — сказка, а на самом деле? Там например говорится, что вот король. Он — глуп. И если взять министров или богатых, Юльма или Кудашева, — это ж все пустой, вредный народ, только у них много денег, они — раз-два, и наймут к себе кого хочешь: у них городовые, солдаты, разный ученый народ, и, чуть что, рабочий не может пикнуть. А ты говоришь — сказка!

— Ты тоже был солдат. И Путилов... — подсказал Антон.

— Вот и говорю — глуп. Как ты сравниваешь? Какие мы солдаты-то, пойми! Эх ты!.. — он оглядел сына и зашагал по комнате. — Впрочем, я все забываю, что ты еще мал...

Эти слова были сказаны с таким огорчением, что Антону стало неловко.

— Ты со мной не говори так! — горячо воскликнул он, забываясь. — А то я и совсем брошу книжки! И в школу ходить тоже брошу!

— Ну и помрешь дураком... — спокойно возразил отец. — Ты должен быть умнее меня, а ты хочешь — глупее? Это ведь не порядок, наследник...

После этого разговора Антон дня два не мог взяться за книгу. Но вскоре его опять потянуло к ней, и вот после какого случая.

Ясным воскресным днем к нему пришел Ковальчук. Он был на год моложе Антона и сидел за одной партией с ним. Ковальчук, которого еще звали «Кривой», был маленьким крепышом, с одним мутным, незрячим глазом, другой же смотрел весело и ярко.

— У тебя отец без руки? — как будто даже радостно спросил он. — А моему шею прострелило, она у него не вращается. Не веришь? На японской войне. Истинный христос! — он перекрестился и перешел на другую тему. — А книжки у тебя есть? У меня — много. Я сам покупаю. У меня целый ящик! Пойдем ко мне, покажу. Хочешь?

Не говоря ни слова, Антон стал одеваться.

— Сейчас? А без спросу можно? — заволновался «Кривой». — У тебя мать

есть? А у меня есть. Она только очень глупая, ее все зовут «Чурка». Не веришь? — и он перекрестился снова.

Болтовня «Кривого» не раздражала Антона. Они шли по улице, и Ковальчук беспрестанно сыпал словами.

— Я закон божий не люблю, а ты? Очень скучно, верно? Ты не знаешь, батюшка в прошлом годе один раз пьяный пришел. Стоит и качается. Мы ему жеваную бумажку на лоб приклепали. Истинный христос!.. А в третьем классе он к одной девчонке приставал, она — плакать!..

Тонька молча слушал его и не знал, верить ли ему, или нет.

— Такая Верка, она большая, очень симпатичная, косы — во! Хочешь, покажу?

— Я видал...—нехотя соврал Антон.

— Видал? — огорченно отозвался «Кривой». — Ну, все равно. Она ходит к нам. У меня сестренка есть, так — к ней!.. Ну, хотя ты Лизку знаешь...

Лизу Ковальчук Антон знал и в самом деле: это была маленькая остроглазая девочка, она сидела в соседнем с Антоном ряду и всегда засматривала к нему в тетрадку.

Ковальчуки жили на той же улице, что и Антон. Отец «Кривого» работал в Техническом училище смотрителем здания, семья его занимала громадную комнату в боковой пристройке, куда надо было идти через запущенный, глухой сад. Деревья закрывали широкое единственное окно комнаты, при малейшем ветерке ветки деревьев скреблись по стеклу, в комнате всегда стоял полумрак.

В комнате у Ковальчуков электрическая лампа горела высоко под потолком, другая стояла на маленьком столике в углу, третья — на круглом, перед диваном.

Помещение было обставлено так, что получалось, будто это не одна комната, а несколько. Круглый стол, диван, пара кресел — в одном углу. Маленький желтый столик за ширмой, два стула, настольная лампа — в другом. Длинный стол, простые черные стулья посредине. И в самом дальнем углу — опять шир-

ма, и за нею широкая кровать, накрытая белым.

На белой кровати спали родители, диваном пользовалась Лиза, на стульях располагался «Кривой».

На комодe стояло множество самых разнообразных вещей: гипсовые копилки, разные флакончики, красивые баночки с яркими наклейками на крышках, зеленая лампа с длинными щипцами, опущенными сверху в ее стекло.

Вскоре с улицы пришла мать «Кривого». Это была полная, белолицая женщина, в большой черной шляпе с цветами. Женщина позвала к себе Антона, он нехотя подошел к ней. У нее были неестественно маленькие уши и круглые серые глаза. Она осмотрела мальчишку, точно вещь, случайно попавшую в комнату, и, снимая шляпу и не отрываясь взглядом от него, заговорила:

— Ты колин товарищ? А ты хороший мальчик? Или плохой? Ну ладно, будь хорошим мальчиком... Как его звать, Коля? Антоном? Ну ладно, Антоном...

«И верно — дура...» — подумал Антон.

Коля не стал больше разговаривать с матерью. Он увлек Ажогина к дивану, достал из-под него некрашенный ящик, туго набитый книгами. Там было много таких, про которые даже и не слышал Антон.

— «Дети капитана Гранта» не читал? «Всадник без головы» — тоже нет? — словно желая удивить Антона, сыпал названиями «Кривой». — Почему ты так мало читаешь? Я и не знал...

Ковальчук помолчал и снова начал перекладывать книги. Антон видел их, и ему становилось завидно. Он хотел, чтобы и у него был такой же ящик и чтобы в нем столько же книг.

Толстуха сидела на диване и, сложив на коленях руки, пристально глядела на детей. Она смотрела на них, словно кукла, у которой закрываются и открываются глаза.

Антон не знал, как ему вести себя в этой странной комнате, но тут распахнулась дверь, и в комнату стремительно ворвалась Лиза, а за нею показалась

высокая, с длинными косами, красивая девочка. Видимо, это и была та самая Вера, о которой говорил Ковальчук.

Лиза остановилась около и покраснела.

— Здравствуй, Ажогин! — однако очень бойко сказала она и протянула ему руку так, как это делали взрослые.

Антон исподлобья посмотрел на девочек. Они сразу же перестали обращать на него внимание и устроились за маленьким столиком, у зеленой лампы. Они громко зашептались о чем-то, чего однако не слышали ни Антон, ни «Кривой».

Он завидовал «Кривому», который шмыгал из угла в угол, появлялся у девочек, кричал на них, толкал их. Лиза поднимала оглушительный крик и визг, а Вера молча отстранялась от беспокорного Ковальчука и говорила своим низким, успокаивающим голосом:

— Что-нибудь потерял? Здесь не смотрел, Коля?

Но он кричал и на нее. Она отодвигалась в сторону, и в то время, как Лиза бушевала больше брата, Вера только улыбалась одними уголками рта и тихонько мяла свой черный передник.

Вскоре пришел Ковальчук-отец. Это был кругленький, желтенький человечек, с лицом ежа, с остреньким носиком, крохотными усиками, стриженный наголо. Он вертел головой и как будто беспрестанно спрашивал: «Чем-то здесь пахнет? Чем-то здесь пахнет?»

По всем признакам жена боялась его. При его появлении она сразу же сдвинулась с места и начала собирать на стол, — готовиться к ужину.

— Это кто? Ажогин, говоришь? Кто такой — Ажогин? У него отец на железной дороге не работал? — быстро расспрашивал он сына. — С вами в одном классе? Странно все-таки, — большой малый. Что же это не учили его? Я вот учу вас, говорите спасибо... — С его приходом и Лиза, и «Кривой» заметно ступшевались. — Ну, дети, идите по домам, не мешайте людям ужинать...

— Не мешают... — вступилась было Лиза.

— Лизавета! — цыкнул отец.

Она смущенно и обиженно засмеялась.

— Каждый имеет свое. Один живет на помойке, другой — по-людски. Зачем подсматривать? Пусть живут, какое кому счастье. Я не мешаю, зачем мне будут мешать?

Он снял тужурку с форменными пуговицами, повесил ее на крюк и надел на себя белый халат, какие носят в больнице.

— Ну, дети, прощайтесь с Николаем и Лизаветой.

Выходит, Антона и Веру выгоняли. Злой, и больше всего злой на «Кривого», Антон удалился отсюда. Сразу же следом за ним вышла Вера.

Антон впервые в такой непосредственной близости видел девочку. Правда, в ночлежке он насмотрелся всяких людей, но ведь Вера была совсем не такая, как те. Она шла молча, чуть-чуть отставая от него, глядя на него много смелее, чем в присутствии Ковальчуков.

Они вышли в сад, прошли по мокрой дорожке, усталой грязными листьями клена, и вышли на улицу. Вера взглянула на Антона уже совсем открыто.

— Будем с тобою дружить, — хо-рошо?

Он вспыхнул.

«Это с девчонкой-то» — подумал он, но быстро ответил, что согласен, то-есть сказал совсем не то, что хотел сказать. Она весело засмеялась, точно от его согласия зависело очень многое.

— Ты где живешь? — спросила она. — А я на Полевой, через дом от фабрики. Ты будешь приходить ко мне?

— Приходить? — все еще краснея, переспросил он.

— Ну да, завтра из школы, — давай!

Она схватила его руки и, пожав их, весело побежала прочь.

— Я тебе буду помогать заниматься!.. — закричала она, отбежав уже довольно порядочно, и на минуту задерживаясь.

После Ковальчуков ему стало ясно, что живет он в плохой комнате, у чужого человека, и что, приди к нему Вера, она стала бы издеваться над ним.

Он снова представил, как она кричит ему издали, как она бежит по грязному

тротуару. Он шел домой с ощущением, какого он не испытывал никогда раньше.

Уже подходя к дому, он увидел у ворот большую и шумную толпу. Непременный свидетель всяких происшествий, Антон помчался туда, растолкал людей и пробрался вперед. Первым делом он увидел хромого Виктора Горбоносова. Он, молча и тяжело дыша, пинал ногами незнакомую старую женщину. Женщина стояла на коленях прямо в грязи и судорожно цеплялась за мокрый, окровавленный узелок в руках Горбоносова.

— Простите Христа ради!... Дети же! Дети же! Дети же! — повторяла она, глядя сухими, воспаленными глазами на мясника, а он, грозный и уродливый, озирался кругом и все пинал, все пинал ее.

Антон на цыпочках отошел к завалинке, вздрогнул и закрыл глаза: ему казалось, что мясник сейчас убьет старуху. Когда он снова взглянул в середину толпы, он увидел рядом с Виктором его жену, его рыжую красавицу.

— Витя, Витя, проучи ее, чертовку! — пронзительно кричала она, цепляясь за плечо мужа. — Ишь, даже не плачет, ведьма!

Он молча оттолкнул жену и схватил старуху за волосы.

— Брось! Оставь!.. — громко заговорили в толпе, но Виктор, не обращая внимания на возгласы кругом, дернул старуху за воротник жакета, потом за ворот кофты, вытащил у нее из-за пазухи черный длинный шнурок, — на шнуре висел крест. Старуха опять повалилась в грязь, но мясник поднял ее, припер к стене и привязал на шнур мокрый, пропитанный кровью узелок с мясом. Потом он напоследок стукнул ее затылком о стену.

— Не воруй, старая сука! — и он выматерился. — Иди! Пусть все смотрят, да повори спасибо, что оставил живу... Гадина!

Рыжеволосая красавица с жадным любопытством смотрела на все происходящее перед ее глазами. Виктор не успел выйти из круга, как через головы людей протянулась длинная суковатая палка и несколько раз ткнула мясника в грудь, в бок, ударила его по голове. Он дико

взглянул в ту сторону и бросился туда. Антон обмер: с палкой, как с винтовкой наизготовку, бледный и дрожащий, стоял Ефим.

— Не подходи! — он не успел прибавить больше ни слова, Горбоносоев налетел на него, смял, сбросил его в канаву, в грязь, в черную крапиву, — кто-то побежал за городом. Виктор, весь грязный, вытирал окровавленным фартуком лицо и оглядывался, разыскивая глазами старуху. Но она уже исчезла, унося мясо.

— Ворье, дармоеды!

Мясник еще раз взглянул на Ефима, ворочавшегося в канаве, выворотил из тротуара большой камень и бросил «Сутулому» прямо в голову. Ефим перестал ворочаться. Антон прыгнул в канаву, кровь заливала глаза «Сутулому», он что-то бормотал:

— Ты у меня подожди... — услышал Антон.

Антон, весь дрожа, выскочил из канавы, и то, что он увидел, было для него полнейшей неожиданностью. Теперь уже сам Горбоносоев лежал на земле, его фартук был затоптан в грязь, несколько женщин и какой-то старик навалились на мясника.

Виктор храпел, плевался, рычал.

Высокая, красивая женщина с бледным, почти белым лицом беспрестанно и размеренно ударяла мясника кулаком в зубы. Антон сразу узнал Варю Квасцову. Ту самую, кого он видел в пошивочной мастерской, к кому приставали приемщики. Сейчас платок сбился с головы ее, она, молча, сжав зубы, била мясника.

— За воров заступаться?! Забастовщики?! — рычал он.

Издали уже слышался цокот копыт по щербатому булыжнику: это городской торопился сюда на извозчике.

Толпа все увеличивалась, кто-то бросился к горбоносоевской лавке, там, кроме приказчика, никого не было, лавка мгновенно набилась людьми, прямо на улицу, в грязь, полетели куски мяса, женщины разбегались с тем, что удалось захватить, откуда-то взявшиеся собаки рвали из грязи мясо, люди уже выволокли на улицу громадную выкра-

шенную в красное плаху, плаха легла боком, загромождая тротуар, вслед за ней на мостовую вылетел громадный топор, и грязь брызнула во все стороны, в лавке уже полыхал керосин, пролитый из лампы, в окнах вспыхивал и прерывисто метался огонь.

Скоро огонь начал выбиваться из-под крыши, уже разламывали забор, соединявший лавку с безобразным горбоносским домом, но и забор уже занимался, слепой старик Горбоноссов стоял в калитке и широко, медленно крестился.

Дом все же отстояли.

Ефима уже увезли в больницу: у него была пробита голова.

На другой день в их комнатушку зашел Хрош, и с ним чернявый мужчина в черном пальто, с плисовым воротником. Чернявый торкался то туда, то сюда, Хрош следил за ним своим задумчивым взглядом и докучающе говорил:

— Вообще наступило опять беспокойное время, — что? Допустим, лавка или мясной магазин. Возьмите тогда среди бела дня грабеж, — у Мологоновой. Сейчас у Горбоноссовых. Там за ними — моя дочь замужем, — что?

И так как отец, недвижно сидя на сундуке, молчал, Хрош прикрикнул:

— Если вас спрашивают, молчать нельзя! Не прикидывайтесь, господин мастеровой, — что?

Отец промолчал опять. Хрош громко высморкался в клетчатый платок и уничтожающе посмотрел кругом. Антон стоял около отца ни жив, ни мертв. Ему сразу — в который уж раз — представился апрельский день в позапрошлом году. Тогда ведь тоже в комнате был Хрош, а потом отца увезли прочь.

— Допускаю — босяки, золотая рота. Им жрать охота, а работать нет. Но вы? У вас есть заработок, получка. У меня — то же самое. Однако я? Разве я позволю себе? Вообще жизнь странно закачалась, сдвинулась со своего места. Как?

Отец молчал, чернявый обернулся к Хрошу и что-то сказал ему. Тот, сожалея, посмотрел кругом и сунул руки в карман.

— Прискорбно... Но мы о вас знаем!.. Честь имею... Что? — Он щелкнул каблуками. — Похоже, что это он шаркнул перед чернявым. Задержавшись в дверях, Хрош еще раз обратился к Ивану. — Вообще, Ажогин, я терплю-терплю!.. — он не докончил, махнул рукой и вышел вслед за чернявым.

Оставшись без посторонних, отец подхватил Антона подмышки и посадил его рядом с собою. Он размахивал руками, левая скрипела, отец весело говорил:

— Как собаки, бродят, следы нюхают... Ищите, господа хорошие, пожалуйста!.. — он сделал приглашающий жест и расхохотался. — Подождите, друзья!..

Антон плохо понимал слова отца. Главное сейчас было то, что отец оставался здесь, с ним, Хрош убрался ни с чем. Антон прислонился щекой к широкой груди отца и закрыл глаза: ему представились длинный кирпичный забор технического училища, большие чугунные ворота, Вера, кричащая издали:

— Я тебе помогать буду-у-у!

Ее голос и посейчас звенел в ушах Антона. Ему хотелось сейчас рассказать о Vere, он взглянул искоса вверх, в большое небритое лицо отца. Оно было сурово, глубокие складки легли около рта, светлые усы чуть-чуть поднимались кверху. Отец не смотрел за ними, — они сами, просто сами по себе, росли так.

— Ты куда-то ходишь, наследник, что-то делаешь... Почему никогда не расскажешь мне? Предположим, вчера, нынче?..

Антон, осторожно выбирая слова, опасаясь проговориться, рассказал о посещении Ковальчуков. Отец смотрел на него, как бы проверяя слова сына по выражению его лица.

— Вообще, скоро время изменится, будем жить по-другому, нужны будут люди грамотные, понимающие, с хорошими котелками... — отец постучал пальцем по лбу Антона. — Возьми Хроша, — это все грязная пена, мы так жить не будем, а пену — смоем. Не веришь? — даже испуганно спросил он. — Или непонятно? Ну, подрастешь, поймешь все... — Он угрожающе добавил: —

Мы ничего не забудем, рассчитаемся до последнего гроша, наследник...

Антон понимал только, что отец собирается разделиться с околоточным.

— И Мологонов — тоже? И Горбосов?

— А Юльмы? А Кудашевы? — совсем уже по-приятельски перебил его отец. — Это, брат, такое жулье!..

Антон, пожалуй, был согласен насчет Кудашевых, у него еще был в памяти случай, когда кудашевская барышня задала старика и девушку. Что же Юльмы?

— Нет, нет, наследник, ты еще мал, видать... Ты поймешь все... — качал головой отец. — Ты бы посмотрел, как у них работают люди. Что ты присмирел?

Тогда Антон рассказал отцу, как мать отдала его к Юльмам, как он работал там. Время выветрило полноту воспоминаний. Перед Антоном стояло только одно: громадный чан с хлюпающей в нем грязью и гнилым тряпьем, бледный, вонючий пар, поднимающийся над котлами, смрадная сортировка, где копошились ребятишки, злой и маленький Юзька — старшой.

— Я приходил домой, и все время у меня — тошнота... — медленно, тонким, словно чужим, голосом жаловался Антон. — Я во сне видел, как варятся тряпки.

Отец медленно отстранился от Антона, словно так ему было удобнее наблюдать за ним, притронулся здоровой рукой к его плечу и не то усмехнулся, не то даже всхлипнул:

— Ты мне уже рассказывал... — Он помолчал. — Вот видишь, наследник, а ты говоришь... — он закусил ус и потом снова так же странно усмехнулся, потом вскочил с места и ударил здоровым кулаком по столу. — Ну, вот этого я не забуду им в жизнь! Антон, сын, ты не забывай этого никогда! Наследник!.. Вообще надо тебе побольше учиться, читать книги. — Иван уже начал расхаживать по комнате. Его левая рука энергично жестикулировала, поскрипывая кожей. — А теперь возьмем меня. Хочешь, в каждую получку — по рублю, а? Мужики мы с тобой одинокие, бога-

тые, хозяйственные, денег — куры не клюют, правильно?

Он рассмеялся и прошелся по комнате еще раз.

— Вообще, брат, книги — это великая вещь. Жалко, что я поздно понял это. Но ничего, спасибо, что хоть поздно. Бывало, сядешь на топчан и читаешь. И помещение сырое, и народу — битком, и окно — чорт его знает где, под потолком, да еще с решеткой, ведь все это забудешь — читаешь. «Нет, — думаешь, — я вам еще покажу, чертям вонючим...» Вот дела-то какие, наследник...

Вскоре они перебрались на другую квартиру, в небольшой домик, на Полевой, рядом со староверским кладбищем. Неподалеку начинался пустырь, который тянулся до самого депо.

Хозяйка, вдова Соломатина, жила на кухне, а единственную комнату отдавала внаймы. Домик стоял, крытый тесом, на крыше росла мелкая зеленая травка. Комната в два окна на улицу — это и была квартира Ажогиных. Старуха целыми днями колалась то у печи, то в подвале, вырытом под кухней. Она перебирала картофель, мыла дубовую крышку от бочки с капустой и камни, лежавшие на крышке, доставала в ковше огуречный рассол и подолгу принюхивалась к нему: не загорчило ли?

Старуха была молчалива и до крайности богомольна. Иногда, проснувшись чем свет, Антон уже слышал ее бормотанье, перебиваемое отчаянными вздохами и возгласами: «Господи-батюшко мой! Спасителю — дево радуйся!..»

Один раз отец застал Антона подсматривающим за старухой в замочную скважину.

— Ты это оставь, брат, — сурово сказал Иван, даже отталкивая сына прочь от двери. — Пускай ее молится!

— Смешно... — заговорил было Антон, но отец даже топнул ногою:

— Что смешного? Старость, да? Человеческая неграмотность, да? Плакать надо, дурак эдакий!

Вечером, придя с работы, он заговорил с Антоном снова, только много спокойнее:

— Ну, посмеешься... Допустим. А кому ты этим и чего ты докажешь? Наоборот, люди тебя же назовут дураком, вместо того, чтобы слушаться, понимаешь...

— А если закон божий? — горячо перебил его Антон. — У нас вот батюшка — пьяница!

— Верно, все это глупость, а ты помалкивай, чужое слушай, своего не забывай. Наше никуда от нас не уйдет, только незачем кричать заранее, на всех перекрестках. И вообще, ты еще мал. Лучше учись хорошенько, книжки читай. У тебя свое дело, у меня — свое. Что велю сделать — сделай, и мне помощь, и тебе наука. Понял, наследник? Дурило-мученик...

Антон помолчал и посмотрел на отца. Только сейчас он заметил, что отец сильно постарел с той поры, как они жили вместе с Ниной. Даже шея отца была исчерчена множеством темных мелких морщин.

Отец уходил на работу рано. Надвигалась зима, — стало быть, он уходил еще до рассвета. Приходил, когда улица стояла уже в темноте. С переездом к Соломатиной отца опять начали посещать разные люди. Это были все больше хмурые солдаты, в рваных шинелях, в грязных, разбитых штиблетах вместо сапог, — они проходили через кухню, отец ставил для них самовар, крошил холодный картофель, чистил сеledку.

— Вот только подрукавного не достали, понимаешь... — всегда с одного и того же начинал он. — Вообще времячко, я тебе скажу: ни хлеба, ни сахару, — видали, очередь-то? — Он кричал в кухню: — Тетя Даша! Муку — достала?

— С трех часов ночи стояла! Нехватило... — глухо отзывалась старуха, и отец многозначительно заключал:

— Видишь, что получается? Дохозяйствовались хозяева!

Потом они вели длинные разговоры, причем разговоры эти все больше шли о деревне.

— Ну, взяли тебя на позиции. Дома — кто? Мать да жена. Значит, земли у тебя одна душа. Две дочки. А едоков четверо. Как же ты их прокормишь?

— Довоевались, Иван Ефимыч!

— Нас никто не трогал? Чего мы совались? — И, помолчав, Ажогин добавлял: — Кому выгодно? Подумай-ка!..

Одни люди уходили, другие появлялись, люди были все разные, но разговор всегда шел об одном: война, муки нет, сахару нет, лавочники все прячут, дерут втридорога, дохозяйствовались...

— Ну, что делать-то? — горячо восклицал собеседник. — Делать-то? Ведь что-нибудь надо!

— Да уж соображай сам... — спокойно отзывался отец. — Я не колдун, гадать не могу...

Антону казалось, что отец стал много хитрее, чем раньше, что про себя он знает много, но скрывает, люди ходят к нему, спрашивают его, а он отнекивается, прикидываясь простачком.

— Они наверно ругают тебя... — заговорил он, когда в воскресенье шел с отцом на базар.

Ночами уже выпадал снег, к утру он таял на грязной земле, но крыши были покрыты им.

— Ругают? — удивился отец. — Вот те и на! Да за что же им ругать? Я им не вру?

— Они слушают тебя, а ты им не говоришь...

— Э-э, наследник, пускай послушают, голова будет работать лучше...

Они пришли на базар и пошли по книжному ряду. Отец начал рыться около одной из палаток. Он перебирал разложенные здесь книги, ни одна не подходила ему, он откладывал их прочь.

— Ты не читал «Робинзон Крузо»? Ну, брат, в таком случае, ты просто несознательный... — отец вытащил из пачки книг одну и сразу же, не торгуясь, заплатил за нее. — Тебе здесь хватит чтения на целую зиму...

Потом он, как бы невзначай, спросил:

— Не рано?

Антон с изумлением взглянул на отца и услышал негромкий ответ торговца:

— Лежит со вчерашнего.

Продавец нагнулся под прилавком и достал оттуда тоненькую, чисто переплетенную книжку — задачник.

— Как снесешь? Тебе неловко, смотри...

— У меня помощник... — ответил Ажогин.

— Не сдурит?

— Помощник с дипломом... — отец потрепал Антона по плечу.

В этот момент к палатке подошли еще покупатели, и отец переменял разговор:

— Вообще дорого взяли...

— За сколько продал — столько и взял... — лениво ответил торговец.

Антон взглянул на него: ему бросилось в глаза худое, безусое лицо, окруженное светлой бородкой. Благодаря отсутствию усов при бороде он чем-то напоминал Солонкина, но только на носу продавца были очки. Они делали его бледные глаза совсем неживыми.

— Заходите в субботу, учебники, может, будут еще... Подберете чего для молодого человека... — сказал он вдогонку.

Антон внимательно огляделся и, когда вышли на пустую площадь за толкучкой, спросил отца:

— Он — тоже забастовщик?

Отец строго посмотрел на него и покачал головой:

— Ты поменьше, говорю, болтай, наследник... А то вдруг меня опять возьмут и посадят...

— Я знаю! — вспыхнул Антон. — Только я говорю: очень их много. Везде!

— Ну и слава богу, что много... А теперь — помалкивай!

Около каменных лабазов стояло несколько ломовиков, под копытами лошадей в грязи, в навозе прыгали воробьи и расхаживали, кланяясь, голуби-сизяки. Ломовые зывали прохожих:

— Перевезем дрова! А ну — хорошо мебель доставляю! Мадамочка, найми!

Вышли на боковую улицу. Отец передал ему задачник.

— Пройди на свечной завод. Иди во двор, в контору, в здание. Как войдешь — внизу сторож, такой большой старик. У него еще один глаз завязан, да ты увидишь!

— Отдать книжку?

— Отдай и скажи: вот Васе задачник, умножение будем проходить в субботу. Запомнил?

— Там чужие будут? — понимающе спросил Антон.

— Это неизвестно. Не забудешь?

— Задачник Васе, а умножение будем проходить в субботу, — повторил Антон.

— Правильно, ну, одна нога здесь, другая...

— А кто это Вася?

— Любопытному в бане нос прищипили!

Ничего не поняв, Антон только утвердительно кивнул и оставил отца.

Минут через десять он уже был у свечного завода и сразу прошел на обширный его двор. Слева шел кирпичный забор, самый завод стоял в глубине двора, — темное двухэтажное здание с маленьким куполом и крестом над крышей.

Уже на середине двора Антон раскрыл книгу. Сначала в ней шли задачи, в конце — тоже, но вся середина состояла из множества тоненьких листков папирсной бумаги, на которых было плохо отпечатано что-то. Все листки начинались так:

«Товарищи-рабочие! С каждым днем жить нам, рабочим, становится все труднее. Преступная война, затеянная хищниками-банкирами, фабрикантами, помещиками и шайкой чиновников-бюрократов...»

Внизу каждого листка стояла круглая красная печать, она, видимо, ставилась второпях: буквы на ней были смазаны.

В крайнем к двери окошке первого этажа светился бледный огонек. Антон заглянул туда, окно было занавешено, он толкнулся в дверцу, за нею послышались громкие голоса, потом звякнул крючок, и дверь распахнулась: за дверью стоял высокий старик, с длинными усами, росшими книзу. Он поправил повязку на левом глазу, отступил шаг назад, молча осмотрел Антона и сел на скамью, около стола, рядом с худощавым молодым парнем, одетым наполовину в солдатское, наполовину в вольное. При появлении мальчишки парень поднялся, распроштался со стариком и вышел, неслышно притворив за собой

дверь. Теперь Антон остался с глазу на глаз с этим странным, пожалуй, даже страшным стариком. Антон на момент даже испугался и сразу позабыл, что нужно сказать.

Старик продолжал рассматривать гостя, медленно шевеля узловатыми пальцами рук, лежавших на коленях.

— Вот задачник, а умножение в субботу.

— Как? — глухим голосом спросил старик, поправляя повязку вторично и протгивая руку за книжкой.

— Вот Васе задачник, а умножение будем проходить в субботу... — сказал Антон, уже успокаиваясь.

— Так, очень чудесная вещь, — прежним глухим голосом отозвался старик, пригладив усы. — Тебя кто прислало сюда?

Антон хотел было сказать, но только покраснел и мотнул головою.

— Не знаешь, что ли, или не велели сказывать? Ну, и ребятишки пошли, чудесная вещь! — удивился старик. — Вообще ты молодец, как фамилия-то? — Он покрутил головой, потом сделал страшное лицо и медленно проговорил: — Ну, будь здоров, Ажогин, чудесная вещь...

Антон снова похолодел. Ему показалось, что все пропало. Он хотел распахнуть дверь и выскочить наружу, но вспомнил — двор длинен, и старик успеет задержать Антона прежде, чем он достигнет середины.

— Ну, так вот, Ажогин, скажи бабке, что Вася придет сегодня, а умножение к субботе поздновато. Надо к четвергу... Ну, а теперь иди, иди, чудесная вещь!

Он легонько подтолкнул мальчишку к двери, и Антон услышал за собою лягающий звук упавшего дверного крюка. Антон сделал несколько шагов к воротам и замер: у неплотно прикрытой калитки стояли люди. Он напряг зрение и увидел среди них двух полицейских. Они толпились там, но их голосов было отсюда не слышно.

«Сюда!» — вот первое, что бросилось ему в голову. Его счастье, что стена сторожки была в тени и он находился под ее укрытием. Он шмыгнул обратно и

опять толкнулся в ту же дверь. Старик открыл ему, Антон проскочил в сторожку и сразу же заметил на лежанке угол тюфяка, плохо прикрытый одеялом.

— Ты спрятал — туда? — торопливо спросил он. — Городовые.

Старик чуть-чуть сдвинул уголок цветной занавески, взглянул на двор и неторопливо сказал:

— Скажи, ты — мой внук... Звать — Коля, Жуков...

Он сунулся под тюфяк, достал листки, постелил их в валенки наподобие стелек, обулся снова, крышку задачника подложил под чайник на столе.

В дверь осторожно постучали. Старик перекрестился и пошел отворять, крича на-ходу:

— Становь самовар, дармоед!.. Сколько тебе говорить!?

Он открыл дверь. Антон дрожащими руками снял крышку с самовара и подтащил к нему ведро с водой. Он страшно боялся, что с ним заговорят, а он расплачется. Он уже сейчас ощущал свое сдавленное горло.

Он видел городовых и с ними человека, который показался ему знакомым. Откуда бы? Это был невысокий, серьезный человек с обвисшими усами, с помятым лицом. Да это же «Серолицый», тот, кто приходил к ним, когда арестовали отца и Нину! Антон еще раз мельком взглянул на него: во внешности серолицего не было никаких изменений, только вместо котелка, бывшего на нем в тот раз, сейчас его острую голову украшала модная серая кепка «аэроплан».

«Узнает...» — с дрожью подумал Антон, незаметно отворачиваясь и начиная копать на загнетке.

— Скорей пошевеливайся, идол! — покрикивал сзади старик.

— Внучек? Ай старички-старички!.. — ласково говорил серолицый. — Ну-с, позвольте посмотреть на образ жизни...

Старик непонимающими глазами смотрел то на серолицего, то на городовых.

— Перестали соображать, старичок? Зря-с, очень зря-с... Ну, Сидоров, начнемте...

Он сел за стол, широко раскинув ноги. Один из городовых загордился со-

бою дверь и встал там навтыжку, другой медленно и основательно начал перетряхивать немудрящий скарб, находившийся в сторожке. Городовой, видать, был привычен к обыскам, он неторопливо, но аккуратно ворошил тюфяк, подушку, тряпье, валявшееся в углу на скамье, залезал в печные отдушины, заглядывал в горшки, стоящие на загнетке, напоследок, одним движением, сверху вниз, прошелся корявыми своими ладонями по старику, — с плеча до валежок, — постучал пальцем по стенам сторожки, но стены были кирпичные, не оклеенные, звук повсюду раздавался тупой и еле слышный.

Старик теперь стоял, как пораженный громом, он бестолково оглядывался, а серолицый продолжал говорить:

— Вот вы якобы удивились, старичок, а позвольте спросить: чему-с?

— Истинный христос! — вдруг широко перекрестился старик. — Господин чиновник, не погубите!

И он повалился в ноги серолицему.

— Ой, старички-старички, вот христос-то вас возьмет, да и накажет, не говорите лишних слов... Это называется: всуе-с! — Серолицый помолчал и опять обратил внимание на Антона. — Внучек-то у вас спокойный... Видимо, привык?..

Он поманил Антона к себе, повернул его лицом к лампе, внимательно оглядел его, но — не узнал.

— Серьезный внучек, весь в вас, старичок, молчит... Как звать-то? Петя или как?

— Коля... — сурово подсказал Антон.

— Ах, простите!.. Да-с, да-с, да-с... Ну, старичок, к сожалению... — он широко развел руками. Потом стал что-то писать; писал серолицый быстро, рука его скакала по бумаге. Потом он сунул сторожу в руки карандаш. — Грамотный будете?

— Никак нет, ваше благородие! — старик даже ударил пятками об пол.

— Отвечаете, как солдат. Верно? И такие дела... Не стыдно, солдат, а?

— Не могу знать, ваше благородие...

— Ай старички-старички... Поставьте крест: ничего предосудительного не обнаружили... — с прежним сожалением говорил серолицый. Он еще раз оглядел сторожку, и они вышли. Старик долго смотрел им вслед, потом опустил занавеску, достал из-под скамьи бутылку с веревкой на горлышке, дал Антону зеленую двадцатикопеечную марку:

— Иди домой. Кто спросит — скажи, дед послал за керосином. Если кто увяжется за тобой — домой прямо не иди, а потом отцу расскажи все... Ладно? Чудесная вещь...

(Продолжение следует)

Трагедия крестьянина

Пьеса Фридриха Вольфа

Вариант В. С. ВИШНЕВСКОГО

АКТ ПЕРВЫЙ

1. Крестьяне

Южная Германия.

Сумерки. Зной слабеет над известковыми полями. Печальный звон далекой церкви. Люди возвращаются с полевых работ. Старик Мюллерфриц, инвалид Штробель, жена его и несколько других батраков. Они бредут тяжело, седые от пыли, молчаливые, и тихо садятся у дороги.

ШТРОБЕЛЬ (*достав газету, горько*). «Крестьянский вестник». Внимание. (*Читает, просматривая.*) Биржевые курсы... так... очень вам нужно... «Голод у русских»... Понятно... «Зверское убийство»... «Ушел из дому мальчик»... Иди, сынок, иди! Ага. «Крестьянское сословие, — это о вас речь, — самое довальное и счастливое». Слышите? «Его родной клочок земли — это его мир...».

МЮЛЛЕРФРИЦ (*приподнялся, одел очки, заглянул в газету*). «Его родной клочок земли — это его мир». Действительно, так и напечатано.

ШТРОБЕЛЬ. Дальше. (*Читает.*) «И пусть обрушатся на крестьянина несчастья и нужда, — он выдержит все. Он муж. В нем течет добрая германская кровь...» (*К Котцу.*) Слышь, ты выдержишь все.

ЛЕНЕ. Этот выдержит...

КОТЦ. Надо работать.

ЛЕНЕ. Для кого?

КОТЦ. Лене, молчи.

ШТРОБЕЛЬ (*спрятал газету*). Само правительство говорит, что будет нужда.

МЮЛЛЕРФРИЦ. Скоро, вероятно, вообще платить не будут... «Благодари, что жив» — вот как сказали в столице.

ШТРОБЕЛЬ (*бросает кирку в сторону*). Пусть тогда сами копаются в этой проклятой земле.

СОФИЯ. Зачем болтаешь попусту, Сепп!

КОТЦ. Хочет попасть за решетку.

СОФИЯ. Есть работа, и ладно.

ШТРОБЕЛЬ. Пусть только управляющий сунется, я ему раз'ясню...

ЛЕНЕ. Кому? Управляющему? Сиди тихо...

ШТРОБЕЛЬ. Молчи, бабья голова. Давай его сюда, этого самого...

МЮЛЛЕРФРИЦ. Подать его сюда, облезлого чорта, и пусть ответит нам... (*Оба испуганно загибают. Подходит какой-то человек.*)

ЧЕЛОВЕК. Ну?

(*Молчание.*)

ЧЕЛОВЕК. Отчего примолкли? Не узнаете?

МЮЛЛЕРФРИЦ. Мало ли тут ходит...

ЧЕЛОВЕК. Я — Бетц, Ганс Бетц. Сын Христиана... Он дома?

МЮЛЛЕРФРИЦ (*взглядевшись, узнав односельчанина*). И верно, Ганс Бетц. Привет тебе на родине, Ганс...

Знаешь, глаза слабнут, не молод я. А ты подрос.

ГАНС БЕТЦ (*глянув на женщин*).
Подрос, папаша.

МЮЛЛЕРФРИЦ. Ты на образованного стал похож, но жиру ты не нагулял, Ганс.

ГАНС. Хочу вот здесь подкормиться.
МЮЛЛЕРФРИЦ (*с горькой усмешкой*). Да, да... воздух тут у нас чистый, свежий.

ГАНС. Да, и сало есть, и молоко есть.

МЮЛЛЕРФРИЦ. А деньги есть?

ГАНС. Зачем доброму немцу деньги, — хватит любви к отечеству.

МЮЛЛЕРФРИЦ (*внимательно посмотрев*). Ах, вот оно что...

ГАНС. Ну, а где же отец?

МЮЛЛЕРФРИЦ. Он в поле на виноградниках... Подождешь его.

ГАНС. Ну, а как виноград?

МЮЛЛЕРФРИЦ. Помолчи об этом. Виноградники... Чорт бы их взял! Нас заставляют виноград вырывать.

ГАНС. Вырывать?

МЮЛЛЕРФРИЦ. Да, стойкий виноград, он сырость и холод выдерживает... Уничтожаем здоровые лозы только для того, чтобы владелец именья лучше торговал своим дорогим вином.

ГАНС. И вы приказ выполняете?

МЮЛЛЕРФРИЦ. Помолчим об этом. (*Пауза.*) Ну, а что ж в городе?

ГАНС. Помолчим об этом.

ШТРОБЕЛЬ. А ты не бойся—здесь свои...

ГАНС. Я вижу... Воздух у вас чистый... Хорошо.

ЛЕНЕ. Дурак ты, парень. А еще из города. Туман напускаешь.

ГАНС. А может, парням из города кое-где и надо дураков изображать?

ЛЕНЕ. Вот это другое дело... Хотя смотря для чего. А пока, — здравствуй.

ГАНС. Здравствуй... Лене,—так, кажется, тебя звали.

ЛЕНЕ. Не кажется, а Лене.

МЮЛЛЕРФРИЦ. Чемпион-девчонка. Однако в городе подпортилась.

ЛЕНЕ. А ты проверял?

(*Крестьяне засмеялись.*)

МЮЛЛЕРФРИЦ. Смотри, проверю.

ЛЕНЕ. Дедушка, лучше дай доверенность кому-нибудь другому. (*Мигнула Гансу.*) А?

(*Крестьяне захохотали.*)

КОТЦ. Я могу вечером тебя проверить.

ЛЕНЕ (*оттолкнув мужчину*). Ну, ты...

ОДИН ИЗ КРЕСТЬЯН. Тсс... Управляющий...

УПРАВЛЯЮЩИЙ (*подходя со старшиной и ведя с ним разговор*). Вам следовало бы позаботиться, чтобы были заплачены все долги... (*Справляясь в записной книжке.*) Вот, к примеру сказать — есть у вас некий Бетц.

СТАРШИНА. Так точно.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Еще с прошлого года за ним полторы сотни аренды. Я распорядился описать его имущество.

СТАРШИНА. Слушаю... А вообще он добросовестный человек, этот Бетц, и преданный родине и вождю.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Это хорошо. Но мы не являемся ведомством общественного призрения. (*Заметив Ганса.*) Откуда этот человек?

СТАРШИНА (*Гансу*). Ты кто такой? (*Вглядываясь.*) А-а, Ганс...—Это Ганс, сын Бетца.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. А... Так я говорю, что мы не ведомство общественного призрения. Понятно? Если немецкие люди перестанут платить долги и налоги, — что будет с Германией?

СТАРШИНА. Так точно... Дело о Христиане Бетце будет начато, если вы настаиваете, господин управляющий.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. «Настаиваете», «настаиваете»!.. Настаивает закон. (*Заметив у крестьян тайком сохраненные лозы.*) Полюбуйтесь, господин старшина. Прежнее безобразие... (*Штробель молчит.*)

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Что это — я спрашиваю?

ШТРОБЕЛЬ. Мои лозы...

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Вы знаете, что закон запретил сажать эти лозы?

ШТРОБЕЛЬ. Крестьяне сажают.

МЮЛЛЕРФРИЦ. Эти лозы выдерживают холод и сырость.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ерунда! Установлено, что они заражены филлоксерой. МЮЛЛЕРФРИЦ. Чем?

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Виноградной вшей.

МЮЛЛЕРФРИЦ. Мне еще никогда не приходилось встречать на них вощь. (В упор.) Вши водятся совсем в другом месте.

СТАРШИНА. Держи язык за зубами, старик.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Конец разговорам. Лозы уничтожить! (Берет из корзины и ломает.)

МЮЛЛЕРФРИЦ. Оставь. Руки прочь...

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ты с ума спятил, старик?

ШТРОБЕЛЬ (вплотную становится перед управляющим). Виноград этот — это наш хлеб... Поймите...

ЖЕНА ШТРОБЕЛЯ, СОФИЯ (отталкивает его). Успокойся, Сепп.

ШТРОБЕЛЬ. Прочь, баба!..

ЛЕНЕ (швыряя лозы управляющему). На, заткни себе глотку нашим виноградом.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Кто это?.. Записать... Старшина, что у вас тут делается?

СОФИЯ (указывая на Лене). Господин управляющий, не наша она, — она городская.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Все немцы должны быть одинаковы... Объясните ей. Старшина, наши люди все поймут и все выполнят? (Глядит на крестьян.)

(Молчание.)

СТАРШИНА (поглядев на односельчан). Так точно... Но господину управляющему следовало бы убедиться что Христиан Бец честный человек. Человек строгих правил... Может быть, с ним все же надо поговорить, как-нибудь устроить, помочь человеку?

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Да, мы должны помогать друг другу... Поговорим об этом. Идем.

СТАРШИНА (идя за ним, крестьянам). Вот!

КОТЦ. Наверно помогут.

ШТРОБЕЛЬ (смотря на переломанные лозы). Так, та-ак... «Крестьянское

сословие самое счастливое»... Зачем же люди верили Гитлеру?

СОФИЯ (в страхе). Тсс...

МЮЛЛЕРФРИЦ (Гансу). Видал — свежий воздух и...? (Жест.) Молния должна ударить в эту собачью жизнь, молния должна спалить этот хлам... Слушайте, что говорит вам старый Мюллерфриц...

(Крестьяне в страхе молчат. Некоторые поспешно уходят.)

ГАНС (к Лене). Это у вас давно?

ЛЕНЕ. А у вас?

ГАНС. Да что вы все помалкиваете, оглядываетесь?

ЛЕНЕ. А ты откуда?

ГАНС. Я же сказал.

ЛЕНЕ. Был красным?

ГАНС. Я немец. А ты кем была?

ЛЕНЕ (полушутя, полуспынуто). Я немка. Надолго приехал?

ГАНС. Не знаю.

ЛЕНЕ. Живые, глубокие беседы ведут теперь люди в Германии.

(Молчание.)

МЮЛЛЕРФРИЦ (одиноко сидящий на камне). Идет твой отец, Ганс.

(Старик встал и побрел. С поля тяжело идет Христиан Бец. За ним жена его — Анна.)

ГАНС (встав, сняв шляпу). Здравствуй, отец.

ХРИСТИАН (сухо). Здравствуй, — зачем приехал?

ГАНС. Уволен, — я моложе 25 лет. Здравствуй, мать.

АННА. Ганс!

ХРИСТИАН (строго). Идем, мать...

(Христиан и Анна сумрачно прошли к дому. Ганс остался в раздумьи...)

II. Дом Христиана Бетца

Старые потемневшие деревянные стены комнаты. Маленькие окна с крепким решетчатым переплетом. Распятое. Сабля и военная фотография Христиана Бетца. Грубая посуда.

АННА (подсчитывая). Пятью шесть тридцать... И в лавку семь... Христиан, в лавке сказали — в последний раз даем в долг, потом — кончено.

(Христиан молча перебирает записи, квитанции, расписки, повестки.)

АННА. Ты слышишь?

ХРИСТИАН (не поднимая глаз). Помолчи.

(Тишина.)

АННА. Христиан, почему люди словно проклятые?.. Христиан, ты слышишь? Что происходит на земле! Тут был один из города...

ХРИСТИАН. Молчи, мать. «Из города» — что они понимают, эти ферты из города! Вымолят себе пособие, — пенсионеры и безработные, — или форму оденут, руки в брюки и шляются... «Бездельники»... (Ударяя ладонью по бумагам.) А вот, пусть здесь кто-нибудь разберется во всех податях и налогах... (Пишет.) Общинного налога — 98, земельного налога — 25, церковного налога — 22, проценты по закладным — 320, арендной платы — полтора роста.

АННА. Может быть, нам дадут кредит?

ХРИСТИАН. Банк больше ничего не дает.

АННА. Вещи описывают... У соседа взяли и швейную машину, все до последней нитки... (Горько.) А за них голосовали.

ХРИСТИАН. Не каркай, мать... Я работаю... Я оправдаю... Мне дадут отсрочку. Управляющий за меня постоит... (Входит Ганс.)

ГАНС. Хайль Гитлер!

(Отец оглянулся, посмотрел на сына.)

ХРИСТИАН. Хайль Гитлер.

АННА. Садись. Поужинаешь...

(Мать поставила миску с несколькими картофелинами.)

ГАНС (отцу). Приходил Риггер — тебя описывать будут.

ХРИСТИАН (выпустил хлеб из рук). Меня? Я... (Озирается, сел... Пауза.) Значит, надо еще больше работать. Я по ночам буду работать, по ночам... И ты, Анна...

АННА. Хорошо, Христиан.

(Тишина.)

ХРИСТИАН. В чем тут загадка? Что делается?

ГАНС. Одно у вас хорошо: по крайней мере воздух чистый.

ХРИСТИАН. Ты что хочешь сказать?

ГАНС. А то, что сказал, отец. (К матери.) Дала бы молока, мама...

АННА. Молока?.. Ты что?.. Мы все до капли поставляем.

ГАНС. Так...

ХРИСТИАН. Мы привыкли... что ж, и в окопах так было.

ГАНС. Ты что, отец, всю жизнь решил, как в окопах, жить?

ХРИСТИАН. Что ж, если судьба такая. А вы, молодые, жидкие стали, — сметанку любишь?

ГАНС. А что ж твоя военная пенсия?

ХРИСТИАН. Ушла. Налоги...

ГАНС. И все помалкиваете?

АННА. Не везде. Вот в соседней деревне они тоже стали описывать... Так и м закидали глаза песком... Помяли троих...

ХРИСТИАН. Болтай поменьше, Анна... «Они», «им», «помяли»... Этим ничего не изменишь... Хлеба не прибавится. В драке жить — с сумой ходить.

ГАНС. По-гвоему, отец, это драка, когда крестьяне заявляют о своем праве?

(Отец не ответил.)

АННА. А то у соседа быка забирали... Народ сбежался, костер зажгли на дороге. Они быка повели, он испугался, вырвался и обратно к хозяину.

ХРИСТИАН. А я скажу — так до беды дойдет. Риггер, этот судейский, с оружием ходит.

АННА. Да-да, он несколько раз соседу под нос поднимал. (Делает жест.)

ХРИСТИАН. А что ему делать? Закон.

АННА. Да-а... А что ты скажешь, если он к нам явится?..

(Христиан молчит.)

ГАНС. Сколько ты должен?

ХРИСТИАН. Около сотни налога и за аренду сотни полторы...

ГАНС. Может, что-нибудь продать можно?

ХРИСТИАН. До последнего уже распродал... (Оглядел комнату.) Оста-

лось вот, как память. (Показал на люльку.) В ней дед, отец, я и ты — с рождения лежали... Берегу... Землю продал... ее же арендую.

ГАНС. Ну, это... (Не договорил от возмущения.)

АННА. И почему за землю все платить и платить надо?.. Всю жизнь вложили...

ГАНС. А вот таким, как ты, следовало бы подумать — как и что получилось...

АННА. И что потом?

ГАНС. Требовать снижения аренды на половину.

ХРИСТИАН. Эх, голова... «Требовать».

АННА. А что? Если бы соседи сговорились...

ХРИСТИАН. Мать, опять?

ГАНС. Если заговорят сразу пятьсот тысяч...

ХРИСТИАН. Не мутит голову матери, Ганс! (Стал перед ним.) Я не позволю. Не дури меня разными городскими штучками. Мы видели, к чему они ведут. В деревне другая жизнь. Я работаю. А кому это не по душе... (Входит Лене.)

ЛЕНЕ. Христиан, сюда идет старшина. С ним управляющий...

АННА. Ну, вот!.. (Кинулась в заднюю комнату.)

ХРИСТИАН. Назад. Спокойствие, Анна! (Поглядел на убогое убранство комнаты.) Они не в праве отобрать... Как вы думаете?..

(Входят старшина и управляющий.)

СТАРШИНА. Вот, господин управляющий, Христиан Бецц.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Хайль Гитлер!

ХРИСТИАН (тихо). Хайль Гитлер.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну, как дела, старина?

ХРИСТИАН. Как раз подсчитывал, господин управляющий... Всего полторы сотни за последний год. (Открывает ящик стола.) У меня осталось вот, — восемь марок... От пенсии... Может, возьмете?

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Есть у вас лишние вещи, старина?

(Оглядел комнату.)

АННА. Какие же у нас...

ХРИСТИАН. Тише, мать.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. А земля?

ХРИСТИАН. Она вся теперь у вас, — у господина владельца поместья.

УПРАВЛЯЮЩИЙ (задумчиво). Да-а... Всех обременяют долги. Время тяжелое.

СТАРШИНА. Тяжелые годы...

ГАНС. Тяжелые годы? А вы бы помогли им. (Жест на отца и мать.)

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Я для этого сюда и пришел. А старших не перебивают.

ХРИСТИАН (подтверждая). Помолчи, Ганс. (К управляющему.) Вы извините его, — он неосмысленный парень.

ГАНС. Почему, отец, неосмысленный?.. Нас многому уже научили... И сами мы научились кое-чему. И в городе видели... (К управляющему.) Да посмотрите же хоть раз на них... Вы о немецком духе твердите, — а где земля? Где тот «родной клочок земли», о котором вы расписываете?.. Это ж вы в «Крестьянском вестнике» пишете... Где земля моего отца?.. Где земля, которая была еще у наших прадедов?

ЛЕНЕ (стоя у дверей). Он даже не знает толком, где находится эта земля.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Ну, еще что?..

ГАНС. Еще что? Вы отбираете последнее.

ХРИСТИАН. Оставь, Ганс.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Зачем, старшина, к нам приходят вот такие городские болтушки? Ты что, — мальчишка, выброшенный из штурмового отряда, или ты... (вглядываясь) из недобитых красных?

ГАНС. Я — это я... Говорю то, что есть... Помните, вы призывали: немцы, излейте свою правду! Теперь нельзя? И домой притти к отцу нельзя? А вы постройте стены вокруг каждой деревни, вы выкопайте рвы. А людям запретите мыслить и говорить.

ХРИСТИАН. Не болтай ерунды, Ганс.

ЛЕНЕ. И так уж у нас не говорят, а односложно мычат...

ХРИСТИАН (вспылив, к Гансу и Лене). Заткните глотки, говорю вам! Вы у меня в доме, а не у городских на

собрании. Уходите отсюда. Я не позволю себя науськивать... (*Грозно надвигается на сына.*) Вон отсюда, сказал я!

АННА. Христиан!

ХРИСТИАН (*отшвырнув жену*). Вон!

ГАНС (*становясь вплотную перед ним*). Сам же нас позовешь, отец.

ХРИСТИАН. Вон отсюда!

(*Ганс и Лене покидают дом.*)

СТАРШИНА. Вот видите, господин управляющий: Христиан Бетц — человек немецкого склада, его нелегко сбить.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Этого еще не хватало! Отнимите у человека его веру, устои, и он понесется, словно листик по ветру. (*Пауза. Бетцу.*) Итак, старина, вы не можете ни у кого получить кредита?

ХРИСТИАН. Банк не дает больше.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. А может, мы устроим так: не могут ли поручиться за вас друзья, соседи?

СТАРШИНА. Мы уже поручились за двадцать хозяев...

ХРИСТИАН (*встав. Анна встала рядом*). Господин управляющий, позвольте мне отработать. Позвольте мне потрудиться в имении, где хотите, — восемь, десять, двенадцать часов, и ночью тоже... И вот жена тоже...

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Отработать? Но тогда каждый вместо уплаты стал бы «отрабатывать». (*Пауза. К старшине.*) У нас же не натуральное хозяйство... (*Бетцу.*) В конце-концов у вас есть некоторые вещи... Придется продать.

ХРИСТИАН (*взволнованно*). Нет, только не это... Это ж последнее. Если это уйдет, затем и дом, а потом и нас в богадельню... (*В отчаянии*) господин управляющий, ради бога, не отнимайте! (*Показывает на свой инвентарь, — мотыги.*) Это ж работать, для вас... Не отбирайте последнее, господин управляющий... (*На люльку.*) А это ж просто, как память... Ты же пойми, старшина... Помогите.

СТАРШИНА (*тихо к управляющему*). Может быть, господин управляющий, вы все же согласились бы дать ему еще раз отсрочку?

УПРАВЛЯЮЩИЙ. «Отсрочку», «отсрочку»!.. Тридцать крестьян не платят долгов, а кто будет отвечать? Я буду платить?

ХРИСТИАН. Пощадите... Люди... господин управляющий.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Вы делали долги, старина. Надо их платить. Такова жизнь. (*Вышел.*)

СТАРШИНА. Терпение, Бетц, терпение. (*Вышел вслед за управляющим.*)

АННА. Христиан!

(*Христиан молчит.*)

АННА. Я спрячу вещи.

ХРИСТИАН. Не надо. Нельзя.

АННА. Может быть, все-таки Ганса позвать?

ХРИСТИАН. Оставьте меня в покое со всеми Гансами.

(*Уходит в заднюю комнату. Входная дверь скрипнула — входят крестьяне.*)

КОТЦ (*тихо-тихо*). Обошлось?

АННА (*застыв, сидит*). Боже мой, боже...

МЮЛЛЕРФРИЦ (*подходя к Анне*). Где Христиан, Анна?

АННА. Побрел куда-то...

ШТРОБЕЛЬ. Может быть, он хочет уйти в лес?

АННА. Нет.

МЮЛЛЕРФРИЦ. Появился Риггер — быть беде.

ШТРОБЕЛЬ. Сегодня утром его видели...

КОТЦ. Он явился за душой Христиана.

ЛЕНЕ. Люди, надо помочь!..

(*Входит Христиан. Увидел пришедших, остановился.*)

ХРИСТИАН. Зачем собрались?

МЮЛЛЕРФРИЦ. Христиан... Дело вот какое...

ШТРОБЕЛЬ. Сядь, Христиан.

(*Христиан стоит.*)

ШТРОБЕЛЬ. Лягавый этот, Риггер, в нашем районе. Сегодня утром он начал описи имущества.

ХРИСТИАН. А какое мне до этого дело?

МЮЛЛЕРФРИЦ. Тебя это как будто тревожило.

ХРИСТИАН. Я никому зла не сделал... Я отработаю...

ШТРОБЕЛЬ. За последнюю неделю Риггер выбросил со двора три семьи...

ХРИСТИАН. Ну, хватит. Я старый солдат, ветеран и я не заслужил этого.

ЛЕНЕ (печально). Христиан, Христиан.

ШТРОБЕЛЬ. Надо, чтобы отсюда этот Риггер убрался.

МЮЛЛЕРФРИЦ. Соберем всю деревню.

ХРИСТИАН. Что же вы хотите — мятежа, беспорядков?

ШТРОБЕЛЬ. Тебе хотим помочь...

ХРИСТИАН (вспылив). Мне такой помощи не надо. Я ничего незаконного не сделал. Я четыре года был на войне... Я кровь свою отдал... Я честно подавал свой голос за вождя. Они не станут у инвалида отбирать последнее. Это запрещено, — об этом напечатано здесь, в книжке «Как себя защитить крестьянину». Эту книжку мне дали перед тем, как Адольф Гитлер пришел к власти. Его партия говорила о нас, крестьянах. (Раскрывая книжку.) Вот здесь. Закон тогда не соблюдали... А Гитлер хотел, чтобы соблюдали... Вот: параграф 412 пункт 3 Гражданского законодательства: «Не подлежит описи необходимый для ведения крестьянского хозяйства инвентарь»... Вы добра мне желаете, все вы, — спасибо, Мюллерфриц, спасибо, Штробель, и ты, Лене... Спасибо... Но поймите: я хочу покоя и мира, покоя и мира в моем доме.

ШТРОБЕЛЬ. Мы хотели тебе помочь.

ХРИСТИАН. Каждый помогает себе лучше всего сам. (Все уходят, растерянно прощаясь с хозяевами дома. Христиан снова достает книгу, где лежат налоговые квитанции и повестки о взносе арендной платы, садится и снова подчитывает.)

АННА. Полторы сотни за аренду... Через месяц долг удвоится.

ХРИСТИАН. Не болтай, мать.

АННА (подойдя к нему, грустно и ласково). Христиан, ты меня вечно отталкиваешь. За что? Мне тоже тяжело приходится, спина болит, руки...

ХРИСТИАН (обнял жену). Прости меня, старая... Тяжело мне.

(Ана плачет. Входит Ганс. Он тяжело дышит. Он откуда-то прибежал.)

ГАНС. Отец. Этот Риггер уже здесь. Он идет сюда. Отец, звать народ?

ХРИСТИАН. Не надо. Я сам себе помогу. Рубаху с меня не снимут... (Держит книгу в руках.) Написано тут или нет?

ГАНС (читает). «Как себя защитить крестьянину». Любопытно, как?

ХРИСТИАН. Как? Правдой. Законом.

ГАНС. Есть разные правды и разный закон, отец.

ХРИСТИАН (сурово). Правда есть правда... Закон есть закон. Вот тут — черным по белому... Написано здесь или нет? «Согласно параграфа 412 пункта 3 Гражданского законодательства не подлежит описи необходимый для ведения сельского хозяйства инвентарь, потребный для ведения хозяйства». Вот — правда.

ГАНС. Как хочешь... Посмотрим...

ХРИСТИАН (несколько сдаваясь). А кто может помочь? Если судейский чиновник придет, что я могу сделать? А если господь хочет, чтобы было по-другому, да раздастся голос его. (Повернулся к распятию.)

ГАНС. Ну, вряд ли раздастся его голос. (Вверх.) Э-гей... там, раздайся, ну!

ХРИСТИАН (ошеломленно). А вот ты кто! Ты и его хулишь?! (Идет, готовый убить сына.)

АННА. Христиан!..

ХРИСТИАН. Прочь! Убью!

(Комната опустела. Мать и сын испуганно исчезли. Старый крестьянин опустился на скамью. Уставившись на спасительную книгу, он читает вполголоса: «Согласно параграфа 412, пункта 3, не подлежит описи»...)

АННА. (боязливо просовывает голову в дверь.) Он здесь, Христиан. Он спрашивает ключи от чулана...

ХРИСТИАН (стараясь казаться спокойным). Я здесь у себя в доме.

АННА. Держись спокойно, Христиан.

ХРИСТИАН (встает). Я спокоен.

АННА. Отдай ему ключи. Говорят, что у него есть оружие. Отдай ему ключи, Христиан.

(Христиан зажимает ключи в руке.)

АННА. Я позову Ганса...

ХРИСТИАН. Стой!

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. Хайль Гитлер. Вы Христиан Бетц?

ХРИСТИАН. Я, ваша честь.

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. На основании приказа об описи имущества из-за неуплаты казначейской палате арендного долга в размере полутора сотен, — я требую открыть мне все помещения.

ХРИСТИАН. Инвентарь нельзя отбирать, господин судебный исполнитель. Таков закон.

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. Вы согласны подчиниться? У старшины два жандарма...

ХРИСТИАН. Жандармы тоже не могут действовать наперекор закону, господин судебный исполнитель... *(Берет книгу: «Как себя защитить крестьянину»)* Вот...

АННА *(бросается к нему)*. Ради господи, Христиан, отдай ему ключи, отдай ему весь дом... Я ему сейчас сама все передам...

ХРИСТИАН. Назад! Все же ясно, как день. Пусть господин судебный исполнитель прочтет сам. Он должен прочесть...

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. Вы собираетесь меня учить?

ХРИСТИАН. В этой книжке «Как себя защитить крестьянину» — в книжке, данной мне верными людьми вождя, — все написано, господин судебный исполнитель. Прочтите сами: «Согласно параграфа 412 пункта 3 Гражданского законодательства не подлежит описи...»

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. Довольно.

ХРИСТИАН. Прочти это, человек!

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. Отойти от меня на три шага, ты!

АННА *(зажимает уши)*. Господи, милосердный боже, убереги от греха...

ХРИСТИАН *(подходя к судебному исполнителю с поднятой книгой)*. Написано здесь?

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. Не болтай. Ключи от помещений!

ХРИСТИАН *(с огромной силой и верой)*. На закон не посягнешь. До ключей не доберешься.

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. Ключи!

ХРИСТИАН. Ключи, как были, так и будут у меня.

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ *(вынув оружие)*. Идем.

(Старый крестьянин пристально поглядел на вооруженного человека, спокойно повернулся, подошел к столу, взял трубку и шляпу, оглядел свое жилище и твердо пошел.)

Сзади следователь. Когда оба вышли, за дверьми шум, возглас.

Выстрел, тотчас за ним подряд еще два выстрела.)

АННА *(выбегая из комнаты)*. Христиан!..

(Тишина. Через минуту появляется Анна, которая ведет Христиана к столу и усаживает его на стуле.)

АННА. Ты ранен?.. *(Ощупывает его всего, стягивает с него куртку.)*

(Христиан, словно окаменев, остается сидеть на месте. В одной руке он все еще держит револьвер, вырванный у следователя, в другой — свою книгу. Анна выбежала. Из сеней раздается ее голос: «Христиан, что ты наделал! Что ты наделал, Христиан!»)

АННА *(снова входя в комнату)*. Что ты наделал, Христиан? *(Тормозит его.)* Он мертв, Христиан. Ты слышишь? Он мертв.

ХРИСТИАН *(устало, спокойно)*. Дай воды, мать.

(Анна дает воды.)

ХРИСТИАН *(выпив)*. Хорошо. Сядь. Посидим.

(Анна покорно села.)

ХРИСТИАН. Теперь покой. *(Он необычайно сосредоточен. Он гладит руку женщины, с которой прожил жизнь. Оба сидят тихо. Со двора раздаются приказания, резкие голоса.)*

ГОЛОС. Не входить и не выходить из дома.

АННА. Христиан, там жандармы.

ХРИСТИАН. Дай мне мой воскресный костюм.

АННА. Они кричат, чтобы ты не выходил. Они тебя боятся...

ХРИСТИАН. — Принеси мой воскресный костюм.

(Анна приносит черный воскресный костюм. Христиан переодевается. Он надевает накрахмаленную манишку, завязывает галстук. Анна ему помогает. Орден Железного креста за доблесть и службу отечеству украшает грудь старого крестьянина.)

ХРИСТИАН. Никого нет... никого, кто бы помог... (Поглядев в окно.) Народ собрался...

АННА (испуганно). Отойди. Они выстрелят...

ХРИСТИАН. Стоят... Крестьяне... а впереди жандармы... А здесь стоит крестьянин Бетц...

(Звон колокола к вечерней молитве.)

ГОЛОС. Крестьянин Бетц, выходите... Выходите немедленно... Руки вверх...

(Христиан приближается к Анне, гладит ее по лицу.)

АННА. Христиан, зачем ты...

ХРИСТИАН. Он против закона...

ГОЛОС (совсем близко). Выходите... Руки вверх...

(Христиан поднимает руки, выходит. Печальный звон вечернего колокола.)

АКТ ВТОРОЙ

III. Перед лицом закона

Сельская улица. Крестьяне стоят у каменной ограды.

ШТРОБЕЛЬ. Да-а, третий день сидит Христиан... третий день.

ЛЕНЕ. И никто не знает толком — что у них вышло, почему, как...

КОТЦ. За убийство.

ЛЕНЕ. А если к тебе придет такой вот душегуб, такая вот собака, как Риггер, — и вот так (жест) приставит оружие — «отдавай последнее»...

КОТЦ. Ко мне-то не придут...

ЛЕНЕ. Еще бы.

КОТЦ. Говорят, он сидит в одиночке для смертников, в дверях вот только такой глазок. (Хихикнул.)

ШТРОБЕЛЬ. Но ведь мы-то еще здесь... Могут же крестьяне пойти и выручить человека.

КОТЦ (пораженный). Ты что?

ШТРОБЕЛЬ (Котцу). А ты что?

СОФИЯ (перепуганно мужу). Не лезь, ты... За эти дела, знаешь, что могут сделать... Теперь топором головы отрубают.

(За оградой прислушиваясь, встал Ганс.)

КОТЦ (Штробелю). Так вы что затеять хотите?.. Не-ет, в таких делах я не участник.

ЛЕНЕ. И пошел вон, кошачья блевотина!

КОТЦ. Молчи, потаскуха. Вы, что, собрались со штурмовиками, с полицией воевать? А ты знаешь, где ты можешь очутиться через час?

МЮЛЛЕРФРИЦ. Я все хорошо знаю. Было время посмотреть на многое... — Освободить Христиана, — проклятье богу!.. Взять парней покрепче, разнести им ворота в щепки со всеми этими «глазками»... И если такие, как Котц, жидковаты для этого, — старый Мюллерфриц покажет вам, как надо действовать.

ЛЕНЕ. Всегда с тобой, Мюллерфриц.

ШТРОБЕЛЬ. И я могу вспомнить, что тоже обучен стрелять.

(Ганс перепрыгнул через ограду.)

ГАНС. Из чего ты стрелять собрался — из своей лопаты?

ШТРОБЕЛЬ. Ганс!

(Люди, застигнутые, молчат.)

ГАНС. Не то вы затеяли.

МЮЛЛЕРФРИЦ. И это говоришь ты, — боишься собственному отцу помочь?

ГАНС. Надо идти другим путем.

КОТЦ. Можно подать ходатайство судьбе.

СОФИЯ. Да, да... И старшина и священник могут подписать...

МЮЛЛЕРФРИЦ. Этим ходатайством ваш судья подотрется... В набат бить надо, огни зажечь в горах, народ подымать и идти к тюрьме...

ШТРОБЕЛЬ. А оружие?

КОТЦ. Лучше пожаловаться в столицу... Там справедливые люди. Они только не знают, что тут делается...

ШТРОБЕЛЬ (*злобно*). Не знают? МЮЛЛЕРФРИЦ. Может, в Верховный суд к «превосходительствам» итти?..

ГАНС. Я слышал, что коммунисты советуют все средства... Значит, можно и к «превосходительствам» пойти. (*Пауза.*) Только итти надо особо — с подписями всех крестьян.

ШТРОБЕЛЬ. Всех? «Все» не пойдут.

ГАНС. Всех, кто с нами... Напишем примерно так: «Мы, крестьяне, — указать какой деревни... — плохо еще разбираемся в делах... Мы осуждаем действия Христиана Бетца... Его поступок является неправильным поступком...»

КОТЦ. Верно.

ГАНС. «... Но мы боимся, что каждый из нас может повторить действия Христиана Бетца. Мы почтительно просим Верховный суд объяснить нам: — вождь говорил в защиту крестьян и обещал им облегчение, — а местные власти продолжают брать налоги государству, помещику, и еще церковный налог, и приходится, словом, отдавать урожай до соломынки... Мы и просим Верховный суд объяснить нам — что же это все обозначает?..»

КОТЦ. Так ведь это не ходатайство, а агитация! Э, Ганс, ты куда-то клонишь не туда... (*Властно.*) С кем ты путался в породе?

ГАНС. Допустим — я лишь запомнил обещанья вождя — Адольфа Гитлера. Ну!?

КОТЦ (*растерявшись*). Да...

ШТРОБЕЛЬ (*Гансу*). Давай сюда бумагу — подписываю.

СОФИЯ. Ты не подпишешь... У тебя жена и дети... Не тебе соваться в такие дела....

(*Штробель отталкивает жену. Приближается Анна.*)

ГАНС. Был у нас кто-нибудь, мать?

АННА. Никого... ни души... ни строчки, ни слова... Может, его уже...

ЛЕНЕ. Перестань, Анна.

ШТРОБЕЛЬ. Кто знает, что действительно будет с Христианом завтра? Теперь все так быстро делают, — даже без суда...

АННА. Вчера я была в четвертый раз у судьи... Меня обыскивали, чулки

выворачивали... Там кругом стоят эти в черном... Я все спрашивала — «мне бы хоть его голос слышать, Христиана голос...» А они стоят и молчат. Один сказал: «Пока он тут недалеко, а скоро будет далеко-о...» Что же это значит, люди? Где он будет «далеко»?.. Может быть... (*Замерла от страшной мысли.*)

МЮЛЛЕРФРИЦ. Проклятье! Вытащить человека надо...

ГАНС (*обняв мать*). Мы сделаем тут одну попытку, мать.

ЛЕНЕ. Напишем судье, Анна, и вместе пойдем.

АННА. А как же вы туда попадете? Там кругом стоят эти... (*Умолкла.*) «Пока он тут недалеко, а скоро будет далеко-о».. Господи!

ЛЕНЕ. Не надо бояться.

КОТЦ. У тебя что — есть опыт, судилась?

ЛЕНЕ. Да. За первое мая. Ты тогда социал-демократом был.

КОТЦ (*поблднев*). Молчи...

(*Подшел старшина.*)

СТАРШИНА. Оч-чень хорошо. Все общество в сборе... (*Вынимает повестки*). Вот вызов в суд. (*Оглядел всех*). Вызываются: Сепп Штробель и его жена... Вызывается Лене Мюллер, вызывается Мюллерфриц, 65 лет, — также ты, Ганс Бецц, и Август Котц.

КОТЦ (*испуганно*). Я вызываюсь в суд, господин старшина?

СТАРШИНА. Вы находились поблизости от места убийства.

КОТЦ. Но разве я знал, что Бецц его застрелит?

СТАРШИНА. «Вместе шли, вместе висеть будете».. А? Ха-ха... Показывайте одну правду, — утаивать ничего нельзя... Там видно будет.

КОТЦ (*подавленный*). Господин старшина... разве я что-нибудь сделал? Что у меня общего с этим Беццем? С этим проклятым полоумным...

СОФИЯ (*почти цепляясь за старшину*). Г-н старшина, в суд не надо... Мой Сепп тут совсем не при чем. Мы ничего не делали... Были совсем в стороне... господин старшина.

СТАРШИНА. Вам вызов в суд объявлен. В случае неподчинения — вас до-

ставят через охранный отряд. Понятно? При чем тут я?.. (Двинулся).

КОТЦ (догоняя старшину, тихо). Я имею сообщение государственной важности: Ганс Бетц, Штробель и этот старик затеяли ходатайство... Это не ходатайство, а агитация коммунистов...

СТАРШИНА. Все это вы скажете судье. Понятно?

(Старшина и Котц удаляются.)

АННА (в страхе). И я должна в суд?

СОФИЯ. Что я-то сделала?

МЮЛЛЕРФРИЦ. Ну, до завтра. (С улыбкой.) Хайль Гитлер!

ГАНС. Хайль Гитлер!

IV. Перед лицом закона

Двор тюрьмы. Неподвижные фигуры двух чинов охранного отряда.

ОХРАННИК. Свидетели по делу Христиана Бетца из Гаммерсбаха: Мюллерфриц... Сепп Штробель... София Штробель... Лене Мюллер... Август Котц... (Крестьяне по одному входят во двор.)

МЮЛЛЕРФРИЦ. (Лене и Штробелю). Надо бы разузнать, когда Христиана приведут на допрос... Или с допроса... Перекинуться бы словом...

КОТЦ. Что же ты, старик, не разносишь тюрьму в щелки?

МЮЛЛЕРФРИЦ. Всему свое время.

ЛЕНЕ. Хорошо, старик. Вот Анна.

(Анна входит с Гансом.)

АННА (Лене). Кого тут просить? Я обходила весь город... Судью буду молить... следователя...

ЛЕНЕ. Тише, Анна.

АННА. Пусть слышат. Пусть все слышат! Да... Они ведь не слышат... Не слышат они... (Анна тяжело опускается на каменную скамью).

(Входит старший охранник.)

ОХРАННИК. Кто здесь Анна Бетц, жена Христиана Бетца?

АННА. Я.

ОХРАННИК. К следователю.

(Тишина. Крестьяне сидят молча. Входит сельский старшина. Приветствия: «Хайль Гитлер!» Молчание.)

СТАРШИНА. Погода сегодня хорошая.

ШТРОБЕЛЬ. Хорошая погода.

(Молчание.)

ОХРАННИК. Сельский старшина здесь?

СТАРШИНА (вскочив). Так точно, ваша честь.

ОХРАННИК К следователю.

(Кабинет следователя. Следователь, охранник и Анна Бетц. Огромный портрет Адольфа Гитлера).

СЛЕДОВАТЕЛЬ (устрашающе молча перебирает бумаги.) Вы Анна Бетц?

АННА. Я, ваша честь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы знаете, что бывает за неверные показания?

(Анна молчит.)

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Итак, он сам бросился на судебного исполнителя?

АННА. Вы о чем, господин судья?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я спрашиваю, как и когда ваш муж напал на судебного исполнителя с оружием в руках...

АННА. Он только книгу держал в руках. Книгу «Как себя защитить крестьянину», знаете наверное, — ее раздавали в деревне, когда (взглянув на портрет) вождь...

СЛЕДОВАТЕЛЬ (быстро перебив). Это не относится к делу. Судебный исполнитель убит тремя выстрелами. Что же, Бетц стрелял из книги? Извольте наконец матушка, рассказать все толком.

АННА. Да-а, как же это было?.. Я в комнате была, господин судья... А это было в сенях... Туда они пошли... Только и увидела я, как вошел муж, а тот лежал мертвый.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (дав знак охраннику). Достаточно.

ОХРАННИК (направляет Анну к двери). Сюда.

АННА. Что с ним будет, господин судья?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это вы узнаете на суде. (Анну выводят.) Христиана Бетца.

(Слышно за дверью повторение: «Христиана Бетца!» — Вводят старого крестьянина.)

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы Христиан Бетц, крестьянин из Гаммерсбаха? Под судом и следствием не были?

БЕТЦ. Под судом и следствием? Никогда. Правому человеку бояться нечего. Вам, ваша честь, я все скажу охотно, — все, что я думал за эти дни.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Еще раз советую вам не кривить душой. У вас было оружие?

БЕТЦ. Видит бог — я вышел к нему с книгой. *(Увидел книгу, лежащую как вещественное доказательство по делу.)* Только с книгой.

СЛЕДОВАТЕЛЬ *(отстранив книгу).* Где вы спрятали свое оружие?

БЕТЦ. Да я же говорю вам, господин судья, — с книгой я был, с книгой.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы поджидали убитого вами государственного чиновника?

БЕТЦ. Мой сын и соседи сказали мне, что он идет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так. Когда?

БЕТЦ. Ну, за несколько минут до его прихода.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что именно сказал ваш сын? Что именно сказали вам ваши соседи?

БЕТЦ. Я уж и не упомяну.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Устанавливаем, что вы поджидали судебного исполнителя. Вы готовились его встретить. Верно я говорю?

БЕТЦ. Пожалуй...

СЛЕДОВАТЕЛЬ *(строго).* Так. Вы совершили преднамеренное убийство.

БЕТЦ. Преднамеренное? Видит бог, с книгой, с законом, только с ним вышел я к нему... Вот так я, так он... И только я пошел с книгой, как он в меня прицелился... Пятьдесят лет живу, и вдруг на меня нападают в моем доме. Закон мне дает право защищаться. Я знаю закон.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы не знаете закона.

БЕТЦ. Я знаю закон, ваша честь. Вы тоже должны знать... Разве это не закон? *(Быстро листает книгу.)* Эту книгу нам давали верные люди... — Вот: «Согласно параграфа 412, пункта 3, Гражданского законодательства не

подлежат описи инвентарь и скот...» Разве это не закон?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Бетц, ведите себя тихо. *(Отобрал книгу.)* Если вы считаете, что действия государственного чиновника нарушили ваши права, вы могли подать письменную жалобу.

БЕТЦ. Я четыре года был на войне. Я имею отличие... Я отдал свою кровь за свое отечество, я голосовал за вождя. Нельзя отбирать у инвалида последнее. Об этом сказано в законе... Закон есть закон.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Закон есть закон...

БЕТЦ. Господин судья, я должен быть на свободе. Господин судья, вы не можете больше держать меня здесь. Я работал, и если я задолжал, то я как хозяин сообщаю и прикидываю, как заплатить долг. Я вот что придумал...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. На вас падает подозрение в преднамеренном убийстве.

БЕТЦ. Это ложь, господин судья, это ложь! *(Охраннику.)* На крестьянина клеветают, крестьянина обманывают. *(Охранник безучастен.)*

СЛЕДОВАТЕЛЬ *(Бетцу.)* Молчать! Или я наложу на вас дисциплинарное наказание.

БЕТЦ. Хоть тысячу наказаний! Закон должен оставаться законом!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Бетц, тихо. Вы не у себя дома, а на допросе. Извольте отвечать на вопросы. Кто подстрекал вас к преступлению?

БЕТЦ. Никто.

СЛЕДОВАТЕЛЬ *(встав и подойдя близко).* Будьте благоразумны, старина. Вы значительно облегчите свое положение, если сознаетесь, что находились под чужим влиянием. Понимаете? И спорить с подстрекателем вам честному крестьянину, просто было не под силу. Итак, скажите, Бетц, кто вас травил на представителя власти?

БЕТЦ. Никто, господин судья. Я уже сказал, что никто. Я добивался только моего права, как о нем говорится в законе.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так. Тогда я скажу вам всю правду. Вы зачем-то хотите взять на себя чужую вину, а дей-

ствовали вы по указу коммунистических террористов.

БЕТЦ. Террористов? Не знаю таких. Не видел. Сына из дому я выгнал, и этих — и Штробеля, и Лене, всех выгнал... Я хотел мира... покоя... Понимаете, я человек усталый, был на войне.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И я был на войне, и я человек усталый, у меня у самого сотни всяких несчастий — и ваших, и своих несчастий. Какой судья будет мне помогать? Скажите же, старина, товарищ, — кто стоит за вашей спиной? Ну? Кто вас толкнул на убийство?

БЕТЦ. Кто меня толкнул?

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*напряженно*). Да.

БЕТЦ. Кто меня толкнул, господин судья?.. Да как вам сказать... Жизнь прожита... ничего позади, ничего кругом. Да, если правду вам указать, — толкнули меня власти. Землю мою скупили, а теперь я же за нее плачу налоги за налогами... А теперь последний инвентарь... А работать-то чем? А работать-то как?!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Без речей.

БЕТЦ. Да что вы... Я речи только слушал... А сам только вам объясняю — как это у нас, у крестьян. А вот вы как все это понимаете? Почему это так все происходит?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы не можете задавать мне вопросов. Закон...

БЕТЦ (*перебив*). Нет больше закона.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Увести.

(*Бетца уводят. Вошел старшина.*)

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ага, — старшина. Скажите, что, собственно, творится в вашем селении?

СТАРШИНА. Некоторое беспокойство... Это, как ломота в костях перед ненастьем.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ломоту лечат.

СТАРШИНА. Так точно. На днях в соседней деревне пришлось открыть огонь. 5 раненых, 18 арестованных.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Слышал.

СТАРШИНА. Осмелюсь доложить — скоро голосованье. Для дела вождя, осмелюсь доложить, — помеха, — беспокойство крестьян из-за Бетца не слишком во-время.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Соображение верное. Но опись имущества этого Бетца сделать надо.

СТАРШИНА. Может, разрешите пока отложить, а после голосованья — я все устрою.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А кто внесет долги? А кто будет отвечать? О, черт, в конце концов сходишь с ума от всей этой требухи!

СТАРШИНА (*настороженно и испытующе*). «Требухи»?

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*испугался*). Я... я требухой назвал преступников, критиканов... Даю голову на отсечение, что в преступлении Бетца замешаны коммунисты! (*Поглядел на старшину.*)

СТАРШИНА (*тоже испугался*). Так точно. (*Пауза.*) Хотя Бетц придерживался определенных политических взглядов. Он за вождя.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*помолчав, что-то соображая*). А скажите, Бетц не поражал вас ничем особенным?

СТАРШИНА. Никак нет... Тишайший человек... Правда, за последние недели не вполне владел собой.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так, так...

СТАРШИНА. Так точно, — так.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*сделав знак*). Пoblеже, старшина. Послушайте, тут кроется разгадка всего дела. Еще поближе, старшина. (*Старшина почтительно приблизился.*) У этого Бетца психоз, начало сумашествия, а?

СТАРШИНА (*помолчав, понял*). Так точно, господин советник.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну, вот... Совершенно очевидно, что Бетц — маньяк. У него мания преследования. Он помешан на том, что ему умышленно наносят ущерб.

(*Следователь пишет, старшина озабоченно поддакивает.*)

СТАРШИНА. И поэтому местные власти не несут ответственности за убийство... Правда?

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*позвонив, вошедшему охраннику*). Бетца. По правде говоря, я во время допроса заметил, что он как-то внезапно приходит в возбуждение.

СТАРШИНА. Так точно. И я замечал.

(Вводят Бетца.)

СЛЕДОВАТЕЛЬ (указывая на старшину). Бетц, вы знаете этого человека?

БЕТЦ. Еще как!

СТАРШИНА. Хорошо ли ты себя чувствуешь, Христиан?

БЕТЦ. Ничего... У меня теперь есть время, чтобы по-настоящему подумать о разных людских делах...

СТАРШИНА (следователю). Замечаете? (Бетцу.) Что ты так беспокоен, друг?

БЕТЦ. Я подлецам не друг.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (старшине). Ага.

БЕТЦ (указывая на старшину). Мне он обещал отсрочку, помощь, говорил о том, что теперь крестьянам будет легко жить, а потом сам же пришел с управляющим... Ему что, — у него двадцать десятин! Жрет без отказа.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Бетц, успокойтесь.

БЕТЦ. Ты слушай, слушай, старшина! Моя голова теперь просветлела. Я теперь знаю, что и как... и что ты за птица.

СТАРШИНА (следователю). Вы слышите, — у него голова «просветлела».

СЛЕДОВАТЕЛЬ. У него полная неразбериха.

СТАРШИНА. Порядка ради я обязан передать ему извещение о вторичной описи имущества. Может быть, он найдет вознаграждения или деньги для уплаты долгов.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Передайте.

СТАРШИНА. Бетц, по долгу службы я должен назначить вторичную опись твоего имущества. (Передает ему извещение.) Может быть, ты располагаешь деньгами?

БЕТЦ (бросает ему в лицо скомканное извещение). Собака! (Кидается в отчаянии и злобе на людей, которые так лживы. Охранники избивают старика и выволакивают.)

СТАРШИНА (покидая помещение). Хайль Гитлер!..

(За дверями стоны и вой избиваемого старого солдата, крестьянина.)

АКТ ТРЕТИЙ

V. В психиатрической больнице

Психиатрическая больница. Врач просматривает присланные документы по делу Бетца.

Приводят Христиана Бетца, одетого в больничный костюм.

ВРАЧ. А-а-а... Ну, давайте присядем, дядя Бетц. Сначала маленькие формальности. (Читает по больничному листку.) Христиан Бетц, пятидесяти лет, крестьянин из Гаммерсбаха, под судом и следствием не был. Правильно?

БЕТЦ. Правильно.

ВРАЧ. Итак, дядя Бетц, давайте немного побеседуем о вашем деле и ознакомимся с состоянием вашего здоровья. Посмотрите на этот маленький молоточек. (Показывает молоточек для выслушивания, наблюдая за реакцией зрачков.) Вы это делаете очень хорошо, очень хорошо, а ну-ка, глядите в сторону, вверх, вниз... Как мы это великолепно умеем! (Диктует.) «Зрачки правый и левый равномерны и конвергенция». (Христиану). Так, а ну-ка вытяните руки перед собой, пальцы раздвиньте свободно... Очень хорошо.

(Врач делает общий осмотр Бетца.)

ВРАЧ (похлопав Бетца по плечу.) Ну, Бетц, вы хорошо сохранились для старого окопника. Так, — давайте теперь проверим, что еще уцелело у вас в голове от школьных знаний. Может быть, вы думаете, что я еще помню что-нибудь? Ничего подобного... Итак, сколько — шесть восемь?

БЕТЦ. Сорок восемь.

ВРАЧ. Хорошо. А теперь: сто восемь деленное на двенадцать?

БЕТЦ. Девять.

ВРАЧ. Великолепно. Как называется столица Франции?

ХРИСТИАН. Париж. Мы до него тогда немного не дошли...

ВРАЧ. Чудесно. А столица Голландии?

БЕТЦ. Голландии?

ВРАЧ. Ну, да, — откуда хороший сыр.

БЕТЦ. До нашего брата, господин доктор, он никогда не доходит.

ВРАЧ. Неплохой ответ,—даже остроумно. Какая разница между рекой и прудом?

ХРИСТИАН. Река — течет, пруд — стоит.

ВРАЧ. Отлично. А разница между покупкой и кражей?

БЕТЦ (помолчав). Разница не так уже велика.

ВРАЧ. Путаете, Бетц. При покупке человек осведомляется о цене товара, а при краже никто о цене не спрашивает.

БЕТЦ. Вот у меня никто о цене не спрашивал, когда землю забирали.

ВРАЧ (ассистенту). Запишите: «Пациент при испытании умственных способностей и школьных знаний не показал заметных провалов... зато констатируется отсутствие социальных понятий».

АССИСТЕНТ (записывая). «... социальных понятий»...

ВРАЧ. «Ясны признаки психического заболевания...» Все. (Бетцу.) Вам, значит, кажется, дорогой Бетц, что с вами поступили несправедливо?

БЕТЦ. Господин доктор, о чем же, о чем говорится в законе: «Не подлежат описи необходимые для ведения хозяйства крестьянина инвентарь и скот». И зачем нам обещали?.. Э, да все равно теперь.

ВРАЧ (ассистенту). Запишите это дословно. Крайне характерно это точное знание закона. Типично сутяжная форма. Так, дорогой Бетц, все поступали с вами несправедливо..

БЕТЦ (возбужденно). Разве это в порядке вещей, что здорового человека запирают в дом умалишенных?

ВРАЧ. Отчего вы кричите?

БЕТЦ (отчаянно). Право мое, право требую я. Того, что обещали нам! И ничего больше. Мое право и мою свободу... (Как-то осев.) Да что там, — вы все друг друга покрываете. Ничего не изменилось. (Сел, молчит.)

ВРАЧ. Вам кажется, что вас преследуют?

БЕТЦ. Нет, не преследуют, а обманули. У меня же в руках был закон...

ВРАЧ. Значит, вы поступили правильно, застрелив судебного исполнителя?

БЕТЦ. Я думал — он виноват... Нет, не то... Все не то...

ВРАЧ. Вот как!

БЕТЦ. Я прошу судить меня. Я буду на суде...

ВРАЧ. Вы просите, чтобы вас судили? Задумался. (Ассистенту.) Он прикрывает свою болезнь, — он симулирует здоровое состояние. Интересный случай.

(Входит охранник, с ним старшина и судебный исполнитель.)

ОХРАННИК (отдельно врачу). В Гаммерсбахе беспокойно. Лишние слухи... Перед подачей голосов это вредно. Полезно показать Бетца. Вы должны это устроить.

ВРАЧ (исполнительно). Я понимаю. Я постараюсь. (Охранник вышел. Врач к Бетцу.) Итак, Бетц, значит, вы чувствуете себя хорошо... Вы спокойны.

БЕТЦ. Да.

ВРАЧ. Смогли бы вы сделать прогулку?

БЕТЦ. Я бы не отказался... Но я... Я требую, чтобы меня судили.

ВРАЧ. Бетц, судят ведь только здоровых людей.

ХРИСТИАН. Тогда судите меня.

ВРАЧ. Значит, вы не больны?

БЕТЦ. О, боже мой... я заболел здесь!.. Вы думаете заживо похоронить меня здесь? Я хочу, чтобы на суде обо всем говорилось... Я хочу...

ВРАЧ (подойдя ближе с ассистентом и сестрами). Одну минутку, Бетц, это необходимо (Подшел со шприцем.) Так. (Служитель держит Бетца.) Одну минуту... (Врач впрыснул скополамин.)

ВРАЧ. Так... Посидите...

(Бетц постепенно впадает в безразличное состояние.)

ВРАЧ. Бетц, вы не будете наказаны.

БЕТЦ (типо покорно) «Не буду наказан»...

ВРАЧ. Бетц, сейчас мы выйдем к друзьям.

БЕТЦ. «К друзьям»...

ВРАЧ. Вы еще не вполне здоровы, Бетц, я буду с вами.

БЕТЦ. Да, да... «Буду с вами»...

ВРАЧ (ассистенту). Ну, он будет типер тих и послушен. Эта штука дей-

ствует... В конце концов он мог бы на- творить новых бед. Сейчас я запишу о необходимости проверки его реакций на месте преступления. *(Через плечо.)* Ну, как он?

АССИСТЕНТ. Спокоен, как младе- нец. *(Вытер слюну, стекающую с угла рта Бетца.)*

ВРАЧ. Ну, пошли... Бетц... Вы слы- шите... Бетц, вы должны повторять: «Спокойно, друзья, спокойно, все хоро- шо»... Повторите.

БЕТЦ. «Спокойно... друзья... спокой- но... все хорошо...»

(Бетца выводят из больницы. Он идет, повторяя: «Спокойно, друзья, спо- койно, все хорошо...» Охранник погля- дел на доктора. Оба улыбнулись.)

ОХРАННИК. Все будет хорошо.

VI. „Помощь крестьянам“

Деревня. По улице проходит глаша- тай: «Согласно приказа об описи про- дается с торгов имущество, принадле- жавшее крестьянину из Гаммерсбах Христиану Бетцу». Глашатай повторяет извещенье, удаляясь по улице. Анна складывает последние вещи. Дом Бетца совсем опустелый и осиротелый. Кучка молчаливых крестьян.

ГАНС *(входя)*. Вы вот отказались верить в то, что я говорил. Вы говорили, что Бетца могут судить и могут оправ- дать... А вот прочтите это... Это «ваш» же «Крестьянский вестник».

ШТРОБЕЛЬ *(взяв газету)*. «Обви- няемый в совершении заранее обдуман- ноно убийства крестьянин из местности Гаммерсбах Христиан Бетц передан пси- хиатрам, так как обнаружилось, что он страдает манией преследования...»

ГОЛОС. Может, это о ком другом речь идет? Бетц ведь был здоров.

МЮЛЛЕРФРИЦ. Он еще когда пар- нем был, мог любому в селе морду по- бить, а потом он служил в гвардии, туда брали самых крепких.

ОДНА ИЗ ЖЕНЩИН. Он же всег- да был такой смиренный.

ЛЕНЕ. «Страдает манией преследова- ния!».. Кто же кого преследует?.. А ведь если он среди сумасшедших, он действи- тельно рехнуться может.

ГОЛОС. Жаловаться надо... Где стар- шина?..

АННА *(держит последние вещи)*. Ти- ше, люди, не кричите, а то они за- гонят моего Христиана так, что он и не вернется никогда.

ЛЕНЕ. Наоборот, Анна, надо, чтобы все об этом говорили.

АННА. Молчи, он мой, Христиан... Не твоя о нем забота!.. Пусть они все забирают до последнего гвоздя, только бы они выпустили Христиана. Только бы отдали его мне...

ЛЕНЕ. Анна, опомнись!

АННА. Опомнитесь вы!.. Ведь я только и думаю о нем, и день и ночь о нем, все о нем... Люди, отдайте, верните мне Христиана. *(Она ползет на коленях перед соседями.)*

ЛЕНЕ *(поднимая ее)*. Анна, Анна, так мы никогда ничего не выпросим.

АННА. Ну, что тогда, добрые люди, что же мне делать?.. *(Штробель взмах- нул кулаком. Анна к нему.)* Только не говорите против начальства... Христиан так не любил этого...

ГОЛОС. Надо просить, чтобы стар- шина помог.

ДРУГОЙ ГОЛОС. Просить старши- ну... *(Люди затихают. Голоса: «Стар- шина идет!» Входит старшина с охран- ником.)*

СТАРШИНА. Почему так рано соб- рались?

ГАНС. У себя в доме разве мы не вольны?

СТАРШИНА. Я разговариваю с кре- стьянами, а не с чужими людьми. Я не думаю, чтобы таким вот туристам из города, как ты, нужно было покупать разный крестьянский инвентарь...

ГОЛОС. А где Христиан?

ВТОРОЙ ГОЛОС. Вернуть Бетца!

СТАРШИНА. Кто там кричит? Кто там беспокоится о том, о чем должен я беспокоиться! «Вернуть Бетца!» Что — я об этом не думал? А на что же я тут поставлен? Еще вчера я выхлопотал, и Бетца сюда вернули. Он сейчас будет здесь.

(Возгласы удивления. Испуганно-радо- стный вскрик Анны, которая кинулась благодарить старшину.)

СТАРШИНА. Слишком много лишних и подлых людей ходит здесь, всяких критиканов... Вы думаете, им действительно близка к сердцу крестьянская нужда? (*Грозно указывает на Ганса и Лене*). А наша жизнь тут. И вера тут. И каждый из нас сосед соседу и верный немецкий товарищ.

(*Входит Христиан. Возгласы... — Бетц безучастно прошел и сел на скамью.*)

СТАРШИНА. Вот дядя Бетц. Видите его? Вот он вернулся к нам. Попал Бетц в беду — как-нибудь устроим, а пока платить надо. Честный человек всегда платит. Правда, Бетц?

БЕТЦ. «Спокойно, друзья, спокойно»...

ОДНА ЖЕНЩИНА. У него страшные глаза!

СТАРШИНА. Начинайте, г-н судебный исполнитель.

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. Согласно приказу об описи имущества продается с торгов принадлежавшее крестьянину Христиану Бетцу имущество. Идет первый предмет. Мотыга подержанная. Вилы подержанные. Цена 1½ марки.

(*Толпе показывают жалкие остатки имущества Христиана Бетца. Котц внимательно осмотрел и пощупал мотыгу и вилы.*)

СТАРШИНА. Та-ак, правильно... Зачем торопиться... Сначала вещи посмотреть надо...

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. Полторы марки — раз.

ГАНС. Ну, разве не слышали: идет в продажу имущество Христиана Бетца.. Беспрецедентная возможность дешевой покупки... Ну, не бойтесь! С тем, кто купит по дешевке, ничего не случится. Таков закон. Он заботится о нас. А Христиан Бетц — сумасшедший.

ШТРОБЕЛЬ. Христиан!

ХРИСТИАН. «Спокойно, друзья, спокойно... Все хорошо»...

ЛЕНЕ. Бетц, что ты говоришь!

СТАРШИНА. Пусть Бетц говорит... Говори, дружок...

БЕТЦ. «Дружок»...

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. Прошу не мешать. Мотыга подержанная.

Вилы подержанные... И... люлька деревянная. Раз!

ШТРОБЕЛЬ. Люди, молчите.

ГОЛОС. Марка и пятьдесят один пфенниг!

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. Марка пятьдесят один пфенниг — раз!

БЕТЦ. «Спокойно, друзья, спокойно»...

ЛЕНЕ. Кто покупает — ну, выходи, выходи, попробуй... Кто сказал цену?

СТАРШИНА. Хочешь взглянуть — кто берет? Я беру.

МЮЛЛЕРФРИЦ. (*Становясь перед ним*). Лучше брось, старшина.

ХРИСТИАН. «Спокойно, друзья, спокойно». (*Старый крестьянин приподнялся*). Кто... что это?.. (*Христиан мучительно вглядывается в окружающее; на лице его какие-то проблески сознания*).

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ. Марка пятьдесят один пфенниг — два!

ХРИСТИАН (*увидев свое имущество, схватив мотыгу*). Да, да... Я... я знаю... Работать, мне сейчас... (*Увидев старшину*.) Старшина, это я — Христиан.

СТАРШИНА (*пытливо*). Ну, что, дружище?.. (*Положил ему руку на плечо и стоит, насторожившись, рядом*).

ХРИСТИАН. Да... «Спокойно, спокойно»...

СТАРШИНА. Правильно. Вот это немец. Хладнокровие.

ХРИСТИАН. Через месяц, через полгода — очередь дойдет до каждого.

СТАРШИНА. Ну, ну... Нечего тут. (*К судебному исполнителю*.) Давайте скорее.

ХРИСТИАН. Стой... (*Ища какие-то выражения*.) Ага... они что-то со мной сделали!

ЛЕНЕ. Что, Христиан?

(*Старшина оттолкнул Лене*.)

СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ (*старшине*). У меня время ограниченное. Марка пятьдесят один...

ХРИСТИАН (*глядя на судебного исполнителя*). А, вы тоже судебный исполнитель! Второй судебный исполнитель!

(И, держа мотыгу с блестящим от работы металлическим острием, старый крестьянин двинулся на исполнителя. Кто-то из женщин испуганно закричал.)

СТАРШИНА. Берегитесь, он сумасшедший!

(Некоторые попятились.)

МЮЛЛЕРФРИЦ. Он не сумасшедший. Что вы делаете с людьми!

СТАРШИНА. Ко мне!

ЛЕНЕ. Негодяй тот, кто у этого бедняка возьмет даже ломаную щепку! (К старшине, охраннику, судебному исполнителю.) Сажай меня, ну, ты, власть, бери, сажай!

ОХРАННИК. Взять сумасшедшего. (Два три человека осторожно подходят к Бетцу. Он видит черную форму. Эти его мучили и избивали!.. Он ударил охранника по лицу. Тот упал.)

ХРИСТИАН. Люди, слушайте... Я вам расскажу все.

АННА (воплем). Довольно-о! У него в самом деле помутился разум! Возьмите всю посуду, дом, все, все, но отпустите Христиана...

ХРИСТИАН. Зажмите ей рот. Я буду говорить.

(Старшина пытается уйти.)

ЛЕНЕ (старшине). Стоп, ты куда? Ты же собрал народ на торги. Ты же говорил всегда, что народный голос — это правда.

(Отдаленный звук тревожного колокола.)

ГОЛОС. Народ бежит из соседней деревни!

ХРИСТИАН. Торги! Пусть состоятся торги! Пусть больше здесь будет народу, чтобы каждый видел, что эти люди (указал на старшину и охранников) делают с крестьянами.

СТАРШИНА. Он же сумасшедший!

ХРИСТИАН (схватив старшину). Я сумасшедший? Я был и есть немецкий

крестьянин, старый солдат... Я всегда был здоров. Меня брали в солдаты, меня заставляли воевать, меня заставляли работать. Никто, никогда, ни разу в жизни не сказал, что я болен. Только по плечу похлопывали и говорили: «работяга».

(Рев толпы. Некоторые подступают к врачу.)

ВРАЧ. У него припадок!

ХРИСТИАН. Молчать! Люди!.. Товарищи! Я всегда был один. Теперь не оставляйте меня одного. (Он сделал несколько шагов к толпе.)

ВРАЧ. Спасайтесь! Он искушает всех! (Крики... Паника. Старшина вырвался и кинулся к двери. Звук тревожного колокола...)

ЛЕНЕ. К нам на помощь идут! (Люди соседней деревни подходят со старой крестьянской песней. Подоспевший охранный отряд останавливает крестьян. Залп.)

ХРИСТИАН (страдальчески). До каких же пор мучить нас будете!..

(Второй залп. И старый крестьянин, ветеран и настоящий немец, упал, как подрубленный дуб... Тишина. В разбитое пулей окно — из-за спин охранников — старшина.)

СТАРШИНА. Ну, где этот сумасшедший, где Христиан Бетц?

ШТРОБЕЛЬ. Я Христиан Бетц.

МЮЛЛЕРФРИЦ. (стоя на коленях у тела друга). Я Христиан Бетц.

ГАНС БЕТЦ. Я Христиан Бетц.

ЛЕНЕ. Я Христиан Бетц.

ГОЛОСА. И здесь... Гляди, ну!.. Я Христиан Бетц, я...

(Крестьяне поднимаются, ожесточенные, выкрикивая: «Я! Я! Я!» Они идут как живое воплощение мести, гнева и правды...)

Штуттгарт 1932.

Москва 1934/35.

Василий Иванович Чапаев

И. КУТЯКОВ

Семья Чапаевых

Василий Иванович Чапаев родился 28 января 1887 года в деревне Буданки Чебоксарской волости, Чебоксарского уезда, теперешней Чувашской республики¹⁾.

Дед его, Степан, мордвин, некогда крепостной крестьянин, постоянно проживал в деревне Буданки. Отец Чапаева и мать Екатерина были вынуждены в 1897 г. переехать в г. Балаково. Малоземелье заставляло Ивана Степановича еще до переселения заниматься отхожим промыслом — плотничеством.

Семья Ивана Степановича была большая. Она состояла из четырех сыновей—Михаила, Андрея, Василия, Григория и дочери Анны. На его иждивении находились и старики. Прокормить девять человек было очень трудно.

Весь земельный надел Ивана был равен двум десятинам плохой суглинистой земли. Заработок же на стороне в девяностых годах прошлого столетия был незначителен. Иван Степанович почти целиком тратил его на себя. В лучшем случае, проработав целый год на Волге, отец возвращался домой с десятком рублей в кармане. Бедность, нужда и унижения были постоянными спутниками детства будущего великого героя революции.

Ученье Михаила, Андрея и Василия в приходской деревенской школе было прервано переездом семьи в Балаково. Василий Иванович успел лишь научиться читать по складам.

1897 год был в Приволжье голодным годом. При переезде Чапаевым пришлось испытать много горя; дед и бабка не вынесли невзгод и вскоре же умерли.

Десятилетний Василий Иванович на всю жизнь запомнил этот год и все свое тяжелое детство. Впоследствии, в боевые дни гражданской войны, переезжая в темные осенние дождливые ночи по заволжским равнинам из одного партизанского отряда в другой на тройке дончаков, запряженных в ресорный тарантас, с группой ординарцев личного конвоя, любил он рассказывать своим ближайшим сподвижникам о своем прошлом житье.

«Детство мое, — говорил он, — было мрачным и тяжелым. Приходилось и голодать, и терпеть побои. По приезде в Балаково учиться не пришлось, — не было ни теплой одежды, ни средств. Так и пришлось остаться неучем.

Двенадцати лет отдал меня отец к купцу в мальчишки за кусок хлеба. Хозяин обещал отцу сделать из меня делового торгового человека, приказчика. Служил у него года два. Первое время подметал пол и мыл окна в магазине. Помогал на кухне стряпухам, носил воду и топил баню для купеческой семьи.

Работал я быстро, добросовестно. Купец стал доверять мне и сделал «повышение»: велел разносить мелкие покупки по домам покупателей. Доверие своего хозяина я оправдывал. За расторопность купец даже поставил меня за прилавок. Начал я торговать. Не хотел жульничать — отмеривал и взвешивал товар без обману. Смотрю — купцу это не по-

¹⁾ «Правда» от 17 декабря 1934 г.

нравилось. Начал он меня бранить и давать подзатыльники: не зевай, огломера убытку не бывает... Он показывал мне, как это нужно делать, но я нарочно становился непонятливым.

Отцу мой, Иван Степанович, хотя редко, но заглядывал в магазин — посмотреть, как торгует его сын «Васька». Бывало, постоит немного, выберет удобный момент, когда нет хозяина или старшего приказчика, подойдет ко мне и на ухо скажет: «Не обвешивай покупателей, не воруй, будь честен, Вася, как все мы, Чапаевы». После чего незаметно, потихоньку уходил из магазина. Отцовские слова я крепко запомнил.

За мой двухлетний труд хозяин не только не заплатил мне, но даже прекратил покупать одежду и обувь. Я стал опять ходить рваный. Не выдержал я и ушел от хозяина. Мне было уже около 15 лет, — не пропаду, нанялся на службу в харчевню за 3 рубля в месяц.

Поначалу я думал, что в чайной не воруют, что не все хозяева такие, как купец. Оказалось же, чтобы быть «шестеркой», половым, нужно также жульничать, обсчитывать пьяных рабочих, грузчиков и крестьян, приезжавших в Балаково продавать хлеб. Не по душе стало, но выхода не было. Зима. У отцов много, а хлеба нет.

Труд полового — как на каторге. С самого раннего утра до 2—4 часов ночи всегда бегом, мечешься от стола к столу и подаешь, что требуют.

Домой ночевать не ходил, нехватало сил, оставался спать на грязных столах, а то и на полу. С большим трудом проработал год. Зимой хозяин уволил меня, — не обманывал я посетителей, не давал ему поживиться трудовыми грошами.

Опять нужда, опять голод и холод заставили наняться к одному старому шарманщику подпевать песни. Голос был у меня сильный, брал высокие ноты и петь я очень любил. Двинулись мы из Балакова на Сызрань, Самару, а потом в Нижний-Новгород. Так бродяжил я со стариком и шарманкой около двух лет, но надоела мне эта канитель, и вернулся я к родным в Балаково.

В это время отец мой и старшие братья Михаил и Андрей плотничали. Пришлось подучиться у них, пойти по следам своего отца. Весной и летом в Балакове, на волжской пристани, работой завались, а вот зимой, как хочешь. Да и заработок-то был не больно велик. Семья большая. Нужда во всем. Поэтому вся наша семья — так заведено было — на зиму уходила на заработок в богатые села или в казачьи уральские станицы. Строили мы дома разным кулакам и богатым казакам. Плотник я был, скажу откровенно образцовый. Вся казачью область и Самарскую губернию исколесил и исходил пешком вдоль и поперек. Знаю эту местность, лучше не надо. Прямо скажу: могу безошибочно воевать с казаками без карты», — заканчивал свои рассказы Василий Иванович.

От плотничьего дела оторвала Чапаева мобилизация 1914 года.

За шесть лет до империалистической войны Василий Иванович женился на балаковской мещанке, а в 1910 году был призван на военную службу в пехоту. Со службы вернулся унтер-офицером.

Пошли дети: в 1912 г. — сын Александр (сейчас служит в Академии моторизации и механизации РККА), в 1913 г. родилась дочь Клавдия (проживает сейчас в Самаре) и в 1914 г. — сын Аркадий (сейчас оканчивает военную школу летчиков).

Чапаев крепко любил семью, был хорошим отцом. В быту, в работе — это особенно относится к периоду гражданской войны — не пил, не курил, не допускал в обращении с близкими грубостей, несмотря на то, что имел вспыльчивый характер. Он как-то располагал к себе всех соприкасавшихся с ним людей, вызывал у них симпатии, заставлял незаметно подчиняться его воле и чувствовать его превосходство.

В гостеприимной его квартире всегда толкался народ, а с началом гражданской войны его квартира, по существу, превратилась в лазарет, где находили пристанище больные и раненые товарищи.

Лжи, в чем бы она ни проявлялась, — в общественном ли деле, или в личной жизни, — он не терпел. И тогда бывал суров. Если кому удавалось хотя бы раз его обмануть, ввести в заблуждение, тот навсегда терял уважение и доверие Чапаева.

В денежном и вообще «материальном» отношении Василий Иванович был до болезненности щепетилен. Так, в 1918 году, когда разные конфискации, контрибуции и реквизиции очень часто производились «на-глазок», без описей, Василий Иванович никаких ценностей при себе не имел. Он даже не позволял хотя бы временно держать ценности в денежном ящике отрядов, а всегда старался золото, серебро, бриллианты немедленно сдавать в республиканское пугачевское казначейство, и обязательно под расписку.

Но вернемся к перенесенным главным событиям в жизни Чапаева, предшествовавшим Октябрьской революции.

В первые же дни мобилизации 1914 г. Василий Иванович был направлен в 1-ю армию генерала Ренненкампа. Много рассказывал он нам потом о боях с немцами на р. Неман. Два раза был ранен и несколько раз контужен. За боевые подвиги получил два георгиевских креста, медаль и произведен в подпрапорщики.

В 1915 году после ранения и лечения в лазарете Чапаев приехал в отпуск навещать свою жену, детей, которых крепко любил. Но, к большому своему несчастью и неожиданности, Чапаев не встретил дома того, к чему жадно стремился. В его семейной жизни получился надлом. Жена за время его отсутствия

увлеклась другим человеком. Потрясенный, он уехал опять на фронт.

Неудачно сложившаяся семейная жизнь, вся предыдущая тяжелая обстановка детства и жестокие бои мировой войны постепенно закалили волю Чапаева, сделали его человеком с железными нервами. Свою жизнь он за это время научился не жалеть.

В окопах многое пришлось передумать ему, и еще больше наслушался он о героических подвигах Степана Разина, Пугачева, Гарибальди. Кое-что удалось узнать и из книг. По-настоящему читать выучился он в окопах.

В конце 1916 года Василий Иванович получает свое последнее ранение в мировой войне и в звании подпрапорщика эвакуируется в один из госпиталей Саратова, где и состоял на излечении вплоть до Февральской революции 1917 г.

В те месяцы в Саратове подвизалось много партий, начиная с так называемой партии «народной воли» (кадетской) и кончая анархистами разных оттенков.

Василий Иванович очень чутко прислушивался ко всем митинговым воплям и тщательно изучал партийные программы. В кадетках, эсерах и меньшевиках он сразу распознал буржуазную природу. Партию же большевиков он считал рабочей, своей партией. Но ему одно у большевиков было не по душе, — это их железная ленинская дисциплина: «вроде приказа свыше», как он тогда выражался. То, что в Питере и в Москве хорошо, то для Саратова плохо, — так рассуждал он. Поэтому Чапаев, преданнейший революционер, но не изживший в себе мелко-

В. И. Чапаев
1919 г.

буржуазных иллюзий, присоединился к группе саратовских анархистов-коммунистов, в практической же работе, то-есть при голосованиях на митингах и пр., Чапаев всегда поддерживал большевиков. Официально он вступил в РКП(б) лишь в 1919 году, перед наступлением адмирала Колчака на Волгу.

Старший брат Василия Ивановича, Михаил, живший тогда в Казани, тоже сочувствовал большевикам. (В настоящее время Михаил Чапаев работает слесарем в Сталинграде.) Андрей, участник японской войны, без вести пропал во время революции 1905 года. Младший брат, Григорий, солдат мировой войны, сразу же вступил в РКП(б). Он героически погиб на посту балаковского военного комиссара 9 февраля 1918 года в момент подавления купеческо-офицерского восстания.

Василий Иванович оставался в Саратове до момента июльского восстания рабочих в Петрограде.

Когда после июльских событий волна юнкерских карательных отрядов прокатилась и по городам Поволжья, он уехал в большевистски настроенный Пугачевск. Здесь уездный комитет партии большевиков, во главе с солдатом Вениамином Ермощенко, распропагандировал против правительства Керенского местный гарнизон, состоявший из 138-го запасного пехотного полка. Солдаты повыгоняли из полка всех офицеров. Василий Иванович Чапаев попал сразу в родную революционную стихию. Солдаты единогласно выбрали его командиром полка. Пугачевский комитет партии большевиков во главе с тов. Ермощенко утвердил анархиста-коммуниста Чапаева в этой должности.

В это время Василий Иванович узнал, что его жена, оставив троих детей у деда — Ивана Степановича, уехала с другим мужем в Сызрань.

Чапаев сходится с крестьянкой села Березова, Пугачевского уезда, Пелагеей Каясовой, которая была женой его близкого друга, убитого на его глазах в мировую войну. У нее было двое детей, да у Чапаева трое. Таким образом, создалась новая большая семья.

Чапаев — организатор Красной гвардии

Октябрьская революция в городе Пугачевске прошла бескровно. Все было заранее подготовлено гарнизоном. Местный партийный комитет организовал уездный совет народных комиссаров. Но скоро пугачевские эсеры и кадеты, комитеты которых обособились в помещении земской управы, выпустили воззвание к населению уезда, призывавшее к вооруженному восстанию против советской власти.

Председатель совнаркома, Вениамин Ермощенко, поручил Василию Ивановичу разогнать всю эту буржуазную банду и арестовать вожаков. Чапаев лично с группой солдат запасного полка незамедлительно провел в жизнь это поручение.

На следующий день пугачевская буржуазия пустилась на провокацию: раздался набат со всех церквей города, и множество людей собралось на Соборной площади. Василий Иванович как начальник гарнизона явился на Соборную площадь во-время, и не один, а с полковой пулеметной командой. Без предупреждения он открыл огонь из трех пулеметов... но не по собравшейся толпе, а по куполу каменного собора. Конечно нервы защитников Керенского и учредительного собрания не выдержали, и все «повстанцы» в панике разбежались.

На этом, собственно, кончилось всякое открытое сопротивление советской власти со стороны пугачевской буржуазии.

Политико-моральное состояние солдат 138-го полка в это время было неважное. Кулачье дезертировало. Середняки требовали демобилизации. Беднота и батраки, которым некуда и не к чему было уходить, спокойно подчинялись энергичному, открытому, честному Чапаеву. Они всей душой стояли за большевиков.

Василий Иванович решил тогда поставить перед уездным совнаркомом вопрос о демобилизации всех солдат 138-го запасного полка и о создании вместо него Красной гвардии из рабочих и батраков

этого же полка, но на добровольных началах.

Тов. Ермощенко 17 декабря 1917 г. на 3-м уездном съезде советов провел этот вопрос в жизнь. Чапаев в течение нескольких суток создал отряд Красной гвардии в 800 штук.

Бежавшие из Пугачевска в села кадеты и эсеры, а также вернувшиеся с оружием в руках с фронта кулацкие сыновья, не теряя времени и следуя примеру большевиков, скрыто приступили к организации белой гвардии. Близилась первая грозная раскаты гражданских битв. И, действительно, в январе 1918 года вблизи границы земель Уральского казачьего войска, на восточной окраине Пугачевского уезда, в крупном кулацком местечке — в Большой Глушице — вспыхнуло восстание против советской власти. Руководители восстания — офицеры, купцы и эсеры, — арестовав членов местного совета и убив многих активистов, объявили, что район Большой Глушицы не подчиняется пугачевской власти.

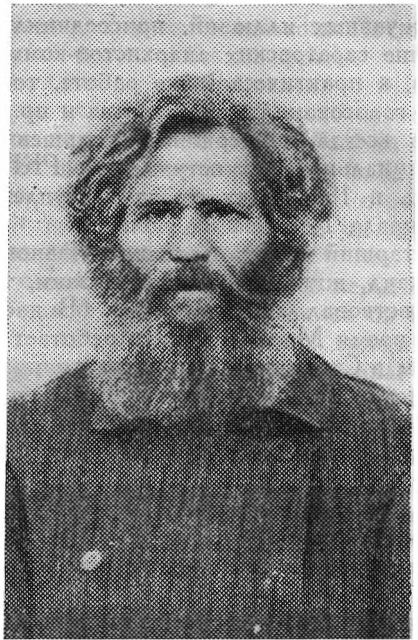
400 бойцов во главе с Чапаевым отправившись в Глушицу бить белогвардейцев. Отряду предстоял 80-километровый поход. Январские вьюги и бураны не остановили стремительного движения чапаевского отряда. Через двое суток на рассвете Василий Иванович был на месте назначения. С четырех сторон налетом вошли красногвардейцы в Большую Глушицу с небольшой ружейно-пулеметной перестрелкой.

Кулацкие и купеческие сынки побросали оружие, сдались на милость чапаевцев. Главари восстания были арестованы, советская власть восстановлена.

Глушицкая операция сопровождалась одним очень важным обстоятельством: на всем пути своего движения Чапаев отбирал у фронтовиков-кулаков оружие и создавал красногвардейские отряды из бедноты и батраков.

Не менее энергично и политически осмысленно провел Василий Иванович подавление восстаний в местечке Марьевке, под Самарой, в селе Хворостянке и Больших Луках.

Отряд Чапаева поспевал всюду. Василий Иванович накладывал большие

Иван Степанович Чапаев
(отец В. И. Чапаева).

контрибуции на богатеев как деньгами, так и хлебом. Хлеб отправлялся пугачевским партийным комитетом для питерских и московских рабочих.

Смелые январские марши Василия Ивановича не только терроризировали кулаков, но и воодушевляли все бедняцко-батрацкое население уезда на дальнейшую борьбу с буржуазией.

Во всех селениях Пугачевского уезда, как грибы после теплого дождя, создавались отряды Красной гвардии. Чапаев звал крестьянскую бедноту и батраков записываться в отряды, назначал командиров, инструктировал, как лучше бороться с кулацкими восстаниями. Собирает вокруг себя ядро беззаветных храбрецов, борцов за Октябрьскую революцию.

Вот почему не только тогда, но и теперь имя Чапаева вспоминается с горячей любовью всей беднотой и рабочими Заволжья.

Пугачевский уезд был родиной славы Чапаева. Авторитет его рос сказочно быстро. Имя его начинало шуметь в гуле гражданской войны.

В результате рейдов отряда Чапаева по селам и деревням Пугачевского уезда были созданы следующие десять красногвардейских отрядов:

Духовницкий отряд тов. Баулина — 600 штыков,

Липовский отряд тов. Шевелева — 600 штыков,

Горяинский отряд тов. Степанова и Чуркина — 400 штыков,

Хлебновский отряд тов. Бубенца — 200 штыков,

Новозахаровский отряд тов. Кутякова — 200 штыков,

Сулацкий отряд тов. Пясунова и Топоркова — 600 штыков,

Перекопновский отряд тов. Рязанцева — 300 штыков.

Студенецкий отряд тов. Потапова — 200 штыков,

Семеновский отряд тов. Киндюхина — 200 штыков,

Порубежский кавалерийский отряд тов. Сурова — 200 сабель.

Кроме того, в распоряжении местных сельских и деревенских советов имелись маленькие отряды по 20—40 бойцов. Оружие и патроны отбирались у фронтовиков, но в большей своей части были получены Чапаевым от рабочих Иващенских заводов и рабочих Саратова.

Впоследствии все эти большие и малые отряды послужили основным ядром для формирования знаменитой 25-й стрелковой Чапаевской дивизии.

9 февраля 1918 года в Балакове фронтовики, сыны купцов и кулаков, под руководством эсеров капитана Растяпина и прапорщика Иванова подняли восстание. Около 11 часов дня вооруженные белогвардейцы собрались в большом количестве на базарной площади.

Военный комиссар Балакова, Григорий Иванович Чапаев (брат Василия Ивановича), с группой красногвардейцев в 15 человек явились на площадь для водворения революционного порядка. Начувшие горьким опытом, восставшие сразу же открыли огонь по красногвардейцам. Григорий Чапаев получил тяжелое ранение. Его потом зверски мучили и пристрелили. Остальные бойцы были частью убиты, частью скрылись.

Посланная подмога в количестве 20 коммунистов под командой тов. Стучко оказалась бессильной перед подавляющим числом восставших. Тов. Стучко был ранен.

Окрыленные временным успехом, эсеры захватили здание балаковского совета, арестовали членов совета и коммунистов, жестоко их избили, а более активных порасстреляли. Но им зато не удалось утвердиться на пролетарских окраинах Балакова, где были расположены мелкие заводы и мастерские. Вооруженные рабочие окраин отказались признать власть купцов, кулаков и офицеров.

Все уцелевшие коммунисты города собрались здесь. Первое время для оттяжки времени велись переговоры с восставшими, потом началась перестрелка, которая длилась с переменным успехом несколько дней, вплоть до прихода в город пугачевских отрядов Чапаева, Рязанцева и Пясунова, посланных 10 февраля тов. Ермощенко на помощь балаковским пролетариям.

На пути в город Чапаеву пришлось несколько задержаться в селе Березове, где кулачье под руководством офицера Волкова и Кондратьева подняло восстание. Тов. Ермощенко направил сюда из Сулака отряд тов. Топоркова, который в ночь на 10 февраля занял село, но контрреволюционеры в ночном бою разбили красных. Топорков попал в плен к восставшим.

На другой день на рассвете Чапаев атаковал село и разбил наголову дружину березовских кулаков. Удар был сделан настолько быстро, что кулачье не успело даже расстрелять т. Топоркова, которого Чапаев освобождает, сильно избитого, из плена.

Заночевав с отрядом в Березове, Василий Иванович на другой день создал совет и наложил на кулаков контрибуцию в несколько сот тысяч рублей. Оставив часть своих бойцов в распоряжении сельсовета, сам он 12 февраля двинулся в Балаково.

В это время из Сулака на помощь балаковским рабочим маршировал второй отряд, под командой т. Рязанцева. 13 февраля оба эти отряда, под общим командованием В. И. Чапаева, атаковали

город с востока и юга. Как только подошла помощь, вооруженные рабочие Балакова во главе с тт. Сергеем Захаровым, Шкарбановым и Зубаревым перешли в наступление. Успех не заставил себя долго ждать. Восставшие разбежались в разных направлениях. Красногвардейцы их преследовали. Потери у восставших были огромны.

Местная буржуазия поплатилась контрибуцией в полтора миллиона рублей. В результате победы в городе были созданы три новых красных отряда из рабочих и грузчиков под командованием тт. Шкарбанова, Горячкина и Зубарева, послужившие потом основой для создания Вольско-Инзинской стрелковой дивизии.

Военным комиссаром вместо героически погибшего Григория Чапаева был назначен Сергей Захаров.

15 февраля с большими почестями похоронили Григория Ивановича Чапаева. Все красногвардейские отряды во главе с Василием Ивановичем сопровождали на кладбище тело покойного.

Каждый новый день приносил вести о все новых и новых восстаниях и заговорах. В Липовской волости власть перешла в руки кулаков. Тов. Шевелев, руководитель местных красногвардейцев, не выдержав удара кулацких дружин, с боем отступил из Липовки в город Духовицы, чтобы присоединиться к отряду т. Баулина. Получив об этом известие, Пугачевский совет народных комиссаров 1 марта 1918 г. за подписью т. Ермощенко издал приказ:

«Ввиду возникшего в Липовском районе, Николаевского уезда, явно контрреволюционного восстания, закончившегося убийством некоторых руководителей местных Советов, Совет Народных Комиссаров объявляет, что с 1-го сего марта, впредь до особого распоряжения, Липовский район **ОБЪЯВЛЕН НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ.**

Для подавления контр-революционного восстания мобилизуется вся Красная Гвардия Липовского района. **ВСЯ ВЛАСТЬ В ЭТОМ РАЙОНЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ВОЕННОМУ КОМИССАРУ ЧАПАЕВУ, КОМАН-**

ДИРОВАННОМУ СОВЕТОМ ДЛЯ ПОДАВЛЕНИЯ ВОССТАНИЯ.

ВСЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЭТОГО РАЙОНА ПОДЧИНЯЮТСЯ ЕГО РАСПОРЯЖЕНИЯМ.

МЕСТНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ также обязаны беспрекословно подчиняться всем распоряжениям Военного Комиссара **ЧАПАЕВА.**

Неподчиняющихся его требованиям, сопротивляющихся Сов. власти немедленно арестовывать и под усиленным конвоем отправлять в Николаевск.

Всех виновных в контр-революционном восстании арестовывать и под усиленным конвоем отправлять в Николаевск, а сопротивляющихся и противодействующих расстреливать».

Василий Иванович немедленно с отрядом выступил из Пугачевска в Липовку. К этому времени имя его, как стража революции уже гремело далеко за пределами Пугачевского уезда и проносилось беднотой с гордостью, а буржуазией с ненавистью и страхом. Где бы ни появлялся Чапаев, он всюду победоносно грошил кулацкие дружины.

В течение десяти суток Чапаев возобновил завоевания революции на территории всей Липовской волости и укрепил боеспособность местных красногвардейцев. Взятые им, кроме денег, сто тысяч пудов хлеба он доставил в Пугачевск для дальнейшей отправки голодающим рабочим Питера и Москвы. Революционное самосознание его росло. Действия его постепенно выходили далеко за пределы местных интересов.

Кулачество Пугачевского уезда на протяжении зимы 1918 года энергичными действиями отрядов Красной гвардии тов. Чапаева было усмирено.

Первый поход на Уральск (с 1 по 10 мая)

Поводом к началу гражданской войны с уральским казачеством послужили следующие две причины: илецкие казаки целиком уничтожили в начале марта 1918 г. самарский отряд Красной гвардии и 29 марта эсерами и офицерством

г. Уральска был разогнан местный совет рабочих, солдатских и киргизских депутатов.

Контрреволюционная сущность этих событий была совершенно ясна. Саратовский совет вынужден был послать ультиматум вновь образованному в Уральске войсковому правительству со следующими требованиями:

а) уральское войсковое правительство должно в письменной форме подтвердить, что оно признает Совет Народных Комиссаров верховной властью Российской Федеративной Социалистической Республики;

б) немедленно восстановить разогнанный и частью арестованный Уральский совет;

в) изгнать пришлый элемент из Уральской области, как-то: контрреволюционное офицерство, буржуазию и помещиков.

Уральское правительство офицеров, помещиков и казаков этот ультиматум конечно отвергло. Тогда Саратовский совет отдал приказ:

1) Прекратить всякое железнодорожное и телеграфное сообщение с Уральской областью.

2) Назначить т. Загуменного командующим особой армией для действия против белого уральского казачества.

С середины апреля 1918 г. на границе земель Уральского казачьего войска начались столкновения красногвардейских отрядов с офицерскими дружинами уральского белого правительства.

Пугачевский отряд Чапаева в количестве 700 бойцов при 4 орудиях и 20 пулеметах первый вступил в бой с казаками у хутора Бенордак, где одержал блестящую победу. Казаки в панике отступили с территории Пугачевского уезда. Батраки имения Бенордак в количестве 250 человек добровольно вступили в отряд Василия Ивановича.

К концу апреля вся Саратовская «особая армия» в количестве 4 тысяч бойцов, 18 орудий, 110 пулеметов сосредоточилась на станции Озенка. Не дремало и белое уральское правительство, подтянувшее к этому времени все свои офицерские части к пограничной станции Семиглавый Мар. Первыми перешли в насту-

пление красногвардейские отряды «особой армии». Это было 1 мая. В авангарде отрядов, совершая блестящий маневр, шел отряд Чапаева. Казаки отступили. Станция Семиглавый Мар перешла к нам. 3 мая Чапаев занял ст. Шипово, а на другой день ст. Деркул. До Уральска оставалось 70 километров.

Но неожиданным налетом в тыл армии казаки 5 мая вновь захватили ст. Семиглавый Мар. Отрезанная от Саратова, вся армия красногвардейцев осталась без боеприпасов и пищи.

Командующий тов. Загуменный приказал начать отход на ст. Алтата (Дергачи). Если при наступлении на Уральск Чапаев со своим отрядом находился в авангарде, то при отходе на него была возложена задача прикрывать отступающую армию. Василий Иванович и эту роль блестяще выполнил. С небольшим числом бойцов он отражал многочисленные атаки во много раз превосходящего по силе врага. Благодаря ему Саратовская особая армия благополучно отошла на линию Алгай—Новоузенск—Алтата—Семеновка—Вязовка—Любичское.

Второй поход на Уральск (с 12 июня по 12 июля)

Неудачи первого похода на контрреволюционный Уральск властно заставили всех командиров волостных и сельских красногвардейских отрядов, хорошо знавших Чапаева, выступить ему на помощь для борьбы с белым казачеством.

25 мая в с. Любичком Василий Иванович на совещании командиров красногвардейских отрядов сделал доклад о причинах поражения. Чапаев убедил присутствующих, что разрозненные действующие мелкие отряды Красной гвардии не сумеют обеспечить победу советской власти. Он предложил слить все мелкие отряды в батальоны, полки и бригады с единой системой подчинения командующему армией.

Предложение Чапаева было единогласно принято. Отряды Кутякова, Бубенца, Степанова, Чуркина, Киндюхина влились тремя батальонами, пешей и конной разведкой, в отряд Чапаева, составив в целом 2-й полк имени Степана Разина.

В 1-й полк им. Пугачева, под командованием т. Топоркова, вошли отряды Плясункова, Рязанцева, Потапова, Баулина.

Два эти полукрасноармейские-полупартизанские полки были сведены в Пугачевскую бригаду, командиром которой был избран всем начсоставом Василий Иванович Чапаев.

Мы не будем описывать всю сложность оперативной обстановки второго похода на Уральск, а также героизм, упорство и находчивость, проявленные в этих боях бригадой и лично самим Василием Ивановичем¹⁾.

Отметим здесь только, что 4-я Красная армия, в которую входила бригада Чапаева, в течение трех суток (с 6 по 10 июля) обстреливала Уральск из артиллерии. Этот факт имел громадное психологическое значение для уральской буржуазии.

Столица казаков не была взята только потому, что командарм 4, беспомощный и выживший из ума старик, бывший полковник генштаба Ржевский, так отвратительно разработал операцию, что части его армии, подошедшие к Уральску, оказались без патронов, снарядов и пищи. Да и тыл армии к тому же был очень плохо прикрыт, так что казачьему полковнику Мартынову с шестью сотнями казаков без особых трудов удалось захватить позади нас станции Деркул и Семиглавый Мар. Этот рейд лишил части 4-й Красной армии возможности подвоза огнеприпасов и продовольствия.

В самый критический момент, когда особенно остро армия нуждалась в единой воле, командарм Ржевский симулирует болезнь и переселяется на жительство в лазарет. Командиры всех частей собрались тогда на совещание в полевом штабе армии, где Чапаев решительно потребовал отхода всех частей армии в исходное положение. Молча все с ним согласилось. 10 июля Чапаев на правах командарма приводит это решение в исполнение. Отход производится в невероятно трудных условиях. Огромные

массы конницы казаков окружили кольцом всю армию, атаки производились ими по нескольку раз в сутки.

Чапаев появлялся в самых опасных местах боя на своем любимом рыже-золотистом коне, и красные части победоносно отбивали наскоки казаков. Свою бригаду он оставил для прикрытия отступления всей армии.

На протяжении двух суток части 4-й Красной армии под руководством Чапаева без сна и пищи отражали казачьи лавы. Василию Ивановичу удалось не только вывести 12 июля войска из окружения казаков, но и нанести серьезные удары противнику: взорвать бронепоезд и захватить бронемашину.

Спасение армии от физического уничтожения было обязано исключительно большому военному таланту и храбрости Чапаева.

Борьба Чапаева с чехословаками

Чехословаки, занявшие 8 июля 1918 года Самару, проявили активность не только в направлении Оренбург — Уфа — Челябинск, но и на юг — вниз по Волге к Саратову и Пугачевску.

Строго говоря, подобное развешивание операции на такой огромной территории, с восемью тысячами человек, являлось стратегической бессмыслицей. Но руководители чехословацких легионов авантюрист Гайда¹⁾ и капитан Чечик были наймитами и игрушкой в руках империализма. Им было приказано действовать одновременно в восточном и южном направлениях для того, чтобы, с одной стороны, поднять в Сибири восстание кулачества и контрреволюционного офицерства, а с другой — очистить левый берег Волги от 4-й Красной армии, т.е. захватить территорию Пугачевского и Новоузенского уездов, которые являлись источником формирования и пополнения всех красных партизан Средней и Нижней Волги.

¹⁾ Подробные сведения об этом походе имеются в книге И. Кутякова «С Чапаевым по уральским степям». 1928 г.

¹⁾ Генерал Гайда, военнопленный чех, фельдшер по профессии, при восстании чехословацкого корпуса выдал себя за офицера. За жестокость к русским рабочим и беднейшему крестьянству русская буржуазия и адмирал Колчак произвели его в генералы белой армии.

Такая установка позволяла врагу надеяться на создание единого реакционного фронта Оренбургского, Уральского и Астраханского казачества, политически укрепляла власть так называемой самарской «Учредилки» и давала возможность в ближайшем будущем приступить к созданию «народной» кулацкой армии.

Бригада Чапаева, вернувшаяся 15 июля измученной и подавленной из второго уральского похода в район Пугачевска, нуждалась в продолжительном отдыхе от боевого напряжения и понесенных потерь. Нужно было залечить раны.

Но чехословацкие легионеры вместе с кулацко-офицерскими отрядами самарской «Учредилки» мешали передохнуть бригаде Чапаева. Особенно напряженной обстановка была в районе Пугачевска. Василию Ивановичу пришлось немедленно бросить свои войска в жестокие упорные бои с отечественными и иностранными врагами советской власти.

В этой борьбе Чапаев проявил громадную энергию и героизм. Своим энтузиазмом и волей он умел зажигать бойцов, готовых идти за своим бесстрашным полководцем с открытыми глазами на смерть. О гранитную скалу его бойцов враги с треском разбивали свои головы.

В этой неравной борьбе с врагом Чапаев проявил в полной мере свой огромный военный талант, показал гибкость ума, находчивость и сообразительность. С ним считались не только подчиненные командиры, но и высшее армейское начальство, которое посылало Чапаеву за блестящие успехи благодарственные телеграммы.

В этот период борьбы Чапаев, по существу, был центральной военной фигурой всего левобережья Волги. Он это знал. Ему об этом говорили. На него с надеждой и восторгом смотрели не только войска, но и все беднейшее население обширного района. Но большой ум и опыт не кружили Чапаеву головы, он хорошо сознавал всю свою ответственность. Проиграй он операцию, отдай Пугачевский район врагу, Чапаев

сразу потерял бы все обаяние и авторитет и у командиров, и у бойцов, и у населения. Все тогда висело на волоске. Малейшая слабость перед врагом имела бы неисчислимые последствия.

От Чапаева масса требовала мудрости, энергии, изворотливости и сообразительности; рабочие и беднейшее крестьянство требовали победы над врагом. Чапаева это воодушевляло, и он разил всех, кто грозил революции.

А между тем Василий Иванович со всеми своими войсками был, по существу, со всех сторон отрезан от центра. В тылу повсеместно подымались кулацкие восстания. С севера наступали чехословаки и «народная» армия «Учредилки». С востока двигались полки уральских и оренбургских казаков. Кольцо.

В этот сложный и ответственный момент гражданской войны, когда армия революции только-что становилась на ноги, Чапаев по необходимости применял в большинстве случаев партизанский метод ведения войны. Благодаря этому методу он предотвратил захват Пугачевска. В момент победоносного шествия чехословаков на Саратов, когда были взяты Балаково и Вольск, метод этот также оправдал себя. Да другого на этом участке борьбы и не могло быть тогда. Но, как только обстановка менялась, Чапаев тотчас же, подчиняясь директивам штаба 4-й армии, менял и тактику.

Чтобы точно уяснить роль Чапаева в этот период, нужно одно запомнить и усвоить: когда обстановка на фронте спокойна, тогда Чапаев командует бригадой, а как только назревал кризис в боях, грозивший превратиться в катастрофу фронта, Василий Иванович автоматически превращался в командующего войсками.

Мы не будем описывать все бои, происходившие на левом берегу Волги с чехословаками и с армией самарской «Учредилки», которые пришлось вести Чапаеву в июле, августе, сентябре 1918 г. Остановимся лишь на тех операциях, которые имели доминирующее значение для удержания нами левобережья Волги.

Захват чехословаками г. Пугачевска

К 19 августа группировка войск боюющихся сторон имела следующий вид: против десяти тысячной армии «Учредилки», расположившейся в районе Вольска, Духовницкого и Липовки, действовала на фронте от села Ливенки до Алексеевки Балаковская бригада тов. Шкарбанова.

Пятитысячная группа чехословацких легионов капитана Чечика занимала район Марьевка — Ивантеевка.

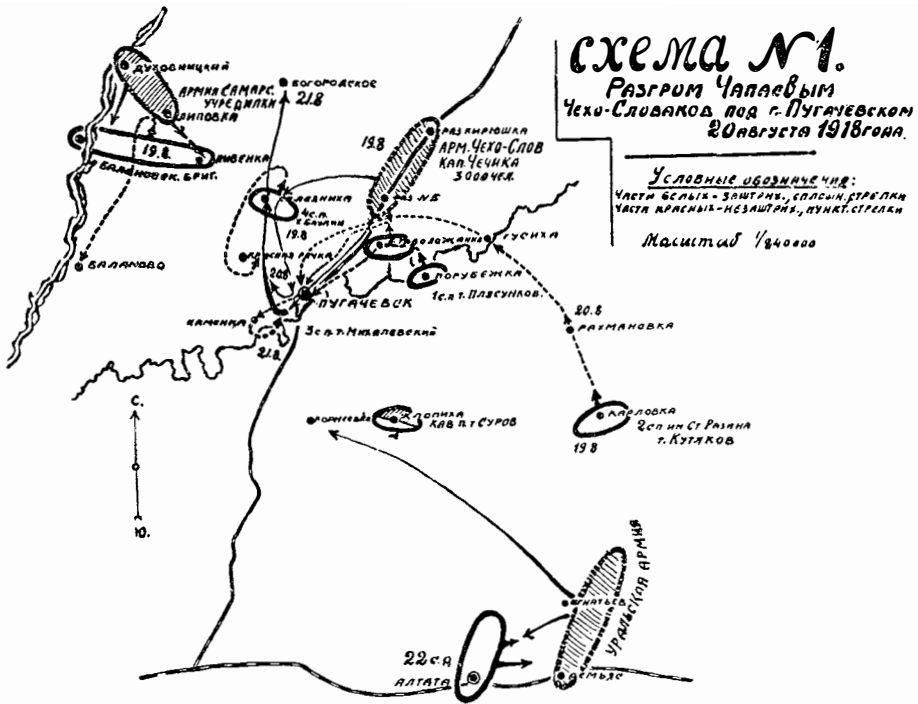
1-я Самарская дивизия (впоследствии 25-я Чапаевская) тов. Захарова, прикрывавшая Пугачевск с востока от уральских казаков и с севера от чехословаков, была разбросана по очень

Части эти вели небольшие разведывательные бои с противником.

Чапаев, по существу, был дипломатически устранен в это время от командования бригадой, которая получала непосредственные боевые задания не от него лично, а от штаба дивизии. Он предпочитал поэтому до поры до времени находиться в Пугачевске.

20 августа армия «Учредилки» перешла на всем фронте в решительное наступление, отбросив Балаковскую бригаду тов. Шкарбанова на левый берег реки Малый Иргиз в районе села Натальино.

Войска капитана Чечика в ночь на это же число атаковали из района Иван-

большому фронту длиной в 150 километров. В частности: 2-й кав. полк тов. Сурова занимал с. Клопиху, 2-й Степана Разина полк т. Кутякова — с. Карловку, 1-й Пугачевский полк т. Плясунова — с. Порубужьку, 3-й Николаевский полк т. Михалева — с. Таевожанку, 4-й Николаевский полк Баулина — с. Селезниху¹⁾.

теевки полки тов. Баулина и тов. Михалева.

Не выдержав удара чехословацких легионов, 4-й полк в беспорядке отступил в с. Красную Речку, а 3-й, почти разбитый, в панике отшел через Пугачевск в район сел Каменки и Толстовки.

Отход 3-го т. Михалева полка был настолько стремителен, что остались неэвакуированными все советские учреждения г. Пугачевска. Даже местные ответ-

¹⁾ См. схему № 1.

ственные работники не успели покинуть город. Чехословаки в тот же день заняли Пугачевск — базу и политический центр дивизии.

Начдив тов. Захаров распорядился, чтобы 1-й Пугачевский (т. Плясунков) и 2-й Степана Разина полки (т. Кутяков) снялись с занимаемых ими позиций и двинулись форсированным маршем через село Давыдовку на захваченный чехословаками Пугачевск.

В это время в село Порубежку, в распоряжение 1-го полка, прибыл на тройке с группой ординарцев комбриг тов. Чапаев.

Тов. Плясунков доложил Василию Ивановичу, что его полк ведет вторые сутки бой с отрядом чехословаков, которые на рассвете, с целью занять Порубежку, захватили переправу через реку Большой Ирғиз и что распоряжение тов. Захарова о марше через с. Давыдовку на Пугачевск безусловно повредит нам: чехословаки заметят наш отход и начнут преследовать полк, тогда может получиться обратная картина: не мы чехов атакуем в Пугачевске, а они атакуют нас в Давыдовке. И Плясунков спросил: «Что прикажете делать, Василий Иванович?»

Чапаев решительно приказал распоряжение начдива не выполнять, приступить к боям за возвращение переправы через реку Большой Ирғиз, и к тому времени, когда полк Стеньки Разина обойдет чехов с тыла, совместно с ним атаковать противника в селе Таволжанке.

Когда разинцы шли на Давыдовку, к командиру полка т. Кутякову на галопе прискакал гонец Чапаева с приказом, в котором указывалось:

1) приказ начдива т. Захарова, как никуда не годный, не выполнять: лобовая атака Пугачевска невозможна, так как при господстве правого берега Ирғиза над левым, отсутствии бродов и захвате чехословаками единственной переправы у каменной плотины форсировать эту водную преграду не представляется возможным.

2) Кутякову со своим полком немедленно двигаться через с. Гусиху в тыл

чехословакам с задачей атаковать противника с севера в районе занятого им села Таволжанки и далее наступать на Пугачевск.

3) Сам Чапаев будет все время находиться при Пугачевском полку и только после того, как Кутяков совершит марш-маневр в тыл чехословакам и начнет бой, только тогда Чапаев лично поведет в атаку Пугачевский полк на с. Таволжанку и далее на Пугачевск.

20 августа, около 14 часов, благодаря блестящей демонстрации Пугачевского полка, руководимого лично Василием Ивановичем, полк Степана Разина, отделенный всего двумя километрами от тяжелой батареи чехословаков, ведущей огонь по Пугачевскому полку, вошел с севера в тыл Таволжанки. Воспользовавшись удобным моментом, т. Кутяков приказал командиру батареи т. Рапеевскому открыть беглый огонь по тяжелой батарее противника.

Батарея разинцев на полном галопе вынеслась вперед, снялась с передков и прямой наводкой первым же залпом окатила картечным огнем орудия чехов.

Внезапность рождает ужас, панику и бегство. Так случилось и здесь. Прислуга чехов бросилась бежать к прикрытию. Не медля ни минуты, эскадрон и три батальона разинцев с криком ура бросились в атаку. Прикрытие вместе с прислугой было уничтожено.

В это время Чапаев с Пугачевским полком перешел в лобовую атаку на основные силы чехов. Ни один чехословак не спасся. Бригада Чапаева в плен не брала. Таволжанка была занята. Наступил вечер. Поле было усеяно трупами солдат противника. Мы потеряли 80 человек убитыми и ранеными. Тов. Кутяков получил сильную контузию. Разинцы захватили 4 тяжелых орудия, 60 пулеметов, большое количество винтовок и обоз с огнеприпасами.

Несмотря на сильную усталость бойцов, Чапаев категорически приказал бригаде продолжать усиленное движение вперед на Пугачевск. Около часа ночи полки достигли с. Пузанихи, задержавшись здесь из-за сильной темноты на два часа.

Разведка у обеих борющихся сторон отсутствовала. Густая ночь должна была служить лучшим прикрытием! Только счастливая случайность и расторопность командира 2-го батальона Рабинского полка т. Бубенца вывели Чапаевскую бригаду в эту темную ночь из гибельного положения. Дело в том, что во время двухчасового привала вплотную к бригаде приблизился полк чехословаков, зашедший к нам в тыл со стороны с. Ивантеевки. Он подкатил прямо на подводах. Остановивши этот обоз, т. Бубенец со слов чехословацкого полковника понял весь трагизм обстановки. Не долго думая, Бубенец, ранее бывший гвардейским офицером, щелкнул каблуками и, взяв руку под козырек, отрекомендовался капитаном «народной армии». Полковник поверил ему и стал ожидать разрешения, когда его полк пропустят на Пугачевск. Солдаты чехословаков почти все спали в повозках мобилизованных крестьян.

Тов. Кутяков, узнав от Бубенца о происшествии, подвел два батальона вплотную к обозу и открыл в упор огонь. Послышались крики чешских солдат. Смешалось все. Русских подвоников кололи проснувшиеся чехи, чапаевцы рубили и кололи чехов.

Стало светать. В проблесках раннего утра обрисовалось усеянное трупами людей и лошадей узкое пространство вдоль дороги, где только-что произошла жестокая схватка.

Новые трофейные 40 пулеметов были включены в основной фонд вооружения чапаевских частей до конца гражданской войны.

Узнав о разгроме своих главных сил, чехословаки ночью оставили Пугачевск и в панике отошли через село Селезниху на Богородское.

21 августа, около 8 часов, бригада Чапаева заняла с небольшим боем Пугачевск. Союзная чехословакам «народная армия» покинула Балаково. Противник отошел в исходное положение.

Василий Иванович во всех этих боях еще раз блеснул своим военным талантом, энергией, смелостью. Вопреки воле

начальства, давшего неправильный приказ, он провел всю операцию наилучшим образом.

Разгром Чапаевым армии самарской „Учредилки“ под селами Орловка и Ливенка 9 сентября 1918 г. да

Общая обстановка на фронте 4-й Красной армии перед решительным сражением 9 сентября была очень сложной и запутанной. Уральские казаки, применяя частично метод партизанской войны, своими конными неуловимыми набегами терроризировали красных там, где их не ожидали. Главное же было в том, что основная масса казачьей уральской армии по всему фронту перешла в решительное наступление. Через Алгай на Новоузенск, вдоль железной дороги на Саратов, они повели решительные атаки на ст. Алтата. Часть их сил действовала в районе Семениха — Рукополь с целью занять Пугачевск с тыла.

С большим трудом, чтобы не допустить занятия врагом берега Волги и особенно Саратова, Новоузенская дивизия и Саратовский, Балашовский и Пензенский полки сдерживали напор казаков.

Чехословаки, испытав удары чапаевских частей, особого рвения для движения на юг к Пугачевску не проявляли. Но вместо них армия «Учредилки», которая к этому времени окрепла и была достаточно боеспособна, проявляла большую подвижность вниз по Волге в направлении на Саратов. В частности правобережная группа войск «Учредилки», в количестве до четырех тысяч человек, успешно продвигалась из района Хвалынского в направлении на Вольск. Левобережная же группа войск, в количестве шести тысяч человек при 33 орудиях 7 сентября расположилась в селам Ливенка и Орловка. Задачей этой группы было занять Балаково, чтобы наносить удар по тылам 4-й Красной армии.

Не выиграв Чапаев сражения 9 сентября под Орловкой, концентрический удар уральской казачьей армии с востока и армии «Учредилки» с юга грозил бы всей 4-й армии уничтожением.

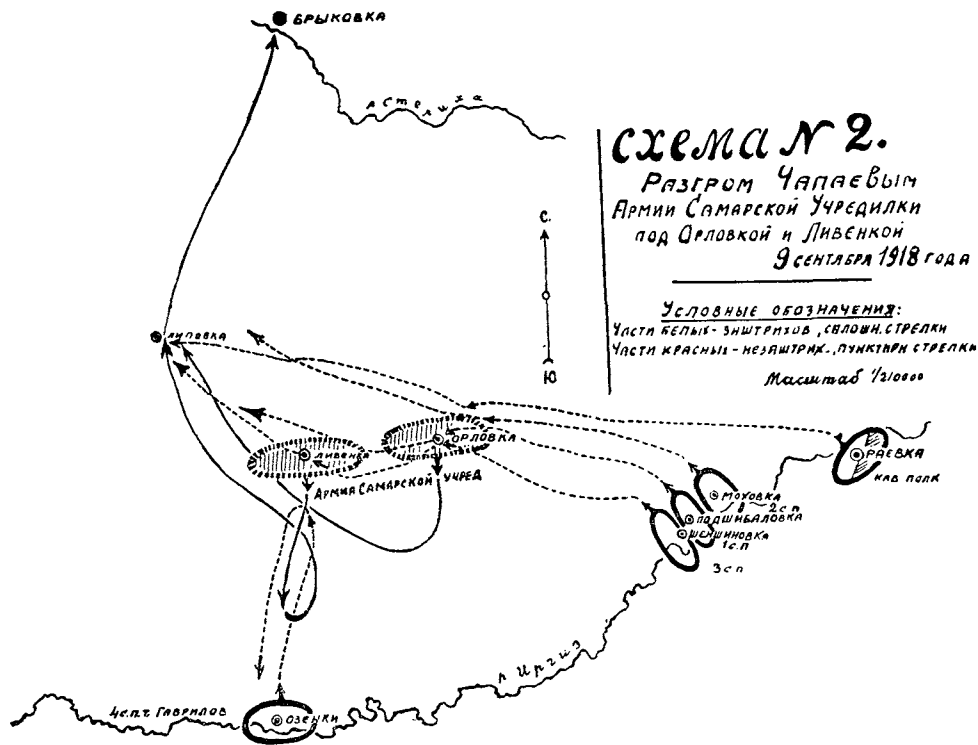
Полки 1-й Самарской дивизии к этому времени были штабом дивизии разбросаны на стокилометровом фронте. Чапаев временно вступил в командование дивизией. Он сразу же оценил пагубность такой разброски сил.

7 сентября Василий Иванович распорядился, чтобы к 6 часам другого дня 1-й Пугачевский, 2-й Стеньки Разина и 3-й Николаевский полки сосредоточились в селе Подшибаловке, а кавалерийский полк тов. Сурова — в с. Раевке. 4-му Николаевскому полку приказано было оставаться на месте в с. Озенки¹⁾.

тыре же пятых своих войск сосредоточивает на левом фланге противника с целью ударить во фланг и тыл врага.

Создать такую группировку в кризисный момент операции может только действительно талантливый и оперативно развитый командир-полководец.

Нужно иметь также в виду, что это происходило в сентябре 1918 г., когда только-что нарождались рабоче-крестьянские командиры. Буквально на ходу, не имея досуга, командиры эти обучались по складам разбирать стратегию и тактику ведения крупных операций.

Такая группировка частей позволяла Чапаеву дать генеральное сражение армии самарской «Учредилки». Мы должны признать эту группировку образцовой как по своему замыслу, так и по смелости. В самом деле, Василий Иванович оставляет одну пятую своих сил, т.е. 4-й Николаевский пехотный полк, для демонстративной атаки с фронта главных сил армии «Учредилки», че-

Но Василий Иванович к тому времени уже хорошо разобрался в оперативных вопросах ведения сражений с врагом. Он не только принимал на бумаге смелые решения, но и энергично проводил их в жизнь.

Чапаев лично руководил войсками на поле сражения. В ходе многообразного развития боя Чапаев давал соответствующие дополнительные указания войскам. Такой живой метод руководства войсками считался, как в прошлых вой-

¹⁾ См. схему № 2.

нах, так и теперь, шедевром управления командиром в бою. Чапаев этими способностями обладал.

В Подшибаловке Чапаев созвал всех командиров на совещание, на котором ознакомил их с планом атаки. Тут же было дано задание и «особому» 4-му пехотному полку: «выступить ночью 8 сентября из с. Озенки и на рассвете другого дня атаковать белых в селе Ливенка. Первый артиллерийский залп 4-го полка по этому селу будет служить сигналом для моих главных сил (т.е. четырех полков) атаковать врага, расположенного в Орловке». Для этого: полк атакует село Орловку с юго-востока, 1-й Пугачевский и 2-й Стеньки Разина полки под личным Чапаева командованием атакуют Орловку с северо-востока, казачий полк выступает из села Раевки в 18 часов 8 сентября и наносит удар с севера по тылу белых.

Темная сентябрьская ночь. Резкий, пронзительный восточный ветер. Главные силы Чапаева заняли исходное положение в 5 километрах от Орловки.

Бойцы не курили, приказания и команда отдавались шопотом, и только предрассветное пение орловских петухов изредка нарушало мертвую тишину. Легкий морозец зари пробегал по коже чапаевских бойцов. Так всегда бывает перед боем, даже и в самый жаркий солнечный день.

Начало светать. Где-то вдалеке раздался артиллерийский залп. Это 4-й полк открыл сигнальный огонь по Ливенке, в которой расположились до трех тысяч «учредилковских» солдат.

Командиры полков и батальонов проскакали верхами по своим цепям. Послышались тихие, но властные команды ротных командиров: «Встать! Вперед! Равняйся по передним! Направление движения на огни Орловки».

Прошло полчаса томительного времени. 12 орудий Чапаева дали артиллерийский залп по Орловке, в которой расположились другие 3.000 солдат эсеровской «Учредилки». Через несколько минут пролетели через головы чапаевцев ответные снаряды, разорвавшиеся вблизи наших артиллерийских позиций.

Цепь красных бойцов сразу ожила, заговорила. Теперь хранить тишину не имело смысла. Громкие звуки, голоса помогают бою. Борющиеся стороны знали, что им делать. Сотни пулеметов белых и красных открыли огонь. Трескотня и шум слились в общий страшный гул. Чапаевские цепи бодро, с перебежками, двигались вперед. Когда 4-й полк бросился в атаку на Ливенку, сорок мобилизованных брыковских крестьян начали предательскую стрельбу по своим красным командирам. В цепи произошло замешательство. Белогвардейцы, уловив выгодный для них момент, перешли всеми силами в контратаку. Красные цепи, видя, что их командиры в большинстве своем перебиты и ранены, начали в беспорядке откатываться на только-что покинутые Озенки. Белые энергично преследовали их до реки Малый Иргиз. Брыковские кулаки перешли на сторону врага.

Тяжелый эпизод этот не помешал Чапаеву решительной атакой наголову разбить трехтысячный отряд врага и захватить Орловку. План Чапаева осуществился.

В этом бою Василий Иванович в самые трудные, опасные минуты не раз лично водил пехоту и конницу в атаку. Под ним был убит его верховой конь.

Белогвардейцы в панике побежали на Ливенку. Но от Чапаева трудно было уйти. Наученный горьким опытом борьбы с уральскими казаками, он знал теперь, как надо преследовать разбитого противника.

Чапаев заставил все свои три пехотных полка бежать вслед отступавшим белогвардейцам. Конники т. Сурова в это время ударили по тылу Ливенской группы противника, преследовавшей 4-й, потрепанный изменой, полк.

Чапаев на плечах бегущих налетом захватил Ливенку и вышел всеми своими силами, одновременно с кавалеристами, в тыл Ливенской группе, которая, узнав о разгроме орловских войск, начала в панике, пробивая временами штыком себе дорогу, удирать на Липовку.

Василий Иванович, не считаясь с усталостью своих бойцов, подбадривая их личной отвагой и ласковыми словами,

двинул все силы вперед на Липовку, где белогвардейцы начали было приводить свои части в порядок и успели даже приготовиться к обороне на южной окраине села.

Окрыленные успехом, не обращая внимания на огонь врага, чапаевцы со штыками наперевес ворвались в Липовку. В третий раз на протяжении суток белогвардейцы были обращены в бегство.

В донесении, посланном Чапаевым 9 сентября, в 20 часов 30 минут, с поля боя командарму 4 Ржевскому, говорилось:

«Доношу, что бой под Орловкой и Ливенкой закончился полным разгромом врага. Участвовало 4 стрелковых полка и 1 кав. полк т. Сурова.

Противник потерял убитыми до тысячи человек, 250 подвод со снарядами, 10 пулеметов и много тысяч винтовок. В этом бою смертельно ранен вновь назначенный командир 2-го полка тов. Курсаков. Убит пом. командира 3-го полка Чуркин и командир батальона этого же полка.

После боя под с. Орловкой и Ливенкой противник занял с. Липовку, откуда был выбит и бежал в село Брыковку.

№ 26. ЧАПАЕВ».

После разгрома белых под селом Орловкой обстановка фронта резко изменилась в нашу пользу не только на левом, но и на правом берегу Волги.

Армия самарской «Учредилки», действовавшая на Саратовском направлении, с поражением своих соседей на левом берегу Волги прекратила наступление. В действиях ее стала заметна вялость и неуверенность. Нам удалось выбить белых из района Воскресенки.

Уральская казачья армия, узнав о поражении своих союзников, тоже прекратила настоячивые атаки Новоузенска и ст. Алтата и отошла из района ст. Рукополь в район Жестянки.

В общем бой под Орловкой вырвал инициативу из рук «народной армии» и чехословаков. Враг понес огромные потери. Впоследствии это дало возможность частям 4-й Красной армии более успешно провести операцию по занятию

политического центра «Учредилки» — Самары.

Мобилизованное эсерами крестьянство с этого решающего момента потеряло веру в силу и мощь руководителей «народной» белой армии. Крестьяне начали бросать оружие, стали разбегаться в леса и по домам, сдаваться в плен Красной армии.

В этом и состоит основной политический результат орловского сражения, выигранного Чапаевым.

Взятие Самары

Дивизией Василий Иванович командовал временно. 18 сентября он вернулся в бригаду.

Вскоре Чапаев был брошен против белых уральцев.

Главные силы 4-й армии под командованием т. Хвесина 25 сентября начали наступление на Самару. Осью движения была большая дорога, идущая из Пугачевска на Самару.

В этой операции на бригаду Чапаева возлагалась весьма ответственная задача: прикрыть тыла и левого фланга всей 4-й армии от уральских казаков. Чапаеву было приказано не просто обороняться, а наступать на Уральск. Это безусловно являлось непосильной задачей для слабеньких полков Чапаева, но Василий Иванович, беспрекословно выполняя приказы штабарма, решительно двинулся на восток через селения Вязовка, Карловка, Солянка, Таловая.

Энергичные действия Чапаева вынудили белых уральцев бросить на него едва ли не всю армию.

Начались кровопролитные затяжные бои. Бригада Чапаева все время находилась в окружении огромных конных масс казаков. Несмотря на это, Чапаев шаг за шагом продвигался к Уральску. От занятой им Таловой оставались два перехода до столицы уральских казаков.

Действия Чапаева сильно облегчили занятие 1-й бригадой т. Кутякова рано утром 7 октября Самары. Он принял на себя главные удары врага — главные

силы 4-й армии оставлены были казаками в покое.

Армия самарской «Учредилки» окончательно была уничтожена и раз и навсегда прекратила свое отнюдь не героическое существование. Чехословацкие легионы отступили к Уфе, на реку Белую.

Успехи красных войск стоили бригаде Чапаева многих жертв. Главные силы уральцев под командованием генерала Мартынова окружили бригаду Василия Ивановича в районе Таловой и держали ее в полной изоляции до 20 октября.

Без патронов и снарядов Чапаев решил 17 октября прорваться из стального вражеского кольца. На совещании командиров на вопрос Бубенца: «А если не прорвемся, Василий Иванович, что тогда будем делать?», он резко ответил: «Должны все погибнуть, но во что бы то ни стало прорвать фронт казачков».

Благодаря талантливому руководству и личной храбрости Чапаева бойцам с большими потерями удалось прорваться к родному Пугачевску.

Вместо того, чтобы получить благодарность за эту операцию, Василий Иванович попадает в опалу. Штаб армии снимает его с должности командира бригады и в ноябре 1918 г. направляет учиться в Академию генерального штаба в Москву.

Чапаев в Академии генштаба

Когда советская необъятная страна пылала в пожаре гражданской войны, мог ли в это время усердно и спокойно учиться в Академии генштаба неистовый, храбрый, страстный революционер Чапаев, ненавидящий всем своим существом старый царский режим, господство помещиков и буржуазии. Такой человек и боец, как Чапаев, не мог.

Василий Иванович застал в академии страшно мрачную атмосферу. Между старой профессурой — генералами — и слушателями академии, не имеющими достаточного общего образования и военно-теоретических знаний, отношения были крайне натянутые. Профессора-генштабисты иронически относились к своим малограмотным слушателям, а

иногда просто третировали своих тридцати-сорокалетних учеников.

В общем, насколько слушатели были настроены революционно, настолько профессоры при всех удобных и неудобных случаях подчеркивали свою реакционность. Многие из профессоров не столько учили своих питомцев, сколько хлопотали о разных лайках хлебом, картошкой и дровами.

Чапаев и тут, не менее быстро, чем на войне, уяснил всю картину, решил не тянуть «вольники» и стал настойчиво добиваться обратного откомандирования на фронт.

Только после трехмесячного пребывания в стенах академии, в начале февраля 1919 года, удалось ему получить разрешение отбыть опять в 4-ю армию, которой в то время командовал уже Михаил Васильевич Фрунзе.

В средних числах февраля, когда тов. Фрунзе только-что вернулся с Уральского фронта, Чапаев приехал в Самару, в штаб армии.

О подвигах Чапаева, его решительности и геройстве Михаил Васильевич много слышался от бойцов чапаевских полков, которые вели тогда, после взятия Уралья, кровопролитные бои за обладание г. Лбищенском.

Тов. Фрунзе назначил Чапаева командиром Александрово-Гайской бригады, а комиссаром к нему т. Фурманова.

Михаил Васильевич ставил перед Чапаевым задачу: овладеть районом станицы Соломихинской, после чего продолжать наступление в направлении на Лбищенск для угрозы с тыла главным силам противника¹⁾.

Чапаев по пути в бригаду заехал в Уральск повидать своих старых друзей и соратников и договориться относительно проведения лбищенской зимней операции.

Приезд Василия Ивановича в Уральск был для всего начсостава 1-й бригады 25-й дивизии неожиданным. Он без предупреждения явился на квартиру комбрига Кутякова. Все были удивлены, — никто не знал, что он бросил учебу в

¹⁾ Оперативный приказ 4-й армии от 22 февраля 1919 г. за № 12.

Т. Бубенец, Чапаев, Кутяков (Елань).

академии. Через несколько часов все соратники его были собраны. Некоторые даже прибыли прямо с позиций, чтобы повидать своего любимца Чапаева.

Василий Иванович рассказал нам в тот день и о том, как он видел на митинге Ленина и чему учили его в Академии генштаба. Передал в юмористической форме, как его экзаменовали по военной географии. Профессор-генерал, важный, в старом мундире без погон и крестов (впрочем, на мундире видны были пятна, где они носились), задал Чапаеву вопрос: «Скажите, слушатель, какое стратегическое значение имеет река Неман». Чапаев ему в ответ: «А вы, почтеннейший профессор, ответьте мне—какое оперативное значение имеет река Солянка». Озадаченный профессор говорит Чапаеву: «Вы шутите, такой реки на стратегической карте нет. Я еще до мировой войны преподавал географию в старой николаевской академии генштаба и такой реки не знал и не встречал в природе». Профессор все же потребовал от Чапаева ответа на заданный вопрос. Василий Иванович сказал, что реку Неман он знает, так как на ней он был

ранен и несколько раз контужен в мировую войну, но знает он также и реку Солянку, протекающую на границе земли Уральского казачьего войска: здесь он весь восемнадцатый год вел бои с казаками, и она, эта маленькая речка, имеет громадное оперативное значение в борьбе с уральским казачеством.

Дружеская беседа командира с товарищами длилась далеко за полночь. Наконец соратники Чапаева задали ему вопрос, чему же все-таки он научился в Академии генштаба.

Чапаев улыбнулся—чему, собственно, можно научиться за три месяца—очень малому. «Скажу прямо: топографию усвоил прилично. Я могу например из квадратного дюйма десятиверстной карты сделать верстовку и двухверстку, чего вот вы, ребята, не сумеете сделать». Чапаев был прав.

Выехал он в Александров-Гай через Новоузенск 27 февраля. Алгайская бригада, которую он принял 10 марта от старого полковника, отличалась с самой осени 1918 г. пассивностью в боях с уральским казачеством. Она не выиграла у казаков ни одного боя. Каза-

чий полковник Бородин, командующий Новоузенским фронтом, постоянно держал ее в стесненном оборонительном состоянии. Налетами и рейдами чижинских белых казачьих партизан Бородин вырывал у Алтайской бригады инициативу и чувствительно колотил ее. Надо было покончить с плохим прошлым бригады.

Василий Иванович, как только принял ее, немедленно поехал на фронт, провел митинги, внушил бойцам уверенность в победе.

15 марта, через пять дней по вступлении в командование, он перешел в наступление и через сутки одним ударом занял станицу Соломихинскую, где был расположен штаб полковника Бородина. Казаки отошли за Чижинские озера.

Началась весенняя распутица. Бригада Чапаева уперлась в непроходимые чижинские разливы. В это время 1-я бригада т. Кутякова заняла Лбищенск. Таким образом, Чапаеву не пришлось до конца выполнить приказ Фрунзе.

Взятие Чапаевым станицы Соломихинской вызвало среди бойцов Алтайской бригады большой подъем. Они поверили и в свою силу, и в талант своего командира.

Уральская казачья армия, потерпевшая поражения под Уральском, Лбищенском, Соломихинской, начала разлагаться. Она начала терять веру в своих вождей — генералов и дворян, целыми полками казаки стали сдаваться в плен и переходить на сторону Красной армии. Однако части армии Фрунзе не добились казаков. Этому помешали как весенняя распутица, так и победоносное шествие колчаковских полчищ к берегам Волги на Самару.

Чапаев против Колчака

Командование 4-й армии умудрилось незадолго до назначения М. В. Фрунзе расформировать отважную 25-ю дивизию. После взятия Уральска 24 января 1919 года 4 полка под командованием комбрига 2 т. Михалева ушли под Оренбург в 1-ю армию т. Гая, а 5 пол-

ков под командованием комбрига 1 т. Кутякова остались в 4-й армии.

Полковничье-офицерский состав штаба 25-й дивизии после расформирования частью уехал в тыл страны, а частью поразбредся по штабам армии. На фронте никто не остался.

В этот грозный для страны Советов момент, когда Колчак лавиной шел вперед, М. В. Фрунзе вновь воссоздает во главе с Чапаевым 25-ю дивизию в трехбригадном составе. Во главе 73-й бригады становится т. Кутяков, 75-й Алтайской бригады т. Потапов. 74-я бригада была сформирована тов. Фрунзе в районе Самары из 220-го стрелкового полка иваново-вознесенских рабочих, 221-го стрелкового полка сызранских рабочих и 222-го стрелкового полка московских рабочих. Командиром этой бригады штаб Восточного фронта назначает б. офицера Авилова, перебежавшего в середине апреля 1919 года с приказами Фрунзе на сторону белых. Предатель доставил все планы красного командования Колчаку.

М. В. Фрунзе всю 25-ю Чапаевскую дивизию снял с Уральского казачьего фронта и перебросил ее на подводах в начале апреля в район Бузулук—ст. Кинель для разгрома наступающих войск Колчака, в частности западной армии генерала Ханжина.

28 апреля к северу от Бузулука на р. Боровке происходит первое сражение 73-й бригады Чапаевской дивизии. В этом бою целиком уничтожена была нами 11-я дивизия белых, взято 1 000 человек пленных, батарея и 50 пулеметов.

30 апреля на р. Кинель эта же бригада разбила наголову 12-ю дивизию противника. За три дня, таким образом, чапаевцы уничтожили весь 6-й корпус генерала Сукина (потомка командира Преображенского полка петровских времен). Образовался прорыв единой линии колчаковского фронта на 80 километров.

В этот прорыв М. В. Фрунзе как раз и направил основные силы своей ударной группы. Все три бригады Чапаева ввязались в упорный бой в районе Бугуруслана с 1-м корпусом

генерала кн. Голицына. Корпус этот и был с 1 по 5 мая уничтожен дивизией.

Командующий ударной армией Колчака генерал Ханжин решил тогда вырвать инициативу у красных войск переходом в контрнаступление. Для этого он подтянул в район Татарский—Кандыз и Домосейкина гвардию Колчака—Ижевскую бригаду и 2-й корпус генерала Войцеховского.

8 мая произошло встречное сражение. Полки Чапаевской дивизии не только отражают контрнаступление корпуса ген. Войцеховского, но 73-я бригада целиком уничтожает Ижевскую бригаду, берет четыре орудия и более тысячи белых в плен.

В этот же день М. В. Фрунзе и тов. В. В. Куйбышев на автомобиле приехали на поле битвы. Фрунзе в приказе благодарил 25-ю Чапаевскую дивизию, а командиров полков и батальонов 73-й бригады тут же на поле боя наградил орденами Красного знамени.

Василий Иванович энергично повел преследование противника. 11—15 мая полки его дивизии разбили 2-й корпус генерала Войцеховского. Три орудия, десятки пулеметов и множество пленных перешли к нам. Бой этот произошел на реке Ик, на участке селений Шалты—Апсалямово.

Тогда генерал Ханжин ввел свой последний резерв—ударный корпус генерала Каппеля.

В ответ на это Чапаевская дивизия решительно устремилась на Белебей. Каппелевцы были смяты и отброшены за р. Белую. Чапаевцы 17 мая заняли г. Белебей. Трофеи и тут исчислялись большими числами.

30 мая налетом 73-й бригады была взята узловая станция Чишма. Остатки ударной армии генерала Ханжина отшли за р. Белую в район Уфы.

М. В. Фрунзе в решительном стремлении покончить с противником назначает Чапаева на взятие Уфы.

7 июня 73-я и 72-я бригады форсировали р. Белую в районе Красный Яр. К этому месту переправы генерал Ханжин подтянул все силы корпуса Каппеля и офицерские ударные ба-

тальоны. Здесь разыгралось жестокое сражение, длившееся трое суток. Чапаевцы не раз были вынуждены откатываться назад к реке Белой. В этих боях из чапаевских полков выбыло до 2.000 бойцов, были ранены 8 июня В. И. Чапаев, М. В. Фрунзе и нач. политуправления фронта тов. Тронин.

Под деревней Турбаслы колчаковцы, окрыленные непрочными и частичными успехами предыдущих дней, произвели последний свой нажим, чтобы потопить чапаевские полки в р. Белой.

Я, как сейчас, вижу: стройное движение ударных офицерских батальонов по огромному полю высокой ржи против обороняющихся чапаевцев. Это было 9 июня около 5 часов утра, а через три часа поле высокой ржи было начисто скошено нашим пулеметным огнем. На траве неподвижно лежали три тысячи трупов белых юнкеров и офицеров, одетых в черные суконные френчи с георгиевскими крестами.

Этот бой воспроизведен в кинофильме «Чапаев» под названием «психическая атака».

Уфа была занята в тот же день. Жалкие остатки колчаковской армии начали поспешно отступать за Уральский хребет.

«Правда» (от 16 января 1935 г.) в своей передовице так характеризует роль Чапаевской дивизии в разгроме Колчака:

«Южная группа Восточного фронта наносит под руководством т. Фрунзе сокрушительный удар Колчаку. Фронт восточной белогвардейщины оказывается прорванным, и прорванным окончательно.

В этой замечательной операции, в которой Колчаку наносится смертельный удар, особенно отличаются 25-я Чапаевская дивизия и 1-я (73-я) ее бригада т. Кутякова. Начинается агония колчаковщины. Победным маршем Красная армия проходит по Сибири. Она занимает Иркутск. Здесь находит свой позорный конец кровавый адмирал».

За выдающиеся героические подвиги М. В. Фрунзе представляет Чапаева к ордену Красного знамени.

Мы приводим полностью приказ РВС Республики от 14 июня 1919 года за № 137.

«Награждается орденом Красного знамени начальник 25-й стрелковой дивизии товарищ Василий Иванович Чапаев за нижеследующие отличия:

организовав по революционному почину отряд в течение мая, июня, июля, августа и сентября 1918 г., упорно оборонял Саратовско-Николаевские районы сначала от нападения уральских казаков, а потом чехословаков.

Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его умелым маневрам Александрово-Гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстова, что дало возможность нам овладеть Уральской областью.

Назначенный начальником 25-й стрелковой дивизии в дни катастрофического положения Самары, когда противник стоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан; настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяцев овладел городами Бугуруслан, Белебей и Уфа, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район.

В боях под Уфой (8 июня) при форсировании р. Белой лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием города Уфы».

Этот орден так и не пришлось Василию Ивановичу носить на груди: 5 сентября он погиб в Абищенске.

Чапаев освобождает осажденную 22-ю Краснодарскую дивизию в Уральске

11 марта 1919 г. 73-я бригада т. Кутякова взяла Абищенск и форпост Го-

ряченский. Остатки уральской казачьей армии в количестве не более 1 000—1 500 человек¹⁾ отошли в поселок Мергеневский. Казаки целыми полками начали сдаваться в плен красным.

Казачий войсковой съезд под председательством эсера Кирпичникова доживал последние дни. С одной стороны, эсеровская демагогия трещала под действием победоносного наступления — под ударами казачьей помещичье-генеральской реакции, в частности гурьевского генерала Толстова, который, опираясь на английское представительство (а последнее хозяйничало эмбинской нефтью), объявил себя наказным атаманом уральского казачества. Генерал разогнал войсковой съезд болтунов и расстрелял Кирпичникова, а заодно и некоторых его друзей по съезду.

Зажиточное казачество торжествовало победу, а среднее молча выполняло приказы генерала Толстова; за малейшее невыполнение приказов диктатор грозил расстрелами и разными экзекуциями. Карательную политику генерала приводили в исполнение юнкерская школа и кулацкие Семеновская и Брыковская дружины.

Наступление Колчака к берегам Волги и Самаре вынудило т. Фрунзе 20 марта снять с Уральского фронта бригады Чапаева и Кутякова.

Обе они были направлены в район ст. Кинель—Бузулук.

Таким образом, против генерала Толстова осталась одна 22-я стрелковая Краснодарская дивизия т. Сапожкова.

Обстановка на этом фронте сложилась не в пользу красных. Было много обстоятельств, обостривших наше положение:

1) наступившая весенняя распутица; 2) перешедших на сторону красных казаков следовало бы не распускать вместе с офицерским составом по станциям и хуторам, а после соответствующего отбора или влить в ряды Красной армии и заставить драться с белыми,

¹⁾ Доклад наштарма уральской белой армии, генштаба полковника Моторного, стр. 21.

или же направить в концентрационные лагеря и не оставлять их в тылу 22-й Краснодарской дивизии;

3) бешеной энергии генерала Толстова в подготовке к наступлению на Лбищенск и Уральск следовало бы противопоставить такую же энергию нашего командования. Между тем начальник Сапожков был очень инертен в ведении боевых операций. Сапожков, как старый эсер, очень болезненно переживал все мероприятия советской власти, направленные к урезыванию интересов кулачества (продразверстка и пр.). Его пассивность и нераспорядительность в проведении операций имели чисто-политическую причину.

Вместо того, чтобы решительно двинуться вперед на юг к Каспию, Сапожков приказал всей дивизии стоять на месте. Чтобы отвести другим глаза и ввести высшее начальство в заблуждение, Сапожков направил все-таки 28 марта два полка 66-й бригады т. Заглядова в наступление на поселок Мергеневский. Эти два полка, не воодушевленные начальством, без всякой веры в успех, как заведенные, пошли по обоим берегам реки Урала для атаки небольшой армии ген. Толстова.

Комбриг 66 Заглядов слабо разработал план атаки поселка-станции Мергеневской, среди бойцов не было проведено соответствующей разъяснительной работы. Бойцам было внушено, что казаки разбежались по домам. Между тем при подходе к Мергеневской красные цепи встретили организованную оборону юнкерской школы, а также Семеновской и Брыковской кулацких дружин.

Бригада сразу же залегла. Тов. Заглядов от неожиданного сопротивления казаков растерялся. Начался огневой вялый бой, который длился до вечера. Казаки, видя нерешительные действия красных, перешли в контратаку. Полки, не выдержав натиска, начали отходить назад, оставив в плену у белых несколько сот бойцов и два орудия.

Отход был настолько стремителен, что казаки не только отбросили красных от Мергеневской, но захватили

форпост Горяченский и подошли вплотную к Лбищенску.

Тогда Сапожков вынужден был бросить из резерва 64-ю бригаду т. Плясункова, которая сразу же отбросила казаков к форпосту и отстояла тем самым Лбищенск от падения.

В начале апреля расположение 22-й стр. Краснодарской дивизии было таково:

64-я бригада т. Плясункова — в Лбищенске, 65-я бригада тов. Наумова: 194 стр. полк (и штаб дивизии) — в ст. Бударинской; на охране железнодорожного участка ст. Алтата — ст. Уральск — 198 стр. полк; 66-я бригада т. Заглядова — в районе форпоста Кожехаровского; 22-й кав. дивизион т. Апасова — в районе Пик-Колавертный и партизанский отряд т. Экземплярского — в районе Барбастау.

К этому времени ген. Толстову удалось сформировать новые части: 1-ю кав. дивизию в районе Калмыкова и 2-ю кав. дивизию в районе Сахарной и Мергеневской. Кроме того, приступлено было к формированию еще четырех кавалерийских дивизий: 3-й — в районе ст. Кирсановской, 4-й — в районе ст. Илецк, 5-й — в районе Соломихинской.

Наступление Колчака на Самару и пассивное поведение Краснодарской дивизии помогли, таким образом, атаману воссоздать отдельную Уральскую конную казачью армию. Толстов берет в свои руки инициативу и 9 апреля бросает в наступление из ф. Горяченского школу юнкеров и две кулацкие дружины, а из Мергеневской 2-ю кав. дивизию.

В 2 часа ночи начался бой под Лбищенском, где была расположена 64-я бригада т. Плясункова. Застрельщиками явились сдавшиеся в плен и распущенные по домам лбищенские казаки, начавшие внутри города стрельбу и забросавшие гранатами обозы, составленные исключительно из мобилизованных крестьян Самарской губернии. В городе началась паника. Спасая себя и своих лошадей от гибели, обозники бросились с Соборной площади по всем улицам в направлении на Уральск,

но путь им был отрезан конными казаками, которые в это время вели бой с цепями Пензенского полка на северной окраине города. Здесь сгруппировалось более тысячи повозок. Табор застыл на месте. Рядом шел бой. Мало-помалу паника в городе стала утихать. Энергическими действиями ординарческого эскадрона комбрига т. Плясункова предательское выступление лбищенских казаков было усмирено. Ловушка внутри города была ликвидирована. Теперь предстояло отбить врага, наступавшего на город не изнутри, а извне. В этой операции отличился т. Плясунков, храбрый, опытный в военном отношении человек, выдавший и не такие виды на протяжении всей гражданской войны.

Он не растерялся и как страстный боец носился с кучкой ординарцев по кольцу своей цепи, от одного батальона к другому, давая соответствующие распоряжения и воодушевляя рядовых бойцов.

Около 8 часов утра т. Плясунков приказал командиру 190-го Пензенского стр. полка т. Здоровейшеву перейти в контратаку из района Ветряных мельниц на восток, чтобы прорвать фронт казачьего кольца и тем самым отрезать казачьи части, ведущие бои на северной окраине Лбищенска. Сам же во главе 191-го Балашовского полка бросился в контрнатупление на юг, в направлении на Горяченский вдоль большой дороги.

Не прошло и трех часов, как казаки, не приняв штыкового боя, начали по всему фронту отходить в исходное положение.

В этом бою геройски показали себя т. Здоровейшев и комбат Балашовского полка т. Удалов.

Таким образом, вторая атака Лбищенска ген. Толстовым была отбита т. Плясунковым без помощи остальных сил дивизии Сапожкова.

На этой почве по окончании боя между Сапожковым и Плясунковым произошел крупный разговор. Последний заявил, что Сапожков своим бездействием сознательно стремился скомпрометировать чапаевцев.

Припертый к стене начдив предложил т. Плясункову немедленно... выехать на два месяца в отпуск — «подлечить нервную систему». Подчинившись дисциплине и сдав бригаду т. Здоровейшеву, т. Плясунков 10 апреля выехал в Пугачевск. Сапожков добился, таким образом, изоляции самого активного разоблачителя и критика его действий.

После неудачи под Лбищенском ген. Толстов продолжал формировать свои конные дивизии, напряженно готовясь для разгрома 22-й Краснодарской дивизии с целью освобождения всей Уральской области от большевиков.

Время на войне летит незаметно. Одно событие насаждает на другое. Успех над врагом — радость. Продолжительные затруднения создают напряженность. Склока внутри частей — нервозность. На фронте антрактов не бывает. Командование всех степеней борющихся сторон находится все время в напряженном ожидании. «Передышка» и на сей раз длилась недолго.

14 апреля ген. Толстов подтянул из г. Калмыкова 1-ю кав. дивизию в район Мергеновской, где уже находилась 2-я кав. дивизия. Сосредоточив, таким образом, в этой станции целый конный корпус, Толстов и в районе ф. Горяченского собирает ударную пехотную группу в составе юнкерской школы, Семеновской и Брыковской дружин, Уральского и Гурьевского пехотных полков.

В ночь на 15 апреля все силы эти бросились на Лбищенск. 1-я кав. дивизия всей своей массой, за исключением небольших отрядов, выделенных для налета на Кожехаровскую и форпост Богатинский, должна была обрушиться на город с севера, 2-я кав. дивизия — с запада на участок 191-го Балашовского полка, а вся пехота предназначалась для удара по южной окраине Лбищенска на участок 190-го Пензенского полка.

Этот план ген. Толстову удалось в точности провести в жизнь, ибо никто со стороны красных ему не противодействовал. Части дивизии Сапожкова попрежнему были пассивны, а разведка

организована не была. Поэтому белые казацкие части подошли к указанным пунктам незамеченными.

Обнаружены они были красными лишь в 1 час ночи, когда казаки открыли огонь по красным цепям.

Внезапный удар врага крупными силами по Лбищенску внес в ряды 64-й бригады т. Здоровейшева растерянность, которая скоро разрослась в панику.

Начальник штаба бригады т. Карпов сел на коня и вплавь бросился через р. Урал на Бухарскую сторону. «Геройски» переплыв реку и проскакав около 100 километров, он очутился в Уральске, откуда с первым отходящим поездом отбыл в Саратов.

Его примеру последовала часть сотрудников штаба. В самом начале боя т. Здоровейшев остался без аппарата управления. Весть о бегстве штабистов с быстротою молнии разнеслась среди бойцов бригады. Дорога была каждая секунда. Враг был у ворот.

Тов. Здоровейшев бросился в Пензенский полк, оборонявший южную окраину города; военный комиссар бригады т. Полянский галопом умчался к Балашовскому полку, оборонявшему западную окраину и сдерживавшему натиск всей 2-й и частью 1-й кав. дивизий казаков.

Внутри города жители-казаки открыли огонь из окон и с крыш сараев по штабам полков, батальонов и по огневым позициям трех батарей красных героев 64-й бригады.

Выступление жителей окончательно внесло полный хаос в боевой порядок. Превосходные силы казаков поэтому без особого труда ворвались в Лбищенск со стороны Кожехаровской.

Начались уличные бои. Красные защитники 64-й бригады в плен не сдавались, надеясь на то, что Сапожков успеет бросить на помощь 65-ю бригаду т. Заглядова. Но надежды героев, предательски оставленных штабистами, не сбылись.

Прорвавшиеся казаки подтянули пару батарей и начали в упор с тыла расстреливать картечным огнем красных защитников Лбищенска.

Уже восемь часов тянулся бой, а помощь со стороны не поступала. Настроение красных бойцов окончательно упало. Пали смертью храбрых комбриг 64 т. Здоровейшев и военком бригады т. Полянский. Попал в плен раненый командир 191-го полка т. Шашков.

Гибель приближалась с каждой минутой. Настал момент, когда общий бой превратился в отдельные очаги сопротивления. Разрозненные группы красноармейцев под командованием взводных и ротных командиров и даже храбрых рядовых бойцов оказывали последнее сопротивление озверевшим белым казакам.

Надежда на помощь со стороны Сапожкова, а также со стороны 65-й бригады, которая находилась от места боя в 15 километрах, в Кожехаровской, окончательно исчезла. Но красные бойцы вели бой до последнего вздоха. Раненые кончали с собой.

В самый последний момент командир батальона т. Удалов решает с остатками своего батальона, числом не более ста бойцов, пробить себе дорогу штыком на Кожехаровскую. К нему присоединяются два орудия героев-артиллеристов Червякова и Евдокимова. Эта горсточка отважных бойцов, не желавших сдаться в плен казакам, пробила себе дорогу и около 15 часов 15 апреля соединилась с 65-й бригадой.

Казаки торжествовали победу. Они уничтожили целиком 64-ю бригаду, захватили десять орудий, все пулеметы, обоз и пр. Все оставшиеся живыми раненые были расстреляны на Соборной площади, а сдавшиеся в плен (около 250 чел.) были сожжены в облитом керосином амбаре¹⁾.

В штабе 22-й Краснодарской дивизии в ст. Бударинской царил паника. Сапожков окончательно растерялся. 65-я бригада т. Заглядова отступала из Кожехаровской в ф. Богатинский. Созванное было Сапожковым 16 апреля совещание начсостава было прекращено. Решили отходить одной ко-

¹⁾ Дневник командира дивизиона т. Шеловского, стр. 18.

лонной на Уральск до ст. Чаганской. В 10 часов утра 17 апреля казаки заняли брошенную красными ст. Бударинскую.

Бригада т. Заглядова в составе 194-го и 196-го стр. полков, 1-го батальона 192-го полка, кав. дивизиона т. Апасова при 21 орудии двинулась в Уральск. Для связи между Уральском и Саратовым на ст. Деркул были отведены части 66-й бригады т. Наумова.

На путях отхода красных полков казаки всех станиц подняли восстания. Своими выступлениями они сдерживали движение авангардов отходящих красных полков, а на арьергард наседали 1-я и 2-я кавалерийские дивизии.

Отступление 22-й Краснодарской дивизии поэтому было очень медленным. Главной же причиной этой медленности была весенняя распутица. Красные бойцы, обутые в валенки, утопали в грязи. Конский состав выбивался из сил. Артиллерию и пулеметы бойцам приходилось подчас тащить на себе.

Только к 20 апреля дивизии удалось достигнуть района ст. Чаганской, где она и была на другой же день окружена войсками ген. Толстова, атаковавшими ее со всех сторон. Но красные бойцы после жестокого боя прорвали кольцо казаков. В этом бою в особенности отличалась 66-я бригада т. Наумова (197-й и 195-й полки), которая целых два дня находилась в полном окружении. Прорвавшись, бригада 23 апреля достигла станиц Переметной и Деркульской.

К этому времени главные силы дивизии Сапожкова находились в двадцати километрах от Уральска, у форпоста Круглоозерного.

Генерал Толстов, решив не пропустить Сапожкова в Уральск, бросил на него с севера наперерез пути всю 2-ю кав. дивизию. В результате ночного боя 24 апреля казаки были отброшены на запад.

Выдающуюся отвагу проявили здесь военком авангардного 194-го стр. полка т. Инякин, командиры: того же полка т. Конжин, артдивизиона т. Шиловский и партизанского конного отряда т. Экземплярский, начальник артиллерии

дивизии т. Новиков (раненый, остался в строю).

24 апреля в 12 часов 5.048 бойцов и 443 сабли при 31 пулемете, 21 орудии, 11 тыс. снарядов, взорвав мост через р. Деркул, вошли в Уральск. С этого дня 22-я дивизия была блокирована в Уральске армией ген. Толстова.

Успех белой армии вызвал огромный подъем не только среди уральских, но и среди илецких и оренбургских казаков.

Благодаря этому в станицах стихийно сформировались новые части: 3-я кав. дивизия из рубеженских и кирсановских, 4-я кав. дивизия из илецких, 5-я кав. дивизия из иртецких и бурлинских казаков. Полковники Бородин и Горшков сформировали 6-ю кав. дивизию. Эти части, по существу, представляли собой целую конную армию. Наше положение значительно ухудшилось.

Для блокады 22-й Краснодарской дивизии на участке от р. Урала до р. Чаган ген. Толстов оставил 3-ю кав. дивизию, от р. Чаган до хутора Ревунского—учебную кав. бригаду, к хутору Халилову подтянул школу юнкеров, а в район Менового Двора бросил Брѣжзовскую кулацкую дружину и партизанские сотни полковника Сакмарина.

Главные же свои силы генерал Толстов направил на 66-ю бригаду Наумова, которая занимала позиции в районе ст. Переметная. Не выдержав подавляющего натиска казаков, 66-я бригада откатилась в район ст. Шипово. 4-я и 5-я кав. дивизии под командованием ген. Акутина выбили из Илецкого Городка 224-й Краснокутский полк т. Аксенова и погнались за ним в направлении ст. Сорочинской.

Весь май 1919 г. прошел в серьезных боях. Красные части 4-й армии (командарм т. Авксентьевский) несли большие потери. Осажденный уральский гарнизон Сапожкова терпел огромную нужду в продовольствии и огнестрельных патронах.

Тов. Авксентьевский в июне делает четыре попытки освободить Уральск от блокады казаков, но все они кончаются неудачей. Хуже того, главные силы 4-й армии были 16 мая разбиты под

Шиповом, где пришлось отдать казакам 10 орудий и много тысяч пленных. Кроме того, был целиком уничтожен под селом Рахмановкой «Красной звезды» полк т. Ермощенко. Неудача следует за неудачей. Казаки под ст. Солевой разбивают на-голову посланную т. Авксентьевским из Б. Глушицы и Бузулука отдельную бригаду в составе 6.000 бойцов. 2.000 бойцов попадают в плен.

Казаки, захватив города Новоузенск и Пугачевск, начинают уже угрожать Самаре и Бузулуку.

Штарм 4 явно не справляется с возложенными на него задачами. Обстановка требовала быстрой смены командования. М. В. Фрунзе, назначенный командующим Туркестанским фронтом, получает от верховного командования задание разгромить Оренбургскую и Уральскую казачьи армии и соединиться с советским Туркестаном.

В это время в Оренбурге героически защищался осажденный ген. Дутовым красный гарнизон под командованием т. Великанова.

Положение в осажденном и находящемся накануне падения Уральске было настолько тяжелым, что оно вынуждает В. И. Ленина послать 16 июня радиogramму, в которой говорилось: «Держитесь, уральцы, на вас смотрит вся революционная Россия».

Положение красных с каждым днем повсюду ухудшалось. Вновь сформированные в тылу фронта части из мобилизованных солдат и офицеров, как правило, не выдерживали боя с уральским казачеством.

Тогда М. В. Фрунзе разрешил снять 25-ю Чапаевскую дивизию с восточного фронта и направить ее по железной дороге из района Уфы в район Бузулука с целью освобождения блокированной в Уральске 22-й Краснодарской дивизии.

25 июня Чапаев приказывает начать погрузку в эшелоны 73-й бригады т. Кутякова и 74-й бригады т. Зубарева. 75-я бригада т. Потапова была оставлена для форсирования р. Уфимки, через которую части 5-й армии не могли переправиться. Вся кавалерия

дивизии была направлена Чапаевым походным порядком на Бузулук.

30 июня части 73-й бригады выгрузили эшелоны на ст. Богатой в районе Бузулука.

В этот же день М. В. Фрунзе вызвал из Уфы в Самару Чапаева и военкома дивизии т. Фурманова для разбора их какого-то крупного конфликта.

Во временное командование дивизией вступил комбриг 73 т. Кутяков, от которого в разговоре по прямому проводу М. В. Фрунзе категорически потребовал не позже 12 июля освободить Уральск. Для выполнения этой операции он дополнил его части Коммунистической бригадой т. Плясункова, которая стояла в районе Б. Глушицы.

2 июля части 73-й бригады были выдвинуты на юг, на линию селений Умет-Каральцкий, Покровка, Андреевка с целью прикрыть высадку 74-й и 75-й бригад 25-й Чапаевской дивизии и выровняться с общей линией фронта бригады т. Плясункова.

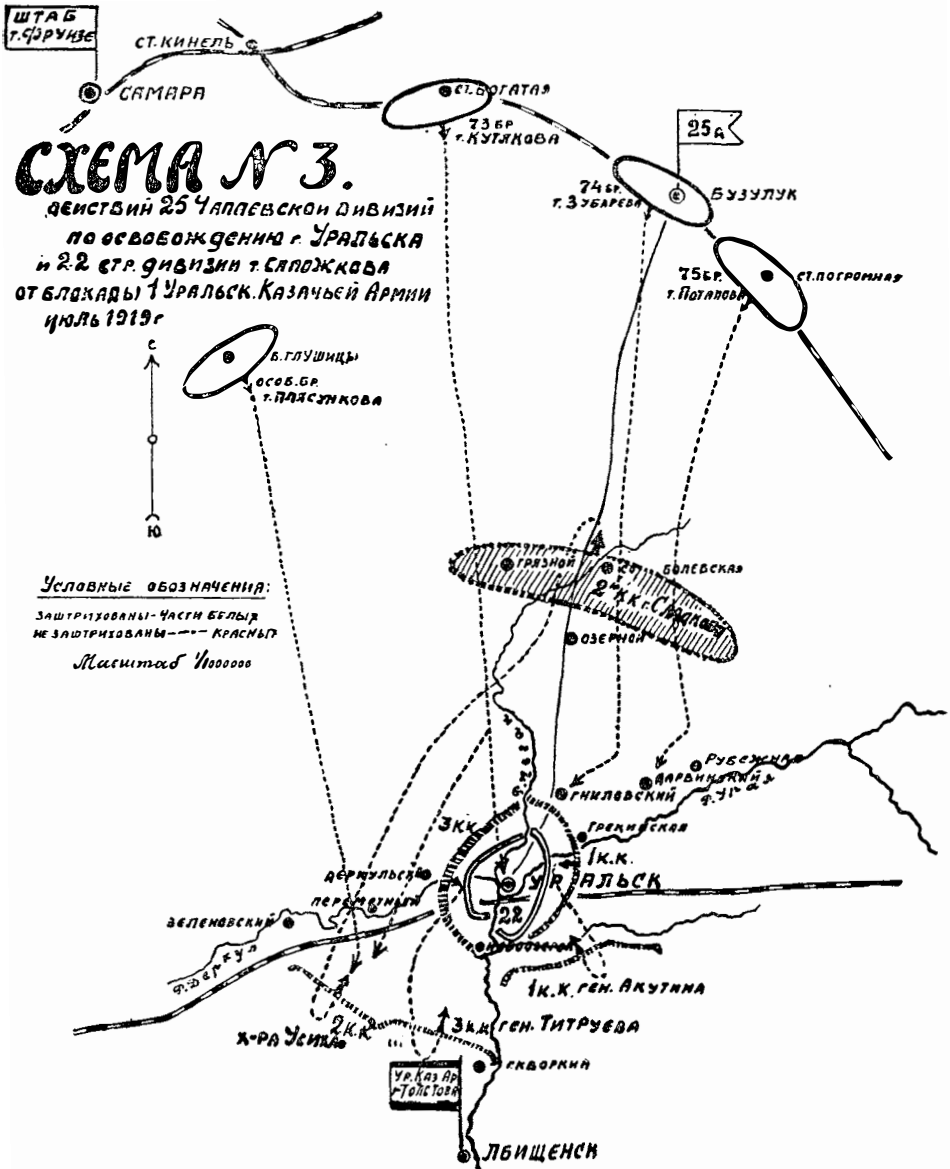
После боя со 2-м казачьим конным корпусом пункты эти 5 июля были заняты. Это обеспечило 74-й бригаде т. Зубарева возможность высадиться в районе Бузулука, а передовым эшелонам 75-й бригады т. Потапова своевременно прибыть на ст. Кинель. Предстоящее наступление требовало продуманной расстановки сил.

Врид. начдив 25 Кутяков отдает распоряжение, чтобы к 8 июля бригада т. Плясункова вышла в район Игумнова, 73-я бригада — в район Зайкин-Умет-Грязный, 74-й бригаде на подводах сосредоточиться в районе Соболева, а 75-й бригаде после высадки следовать по маршрутам 74-й бригады.

Перед участком Чапаевской дивизии находился 2-й Уральский конный корпус ген. Савельева, главные силы которого группировались в районе Умет-Грязный. Корпус этот атаковал 7 июля в районе Б. Черниговки, у хуторов Мордовский и Пьянов, 73-ю бригаду, в частности авангардный 218-й Стеньки Разина полк, который, не выдержав атаки, начал отход. Подоспевшие остальные части 73-й бригады, а

также бригады т. Плясункова, восстановили положение. Все же казаки успели уничтожить 3-й батальон Разинского полка.

на юг. Чтобы замедлить продвижение Чапаевской дивизии, он поджег ковыльные степи на площади 150 километров.

Продолжая свое движение, эти две и 74-я бригады заняли 8 июля указанные т. Кутяковым в приказе пункты¹⁾. Корпус ген. Савельева, проиграв бой у Б. Черниговки, начал спешно отходить

В эти дни ветер дул с севера на юг. Чапаевские части двигались вслед за пожаром по голой степи, среди дыма и гари, охвативших хутора и станицы. Казаки не оказывали почти никакого сопротивления. К 10 июля бригада т. Плясункова вышла в район ст. Пере-

¹⁾ См. схему № 3.

метной, 73-я бригада вступила в Деркульский и Женский скит.

Наконец 11 июля в 7 часов утра красные части соединились в хут. Новеньком с 1-м батальоном 194-го стрелкового полка.

Василий Иванович Чапаев с т. Фурмановым прибыли на автомобиле из Самары в Уральск ровно к 12 часам, а в 15 часов весь гарнизон Уральска был построен на парад, который принимал В. И. Чапаев.

Встреча Чапаева с войсками 22-й Краснодарской дивизии и населением города была потрясающей. Все улицы украсились красными полотнищами, на которых гордо красовалось имя Чапаева. Отовсюду Чапаеву кричали «ура». Город принял торжественный, праздничный вид. Освобожденный Василием Ивановичем от осады Уральск и 22-я Краснодарская дивизия ликовали победу.

Гибель В. И. Чапаева

Армия ген. Толстова отступила на юг. Штаб ее обосновался в Лбищенске.

1-й Илецкий конный корпус ген. Акутина (4-я и 5-я кав. дивизии) отошел за р. Урал, на участок ст. Барбастау—ст. Линевская с задачей: защищать направление на Джамбейтинскую Ставку. 2-й корпус ген. Савельева в составе трех конных дивизий, Гурьевского, Уральского, Калмыковского, Лбищенского и 33-го Николаевского пехотных полков, Семеновской, Брыковской дружин и юнкерской школы отошел на фронт хутора Усиха и ф. Чаганский. 6-я кав. дивизия полковника Бородина оставила Александров-Гай, отойдя в район ст. Соломихинской.

Войска же 4-й Красной армии сосредоточились к этому времени в следующих пунктах:

1-я и 2-я бригады 50-й стр. дивизии в районе ст. Озинки и Семиглавы Мар; 3-я бригада—в районе Александрова-Гая; 25-й Чапаевской дивизии 73-я бригада т. Кутякова — в районе ст. Переметная; 74-я бригада Зубарева—в районе Круглоозерного, 75-я бригада Потапова—в Уральске. Штаб

Чапаевцев расположился в Уральске. Бригада т. Плясункова перебрасывалась в 49-ю дивизию через Уральск, в район Илецкого Городка. 22-я Краснодарская дивизия, выступившая из Уральска в район ст. Шипово, дальнейшим своим маршрутом имела деникинский фронт.

Командарм 4 т. Авксентьевский приказал Чапаевской дивизии продолжать преследование Уральской казачьей армии с задачей — занять Лбищенск и Джамбейтинскую Ставку.

В момент отдачи приказа все тылы бригад Чапаевской дивизии находились в движении на пути из Уфы в район Бузулука. Поэтому распоряжение т. Авксентьевского ставило полки дивизии в весьма тяжелые условия и по части питания, и в отношении снабжения огнеприпасами. Но, несмотря на это, 73-я бригада выступила на х. Усиха, 74-я на ф. Чаганский, а 75-я бригада приступила к постройке моста через реку в Уральске.

С 15 по 25 июля между чапаевскими частями и казаками в районе Усиха происходили жестокие бои, где ежедневно 2-й Уральский корпус ген. Савельева ходил утром и вечером в атаку: с флангов и тыла в конном строю, а с фронта—в пехотном.

73-я бригада, истекая кровью, несла огромный урон, но бойцы героически отбивали атаки казаков. Больше всего изнуряла июльская жара, доходившая до 60 градусов. От полного отсутствия воды и невозможности во всей обширной степи найти хоть кустик для защиты от знойного солнца не мало погибло красных бойцов от солнечных ударов и жажды. И все же 73-я бригада не только не отступила из безводной Усихинской степи, но сумела отбить все атаки противника и вынудила главные силы казачьей армии перейти к обороне. Тем самым инициатива перешла к нам.

Эти бои окончательно подорвали здоровье т. Кутякова, и Чапаев предоставил ему месячный отпуск.

В первых числах августа т. Авксентьевский был отстранен от должности и на его место назначен т. Лазаревич.

После удачи в борьбе с ген. Савельевым слава вокруг имени Чапаева еще более выросла. Фактически в это время ему подчинялись все наиболее боеспособные части 4-й армии, в том числе 1-я бригада 50-й дивизии и 2-я бригада 47-й дивизии.

Всем подчиненным ему частям он приказал перейти в решительное наступление для занятия Лбищенска и Джамбейтинской Ставки.

В самых тяжелых природных условиях, при отсутствии самого скромного снабжения продовольствием и огнеприпасами, чапаевцам все же удалось за 15 суток пройти более 200 километров и занять Лбищенск и ст. Сахарную.

Начальник штаба Уральской казачьей белой армии полковник генштаба Моторнов так описывает период времени, когда в Лбищенске была расположена база и штаб Чапаева¹⁾:

«В течение второй половины июля и первой половины августа Уральская армия, теснимая частями 25-й дивизии, обороняя каждый поселок и почти каждый хутор, расположенные к западу от линии Уральск—Гурьев, отошла в район Калмыков—Каленый. Почти все жители оставляемых казаками станиц отходили на юг со всем своим скарбом и скотом. Это было бедствием для армии, ибо в южных станицах отсутствовал хлеб, и переполнение беженцами грозило голодом. А сотни тысяч скота, гонимого ими в тыл, уничтожались по пути запасы сена и траву, как саранча. Кроме того, эти беженцы располагались бивуаком в ближайшем тылу армии, чем мешали маневрированию. Стоило частям армии остановиться, как оставались и беженцы, не слушая ничьих приказов об отходе в глубокий тыл.

Район к северу от Калмыкова через 2—3 дня после отхода армии к поселку Каленому представлял собой буквально голую степь, даже низкие ветки на деревьях, и те были съедены.

Армия была лишена местных фуражных средств, а доставка сена с

Бухарской стороны, за отсутствием мостов через р. Урал и недостатком лодок, была крайне затруднительная.

Конский состав начал быстро ухудшаться. Вместо заболевшего ген. Савельева вступил в командование Уральским корпусом ген. Титруев, который предполагал встретить наступление красных чапаевских частей на поселок Каленый массовой конной атакой. Для этого вся конница армии занималась репетициями.

К этому времени из района Соломихинской к поселку Каленому была подтянута 6-я кав. дивизия полковника Бородина. А для наблюдения за красными (3-я бригада 50-й стр. дивизии), занимавшими ст. Соломихинскую, оставлен был 1-й партизанский Чижинский кав. полк.

С предполагаемым ген. Титруевым способом действий не были согласны начальники частей, но они не отказывались исполнить приказ «о конной массовой атаке». Они предлагали слабую конским составом и подорванную морально конницу использовать для набега на тыл красных. Командующий армией генерал Толстов согласился с предложением начальников частей. Для этого рейда—налета 2 сентября 1919 г.—выступили из ф. Каленый 6-я кав. дивизия полковника Бородина и 2-я кав. дивизия полковника Сладкова, через ст. Кизил-Убанскую и далее по долине Кушум для атаки красных частей, занимавших г. Лбищенск».

Со своей стороны мы считаем необходимым объяснить, что состояние войск Чапаева было во много раз хуже армии генерала Толстова: во-первых, войска Чапаева были оторваны от Уральска, где находилась главная база, более чем на 200 км.; совершенно отсутствовал транспорт, и это ставило красные части в катастрофическое положение не только с огнеприпасами, но и в отношении хлеба, который не выдавался бойцам иногда по несколько суток и на почве чего в 1-й бригаде 50-й дивизии бывали большие недоразумения.

¹⁾ Стр. 24 — 25 доклада Моторнова.

Отходившая же на юг к берегам Каспия армия Толстова сумела получить в Гурьеве от иностранных союзников не только обмундирование, снаряжение, огнеприпасы, но даже артиллерию, аэропланы и броневики (не бесплатно, а в обмен за эмбинскую нефть и украденное у революции золото).

Во-вторых, стратегическая обстановка Уральской армии, в сравнении с войсками Чапаева, была более выгодной. Необычные степные равнины способствовали конным массам ген. Толстова свободно совершать глубокие марши и маневры. Абсолютная же прерывчатость фронта красных давала армии казаков возможность безнаказанно совершать какие угодно фатастические рейды-набеги на тылы Чапаева, который этому не мог противодействовать,—бездонные огромные степи были непреодолимы для пехоты. Прислухивавшая же в это время по Самарской губернии уборка хлеба не позволяла Чапаеву мобилизовать у крестьян подводы, которых требовалось не менее 10—15 тысяч. Гужевая повинность к тому же вызывала со стороны крестьян неприязнь к гражданской войне, и поэтому Василий Иванович, чутко прислушивавшийся к нуждам крестьян, настроение которых, как эхо, откликалось в рядах его бойцов, стремился как-нибудь выйти из кризиса силами своих войск, оставляя крестьян в покое.

Но главное все же заключалось в невыгодной группировке войск Чапаева. В частности, группа т. Аксенова отстала от линии фронта на 100 км. Это обнажало всю коммуникацию Чапаева, в особенности открыт был для ударов казаков с Бухарской стороны Лбищенск.

Когда выяснилось, что т. Аксенову занять Джамбейтинскую Ставку не удастся, В. И. Чапаев бросил из Мергеневской на Бухарскую сторону для содействия аксеновской группе свой последний резерв — группу тов. Бубенца в составе 223-го, 218-го стр. полков, 25-го кав. полка и Доно-Кубанского кав. дивизиона.

Чапаев остался без резерва, а полководец, оставшийся без резерва, уже не

в состоянии, как следует, управлять боем, наоборот, тогда события управляют им. Командир без резерва часто превращается в фаталиста и ведет бой или операцию на «удалую», «что бог даст».

Следует также заметить, что чрезмерная вера в свои личные качества приводит полководца к недооценке врага. А это в борьбе ведет к разгрому, катастрофе, гибели. Тем более чувство меры должен иметь талантливый полководец и время от времени проверять и контролировать свои поступки. На войне, в бою это должно быть законом для командиров всех степеней.

Таким образом, когда резервная группа тов. Бубенца переправилась на левый берег Урала и была двинута на Джамбейтинскую Ставку, стратегическое положение войск Чапаева еще больше ухудшилось, так как против главных сил армии ген. Толстова в районе ст. Сахарная и пос. Каршинский осталась лишь группа войск т. Кутякова в составе восьми стрелковых полков, двух кавалерийских дивизионов и всей тяжелой артиллерии дивизии. Эта группа занимала пространство до 15 км. в глубину и до 10 км. по фронту. Кавалерийские дивизионы наблюдали за местностью, расположенной на 40 км. к западу от Сахарной. Вся остальная огромная территория между Волгой и р. Уралом, равная 400 километрам, лежала как бы не освещенной и не проверенной красными войсками. Это давало возможность казначей армии на этом пространстве безнаказанно маневрировать своими огромными конскими массами.

Не имея резерва, Чапаев не мог прикрыть ближайшую тыловую линию, тянувшуюся от ст. Сахарной до Уральска на протяжении 200 км. И даже штаб 25-й дивизии, расположившийся в Лбищенске, не был защищен от набега конницы казаков как с запада, так и с востока. Ничего не было проще для врага, как произвести набег на Лбищенск и даже на Уральск, в котором к тому же, кроме разных тыловых учреждений, не было и войск. В случае занятия Уральска войсками 4-й Красной

армии пришлось бы отходить не до ст. Скворкин, а куда-то далеко на север. Но этого генерал Толстов не сделал.

Не менее катастрофично было положение группы т. Бубенца. Тов. Бубенец, двигавшийся от р. Урала на Джамбейтинскую Ставку по пустынной Бухарской стороне, мог быть легко разбит конным корпусом ген. Акутина, так как не имел связи ни с группой т. Кутякова, ни с группой т. Аксенова. В таком же печальном положении, как и группа т. Бубенца, находились войска т. Аксенова, расположенные на шестидесятикилометровом фронте к северо-востоку от оз. Челкар.

В общем войска Чапаева были растянуты на фронте более чем 200 км., причем между всеми тремя группами войск имелись промежутки до сотни километров, которые не только ничем не были прикрыты, но даже не была в этих направлениях организована разведка.

При желании ген. Толстов мог бы поочередно уничтожить эти разрозненные группы. Но на это недостаточно решительный ген. Толстов, к счастью, не был способен.

В-третьих, войска Чапаева при недавнем движении на юг к берегам Каспия, в особенности при взятии Мергеневской и Сахарной, понесли огромные потери. В этих боях В. И. Чапаев применял тактику лобовых ударов, выстраивая цепи шести стрелковых полков в затылок друг к другу. Боевой порядок при этом наступлении прикрывался справа частями 1-й бригады 50-й стрелковой дивизии, а слева естественной преградой — рекой Уралом. Волнообразно продвигаясь вперед, красные цепи шести стрелковых полков Чапаева штыковыми атаками взяли тогда вышеуказанные пункты, потеряв убитыми и ранеными до 3 тысяч бойцов, что обескровило 73-ю и 74-ю бригады. Для восстановления морального и физического состояния войск группы т. Кутякова необходим был отдых; нужно было также удовлетворить острую нужду в огнеприпасах и хлебе. Поэтому-то Чапаев, вместо насту-

пления на ф. Каленый, вместо атаки главных сил армии ген. Толстова, приказал группе т. Кутякова пока-что стоять на месте и оборонять район ст. Сахарная — пос. Каршинский.

В сентябре солнце палило беспощадно. Особенно жарко было на юге Урала. По утрам и вечерам дули порывистые сухие ветры.

Быстрый в этих местах Урал, как бы не желая нарушить тишину, медленно двигался по широкой степной долине. Берега его обросли вековым камышом и мелким кустарником. На берегах Бухарской стороны, резко вырисовываясь на фоне желтых сыпучих дюн, пестрели отдельные рощи лиственного леса. Богатые казачьи станицы и хутора сиротливо возвышались на крутых холмах Урала. В них царил полнейшая тишина. На широких улицах встретишь лишь сгорбленного старика или старуху. Все боеспособное население было взято под ружье и находилось на фронтах. Женщины же и дети со всем скарбом и скотом кочевали, как громадные таборы цыган, в тылу своей армии вблизи фронта.

Порывистые ветры, дующие с Каспийского моря, подымали по утрам огромные тучи мелкой пыли. Уж больше двух месяцев не было дождей.

Нарушая тишину, в середине пыльного дня слышались отдельные выстрелы орудий. А по вечерам на берегу Урала то и дело раздавались отдельные взрывы ручных гранат, — этим способом чапаевцы глушили жирную рыбу в реке.

Командиры частей поругивались на «рыбаков» за то, что те губят по пустыкам ручные гранаты, но бороться с этим не могли, так как густые камыши Урала совершенно скрывали любителей свежей рыбы. Да к тому же и с порциями дело обстояло очень плохо.

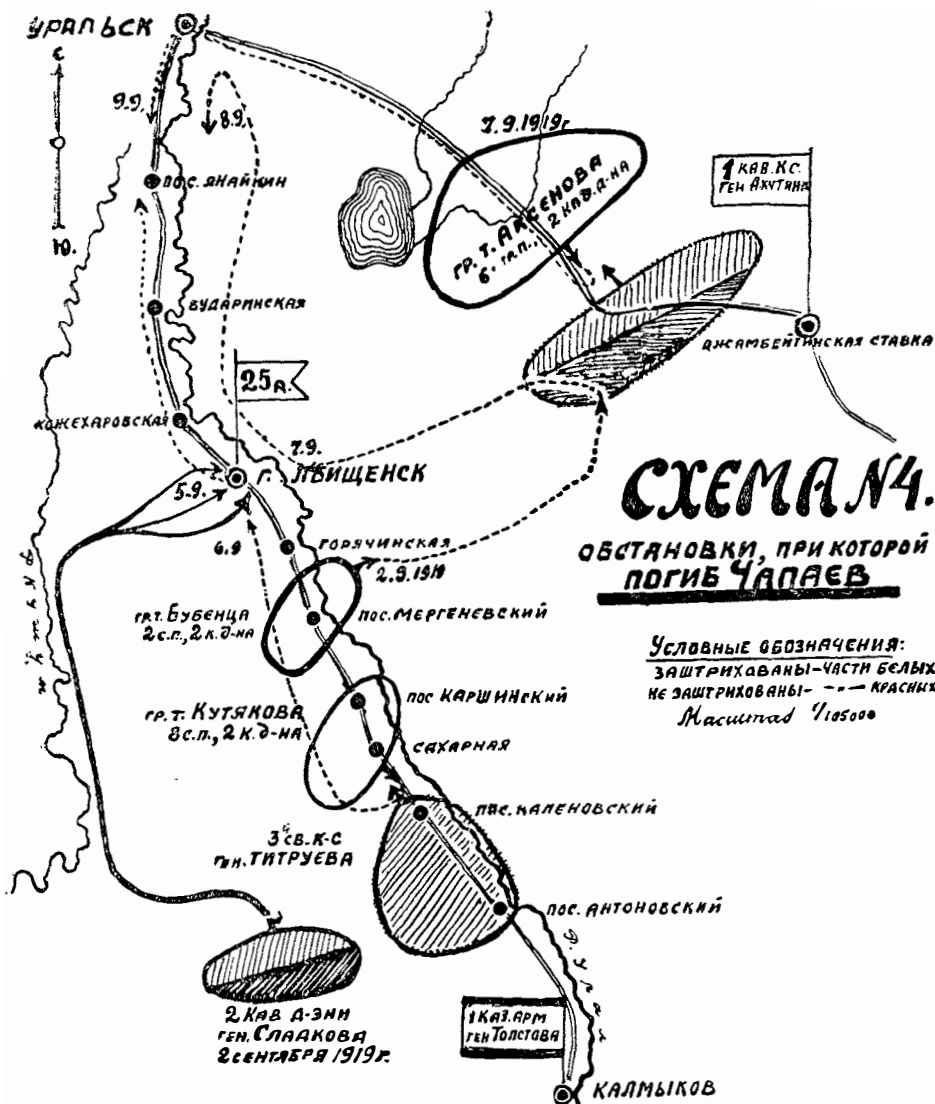
Чапаевские части стояли последние десять суток на месте, как бы на отдыхе. Так, по крайней мере, объясняли бойцам это временное затишье комиссары. Но фактически по причинам, описанным выше, чапаевцы просто не могли двигаться вперед, к берегам Каспия, на Гурьев, на ставку ген. Толстова.

К моменту гибели Чапаева группировка войск обеих борющихся сторон была следующая: 1)

1) Группа т. Кутякова в составе восьми стрелковых полков, двух диви-

3) Группа т. Аксенова в районе озера Чалкар — на линии хуторов Тартжионовский и Малакучинский.

1) 1-й кав. корпус ген. Акутина, защищавший Джембейтинскую Ставку,

зионов с 32 орудиями и всей тяжелой артиллерией дивизии была расположена в районе ст. Сахарная.

2) Группа т. Бубенца на Бухарской стороне находилась в движении на Джембейтинскую Ставку (в 50 клм. к востоку от Лбищенска).

действовал одновременно против группы т. Аксенова и т. Бубенца.

2) 2-й кав. корпус, возглавляемый ген. Сладковым, был в движении на Лбищенск.

3) 3-й сводный корпус ген. Титруева защищал направление на г. Калмыков, действуя против группы т. Кутякова.

1) См. схему № 4.

Перед самым наступлением ген. Сладкова Чапаев 4 сентября со своим новым военкомом Батуриным были в Сахарной в 1-й бригаде 50-й стрелковой дивизии, которая, не получая трое суток хлеба, как тогда у нас говорили, «волынила» и «бузила». На митинге В. И. Чапаев приказал командиру группы т. Кутякову отобрать от каждого красноармейца других двух бригад по полфунту хлеба для передачи голодающим бойцам. Этими мерами конфликт был улажен. После этого в штабе группы Чапаев пообещал и уехал на форде в Лбищенск. Перед отъездом военком группы тов. Сысойкин просил тов. Чапаева и военкомдива Батурина остаться ночевать на ф. Каршинском, но они категорически отказались.

В то время, когда Чапаев улаживал конфликт с хлебом, 2-й кон. корпус казаков, в составе двух кав. дивизий под командованием ген. Сладкова и полковника Бородина, маршировал по долине Кушум и достиг района урочища Кузда-Гора (в 25 км. к западу от Лбищенска). Прячась в густых камышах долины, казаки весь день 4 сентября простояли на месте, готовясь к наступлением темноты захватить город и разгромить штаб Чапаева, охраняемый одной лишь дивизионной школой т. Чекова в количестве 600 штыков.

Об этом движении корпуса ген. Сладкова Чапаеву ничего известно не было, так как четыре аэроплана, высланные на разведку штабом утром и вечером, в частности для освещения местности долины Кушум и далее на ст. Соломихинскую и Кизил-Убинскую, никого не обнаружили.

Поэтому и В. И. Чапаев и его штаб особой опасности налета казаков на Лбищенск не ожидали. Но около 23 часов 4 сентября в штаб дивизии прискакали посланные утром этого дня в степь за сеном обозники и сообщили начальнику штаба тов. Новикову, что около двадцати повозок в расстоянии 15 км. от Лбищенска попали в плен казакам.

На вопрос т. Новикова, много ли было казаков, обозники сбивчиво ответили, что видели не более сотни всадников, которые «действуют», то-есть хва-

тают в плен отдельные группы ихнего брата — мобилизованных крестьян. Тов. Новиков немедленно доложил о происшедшем только-что вернувшимся из Сахарной Чапаеву и Батурину.

«Ловили ли раньше казаки наших обозников?» — спросил Чапаев начштаба. Новиков ответил, что это было чуть ли не каждый день. Уставший Василий Иванович не придавал особого значения этому событию и сказал, что это вероятно отдельные кучки казачьих партизан ведут разведку, что так, повидимому, будет и в дальнейшем, и вообще это не серьезное дело. Важнее знать, — продолжал Чапаев, — что обнаружены «красными» летчиками, которые совершали разведку в направлении Соломихинской и Кизил-Убинской. Но и тут ответ т. Новикова был успокоительный: в течение последних шести суток нашим авиаотрядом в этом направлении конница казаков обнаружена не была.

Чапаев, подводя итог выслушанного им доклада, сказал, что опасения некоторых наших комбригов за правый фланг войск излишни. Тов. Новиков, вежливый и скромный человек, молча согласился с доводами Чапаева. Но, как бывший офицер генштаба, работавший около года с Василием Ивановичем и пользовавшийся с его стороны неограниченным доверием, он должен был бы конечно более обстоятельно и настойчиво осветить серьезность оперативной обстановки на правом фланге войск Чапаева. Вероятно по причине своей усталости и интеллигентской корректности т. Новиков этого не сделал. Манера работы у этого человека, надо сказать, была очень странная: добросовестно занимаясь в штабе с большим напряжением день и ночь, он стремился все делать сам, в то время как остальные сотрудники штаба бездельничали. У т. Новикова никогда не оставалось свободного времени как на изучение своего аппарата, так и непосредственно подчиненных ему частей, в частности вновь прибывшего из штаба 4-й армии авиационного отряда.

Мы уже тогда были убеждены, что летчики, обслуживающие Чапаева, были чужими людьми в Красной армии. Со-

вершая в течение шести суток утренние и вечерние рейсы, они не могли не заметить врага. Если даже предположить, что 2-й кав. корпус казаков, передвигавшийся исключительно ночью, не мог быть обнаружен на марше, то ведь днем-то как это стало известно потом, он стоял всего в 25 км. от нашего аэродрома, и, какие бы ни были густые камыши, все же скрыть от взоров летчиков пять тысяч сабель было невозможно. Поэтому «близорукость» летчиков была очень подозрительна. Личный состав авиаотряда Чапаева безусловно был контрреволюционером. Он выполнял предательскую роль не только в отношении чапаевских войск, но и вообще всей Красной армии и советской власти. Наше подозрение подтвердилось на другой же день, 5 сентября. В момент захвата Абищенска вторым корпусом казаков все четыре аэроплана в 10 часов поднялись в воздух и пролетели через группу войск т. Кутякова прямо в Калмыков, чтобы сообщить там об уничтожении казаками базы и штаба Чапаева.

Кроме того, и в самом штабе 25-й дивизии безусловно были если не прямые предатели, то все же мало сочувствующие советской власти люди. Офицерская часть штаба например в большинстве своем сдавалась в плен казакам. Казаки обычно расстреливали всех пленных, в том числе даже мобилизованных обозников, но офицеров не трогали. Более того: когда части Чапаевской дивизии, оправившись после поражения, заняли 5 января 1920 года Гурьев, то эти офицеры — бывшие оперативные сотрудники Чапаева — явились в штаб дивизии и при опросе сообщили, что они занимали административные должности в армии ген. Толстова.

Осиротевшее после смерти Чапаева командование 25-й Чапаевской дивизии офицеров этих тогда только потому не расстреляло, что Красная армия очень остро нуждалась в военных работниках: при ликвидации Уральского фронта от тифа и огня погибло много сотрудников штабов полков, бригад и дивизий. Поэтому этот элемент повторно был допущен к командным должностям.

Итак, штаб Чапаева в ночь под 5 сентября спал спокойным крепким сном. Охрану Абищенска с момента его занятия и до падения, как мы уже говорили, несла дивизионная школа тов. Чекова в составе 600 человек.

Продуманного плана обороны города Абищенска не было. Начальник школы т. Чеков на окраинах города выставлял отдельные заставы, обычно по взводу пехоты каждая; заставы находились одна от другой на расстоянии двух километров и не имели между собой даже телефонной связи. И если на какой-нибудь заставе по разным причинам открывалась стрельба, то для выяснения этого направлялись посыльные курсанты школы.

Внутри же города по ночам охрану и порядок несли отдельные пешие патрули. В случае же тревоги разбросанные по всему городу по частным квартирам курсанты должны были в спешном порядке собираться на Соборной площади.

Остальная масса военнослужащих штаба, отдела снабжения, трибунала, ревкома и других учреждений (числом до 2 тысяч человек) не знала, какие занимать позиции на случай казачьего набега. Две тысячи мобилизованных обозников крестьян тоже не имели никакого представления, где им находиться во время боя и куда отступать в случае неудачи.

Вооруженных людей при штабе и базе т. Чапаева было много, но они не были собраны в отряды, не были распределены по секторам и боевым участкам.

Поэтому, когда начался бой с казаками, то бойцы не знали, что им делать. Самая активная часть из них побежала за распоряжением к штабу на Соборную площадь. Стрельба казаков заставляла их по дороге забегать в первопопавшиеся дома и на ходу отстреливаться. Ночная темнота не давала возможности ориентироваться в создавшейся обстановке уличного боя. Как сами бойцы, так и их начальники не могли понять, откуда наносится главный удар врага. Установить в этих условиях боевой порядок было очень трудно. Хаос, растерянность скоро перешли в панику.

5 сентября 1919 г. около часу ночи 2-й кав. корпус ген. Сладкова подошел вплотную к г. Абищенску. 6-я кав. дивизия полковника Бородина наносила удар с запада и севера, а 2-я кав. дивизия — с юга.

Слабая оборона Абищенска позволила противнику еще до момента снятия им неожиданной атакой красных застав пройти незаметно отдельными сотнями в город, улицы которого были ему, в особенности казачьему Абищенскому кав. полку, отлично известны. Одновременно с нападением на окраины города ворвавшиеся внутрь города казаки открыли по обозу ружейно-пулеметный огонь и забросали квартиры командиров ручными гранатами. Бой сразу принял хаотический характер.

По всему городу шла беспорядочная стрельба. Настоящие бойцы — чапаевцы — в плен не сдавались и в одиночку из окон и с крыш вели бой с прекрасно вооруженным и подготовленным врагом.

Отдельным курсантам дивизионной школы и сотрудникам подива 25 удалось под командованием тт. Крайнюкова и Суворова пробиться к штабу Чапаева на Соборную площадь, где Василий Иванович с кучкой своего конвоя вел жестокий бой со 2-й кав. дивизией казаков.

Он был уже ранен в руку, но продолжал оставаться в строю и руководить боем. С подходом группы курсантов и работников подива Чапаев и Батулин не раз ходили в контратаку и штыковым боем очищали Соборную площадь от казачьих белых банд. Бой длился уже четыре часа.

Яркие лучи восходящего солнца освещали горевший боем степной городок Абищенск. Ргссвет дал возможность казакам пустить в ход молчавшую до сих пор артиллерию, из которой теперь легко можно было разить сопротивляющиеся очаги чапаевцев. Через час снаряды окончательно сломили сопротивление красных бойцов. Абищенск оказался во вражеских руках.

К 6 часам утра отдельные кучки чапаевцев начали пробиваться к реке Урал, чтобы вплавь спасти свою жизнь.

Но казаки учли эту возможность и подтянули к реке не только пулеметы, но и артиллерию. Бросавшихся в воду красных казаки беспощадно расстреливали, как охотники дичь на озере.

В. И. Чапаев, истекая кровью и почти теряя сознание, продолжал биться на площади. Группа ординарцев, во главе с его порученцем Петей Исаевым, силой повела Чапаева с площади, которая уже три раза переходила из рук в руки, к берегу реки.

Обороняющие площадь курсанты дивизионной школы бились до последнего. Командир этой школы т. Чеков вместе со своим старшим сыном героически погибли в последней штыковой атаке. Чапаевцев на площади оставалось не более сотни человек. Убит был военкомдив т. Батулин. Зарублен за пулеметом старейший комиссар-чапаевец т. Крайнюков. Застрелен в момент штыковой атаки начподив 25 т. Суворов. Тяжело ранен в ногу начальник штаба дивизии т. Новиков. Героически погибли все командиры — настоящие чапаевцы. Казаки, окружив со всех сторон Соборную площадь, отрезали путь отступления красным защитникам к реке. Видя безвыходность положения и израсходовав все патроны нагана по наседавшим конным казакам, начальник снабжения 73-й бригады, бывший офицер т. Козлов, со словами: «Чапаевцы умирают, но в плен не сдаются» — выпустил последнюю пулю себе в висок.

По счастливой случайности находившиеся при т. Козлове его отважные помощники — тт. Белобородов, Пантелеев, Зайцев и казначей 218-го Стеньки Разина полка т. Дадонов — пробились штыками на южную окраину города. Им удалось вплавь перебраться на другой берег и присоединиться в Мergenевской к группе войск т. Кутякова.

Василия Ивановича почти в бессознательном состоянии, под градом пулеметного огня, спустили в бурные воды реки.

В это время года Урал с его быстро несущимися неласковыми водами представлял плохое спасение для раненого Василия Ивановича. Его ждала холодная могила.

Истекая кровью, Чапаев под ливнем вражеских пуль, направленных на выбивавшегося из сил отважного героя, сумел доплыть до середины реки. Но меткая пуля из пулемета попадает ему в голову, и Чапаев, окунувшись несколько раз, пошел безвозвратно ко дну.

Мутные волны Урала приняли в свои объятия одного из лучших, храбрейших бойцов и полководцев Красной армии.

Преданный до конца жизни своему командиру, порученец Петя Исаев в то время, как Василий Иванович боролся с холодными волнами, стоял терпеливо на берегу, отстреливаясь от врага и отводя их удары от Чапаева. Он надеялся, что Василий Иванович найдет в себе силы доплыть до другого берега и спастись. Но, видя перед собой безвременную гибель любимого человека и не имея возможности дальше бороться, он пускает себе в висок смертельную пулю и падает, как подкошенный, в том самом месте, откуда он спустил Чапаева в волны.

Город Лбищенск со всеми запасами перешел в руки врага.

Здесь необходимо отметить героический подвиг одного чапаевца-красногвардейца, старика-обозника, который проявил изумительную храбрость и находчивость¹⁾. Дело было так. Закончив в городе бой, казаки начали производить жестокую расправу над пленными обозниками и ранеными чапаевцами. Они организовано выводили пленных за город и уничтожали их там из пулеметов. В это время начальник 6-й Чижинской кав. дивизии полковник Бородин, один из талантливых офицеров Уральской белой армии, по происхождению богатый помещик, въехал во двор одного дома. Здесь, зарывшись в сене и спрятавшись от казачьего расстрела, лежал в повозке раненый обозник. Окончательно убедившись, что помощи ждать неоткуда, старик решил погибнуть с честью, но в плен не сдаваться. Увидя перед собой въехавшего на двор полковника, старик поднялся на повозке и выстрелом в упор из винтовки убил Бородина наповал.

¹⁾ Этот эпизод воспроизведен в фильме «Чапаев» в сцене гибели полковника Бородина.

В. И. Чапаев
1919 г.

Подскакившие ординарцы бросились в ту же минуту на чапаевца и немедленно изрубили героя на части. Имя чапаевца, отомстившего за своего вождя В. И. Чапаева, осталось неизвестным.

Поступок храброго чапаевца является идеалом боевой пролетарской выдержки и сознательности. Так может и должен поступить в классовой борьбе каждый боец Красной армии. Советская революционная молодежь должна тщательно изучать героину прошедшей великой гражданской войны, чтобы на ее примерах учиться беззаветной борьбе за социализм.

В дальнейшем ход боевых событий происходил в следующем виде.

Около 4 часов того же трагического дня командир группы т. Кутяков был срочно вызван к телефону заведующим хозяйством Стеньки Разина полка т. Кутузовым, который находился в Горячинском при полковых обозах, в 15 км. от Лбищенска.

Тов. Кутузов сообщил Кутякову, что со стороны города уже в продолжение двух часов слышна не только ружейно-пулеметная стрельба, но даже артиллерийская канонада и что около двух казачьих кав. полков двигаются из Лбищенска на Горячинский, вероятно с целью захвата наших обозов. Поэтому т. Кутузов спешно просил разрешения начать отход имеющихся у него тысячи повозок на ст. Сахарную.

Тов. Кутяков не удовлетворил просьбы завхоза: обозы должны остаться на месте, повозками надо забаррикадировать улицы Горячинского и держаться так до 12 часов. К этому времени на поддержку подойдет 73-й кав. дивизион, а к 14 часам вся 73-я бригада т. Рязанцева.

Тов. Кутяков приказал т. Кутузову, пригрозив ему в случае неподчинения расстрелом, взять на себя обязанности коменданта обороны форпоста.

Через час после разговора по телефону бригада т. Рязанцева была поднята по тревоге и брошена на подводах из ф. Каршинского в Лбищенск на помощь Чапаеву.

Пройдя 70-километровый путь, бригада к вечеру этого дня атаковала Лбищенск. Но корпус ген. Сладкова отбросил ее в исходное положение к Горячинскому. Эта неудача вынудила командира группы т. Кутякова принять командование над оставшимися частями 25-й Чапаевской дивизии и дать приказ на отход к г. Уральску, то-есть на выход и прорыв бело-казачьего окружения.

Мы не будем описывать, как совершался отход, как происходили все те бои, которые пришлось вести чапаевцам после гибели своего вождя Василия Ивановича. Это выходит за пределы темы. Остановимся лишь на тех моментах, которые не были до настоящего времени опубликованы.

В ночь на 6 сентября, перед самым отходом главных сил группы т. Кутякова из ст. Сахарной, командир 2-й бригады т. Сокол передал по телефону т. Кутякову, что в каменном соборе станицы находятся запрятанные казаками несколько десятков тысяч снарядов. Так

как взять их с собой не представлялось никакой возможности, т. Кутяков распорядился, во избежание захвата снарядов казаками, их взорвать. Но произвести немедленный взрыв было нельзя, — страшный грохот мог бы послужить сигналом для армии ген. Толстова, что красные уходят... Тов. Кутяков приказал поэтому взорвать собор лишь тогда, когда оставленный в арьергарде 74-й кав. дивизион т. Петрова последним покинет ст. Сахарную. Это, кстати, должно было служить сигналом для всех войск группы Кутякова, что в ст. Сахарную вошли казаки.

6 сентября, около 14 часов, собор взлетел на воздух. Волны Урала разнесли гул от взрыва на десятки километров. Детонация от взорвавшихся снарядов была настолько велика, что в домах и надворных постройках самовозгорались спряятанные казаками патроны и ручные гранаты. Станица пылала в огне пожара и взрывов.

Огонь делал свое дело. Шум, трескотня, взрывы, дикие крики людей, рев животных и птиц... Сквозь дым и пламя скакали красные чапаевские дозоры. И, как бы вступая в согласие с огнем, поднялся ветер, буря. Огромные языки пламени начали перебрасываться на соседние станицы. Все это создавало жуткую картину. В воздухе пахло гарью. Весь путь отхода чапаевцев к Уральску заволкло дымом и пылью.

6 сентября, около 17 часов, бригаде т. Рязанцева удалось захватить Лбищенск. Группа т. Бубенца, по приказу Кутякова, отошла от Джамбейтинской Ставки и встала на левом берегу Урала, напротив Лбищенска.

Нетрудно конечно угадать, что представлял собой этот город после гибели Чапаева.

По всем улицам, и в особенности в его западной стороне, в районе ветряных мельниц, валялось не менее 2.000 трупов красноармейцев и обозников. Всего же погибло до 5.000 человек. Расстрелы казаки производили партиями по 100—200 человек из пулеметов. На местах расстрела находили множество записок на клочках газетной и курительной бумаги. Клочки эти под сильным порывом

ветра разносили предсмертные слова расстреливаемых:

«Гов. чапаевцы, нас ведут на расстрел.

Да здравствует советская власть!»

«Отомстите белым гадам за нашу смерть.

Да здравствует партия большевиков!

Да здравствует коммунизм!»

Усталые, голодные, оборванные, без патронов и снарядов, чапаевские части остановились на несколько часов во вновь отбитом Лбищенске. Нужно было подобрать раненых и найти труп Чапаева. Но все поиски трупа Василия Ивановича были безрезультатны. В бане под полом нашли начальника штаба т. Новикова, у которого после тяжелого ранения в ногу получилось от загрязнения заражение крови.

Знакомый уже нам полковник генштаба Моторнов так описывает гибель Чапаева и отход красных частей на г. Уральск¹⁾:

«Лбищенск взят 5 сентября с упорным боем, который длился 6 часов. В результате были уничтожены и взяты в плен²⁾: штаб 25-й дивизии, инструкторская школа, дивизионные учреждения. Захвачено 4 самолета, 5 автомобилей и прочая военная добыча.

После ночлега в Лбищенске наш отряд (в составе 2 кав. дивизий), оставив в тылу у себя Сахарновскую группу красных (Кутякова), двинулся на север и, только дойдя до ф. Янайский, встретил противника. (Это была 75-я бригада т. Аксенова, которая двинулась на подводах через Уральск для соединения с основными силами 25-й Чапаевской дивизии. — И. К.).

Наша конница свернула из ф. Богатинского в степи, на хутора, лежащие к западу от этого поселка. Между тем оставшиеся в ф. Каленом пешие и конные части нашей Уральской армии, не учтя обстановки, которая

была сообщена им с самолетов из Лбищенска, и ожидая разложения отрезанной Сахарновской группы красных (Кутякова), только вечером 6/IX перешла в наступление.

К этому времени Сахарновская группа красных (Кутякова) зажгла станицу и поселки, начала отходить на север к Уральску. Наша казачья армия преследование вела крайне неэнергично и противник, зажигая все поселки до ст. Бударинская включительно и зажигая мельницы в Коловертном и Прорвинском, без потерь отошел к Янайску.

Следовавшие за ними главные силы казачьей армии атаковали отступающие войска красных. Но они атаку отбили и ночью отошли к ф. Скворкину, где приостановили свой отход и восстановили фронт по линии ст. Шипово, Скворкин, Барбастау».

Полковник Моторнов в своем докладе умолчал о том, что как раз на линии этого фронта красные 8 сентября отбили у казаков три орудия и две бронешины.

Чапаев погиб, но 25-я Чапаевская дивизия осталась жива

Весть о гибели Василия Ивановича Чапаева разнеслась по всей Волге и Уралу. Местные губернские работники в Самаре для увековечивания памяти Василия Ивановича переименовали Балаково, где он провел свое детство, в город Чапаев.

Реввоенсовет Туркфронта во главе с М. В. Фрунзе и Куйбышевым присваивает 25-й дивизии имя Чапаева.

Командарм Уральской армии ген. Толстов по поводу гибели В. И. Чапаева приказал отслужить во всех церквях подвластной ему области благодарственные молебны в честь победы над красным врагом.

Но казачья буржуазия жестоко просчиталась. Победу торжествовать она начала слишком рано. Хотя Чапаев и погиб, но его дивизия осталась жива.

Спустя два месяца после смерти своего полководца части Чапаевской дивизии перешли в решительное наступление

¹⁾ Доклад Моторнова, стр. 25.

²⁾ Сдались казакам бывшие офицеры, сотрудники штаба и безоружные мобилизованные обозники-крестьяне — И. К.

по всему фронту и под ф. Янайским разгромили всю пехоту ген. Толстова. Были пленены в полном составе Гурьевский и Калмыковский пехотные полки, 12 орудий, 50 пулеметов, 3 бронемашинны и прочее военное имущество.

Уральская казачья армия стремительно откатилась к берегам Каспия, к своей базе — городу Гурьеву.

Зима 1919 г. была самой тяжелой для красных войск Уральского фронта. Стояли жуткие морозы. Не имея теплой одежды и обуви, чапаевцы с невыносимыми лишениями преследовали казаков.

Тиф косил бойцов, как косарь косит на лугу траву.

Можно без всякого преувеличения сказать, что за всю гражданскую войну с уральским казачеством от сабель и огня погибло чапаевцев меньше, чем за два месяца продвижения их от Уральска к берегам Каспийского моря. Из 60 тысяч бойцов осталось не более 25 тысяч человек. Многие и из этих последних перенесли различные виды тифа и другие болезни.

После 600-км. марша и упорных боев Чапаевская дивизия 5 января 1920 г. заняла последний оплот белого казачества — г. Гурьев. 10 января она вернула Советской стране Эмбинские нефтяные источники, а 12-го — Жилую Косу.

Приближался долгожданный момент ликвидации Уральского фронта.

Белая казачья армия была совершенно разбита. 70 тысяч пленных солдат и офицеров. Удалось спастись бегством в Персию только ген. Толстову и его банде в составе 500 человек. Чапаевцы, можно сказать, изнывали под тяжестью трофеев: 600 пулеметов, 250 орудий, 12 бронемашин, 100 тысяч винтовок, огромное количество снарядов, патронов и снаряжения, 6 аэропланов. Особенно большую ценность имели для революции преподнесенные ей чапаевцами 12 миллионов тонн нефти и 2 миллиона тонн бензина.

В. И. Ленин прислал на имя начальника 25-й Чапаевской дивизии телеграмму, в которой благодарил бойцов за героическую борьбу и ликвидацию Уральского фронта.

После этого 25-я Чапаевская дивизия отводится в район Новоузенска и ст. Урбах в стратегический резерв Главкома.

В апреле 1920 г. все многочисленные белогвардейские фронты Красной армии ликвидируются.

Но буржуазная Европа еще не теряет своих надежд свергнуть советскую власть и превратить Россию в свою колонию, а ее героический народ в своих рабов. Поэтому буржуазная Европа заставляет своего вассала, Польшу, начать войну против Советской России.

Армии маршала Пилсудского выходят к берегам Днепра и захватывают в середине мая 1920 года Киев.

25-я Чапаевская дивизия из района Саратова перебрасывается под Киев. Ее авангардные части прибыли к Днепру в район д. Печки 30 мая, то-есть в то время, когда тылы ее еще были на реке Урал. Но ждать было некогда, и дивизия получила задачу выйти в тыл занимавшей украинскую столицу 3-й польской армии генерала Рыдзы-Смиглого.

1 июня 73-я бригада форсировала Днепр в районе д. Печки (к северу от Киева на 70 км.) и заняла на другой день м. Горностайполь. Здесь бригада разбила польскую кав. бригаду ген. Романовского.

Спознавшись, ген. Рыдза-Смиглый бросает в этом направлении свой резерв — ударную 1-ю дивизию легионеров. А командарм 4 ген. Сикорский направляет на Горностайполь из района Мозыря для разгрома Чапаевской дивизии 9-ю дивизию.

В результате боев под Горностайполем с 3-го по 8 июня чапаевцы вынудили все-таки польские части к отходу и захватили пленных и артиллерию.

73-я и 75-я бригады 25-й Чапаевской дивизии вышли 10 июня на 80 км. в тыл 3-й польской армии, в район ст. Бородянка и Тетерев. К этому времени на южном крыле Юго-Западного фронта, которым командовали гг. Егоров и Сталин, конница гг. Буденного и Ворошилова, прорвав Польский фронт в районе м. Сквиря, вступила в район Житомира.

3-я польская армия генерала Рыдзы-Смиглого оказалась в стратегическом

окружении. Маршал Пилсудский вынужден был отказаться от великодержавных мечтаний и отдал приказ своим армиям на отход от Днепра к западу, назад на родину, в Польшу.

Вероятно из-за боязни конницы Буденного 3-я польская армия начала отход не по Житомирскому шоссе, а по железной дороге на Коростень, то-есть через занятые чапаевцами позиции.

Трое суток полки Чапаевской дивизии билась на р. Здвиж, в районе м. Бородянка, со всей 3-й польской армией. Ст. Бородянка несколько раз переходила из рук в руки. Чапаевцы, не давая полякам возможности отойти на запад, все время отбрасывали их штыками в направлении к Киеву.

В этом упорном бою под Бородянкой погиб почти весь начальствующий состав полков 73-й бригады — чапаевской гвардии. Но бойцы не отступили.

Наконец благодаря громадному превосходству сил польская армия, пробивая себе штыком дорогу, заняла Бородянку. Отойдя на 5 км. к северу, в район м. Берестянка, чапаевцы возобновили контратаки. Этими своими действиями дивизия заставила 3-ю армию ускорить очищение советской Украины. Прорвавшись на реку Здвиж, поляки сначала думали, что дорога для их отхода будет открыта. Но паны в этом жестоко ошиблись. Дорогу для отступления им преградила на р. Тетерев 75-я бригада 25-й Чапаевской дивизии.

Чапаевцы и здесь, несмотря на то, что имели перед собой всю 3-ю польскую армию, не отступили. Они приняли неравный бой.

Атаки 13, 14 и 15 июня вынудили белополяков отойти еще дальше, за р. Уж. Наступление красных этим не кончилось.

20 июня под г. Овручем чапаевцы наголову разбили пять пехотных полков полковника Рыбака и пленили до 1.000 солдат, 8 орудий и много пулеметов. 3-я польская армия подалась еще назад за р. Убортъ.

Новая встреча чапаевцев с белополяками произошла с 23 по 25 июня в районе г. Олевска. Громадные потери и тут не сломили чапаевцев и, выиграв

сражение, они прогнали врага за реку, к г. Сарны.

Теснимая нами 3-я польская армия отошла впоследствии к берегам Вислы.

Города Сарны и Ковель занимаются красными. Чапаевцы подошли к стенам г. Холма, однако неудачи под Варшавой Красных армий вынудили Чапаевскую дивизию отойти к Днепру.

После заключения с Польшей мира 25-я Чапаевская дивизия была расквартирована в Полтаве. За отличную боевую и политическую учебу в условиях мирного времени эта дивизия была награждена ЦИК СССР орденом Ленина.

Созданная погибшим Чапаевым дивизия живет. Она еще впишет немало новых блестящих страниц в историю борьбы нашей любимой социалистической родины, в случае нападения на нее врагов

Спустя много лет после героической смерти В. И. Чапаева, союзное правительство Советской страны, помня и чтя героев гражданской войны, переименовывает г. Иващенск, заводы которого снабжали в начальный период борьбы чапаевцев оружием, в г. Чапаевск.

За истекший период времени именем героя Чапаева во многих городах Волги, Урала и Днепра названы улицы и площади. Его имя носят сады, совхозы, колхозы и фабрики.

В 1923 г. бывший военный комиссар 25-й Чапаевской дивизии Д. А. Фурманов написал знаменитую книгу «Чапаев». Эта книга известна не только рабочим и колхозникам нашей страны, но и рабочим всего мира.

В 1932 г. по инициативе и на средства старых бойцов-чапаевцев, рабочих Самары, Саратова и колхозников Волги, был поставлен Чапаеву в Самаре бронзовый, в 14 метров высотой, памятник.

Совсем недавно талантливыми советскими работниками киноискусства был выпущен знаменитый фильм «Чапаев», который пользуется исключительной любовью трудящихся нашей и других стран.

В настоящем году в Ленинграде на набережной Невы Чапаеву ставится бронзовый памятник.

Великому герою заволжских гражданских битв посвящено много песен, стихов, поэм и книг.

Центральным архивным управлением в начале этого года издан блестящий альбом «Чапаев», состоящий из серии фотографических снимков и различных исторических документов, отражающих дела и дни Чапаевской дивизии.

Для рабочего класса, колхозного крестьянства и всех трудящихся нашей страны, строящей под руководством партии Ленина и Сталина социализм, Василий Иванович Чапаев является нацио-

нальным героем СССР. Наша страна знает и ценит своих героев. Мы не найдем в мире ни одной страны, кроме СССР, где бы батраку, рабочему-плотнику ставили памятники. Нет в мире другой такой страны!

Это возможно лишь там, где у власти стоит рабочий класс и крестьянство, где руководит ими коммунистическая партия большевиков.

На жизни и борьбе Чапаева, на его смерти мы будем воспитывать среди нашей революционной молодежи новых Чапаевых.

Люди и факты

1. Г. СТРЕЛЬЦОВ — Два с'езда. 2 Р. А. САМОЙЛОВИЧ — В борьбе за Арктику

1. ДВА С'ЕЗДА

Г. Стрельцов

От VI до VII Всесоюзного с'езда советов прошло только 4 года, но какие гигантские изменения произошли за этот короткий срок в жизни нашей страны! Особенно крупные изменения произошли в деревне. Яркое свидетельство тому — 2-й Всесоюзный с'езд колхозников-ударников. Этот замечательный с'езд, оставивший неизгладимое впечатление на всякого, кто имел счастье на нем присутствовать, как бы мощным прожектором осветил преобразенное лицо нашей великой страны, от края до края, и показал особенно наглядно тот великий исторический переворот, который произошел в нашей деревне.

В истории народов немало было крестьянских революций и войн. Вспомним крестьянскую войну в Германии во времена далекого средневековья (1525 г.); движение крестьян в эпоху Великой французской революции 1789 г.; Тайпинскую революцию в Китае. Вспомним мощные крестьянские движения в России, связанные с именами Степана Разина и особенно Пугачева... Не раз крестьянство бралось за оружие для борьбы со своими угнетателями, но все его попытки сбросить ярмо эксплуатации и угнетения оканчивались поражением и кровавым разгромом.

Лишь в октябре 1917 года впервые в истории выступление крестьянских масс деревни оказалось победоносным, но победоносным только лишь потому, что во

главе трудящихся города и деревни стоял рабочий класс, в силу своего классового положения спаянный и организованный, руководимый такой мощной и великой силой, как большевистская партия.

Поражение самостоятельных выступлений крестьянства объясняется тем, что крестьянство, в силу особенностей своего классового положения (слабость внутриклассовых связей, классовая неоднородность, преобладание личных интересов над общими, местных над общенациональными и т. д.), не способно победить самостоятельно, оно может победить лишь как союзник другого класса.

Если говорить о капиталистическом обществе, то, как указывал Ленин: «основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат: — буржуазия, как строитель этого капиталистического общества, как его руководитель, как его двигатель, — пролетариат, как его могильщик, как единственная сила, способная сменить его». (Ленин, т. XXIV, стр. 159).

Но победа буржуазии означает для бедняцких и середняцких масс деревни нищету и разорение, ибо от победы буржуазии выигрывает только ничтожная кучка деревенских кулаков и богатеев. Подлинную победу трудящееся крестьянство может

одержат лишь в союзе с рабочим классом и под его руководством.

«Только диктатура одного класса — пролетариата — может решить вопрос о борьбе с буржуазией за господство. Победить буржуазию может только диктатура пролетариата. Свергнуть буржуазию может только пролетариат. Вести за собой массы против буржуазии может только пролетариат». (Ленин, т. XXIV, стр. 159—160).

Вот почему основные массы крестьянства кровно заинтересованы в самом прочном союзе с рабочим классом, в его руководстве. В рабочем классе трудящееся крестьянство находит, как говорил еще Маркс, своего «руководителя и старшего брата».

Опыт русской революции и социалистического строительства в СССР блестяще подтвердил гигантскую роль рабочего класса как вождя всех трудящихся масс в борьбе за их освобождение. На примере Советского Союза трудящееся крестьянство всего мира может видеть, каких великих побед достигло крестьянство нашей страны, идя по пути, по которому вел его рабочий класс, по пути, указанному Лениным и Сталиным. Об этих изумительных победах рассказали сами колхозники-ударники на своем 2-м Всесоюзном съезде.

2-й Всесоюзный съезд колхозников-ударников значительно отличается от 1-го съезда, имевшего место в начале 1933 г., как по общей обстановке, в которой он происходил, так и по своему составу.

Разница в обстановке характеризуется уже тем, что к началу 1935 года подавляющее большинство (80 проц.) крестьянских хозяйств состояло в колхозах, тогда как ко времени 1-го съезда колхозами было охвачено 60 проц. крестьянских хозяйств. Если два года назад у части крестьян, в том числе и колхозников, имелись некоторые сомнения в правильности колхозного пути, то к настоящему времени эти сомнения рассеялись окончательно. Преимущества колхозного

строения, далеко еще не использованные, выявились уже настолько, что они видны теперь каждому колхознику, не только бывшему бедняку, но и бывшему середняку, не только в центральных, передовых, но и в отсталых, национальных районах.

Крымская колхозница Умерова Джериме, в прошлом середнячка, в своей прекрасной речи на съезде колхозников выразила это просто, но замечательно хорошо:

«В колхозе, — сказала она, — жизнь стала много богаче, лучше и интереснее. Никогда раньше мы не имели столько денег, хлеба и всяких других продуктов... Не середнячка я теперь, а зажиточная».

Бригадир колхоза им. 1 мая Чечено-Ингушской автономной области, Северо-Кавказского края, тов. Величко, бывший делегатом на VII съезде советов и на съезде колхозников, сказал в своей речи на VII съезде:

«Мы, колхозники, видим, слышим и чувствуем своим сердцем перемены, в корне изменившие лицо нашей страны».

И он показал эти перемены на примере своей местности:

«Крестьянство нашей местности до колхозов никогда не имело своего хлеба, а покупало его на стороне. В настоящее время мы не только имеем свой хлеб, но даем большое количество его государству. В 1934 году наш колхоз сдал 352 тонны хлеба государству, и, кроме того, наши колхозники продали государству 700 центн. хлеба. Сейчас у нас каждый колхозник за свою работу получает по 200—300 пудов хлеба и по 1.500 — 2.000 рублей деньгами».

И дальше:

«Рост хозяйственно-экономической мощи колхоза дал нам возможность хорошо развернуть культурно-массовую работу. Для наших колхозников не редкость видеть и слышать звуковое кино, как например «Чапаев»; смотреть хорошие театральные постановки, как например «Поднятая целина», а также постановки в своем клубе. У нас каждый колхозник имеет в доме электрическую лампочку, хорошую обстановку, кушанную за 2—3 тысячи рублей. В доме колхозника не редкость увидеть по 2—3 ни-

келированных кровати, хорошую постель, радио и т. д.».

Таких иллюстраций осуществления лозунга тов. Сталина о зажиточной колхозной жизни можно привести великое множество. И не даром колхозники-ударники в принятом на с'езде Примерном уставе сельскохозяйственной артели от имени миллионов колхозников, убедившихся на своем собственном опыте в правильности колхозного пути, заявили:

«Колхозный путь, путь социализма, есть единственно правильный путь для трудящихся крестьян».

В этих словах записано то, что завоевано в упорной и ожесточенной борьбе с классовыми врагами, в особенности с кулачеством и его агентурой внутри партии, завоевано прочно и окончательно.

Замечательно интересен состав самого с'езда. 1.433 делегата представляли собой лучшие колхозы Советского Союза, из них 1.143 делегата были избраны непосредственно на собраниях колхозников, остальные же колхозники были делегатами VII Всесоюзного с'езда советов. Это были подлинники представители колхозных масс, собранные со всех концов Советской страны, от всех населяющих его народов. На с'езде была представлена 51 национальность, на прошлом же с'езде — 45. Подавляющее большинство делегатов принимает активное участие в управлении государством и состоит членами выборных органов, от сельсовета до ЦИК СССР.

Большинство делегатов — беспартийные. На 1-м с'езде колхозников беспартийные делегаты составляли 54 проц., на это же с'езде — 65 проц. Тем с большей силой надо подчеркнуть полное единодушие всех делегатов с'езда колхозников по всем политическим вопросам. С'езд колхозников особенно ярко продемонстрировал безграничное доверие колхозных масс к нашей партии и советскому правительству.

С исключительной сердечностью и теплотой высказали делегаты с'езда свою любовь и преданность тому, кто провел их через все трудности и препятствия

к полной и окончательной победе над своим извечным врагом, кулаком, к новой зажиточной колхозной жизни — тов. Сталину.

Колхозники знают, что именно тов. Сталин отстоял в борьбе против контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма ленинское учение о путях социалистической перестройки сельского хозяйства, развил это учение дальше и претворил его в жизнь.

Колхозники хорошо помнят весну 1930 года, когда отдельные партийные организации допустили антисередняцкие перегибы и «левацкие» извращения в колхозном движении и как тогда партия, под руководством тов. Сталина, решительно выправила эти извращения и перегибы. Известно, какую колоссальную роль в укреплении и дальнейшем развитии колхозного строительства сыграла статья тов. Сталина «Головокружение от успехов» и его «Ответ товарищам колхозникам».

Колхозники хорошо помнят, как весной 1933 года партия, по инициативе тов. Сталина, создала политотделы при МТС, послала в них своих лучших, отборных сынов. Политотделы сыграли колоссальную роль в победе колхозного строя. Они помогли изгнать из колхозов кулацкие и вредительские элементы, укрепить их, создать в них крепкий и мощный колхозный актив, организовать социалистическое соревнование и ударничество, укрепить трудовую дисциплину и т. д. Не даром колхозники так горячо благодарили тов. Сталина и партию за организацию политотделов.

Колхозники хорошо помнят, как на 1-м с'езде колхозников тов. Сталин показал им путь к зажиточной жизни.

«Хорошая жизнь,—говорил тов. Сталин,—даром не дается. Но дело в том, что главные трудности уже пройдены, а те трудности, которые стоят перед вами, не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них».

Тов. Сталин указал колхозникам, что именно нужно для достижения зажиточной жизни:

«... у вас есть все для того, чтобы вернуть колхозное строительство и до-

биться полного освобождения от старых пут.

От вас требуется только одно — трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания вашего рабоче-крестьянского государства, укреплять колхозы и вышибать вон из колхозов пробравшихся туда кулаков и подкулачников».

«И если мы, — продолжал тов. Сталин, — будем трудиться честно, трудиться на себя, на свои колхозы, — то мы добьемся того, что в какие-нибудь 2 — 3 года поднимем всех колхозников, и бывших бедняков, и бывших середняков, до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь». («Вопросы ленинизма», стр. 529, 530, 533, изд. 10-е.)

Колхозники на собственном опыте убедились в справедливости этих слов и записали в принятом на съезде Примерном уставе сельскохозяйственной артели эти сталинские слова:

«Члены артели обязуются укреплять свою артель, трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, охранять общественную собственность, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания своего рабоче-крестьянского государства, — и таким образом сделать свой колхоз большевистским, а всех колхозников зажиточными».

И вот через 2 года пришли на съезд лучшие из лучших людей колхозов, чтобы рассказать о своих победах и достижениях, и на своем примере — примере передовых колхозов — показать путь отстающим.

Кто же они, эти лучшие из лучших? Каждый из них мог бы служить яркой иллюстрацией того величайшего исторического переворота, который произошел в нашей стране. Состав делегатов съезда, их замечательные выступления и еще более замечательные дела показывают, что главной новой силой, которую создала наша партия в деревне, являются именно эти люди, вооруженные передо-

вой техникой и своими руками активно и сознательно строящие социализм.

Вот перед нами тракторист колхоза «2-я большевистская весна», Актюбинской обл., т. Танкин Бекен, член президиума съезда. Он произнес изумительную речь. Чем он был и чем он стал?

«Я — природный казак-пастух. Отец мой Сёксельбей — тоже пастух. Мать Камила — беднячка-батрачка. Вся моя жизнь с детства — голодная и темная, как темна ночь.

Сейчас я — тракторист, я могу машину собрать, я могу ее разобрать и опять собрать. Я могу все части проверить, отремонтировать, подтянуть, подогнать. Я на машину смотрю, как на свои пять пальцев, я — техник! А раньше я не то, что рулить, близко подходить к трактору боялся».

Сколько законной гордости в этих словах: «Я могу машину собрать, я могу ее разобрать и опять собрать»!

«Раньше, — продолжает т. Бекен, — мы знали, что есть где-то большой город, а что в городе — мы не имели понятия. Был аул, а кругом темно. Ничего не было. Теперь — ясная жизнь. Я знаю даже, что делается в Америке».

«Теперь я мечтаю об одном — хочу учиться, сколько угодно. Хочу дальше — на курсы. Но у меня в колхозе это не понимают, они думают, что я уже всего достиг. Ты, может быть, инженером хочешь быть? — смеется правление колхоза. А почему бы и не быть? — спрашиваю я.

Если бывший темный, неграмотный казак-пастух может стать председателем Всесоюзного колхозного съезда ударников и сидеть рядом со Сталиным, почему квалифицированный тракторист и комбайнер не может стать инженером?»

Вот речь тракториста Суровикинской МТС, Сталинградского края, т. Шестопалова:

«Когда меня посылали на курсы трактористов, — говорит он, — казаки нашего хутора смеялись надо мною и говорили: «Из тебя ничего не получится», потому что я был бедняк».

А что получилось на самом деле? Получилось то, что т. Шестопалов в течение 2 лет занимает первое место среди

трактористов Сталинградского края, много раз премировался за примерную работу и держит переходящее красное знамя. В 1933 году т. Шестопалов дал выработку на 1 трактор 1.176 га, причем сэкономил на 1 трактор 1.250 клгр. горючего. На этом он не успокоился и дал в 1934 году выработку 1.189 га, при средней выработке по Союзу 412 га, и сэкономил 1.978 клгр. горючего.

Поразительные вещи рассказывают о себе и о своих колхозах женщины-колхозницы. Надо сказать, что их активность на съезде была исключительно велика. На 1-м съезде колхозников присутствовало 224 женщины, или 14,8 проц., а на 2-м съезде уже 442 женщины, или 30,8 проц. общего числа делегатов. Достаточно послушать замечательные речи т. Шестопаловой — колхозницы колхоза «Большевик», Воронежской области, избранной на VII съезде советов в члены ЦИК, т. Левченковой — председательницы колхоза «Трудовое знамя», Воронежской обл., т. Пилипенко — колхозницы Днепропетровской обл., т. Англиной — бригадира тракторной бригады Старобельской МТС, Донецкой области, и многих других, чтобы убедиться в том, как выросли женщины нашей страны и какой великой силой являются они в колхозах.

Тов. Шаповалова с законной гордостью могла сказать на съезде:

«Я теперь хозяйин, член правительства. Кухаркой была до 1923 года, а теперь в Кремле дела вершу вместе с партией».

Тов. Пилипенко говорит, что, вступив в колхоз, «с самого начала я обеими руками взялась за колхозное хозяйство. Сначала была в полевой бригаде, потом пошла на огородную работу и сейчас другой год — бригадир. Вначале в колхозе было мало преданных людей. В колхоз пробралось много кулаков, шептунов, да и сами колхозники очень плохо относились к колхозной собственности, за лошадьми не смотрели.

Что мы видим сейчас? Людей не узнать. Почему это так? Объясняется это просто. Люди поняли, кто враг, выгнали кулаков, и сейчас мы

работаем на себя. Наш труд никогда не пропадет».

«У нас в колхозе переродился народ» — заканчивает т. Пилипенко.

Перемены в личной жизни колхозников есть лишь отражение перемен в жизни всей деревни. Особенно разительны эти перемены в областях, ранее отсталых, служивших аренной капиталистической и помещичьей эксплуатацией и национального угнетения. Вот например, что рассказал т. Коротков, председатель колхоза им. Сталина, Чувашской республики, о том, чем была и чем стала чувашская деревня:

«Наша деревня до революции была самой отсталой, самой забитой деревней. В деревне было 75 проц. зараженных трахомой, в нашей деревне было всего двое грамотных, и те были не наши. В нашей деревне было 68 хозяйств, абсолютно не имеющих никакого скота; 20 хозяйств, которые имели коровенку, но не имели лошадей. Мужик ходил в одной рубашке, мужик месяцами не мылся в бане, абсолютно ничего не знал о культуре».

А теперь «деревня стала неузнаваемой», — говорит он. Колхоз, в котором работает т. Коротков, имеет образцовый скотный двор, расположенный на площади в 5 га. Колхоз имеет 130 голов крупного рогатого скота, 60 свиноматок, 250 овец, 140 лошадей. Несмотря на плохую погоду, колхоз добился в минувшем году среднего урожая по 14 центн. с гектара и смог выдать колхозникам по 6,5 клгр. зерна на трудодень. Свои обязательства перед государством колхоз выполнил досрочно.

Деревня стала не только зажиточной, но и культурной. До революции в ней не было ни одной школы, ни одного культурно-просветительного учреждения. А теперь она имеет 2 школы-семилетки, прекрасный клуб, свою собственную типографию, газету; колхоз имеет свою электростанцию, каждый колхозный двор радиофицирован.

То, что рассказал т. Коротков, не исключение. Таких примеров можно привести очень много. О чем говорят эти примеры? О том, что колхозники, имея

но «почувствовали своим сердцем», как выразился один из делегатов, силу и мощь колхозного строя. Эта сила и мощь колхозного строя прекрасно показана в письме украинской делегации на 2-м Всесоюзном съезде колхозников-ударников на имя тов. Сталина (см. «Правду» от 18/II 1935 г.). Вот что они пишут:

«Силу колхозного строя мы особенно почувствовали в недавно минувшем 1934 году, хотя урожай у нас был хуже, чем предыдущий. Природа готовила нам очень плохой год. Во многих местах почти совсем дождей не было всю весну и все лето. В степной Украине засуха была сильнее, чем в голодном 1921 г. Но теперь спас нас от голода колхозный строй. При колхозах мы природу победили. Это не слова, это — живая жизнь. Вот например колхоз «Червоний хлібороб» Васильковского района, Днепропетровской области, представленный на нынешнем нашем съезде делегатом т. Корчевским. В 1932 году при хороших климатических условиях эта артель собрала по 2 центнера хлеба с гектара. Уродило конечно больше, но много было расхищено. Немало хлеба поел жучок-кузька, который свободно гулял и размножался на полях, ибо никто из колхозников ему не мешал. А вот в 1934 году, хотя на полях этого колхоза с начала сева и до косовицы не было не единого дождя, тут собрали по 6 центнеров зерновых с гектара, подсолнечника — по 8 центнеров, а кукурузы — по 15».

Секрет этих разительных успехов колхозников весьма прост. Благодаря объединению в колхозы они сумели во много раз лучше обрабатывать землю, чем обрабатывали раньше, когда были единоличниками. «Ухаживали за каждым растением, как за ребенком. Каждый болел за колхозный урожай. И вот хлебопоставки государству выполнены, семена есть, и колхозники с хлебом».

О силе колхозного строя говорят и такие например факты, когда, несмотря на засуху, некоторые колхозы Северного Кавказа собрали по 160 пудов пшеницы с гектара, а некоторые колхозы Западной Сибири по 120 пудов с гектара.

Делегаты говорили не только о своем колхозе, о себе лично, но и о делах и интересах всей страны.

Раньше, когда крестьянин был единоличником, его горизонт не простирался за пределы своих узко личных интересов. Теперь не то. На съезде выступали люди с большим государственным кругозором, прекрасно понимающие, что их победы есть победа строящегося социализма, что их сила зависит от силы и крепости пролетарского государства и что поэтому нужно прежде всего крепить мощь советского государства. Вот почему в первых же своих словах колхозники с гордостью рассказывали о том, как они выполняют свои обязательства перед государством.

Огромный рост культурного уровня, хозяйственного опыта, умения разбираться в государственных делах обнаружился особенно при обсуждении отдельных пунктов Примерного устава сельскохозяйственной артели. Устав был разобран, что называется, по косточкам. Мы приведем лишь одну иллюстрацию.

Колхозник колхоза «Уголок Ленина», Куйбышевского края, тов. Филиппов внес поправку в том месте устава, где говорится о праве трудящихся крестьян селений объединяться в колхозы, заменить слово «селений» словом «селенья» из опасения, что если оставить слово «селений», то некоторые могут понять это как поощрение создания колхозов, объединяющих несколько сел и деревень, то-есть колхозов-гигантов, опровергнутых жизнью.

На первый взгляд эта поправка носит чисто редакционный характер. На самом же деле она имеет огромное практическое значение. Поправка т. Филиппова была учтена, и вместо слова «селений» в принятом уставе стоит: «села (станции, деревни, хутора, кишлака, аула)». Тов. Чернов, докладывая от имени комиссии съезда окончательный текст Примерного устава сельскохозяйственной артели, касаясь этой поправки, сказал:

«Если оставить это место в первоначальной редакции, то может создаться такое впечатление, что устав предлагает крестьянам нескольких селений соединяться в один колхоз и тем самым, сле-

довательно, строить только крупные колхозы. Поправка комиссии вносит полную ясность в этот вопрос».

Колхозная жизнь — жизнь зажиточная и культурная. Не удивительно поэтому, что колхозное крестьянство дорожит этой новой завоеванной жизнью и будет защищать ее грудь от всяких покушений со стороны империалистов. Делегаты с'езда — колхозники — сделали на этот счет достаточно внушительное предупреждение всем тем, которые помышляют о нападении на советские границы.

Достижения колхозов исключительно велики. Приведенные данные бесспорно говорят о том, что деревня быстрыми шагами идет по пути к зажиточной и культурной жизни. Но это не значит, что в колхозном строительстве нет недостатков. На с'езде были представлены только передовые колхозы, но, кроме них, есть колхозы, не сумевшие еще использовать гигантские преимущества колхозного строя, и таких колхозов — большинство.

Вот яркий пример, рисующий разницу между передовым и отсталым колхозом, приведенный тов. Яковлевым в докладе на с'езде колхозников.

Артель «Большевик» Ивановской области получает урожай 150 пудов пшеницы с гектара. Это прекрасный урожай. Другая артель, «Искра», отстоящая от первой на расстоянии полутора километров, снимает урожай только 80 пудов пшеницы с гектара.

Земля у обеих артелей одинаковая, материально-технические средства тоже, а результат, как видим, совершенно разный.

Этот пример ясно говорит, что все дело в людях, в их организации и отношении к труду.

И вот огромное значение 2-го с'езда колхозников состоит в том, что он на опыте передовых колхозов показал большинству колхозов, как надо по-настоящему строить колхозную жизнь. Отсюда понятно и гигантское значение принятого с'ездом Примерного устава сельскохозяйственной артели, воплотившего в себе

опыт лучших, передовых колхозов Советского Союза.

Обмен опытом — величайшее дело. Это показал и с'езд, на котором многие из делегатов даже передовых колхозов, убеждались, что хотя они работают и хорошо, но есть такие колхозы, которые работают еще лучше.

Для колхозника колхоза «Березовый мыс» Челябинской области т. Воробьева был организован во время с'езда двухсторонний разговор со своими колхозниками. Разговор происходил на расстоянии 2.500 километров. Были использованы телеграф, телефон и радио. Передача, заметим кстати, была организована хорошо, и обе стороны слышали друг друга прекрасно.

Вот что сказал т. Воробьев избравшим его колхозникам своего колхоза:

«По правде сказать, хотя мы и получили по 5 кило на трудодень, но здесь за такие наши показатели очень неловко. Вот например т. Цораев¹⁾ рассказал на с'езде, как его бригада, в Североосетинской области, несмотря на засуху, добила урожай в 27 центнеров пшеницы с гектара. Колхозники там получили по несколько тысяч пудов хлеба. Выходит, что по сравнению с ними мы отстали. Нам надо обязательно догнать бригаду т. Цораева и в этом году взять высокий урожай».

Теперь колхозники «Березового мыса» наверняка примут меры к тому, чтобы получить еще более высокий урожай, еще более высокий доход, чем они получают теперь, подгоняя своим примером и другие окружающие колхозы.

Проект нового устава указывает путь, как добиться зажиточной и культурной жизни. Как навести порядок на земле, как должна вестись работа артели над улучшением колхозного производства, как должен быть организован труд в колхозе, как добиться лучшего сочетания общественных интересов колхозника с его личными интересами, — на все эти и другие вопросы колхозной жизни устав дает четкие и ясные ответы.

¹⁾ Тов. Цораев — бригадир полевой бригады колхоза им. Белоцкого, Североосетинской автономной области.

Вот почему новый устав встретил единодушное одобрение колхозников. Устав, — сказал председатель колхоза «Шлях до коммунизму», Безенчукского района, Куйбышевского края, тов. Логачев, — «отвечает всем нынешним требованиям нашего колхозного производства».

Устав еще больше укрепляет главную форму колхозного движения в данный момент — сельскохозяйственную артель как форму, в которой наиболее удачно сочетаются общественные интересы колхозника с его личными интересами.

Вопрос о правильном сочетании общественных интересов колхозников с их личными интересами является основным, в его правильном решении — ключ к укреплению колхоза. Это прекрасно показал тов. Сталин в своем выступлении на комиссии съезда по рассмотрению Примерного устава:

«Если вы хотите укрепить артель, если вы хотите иметь массовое колхозное движение, которое должно охватить миллионы дворов, а не единицы и сотни, если вы этого хотите добиться, — вы при нынешних условиях должны обязательно учесть, кроме общих интересов колхозников, их личные интересы».

Когда некоторые колхозники при обсуждении устава в комиссии съезда требовали больших ограничений в пользовании приусадебной землей и личным скотом, чем это предусматривалось проектом устава, тов. Сталин серьезно поправил этих колхозников, указав им:

«Вы несколько не учитываете личных интересов колхозников, когда вы говорите, чтобы не больше одной десятой части гектара приусадебной земли дать колхознику. Некоторые думают, что корову нельзя давать, другие думают, что свиноматку нельзя давать. И вообще вы хотите зажать колхозника. Это дело не выйдет. Это неправильно».

«Вы люди передовые. Я понимаю, что вы очень заботитесь о колхозном строе, о колхозном хозяйстве. Но разве все колхозники такие, как вы? Вы же меньшинство в колхозах. Большинство несколько иначе думает. С этим надо счита-

ться или нет? Я думаю, что надо считаться».

«Если у вас в артели нет еще избытка продуктов и вы не можете дать отдельным колхозникам, их семьям, все, что им нужно, то колхоз не может взять на себя, чтобы и общественные нужды удовлетворять и личные. Тогда лучше сказать прямо, что вот такая-то область работы — общественная, а такая-то — личная. Лучше допустить прямо, открыто и честно, что у колхозного двора должно быть свое личное хозяйство, небольшое, но личное. Лучше исходить из того, что есть артельное хозяйство, общественное, большое, крупное и решающее, необходимое для удовлетворения общественных нужд, и есть наряду с ним небольшое личное хозяйство, необходимое для удовлетворения личных нужд колхозника. Коль скоро имеется семья, дети, личные потребности и личные вкусы, то с этим нельзя не считаться. И вы не имеете права не считаться с личными бытовыми интересами колхозников. Без этого невозможно укреплять колхозы.

Сочетание личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов, — вот где ключ укрепления колхозов».

Эти указания тов. Сталина легли в основу принятого Примерного устава сельскохозяйственной артели.

Устав укрепляет общественную колхозную и государственную собственность. В одном из пунктов устава говорится:

«Всякое расхищение общественной колхозной и государственной собственности, вредительское отношение к имуществу и скоту артели и машинам МТС рассматривается артелью как измена общему делу колхоза и помощь врагам народа».

Устав значительно повышает роль общих собраний колхозов и каждого колхозника в отдельности. Нечего грех таить, что в отдельных колхозах правления, а то и лично председатель, подменяли собрания колхозников, решая помимо них основные вопросы жизни колхоза. Новый устав кладет этому конец.

Исключительно важным является пункт устава, принятый по предложению

тов, Сталина, о том, чтобы женщины-колхозницы освобождались от работы с сохранением определенного содержания за месяц до родов и на месяц после родов. Этот пункт говорит о том, что наши колхозы уже поднялись на такую ступень, что в состоянии провести в жизнь это крупнейшее мероприятие.

Устав принят и утвержден с'ездом колхозников. Теперь задача заключается в том, чтобы довести его до сознания каждого колхозника. На основе этого Примерного устава каждый колхоз должен принять свой устав и повести настойчивую работу по его проведению в жизнь.

Во всех работах с'езда колхозников и в разработке устава самое живое участие принимал лично тов. Сталин.

«Товарищ Сталин и до с'езда, и во время с'езда уделял огромное внимание новому Примерному уставу. Он слушал каждую речь колхозника на с'езде, разбирая каждое предложение на комиссии с'езда, беседовал с десятками делегатов, проверял разные стороны дела, — и все это для того, чтобы выработать такой Примерный устав, который действительно поможет всей массе колхозников двинуться скорее вперед к зажиточной и культурной жизни.

Это — урок всем коммунистам, как надо работать над вопросами устройства колхозной жизни». (Из доклада т. Яковлева об итогах с'езда.)

Это придает уставу особое значение: устав является в подлинном смысле сталинским уставом колхозной жизни.

Принятый с'ездом проект нового устава сельскохозяйственной артели показывает путь отстающим колхозам.

Вместе с тем этот устав говорит трудящемуся крестьянству всего мира: вот тот путь, идя по которому, только и можно добиться освобождения от эксплуатации и угнетения и построить новую, счастливую жизнь, — это путь пролетарской диктатуры. Этот путь не является больше неизведанным; он проверен опытом десятков миллионов колхозников Советского Союза.

Переворот в деревне, так ярко отраженный 2-м Всесоюзным с'ездом колхозников, является одним из важнейших итогов, за каким наша страна пришла к VII Всесоюзному с'езду советов. Этот с'езд недаром приковал внимание всего мира. На этом с'езде наша страна, числившаяся не столь давно в списке отсталых стран, предстала перед всем миром во всем своем величии и блеске, как могущественная мировая держава, как страна, в которой социализм победил окончательно и бесповоротно.

За четыре года, прошедшие со времени VI с'езда советов, Советский Союз изменился коренным образом. Эти изменения показаны в двух блестящих докладах т. Молотова, развернувшего величественную картину переустройства нашей страны.

Уже в период VI с'езда советов господствующее положение в народном хозяйстве нашей страны занимал социалистический сектор. Однако в деревне преобладало тогда единоличное хозяйство. В 1930 г. колхозы объединяли лишь одну треть хозяйств, а две трети хозяйств находились вне колхозов. Таким образом, база, рождающая капитализм, в то время была еще очень сильна. Колхозы объединяли в то время лишь 31 проц. посевных площадей и производили 28,5 проц. продукции зерновых культур.

Теперь положение стало совершенно иным. К началу 1935 г. в колхозах было объединено 80 проц. крестьянских хозяйств, причем колхозы, вместе с совхозами, объединяли $\frac{9}{10}$ всех посевных площадей. В 1934 г. колхозы произвели 77 проц. всей продукции зерновых культур. Так же сильно изменился удельный вес колхозов и в производстве остальных сельскохозяйственных культур.

«Теперь можно уже сказать, что коллективизация сельского хозяйства в нашей стране в основном завершена» (Молотов).

Значение этого факта огромно. Это значит, что кулачество в основном ли-

квидировано, остались лишь его жалкие остатки. Это значит, что сделан реальный, притом гигантский, шаг к уничтожению классов. Ибо теперь:

«не только рабочие, но и крестьяне в своей массе вступили в ряды строителей социализма и строят своими руками социалистическое общество» (Молотов).

Цифры об изменениях в классовом составе населения нашей страны, опубликованные т. Молотовым на съезде, как в зеркале, отражают коренные изменения в экономике нашей страны. Достаточно посмотреть на нижеследующую таблицу, чтобы убедиться в огромном значении и масштабе этих изменений.

Классовый состав населения в 1913 г. (в границах СССР) и в 1928 — 1934 гг.

КЛАССЫ НАСЕЛЕНИЯ.	Численность в тысяч. человек.					
	1913 г.		1928 г.		1934 г. (на 1 января)	
	Абсол. число	Проц. к итогу	Абсол. число	Проц. к итогу	Абсол. число	Проц. к итогу
I. Пролетариат (рабочие и служащие, ИТР и прочее пролетарское население)	23.300	16,7	26.343	17,3	47.118	28,1
II. Колхозники и кооперированные кустари и ремесленники	Не было		4.406	2,9	77.037	45,9
III. Крестьяне-единоличники (без кулаков) и некооперированные трудящиеся, кустари и ремесленники	90.700	65,1	111.131	72,9	37.902	22,5
IV. Буржуазия (помещики, крупная и мелкая городская буржуазия, торговцы и кулаки)	22.100	15,9	6.801	4,5	174	0,10
В том числе:						
кулаки	17.100	12,3	5.618	3,7	149	0,09
V. Прочее население (учащиеся, армия, пенсионеры и др.)	3.200	2,3	3.671	2,4	5.769	3,4
Всего населения:	139.300	100	152.352	100	168.000	100

Из 22 миллионов эксплуататоров, державших в своих руках богатства всей страны, осталось теперь только 174 тыс., — это ли не победа всемирно-исторического значения!

Зато гигантски выросла армия строителей социализма. Вырос рабочий класс, выросло колхозное крестьянство. Взятые вместе, рабочие и колхозники занимали к началу 1934 г. 74 проц. всего населения СССР, а теперь конечно их удельный вес еще больше.

В корне изменилось соотношение между частной и общественной собственностью на средства производства в нашей стране. В настоящее время частная собственность на средства производства достигает не больше 4 проц., тогда как 96 проц. от всей суммы средств производства принадлежат государству, колхозам и кооперации.

Все эти данные показывают, что «подавляющая масса населения нашей страны неразрывно

связала свою жизнь с социализмом, что мы на деле двигаемся по пути к бесклассовому социалистическому обществу» (Молотов).

Словом, и в экономике, и в классовой структуре СССР произошли коренные сдвиги. Их можно выразить кратко словами тов. Молотова: «Россия из эпювская стала Россией социалистической».

Это первый и основной итог, с которым страна пришла к VII съезду советов.

Все эти победы всемирно-исторического значения достигнуты в ожесточенной борьбе с классовым врагом. В своей борьбе с растущим социализмом классовый враг применял самые различные методы борьбы, но все его усилия повернуть колесо истории назад окончились крахом.

Но именно потому, что наши победы велики, а положение врагов социализма

стало безнадежным, именно поэтому усиливается сопротивление классово-враждебных элементов. Именно поэтому обостряются их формы борьбы с советской властью, вплоть до организации террористических актов против лучших людей нашей страны. Все это подтверждает еще и еще раз то положение, что, чем быстрее продвигаемся мы вперед по пути к социализму, тем острее становится классовая борьба.

Наши успехи в деле строительства социализма исключительно велики, наша страна коренным образом преобразовалась и стала страной социалистической. Однако не надо забывать, что классовый враг хотя и разбит, но не добит еще окончательно, что, хотя колхозный строй победил бесповоротно, процесс зарождения капиталистических элементов в нашей стране еще не прекратился, поскольку существует еще база, рождающая эти элементы (мелкие раздробленные крестьянские хозяйства, ремесленники, кустари, лжеартели). Кроме того, сопротивление и борьбу против растущего социализма со стороны остатков враждебных классов внутри страны нельзя рассматривать вне связи с враждебным нам капиталистическим окружением.

Вот почему величайшее преступление делает тот, кто думает, что по мере нашего продвижения вперед враг становится ручным и безобидным, ибо такого рода воззрения неизбежно влекут к потере революционной бдительности и облегчают вредительскую работу классового врага. Все это надо помнить очень хорошо и хранить, как зеницу ока, революционную бдительность.

Коренные сдвиги в экономике и классовой структуре нашей страны дали возможность VII съезду советов принять такое важное решение, предложенное, по инициативе тов. Сталина, пленумом ЦК ВКП(б), как решение об изменениях в Конституции.

Это решение нашло величайший отклик во всем мире, ибо этим решением советская власть продемонстрировала такую мощь и силу, такую уверенность в своей прочности и окончательной победе, какую никогда не чувствовала и не

могла чувствовать ни одна буржуазная власть, под какой бы вывеской она ни выступала, — под вывеской ли фашизма, или какой другой.

И в самом деле, миру было от чего прийти в величайшее изумление. Везде, в любой капиталистической стране, происходит процесс ликвидации последних остатков буржуазной демократии и парламентаризма. «От буржуазной демократии и парламентаризма к неприкрытой террористической власти капитала над трудящимися под фашистским флагом. — таков путь развития буржуазных стран за последний период» (Молотов).

Этот переход от парламентаризма к террористическим методам власти отнюдь не является выражением силы буржуазии, наоборот, этот переход является выражением ее слабости. Не забудем, что именно при помощи парламентаризма и так называемых «демократических свобод» буржуазия, в течение десятилетий, держала в идеологическом плену миллионы трудящихся. И сейчас еще значительная часть рабочего класса, находящаяся под влиянием социал-фашистов, верит в возможность мирного завоевания власти путем получения большинства в парламенте.

Теперь буржуазия вынуждена отказываться от этого одного из важнейших орудий обмана трудящихся масс. Ясно, что это делается не от хорошей жизни. Ясно, что обман трудящихся масс становится делом все более трудным. Нищета масс растет, в них зреет идея штурма твердынь капитализма. Поэтому буржуазия начинает прибегать к последнему средству — к фашизму.

И вдруг, на фоне этой картины в капиталистических странах, VII Всесоюзный съезд советов провозглашает, что в Советском Союзе происходит дальнейшее расширение демократии. Многоэтапные выборы заменяются прямыми, не вполне равные — равными, а открытые — закрытыми. Все органы советской власти, от сельсовета до ЦИК СССР, будут выбираться почти всем народом (ибо процент лишенцев у нас ничтожен, и СССР подходит к отмене всех ограни-

чений всеобщего избирательного права), да еще закрытым голосованием!

Ясно, что эта весть не могла не произвести ошеломляющего впечатления на весь мир. Ясно, что не только наши друзья, но и наши враги не могли не понять, что указанные изменения в Конституции являются одним из самых наглядных признаков возросшей мощи Советского Союза. Поэтому решение съезда об изменениях в Конституции СССР является важнейшим итогом VII съезда советов.

К VII съезду советов страна пришла с колоссально возросшим народным хозяйством во всех его отраслях. Нам уже приходилось подробно говорить о хозяйственных итогах¹⁾, поэтому отметим лишь отдельные моменты.

Со времени VI съезда советов наша страна успешно выполнила план первой пятилетки. На основе успехов в осуществлении первого пятилетнего плана был составлен план второй пятилетки, который, как это показали первые два года, осуществляется чрезвычайно успешно.

За истекший период гигантскими шагами росла наша промышленность, особенно крупная. Валовая продукция крупной промышленности выросла с 28 млрд. в 1930 г. до 50 млрд. в 1934 г., то-есть на 80 проц. Удельный вес крупной промышленности возрос с 62 проц. до 74 проц.

Подлинный расцвет имел место в тяжелой промышленности. Этот расцвет показан в блестящем докладе народного комиссара тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе на VII съезде советов. И не даром съезд советов признал работу тяжелой промышленности удовлетворительной и признал необходимым наградить отличившихся ее работников.

Исключительная роль тяжелой промышленности как базы реконструкции всего народного хозяйства, как основы тех гигантских успехов, которые мы имеем в сельском хозяйстве, может быть показана несколькими цифрами. Возьмем например сельское хозяйство. За

4 года тяжелая промышленность дала сельскому хозяйству 240 тысяч колесных тракторов, 8.377 гусеничных тракторов, 43.535 грузовых автомобилей, 8.690 легковых автомобилей, 30.102 мотора для комбайнов. Всего за это время сельское хозяйство получило от промышленности тракторов и моторов для комбайнов общей мощностью 4.800 тыс. лошадиных сил. За это же время тяжелая промышленность дала сельскому хозяйству 30.424 комбайна, свыше 68 тыс. молотилок и огромное количество других посевных и уборочных машин.

Рост тяжелой промышленности дал нам возможность значительно усилить обороноспособность нашей страны. О нашей крепости перед лицом мировых империалистов рассказал на VII съезде советов зам. народного комиссара обороны тов. Тухачевский. Цифры, опубликованные им, о росте нашей Красной армии, о ее материально-техническом вооружении показывают, что никому — ни германским фашистам, ни японским баронам, — не удастся застать врасплох нашу страну, и что она, в случае необходимости, может дать сокрушительный отпор тому, кто посягнет на ее границы.

«В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество, и мы будем отстаивать его независимость» (Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 445, 10-е изд.).

VII съезд советов показал, что мы достаточно подготовлены к тому, чтобы защитить и отстаивать социалистическое отечество трудящихся.

Тов. Тухачевский особенно подчеркнул исключительную роль тов. Сталина в укреплении обороноспособности нашей страны.

«Нет никакого сомнения в том, что если бы не гениальная прозорливость т. Сталина и не своевременно принятые им меры усиления наших дальневосточных границ, то мы не пользовались бы с вами продолжающимся миром и не могли бы осуществить тех великих завоеваний социализма, которыми гордимся мы и гордятся пролетарии всего мира».

¹⁾ См. статьи в первой и второй книгах журнала «Новый мир».

Из отдельных отраслей тяжелой промышленности значительно выросло наше машиностроение. За четыре года машиностроительная промышленность дала продукции на сумму около 40 млрд. рублей, в том числе промышленность НКТяжпрома — на 30 млрд. рублей.

Крупнейшей победой является достигнутый перелом в работе черной металлургии: «Теперь, ведь, уже нельзя считать, что мы страна «деревянная»... Теперь мы страна металлическая» (Сталин).

Можно было бы привести много иллюстраций, рисующих огромные успехи в развитии тяжелой промышленности. Возьмем например синтетический каучук. Известно, что каучуком владеют главным образом Англия и Голландия. У нас не было каучука, и надо было его создать. Буржуазные ученые немало потратили усилий над проблемой искусственного получения каучука, но эти усилия не привели к желательным успехам. Знаменитый американский изобретатель Эдиссон сказал под влиянием этого факта, что искусственного каучука и быть не может. Наши молодые ученые блестяще разрешили проблему получения синтетического каучука, и теперь наша страна в состоянии обеспечить себя каучуком собственного производства.

Или возьмем например калий — эту новую отрасль промышленности СССР. До революции царская Россия ввозила 80 тыс. тонн калийных удобрений из-за границы. Построенный нами в течение последних лет крупнейший в мире калийный комбинат в Соликамске в первый же год своей работы дал 1 млн. тонн калийных удобрений для сельского хозяйства.

Важно отметить, что нашу тяжелую промышленность мы построили за счет собственных средств без помощи иностранного капитала, причем развивалась она такими быстрыми темпами, какие невозможны ни в одной капиталистической стране.

«Для характеристики темпов развития можно привести следующий пример. Для увеличения выплавки чугуна с 5 млн. до 10 млн. тонн Франции понадобилось 7 лет, Германии — 10 лет, Америке — 15 лет, Англии — 36 лет, а

нам только 4 года» (из доклада тов. Орджоникидзе).

Значительно выросла и продукция легкой промышленности, которая увеличилась по сравнению с периодом VI с'езда советов на 1.700 млн. рублей.

В огромной мере выросла продукция сельского хозяйства, особенно зерновая. Достаточно сослаться на отмену карточной системы на хлеб и на некоторые другие продукты, как на свидетельство большого роста сельского хозяйства благодаря победе железного строя.

В 1934 г. достигнут перелом в такой отстававшей отрасли, как животноводство. «Упадок животноводства — пройденная полоса» (Молотов). Решение с'езда советов по докладам товарищей Чернова и Калмановича дают новый мощный толчок в деле полного преодоления отставания животноводства.

Благодаря росту продукции промышленности и сельского хозяйства гигантски вырос товарооборот: за 4 года он увеличился с 20 до 61 млрд. рублей. Но важен не только количественный рост, важно то, что произошли огромные качественные сдвиги в нашей торговле. Частный сектор в торговле ликвидирован, роль частного сведена к нулю.

С отменой карточной системы торговля получила новый мощный стимул для своего бурного развития.

Большой рост имел место и в ж.-д. транспорте. За 4 года, прошедшие со времени VI с'езда советов, грузооборот вырос на 32 проц. Однако транспорт был в течение этих лет и является сейчас узким местом в народном хозяйстве.

В докладе на VII с'езде советов тов. Молотов указал, что: «Транспорт больше всего нуждается сейчас в дружной работе всей массы его работников и особенно — в настоящем большевистском руководстве».

Теперь партия поставила во главе транспорта одного из виднейших своих руководителей, блестящего соратника тов. Сталина и великолепного организатора — тов. Л. М. Кагановича. Нет сомнения, что под руководством тов. Кагановича железнодорожники превратят транспорт в передовой участок социалистического строительства.

Нет ни одной области, где не было бы огромного роста. За 4 года в огромной мере изменился культурный облик нашей страны. Что Советский Союз является ныне очагом гигантского развития подлинной культуры и науки, этот факт вынуждены признать многие из наших противников.

Объем промышленной продукции в процентах к 1929 году:

Страны:	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
СССР	100	130	162	185	202	239
США	100	81	68	54	65	67
Англия	100	92	84	84	88	96
Германия	100	88	72	60	69	86
Франция	100	101	89	69	77	71
Италия	100	92	78	67	74	80
Весь мир (без СССР)	100	85	74	62	71	76

Как видим, ни в одной стране капитализма не достигнут уровень 1929 г., тогда как у нас продукция по сравнению с 1929 г. выросла на 139 проц.

Встав на путь диктатуры пролетариата, на путь социализма, наша страна навеки распростилась с такими явлениями, как экономические кризисы, особенно сильно бьющие по трудящимся массам. Свыше 22 млн. безработных в капиталистических странах, — что может быть более жутким, чем эта цифра! У нас же безработицы нет и в помине.

Понятна поэтому гордость за нашу страну, когда читаешь в докладе тов. Молотова:

«Счастье нашей страны заключается в том, что у нас нет кризисов, как в других странах, что страна идет с каждым годом вперед по пути подьема народного хозяйства».

«У нас нет не работающих фабрик и заводов, остановленных домен и мартенов, разрушающихся от безделья предприятий. Мы продолжаем увеличивать нагрузку действующих предприятий. Но наличных заводов и фабрик нам не хватает. У нас строятся сотни и тысячи новых предприятий, и не проходит года, чтобы не вступали в строй советской индустрии новые гиганты электрификации, машиностроения, металлургии и химии. Растут как бы из-под земли новые промышленные районы и города. Отсталые края и области выходят в ря-

Измумительные успехи, достигнутые за период между VI и VII с'ездами советов, видны особенно наглядно при сопоставлении с заграницей. Вот приведенная тов. Молотовым на с'езде таблица об объеме промышленной продукции в важнейших капиталистических странах и в СССР:

ды передовых. Начавшийся расцвет национальных культур на социалистической основе представляет невиданное зрелище за пределами Советского Союза и вообще в мировой истории».

За 4 года сделаны большие успехи в разрешении задачи «догнать и перегнать» передовые в техническом отношении капиталистические страны. В 1930 году по углю СССР был на пятом месте, теперь он на четвертом; по нефти СССР занимает второе место в мире; по чугуну с пятого места передвинулся на второе, а по стали — с пятого на третье; по грузовым машинам и по электроэнергии — с девятого на третье место в мире; по сельскохозяйственным машинам и тракторам СССР занимает первое место в мире.

Три года тому назад, 4 февраля 1931 г., на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности товарищ Сталин сказал:

«Мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Как видим, это важнейшее указание тов. Сталина выполняется успешно. Выполнение решений VII с'езда советов, осуществление сталинского устава колхозной жизни еще более ускорит этот процесс полной ликвидации отставания СССР и превращения его в неприступную крепость социализма.

2. В БОРЬБЕ ЗА АРКТИКУ

Р. Л. Самойлович

Перед советскими полярниками стоит огромной важности задача — вовлечение нашего крайнего Севера в общую социалистическую стройку страны и освоение Северного морского пути как великой морской трассы, соединяющей Запад и Восток. Задача трудная, но чрезвычайно благодарная. Трудна она потому, что для осуществления ее необходимо вести настойчивую борьбу с силами природы, в районах малодоступных и неизученных. Благодарной — ибо познание элементов суровой северной природы ведет к экономическому развитию огромных областей Союза ССР.

Вот почему мы не только изменили масштаб и характер наших работ на крайнем Севере, но революционизировали методы их проведения.

В самом деле, если раньше дело ограничивалось лишь организацией экспедиций, то в настоящее время мы перешли к стационарному, длительному изучению явлений арктической природы. Мы строим полярные станции с геофизическими обсерваториями, снабженными необходимыми лабораториями и пр., которые служат центрами для исследовательской деятельности на Севере, являясь, таким образом, форпостами советской науки в Арктике. Количество этих станций по сравнению с дореволюционным временем возросло в 10 раз. До 1917 года мы имели всего 4 радиостанции на Севере, да и то в западном его районе; в настоящее время их насчитывается 39, причем расположены они по преимуществу в наименее доступных частях восточной части Советской Арктики.

Географическое положение арктических областей характеризует все те особенности, которые являются в значительной мере тяжелым препятствием для их освоения: долгая полярная ночь, суровые климатические условия, ледяной покров на многих арктических островах, пловучий морской лед на полярных водоемах.

Как работали в прежние времена в полярных морях?

Арктические экспедиции имели в своем распоряжении так называемые пассивные суда, то-есть корабли, не имевшие возможности ни по конструкции, ни по силе своих машин активно бороться с ледовыми препятствиями. Обычно такие суда входили в лед, как это сделал например знаменитый «Фрам» Нансена или «Мод» Амундсена, и пассивно находились в дрейфе вместе со льдами. При этом методе исследований плавание продолжалось много лет, что имело конечно свои преимущества, но путешественники никогда не достигали тех широт, которые заранее себе намечали.

Мы в корне изменили способы передвижения в арктических морях. Мы стали применять активные корабли, то-есть ледоколы и ледокольные пароходы, способные преодолевать препятствия, создаваемые скоплением морского льда. В особенности для нас стало очевидным значение мощных ледоколов после известного похода «Красина» в 1928 году, когда спасены были семь участников итальянской экспедиции.

22 иностранных корабля и 21 самолет восьми различных государств работали по спасению итальянцев, потерпевших бедствие во время перелета, и только советскому ледоколу удалось в конце концов спасти членов экспедиции, работавшей на дирижабле «Италия».

Уже в следующем году нам удалось на ледокольном пароходе «Седов» (начальник — О. Ю. Шмидт, заместители — Р. Л. Самойлович и В. Ю. Визе) построить самую северную в мире геофизическую обсерваторию на Земле Франца-Иосифа. В 1930 году на том же ледокольном пароходе, под тем же руководством советская экспедиция достигла Северной Земли, а в 1932 г. на ледокольном пароходе «Сибиряков» совершается первое в истории плавание под начальством О. Ю. Шмидта, которое

доказало возможность прохождения в одну навигацию Северного морского пути.

Следует иметь в виду, что проблема Северного морского пути занимала умы передовых людей человечества уже в течение многих столетий. Начиная с XVI века совершались неоднократные попытки прохождения судов с запада на восток. Все они кончались весьма печально, — ни одна из многочисленных экспедиций, организованных молодыми капиталистическими странами, Англией и Голландией, не прошла далее Новой Земли. Только в 1878 — 79 гг. было совершено шведским полярным исследователем и путешественником А. Э. Норденшельдом на судне «Вега» первое сквозное плавание. Ему однако пришлось перезимовать в Калючинской губе в расстоянии всего 100 километров от Берингова пролива.

После Норденшельда Северным морским путем удалось пройти всего лишь двум экспедициям: русской — Вилькицкому («Вайгач» и «Таймыр») в 1914 — 15 гг., с одной зимовкой, и знаменитому норвежскому исследователю Руалу Амундсену в 1918 — 1924 гг. Первая из этих экспедиций принуждена была зимовать у северо-западного берега Таймыра; второй же пришлось провести даже две зимовки. До этих экспедиций частично проходили Северным морским путем «Фрам» Нансена в 1893 г. и экспедиция Толя на яхте «Зара» в 1901 г.

Экспедиция «Сибирякова» в 1932 г. не только прошла весь Северный морской путь в одну навигацию, но совершила это плавание в кратчайший срок. Выйдя 28 июля из Архангельска, экспедиция 1 октября благополучно вышла на чистую воду восточнее мыса Дежнева. Участники экспедиции за свою самоотверженную работу получили высшие награды, обратя на себя внимание советского правительства и ЦК ВКП(б) во главе с тов. Сталиным. «Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевистская смелость и организованность» — таковы заключительные слова поздравительной телеграммы, полученной командой «Сибирякова» от товари-

щей Сталина, Молотова, Ворошилова и Янсона.

В последующие годы деятельность советских ледоколов стала развиваться усиленными темпами.

После того как сквозное плавание на ледокольном пароходе «Сибиряков» доказало проходимость Северного морского пути в одну навигацию, эта проблема сделалась основной и главнейшей задачей арктических изысканий.

Постановлением Совнаркома от 17 декабря 1932 г. было создано Главное управление Северного морского пути и на него была возложена задача проложить морской путь от Белого моря до Берингова пролива, оборудовать его и обеспечить безопасность плавания по этому пути.

Вопрос при этом стоял не только об освоении Северного морского пути как такового (в навигационном и других отношениях), но главным образом о вовлечении всей той территории, которая примыкает к этому пути, в общую экономическую жизнь страны.

В связи с этим Всесоюзный арктический институт, находившийся ранее в составе ЦИК СССР, перешел в ведение Главного управления, являясь его центральным научно-исследовательским учреждением.

На ближайшее время на Главное управление Северного морского пути возлагалось: 1) устройство в некоторых местах полярного побережья угольных баз с элементарным портовым оборудованием; 2) устройство самолетных баз для постоянного наблюдения за льдами и содействия проводке судов; 3) разработка типа ледоколов, необходимого для Северного морского пути, и 4) проводка в 1933 г. первого каравана из Архангельска и Мурманска в устье р. Лены.

Для обеспечения транспорта и научно-исследовательских работ пловучими средствами в распоряжение Главсевморпути были переданы л/п «Седов», «Сибиряков», «Таймыр» и подлежащий еще тогда подьему со дна моря л/п «Садко», вместе с рядом судов неледокольного типа.

Благодаря этому постановлению правительства был дан мощный толчок де-

лу развития как научно-исследовательской деятельности на Севере, так и промышленным изысканиям в отдаленных его областях.

Ниже мы будем говорить детально о всей проделанной за 1933 г. работе, пока же, забегаая несколько вперед, укажем, что знаменитый поход «Челюскина» дал возможность в 1934 г. еще более расширить сферу деятельности разносторонних работ на Севере.

Постановлением правительства на Главное управление было возложено изучение и использование естественных производительных ресурсов всей обширной территории Обь-Иртышской области Сибирского края, Якутской АССР и Анадырского округа, севернее 62° северной широты, включая Арктику. В связи с этим состоялась передача в ведение Главсевморпути Всесоюзного объединения Комсевморпуть со всеми его функциями и образование в системе Главсевморпути на хозрасчете трех трестов: Таймырского с центром в Игарке, Северо-Уральского (Обдорск) и Якутского (Якутск). Для заведывания трестами в составе Главсевморпути было создано оперативное управление с соответствующими секторами. Все хозяйственные предприятия наркоматов тяжелой промышленности и пищевой промышленности, совхозы и ледокольный флот поступили в ведение Главсевморпути.

Как же протекала деятельность Главного управления и всех его многочисленных органов на обширной территории крайнего Севера.

Начнем с 1933 г. — первого года деятельности Главного управления. Всесоюзному арктическому институту была предоставлена широкая возможность вести свои работы как в экспедиционном порядке, так и в особенности на научных базах полярных станций. Началось интенсивное исследование в гидрологическом и гидробиологическом отношениях морей, через которые проходит трасса Северного морского пути. Территории, прилегающие к этому пути и тяготеющие к нему, изучались в геологическом и геоморфологическом отношениях, при чем во многих местах были организованы геолого-поисковые работы. Все

сухопутные работы были соединены с геодезическими и топографическими съемками. Кроме того, производились биологические, зоологические и ботанические исследования и научно-промысловые работы. Общее количество экспедиций лишь по одному Арктическому институту дошло в этом году до тридцати.

Научно-исследовательские работы охватили крупнейший район европейского и азиатского побережья. Геологические исследования велись на Новой Земле, Земле Франца-Иосифа, островах Карского моря, на Таймырском полуострове, в низовьях Оленека и реки Лены. В особенности широко развернулись работы в Чукотско-Анадырском национальном округе, где прежде всего закончены авиаэкспедиционные исследования 1932 — 1933 гг., которые дали общее аэрографическое описание округа, размещение районов полезных ископаемых, карту бассейна реки Анадыря (400.000 кв. км в масштабе 1 : 1.000.000) и карту южной и северо-восточных частей округа. Закончили работы отряды, работавшие в верховьях Анадыря и по левобережью реки Большого Анюя. В 1933 г. начала работы экспедиция по изучению месторождений угля в районе Анадыря и у мыса Наварин, имеющая особо важное значение для создания угольной базы на крайнем северо-востоке (по выяснению возможностей признаков нефти в бассейне Анадыря, по изучению геологии и полезных ископаемых полярных районов округа между рекой Колыма и Чауной и между мысом Шмидта (бывш. Северным) и Калючинской губой). В 1934 г. эти экспедиции закончили свои работы. Следует особенно отметить нахождение месторождений олова и меди.

Но главнейшее внимание в 1933 году было обращено на морские экспедиции. В первую очередь была поставлена отправка судов в устье реки Лены. Впервые направлявшиеся туда «Володарский», «Сталин» и «Правда» вышли под проводкой ледокола «Красин» в Карское море. Следует иметь в виду, что если Карское море являлось к тому времени водоемом достаточно освоенным, то район мыса Челюскина и в особенности восточная часть Таймырского полуострова

были совершенно неизвестны. Первые два парохода благополучно пришли в бухту Тикси, а «Правда» не могла найти больших глубин для прохода к бухте Нордвик. В Нордвике имелось в виду сгрузить оборудование для разведочных работ на нефтяных месторождениях, открытых в том районе. Часть грузов, имевшихся на «Правде», решено было оставить в бухте Прончищевой, но, к несчастью, при входе в эту бухту судно стало на мель и с большими усилиями было снято ледокольным пароходом «Русанов». На обратном пути произошло быстрое ледообразование в проливе Вилькицкого, и «Красин» не мог провести суда через этот пролив, так что все три судна были оставлены на зимовку у острова Самуила. «Красин» же по выполнению транспортных операций 28 октября вернулся в Ленинград.

На борту «Красина» во время его плавания были проведены гидрологические работы, при чем все анализы были произведены в судовой химической лаборатории. Сделано 100 ледяных обсерваций и 70 инструментальных определений течений на различных глубинах. Собран значительный материал по определению солености воды и плотности льда.

В план работ Ленской транспортной экспедиции под руководством Б. В. Лаврова входила также прекрасно выполненная ею операция по переброске речных судов из р. Енисей в р. Лену для усиления речного флота р. Лены, приспособенного в его прежнем виде поднять приходившие морем грузы вверх по р. Лене до Якутска. Надо было перевести буксирный теплоход «Первая пятилетка» (1.400 л. с.) и большой железный лихтер. Несмотря на тяжелые ледовые условия, затруднявшие работу «Красина», и неблагоприятную погоду, встретившие экспедицию в Новом Порту, операция удалась, и якутский Север впервые получил снабжение, какого никогда не имел. Морской переход от острова Диксон до бухты Тикси был сделан с рекордной быстротой в 9½ суток. Всего от Омска речные суда прошли 7.700 километров, из них 3.200 километров морем, в том числе около 1.000 во льдах.

Ленская экспедиция являлась экспедицией транспортного порядка. Наряду с ней было организовано исследование на всех кораблях, находившихся в плавании, и, кроме того, ледокольный пароход «Сибиряков» был специально назначен для научных исследований в Карском море.

Участники этой экспедиции, под руководством проф. В. Ю. Визе, выполнили ряд глубоководных станций и 2 полусуточные работы для изучения течения, а также производили ежедневные наблюдения над движением льдов у мыса Челюскина, брали через каждые 10 миль пробы поверхностного слоя моря и вели метеорологические наблюдения. Острова, которые были открыты в 1932 г. ледокольным пароходом «Русанов», были более подробно исследованы, причем определены точные координаты этих островов, получивших названия—«Арктического института» и «Известий ЦИК СССР».

Для хозяйственного освоения восточного побережья Таймыра решено было забросить туда группу промышленников во главе с тем самым Журавлевым, который много лет зимовал на Новой Земле и в течение двух лет жил в группе Ушакова на Северной Земле. Именно с этой целью в августе 1933 г. была отправлена в северный рейс экспедиция на ледокольном пароходе «Русанов», которая имела задачей заброску этой промысловой партии в бухту Марии Прончищевой, на восточном берегу Таймырского полуострова.

Выйдя 12 августа из Архангельска, корабль проливом Югорский Шар прошел в Карское море, а бухта Прончищевой была достигнута 5 сентября. Обратный рейс «Русанов» совершил, присоединившись к каравану судов Ленской экспедиции, возвращавшихся из бухты Тикси. На пути в Архангельск он провёл в Баренцово море два иностранных парохода, застрявших во льдах Карского моря.

Как и на других кораблях, во время плавания на «Русанове» велись наблюдения над состоянием льдов и температурой поверхностного слоя морской воды.

Особое задание было возложено на ледокольный пароход «Седов». Уже два года зимовала на острове Каменева Северная Земля группа из четырех лиц во главе с Ниной Демме. Необходимо было произвести смену зимовщиков и, кроме того, высадить геологическую разведочную партию на мысе Оловянном на острове Октябрьской революции для производства там поисков месторождений олова. Из-за встречных непроходимых льдов «Седов» не смог выполнить это задание.

Нужно всегда иметь в виду, что даже для самого мощного ледокола могут на Севере встретиться непреодолимые препятствия, в особенности при сильном сжатии льда.

Согласно распоряжению Главного управления Северного морского пути «Седов» был направлен к острову Уединения, где ему надлежало построить радиостанцию и оставить зимовщиков. 18 сентября он подошел к острову, около которого не было льдов, но из-за штормов, длившихся несколько дней, высадиться и выгрузить грузы не представлялось возможным, и «Седов» переключился на выполнение задания, связанного с проводкой двух караванов Карской экспедиции. 1 ноября «Седов» вернулся в Архангельск.

Из морских экспедиций 1933 г. следует отметить замечательный поход «Красина» в марте—апреле, когда встретилась надобность оказать помощь промышленникам Новой Земли, недостаточно снабженным продовольствием.

Попытки пройти судам «Ленинград», «Госторг» и гидрографическому судну «Таймыр» к Новой Земле в позднее осеннее время окончились неудачами.

17 марта 1933 г. «Красин» с начальником экспедиции М. И. Шевелевым и командиром Я. П. Легздиным вышли с полным запасом угля и продовольствия на Новую Землю, имея на борту два самолета и аэросани. Условия плавания зимой 1933 г. оказались более благоприятными, чем предполагалось. Уже 22—24 марта ими производились пружовые операции в бухте Садовского при помощи собак и аэросаней. Здесь же летал самолет-разведчик.

Закончив работы на п/о Адмиралтейства, «Красин» 24 марта прибыл в Архангельскую губу и после выгрузки здесь был 29 марта в Русской Гавани.

5 апреля ледокол достиг мыса Желания и забрал с собой партию М. М. Ермолаева. Последний с двумя своими спутниками отправился на аэросанях за Русскую Гавань к мысу Желания. В пути однако во время одной из остановок лыжи смерзлись со снегом и льдом, и трем участникам похода не удалось их сдвинуть с места. С огромным напряжением и величайшими трудностями Ермолаев, Петерсон и Велькен достигли наконец мыса Желания. Обрато на «Красине» они вернулись в Русскую Гавань, но здесь ледокол «Красин» был затерт торосистым льдом, так что пришлось прибегнуть к взрыву ледяных торосов.

На обратном пути, идя все время во льду, «Красин» зашел в Крестовую губу и Маточкин Шар, откуда 12 апреля вышел в Мурманск, полностью выполнив порученное ему задание.

На борту «Красина» производились научные работы—гидрологические, метеорологические, брались пробы льда и исследовались поверхностные течения.

Так был совершен впервые в истории Арктики поход в зимнее время на Новую Землю.

Нам приходилось уже указывать на развитие так называемых карских операций. В связи с этим гидрографические исследования в устьях рек Оби и Енисея, Таймырского побережья, а затем и Лено-Хатангского района представляли большое практическое значение. Именно в первую очередь и были усилены гидрографические работы в этих районах. Карский, Обский и Енисейский отряды произвели значительные гидрографические работы, определили 15 астрономических пунктов, произвели топографическую съемку побережья северо-восточной части Карского моря, Пясенского залива, Гыдоямского района, Енисейского залива и пр.,—всего 1.642 километра.

Наименее известною частью морей, омывающих сибирское побережье, является несомненно море Лаптевых. Именно

поэтому были поставлены там гидрографические работы и в частности съемка Туматского протока (один из протоков дельты Лены) и промер в районе острова Бегичева для выяснения возможного прохода морских судов к Соляной горе между Хатангским заливом и бухтой Нордвик. Все работы были выполнены гидрографическим отрядом экспедиции под начальством гидрографа С. Д. Лаппо.

Несмотря на рекогносцировочный характер, работа дала весьма ценный материал и осветила неизученную часть моря Лаптевых, приобретающую активное экономическое значение в связи с положительными результатами геолого-разведочных работ.

Весьма важным участком Северного морского пути является также район Карского моря от острова Диксон до мыса Челюскина. Здесь работали три партии: гидрологическая, гидрографическая и авиа-изыскательская. В экспедиции участвовали 3 судна: моторная шхуна «Белуха» (бывш. «Хобби», на которой Амундсен совершил свое путешествие к Шпицбергену, откуда он летел к северному полюсу) и два небольших парусных моторных бота, которые вышли из Красноярск.

Исключительно тяжелые ледовые условия препятствовали работам экспедиции. С «Белухой» случилась крупная авария. Она стала на мель севернее острова Белый вследствие неправильности карт. В течение 10 часов экипаж и участники экспедиции мужественно боролись со штормом и бурным Карским морем, волны которого постепенно затопляли небольшое судно. В последний момент к «Белухе» подошел пароход «Аркос», вызванный по радио, и всем участникам экспедиции удалось перебраться на пароход, «Белуха» же пошла ко дну. Тем не менее результаты экспедиции были весьма значительные по всем объектам изысканий, намеченных в предварительной программе.

К югу от этой экспедиции работала партия по исследованию устья р. Пясины и ее верховьев. Сюда было снаряжено два отряда—транспортный и гидрографический. На небольшом речном па-

роходе «Лесник» транспортный отряд экспедиции вышел из Красноярск в конце июня 1933 г. и полностью выполнил свои задания. На левом берегу реки Пясины, на мысе, названном «Входным», где находится фактория таймырского кооператива, им устроено крупное зимовье и оставлен там необходимый состав промышленников.

Возвращение отряда было серьезно затруднено появившимся в Пясинском заливе льдом, затеревшим караван отряда, и лишь своевременно подоспевшие на помощь л/п «Седов» и ледокол «Ленин» оттели караван на буксире к о. Диксона, откуда караван благополучно прибыл в Красноярск в начале ноября.

Гидрографический отряд также успешно выполнил свои задачи, выяснив, что р. Пясины, включая и Пясинское озеро, является по всей своей длине пригодной для плавания.

Любопытно, что на берегах Пясины, где нет населения, кроме случайных летних кочевников-промышленников, экспедицией во многих местах были обнаружены развалины старинных бревенчатых изб, свидетельство того, что по р. Пясины некогда жило население русских.

В связи с отсутствием достаточной радиосвязи в восточной части советского сектора назрела необходимость постройки там нескольких радиопунктов. Трудное задание по постройке радиостанций на мысе Шмидта и на островах Медвежьих было выполнено дальневосточным судном «Лейтенант Шмидт». В начале сентября станции были уже построены, и спустя три недели начало работать и радио.

Так были закончены морские операции в 1933 г.

Не останавливаясь на походе «Челюскина», который получил освещение на страницах «Нового мира» (см. «Новый мир», 1934 г., кн. 4. Макс Зингер. — «Герои Советского Союза»), следует указать, что, несмотря на исключительно тяжелые ледовые условия, в 1933 г. был закончен ряд интересных походов и в том числе был проведен впервые в устье р. Лены первый караван коммерческих судов и совершено плавание на «Красине» к берегам Новой Земли.

Что касается работ на суше, то они не ограничились лишь горно-геологическими изысканиями.

В соответствии с решениями партии и правительства превратить в течение второй пятилетки участок Северного морского пути между Енисеем и Леной в нормальную водную артерию, в 1933 г. в Лено-Таймырском районе были развернуты работы по разрешению целого ряда капитальных вопросов, связанных с хозяйственным освоением этого участка Арктики: 1) где в устье Лены строить порт, 2) на каких угленосных месторождениях в низовье Лены следует базироваться для снабжения приходящих морских и речных судов, 3) какова промышленная ценность месторождения олова на Северной Земле и 4) возможности лоцмейстерского обслуживания низовий Лены и пр. Для выполнения связанных с этим работ в 1933 году были организованы Главсевморпутем три больших экспедиции: 1) Ленская—комплексная. 2) Нордвикская—нефтяная и, как мы уже указывали, 3) на мыс Оловянный на Северной Земле.

Впервые портоизыскательные работы производились при содействии авиасредств, выразившись в промере протоков и их съемке, в гидрологических работах и в гидрографических исследованиях, охвативших выход в море от острова Сагастыря до морских глубин в районе острова Бегичева и бухты Нордвик. Геологический отряд был занят осмотром и изучением Булунского угольного месторождения, как наиболее близкого к дельте реки Лены. К сожалению, эти месторождения оказались недостаточно благонадежными.

Геолог И. Г. Николаев, стоявший во главе этой экспедиции, прошел маршрутно-геологической съемкой значительный район с боковыми маршрутами по левым притокам Лены и произвел маршрутное исследование Хараулахских гор.

Если месторождения угля не оправдали надежд, возлагавшихся на них, то в оро-геологическом отношении исследования района представляют исключительный интерес, так как здесь ниже села Киссюра долина реки Лены окаймляет-

ся значительными возвышенностями (800 метров), а строение берегов Лены приобретает типичные черты горного ландшафта. Отмеченные особенности находятся в тесной связи с геотектонической структурой Хараулахских гор.

Экспедицией собран значительный палеонтологический материал, обработка которого позволит уточнить стратиграфию палеозойской и мезозойской толщ, развитых в этом районе.

Лоцмейстерский отряд имел заданием проведение мероприятий, необходимых для обеспечения приходящих судов и для подготовки к приему морских судов, ожидавшихся в реку Лену с грузом для Якутии.

Одновременно с этим отрядом работала нефтяная экспедиция в бухте Нордвик, в задачу которой входило изучение и разведка соляного штока этой бухты и выяснение возможности генетической связи с ним месторождений нефти. Как впоследствии сообщил Емельянцеv, вернувшийся оттуда сухим путем зимой 1934 г., жидкая нефть в том районе была найдена.

Мы уже отмечали из сухопутных экспедиций окончание работ летной экспедиции на Чукотском полуострове под начальством С. В. Обручева. В течение двенадцати дней был изучен весь бассейн реки Анадыря, занимающий пространство в 375.000 кв. км. Радиус действия самолета не дал возможности пройти далеко за водораздел. Удалось осмотреть верховья рек Пентан, Большого Анюя, Малого Анюя, Чауны и Амгуемы.

Полеты показали, что маршрутно-визуальный метод съемки с самолета вполне пригоден для составления карт первого приближения.

Значительные результаты дало гидрографическое и геоморфологическое изучение Чукотского национального округа.

1933 год явился первым годом широкого развития авиаслужбы на Севере. Самолеты служили не только для геологических и топографических работ, но главным образом обслуживали трассу Северного морского пути в направлении ледовых разведок и связи между отдельными базами.

Следует помнить, что первый полет в Арктику был совершен еще в 1914 г., но это был эпизодический полет, связанный с поисковыми экспедициями двух погибших тогда экспедиций — Брусилова и Русанова.

В советское время самолеты появились впервые в Арктике в 1924 г. Полеты совершались в Маточкином Шаре в целях ледовых разведок для тогдашних гидрографических экспедиций. Уже первые полеты Б. Г. Чухновского показали, какую огромную службу может сыграть самолет для указания ледовых условий судам, направляющимся через Карское море в реки Обь и Енисей. Но количество самолетов, применявшихся на Севере, росло чрезвычайно медленно. Лишь с организацией Главного управления Северного морского пути авиаслужба получила серьезное развитие. В 1933 г. самолеты в буквальном смысле атаковали Арктику, производя в полярных областях наряду с ледовыми разведками также научно-исследовательские работы. До этого времени самолеты базировались главным образом на двух пунктах — Маточкином Шаре и острове Диксона; с этого же года впервые на наших полярных станциях были установлены самолеты для работ в течение круглого года. На Земле Франца-Иосифа были оставлены на зимовку 2 самолета, а для обслуживания ледовых разведок всего побережья от Мурманска до Берингова пролива летом 1933 г. распоряжением Главсевморпути было отправлено 16 самолетов, которые должны были поддерживать связь между отдельными пунктами, вести ледовые разведки и оказывать помощь в различных научных работах.

При этом пилот А. Д. Алексеев обеспечил своей ледовой разведкой быстрый подход к мысу Челюскина 1-й Ленской экспедиции в составе трех пароходов, а также шедших с ней трех ледоколов и парохода «Челюскин».

В том же году ледовые разведки производились в Восточно-Сибирском море пилотами Ф. К. Кукановым, С. А. Леваневским для судов, ходивших в Колыму.

Количество полярных станций также было значительно увеличено.

При этом полярные станции являются истинными форпостами советской культуры на крайнем Севере. Они представляют собою научные базы, где ведутся систематические наблюдения в области метеорологии, аэрологии, геофизики, геологии и топографии. Таким образом, они служат как бы центрами, из которых лучами во все стороны распространяется свет исследовательской деятельности.

Полярная станция в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа превратилась в настоящую геофизическую обсерваторию, прекрасно снабженную необходимыми инструментами и аппаратурой. Кроме обычных работ, там производились наблюдения над ледовым покровом моря и проливов, снегомерная съемка, регистрация млекопитающих и птиц, а также сборы орнитологические, энтомологические и ботанические. Были поставлены точные наблюдения над движением ледников. Благодаря этим симптомам отступления или, наоборот, наступления оледенения оказалось, что в промежуток времени с 24 апреля по 4 августа 1933 г. перемещение ледника в бухте Тихой составляло 9,13 метра. Интересно отметить, что экспедиция герцога Абрюзского, которая производила такие же работы еще 30 лет до этого, такого движения ледников на Земле Рудольфа не обнаружила.

Все научно-исследовательские работы, ведшиеся на полярных станциях, а также в отдельных экспедициях, велись под руководством научного органа Главсевморпути — Всесоюзного арктического института.

Основной и главной проблемой, над разрешением которой производились работы, начиная с 1933 г., являлась проблема освоения в кратчайший срок Северного морского пути. Весь научно-исследовательский кадр, работающий как на станциях, так и в самих экспедициях, был подготовлен предварительно в Арктическом институте.

К сожалению, в наших высших учебных заведениях в то время еще не имелось специальной кафедры полярных

стран¹⁾, где бы готовились высококвалифицированные исследователи, необходимые для Советской Арктики, поэтому приходилось прибегать к организации специальных курсов. Благодаря именно этому обстоятельству удалось, несмотря на быстрый рост количества полярных станций и увеличения количества экспедиций, как на море, так и на суше, подготовить необходимый научно-исследовательский персонал.

Благодаря поддержке ЦК ВКП(б) и советского правительства 1934 год показал еще большие достижения в Арктике, чем все предыдущие годы. Не подлежит сомнению, что этот год изобилует такого рода полярными походами, многие из которых в отдельности составили бы еще недавно эпоху в деле изучения Арктики, у нас же все значительные экспедиции служили как бы обыденным выполнением текущей программы.

Чтобы представить себе размах всех работ в Советской Арктике за этот год, достаточно указать, что в течение навигации 1934 г., проведенной Главсевморпутем, участвовало 85 морских судов, выполнивших успешно и полностью принятый экспедиционный план морских перевозок и задание правительства, согласно постановления Совнаркома СССР от 29 мая.

Опыт замечательного плавания парохода «Челюскин», несмотря на тяжелую аварию его, с последовавшей затем гибелью корабля, еще более укрепил мысль о необходимости одолеть все трудности освоения Северного морского пути.

Выдающимся событием 1934 г. было прежде всего блестяще выполненное в одну навигацию сквозное плавание ледореза «Литке» от Берингова пролива до Мурманска.

Помимо этого основного задания «Литке» оказал помощь судам 2-й Ленской транспортной экспедиции, отправившимся в этом году в устье реки Лены с запада, а также вывести из тяжелых льдов суда 1-й Ленской экспеди-

ции (1933 г.), которые зазимовали у островов Самуила (пароходы «Володарский», «Сталин» и «Правда»).

На ледорезе «Литке», плававшем под начальством С. Д. Дуплицкого, в составе научной группы под руководством проф. В. Ю. Визе находились: синоптик, гидрохимик, гидролог, гидробиолог и подрывник.

28 июня «Литке» вышел из Владивостока. Благополучно дойдя до мыса Дежнева, он встретился там с первыми льдинами, пройдя почти по чистой воде в 40 милях от места гибели «Челюскина». У мыса Шмидта (мыс Северный) встречены были тяжелые льды. Среди 3—4-метровых торосистых льдов, сжатых ветрами в одно целое, ледорез с трудом пробивался к северо-западу. Однако благодаря новой перегруппировке льдов и в связи с изменением ветров ему удалось благополучно выйти на чистую воду. С большими трудностями «Литке» преодолел ледовые препятствия наиболее опасного района.

За это время начальник экспедиции С. Д. Дуплицкий и летчик Ф. К. Куканов совершили полет для выяснения ледовой обстановки. Во время полета, за невозможностью вследствие дрейфа «Литке» отыскать его, пришлось пролететь к мысу Шмидта и уже оттуда, связавшись по радио с «Литке», добраться до него.

27 июля, пройдя проливом Лонга, «Литке» вошел в Восточно-Сибирское море. По пути встречались лишь небольшие пространства, свободные от льда, но лед был разрыхленный и слабый, а потому вполне доступный для ледореза. Обогнув Медвежий острова, «Литке» взял курс на пролив Дмитрия Лаптева и вошел в море Лаптевых.

7 августа ледорез прибыл в бухту Тикси, откуда, не задерживаясь, отправился к островам Самуила, где его уже ожидали зимовавшие суда 1-й Ленской экспедиции. Здесь наступил второй этап тяжелой борьбы со льдами. У островов стоял невзломанный зимний лед. После упорной борьбы со льдами «Литке» в конце концов вывел суда на более легкий лед, но в борьбе с тяжелым препятствием он потерпел серьез-

¹⁾ В настоящее время при Ленинградском университете учреждена и функционирует кафедра географии полярных стран.

ные повреждения корпуса, главным образом форштевня. Исправив его своими силами настолько, что можно было приступить за выполнение своих дальнейших заданий, «Литке» приступил к дальнейшему походу.

Речной пароход «Партизан Шетинкин» должен был быть проведен с Енисея на Лену через пролив Вилькицкого. «Литке» оказал ему большую помощь в этом отношении.

Все три парохода, которые были освобождены «Литке», немедленно приступили к работе. Освобожденная от ледяного плена «Правда» уже в ту же навигацию сумела доставить для Нордвикской экспедиции задержавшееся техническое оборудование, а остальные два парохода, погрузив лес в Игарке, доставили его в Мурманск. После этого в течение 14 суток «Литке» принимал участие в проводке как 2-й Ленской экспедиции, так и карских пароходов, при чем в пути он оказал помощь английскому пароходу «Маклин», сняв его с мели в устье реки Лены.

Большие услуги ледорезу оказывал находившийся на нем самолет (летчик Куканов), совершивший ряд смелых полетов для ледовых разведок.

18 сентября «Литке» прибыл в Мурманск, совершив свой замечательный переход в течение всего лишь 85 дней.

Во время плавания на «Литке» производились всесторонние научные работы, имеющие большое значение в деле освоения северных морей, изучения морских течений, структуры льда и его физических и химических свойств и др. К северу от группы островов Фурнея в Карском море экспедиция «Литке» обнаружила небольшой новый остров (каменистая гряда).

Научные работы экспедиции на «Литке» осветили весенний режим Чукотского моря и связали в непрерывный годовой цикл научные материалы, полученные экспедициями на «Челюскине» и «Красине» (к острову Врангеля). Можно думать, что это разрешит проблему удлинения навигации, что избавит рейсовые суда, идущие из Владивостока в Колыму и Лену, от дорого стоящих зимовок на обратном пути. Во всяком

случае завершающим плаванием «Литке» созданы необходимые предпосылки для сквозного плавания по северно-морской трассе, и не только ледоколов и ледокольных пароходов, но и грузовых судов, а вместе с тем и для успешного выполнения новых задач по освоению производительных ресурсов Арктики.

Одновременно с «Литке» в восточном районе Арктики находился «Красин» под начальством П. М. Смирнова.

Как известно, для спасения челюскинцев на Дальний Восток, через Панамский канал, был отправлен из Ленинграда ледокол «Красин». Все участники похода «Челюскина» были спасены при помощи самолетов, но не подлежало сомнению, что, если бы по каким-либо причинам не удалось бы спасти всех или хотя бы часть челюскинцев летными средствами, «Красин» в этом отношении сослужил бы прекрасную службу. Посылка «Красина» не являлась конечно ни в какой мере актом недоверия к возможностям нашего воздушного флота. По счастью, полеты наших героев-летчиков были настолько удачными, что «Красин», посланный туда в качестве резерва, прибыл на Дальний Восток уже после блестящих спасательных операций.

Но задачей «Красина» являлось также посещение острова Врангеля, который в течение пяти лет из-за тяжелых ледовых условий был недоступен для других судов.

17 августа ледокол вышел из бухты Провидения на север и прошел по чистой воде до острова Геральда. Дальнейшее продвижение протекало в тяжелых льдах, облегчаемое авиаразведками. В 8—9-балльном льду «Красину» пришлось пройти 30 миль. 20 августа к вечеру «Красин» достиг бухты Роджерса на острове Врангеля. Велика была радость русских и эскимосов, живших на этом острове. Начальник острова тов. Минеев и жена его тов. Власова переносили в течение пяти лет с большой стойкостью все невзгоды, которые выпали на их долю вследствие отсутствия связи с Большой Землей.

Грузовые операции для острова Врангеля производились в течение 7 суток,

а к 29 августа были уже закончены и все строительные работы.

На следующий день, 30 августа, ледокол вышел в море, чтобы произвести ряд научных работ. На остров Геральда на обратном пути была совершена высадка и впервые произведены геологическая и топографическая съемки.

Покинув остров Геральда, «Красин» совершил ряд чрезвычайно интересных гидрологических разрезов в районе, который до сего времени был совершенно неизвестен, а начальник экспедиции П. М. Смирнов произвел полет к северо-западу от острова Врангеля, который, по его мнению, выяснил отсутствие предполагавшейся там земли Андреева.

21 октября «Красин» вернулся во Владивосток.

«Красин» вывез также значительные научные коллекции, которые были собраны В. И. Минеевым в течение 5-летнего пребывания его на острове Врангеля вместе с небольшой научной группой, зимовавшей с ним. Научные работы не приостанавливались ими, несмотря на тяжелые условия жизни на острове. Там велась работа по уточнению карты острова. В результате геологических изысканий была подобрана коллекция образцов местных пород, которая должна будет пролить свет на геологическое строение острова, и собрана большая коллекция птиц. Найдены значительные остатки мамонтовых клыков, при чем собрано до 2,5 тонн мамонтовой кости, среди которой попадались клыки весом более 30 килограммов.

В то время, когда «Красин» производил свои работы в восточном секторе Советской Арктики, в западном его районе, а именно в северных частях Карского моря, работала специальная экспедиция на ледокольном пароходе «Седов» под начальством Р. Л. Самойловича для изучения этого неизвестного района, одного из значительнейших водоемов Арктики. Особенно интересным представляло изучение тех мелководий, которые расположены к северу и северо-востоку от острова Визе. Еще в 1932 г. натолкнуться на них гидрографическое судно «Таймыр». Предстояла очень интересная задача — проследить район этих

мелких глубин, достигавших всего 14 метров. Естественно, что такое мелководье, расположенное в северной части большого водоема, несомненно влияет на общий ледовый режим Карского моря. Оказалось, на основании работ «Седова», что эти мелководья занимают обширное пространство к северу и северо-востоку от острова, на которых скопляются большие массы льда, образуя в некоторых местах целые острова. Экспедиция натолкнулась на такой редкий феномен, как «ледяной остров», в окружности имевший не менее 30 километров. Наряду с этими мелкими глубинами была обнаружена большая глубоководная впадина к востоку и северу от Новой Земли, глубины которой достигали более 500 метров.

Отличительной особенностью этого района являлось наличие мощного теплового слоя воды атлантического происхождения, лежащего по преимуществу между горизонтами 100 — 300 метров.

Работами между островами Арктического института и мысом Желания, а также между островами «Известий» и островом Диксона весьма хорошо можно было проследить проникновение и распределение теплой распресненной воды Оби и Енисея. Нужно при этом отметить, что характерный для обь-енисейских вод слой воды отличался по сравнению с прошлыми годами довольно низкими температурами.

Были поставлены детальные работы над изучением образования и таяния льда и его электропроводностью, что даст нам разрешение многих практических вопросов, связанных с влиянием физико-химических факторов на общий ледовый режим водоемов.

Замечательно, что уже во время экспедиции в основном были обработаны все полученные материалы, ибо на «Седове» для этой цели были специально оборудованы шесть различных лабораторий и кабинетов.

Посещение этой же экспедицией западного побережья Таймыра дало возможность более детально осветить месторождения слюды и полевого шпата, обнаруженных там впервые в предыдущем году. Уже в ближайшую навига-

цию туда будет послана специальная горно-разведочная партия.

В результате гидрологических работ экспедиции «Седова» можно будет составить динамическую карту, то-есть карту течения Карского моря, которая конечно должна будет сыграть очень большую роль в деле облегчения навигации по этому, еще мало исследованному, морю.

Характерно для неточности наших карт, что астрономические работы, произведенные этой экспедицией на островах Визе и Уединения, показали, что первый остров должен быть отнесен на 10 миль к западу, а второй на 4,5 мили к северо-западу.

Ледокольный пароход «Седов» также вывел из льда гидрографическое судно «Циркуль», которому грозила зимовка.

Во время своих работ «Седов» находился в постоянной радиосвязи с другим кораблем — «Садко».

Трудное задание было возложено на ледокольный пароход «Садко», только в том году поднятый со дна моря и отремонтированный в Архангельске. Этот ледокольный пароход должен был завезти на мыс Оловянный на острове Октябрьской революции геологический отряд для изучения гранитных массивов, обнаруженных в этом районе, и для поисковых работ на олово. В случае, если ледовые условия не позволили бы «Садко» подойти к этому острову, ему дано было задание построить новую полярную станцию на острове Уединения, которая служила бы базой наших работ в северо-восточной части Карского моря. Кроме того, экспедиции на «Садко», возглавляемой зам. нач. Главсевморпути С. С. Иоффе, поручалось изучение гидрологического и ледового режима в районе его работ.

Ввиду тяжелой ледовой обстановки в северо-восточной части Карского моря «Садко» пришлось выдержать 24-дневный дрейф, но удалось, однако, благодаря настойчивости и правильному руководству, выполнить задание по постройке станции на острове Уединения. Эта станция в настоящее время уже работает, и зимовщики размещены в выстроенном для них доме.

Проделанный рейс «Садко» позволил экспедиции изучить белое пятно Карского моря, которое было недоступно в предыдущем году.

Работами «Садко» севернее 80° северной широты, между 83 и 86 меридианами, на глубине 100 метров обнаружен теплый слой воды большой солености, зашедшей сюда, повидимому, с северо-запада, а также собран значительный материал о течении вдоль Северной Земли, дающий основание полагать, что западнее от архипелага Сергея Каменева возможно встретить большие отмели.

Одновременно с этими работами выполнялись исследования, связанные с влиянием льдов на корпус судна.

Для смены зимовщиков на Земле Франца-Иосифа был послан «Таймыр».

Судно «Таймыр» под начальством Ф. И. Дриго имело возможность с южной стороны подойти к островам этого архипелага, почти не встретившись со льдами. «Таймыр» в рекордно-скорый срок (вышел из Архангельска 14 августа, сменил зимовщиков полярной станции и выгрузил снабжение 25 августа) достиг Земли Франца-Иосифа и сменил зимовавшую партию научных работников, пробывших там около года. Пользуясь затем оставшимся временем, «Таймыр» совершил обход станции Новой Земли и провел гидрологические работы в Баренцовом море. Обратный путь был совершен с большими трудностями. Все проливы Земли Франца-Иосифа оказались забитыми льдами и только на четвертые сутки удалось выйти в Баренцово море Абердарским проливом. Сняв часть зимовщиков с Маточкина Шара и Югорского Шара, пройдя вдоль восточного берега южного острова Новой Земли, «Таймыр» направился в Архангельск, куда и прибыл 8 октября. Плавание продолжалось 25 дней.

С большими трудностями был связан и с успехом был выполнен рейс ледокольного парохода «Русанов» под начальством В. М. Воробьева, который прошел в Нордвикскую бухту, преодолев на своем пути льды Карского моря и пролива Вилькицкого. «Русанов» доставил в этот район поисковую партию на

нефть с комплектом бурового оборудования. В трудных условиях разгрузка была закончена в 12 дней. Туда же было выгружено дополнительное оборудование пароходом «Правда», не смогшим выполнить эту операцию в 1933 году и зимовавшим, как уже известно читателю, у островов «Самуила», пока его не освободил ото льда ледорез «Литке».

Таким образом, второй год повторяющаяся попытка проникнуть в Нордвикский нефтяной район увенчалась наконец успехом.

Кроме того, было выполнено строительство двух новых полярных станций — в бухте Прончищевой, где снята часть зимовщиков, занимавшихся промыслами, и на острове Встречном.

По обратном проходе на остров Диксон «Русанов» был оставлен в Карском море для обслуживания карских судов и полярной станции Маточкина Шара на Новой Земле.

Несмотря на позднее возвращение в Архангельск, «Русанов» был 4 ноября направлен в Мурманск для совершения еще одного рейса — на Шпицберген и обратно.

Задача, возложенная на ледокольный пароход «Сибиряков», заключалась в доставке на мыс Челюскина новой постройки для тамошней полярной станции и геофизической обсерватории. Задача была им выполнена в короткий срок. Выйдя из Архангельска 9 июля, 24 сентября он вернулся уже обратно.

По окончании арктического рейса по заданию Главсевморпути «Сибиряков» был завезен груз для рудника в бухте Варнека на острове Вайгач и для флюоритового рудника Андермы, находящегося на материке к югу от острова Вайгач.

Ледокол «Малыгин» принимал участие в операциях по проводке судов Карской и 2-й Ленской экспедиций до острова Белого, откуда функцию проводки взял на себя ледокол «Ермак», который должен был обеспечить дальнейшее продвижение судов до места назначения. Имея задание пройти к острову Русскому, «Малыгин» несколько дней дрейфовал во льдах и затем был направлен для постройки станции на мысе Стерлигова

у устья реки Ленивой на берегу Харитона Лаптева.

На борту «Малыгина» находилась научная партия, которой велись исследовательские работы, главным образом по исследованию ледового режима и физических свойств морского льда.

27 октября «Малыгин» вернулся в Архангельск.

С точки зрения хозяйственного освоения севера Сибири, Обь-Енисейского и Лено-Хатангского районов наибольшее значение имели Карская и Ленская экспедиции. В устье рек Оби и Енисея благополучно было проведено 28 судов, из них 25 иностранцев. Грузооборот Карской экспедиции выразился в следующих цифрах:

в 1931 году	66.300 тонн
» 1932 »	96.200 »
» 1933 »	109.000 »
» 1934 »	112.000 »

Рейсы судов прошли без аварий, что указывает на значительную освоенность этого пути для грузоперевозок.

Ленская экспедиция в составе 3 судов («Молотов», «Байкал» и «Сакко») прошла благополучно в бухту Тикси на реку Лену и, выгрузившись там, вернулась обратно в Карское море в ту же навигацию. Успех экспедиции усугублялся тем, что, по примеру предшествующего года, из Енисея на Лену был переброшен при содействии ледореза «Литке» речной пароход «Партизан Щетинкин», чем был усилен речной флот на реке Лене и обеспечено продвижение грузов от морского порта вглубь Якутской республики. В проводке судов Ленской экспедиции принимал участие самолет «Н-8» во главе с пилотом П. Т. Головиным.

После благополучного возвращения этих пароходов в Баренцево море «Молотов» и «Сакко» были поставлены с другими судами Главсевморпути на перевозку 10.000 тонн генеральных грузов из Архангельска в бухту Варнека.

Главным судном по проводке карских и ленских судов был ледокол «Ермак»

(кроме «Малыгина»). Мы уже указывали, что по выводу судов 1-й Ленской экспедиции большую поддержку оказал ледорез «Литке». «Ермак» вместе с тем оказывал ледокольную помощь другим судам в Карском море и попутно доставил на мыс Челюскин строения для полярной станции и авиаимущество для звена, выполняя наряду с этим также и ряд научно-исследовательских заданий.

28 августа, во время плавания, ледоколом «Ермак» был открыт новый остров в районе западного побережья Северной Земли. Координаты острова— $77^{\circ} 33'$ северной широты и $91^{\circ} 36'$ восточной долготы. Острову было присвоено имя трагически погибшего Сергея Мироновича Кирова.

Помимо крупных судов в водах полярных морей плавал целый ряд судов более мелких.

Всесоюзный арктический институт для промысловых биологических работ использовал на Новой Земле свой моторный бот «Аэроарктик», зимовавший в Маточкином Шаре.

К востоку от Маточкиного Шара работало два небольших судна Института с моторами ГАЗ, вышедших из Ленинграда Беломорско-Балтийским каналом, самостоятельно прибывших в Архангельск и доставленных затем на Новую Землю на грузовом пароходе. Несмотря на свои малые размеры, эти суда с успехом обслуживали геологические партии и затем на «Седове» были доставлены в Архангельск.

Для изучения пролива Карские Ворота, отделяющего южный остров Новой Земли от Вайгача, было снаряжено деревянное моторное парусное судно Арктического института «Пахтусов», точно так же пришедшее туда своим ходом через Беломорско-Балтийский канал.

Небольшие гидрографические суда производили промеры и береговую опись как в Карском море, так и в районе реки Пясины. В этом же районе были организованы научно-промысловые исследования рыбного хозяйства и изучен промысел морских млекопитающих, причем эти исследования тесно были увязаны с промысловой деятельностью Таймырского треста.

В восточном секторе Арктики пароходы «Урицкий» и «Смоленск» обслужили полярную станцию и авиабазу Чукотского побережья, снабдив и дооборудовав существующие станции в бухте Провидения, Уэллене, на мысе Шмидта и открыв новые полярные станции на мысе Сердце-Камень, в Колючине, Ванкареме и на мысе Шелагском.

Нам приходилось уже упоминать о малой изученности моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря. К востоку от Ново-Сибирского архипелага мы имеем большие водные пространства, глубины которых совершенно неизвестны. Сами острова в подавляющем большинстве описаны лишь методами морской описи при весьма скудном числе астропунктов, в большинстве недостаточно точных. Мелководное море в районе архипелага Ново-Сибирских островов, сомнительное положение береговой линии, отсутствие в большинстве районов данных о течении и других необходимых для навигации материалов побудили Гидрографическое управление выдвинуть гидрографические работы в районе Ново-Сибирских островов. Эти работы рассчитаны на несколько лет. Еще по санному пути была направлена туда гидрографическая партия для описи берегов пролива Дмитрия Лаптева.

Обширные геологические работы производились во многих пунктах как западного, так и восточного сектора Советской Арктики. Закончилось геологическое изучение двойного острова Новой Земли, при чем в 1934 г. работы были сосредоточены в тех местах, которые до сего времени никогда не подвергались исследованию, главным образом в юго-западной и восточной части Новой Земли. За последние 2 года на Новой Земле работало 13 геологических партий. В то время как на южном острове задачей этих партий являлось производство геологической с'емки и поисковые работы на битумы, содержащие ванадий, на северном острове производилась с'емка и поисковые работы по биметаллам.

В результате этих работ мы в настоящее время имеем совершенно ясное представление о геологическом строении Но-

вой Земли и имели возможность установить наличие полиметаллических месторождений как в Маточкином Шаре, так и в направлении к северу к острову Пахтусова, где обнаружены жилы, содержащие цинк.

На Земле Франца-Иосифа продолжались геологические работы на полярной станции.

Следующим районом, на который было обращено серьезное внимание, является район Лено-Таймырский. Большая зимовочная экспедиция в южной части Хараулахских гор (низовье реки Лены) осталась на зимовку, и пока еще мы не знаем результатов ее деятельности.

Другие две партии, базировавшиеся на бухте Тикси, работали на побережье Тикси, между Леной и Анабаром, и одна из них нашла выход угля в устье реки Оленек. На Таймырском полуострове, на базе полярной станции мыса Челюскин, произведено было геологическое исследование северной оконечности полуострова, площадью в 15.000 кв. километров.

Большие разведочные работы продолжались в Хатангском районе в бухте Нордвик. Зимой 1934 г. была отправлена к месту работ геологическая экспедиция для обследования нефтяных месторождений геологом Л. И. Смирновым, а летом экспедиция была оснащена оборудованием, завезенным сюда на морских судах.

Чукотско-Анадырский район представляет для нас особый интерес как в смысле месторождений угля, так и полиметаллических руд. К сожалению, до сих пор времени Чукотский полуостров не обладает хорошей картой. Именно поэтому, не ожидая детальных геодезических работ на обширном пространстве полуострова, Всесоюзный арктический институт организовал летнюю экспедицию для съемки его с воздуха. В 1934 г. на Чукотском полуострове работало 11 партий. Работа велась и ведется главным образом зимовочными партиями, одна из которых, С. В. Обручева, имеет в своем распоряжении для передвижения аэросани. По предварительным отчетам данных партий, лишь недавно вернувшихся из зимовочных экс-

педиций по радио, можно указать на весьма интересные результаты.

В районе Чауна установлено сульфидное оруденение, в районе побережья мыса Сердце-Камень, от мыса Шмидта к бухте Креста, геологом Н. М. Серпуховым и инженером Байковым пройден на юго-восток маршрут в 10.000 километров и охвачена топографической съемкой площадь около 30.000 кв. километров. Следует отметить при этом необыкновенную выносливость, самоотверженность и стойкость этих двух исследователей. Весь этот путь они прошли пешком, имея за плечами груз от 2 до 4 пудов. Их работами обнаружено наличие олова с возможным наличием золота, никеля и меди.

Особое внимание было обращено на поиски оловянных месторождений. Работа велась под руководством Б. Н. Артемьева. По предварительным сведениям, посещены две рудные точки в северной части района, где установлено пирито-пиротиновые месторождения. Такие же месторождения имеются в районе Мечигменской губы. В южном районе (бухта Преображения) установлено наличие полиметаллов. Заслуживает также внимания месторождение угля на реке Анадырь, на мысе Телеграфическом, обследованное геологом Васильевым.

Характерно, что из 28 геологических партий в 1934 г. зимовочных было 21 и сезонных только 7, притом на полярные станции базируются 7 партий и самостоятельными базами обладают 21 партия.

Однако на Севере нас интересуют не только минеральные богатства. Не менее важно определить промысловые возможности во многих мало исследованных районах. Поэтому главным содержанием биопромысловых работ явилось исследование рыбо-хозяйственного и промыслового морского зверя и охотничий пушной промысел в различных районах. Кроме Новой Земли, такие же работы производились в Лено-Хатангском районе, на Новой Земле и на пяти полярных станциях Главсевморпути. Особое внимание было обращено также на обследование собаководства в северной части Якутии. Эта экспедиция базируется

ся на вновь организованном Главсевмор-путем собачьим питомнике в устье реки Омолоя. Кроме того, работы по собаководству ведутся почти на всех полярных станциях, в составе которых имеются сотрудники промыслово-биологического отдела.

В этом же году закончены четырех-летние работы зоо-географического обследования Чукотского полуострова зоологом Портенко, причем получен ценнейший материал по этому совершенно не исследованному в этом отношении району. Практически большое значение имеет рационализация техники некоторых промыслов, в частности песцового, в связи с изобретением нового способа их лова.

На ряду с развитием общей исследовательской деятельности на Севере усилилась роль авиаслужбы.

В прошлые годы самолеты служили главным образом цели ледовых разведок, в этом году на ряду с морскими полетами впервые развернулись сухопутные полеты в зимнее время.

Еще за год до этого были организованы авиабазы, снабженные самолетами, горючим и пр., в различных точках северного побережья и на островах, на Земле Франца-Иосифа, на м. Челюскин, на м. Шмидта и в Уэллене.

Полеты начались с наступлением светлого времени. С особенной интенсивностью протекала летная деятельность на м. Челюскин и на восточном побережье Таймырского полуострова. На небольшом самолете «У-2» пилот М. Я. Линдель совместно с Б. В. Лавровым налетал 80 часов, сделав 53 полета. 26—29 мая он совершил перелет с острова Самуила через бухту Прончищевой до Нордвика и обратно, покрыв около 1.300 километров за 3 дня.

Благодаря многочисленным полетам М. Я. Линделя были изучены ледовые условия западной части моря Лаптевых в зимнее время.

Последний полет смелых исследователей, имевший целью достижение острова Каменева, едва не кончился трагически. При полете туда с мыса Челюскин вследствие порчи мотора пришлось совершить вынужденную посадку в 150 ки-

лометрах южнее острова Каменева. Самолет оказался поврежденным, и его пришлось бросить. Дальнейший путь Лавров и Линдель совершили пешком, с огромным напряжением добравшись до радиостанции на острове Каменева, где уже в течение двух лет работала группа зимовщиков во главе с Ниной Демме.

Когда летом 1934 г. выяснилась невозможность достижения этой полярной станции на ледоколах, было принято решение отправить туда самолет, и эта трудная задача была возложена на командира летного отряда А. Д. Алексеева, уже летавшего туда в 1932 году.

Несмотря на весьма тяжелые условия, заставлявшие самолет дважды возвращаться с пути, А. Д. Алексеев выполнил в конце концов возложенное на него поручение и вывел на самолете с Северной Земли 6 человек, 12 собак и ценный научный материал двухгодичной зимовки.

Возвращаясь к зимней деятельности авиации, укажем на впервые произведенные полеты на Земле Франца-Иосифа. Пилот М. А. Кошелев с наступлением весны совершил 50 полетов, налетав на самолете «Ш-2» свыше 50 часов, обслуживая нужды Полярной станции и производя ледовую разведку. В середине лета его сменил пилот Волосюк.

Напомним читателю о блестящих полетах в восточном секторе Советской Арктики Героев Советского Союза Водопьянова, Доронина, Каманина, Леваневского, Ляпидевского, Молокова, Слепнева.

Спасение челюскинцев зажгло энтузиазмом и восхищением сердца миллионов людей.

Менее известны прекрасные полеты летчиков по эвакуации потерпевших бедствие из Ванкарема в Уэллен и дальше в бухту Провидения.

Вскоре после спасения челюскинцев состоялась смелый полет Ф. Б. Фариха с мыса Шмидта на остров Врангеля и обратно для заброски туда радиста и восстановления связи с материком.

В течение летнего периода 1934 г., помимо смелого полета на Северную Землю, в Карском море пилоты Алексеев, Козлов и Махоткин, базируясь на остров

Если мы подведем общий итог энергичной деятельности авиаслужбы, то получим весьма показательные цифры:

	1933 г.	1934 г.
Налет часов . . .	1.413	2.721
Пройдено километр.	231.094	435.877
Перевезено:		
пассажиров . . .	374	547
грузов, кгр. . .	19.531	34.082
почты, кгр. . . .	1.723	12.478

Эта небольшая таблица лучше всяких слов показывает, что бесконечные воздушные пространства над Советской Арктикой завоевываются с необыкновенным мужеством и упорством. В настоящее время полеты в Советской Арктике в значительной мере облегчаются благодаря тому, что количество радиоточек в Арктике увеличивается с каждым годом.

Действительно, строительство в Приполярье получило в 1934 г. дальнейшее развитие.

Если к 1/1 1933 г. было	15	станций,
а » 1/1 1934 » »	19	»
то уже к 1/IX 1934 г. было	34	»
а к концу 1934 » »	39	»

Дальнейшее проникновение вглубь полярной территории повлечет за собой еще больший рост наших полярных точек в материковой части крайнего Севера.

На некоторых из станций проведены крупные строительные работы. Так, на острове Диксон строится морской порт, угольная база, построен радиоузел и первый в Арктике радиотелефон, который связал Диксон с Москвой и Ленинградом.

Продолжалось строительство также в порту Игарка, расположенном на Енисее в 400 километрах от моря. Игарка, на 67-й параллели, насчитывавшая еще недавно 300 жителей, теперь, через 5 лет, имеет 12.000 жителей и является опорным пунктом морских операций, представляя собой морской порт, конечный пункт судов Карской экспедиции, которые везут сюда импортный товар и грузят здесь великолепный экспортный

лес. Это индустриальный центр сибирского крайнего Севера. Здесь ведутся работы по сооружению мощного лесокombината, построению причалов для морских судов и крупного механизированного консервного завода. Игарка стала культурным центром Сибирского заполярья, имеет учебные заведения, поликлинику, хорошо оборудованный совхоз и пр.

Но строительство происходит не только на крайнем Севере. Главсевморпуть деятельно готовится к окончательному преодолению ледовых препятствий. По его заданию Судопроект проектируется ледокол мощностью в 12.000 HP. Это будет крупнейший в мире ледокол по своей мощности, при чем благодаря дизельной установке он будет иметь в 1½—2 раза больший район плавания. Кроме того, приступлено к постройке 3 судов типа ледокольного парохода «Георгий Седов», которые будут вести гидрографическую и лоцмейстерскую службу в Баренцовом и Карском морях. Водоизмещение судов—3.720 тонн, скорость—13 узлов, мощность паровой машины—2.400 HP. Каждое судно будет в состоянии взять на борт 53 человека команды, 30 рабочих и 20 научных работников.

Преодоление пространства — вот главная задача как на море, так и на суше далекой Арктики. На море мы это делаем при помощи ледоколов и ледокольных пароходов. Собаки и олени служили средством передвижения на суше. Мы стали применять аэросани и вездеходы. На Новой Земле, в устье реки Лены, на Чукотском полуострове аэросани служат прекрасную службу. В этом же году был сделан первый опыт применения для экспедиционных целей вездеходов—автомобилей на гусеничном ходу. Два таких вездехода были доставлены на зимовочную базу на острова Самуила, где Н. Н. Урванцев совершил на них удачный переход с островов через Таймырский полуостров к мысу Челюскин и обратно. Вездеходы показали хорошее качество при передвижении и имеют ряд преимуществ по сравнению с собачьим транспортом. Оказалось возможным организовать научно-промысловую базу

при их помощи на восточном побережье Таймырского полуострова. Во время 500-часового пробега было сделано 2.000 км, причем вездеходы прекрасно работали при морозе от 12 до 32°, при пурге, по торосам и с уменьшенной скоростью.

Результаты всех научных работ, производимых в Арктике Главсевморпутем, печатались в издательстве Всесоюзного арктического института, преобразованном сейчас в издательство Главсевморпути. Арктический институт издает «Материалы» и «Труды», периодически выходящие бюллетени, неперидический сборник «Арктика» и целый ряд инструкций. Все труды сопровождаются резюме на английском, французском и немецком языках, благодаря чему мы находимся в постоянном обмене с 250 научными заграничными учреждениями. Для популяризации идей полярных исследователей, для ознакомления широких масс трудящихся Союза с грандиозными работами, производимыми в Ар-

ктике, и для воспитания кадров будущих советских полярных исследователей под руководством института издается полярная библиотека.

Наша краткая сводка многообразной научно-исследовательской и практической деятельности на крайнем Севере закончена.

Мне хотелось обрисовать ее на фоне строго проверенного и аутентичного, фактического материала. Быть может, читатель и утомлен пестротой географических названий, имен, кораблей, указанием маршрутов, рейсов и пр., но он однако не может не признать необыкновенный размах и значительные успехи, ярко и с необыкновенной убедительностью характеризующие повседневную работу на Севере, которая является лишь частью великого строительства по всей нашей замечательной стране.

Январь 1935.

За рубежом

ПУТИ ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

И. Трайнин

I

Первая испанская буржуазная революция произошла еще в 1808 г. в национальной войне против вторжения Наполеона в Испанию. Последняя буржуазная революция, низложившая монархию и провозгласившая республику, совершилась только в апреле 1931 г. В течение этого огромного промежутка времени потерпели поражение еще пять буржуазных революций (1820 — 23 гг., 1834 г., 1854 г., 1868 г., 1873 г.).

Характерное отличие апрельской революции 1931 г. от предыдущих заключается в том, что она совершилась не в эпоху «бури и натиска» буржуазии как класса революционного, а в сумеречную эпоху упадка капитализма, когда буржуазия уже не способна разрешить задачи буржуазно-демократической революции, когда мировое развитие в основном определяется борьбой двух общественных сил: социализма и капитализма.

В промышленном отношении Испания является отсталой страной. В течение всего XIX в. промышленность ее была еще настолько слабой, что не удовлетворяла запросов собственного национального рынка. Разработка естественных богатств Испании осуществлялась в значительной мере английским и французским капиталом, монополизировавшим отдельные, наиболее важные, отрасли народного хозяйства.

Монополистическая фаза капитализма застала Испанию оплетенной густой сетью докапиталистических и полуфеодальных отношений, особенно в сельском хозяйстве. Система финансового капитала укреплялась и развивалась на основе сочетания классовых интересов иностранного капитала, промышленников, помещиков, а также церковей и монастырей, играющих по сию пору крупную роль в хозяйственной жизни Испании.

Несоответствие в темпах развития сельского хозяйства и промышленности (рост которой начался в начале XX в.), общая отсталость испанского народного хозяйства по сравнению с другими европейскими странами не явились препятствием к вовлечению Испании в русло самой агрессивной империалистической политики. Господствующие классы Испании осуществляют национальный гнет над каталонцами, басками, галисийцами, ведут разнузданную колониальную политику, носящую военно-феодальный характер. Сущность этой политики, применительно к Японии и России, — по определению Ленина — заключается в том, что «монополия военной силы отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного новейшего финансового капитала»¹⁾.

На всем протяжении истории Испании правящие классы грабили колонии при помощи военной силы. В первую четверть XIX в. Испания быстро поте-

¹⁾ Ленин, т. XIX, стр. 309 — 310 .

ряла восставшие против нее американские владения, а к концу XIX в. более сильные империалисты США легко «выставили» испанцев из Кубы и Филиппин. И если Испания сохранила свои африканские владения (Марокко и др.), то исключительно по причине существующих противоречий между крупными колониальными державами. Не имея часто возможности мирно разделить добычу, крупные хищники уступают ее третьему противнику, более слабому, через которого каждая из спорящих сторон надеется обеспечить свои интересы. Таким «третьим лицом» в спорах между Францией, Англией и Италией в бассейне Средиземного моря и в Северной Африке является Испания.

В мировой войне Испания была «нейтральной». Годы войны были эпохой «расцвета» испанской промышленности, освободившейся на время от иностранной конкуренции и зарабатывавшей на поставках воюющим державам. Но с окончанием войны Испания, на ряду с другими капиталистическими странами, оказалась вовлеченной в общий послевоенный кризис капитализма, крайне обостривший в ней классовые взаимоотношения. Отклики и влияние Октябрьской революции способствовали высокому подъему рабочего и крестьянского революционного движения. Положение усложнялось еще неудачными военными авантюрами в Марокко, где испанский империализм терпел чувствительные поражения. В борьбе против надвигавшейся революции помещичье-буржуазный блок выдвинул в 1923 г. фашистскую диктатуру генерала Primo-де-Ривера. Диктатура эта, сохранившая особенности испанских «пронунциаменто»¹⁾, важнейшей задачей ставила защиту классовых интересов помещиков и крупной буржуазии, для чего рядилась в одежды современного фашизма, заимствуя у него методы борьбы с пролетарской революцией.

Primo-де-Ривера начал с открытого террора против революционного рабочего движения. Он загнал компартию в подполье и создал свой «патриотический

союз», в который особенно вовлекались мелкая буржуазия и всякие деклассированные элементы, искавшие возможности пристроиться.

Диктатура могла стабилизироваться только при содействии социал-реформизма. Это содействие особенно ярко проявилось в «паритетных комиссиях», в которых социалисты и вожди реформистского рабочего движения вместе с предпринимателями работали над предупреждением и срывом стачек и «притуплением классовых противоречий». «Классовый мир» должен был увенчаться корпорациями, объединяющими предпринимателей и рабочих. Признательность Primo-де-Ривера выразилась в том, что социал-фашисты и руководимые ими организации пользовались полной свободой и поддержкой правительства. Вождь «социалистов» и руководитель реформистского объединения «Всеобщего союза рабочих», Ларго Кабальеро, был введен в «государственный совет», созданный Primo-де-Ривера. «Социалист» Фабра Рибас был назначен представителем Испании в Международное бюро труда при Лиге наций. Третий вождь «социалистов», Бестейро, получил от Primo-де-Ривера специальную командировку в Англию с целью изучения на месте системы «рабочей партии», на предмет приспособления этой системы к условиям Испании. В Бискайе все профцентры и народные дома, находившиеся в руках коммунистов, были правительством переданы реформистам. При этом цензура запрещала резкую критику социалистов, трудившихся над стабилизацией фашистской диктатуры.

Буржуазно-помещичьей диктатуре оказали неоценную помощь и анархо-синдикалисты, пользующиеся в Испании большим влиянием. В решительный момент обострившейся классовой борьбы анархо-синдикалисты добровольно распустили свои профсоюзные организации и тем самым обезоружили пролетариат в борьбе против буржуазно-помещичьей диктатуры Primo-де-Ривера.

Буржуазно-помещичья диктатура выкинула лозунг — «против парламентаризма и профессиональных политиков»,

¹⁾ Военных заговоров.

особо дискредитированных в Испании системой так называемого «касикизма»¹⁾). Тем самым Примо-де-Ривера поднял к себе часть разuverившейся в парламентаризме мелкой буржуазии.

На ряду с защитой интересов помещиков и крупной буржуазии Примо-де-Ривера стремился создать на селе крепкий кулацкий слой, которому он облегчал выкуп части земли у помещиков.

Подражая фашистам других стран, он выдвинул лозунг «дешевого правительствa», но в то же время создал слой своих политиканов, разворывавших казну. Одновременно он за счет казны кидал подачки крупным промышленникам. За время диктатуры долги государства выросли с 14 млрд. пезет в 1922 г. до 20 млрд. в 1929 г., долги муниципалитетов, которыми управляли ставленники диктатора, — с 565 млн. в 1921 г. до 1.618 млн. в 1929 г.

Усиливая империалистскую политику и кидая подачки капиталистам Каталонии и провинции басков, диктатура Примо-де-Ривера в то же время разгромила национальные организации каталонцев и басков и усилила политику их насильственного испанизирования.

По мере нарастания мирового экономического кризиса положение диктатуры стало все более расшатываться. В городе росла безработица, а вместе с ней усиливались и революционные выступления. В деревне поднялось недовольство не только все увеличивавшихся в числе безработных батраков и крестьянской бедноты, но и средних слоев. Ухудшилось материальное положение низших чиновников и служащих.

Уже начиная с 1928 г. все выше поднимается забастовочная волна, с которой не в силах была справиться ни диктатура Примо-де-Ривера, ни усердствовавшие в своем предательстве реформисты, «смягчавшие противоречия между классами». Волнения охватили и военные части. Под влиянием рабочих выступлений росло недовольство и интеллигенции. Финансовая олигархия, опасав-

шаяся результатов все нараставшего революционного движения рабочих и крестьян, решила пожертвовать диктатором и, чтобы предупредить революцию, заговорила о возвращении к «конституционному» режиму.

В январе 1930 г. Примо-де-Ривера вынужден был уйти. На смену ему пришло правительство генерала Беренгера, которое вначале пыталось спасти положение возвратом к режиму, существовавшему до Примо-де-Ривера, но в свою очередь скоро стало на путь последнего. Бессилие Беренгера «умиротворить» страну заставило насторожиться буржуазно-помещичью верхушку. Все развертывавшийся кризис усложнял положение. Волна забастовок в 1930 г. поднялась еще выше. Все рельефнее выступала гнилость режима. Помещики и буржуазия вынуждены были вскоре пожертвовать и Беренгером. Созданием нового правительства адмирала Аснара делается попытка организовать «монархическую концентрацию» всех помещичье-буржуазных групп. Наиболее дальновидные и умные капиталисты и крупные землевладельцы понимали, что в народных низах накопились слишком много гнева и, если не овладеть движением, дело не ограничится обычным «переворотом». Они с иронией относились к усердию наемных буржуазных писаек, которые в растущем революционном движении видели только «руку Москвы». Граф Романонес, крупнейший политический деятель испанской монархии, крупный помещик и выразитель интересов финансового капитала, по вопросу об аграрном движении испанских крестьян был вынужден признать:

«Не надо было ждать никаких натравливающих из Москвы. В сердцах крестьян бушевала буря прежде, чем повеял ветер из Москвы. Их может поднять не только советская пропаганда, но и их собственное положение, и условия, в которых они жили в течение столетий»¹⁾.

Все же «русские призраки» блуждали и перед этой группой помещиков

¹⁾ Касики — ставленники господствующих классов, которые путем подкупа и прямого насилия, подбирая нужных людей, влияют на политику местных органов власти.

¹⁾ Comte de Romanones. La Republique en Espagne. «Revue de deux Mondes». Juillet. 1931.

и капиталистов. Они не сомневались в том, что победоносная революция не ограничится сменой одного министерского кабинета другим. На повестку дня будут поставлены ликвидация остатков феодализма (вопросы аграрные, национальные и др.), вопросы, вызвавшие безработицу и голодное существование рабочих, и основной вопрос — об изжившей себя капиталистической системе. Радикальная часть крупной буржуазии и помещиков (Замора, Мигуэль Маура и др.), сознававшая неизбежность падения монархии, считала поэтому необходимым овладеть республиканским движением и направить республиканские иллюзии рабочих и крестьян в русло своих классовых интересов. Еще в июле 1930 г. эта часть помещичье-буржуазных групп заключила блок о совместных выступлениях с лидерами мелкой буржуазии, с лидерами социалистов и реформистского профдвижения. Военное восстание, начавшееся в гарнизоне Хакка и на Мадридском аэродроме, было подавлено. Восстание это, намечавшееся лишь как «пронунциаменто», не охватило массы. Блок считал более целесообразным поставить массы перед совершившимся фактом захвата власти в свои руки. Корреспондент французского издания «Le Temps» по поводу неудачи этого восстания правильно подметил, что «основной помехой успеху... была боязнь, что политическая революция неизбежно превратится в социальную. Получалось впечатление, что революционеры главным образом были озабочены тем, чтобы обеспечить себя от этого риска. Революционное движение тормозилось изнутри, что облегчило победу правительства».

14 апреля 1931 г., когда выяснились результаты первых после падения буржуазно-помещичьей диктатуры муниципальных выборов, граф Романонес и Замора согласились, что положение безвыходное, что нужно посоветовать королю уйти и широко оповестить об этом «до вечера, пока рабочие еще не вышли из фабрик; иначе может оказаться поздно». Попутно нужно было обеспечить консервативность республики, гарантией чего был сам Замора — руководитель бур-

жуазно-помещичьего и социалистского блока и будущий глава республики.

В этот же день была провозглашена республика. Новая власть, включая социалистов, во главе с Заморой помогла королю уехать на предоставленном ему крейсере с «соответствующим почетом». В оставленном воззвании, которое было опубликовано лишь по отъезде, Альфонс XIII подчеркивал:

«Я, король всех испанцев... не отказываюсь ни от каких своих прав, потому что они не столько мои, сколько результат длительного исторического развития».

И когда возмущенные народные массы через несколько недель штурмовали монастыри и церкви—эти цитадели монархической пропаганды, — республиканское правительство во главе с Заморой и при содействии социалистов показало, что монархические принципы власти и защита интересов господствующих классов могут сохраниться и при буржуазной республике.

II

Республика с первых же шагов стала барьером против углубления революции. Ее главную социальную опору составил блок из крупной финансовой и промышленной буржуазии, землевладельцев, а также отдельных сословных групп (чиновничество, офицерство и отчасти духовенство). Этот блок, в котором руководящую роль играла крупная буржуазия, расширился за счет допущения и мелкой буржуазии, представленной в частности и вождями социалистической партии.

Три министра-социалиста (Ларго Кабальеро, Де-лос-Риос, Индалесио Прието) вошли в правительство республики. В учредительном собрании, созванном в июле 1931 г., социалисты представляли крупнейшую фракцию (117 чел.). Лидер социалистов, Бестейро, был выбран председателем учредилки.

Социалисты стали на путь глушения рабочего протеста. Их задача заключалась в наведении «демократического» декорума на все реакционные действия диктатуры буржуазии. По примеру Нус-

ке 1918 — 1919 гг., при участии социалистов расстреливались рабочие, и в то же время социалисты вносили всякие «проекты о социализации», «выкидывали «демократические» лозунги и т. п. Вождь II Интернационала, Вандервельде, посетивший Испанию вскоре после апрельского переворота, подбадривал испанских социалистов в их позиции.

«В эти проведенные мною в Мадриде дни,—писал Вандервельде,—революция проявилась, как идиллия... По случайной случайности представительство социалистов в правительстве очень удовлетворительное. Это не только мнение социалистов, но и их умеренных коллег, как например Маура... Рабочий класс требует реформы лишь в такой мере, как сейчас возможно»¹⁾.

Роль социалистов особенно рельефно сказалась при принятии новой конституции. Под грохот выстрелов, которыми подавлялись революционные выступления рабочих, социалисты внесли в конституцию следующий пункт: «Испания является демократической республикой трудящихся классов».

Социалист Аракистан²⁾, внесший это предложение от имени своей фракции, обосновал его следующим образом: «Понятие, которое мы вкладываем в наше предложение, чисто идеалистическое... Мы не говорим «рабочая республика». Слово «трудящиеся» достаточно буржуазное и никого не должно пугать».

После таких раз'яснений пункт был принят большинством голосов учредилки, а председатель ее, социалист Бестейро, для вящего успокоения, счел нужным добавить:

«Мы хорошо понимаем, что не все испанцы являются трудящимися, но фраза, которую мы включили в основной закон государства, показывает наше намерение на будущее — заставить всех любить труд».

¹⁾ «Arbeiter Zeitung», 27/V 1931.

²⁾ Характерно, что на процессе белогвардейских фальсификаторов Елагина и Афшара в Берлине, в августе 1932 г., выяснилось, что Аракистан, назначенный впоследствии испанским послом в Германию, был главным заказчиком антисоветских фальшивок.

Социально-политическое значение испанской конституции заключается в том, что она узаконяет частную собственность как необходимую социальную функцию и провозглашает законность репрессий против посягательств на устой капитализма. Точно так же и все основные части испанской конституции, включая сюда и так называемое «социальное законодательство», приспособлены к охране капиталистического строя.

Два с половиной года социалисты сидели в правительстве. За это время классовые взаимоотношения еще более обострились. Выступая против рабочих с жестоким террором, правительство вкупе с социалистами немало потрудились над тем, чтобы всемерно опекать монархическую клику, в частности реакционных генералов. Генерал Санхурхо, начальник жандармерии при монархии, был назначен вначале на пост резидента в Марокко, а затем начальником гражданской гвардии. Этот же генерал Санхурхо возглавил в 1932 г. монархический мятеж, который не удался благодаря энергичному вмешательству рабочего класса и единому фронту, создавшемуся по инициативе компартии. Выступление рабочего класса против Санхурхо сопровождалось разгромом контрреволюционных гнезд, освобождением политических заключенных из тюрем Севильи, поджогами церквей в Гренаде, выступлениями в Овьедо, Барселоне, Бильбао, Корунье и других городах. Правительство, по «гуманистическим» соображениям отменившее смертный приговор Санхурхо, изобрело «коммунистический заговор» и при поддержке социалистов начало по всей стране кровавую расправу над революционными рабочими. В 1933 г. противодействием рабочего класса был ликвидирован новый мятеж ген. Годеда.

Кризис ухудшал экономическое положение Испании. Достаточно, отметить, что испанский ввоз еще в 1930 г. равнялся 2.450 млн. пезет, а в 1933 г. он катастрофически упал до 668 млн. Самая крупная в Каталонии текстильная промышленность работает с нагрузкой всего на 60 проц.; добыча железной руды, которая в 1928 г. составляла 5,77 млн. тонн, в 1932 г. упала до

1,69 млн. тонн, а вывоз за этот же период — 5,4 млн. тонн до 1,31 млн. тонн. Успешно работает лишь военная промышленность, что вызвано военными поставками (в Японию и другие страны), продолжающимися военными авантюрами в Марокко, подготовкой ко второму туру войн и задачами борьбы с революцией.

Затруднительное положение испанской буржуазно-помещичьей верхушки обуславливается затруднениями всего капиталистического мира. Правящая верхушка при содействии социалистов стремилась переложить тяжести кризиса на трудящиеся массы. Это находит свое выражение в снижении реальной заработной платы, во все увеличивающемся налоговом бремени, в безработице, которая охватывает около 1,5 млн. человек в промышленности и в сельском хозяйстве. Ряд законов, изданных при содействии социалистов, специально направлен против рабочего класса. Таков закон «о защите республики», включенный и в конституцию, который фактически направлен против стачек и революционных выступлений. Другие законы отдавали рабочие организации на произвол властей.

Все это вызывало энергичное противодействие рабочего класса. Стаечное движение приняло грандиозные размеры. Даже по официальным данным, число стачек равнялось: в 1931 г. — 869, в 1932 г. — 689, в 1933 г. — 1.032, но фактически их было гораздо больше. Борьба за повседневные политические и экономические требования пролетариата и трудящихся деревни перерастала неоднократно в вооруженные выступления, оканчивавшиеся, благодаря плохой организованности и предательству анархистских и реформистских вождей, поражениями.

Аграрное движение в свою очередь приняло колоссальные размеры: запылали помещичьи латифундии, крестьяне захватывали землю, урожай, скот и инвентарь.

Все эти выступления подавлялись правительством самым жестоким и кровавым образом. Выступления эти подчеркивали, что социалисты теряли влия-

ние в массах и не могут их удержать от решительных действий. Требования единого фронта и применения революционных методов борьбы охватывали все большее количество рабочих, следующих и за социалистической партией. Буржуазия считала миссию социалистов в правительстве законченной. Вождь радикалов Лерус открыто требовал их удаления.

В октябре 1933 г. буржуазия ставит у власти Леруса, но уже без социалистов. Пребывание Леруса во главе правительства длится всего 23 дня, но эти дни были достаточны для того, чтобы резко изменить правительственный курс, чтобы сменить власть на местах и тем самым оказать давление на подготавливавшиеся выборы в новый парламент. На смену Лерусу приходят его креатуры, чередующиеся с самим Лерусом¹⁾.

Новые парламентские выборы проводились в условиях открытого правительственного террора против трудящихся и открытого подкупа голосов. Все «преlestи» каскизма — коррупция, фальсификация и тому подобные средства были пущены в ход. Даже отдельные представители буржуазии чувствовали себя неловко. Министр юстиции Ботелья Асенсис подал в отставку, заявив, что проведенные выборы — это «пример аморальности и беззакония, который когда-либо видели». Выборы дали победу правым партиям, с которыми шли рука об руку радикалы Леруса. Блок правых и радикалов в новом парламенте располагает 373 голосами против 98 лево-буржуазных, в том числе 61 социалиста (вместо 117 в первом парламенте). Коммунисты провели одного депутата — Боливара, увеличив свои голоса с 50 тысяч до 400 тысяч.

Доминирующее значение в правом блоке имеет так называемая «Испанская конфедерация правых автономных объединений» (СЭДА), в которой решающую роль играет партия помещиков и крупного капитала — «Акссион Популяр» и ее вождь Хиль Роблес, в руках которого сосредоточены нити правитель-

¹⁾ Барриос, Лерус, еще раз Лерус, Сампер и еще раз Лерус.

ственной политики. Правительство Леруса фактически выполняет лишь волю Роблеса.

Кто такой Хиль Роблес? Среди видных испанских буржуазных политиков он самый молодой: ему всего 36 лет. Сын профессора юридических наук Саламанкского университета, он вместе с тем связан с крупнейшим землевладением. Подготовку для своей общественной деятельности он получил в католической (иезуитской) школе.

Роблес свою политическую карьеру начал как сотрудник руководителя католических организаций — Херрера, работая главным образом в организациях католической молодежи. Он оказался вскоре секретарем центрального объединения католических союзов, группирующего по Испании свыше трех тысяч местных отделов. Как ярый монархист и ревностный католик, он приветствовал буржуазно-помещичью диктатуру Примодеривера. Республику 1931 г. он встретил враждебно, но, не видя возможности противопоставить ей реальные силы, Роблес приступил к организации реакционных сил, вуалируя свои монархические взгляды лозунгами: «религия, отечество, порядок, семья и собственность». Одновременно он изучает фашистские теории, лично присутствует на первом нюрнбергском партийном национал-социалистов после прихода Гитлера к власти.

Рост революции и сознание невозможности побороть ее старыми методами вызывает со стороны Роблеса еще более усиленную деятельность по объединению контрреволюционных сил. В своих выступлениях он формулирует новую программу испанского фашизма.

Какова эта программа?

Во главу угла Роблес ставит национализм, направленный католицизмом. «Испания, — заявляет Роблес, — раньше всего, а над Испанией — бог... Чем больше чувствуешь себя испанцем, тем больше ты католик». Он за «единую и нераздельную» Испанию и конечно против так называемых «сепаратистов», то есть против национального движения каталонцев, басков, галисийцев. Он за усиление военной мощи Испании, за усиле-

ние и расширение ее колониального господства.

В своих выступлениях Роблес подчеркивает, что он — ярый враг марксизма, который, по его мнению, «уничтожает всякую веру в моральную силу человека». Он провозглашает беспощадную борьбу революционному движению, заявляя, что «ликвидация революции» является его важнейшей задачей. В противовес марксизму Роблес призывает употребить все усилия на расширение влияния церкви.

Роблес призывает «вырвать из сердца» всякие побуждения к классовой борьбе. Отсюда его борьба против компартии, классовых профсоюзов, подготовка штрейкбрехерских групп и т. д. Стачки и классовые конфликты должны быть ликвидированы. Социальная демагогия Роблеса рисует рабочей массе «христианский рай» на земле «при участии рабочего и батрака в прибылях предприятий».

Роблес щедр на обещания и крестьянству, проповедуя «общность интересов» помещиков и арендаторов-крестьян. Он понимает, что аграрный вопрос — важнейший в Испании и что его нельзя «разрешить» по-старинке, только террором. Он обещает поэтому «аграрную реформу», сущность которой при расшифровке заключается в выкупе части земли у помещиков «по справедливой цене», то есть создания нового слоя кулаков, на которых реакция могла бы опереться.

Социальные взгляды Роблеса основываются на папских энцикликах: «*Regum novarum*» папы Льва XIII от 1891 г. и «*Quadragesimo anno*» — папы Пия XI от 1931 г. Их сущность заключается: а) в защите частной собственности, б) в установлении «справедливой» заработной платы, исходя из «посильных возможностей предприятия и предпринимателя», в) в установлении «общего блага», то есть «классового мира» под сенью католической церкви. Конечно все это должно осуществляться в непримиримой борьбе против революционного коммунизма.

Как и всякая социальная демагогия, демагогия Роблеса говорит и об «эгоистическом капитализме». «Если богат-

ство, — возвещает Роблес, — вызывает почет, то у него должны быть также обязательства и ответственность». Христианское учение должно обязать рабочих и предпринимателей к взаимному пониманию и доверию на основе «регулируемой экономики» и католицизма.

Социальная база Роблеса — это крупные помещики, кулаки, промышленники и представители банков. Противоречия, существующие между промышленным и аграрным капиталом, сглаживаются сейчас необходимостью их союза в борьбе с революцией. Это лучше всего иллюстрирует «общий фронт» испанских радикалов (во главе с Лерусом) с партией Роблеса.

Роблес, как и Гитлер, понимает, что в современных условиях защита буржуазно-помещичьих интересов возможна при опоре на широкий массовый базис. В городе Роблес стремится опереться на католические круги мелкой буржуазии и интеллигенции. Но главный контингент его массового базиса должна составить деревня, разочарованная в своих прежних иллюзиях, связанных с республикой. Значительные массы крестьянства улавливаются Роблесом обещанием «реформ». Рычагами для вовлечения крестьянских масс на защиту буржуазно-помещичьих интересов служат широко разветвленные по Испании католические организации и союзы, кооперативы, организации католической молодежи. Этому же делу служит сеть католических ночлежных домов, общественные столовые, всякие «благотворительные» католические предприятия и т. д. Этому наконец способствует и печать. Роблес приступил к изданию большой «рабочей» газеты «El Trabajo» («Труд»), которая является ответвлением другой издаваемой им газеты «El Debate».

Роблес против либерализма. Он предпочел бы монархию как форму правления, но под монархическими лозунгами трудно обеспечить себе массовый базис. Роблес поэтому считает, что «религия и справедливость могут одинаково развиваться как при республике, так и при монархии». Такое его заявление вызвало некоторое недовольство открыто монархических групп, расценивающих выступле-

ние Роблеса как отступление от «двухцветного знамени» монархии. 140 виднейших монархистов, во главе с бывшим монархическим министром Кальво Сотелло, после подавления октябрьского восстания опубликовали манифест, в котором заявляют:

«Если нам удастся, мы создадим испанское государство на базе единства, континуитета, иерархии, авторитарности и корпораций. Мы спрашиваем у общественного мнения, принимает ли оно безрелигиозный строй, хочет ли оно уничтожения классовой борьбы, хочет ли оно восстановления двухцветного знамени как эмблемы отечества, хочет ли Испания продолжения каталонского статута?»

Октябрьская революция еще не побеждена, так как политические причины, ее обусловившие, еще существуют. Теперешние правительства не в состоянии побороть дух этой революции».

Что нужно для того, чтобы побороть «дух революции»?

Во-первых, покончить с «парламентской болтовней». Нужно вполне авторитарное государство, которое сумело бы держать население в уважении к порядку.

Во-вторых, поднять роль армии. Удельный вес правительства поднимается не декларациями, а силой. В октябре несколько стойких генералов спасли порядок. Нужно поэтому отменить существующий по сие время параграф, по которому военный не может быть избран президентом.

В-третьих, самым решительным образом навсегда покончить с разговорами об автономии для различных национальных районов и создать крепкую «единую» Испанию.

В-четвертых, вернуть католической церкви ее прежние права и привилегии.

В-пятых, самым беспощадным образом повседневно бороться против «беспорядков» и в частности — поставить дело так, чтобы виновники октябрьской революции понесли должное наказание.

Этот внутренний спор среди реакционеров не ослабляет однако их единства, так как все внимание объединенной реакции направлено на борьбу против революции.

Таково в общих чертах господствующее сейчас в Испании фашистское течение.

Другое, более слабое фашистское течение, составившееся из слияния двух фашистских групп («Испанской фаланги» и «национал-синдикалистов») под руководством сына Примо-де-Ривера, копирует гитлеровский фашизм и ставит своей задачей: национальное единство, прямое действие, антимарксизм, антипарламентаризм, хозяйственную «революцию» с целью поднятия крестьянского хозяйства и рабочего быта. Государство должно дать «новый идеал» рабочему и тем самым оторвать его от марксистских и революционных идей.

Большинство буржуазных партий ориентируются на СЭДА и ее вождя Роблеса. Так поступает радикальная партия с ее вождем Лерусом, представляющая интересы крупного капитала. И даже частично фрондировавшая против клерикализма «лево-радикальная» часть радикалов во главе с Барриосом после октябрьских революционных выступлений заявила о сотрудничестве с Роблесом. К этому же лагерю нужно отнести и каталонскую «регионалистскую лигу» во главе с Комба и другие более мелкие группы («прогрессивную партию» и др.).

Что касается «лево-республиканских групп», лидерами которых состоят руководители предыдущих правительств, то они обвиняются в «попустительстве революции». Часть из них арестована, часть ведет молчаливую оппозицию в парламенте. Таковы партии: «Республиканское действие», лидером которой был Асанья, бывший глава правительства, каталонская «левая», или «Эскерра», руководители которой, возглавлявшие каталонское правительство, арестованы в связи с октябрьскими событиями. К этим партиям нужно причислить и социалистическую партию.

III

Каковы итоги трехлетнего существования республики?

Основной вопрос — аграрный — не разрешен и до сих пор.

Испания — страна, в которой около 5 млн. чел., то-есть около 65 проц. всего самостоятельного населения, занято в сельском хозяйстве. Из них около 50 проц. — сельскохозяйственные рабочие, все состояние которых — их рабочая сила, 25 проц. сосредоточены в бедняцких хозяйствах, в большинстве случаев арендующих земли у крупных землевладельцев, кулаков и крупных арендаторов. В середняцких хозяйствах сосредоточено около 18,5 сельскохозяйственного населения, в кулацких — 5,5 проц. и лишь около 1 проц. — в помещичьих. В общем около 75 проц. всего сельскохозяйственного населения — батраки и бедняки.

Громадные латифундии, принадлежащие крупным землевладельцам, в значительной части эксплуатируются сдачей в арендное пользование, которое регулируется старыми кабальными феодальными взаимоотношениями. Еще хуже положение батраков, работающих 8—9 месяцев в году за нищенскую, голодную плату.

Испания знает многочисленные батрацкие и крестьянские восстания, которые всегда подавлялись самым беспощадным образом. Углубляющийся мировой аграрный кризис еще более тяжелым бременем ложится на плечи крестьянской бедноты и батраков. Ширится классовая дифференциация на селе, ускоряется пауперизация не только бедняков, но и середняков. У широких крестьянских масс республиканские иллюзии были связаны с вопросом о земле. Так как республиканское коалиционное правительство ничего не сделало, чтобы разрешить этот вопрос, началось широкое аграрное движение. Под его влиянием в сентябре 1932 г. был принят закон об «аграрной реформе», сущность которого сводилась к тому, что в отдельных районах у крупных помещиков должны быть за выкуп отчуждены «излишки» сверх очень крупного максимума. Впоследствии было добавлено, что земли контрреволюционеров-мятежников поступают в ведение государств для распределения среди крестьян. За все время существования республики отчуждено немного больше 40 тыс. га и устроено около 5 тысяч че-

ловек из двухмиллионной массы безземельных батраков и полтора миллионной массы бедняков.

С усилением реакции о «реформе» не только забыли, но вся политика правительства направлена к тому, чтобы оградить интересы крупного землевладения. Еще в мае 1934 г. правительство решило, что крупные поместья, конфискованные в 1932 г. у «мятежников», должны быть возвращены владельцам, получившим амнистию. В октябре, в противоречие с самой конституцией, правительство постановило, что колоссальные имения, принадлежавшие иезуитам до падения монархии и затем переписанные на имя подставных лиц, не подлежат национализации и до 31 декабря должны быть возвращены «законным владельцам». Стоит вопрос и о возмещениях владельцам, у которых земля была отчуждена.

Чтобы облегчить помещикам наем дешевой рабочей силы, правительство отменило также закон, запрещавший ранее землевладельцам при наличии безработных в их районе выписывать батраков из других районов.

Что же удивительного, что аграрная революция пустила глубокие корни среди крестьянства Испании? Важнейшая задача — овладеть ею, руководить и направить ее в русло революционной классовой борьбы. Эта серьезнейшая задача по укреплению союза между рабочим классом и крестьянством и по руководству аграрной революцией во всей широте стоит перед испанской компартией, без чего победа революции невозможна.

Не менее острым, чем аграрный, стоит и национальный вопрос.

Развитие национальных районов в течение столетий идет в беспрестанной борьбе против центральной власти, в постоянных попытках освободиться и стать независимым от гнета правящей кастильской помещичье-буржуазной верхушки. Наиболее крупные национальные районы — это Каталония, Галисия и провинция басков.

Конституция обещала «автономию» отдельным национальным районам. Сговор между каталонской буржуазией и центральным правительством привел к призрачной «автономии» Каталонии, ко-

торая на деле закрепляла империалистическую аннексию. Когда под напором арендаторских масс каталонский парламент принял куудый закон, смягчавший условия аренды, испанское центральное правительство вмешалось и стало на защиту интересов помещиков. Это послужило поводом для конфликта между «автономной Каталонией» и мадридским правительством. Во время последнего октября революционного восстания в Каталонии «автономное» правительство этой провинции было арестовано, заменено диктатурой из центра. Фактически «автономия» Каталонии можно считать ликвидированной.

Не менее остро стоит вопрос и в баскских провинциях. Национальные требования басков даже не рассмотрены. Попытка отдельных муниципалитетов взять на себя инициативу создания общего для всех баскских провинций «комитета» для защиты своих национальных интересов встретило ярое сопротивление центрального правительства, которое арестовало 47 бургомистров.

Бурно проявляется национальное движение и в Галисии, где оно переплетается с аграрным движением против испанских помещиков.

Одновременно правительство продолжает колониальную авантюристскую политику в Марокко, вызывая ненависть туземного населения, находящегося под гнетом военной оккупации.

Задачей испанской компартии и в национальном вопросе является — вырвать руководство национальным движением из враждебных рук национальной буржуазии, крепче связать лозунг «право наций на самоопределение вплоть до отделения» с лозунгами аграрной революции и тем самым вовлечь угнетенные массы национальностей в русло задач революционного пролетариата и его борьбы против империализма.

Неразрешенным остался вопрос о церкви, которая в Испании играет большую роль в политической, экономической и культурной жизни. Закон, принятый учредилкой, об отделении церкви от государства остался пустым звуком, и церковники продолжают играть крупную политическую роль в стране. Орден

иезуитов официально распущен, но не только не изгнан из Испании, но сейчас под сенью СЭДА снова поднял голову и даже, как это отмечалось, выше, получает обратно свои земельные владения и конфискованное имущество. Кроме того, государство из средств казны выплачивает церкви большие субсидии, которые с начала апрельской революции достигли около 135 млн. пезет. Это в то время, когда проводится максимальная «экономия» в отношении так называемых «социальных расходов».

Попрежнему крупной реакционной и контрреволюционной силой остается верхушка военщины. Пришибленная на первых порах после апрельского переворота, она с ростом реакции, с обострением классово-борьбы вновь воспрянула духом. Об этом свидетельствуют мятежи генералов Санхурхо и Годета.

Верхушка военщины играла крупную роль в подавлении и последнего октябрьского восстания. В награду за это ген. Батет, возглавлявший контрреволюционные силы в Каталонии, и ген. Оча — палач астурийских рабочих — получили повышение и признательность правительства. Одновременно правительство восстановило в правах и возвратило чины и привилегии генералам — палачам рабочих, входящих в директорию Примо-де-Ривера (Мартинес Анидо, Диего Муноз, Кобо, Луис Айзпуру, Фредерико Беренгер и Леопольд де Сарос). Сын Санхурхо, вычеркнутый в свое время из списков армии, также восстановлен в своих правах.

К военщине прибавились новые силы ненавистной трудящимся гражданской гвардии и штурмовиков, основная задача которых — борьба с революционным движением.

Таким образом, наиболее существенные задачи буржуазно-демократической революции, стоявшие перед буржуазной республикой, остались неразрешенными. Буржуазия их разрешить уже не в состоянии. Их может разрешить только рабоче-крестьянское правительство, которое в то же время создаст условия для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

IV

Поражения, понесенные рабочим классом Испании за годы республики, вытекают главным образом из расколотости испанского рабочего движения и из той предательской политики, которую вели вожди социалистов, анархистов и анархо-синдикалистов.

Что касается социалистов, то их позиция обуславливается достаточно известной общей позицией партий II Интернационала. Но не менее преступной была политика анархистов и анархо-синдикалистов. Ленин в «Детской болезни «левизны»» отмечал, что анархизм нередко является наказанием за оппортунистические грехи рабочего класса и что обе уродливости пополняют друг друга. Беспощадная борьба большевизма против оппортунизма на всем протяжении его истории помешала в России широко развиться анархизму.

Другое дело в Испании. Здесь до 1920 г. не было революционной рабочей партии, которая могла бы противопоставить свою политику оппортунистическим и псевдо-«революционным» анархическим влияниям. У молодой испанской компартии не было еще достаточно теоретической и практической закалки. В ней обозначались на первых порах и пережитки, вынесенные ее членами из социал-демократических и анархистских группировок. К тому же на компартию Испании вскоре обрушились репрессии фашистской диктатуры. Пройдя затем тяжелый путь подполья и идеологических шатаний, она только в 1931 г. выступила как крупный фактор борьбы против реформизма и анархизма.

Почему анархизм и анархо-синдикализм получили такое широкое развитие в Испании?

Причину нужно искать в экономической отсталости Испании, в ее преобладающем аграрном характере, в большом количестве мелкого крестьянства и обнищавших деклассированных масс, оторванных от земли, в большом количестве мелких производственных предприятий, где мелкобуржуазное окружение городского рабочего еще очень сильно. Испанский анархизм тесно связан с так назы-

ваемой «крестьянской стихией», тяготеющей еще и над значительным количеством пролетариата.

Точно так же и анархо-синдикализм вообще, и испанский в частности — движение, родственное анархизму. Испанский анархо-синдикализм целиком унаследовал от анархизма его теорию, авантюризм, псевдо-«революционность» и отвлеченность, неспособность разбираться в конкретных условиях классовой борьбы.

Военная и послевоенная обстановка особенно ярко подтвердила разложение анархо-синдикализма. Она сняла с него ту «чистоту принципов», в которую рядились как анархизм, так и анархо-синдикализм. Известно, что французский анархо-синдикализм целиком принял социал-патриотическую позицию, выродившись в филиал французского империализма. Испанский анархо-синдикализм в свою очередь в самый критический момент послевоенной борьбы пролетариата против фашистской диктатуры Примоде-Ривера, добровольно ликвидировав свою организацию, выбил оружие из рук рабочего класса. В дальнейшем испанские анархисты и анархо-синдикалисты, отвергая всякое участие в политической борьбе, в то же время проявляли худший вид политиканства, направленный к предательству интересов рабочих, к омерзительной травле СССР, компартий и т. д.

К чему привело руководство анархистов и анархо-синдикалистов, особенно в последнее время, показывают вооруженные выступления в январе 1932 г. и ряд выступлений 1933 и 1934 гг.

«Час революции пробил... мы идем к установлению безгосударственного коммунизма», — писали в своем воззвании анархо-синдикалисты в декабре 1933 г. В том же воззвании они выдвигали следующую программу немедленных мероприятий: «уничтожение частной собственности, передача фабрик организованным пролетариям, землю — муниципалитетам, отмена денег».

В местах, где рабочие под руководством анархистов оказывались хозяевами положения (Фигельс, Саленте, Берге, Манреза и др.), социальная революция

лишь «провозглашалась», но ничего не делалось, чтобы организовать силы и средства, опираясь на которые, революция могла бы укрепиться. Выступая против всякой диктатуры, в том числе и против диктатуры пролетариата, они в то же время сами проводили диктатуру маленькой секты, оторванной от масс, облегчая наступление контрреволюции. На всем протяжении истории рабочего движения в Испании анархисты и анархо-синдикалисты были лишь растратчиками революционных сил пролетариата¹⁾.

Пролетариат в Испании должен выступать не изолированно, а как руководитель и гегемон миллионов крестьянства, которые он должен организовать, вести за собой. Именно потому, что это руководство еще слабо, крестьянские массы втягиваются иногда в борьбу за враждебные им цели на стороне той или иной кучки буржуазии и помещиков, как это видно теперь на примере массового базиса партии Хиль Роблеса. Крестьянство терпело также поражения в стихийных восстаниях потому, что руководившие им анархисты, в силу мелкобуржуазности, узости и ограниченности, не могли придать движению организованность, даже возводили в фетиш раздробленность, низводя крестьянские восстания, как и выступления рабочих в городе, до обыкновенного «путча».

Предательство анархистов и анархо-синдикалистов ярко подчеркнуто и в последнем восстании пролетариата Испании в октябре 1934 г.

Наступление фашизма вызвало волну пролетарского возмущения. Даже социалистические лидеры под давлением масс заговорили «левыми фразами». Вождь социалистов Ларго Кабалеро, бывший государственным советником при фашистской диктатуре Примоде-Ривера, бывший министр труда в коалиционном республиканском правительстве и в этой должности выступавший против стачек, против передачи земли крестьянам, — даже этот Ларго Кабалеро вдруг заговорил о «вооруженном восстании» и о «диктатуре пролетариата», которая

¹⁾ См. Ф. Энгельс. «Бакунисты за работой».

должна быть противопоставлена буржуазно-помещичьей власти.

Однако при расшифровке лозунг «диктатура пролетариата» получает у Кабальеро совершенно другой смысл, чем тот, который в него вкладывают коммунисты. Кабальеро за восстание, но он против стачек, подводящих массы к восстанию. Он против фабрично-заводских комитетов, против крестьянских комитетов, на которых должна базироваться революционная власть.

Он и против советов. По мнению Кабальеро, советы хороши для России, потому что нелегальное существование партий и профсоюзов при царизме не давало им возможности широкого развития. Советы, по мнению Кабальеро, заменили профсоюзы. Ленин, — говорит Кабальеро, — не выдвигал лозунга создания советов, а только дал лозунг завоевания в них большинства большевиками, так как советы возникли стихийным образом. Этим сводится на-нет роль советов как органов борьбы за власть и как органов революционной власти, охватывающих все трудящееся население после победы революции. Вопрос о диктатуре пролетариата представляется Кабальеро как обычная смена властей, ее переход от буржуазно-помещичьих партий к социалистической партии, при использовании в основном старого, немножко подчищенного бюрократического государственного аппарата, вместо разбития старой государственной машины, о чем говорит компартия.

В конечном счете «левый» лозунг диктатуры пролетариата имеет назначение удержать революционно настроенных социалистических рабочих от перехода в компартию.

Поскольку однако тяга к единому фронту сильна и имеет много сторонников и среди рабочих-социалистов, социалистами был создан «Рабочий Альянс», который объединил социалистов, представителей реформистских союзов, представителей автономных союзов и отдельные право-анархические группировки. «Рабочий Альянс», в котором социалисты играли руководящую роль, в свою очередь высказался против фабрично-заводских комитетов, против советов.

Компартия повела борьбу против такой фальсификации идеи единого фронта, которая ставила палки в колеса подготовке систематического революционного наступления пролетариата.

Все же, в связи с разнузданной политической фашистской реакцией, компартия в сентябре 1934 г. примкнула к «Рабочему Альянсу», стремясь на основе тактики единого фронта организовать массы для борьбы за власть, за советы. Престиж компартии среди масс все возрастал. Это показали еще ноябрьские выборы 1933 г. в парламент. В количественном отношении компартия с 800 человек в 1931 г. выросла до 30 тыс. в 1934 г. Комсомол насчитывает 10 тыс. чел. Влияние компартии распространяется также на 300 тыс. человек, организованных в красные профсоюзы и входящих в оппозиционные группы реформистских и анархо-синдикалистских союзов.

Октябрьские выступления 1934 г. были вызваны провокационной политикой правительства. Поводом для этой провокации правительство выдвинуло обвинение в якобы раскрытом заговоре коммунистов и социалистов. Особенно провокационно власти повели себя в Астурии, горняцком районе с 80 тыс. рабочих, где коммунисты имеют солидную организацию в 2 тыс. человек, организованных в фабрично-заводские ячейки, где имеется около 6 тыс. членов профсоюзов, следующих за компартией. Еще в сентябре правительство начало аресты коммунистических и социалистических активистов, распустило местные самоуправления, во главе которых находились социалисты, и т. д. Смена правительства, в котором посты министра юстиции, труда и земледелия заняли видные роблесисты, подчеркнула дальнейшие намерения фашизма.

Массы поднялись. Компартия руководила ими. Массы заставили последовать за собой и социалистических вождей. Особенно это характерно было в Астурии и Бискайском районе, где гегемония «единого фронта» возглавлялась коммунистами, и поэтому в этих районах, особенно в Астурии, движение поднялось на особенно высокую ступень, получило

революционную целеустремленность и выдержку, направленные к созданию рабоче-крестьянского правительства. Уже этим сознанием, что вопрос о захвате власти является важнейшей задачей, движение в Астурии отличается от всех предыдущих вооруженных выступлений. В других местах Испании, в частности в самом Мадриде, где руководство осуществлялось социалистами, движение приняло характер только политической стачки без ясной целеустремленности, без четких практических лозунгов, которые могли бы оказать существенную помощь героическим борцам Астурии.

Еще более неорганизованно движение проходило в Каталонии, где сконцентрирована почти одна треть испанского рабочего класса Испании. Буржуазные правительственные националисты Каталонии во главе с их вождем Компанисом, все силы употребили на то, чтобы удерживать массы от революционных выступлений. Правительство ограничилось политическим позерством, выпустило манифест об «отделении» Каталонии от фашистско-монархической власти Мадрида. Но в то же время буржуазные националисты дезорганизовали всякие попытки масс превратить выступления в широкое национально-революционное движение, направленное против фашистско-империалистской власти. Больше того: само каталонское правительство отпустило ставленника центра—генерала Батета— «подумать о своей позиции». Воспользовавшись своей свободой, генерал привел в боевую готовность военные силы, двинулся против каталонского правительства, захватил, арестовал его и начал расправу с революционным движением.

Что делали в это время анархисты и анархо-синдикалисты, пользующиеся большим влиянием в Каталонии?

Они считали, что на этот раз ведется чисто-политическая борьба и поэтому это их не касается. Они во многих местах даже не призвали к забастовке. Объяснили это и тем, что социалистическая партия в прошлом не поддерживала стачек, объявленных анархистами. Эта предательская политика тяжелой гирей лежит сейчас на спине рабочего класса.

Только одна компартия выступила с ясным сознанием своих целей, выдвинув платформу советской власти¹⁾. Компартия подчеркнула, что одна лишь политическая стачка не является выходом из положения, что первейшая задача заключается в борьбе за власть, что лишь рабоче-крестьянское правительство в состоянии покончить с фашизмом, с нищетой и голодным существованием трудящихся масс.

Героическое выступление бойцов Астурии приковало к себе внимание трудящихся всего мира. 6 октября шахтеры Астурии вошли в Овиедо. Почти голыми руками, прокладывая себе дорогу забранными из шахт динамитными патронами, рабочие под градом пуль 9 октября овладевают оружейным заводом. Правительство для подавления восстания побоялось двинуть войска метрополии. Оно сосредоточило руководство военными операциями в руках известного реакционера и душителя рабочего движения—генерала Франка. На помощь жандармерии, полиции затребованы были специальные артиллерийские и авиационные части, а также колонияльные войска, в которых находят себе приют разные «добровольцы» из деклассированных элементов. Против восставших рабочих Астурии был двинут третий марокканский «иностраннный легион», состоящий из уголовных элементов. Сорок самолетов вели систематическую бомбардировку Овиедо.

14 октября вооруженные отряды рабочих после героического сопротивления вынуждены были отступить из Овиедо в горы, продолжая свою упорную борьбу, покрыв себя неуязвимой славой.

В эти дни особенно ярко сказалась предательская роль правого руководства реформистских союзов, ничего не предпринявшего, чтобы поднять движение среди руководимых им железнодорожников и тем самым помешать переброске войск.

В эти же дни, когда артиллерия и авиация громили рабочих Астурии, руководство всего II Интернационала лиш-

¹⁾ См. «Коммунистический интернационал» № 31, 1934.

ний раз подчеркнуло свое предательство, отложив под формальным предлогом обсуждение предложения ИККИ о совместных выступлениях в защиту испанской революции и ее героических пролетарских борцов.

Буржуазно-фашистская печать Испании, а за нею и часть иностранной буржуазной печати распространяла и распространяет клеветнические сообщения о «зверствах» и «варварстве» восставших рабочих. Этот маневр должен оправдать кровавую жестокость подавления, превышающую всякие описания.

Четыре тысячи убитых рабочих, около десяти тысяч раненых, около 60 тысяч арестованных в тюрьмах и концентрационных лагерях, вакханалии действующих военных судов, пытки заключенных, локауты и чистка предприятий от «неблагонадежных» элементов, обрекающие на голод рабочие семьи,—таков итог победы фашизма¹⁾.

Испанское правительство, чтобы заручиться поддержкой международной реакции, опубликовало на нескольких языках специальный отчет, который должен доказать, насколько «спасительны» были мероприятия испанского правительства для мировой капиталистической «цивилизации». В этом отчете в частности приводятся данные о разоружении насе-

¹⁾ В конце марта телеграф сообщил об отставке кабинета Леруса. Непосредственной причиной явилось «помилование» президентом Заморой 21 приговоренного к смертной казни, в том числе и двух видных социалистических депутатов парламента — Пеньи и Менендеса. Роблес же и его ставленники в правительстве требуют беспощадной расправы с пленниками октябрьского восстания. Кризис кабинета вызван был тем, что пять министров-роблесистов подали в отставку в знак протеста против «помилования» смертников. Нужно отметить, что отмена смертных приговоров Заморой последовала в результате мощной кампании протеста мирового пролетариата и близких ему кругов радикальной интеллигенции. Дальнейшие телеграфные сообщения говорят о том, что формирование нового кабинета поручено Лерусу же. Это значит, что Лерус должен подобрать угодливый для Роблеса кабинет и в конечном счете расчистить путь для монопольного сосредоточения власти в руках роблесистов.

ления в районах октябрьского революционного движения. По этим данным, до 3 января 1935 г. войска и полиция захватили: 89.354 винтовок, 33.211 револьверов, 149 автоматических винтовок, 41 орудие, 10.824 килограмма динамита, 31.345 бомб и гранат, 59.585 динамитных патронов, 97.323 винтовочных патронов, 255.375 револьверных патронов, 1.177 снарядов.

«Разоружение» не ослабило однако боевой дух пролетариата Испании. Оружие добывается в бою, как оно добыто было и в октябрьских боях.

Революция жива! Шаткость своих позиций сознает и фашистское правительство, использующее сейчас парламентскую комедию, чтобы «узаконить» дальнейшую борьбу с революцией. Оттого так тревожно и уныло звучит торжество буржуазии и помещиков, «вынужденных» держать страну на осадном положении.

Октябрьские события дали рабочему классу Испании громадный боевой опыт. Они еще рельефнее подчеркнули беспомощность и предательство реформистского руководства и, наоборот, выявили компартию как единственную революционную партию, последовательную в борьбе за классовые интересы рабочего класса и крестьянской бедноты. Этим и определяется дальнейший путь развития испанской революции.

После октябрьских боев еще более убедительным становятся указания компартии на невозможность победы без единого пролетарского фронта, без вовлечения в борьбу союзников пролетариата — крестьянства и угнетенных национальностей, — без усиленной революционной работы в войсках, без организации масс для борьбы за власть — за рабоче-крестьянское правительство Испании.

После октябрьских боев рабочие возвратились на фабрики и заводы с выражением ненависти к временным «победителям», повторяя клич отступивших героических астурийских горняков:

«Мы еще придем!»

Литература и искусство

1. А. ЛЕБЕДЕВ, Е. МЕЛИКАДЗЕ, А. МИХАЙЛОВ, П. СЫСОЕВ — Журнал „Искусство“ и задачи художественной критики. 2. НИК. ЗАРУДИН, БОР. ПИЛЬНЯК — Десять лет Палея. 3. К. СИТНИК — Выставка восточного искусства. 4. П. ПОПОВ — Мистификация. 5. С. ЧЕМОДАНОВ — Творчество Д. Шостаковича

1. ЖУРНАЛ „ИСКУССТВО“ И ЗАДАЧИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ

А. Лебедев, Е. Меликадзе, А. Михайлов, П. Сысоев

I

Подъем советского изобразительного искусства, быстрый рост его, обнаружившийся особенно наглядно за последние годы (на ряде крупнейших выставок («15 лет советского искусства», «15 лет РККА», Всеукраинская художественная выставка и др.), поставил перед художественной критикой задачу не только поднятия ее уровня этого подъема, но и завоевания авангардной роли в борьбе за искусство социалистического реализма. Ибо критика бывает сильна только тогда, когда она не плетется в хвосте художественного движения, а идет впереди него, освещая путь дальнейшего развития, выдвигая проблемы, которые предстоит решить. Всем памятна формулировка задач теоретической работы, выдвинутая пять лет тому назад вождем партии и трудящихся всего мира тов. Сталиным в его речи на конференции аграрников-марксистов.

«Необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма». (Сталин. «Вопросы ленинизма». Изд. 9-е, 1933 г., стр. 442). Надо прямо сказать, что это указание далеко еще не реализовано нашей худо-

жественной критикой. Если даже в области литературы вопросы критики все еще продолжают оставаться наиболее узким местом, то в отношении художественной критики это тем более очевидно.

Далеко не всегда наша художественная критика указывает художникам правильные пути развития, помогая как в преодолении формализма, так и других антиреалистических тенденций. Происходит это потому, что в самой критике имеют еще широкое хождение теории, в той или иной мере отражающие влияние формализма.

Констатируя это, мы однако не хотим сказать, что за истекшие годы в области искусствознания ничего не сделано. Напротив, по сравнению с предыдущим периодом, когда искусствознание было наиболее отсталым и наиболее зараженным влиянием идеализма и формализма участком теоретического фронта, сделано очень много. В частности продвинулась вперед разработка вопросов марксистско-ленинской эстетики, более близко подошло советское искусствознание к разработке вопросов наследия и т. д. Но эти сдвиги, зачастую остающиеся еще в области чисто академической работы, значительно менее заметны в отношении собственно конкретной критики.

Две основные задачи были поставлены перед художественной критикой после известного решения ЦК партии от 23/IV 1932 г. Первая—это борьба за социалистический реализм, неразрывно связанная с критикой и преодолением эстетики формализма и других антиреалистических течений, борьба за правдивое, творчески активное отображение нашей действительности с позиций пролетариата. Вторая задача, неразрывно связанная с первой, это критическое освоение и использование лучших образцов искусства прошлого, при одновременном преодолении той массы предрассудков в отношении наследия, которые оставило нам буржуазное искусствознание.

С точки зрения выполнения этих задач и надо подойти к оценке практики основного журнала по вопросам теории и критики изобразительных искусств — журнала «Искусство».

Журнал «Искусство» начал выходить в 1933 году. За два года своего существования журнал наряду с теоретическими статьями (о цвете, композиции, правде в искусстве, немецком формализме и т. д.), дал ряд монографических очерков о советских художниках (Дейнека, Ряжский, Бродский, Богородский, Самохвалов, С. Герасимов, Мухина и др.), большие обзоры выставок («Художники РСФСР за 15 лет» и «15 лет РККА»), статьи о социалистическом реализме, формализме и т. д. Первый номер журнала за 1934 г. дает богатую публикацию материалов,—всех видов изобразительного искусства,—посвященных Ленину. Специальный номер журнала (№ 4 за 1934 год) посвящен проблемам синтетического монументального искусства. Наконец в последнем, пятом, номере за 1934 год журнал ввел новый отдел рецензий на отдельные картины мастеров советского искусства, представляющий опыт конкретизации критики и приближения критиков к художникам в процессе их повседневной творческой работы.

В области наследия журналом опубликованы статьи об А. Иванове, Давиде, Перове, Курбе и др.; современному искусству и художественной политике

буржуазных стран посвящены статьи об искусстве итальянского фашизма, художественной политике немецкого фашизма; кроме них, мы находим статьи о Матиссе, о выставках китайского и латвийского искусства и т. д.

Уже одно это перечисление указывает на широту и многосторонность проблем, выдвигаемых журналом.

Можно было бы ожидать, что такой широкий охват проблем, освещаемых журналом, сочетается с глубокой их разработкой и что журнал дает действительно правильную ориентацию в вопросах теории и практики советского изобразительного искусства. Но так ли обстоит дело в действительности?

Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, обратимся к разбору материалов журнала, которые посвящены непосредственно практике советского искусства.

Задача правильной оценки сегодняшнего состояния советского искусства, задача анализа больших выставок, прошедших за последние годы, так же, как и творчества отдельных выдающихся мастеров нашей живописи, являлась основной для такого журнала, как «Искусство».

В первую очередь необходимо было дать развернутый анализ крупнейших выставок, проведенных в 1932—1933 гг.,—«Художники РСФСР за 15 лет» и «15 лет РККА». Именно эти выставки, консолидируя силы советского изобразительного искусства, показывая победу реализма и полное банкротство формализма, должны были стать предметом внимательнейшего критического анализа, который мог бы указать художникам дальнейшие пути развития. На примере этих выставок художественная критика должна была раскрыть понятие социалистического реализма применительно к специфике изобразительного искусства, и решительно противопоставить борьбу за реалистическое, правдивое искусство всевозможным рецидивам формализма и других антиреалистических тенденций, она должна была наконец показать пути овладения большим мастерством на ряде сравнений материалов выставки с

лучшими произведениями мировой живописи.

Надо прямо сказать, что большие обзоры выставок, помещенные журналом «Искусство», даже и в приблизительной степени не справились с этими задачами.

Вместо глубоких, содержательных обзоров журнал предоставил свои страницы бесхребетной, беспринципной критике.

Особенно претенциозна и никчемна статья Ромова, посвященная выставке «15 лет Красной армии». По внешности она как будто вполне благополучна, но по существу с начала до конца ошибочна. Начать с того, что Ромов допускает ряд грубо извращенных в политическом отношении формулировок. Вот например одна из этих формулировок, пытающаяся противопоставить Конармию — Красной армии: «Конница Буденного покрыла себя неувядаемой славой, ее подвиги не забудутся в веках, но это только частица эпопеи Красной армии. Эпизоды кавалерийских атак займут свое почетное место в ее славной истории, но останутся только эпизодами. Героизм борцов Красной армии — другого порядка, другого качества. Он — в ее мужестве и упорстве, в ее политическом осмысленном боевом напряжении, и он — прежде всего — в том, что это армия, которая, по словам Ленина, «первый раз в истории знает, за что она борется и за что приносит жертвы» (№ 4, 1933 г., стр. 41). Выходит, по Ромову, что Конармия не имела мужества и упорства, не имела политически осмысленного боевого напряжения, не знала, за что она борется и за что приносит жертвы! И вот такого рода клеветническое утверждение журнал простодушно печатает на своих страницах, обнаруживая тем самым элементарную политическую близорукость.

Не меньшее извращение находим мы в главе, посвященной революционным художникам Запада (Б. Уитц, А. Кейль, Эмзен, Иото Шири, Роу Хупер). О них Ромов пишет следующее: «Не прониклись еще достаточно па-

фосом революционной борьбы, многие из них решают свои темы чересчур формально, не раскрывая всей полноты идейного содержания» (стр. 47). Возможно конечно, что не все западные пролетарские художники до конца преодолели влияния формализма: это не так просто и в несколько дней не делается, но говорить о художниках-коммунистах, призывающих своими произведениями к революционной борьбе, работающих в условиях террора и жесточайших преследований, — говорит о них, что они «не прониклись еще достаточно пафосом революционной борьбы», — значит допускать явную клевету.

Наконец к этому можно было бы прибавить тот гимназический тон описаний героики и героев гражданской войны, в котором особенно усердствует Ромов. «Братишки» (революционные матросы. — Авторы) умели легко и радостно жить и ярко и смело умирать» (стр. 35). Или еще один пример: «Интервенты ведут себя достойными исполнителями воли империализма, — жестокими палачами и хищниками... Но сколько жути, какой тревожный ужас отражен на лицах испуганного населения...» (стр. 35—36). Это из описания картины Ромадина «Чехословаки в Самаре». От квалифицированного критика можно было бы требовать более глубокого вскрытия сюжета и идеи произведения, чем это примитивное описание. Что касается того анализа произведения, который дает С. Ромов, то он ничего не включает, кроме поверхностно-формалистических описаний и того, что сам автор удачно назвал «домыслами».

Приведем примеры этих поверхностно-формалистических описаний. Речь идет о картине Н. Коротковой: «После налета басмачей». «Особо надо отметить, — пишет С. Ромов, — очень хорошую по живописным качествам работу Нины Коротковой «После налета басмачей». Тонкое ощущение цвета ей подсказало очень удачные комбинации красок. От их соотношения и общего колорита исходит бодрящая теплота. Жаль только, что

композиционное настроение лишено четкости, единства обобщающего замысла» (стр. 44). Итак, все, что Ромов заметил и шёл нужным подчеркнуть в картине, — это «б о д р я щ е я т е п л о т а» красок. Ни слова об идее произведения, о том, правильно, или нет, она решена, найдены ли необходимые средства для ее воплощения.

Или еще пример: «Хорошо справился со своим заданием Г. Шегаль. Однако его привычная гамма красок не передала всей теплоты и прозрачности горской атмосферы. Резкие контрасты, создающиеся под южным солнцем, остались у него несколько приглушенными» (стр. 44). Итак, если у Коротковой основное в «б о д р я щ е й т е п л о т е» красок, то у Шегала все дело — в отсутствии этой «б о д р я щ е й т е п л о т ы». Нельзя сказать, чтобы такая критика была разностороння!

Приведем еще один последний пример «конкретной» критики С. Ромова. Речь идет о Шурпине: «В его колорите, при всей своей лиричности, много стихийного, непреодоленного, идущего от некоей «самобытности» (стр. 30). Помимо своей малоосмысленности, эта фраза еще и неграмотна, ибо нельзя писать: «в его колорите, при всей своей лиричности». Чьей это своей лиричности?»

Таковы «конкретные» оценки С. Ромова. Как видим, в них нет ничего, кроме плохого, импрессионистского формализма.

Теперь перейдем к его «домыслам». Разбирая картину Иогансона «Допрос коммунистов», он заключает: «Можно, пожалуй, сделать оговорку относительно композиционно-пространственного построения. Можно было, быть может, избежать излишней нарочитости ракурсов в посадке фигур и столь же неожиданной нарочитости в выборе перспектив. Но это только домыслы, предположения, оставляющие в полной неприкосновенности все качества картины» (стр. 33). Совершенно согласны с С. Ромовым: это не более, как домыслы, но домыслы, говорящие не о богатстве мысли и анализа, а, напротив,

о том, что, кроме них, автору нечего сказать. А когда нечего сказать, лучше молчать, нежели заниматься «домыслами», которые сам автор сейчас же дезавуирует.

Серьезнее обстоит дело с «домыслами» Ромова, посвященными Соколову-Скаля. Здесь он не оставляет от картин Соколова-Скаля камня на камне.

Вот картина «Братья». Красноармеец, придя домой, лицом к лицу сталкивается с братом-белогвардейцем. Отец и мать становятся участниками немого поединка братьев, в котором победа явно на стороне брата-красноармейца. Тема вполне достойная живописи, богатая по своим психологическим и драматическим возможностям. Но Ромов весьма недоволен и начинает брюзжать:

«Художник явно задумал этот сюжет литературно, как новеллу, для которой его картина может служить лишь иллюстрацией или, точнее, иллюстрацией ее концовки. В живописи — искусстве изобразительном — он не изображает, а рассказывает. В лучшем случае он иллюстрирует какой-то литературный сюжет» (стр. 36). Не менее недоволен С. Ромов и другой картиной Скаля — «Вторые сутки в бронепоезде». «В строе слов этой надписи, — глубокомысленно замечает он, — уже есть надуманность и расчет на эффект литературной лаконичности, а сама надпись призвана восполнить то, чего нет и быть не может в картине. Почему «Вторые сутки»? Разве боевое напряжение и героизм измеряются часами и сутками? Разве пафос борьбы может быть дозирован или контрапунктирован в ритме времени статикой изобразительных средств?» (стр. 37).

Заметьте при этом, что Ромов совершенно не останавливается на вопросе о том, насколько Соколову-Скаля удалось воплотить в самой картине героическую революционную борьбу и насколько в первой вещи — «Братья» — он сумел вскрыть суть взятой им социально-психологической коллизии.

Для него все заранее определено «литературностью» сюжета. Но ведь в таком случае и «Не ждали», и «Письмо запорожцев к султану» Репина тоже

«литературны». Ибо и в этих картинах мы имеем «концовки», по которым догадываемся о начале. Принципиально «Братья» ровно ничем от этих произведений не отличаются, ибо суть картины в том, что она не развертывает события во времени, а берет кульминационный пункт его, в котором в снятом виде содержатся предыдущее и последующее. Есть ли это у Скаля? Да, есть. Он дает такую обстановку и такую семью, которая могла создать коллизию двух миров, — это, во-первых; во-вторых, он подчеркивает (изобразительными средствами), что победа в этой коллизии — на стороне брата-красноармейца.

В «Не ждали» мы тоже не видим начала коллизии: ссылки вернувшегося революционера, — но обстановка квартиры бедной интеллигентной семьи вводит нас в это начало и делает ясной всю сцену и во времени.

Вот почему все «критические» замечания С. Ромова совершенно неосновательны: сюжет, взятый Соколовым-Скаля, имеет полное право на существование в живописи. Сюжетность здесь не недостаток, а достоинство, оспаривать которое можно только с точки зрения формализма, который под видом отрицания «литературности» борется с развернутой сюжетикой.

Так же неосновательны и возражения по поводу «Вторых суток». Почему «Вторые сутки»? — спрашивает Ромов. Да очень просто: потому что пробыть двое суток на бронепоезде, непрерывно работая в кочегарке, — значит победить невероятное физическое напряжение во имя выполнения революционного долга. И в этом смысле боевое напряжение и героизм действительно измеряются часами и сутками, — ничего в этом плохого нет. Другое дело, как это сумел Соколов-Скаля воплотить образно, но именно данного, основного вопроса Ромов не касается.

Не будем больше приводить примеры, относящиеся к статье Ромова. Критика, которую он дал, не только не соответствует качеству и значению выставки «15 лет Красной армии», больше того, эта критика, явно клеветническая в ряде утверждений, насаждает в

то же время худшие приемы формализма в оценке произведений.

Выставке «Художники РСФСР за 15 лет» посвящена статья Щекотова (№ 4 за 1933 г.). Основной особенностью этой статьи является рассмотрение творческих течений советского искусства не столько в связи с социально-политическими процессами наших дней, сколько в связи с «традициями», к которым их соотносит автор. Отсюда и ярлычки, которыми он наделяет художников: «неоакадемисты», «неопередвижники», «французы», «немцы» и т. д. Группу б. ахровцев — П. Котова, Савицкого, Львова, Модорова, Покаржевского, Радимова, Пшеничникова, Сварога, Б. Яковлева, Перельмана, Вольтера и др. — он характеризует как «неопередвижников», Рянгину и Никонова — как «неоакадемистов». По мнению Щекотова, роль этой группы эпигонская: она не выдвигает никаких новых художественных проблем, а «только дорабатывает то, что ею уже в ряде произведений прежних лет было испытано» (стр. 128). Ряжского и Богородского Щекотов включает в группу «французов».

Кроме «французов», есть еще «немцы» (Вялов, Дейнека, Люшин и др.), «урбанисты» и т. д.

Нетрудно установить, что все эти ярлычки, мало чего дающие в смысле глубокого понимания творческих течений советской живописи и по существу дискредитирующие советских художников, подавались для того, чтобы действительно содержательный анализ заменить анализом по линии формальных традиций. Конечно, подходя внешне формально, можно одних считать «неопередвижниками», других «неоакадемистами», третьих «французами», но по существу это только вносит путаницу, ибо течения, которые у нас сложились, отражают социально-политическую дифференциацию нашей эпохи, а не простое продолжение старых традиций (то-есть не чисто формальную эволюцию).

Но, помимо подмены марксистского анализа искусства формалистическим, в этой установке Щекотова имеется тен-

денция еще более вредная. Рассматривая большинство советских художников только как эпигонов и носителей той или иной традиции до-революционного времени, он в скрытой форме отрицает то, что ведущим в советском искусстве является новое идейное и стилевое качество, рожденное пролетарской революцией, а не продолжение традиций. Особенно очевидно эта установка по отношению к б. АХР, которая Щекотовым, как впрочем и многими другими авторами, писавшими на страницах журнала (статья гг. Буш и Замошкина — «Пути советской живописи», 1933, № 1—2, стр. 73, 75, 76) почти целиком списывается в «эпигоны» передвижничества, с умалением той огромной положительной роли, которую сыграла АХР в борьбе за реалистическое искусство и против формализма. Обратной стороной снижения АХР является превознесение роли «сезаннистов» из «Бубнового валаета». Солидаризируясь здесь с Эфросом, Щекотов выполняет вредную, дезориентирующую художественный фронт, задачу выдвижения «сезаннизма» против реализма. Но и в отношении самих «традиций» у Щекотова немало путаницы. «В первом отделе выставки,— пишет Щекотов,— следует отличить два творческие направления. Первое в лице таких мастеров, как Ал. Васнецов, Кустодиев, Нестеров, Архипов, Юон, Лансере, Бродский, Грабарь, Богаевский, Головин, Моравов, Мешков, Бялыницкий-Бируля, Крымов, Рылов и некоторые другие, в своем творчестве представляет разные модификации передвижнических традиций, первоисточки которых нужно искать в середине прошлого столетия и даже дальше—вплоть до Венецианова и Федотова. Впоследствии, изжив народническую идеологию в последних двух десятилетиях этого столетия, традиция эта была в лице некоторых художников модернизирована и, если можно так выразиться, европеизирована художественным объединением, организовавшимся при известном журнале «Мир искусства», от которого затем отделилась московская группа под наименова-

нием «Союз московских художников» и др.»¹⁾ (стр. 69). Искажения, здесь допущенные, элементарны: ни Кустодиев, ни Богаевский, ни Лансере и др. никогда не представляли передвижнических традиций; еще более странно считать, что эта же традиция была модернизирована «Миром искусства», который, как это всем известно, являлся ярко антипередвижническим течением. Щекотов смазывает здесь борьбу и противоречия «Мира искусства» и «передвижничества» для того, чтобы на выставке представить различные группы, как мирно продолжающие одну и ту же традицию.

Мы уже отмечали согласие Щекотова с А. Эфросом в отношении оценки «Бубнового валаета». Тенденцию прямого «врастания» бубнововалетских традиций в социалистический реализм он развертывает особенно конкретно на примере Машкова. Описывая его натюрморты старого времени и заверив, что они материальны «без малейшего привкуса вульгарного натурализма», что они дают нам «образ сладкоядения и жирноядения московской буржуазии», Щекотов заключает: «Какие замечательные возможности для такого блестящего, такого воистину самобытного натюрморта, как машковские, открыты в наше время у нас, при этом исключительном внимании и общественном интересе и к недрам земным, и к продуктам животноводства и плодоводства; у нас, где каждый день газеты извещают о новых культурах растений, о новых ископаемых, найденных бесчисленными нашими исследовательскими экспедициями» (стр. 91).

Выходит, что очень просто переключить бубнововалетскую натюрмортность на натюрморты «социалистического» характера. Щекотов при этом забывает только одно, а именно: натюрморт есть не просто фиксация благ земных, а выраженное через показ и трактовку вещей мировоззрение. Гедонистически-плотоядное, потребительски-гурманское,

¹⁾ Очередная неточность: «Союза московских художников» не было, был «Союз русских художников», сначала выступавший под наименованием «Группа 36».

лишенное радости труда и производства отношение к вещам, воплощенное в бубнововалетских натюрмортах, совсем не то же, что чувство человека социалистического общества, который сам произвел эти вещи и продукты и у которого наряду с чувством обладания этими предметами выступает радость труда, творчества, которые создают для человека это богатство и многообразие плодов и вещей. Поэтому механическое перенесение приемов бубнововалетского натюрморта в нашу живопись отнюдь еще не решает задачи.

Все эти моменты (равно, как и согласие с Эфросом в том, что П. Кузнецов теряет свои качества при переходе на новую тематику, и лучше было бы ему сохранить свой старый декоративизм, то-есть не перестраиваться, — стр. 101) показывают, что статья Щекотова не только не дает подлинно глубокого, марксистского анализа практики советского искусства, но, подменяя этот анализ перетряхиванием формальных традиций и явным креном в сторону сезаннистской практики «Бубнового вала», тем самым дает в корне порочные, реакционные установки художникам.

Разумеется, все это не случайно. Не случайно и для Щекотова, и для журнала. Неумение правильно и глубоко ориентировать в практике советского искусства вытекает из того, что критика журнала не опиралась на правильное понимание социалистического реализма.

II

Позицию журнала в отношении понимания социалистического реализма едва ли можно назвать определенной. Происходит это по той простой причине, что разработкой проблемы соцреализма журнал совершенно не занимался. За два года в журнале появилась только одна статья о соцреализме, да и то в порядке обсуждения (В. Гапошкин. «К вопросу о социалистическом реализме». № 2. 1934).

Но вместо того, чтобы внести ясность, Гапошкин в основных положениях своей статьи порядочно напутал

по вопросу определения соцреализма. Два момента необходимо отметить как примеры этой путанности: во-первых, недостаточно глубокое отношение к высказываниям классиков марксизма и, во-вторых, поверхностность в решении вопроса о реалистическом наследии. «Владимир Ильич не оставил нам специальных замечаний о реализме в искусстве» — заявляет Гапошкин (стр. 1). Это совершенно неверно, ибо в статьях о Толстом, не говоря уже о других высказываниях (об Аверченко в частности), а также в статье «О партийной организации и партийной литературе», Ленин совершенно ясно говорит о реализме, как таком творческом методе, который берет пролетариат в искусстве прошлого, он говорит о правде в пролетарском искусстве в противовес лжи и фальши буржуазного искусства, и т. д., говорит наконец о партийности пролетарского искусства.

Все это Гапошкин «упустил», создавая у читателя впечатление, что Ленин действительно не говорил о реализме. В данном отношении Гапошкин повторяет меньшевистские утверждения, отрицавшие ленинский этап в вопросах философии и эстетики. Совершенно так же не учтены высказывания Маркса и Энгельса о Рембрандте. А вне учета всего этого трудно развернуть и правильно поставить вопросы о соцреализме.

Второй момент, который мы хотим отметить, это слишком легкое отношение к наследию. Полемизируя с т. Гронским, правильно выдвигающим Рембрандта, Рубенса и Репина в качестве тех художников, к творчеству которых мы в первую очередь должны обращаться в процессе наследования, Гапошкин подвергает Репина «сокрушительному» разному, немножко напоминающему известную сцену допроса классиков «с пристрастием» бессмертным чеховским учителем.

«... вокруг Репина, — заявляет он, — образовалась куча всякой разговорной чепухи. Дело совсем не в том, что Репин «не принял» советскую власть, и потому мы принимаем его частично, —

вспомним слова Энгельса о Бальзаке-легитимисте, который, не взирая на свои взгляды, дал подлинную реалистическую картину развития французского общества. Репин не мог дать такой картины потому, что он «недостаточный» реалист. Творчество его лишено глубоких философских обобщений, оно во многом связано, с одной стороны, с поверхностным импрессионизмом, с другой — с не менее поверхностным передвижничеством» (стр. 9—10). Совершенно очевидно, что не всякий родится Бальзаком и не всякий обладает бальзаковской глубиной и широтой обобщений. Но из этого отнюдь еще не следует необходимость немедленного «разноса» Репина за то, что он не Бальзак. И уж совершенно неверно, будто Репин не мог дать обобщений. «Крестный ход», «Бурлаки», «Не ждали», «Террористы» и др. — разве в этих картинах нет обобщения? Ведь в «Крестном ходе» Репин глубоко специфическими живописными средствами дает великолепное по своей силе обобщение, блестящую, подлинно реалистическую картину реформенной, капитализирующей России. Что же здесь мы имеем — поверхностный импрессионизм или поверхностное передвижничество? Достаточно серьезно продумать этот вопрос, чтобы убедиться, насколько поверхностны не произведения Репина, а суждения о них Гапошкина. Здесь приходится «удивляться», как редакция журнала «Искусство» могла допустить такое возмутительное третирирование великого художника-реалиста Репина. Ведь это могут делать только люди, отрицающие наследование лучших образцов реализма прошлого и которые совершенно не заинтересованы в борьбе за социалистический реализм.

В примечании к статье Гапошкина редакция обещала вернуться к вопросам реализма и натурализма, но пока что обещания не выполнила.

А между тем вопросы эти чрезвычайно актуальны для советского искусства. С одной стороны, бесспорно, что в понятие и оценку натурализма (или того, что у нас называют натурализмом) внесено очень много путаницы

теми формалистическими или «левыми» течениями, для которых любая сюжетная вещь, любое художественное отражение действительности было натурализмом.

С другой, проблему различия реализма и натурализма, как показывает история искусства, нельзя попросту снять, отождествив оба эти понятия. Высказывания Маркса и Энгельса в частности показывают, что при подчеркивании основного деления на реалистический и идеалистический подход в искусстве, при выдвигании первого и критике второго, они вместе с тем предостерегали и от опасности натурализма, понимаемого как пассивное отражение действительности, как превалирование верности деталей над обобщением.

Натурализм в этом смысле не есть нечто противостоящее реализму в том же плане, что и идеализм (проявляется ли он в форме академического классицизма или экспрессионизма и маньеризма). Основная, исходная предпосылка, а именно: ориентация на реальную действительность как объект изображения — в противовес абстрактному идеалу или голо-субъективному переживанию — обща как для натурализма, так и для реализма. Но, правильно исходя из задачи отражения реального мира, натурализм не может подняться до его обобщения. Творческая активность, переработка воспринятого в типические образы неизбежно терпят ущерб у натуралистов (из чего однако не следует, будто натуралист не может выразить своего отношения к изображаемому, провести оценку, — вопрос только в том, что он и оценку преимущественно дает в форме первичного отбора явлений, а не в форме обобщающей идеи). В зависимости от конкретных условий и от конкретных форм выражения натурализм может быть прогрессивным или регрессивным. Прогрессивным он будет тогда, когда натурализм, выступая против идеалистического искусства, является первичной, неразвитой стадией реализма. Таков натурализм буржуазного искусства на первых ступенях его развития (голландские примитивы, натурализм в русском искусстве первой половины XIX века и т. д.).

Такой натурализм обычно перерастает в реализм.

Регрессивный натурализм есть продукт разложения реализма при переходе от материалистического к идеалистическому познанию действительности.

Таковую роль играет буржуазный натурализм во второй половине XIX в., когда он представляет переход от реализма к импрессионизму.

В советском искусстве могут встретиться обе эти формы натуралистичности, но особенно актуально для нас проявление натурализма в случаях перехода художника от идеалистического творческого метода к соцреализму. Практика бывших ОМХ, «Бытия» и др. течений дает ряд примеров такого характера. Задача критики — внимательно разобрать их, привлечь для сравнения наследие и указать художникам пути дальнейшего развития и преодоления остатков натуралистичности (то-есть известного пассивизма, преобладания «верности деталей» над обобщением и т. д.).

Приходится констатировать, что и эту задачу журнал не выполнил.

Вторым, очень важным для понимания социалистического реализма, вопросом является проблема социалистической романтики как одного из компонентов соцреализма.

В этом моменте лежит одно из важнейших отличий социалистического реализма от реализма буржуазного (и от натурализма). Буржуазный реализм при всей возможной силе обобщения и анализа, при всей глубине показа действительности отличается отсутствием в нем предвидения, основанного на учете процессов развития самой действительности. Поэтому он не может развить деятельную, активную сторону, оставаясь на почве самого реализма. Эту деятельную, активную сторону в противовес реализму развивал романтизм, но развивал отвлеченно, односторонне и чисто субъективно.

Социалистический реализм отличается от этих методов в той же мере, в какой диалектический материализм Маркса отличался от домарксовского идеализма и материализма. Маркс и Энгельс снимают ограниченность домарксовского ма-

териализма (основной недостаток которого в том, что «предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта или созерцания, а не как чувственно-человеческая деятельность, практика; не субъективно») и идеализма (который развивал «дейтельную сторону, но развивал абстрактную», — см. тезисы Маркса о Фейербахе).

Подобно этому социалистический реализм снимает ограниченность старого реализма и романтизма в искусстве (беря эти понятия в широком смысле) и включает в себя их сильные стороны в снятом виде. Момент предвидения, момент активного, изменяющего действительность (на основе ее объективного познания) творчества, — эти неотъемлемые признаки соцреализма поднимают его над старым реализмом и включают в себя то, что мы называем социалистической романтикой. Это значит бороться за будущее и уметь раскрыть его в конкретных, убеждающих образах, это значит суметь поднять на необходимую высоту носителей утверждаемых художником идей, ярко и красочно воспеть героическую борьбу за социализм, это значит всюду нести страстность, непримиримую борьбу за новое, партийность.

Только идя этим путем, можно создать образы нашей героической эпохи и ее передовых людей, которые воплотили бы в себе идеалы и стремления широчайших народных масс, которые стали бы любимыми этими массами и поднимали бы их так, как это делает например крупнейшее произведение советской кинематографии — «Чапаев».

Наша действительность дает художникам благодарнейший материал для создания таких полотен. Если Давид сумел создать в свое время такие произведения, как «Клятва в зале для игры в мяч» и др., отразившие героическую буржуазной революции; если Рембрандт и Хальс, по словам Ван Гога, сумели в своих портретах передать облик целой республики, — то какие же неисчерпаемые возможности имеют перед собой художники нашей страны, перед глазами которых разворачиваются подлинно

героические, великие подвиги строителей социализма! Журнал «Искусство» не сумел раскрыть перед художниками задачу воплощения героического содержания нашей действительности и значение в этом плане лозунга социалистической романтики.

В заключение остановимся на статье Щекотова «Правда в искусстве», опубликованной в 3-м номере журнала за 1934 год. Как показывает название, статья эта пытается также поставить и разрешить один из основных вопросов соцреализма. Ведь как-раз соцреализм утверждает правдивость искусства. Однако статья Щекотова настолько путаная, что никак нельзя считать эту попытку удавшейся. Неправильно уже первое принципиальное положение, выдвигаемое автором, о характере специфического отличия искусства от простого снимка с действительности.

«Момент художественного творчества, — заявляет Щекотов, — появляется тогда, когда мы по ряду пластических запечатленных признаков начинаем воспринимать эмоции автора произведения, чувства, испытанные и организованные им на путях к выражению в этом произведении той или другой идеи» (стр. 18). Нетрудно заметить, что это определение попросту перефразирует известную формулировку Л. Толстого об искусстве как средстве «эмоционального общения», в значительной мере усвоенную и Плехановым.

Мы не можем согласиться с ней потому, что здесь выпадает момент познавательности искусства, значения искусства как обобщения, выраженного в конкретных, индивидуализированных образах.

Щекотов подчеркивает лишь субъективную сторону искусства (выраженность эмоций творца) и опускает объективную его основу (отображенность в общенно-образной форме действительности).

Этот идеалистический разрыв объективного и субъективного и выдвижение на первый план второго неизбежно влечет его к путанице и в решении основной поставленной им проблемы — о правде в искусстве. По мнению Щекото-

това, есть правда внутренняя и правда внешняя.

Внешняя правда — это «пластическое построение изображения на основании оптического впечатления, полученного от природы» (или, как говорит Щекотов в другом месте, «правдивый «слепок» с природы»); внутренняя правда — это «те «подчеркивания» и «преувеличения» в этом изображении, которые диктуются необходимостью выразить в нем эмоции автора, организованные в целях передачи нам определенного замысла, определенной идеи» (или, как говорит Щекотов далее, «искренняя взволнованность художника, побуждающая его путем соответствующих «подчеркиваний» и «преувеличения» тех или других элементов в этом «слепке» передать нам правду того класса, на стороне которого он стоит» (стр. 21—33).

Щекотов считает, что решающее значение имеет «внутренняя правда», и для доказательства разбирает картину Веронезе «Пир у Леви». Доказывая, что картина не отвечает действительности Венецианской республики второй половины XVI века и в то же время правдива и реалистична, Щекотов приходит к выводу, что основа этой реалистичности лежит во внутренней (то-есть субъективной, как мы видели) правде. «Веронезе глубоко, искренно взволнован и восхищен обществом, изображенным им в этих произведениях, и взволнованность эту, это приятие т а к о й именно жизни, этот оптимизм стремится передать и нам, зрителям» (стр. 27). Вот в этой субъективной убежденности художника и видит Щекотов основу правды и реализма в искусстве. «В классовом обществе, — говорит он, — нет и не может быть единой, «вечной» всечеловеческой правды... Правда здесь всегда однобока и частична. Правда Веронезе является такой именно однобокой классово обусловленной правдой...» (стр. 32).

Можно ли согласиться с этими положениями? Конечно нельзя. Ведь из них вытекает чистый релятивизм в решении вопроса о правдивости. Для марксиста ясно, что степень правдивости в искусстве определяется правильностью и глубиной отражения реальной действитель-

ности, мерой приближения идеи художника (то-есть субъективного замысла) к отражаемому (то-есть к действительности, объективному, лежащему вне художника). Объективное является здесь основным критерием, а вовсе не субъективная искренность и убежденность художника в правильности того, что он воплощает. Ведь и иконописец был убежден, что те святые, которых он пишет, истинны, но разве из этого следует, что мы здесь имеем объективную истинность (правду) художественного образа?

Весь анализ картины Веронезе, проведенный Щекотовым и базирующийся в конце концов на том, что такого рода празднеств и такой уверенности не могло быть у изображенных им персонажей в период упадка Венецианской республики, весьма упрощен. Необходимо более глубокое изучение эпохи для того, чтобы решить, в какой мере Веронезе объективен и правдив в ее отражении.

Вывод же о «внутренней правде», якобы не зависимой от «внешней» и опирающейся на субъективные эмоции, есть вывод явно идеалистический, враждебный материализму. С этой точки зрения, можно, с одной стороны, оправдать любого художника-формалиста, если он «искренен», а ведь такие художники есть, а с другой стороны, представить искусство социалистического реализма, которое ведь тоже классово, как воплощение однобокой, «частичной» правды, и уравнивать это искусство с ограниченным классовым искусством прошлого. Но ведь все дело заключается в том, что классовость нашего искусства несколько не мешает ему быть объективным, напротив, только будучи до конца партийным, она может воплотить объективно истинное, в то время как художник современной буржуазии не может отразить объективной истины. В чем же здесь дело? Да в том, что критерием является не субъективная правдивость, а совпадение идеи, убеждения с действительностью, то-есть их объективная истинность. Разорвав эти два момента, Щекотов ориентирует наше искусство не на глубокое вскрытие объективной истины, а на противостоящую ей «субъективную истину», то-есть толкает в сторону защиты вся-

кого «внутренне оправданного» творчества, хотя бы оно и не было объективно правдиво. Это утверждение ложно еще и потому, что художник, отказывающийся от воплощения объективной правды, неизбежно приходит к снижению своего искусства, примером чего является эволюция таких художников, как Репин, Суриков и др. По Щекотову же, наоборот, искусство ничего не теряет, отворачиваясь от объективной правды. Но ведь тогда легко можно оправдать все антиреалистические тенденции и в нашем искусстве! Вот итог, к которому неизбежно ведет статья Щекотова.

Итак, вместо того, чтобы правильно раскрыть содержание понятия социалистического реализма, редакция «Искусства» в «порядке обсуждения» напечатала элементарные идеалистические рассуждения. Спрашивается, чего же в них «обсуждать», если их неправильность само собою очевидна!

Таким образом, и теоретические проблемы соцреализма не были правильно поставлены и разработаны журналом.

Сделаем теперь некоторые выводы в отношении всей линии журнала в вопросах оценки советского искусства и борьбы за социалистический реализм.

Проделанный нами анализ показал, что выводы эти никак не могут быть положительными. Вместо того, чтобы разрабатывать наследие Маркса — Энгельса — Ленина и указания тов. Сталина по вопросам, связанным с социалистическим реализмом, журнал предпочитал печатать путаные декларации Галопшкина, одно отношение которого к Репину ясно уже указывает, что он сам не понимает реализма, и явно идеалистические рассуждения Щекотова о «внутренней правде».

Но спрашивается: можно ли с таким неблагодарным материалом бороться против формализма? Ясное дело — нельзя. И надо сказать, что эта борьба не была развернута, а между тем руководству журнала прекрасно известно, что формализм является основной опасностью в ходе борьбы за искусство социалистического реализма. Мы знаем, что руководители журнала в ответ на наше утверждение укажут статью отв-

редактора «Искусства» О. М. Бескина — «Формализм в живописи», напечатанную в № 3 журнала за 1933 год.

Такая статья действительно имела место. Но, во-первых, она осталась единственной и в практике журнала носила характер некоторого эпизода, поскольку вслед за ней не была развернута конкретная, повседневная критика формализма, во-вторых, в самой статье т. Бескина немало ошибочного, в ряде случаев открывающего лазейки тому же формализму. В самом деле, назвать Канта высшей точкой немецкой классической философии значит сильно обрадовать всех сторонников кантовского формализма: до сих пор мы думали, что высшей точкой немецкой классической философии идеализма является Гегель, и именно потому, что он преодолел формализм и дуализм Канта на основе идеалистически понятой диалектики.

Охарактеризовать далее Филонова как «вульгарного материалиста» — значит сильно обрадовать всех субъективных идеалистов, сторонников уничтожения образа в пользу иероглифа, условного знака, ибо их махистские идеи оказываются неожиданно материалистическими.

Но дело даже не в этих ошибках, дело в том, что формалистические тенденции проникли на страницы самого журнала и нашли свое развернутое выражение в критических обзорах выставок, в ряде статей о советских художниках и т. д.

Мы уже указывали многочисленные примеры этого. Необходимо только выяснить, почему же в журнале, который должен был бороться с формализмом, последний находит под видом конкретной критики столь благосклонный прием?

Происходит это потому, что журнал проводит неправильную установку, по меньшей мере примиренчески относящуюся к «лево»-формалистическим тенденциям, и совершенно недостаточно уделяет внимания борьбе за реализм.

Возьмите например большую статью Буша и Замощкина «Пути советской живописи» (№ 1 — 2, 1933 г.).

Откуда идут, по мнению этих авторов, пути советской живописи? Оказывается,

от «левого искусства». Авторы заявляют, что роль «левых» в эпоху военного коммунизма была положительной как роль «разрушителей эстетствующего импрессионизма и академического искусства» (стр. 63).

Заявляя так, они забывают известные оценки «левых» Лениным, забывают известное письмо ЦК РКП(б) о пролеткультмах («Правда». 1/ХІІ 1920 г.), которое подвергает резкой критике практику «левых измов», заявляя: «Под видом «пролетарской культуры» рабочим преподносили буржуазные взгляды в философии (махизм). А в области искусства рабочим прививали нелепые извращенные вкусы (футуризм)».

Положительное значение сыграла лишь та (меньшая) часть «левых», которая отказалась от «извращенных вкусов» и пошла работать в агитационное искусство. Но распространять это положительное значение на всех «левых» — значит явно исказить историю. Но это искажение продолжается и дальше. Говоря уже о конце восстановительного периода, авторы заявляют: «Остовцы создали представляющий огромный интерес журнальный рисунок (Дейнека, Люшин, Доброковский) и графику (Штеренберг, Гончаров), развивающие принципы плаката и графики эпохи военного коммунизма» (стр. 82). Между тем на стр. 65 можно прочесть: «Плакат военного коммунизма был пролетарским, партийным плакатом, сыгравшим огромную положительную роль в развитии стиля пролетарского искусства в последующие годы».

Получается, таким образом, что формалистическая графика Гончарова и Штеренберга тоже продолжала пролетарское искусство! Эта и ряд других формулировок в сопоставлении с критикой АХР за невнимание к форме (стр. 75) показывают, что «левое» (формалистическое) искусство пользуется большими симпатиями авторов.

Вероятно этими симпатиями, нашедшими свое отражение во многих статьях журнала, объясняется и явно недостаточное внимание к практике ряда художни-

ков-реалистов, выдвинувшихся за последние годы. Так, о Иогансоне в то время, когда он уже кончал свою замечательную картину «Допрос коммунистов», Буш и Замошкин пишут: «Занимая определенное и важное место в отчетной ретроспекции советского искусства восстановительного периода, имея определенные достижения и на сегодняшний день, такие художники, как Радимов, Кацман, Чашников, Иогансон и др., как бы остаются в тени, когда ставится и в известной мере решается проблема показа создания, переделки и роста нового человека — активного строителя социализма» (стр. 76). Сказать так можно было, только заведомо недооценивая творчество художников-реалистов.

Надо далее отметить как знаменательный факт и то, что, поместив ряд монографических этюдов о художниках, журнал «Искусство» до сих пор обходит в этом отношении таких художников, как Иогансон, А. Герасимов и др., создавших за последние годы ряд крупнейших полотен.

Но для того, чтобы до конца понять эту тенденцию выдвижения «левого» искусства и недооценки реализма, надо обратиться к освещению журналом вопросов наследия.

III

Борьба за социалистический реализм по-новому ставит вопросы наследия, она заставляет нас пересмотреть ряд оценок, имевших широкое распространение в советском искусстве предшествующего этапа.

Известно, что буржуазное искусствознание за последние десятилетия произвело коренную «переоценку» наследия в смысле смещения центра тяжести с наследия реализма на наследие «лево-формалистических течений».

Конкретно это выразилось в том, что прародитель «левых» (кубизм в первую очередь), Сезанн, заслонил для буржуазного искусствознания Рембрандта, Рубенса, Тициана, Веласкеза, не говоря уже о Курбе и других реалистах XIX века. В отношении русского искусства Сезанн и «сезаннисты» заслонили Перова, Репина, Сурикова.

«Сезаннизм» вытесняет в этот период реализм.

Эта переоценка наследия стоит в прямой связи с общим процессом кризиса искусства капитализма. Кризис искусства, начавшийся в буржуазном обществе еще с эпохи импрессионизма (то есть после Парижской коммуны, с 70—80-х гг. XIX в.), выразился в переходе (через ряд стадий) от реалистического, более или менее объективного, отражения действительности к субъективно-идеалистическому, формалистическому противопоставлению художественного произведения реальной жизни.

В данном отношении в искусстве — в специфических формах — повторяется тот же процесс, который характеризует кризис буржуазного познания, подвергнутый глубочайшему анализу в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина. Махизм, неокантианство, фидеизм и наконец открытая мистика и поповщина сменяют друг друга в судорожно-быстром нисходящем развитии буржуазной философии и естествознания.

В переходе искусства от реализма к формализму Сезанн играет такую же роль, как и неокантианство в философии.

Импрессионизм, переходя от объективно-реалистического отражения действительности к субъективизму случайных ощущений, не мог еще до конца преодолеть реализм. Не даром его называли «натуралистическим импрессионизмом» (Вейсбах, Фриче). Импрессионизм еще связан с реализмом, поскольку он стремится отразить действительность, поскольку он дает только то, что непосредственно чувственно воспринимается художником. Он еще не отходит от этой реальности в мир абстракции. С другой стороны, импрессионизм прокладывает путь субъективному идеализму, поскольку мерилom истинности художественного отражения действительности является для него только субъективное восприятие во всей его случайности и единичности, не корректируемое обобщающим знанием реального мира.

Большую работу в углублении второй из отмеченных сторон импрессионизма проделал Сезанн, не случайно ставший знаменем всех «новейших» буржуазных

художественных течений эпохи империализма.

Начав с импрессионизма, Сезанн в последних своих работах вплотную подходит к кубизму, с его уничтожением образа и сведением изобразительных форм к геометрическим объемам и плоскостям. В соответствии с общей тенденцией развития буржуазного искусства империалистической эпохи Сезанн переносит центр тяжести с отражения реального мира на конструирование и искание абсолютных законов самого формообразования на плоскости картины.

Немецкий искусствовед Бургер в своей работе «Cezanne und Hodler» по-своему правильно определил эту особенность Сезанна. У Пикассо, Ходлера и Сезанна, по Бургеру, основное не в познании того, что «оформляется» (то-есть содержания произведения), но в познании форм и р у о щ е г о п р и н ц и п а (то-есть формы, формальных средств организации).

Этот метод, как справедливо опять-таки указывает Бургер, близок кантовскому образу мышления. Общим здесь конечно является отрыв категорий (у Сезанна формально организующих категорий) от той реальности, от того содержания, которое их определяет. «У Канта, — говорит Ленин, — познание разгораживает (разделяет) природу и человека, на деле оно соединяет их; у Канта «пустая абстракция» вещи в себе на место живого шествия, движения нашего знания о вещах все глубже и глубже» (IX Ленинский сборник, стр. 19).

Эта же тенденция сказывается и в творчестве Сезанна (последний период), а затем и кубистов и прочих «левых» течений. Они начинают отрывать композицию, цветовые соотношения, объемные сочетания и т. д. от той предметной реальности, с которой последние связаны, и трактовать изображенную реальность лишь как внешнюю форму проявления некоего абсолютного закона (цвет, композиция), не зависящего от самой этой реальности, как «чистая категория».

Когда Сезанн пишет свои натюрморты, то его, как это уже отмечалось рядом исследователей, весьма мало занимает

проблема познания самой изображенной реальности, — он может выбирать довольно несущественные в познавательном плане объекты: его интересует в первую очередь формальный закон их связи. Этот закон связи не есть отражение закономерности конкретных процессов и предметов реального мира, он есть некая самодовлеющая абстракция, которая подчиняет себе вещи и заставляет их противостоять объективному миру как что-то абсолютное. Отсюда же у Сезанна и его последователей вытекает замена обобщения и типизации в образах искусства реального формалистической деформацией, которая изменяет предмет в угоду субъективным установкам¹⁾.

Развертывание данной тенденции в послесезанновский период далеко увело буржуазное искусство даже от того субъективированного отражения реальности, которое мы имеем у импрессионистов. Буржуазная критика по-своему уже осознала эту особенность искусства империалистического периода. Так например, Загорская в статье «К переоценке импрессионизма» заявляет от имени современного буржуазного искусства: «Мы никоим образом не стремимся передать видимую действительность, даже с оговоркой субъективности (как это делали импрессионисты)... Мы творим собственный мир на полотне... с единственным желанием создать самодовлеющую, в себе замкнутую, конструкцию». То-есть: современное буржуазное искусство отказывается от художественного познания реального мира, но, обособывая этот кризис художественного познания, буржуазные искусствоведы конечно оправдывают его как более высокую ступень эстетического развития.

Для Бургера например Сезанн в ряде отношений выше Рембрандта, ибо если Рембрандт и добивается единства в бесконечной множественности цветовых представлений, то у Сезанна это единство кажется священной необходимостью, законом. Поставить Сезанна вы-

¹⁾ Понятие деформации, как противопоставление реалистической типизации, было подхвачено всеми «левыми» течениями, и рецидивы его по сей день живы в нашем искусстве и искусствознании.

ше Рембрандта — это и значит извратить действительный ход развития мирового искусства в угоду оправданию буржуазного формализма, ибо, с точки зрения художественного познания, глубины раскрытия реального мира и психологических переживаний, Рембрандт неизмеримо выше и Сезанна, и всех «левых» течений эпохи империализма.

Совершенно очевидно, что позиция советского искусствознания не может не быть кардинально иной.

Для нас вершинами мировой живописи являются не Сезанн или Пикассо, а величайшие представители реалистического искусства прошлого: Рембрандт, Тициан, Веласкез, Рубенс и др. и из русских художников: Федотов, Перов, Репин, Суриков и др. в первую очередь.

Опираясь на лучшие достижения мирового искусства и исходя из содержания социалистической практики и марксо-ленинского мировоззрения, мы преодолеваем тот упадок познавательности, идейности искусства и тот формализм, которые характерны для художественного развития эпохи империализма.

А этого преодоления едва ли можно достигнуть без переоценки «левых» течений, начиная от Сезанна и кончая всевозможными «измами». Вспомним, с каким гневом и сарказмом обрушивался на слепое преклонение перед всевозможными буржуазными «измами» В. И. Ленин в своей беседе с Кларой Цеткин. Между тем наши искусствоведы и критики, вместо того, чтобы ориентировать советских художников на освоение классиков реализма, помочь этому освоению, нередко продолжают ориентировать на предпочтительное «освоение» Сезанна, выдвигая его в качестве вершины мировой живописи.

Надо прямо сказать, что журнал «Искусство» в ряде случаев явился прямым рупором этого непреодоленного сезаннизма и не смог занять в этом важнейшем вопросе правильной линии.

Приведем некоторые примеры, подтверждающие это положение. В 1—2 номере журнала за 1933 г. опубликована работа И. Л. Маца — «Проблема цвета в искусстве».

Подробно исследовав проблему цвета

в истории искусства, Маца приходит к выдвиганию Сезанна, как вершины цветковых решений в мировой живописи: «Мы можем выработать наше понимание цветковых отношений, отталкиваясь от Делакруа и Сезанна» — заявляет т. Маца (стр. 42).

Здесь сразу же возникает вопрос, почему Маца выдвигает именно Делакруа и Сезанна, в особенности конечно последнего, а не Рембрандта, Хальса, Веласкеза, Веронезе и др. классиков мирового искусства.

Потому, что в представлении Маца Сезанн является такой вершиной мирового искусства, в которой синтезируются и поднимаются на более высокую ступень все предшествующие этапы развития в отношении овладения цветом.

«В основе его цветковых решений, — говорит Маца о Сезанне, — лежат использование и дальнейшая разработка цветковых отношений, — принцип, который мы видели в древнеиндийской фреске, у Тициана, у Рембрандта, у Делакруа и у импрессионистов на разных этапах его развития, на различной мировоззренческой основе» (стр. 39).

И еще в другом месте: «Можно любить и не любить Сезанна. Можно и необходимо раскрыть идеалистическую основу его понимания искусства, в частности и цветовой проблемы, в которых установка берется на метафизическую «сущность» предметов и вещей и повещевому трактованных людей. Но трудно было бы оспаривать его несомненные заслуги в том отношении, что он, идя по стопам величайших мастеров прошлого, сумел поймать динамику цвета и цветковых отношений, причем динамику не механического порядка, а динамику некоторого (идеалистически понятого) единства движения и переходов контрастных цветов».

Возможности, которые имеются в трактовке цвета у Сезанна, далеко еще не исчерпаны» (стр. 40).

Мы полагаем, что положение, выдвинутое тов. Маца, является следствием отрыва одного из «организующих» качеств цвета, а именно: его динамики, единства движения и переходов кон-

трастных цветов — от общей образно познавательной ценности искусства и от общего значения цвета как одного из средств познания. Благодаря этому оказывается возможным выдвигать Сезанна как вершину мирового искусства в отношении цветовых решений.

Маца допускает даже одну аналогию, которая позволяет ему рассматривать Сезанна как нечто конгениальное в области живописи вершинам философского материализма.

Говоря о том, что мы должны в первую очередь и в основном отправляться от Делакруа и Сезанна, Маца обосновывает это следующим образом: «Для того, чтобы овладеть материализмом, нет надобности снова отправляться от Гераклита или от Бэкона и проделывать весь путь сызнова, а нужно их знать как представителей определенных моментов развития материализма, вырабатывая наше понимание материализма уже на основе тех учений, в которых и Гераклит, и Бэкон уже восприняты, переработаны и подняты на новый этап». Так же, по мнению Маца, «зная индийскую фреску, Леонардо и другие важнейшие этапы развития и не проделывая «весь этот путь сначала», «мы можем выработать наше понимание цветовых отношений, отталкиваясь от Делакруа и Сезанна» (стр. 42). Конечно эта аналогия совершенно неправомерна. Маркс и Энгельс действительно являются вершинами материализма, «снявшими» (с сохранением всего положительного) предыдущие этапы философского развития. Но Сезанн отнюдь не является такой вершиной в мировой живописи, которая «снимает» (с сохранением всего положительного) великих голландцев, венецианскую школу, индийскую живопись и т. д.

Прежде всего надо взять решение проблемы цвета у Сезанна в связи со всем его творчеством. Творчество Сезанна обычно рассматривают как собирание распавшихся в импрессионизме атомов живописи, как поиски объективных законов цветоотношений и композиции, как овеществление «развеществленного» импрессионистами мира. Однако основным в нем являются переход от идейно-по-

знавательной трактовки категорий живописи к подчеркнутой, апсихологической их материальности и предметности. Апсихологичность Сезанна неоднократно уже отмечалась. Так, Бургер, у которого при неприемлемости его оценки Сезанна в целом имеется ряд совершенно правильных положений, констатирует отсутствие в произведениях Сезанна трагичности и драматичности: «Человек является здесь без всякого духовного содержания и полностью отстает не только как действующий, но и как мыслящий и чувствующий индивидуум перед мировой волей». (Бургер, указ. книга, стр. 57). У Сезанна, — замечает далее Бургер, — человек «не является более совершенным созданием, чем животное или неорганическая материя».

Данная характеристика совершенно правильна. В самом деле, Сезанн идет к уравниванию человека, вещей и природы в одинаково жесткой, «вещной» красочной характеристике. О тенденции Сезанна к трактовке человеческих фигур как нейтральных и неживленных, об уравнивании их с мертвой вещью и сведении к чисто «вещно-формальному» элементу композиции говорит и другой исследователь, Макс Дери. (Max Deri. Die Malerei im XIX Jahrhundert. Erster Band, 207). Таким образом, обобщение цвета у Сезанна сочетается с уравниванием, нивелированием изображаемого, с вытеснением психологического в пользу вещного. Фигуры, деревья, здания, облака есть для него лишь различные формы единой материи, подчиняющейся одним законам тяжести, равновесия и цветовыражения: законам физико-механического характера. Человек здесь начинает приближаться к вещи, и цветовая характеристика обоих постепенно уравнивается. То, что развил впоследствии Дерен и русские «сезаннисты» (Фальк, Куприн, Кончаловский и др.). а именно — создание пейзажа, занятого одними сооружениями, тяжелой, мертвой материей, дает уже в основе и Сезанн в таких картинах, как «Вид Septenne», «Морской ландшафт» и др. У него же мы находим и становление пейзажа с деревьями, данными в упрощенных чертаниях («Тополя», «Лесная чаща»), —

мотив, опять-таки развитый «сезаннистами».

Именно в связи с таким сведением всего изображаемого к различным формам одной материальной среды, в связи с вытеснением психологического, идет уплотнение цвета и вытеснение цветового многообразия. Основное у Сезанна заключается, как мы говорили, в подчеркивании различных градаций плотности, веса, объема, общих очертаний формы, а этого можно достигнуть и вариациями немногих цветооттеночий.

При этом цвет теряет то, что Гегель считал предпосылкой высшего живописно-художественного совершенства, а именно: способность живописи к выражению тончайших внутренних переживаний и чувств, «духовного содержания».

Тем и велик Рембрандт, что он с необычайной силой показал в живописи эти глубины психологии, что он заставил цвет и свет стать носителями сокровеннейших чувств и переживаний. Его «Возвращение блудного сына» является непревзойденным образцом психологической характеристики. Фигура и лицо отца, склонившегося над сыном, руки его, мягко положенные на плечи вернувшегося, выражают тончайшие оттенки переживаний: прощение и тихая радость при виде возвратившегося, печаль, которая его состарила, и боль за рубища сына, — все это концентрируется в одной фигуре, все это передано композицией, жестом и цветом. И цвет, и композиция выполняют здесь высшую познавательную функцию, ибо труднейшее — это не характеристика фактуры материального предмета или человека, взятого в его «вещной» (т.-е. внешней) природе, а именно вскрытие через это внешнее глубочайших оттенков психических переживаний. И это качество теряет живопись Сезанна, которая постепенно омертвляет человека, постепенно низводит цвет до средства характеристики уравненной в любом выражении мертвой материи. От уплотнения и «огрубления» цвета у Сезанна прямой путь к «сезаннистам», с их заменой цвета как художественно-познавательного средства краской как физически утверждающим поверхность средством, с их как бы выдавливанием

«свежего», необработанного красочного мазка прямо из тюбика на полотно.

Говорить после этого, что Сезанн в решении проблемы цвета является вершиной мировой живописи, — значит не понимать сути ее развития. Все то новое, что дает Сезанн в смысле цветовой характеристики мертвой материи, в смысле выявления цветом ее объемности, фактуры, переходов, он дает на основе прогрессирующего ограничения познавательных возможностей цвета.

Мада восхищается тем, как написан Сезанном серый пиджак «Мужчины с трубкой», но он не хочет видеть того, как Сезанн, давая действительно ощущение материальности предмета, и лицо трактует в значительной мере лишь как объемно-вещную деталь: он не хочет видеть того, что последующий тип портрета «сезаннистов», где живое лицо человека оттесняется живописью предметных аксессуаров (пиджаков, шляп, излюбленных подносов на стенах и т. д.), имеет своим истоком именно эту манеру Сезанна — безразличие уравнивающего все элементы изображения, как формы проявления одной и той же предметности.

Именно эти моменты и делают Сезанна крупнейшим выразителем эпохи развивающегося в конце XIX в. идейно-познавательного кризиса живописи. В его творчестве содержатся уже в эмбрионе будущие кубизм и «вещизм», которые довели тенденцию этого кризиса до логического конца. Искусство социалистического реализма, с его глубокой идейностью, с выдвиганием живого, действительного человека как основной темы искусства, не может идти по стопам этих «измов» и их учителя Сезанна¹⁾. Оно их преодолевает и в этом преодолении опирается на лучших представителей мировой живописи. Учеба у Сезанна

¹⁾ Мы здесь не рассматриваем вопроса о том, что как у Сезанна, так и Матисса и др. могут быть отдельные ценные моменты. Важно подчеркнуть кризисность их практики в целом, что конечно не исключает наличия единичных «зерен истины», выступающих однако в извращенном, одностороннем виде. Концентрация Сезанна на внешне-предметном есть именно такое извращение одной из сторон живописи, притом не основной, не ведущей.

на как вершины мирового искусства — лозунг отнюдь не новый. Все так называемые «левые» течения предреволюционной и послереволюционной эпохи шли от Сезанна. Сезанн для них закрывал все искусство, и они искренно думали, что он выше Рембрандта, что он «снял» и «переработал» классиков. Что Сезанн изучал и перерабатывал классиков, — это известно. Но только очень наивные люди могут думать, будто эта переработка и означала подинно диалектическое «снятие» классиков.

Сезанн перерабатывал их по-своему, и было бы неправильно смотреть на классиков живописи его глазами.

Бургер проводил ряд сравнений Сезанна с Рембрандтом, Тицианом, Эльгреко и др., из которых с очевидностью вытекает, что Сезанн прежде всего упрощал классиков, лишал их психологической глубины и индивидуализации образов, добиваясь предметно-цветового единства за счет обеднения идейно-познавательного содержания.

Это не наш подход к наследию, ибо мы хотим не упрощать, а обогащать его, добиваться еще большей глубины содержания, еще большего многообразия выразительных средств.

Только так подходя к наследию, мы пойдем в свою очередь и историческую ограниченность Сезанна, его связь с идейно-художественным кризисом эпохи империализма.

Во всей практике журнала «Искусство» отсутствует это правильное понимание. Отсюда недооценка наследия классиков живописи и постоянные реверансы в сторону Сезанна.

Ряд художников получает похвалы именно за то, что они учились в первую очередь у Сезанна (а не у классиков реализма). Так, в статье о С. Герасимове (№ 2, 1934, стр. 48) автор статьи (С. Разумовская), констатируя, что Герасимов в свое время (1917 — 1922) шел от Сезанна и Дерена, одобрительно относится к этому, замечая, что он воспринимал их критически. Но и для слепого ясно, что в творческом развитии С. Герасимова только в меру преодоле-

ния сезаннизма мог возрасти реализм и что до последних картин у него еще сохраняются элементы схематизации, являющиеся рудиментами сезаннизма.

Так же положительно оценивается сезаннизм и Б. Никифоровым. (Статья «По мастерским художников Белоруссии», № 3, 1934 г.). Он заявляет: «Советское искусство, критически усваивая достижения буржуазного искусства, не может пройти мимо художественного наследия Сезанна» (стр. 114).

И в другом месте той же статьи: «В области станковой живописи Брозера работает преимущественно над натюрмортами и портретами. Немногочисленные его живописные работы свидетельствуют о большом мастерстве цветовой передачи объемной формы предметов, в чем сказываются результаты усвоения им в области живописи творческих принципов Сезанна» (стр. 110). Или еще один пример — статья Б. Никифорова о Дейнеке (№ 3, 1933 г.). Никифоров здесь пишет: «Творческий метод Дейнеки является одним из лучших примеров правильного критического использования и переработки творческой проблематики «левых» в связи с задачами борьбы за стиль социалистического реализма. Оголенный «левыми» и лишенный конкретного идейного содержания спецификом искусства Дейнека наполнил живым общественным содержанием и тем самым поднялся на новую, высшую ступень творческого метода» (стр. 105).

Наконец Щекотов в своей статье о выставке «Художники РСФСР за 15 лет» (№ 4 за 1933 г.) заявляет: «А. М. Эфрос... подчеркивал жизнеспособность искусства мастеров старшего поколения, в свое время проводивших в России традицию Сезанна. В этом же случае мы должны согласиться, что он прав» (стр. 83). Для правильного понимания этого заявления надо иметь в виду, что в концепции А. М. Эфроса такого рода утверждение является, во-первых, противопоставлением «сезаннистов» другим группам советского искусства, во-вторых, подчеркиванием их жизнеспособности именно благодаря традициям сезаннизма. (Ср. статью А. Эфроса

«Вчера, сегодня, завтра», № 6, 1933 г., стр. 35, где Эфрос подробно излагает положения, разделяемые Шекотовым.)

О. М. Бескин в своем ответе на указанную статью Эфроса подвергает эти его положения критике. Говоря о том, что Эфрос находит в практике «Бубнового валета» «подлинный реализм», О. Бескин замечает: «Итак, система подлинного реализма тов. Эфросом найдена. А бедные-то художники, эти слепые кроты, еще чего-то ищут, страдают, борются за стиль социалистического реализма (ведь это и есть подлинный реализм). Слепцы! Овладейте художественным методом «Бубнового валета», — перед вами подлинны образцы социалистического реализма» (стр. 71).

Мы вполне разделяем негодование О. М. Бескина. Но нам непонятно, почему это негодование обрушилось только на Эфроса. Ведь Шекотов с ним согласился также на страницах редактируемого О. Бескиным журнала, и к этому согласию редакция осталась вполне лойяльной, осталась она лойяльной и к утверждениям Маца — о наследовании в первую очередь Сезанна — и к конкретному оправданию такой практики наследования в статьях Разумовской, Никифорова и других. Ответ на это недоумение мы без труда найдем, обратившись к той же статье Бескина. Прежде чем изгонять «духов» сезаннизма, Бескин широко впустил их уже на страницы своей собственной статьи. «Конечно, — говорит он здесь, — с точки зрения живописности, в собственном смысле этого слова, наше искусство очень много ценного наследует, скажем, от сезаннизма» (стр. 66). Другим важнейшим наследием наряду с сезаннизмом Бескин считает идейный реализм и передвижничество. Он полагает, что у вторых есть идеяность, а у Сезанна «живописность» (то-есть специфические средства живописи), — и достаточно их соединить, чтобы проблема правильного отношения к наследию была решена.

Другими словами, он солидарен с приведенным выше заявлением Никифорова о том, что надо взять «спецификум» живописи у «левых», наполнить его нашим

идейным содержанием, и стиль соцреализма будет готов.

«Мы можем назвать, — продолжает Бескин, — ряд наших ведущих, качественно очень крепких художников, которые своим сегодняшним развитием как-раз и обязаны прекрасному одному временному освоению в своей живописи критически взятых приемов сезаннизма и основ русской идейной реалистической живописи прошлого столетия. Для примера назову С. Герасимова, Ряжского, Шегалю» (стр. 66).

И несколько дальше Бескин разъясняет, что у Сезанна надо взять прежде всего «его художественную материальность» (стр. 71). Вот с этими положениями мы никоим образом не можем согласиться. Бесспорно, что большинство наших художников прошли через «сезаннизм». Это и не мудрено, ибо «сезаннизм» был в очень большой моде во Вхутемасе и в таких объединениях, как «Бытие», «ОМХ» и др. Однако ход развития определялся не «примирением» «сезаннизма» и идейного реализма, а борьбой этих двух линий в отборе наследия. Линия идейного реализма в основном утверждалась АХР, позже РАПХ, линия «сезаннизма» — ОМХ и «Бытием» (в живописном варианте «классического» «сезаннизма», опиравшемся на практику «Бубнового валета») и Лефом, позднее частью «Октября» (в ортодоксально-кубистическом и конструктивистском варианте).

История советского искусства показала, что правильной была первая линия. Художники, прошедшие через «сезаннизм», выдвинулись не благодаря этому, а благодаря тому, что они сумели в основном преодолеть «сезаннизм».

Дальнейшее развитие, переход к развернутой борьбе за социалистический реализм в свою очередь обнаружили, что при относительной правильности на предшествующем этапе лозунг ориентации на искусство идейного реализма и раннего передвижничества оказался недостаточным на новом этапе. Социалистическое искусство может развернуться только на основе освоения всего богатства наследия мировой живописи и в

первую очередь наследия классиков реализма. Отсюда лозунги обращения к Рембрандту, Рубенсу, Тициану, Веласкесу и в русском искусстве — к Федотову, Перову, Репину, Сурикову. Задачей журнала «Искусство» являлось раскрытие перед художниками специфичности этого нового этапа в наследии, опираясь на указания Маркса и Энгельса о Рембрандте, итальянском искусстве, на ленинские высказывания о Толстом и т. д.

Однако фактом является то, что два года журнал стыдливо молчал о Рембрандте, Репине, Рубенсе, Сурикове и больше ориентировал на Сезанна, чем на классиков мировой живописи.

Формулировки о сочетании Сезанна и идейного реализма или о соединении «специфики левых» с новым идейным содержанием являются одинаково неправильными.

IV

Оборотной стороной скрытой или явной ориентации на Сезанна и «левых» являются крупнейшие ошибки, допущенные журналом в оценке реалистического наследия в тех случаях, когда на эти вопросы ставил. Наиболее ярким примером этого является статья Федорова-Давыдова о Перове (№ 6, 1933 г.). Основная установка Федорова-Давыдова заключается в том, чтобы всячески снизить историческое значение Перова. Для того, чтобы достичь этого, он прежде всего проигносовывает Перова Чернышевскому. «Идеалы утопического социализма конца 50-х, начала 60-х годов и революционного свержения самодержавия не нашли своего выражения в стталом изобразительном искусстве», — в нем нашли свое выражение только буржуазный демократизм и «просветительство» (стр. 121).

Однако уже через несколько строк Федоров-Давыдов заявляет прямо противоположное: «Разночинное искусство резко противопоставляло себя официальному реакционному дворянскому искусству. Революционная ситуация делала искусство разночинцев боевым и активным, оно становилось непосред-

ственным и действенным оружием классовой борьбы» (там же). После этого не знаешь, какому же утверждению верить: тому ли, которое говорит об отсталом изобразительном искусстве, или тому, которое говорит о боевом, активном, классово-заостренном его характере.

Дальнейшее знакомство со статьей показывает, что это противоречие вытекает неизбежно из попытки противопоставить идейный реализм в изоискусстве Чернышевскому. Попытка явно неверная, ибо, бичуя крепостничество, клерикализм, полицейщину, выдвигая крестьянство, Перов и идейные реалисты как раз выполняли ту роль, которую в области эстетики блестяще разрешил Чернышевский в своих «Эстетических отношениях искусства и действительности».

Однако Федоров-Давыдов не склонен признать это. За попыткой отделить Перова от Чернышевского следует попытка снизить значение антиклерикальных произведений Перова. Он говорит о «Крестном ходе»: «Эта, как и остальные картины Перова на ту же тему, по существу не была антирелигиозной. В ней разоблачалось духовенство, как слуги самодержавия, показывалась мертвечина официальной религии, но отнюдь не отрицалась религия вообще, скорее, наоборот, смысл показа казенной мертвечины и грубости официальной религии, жандармской роли духовенства заключался в подчеркивании крепостнического угнетения крестьянства, у которого отняты и искажены все духовные потребности». Далее Федоров-Давыдов утверждает, что Перов не выдвигает никаких положительных морально-нравственных идеалов (стр. 122).

И эти утверждения неверны, ибо Перов разоблачал не только служителей религии, он разоблачал и религию как средство угнетения крестьянства, ибо он показывает, как «заповеди господни» («нет власти, что не от бога» — в картине «Проповедь на селе») служат эксплуататорам-помещикам и закрепощают крестьянство. Что же касается положительных идеалов, то они как-раз и за-

ключались в обращении к крестьянству. В самом характере разоблачения уже содержалось положительное, а именно: стремление поднять угнетенное, забытое крестьянство к действительно человеческим условиям жизни. В этом заключалась, как указывал Ленин, основная задача, которую ставили перед собой просветители. Говорить, что это не «положительный идеал» или что он не заключает в себе морально-нравственного содержания, — значит извращать действительное содержание борьбы демократов-разночинцев и просветителей в литературе и искусстве.

Наконец следующим положением Федорова-Давыдова является попытка доказать, что Перов в своих формальных приемах целиком зависел от академизма и не создал чего-либо нового. Даже воздействие Федотова на «идейных реалистов» Федоров-Давыдов ухитрился свести лишь к заимствованию у него академической формы. «Обращаясь к Федотову идейно, молодые мелкобуржуазные художники усваивали и систему построения его картин, в особенности его композиционные приемы, которые были у Федотова результатом усвоения академической системы, усваивали и попытки Федотова использовать ее для целей развернутого сюжетного повествования. Мелкобуржуазное искусство выдвигало на первый план сюжетно-фабульные задачи и лишь с этой точки зрения рассматривало композицию. «Композиция на всю жизнь осталась самым слабым местом Перова, в этой области он был менее всего оригинальным и самостоятельным и более зависимым от академических традиций» (стр. 125).

Мы считаем это положение совершенно неправильным. Значение Перова как раз заключается в том, что, будучи реалистом по всему характеру своего творчества, он внес этот реализм и в композицию, и в трактовку цвета, то-есть в самую форму. Иначе и быть не может, ибо всякое содержание требует соответствующей ему формы, и нельзя создать подлинно реалистическое произведение, оставаясь в рамках академических, идеально застывших форм.

Перов дал композиции и цвету ту реальную содержательность, которую они потеряли в академизме, где они стали каноническими, то-есть приложимыми к любому содержанию.

«Похороны крестьянина» Перова замечательны например не только тем, что художник сумел дать здесь типичность изображенного явления в самом сюжете (судьба крестьянства в царской помещицкой России), но он нашел и композицию, ярко и реалистично воплотившую эту типичность. Построение всей картины, начиная от вкомпановки группы в унылый безлюдный, холодный пейзаж и кончая согнутой спиной крестьянки и бегущей рядом с санями собакой, с необыкновенной силой связывает все элементы картины в одно смысловое целое, в одно эмоциональное звучание, и не даром один из современников Перова сказал, что, глядя только на спину крестьянки, хочется плакать, настолько сильно одной этой композиционной деталью Перов подчеркнул идею произведения.

Именно этот реализм и глубокая содержательность композиции и, использование ее как средства обобщающего отражения самой действительности отличает Перова от академизма, с его условными, застывшими приемами композиции, за которыми чаще всего стоял абстрактный «идеал», а не живая действительность.

И подобно тому, как Чернышевский критикует и отвергает абстрактную красоту академического «идеала» в своей «Эстетике», так Перов отрицает ее своей практикой, выдвигая новое реалистическое понимание не только в целом, но и композиции, цвета и т. д.

То, что в этом отношении дал Перов, продолжали Репин и другие художники-реалисты последующих десятилетий. Задача разработки наследия Перова заключается как-раз в том, чтобы раскрыть эту реалистичность в содержании и форме его произведений, показать сильные и слабые ее стороны и тем самым ориентировать советских художников в правильном понимании творчества Перова, всячески опощавшегося всевозможными Дягилевыми, Бенуа и други-

ми представителями буржуазно-дворянского искусства конца XIX и начала XX века. Вместо этого Федоров-Давыдов рядом своих положений продолжает линию Дягилева — Бенуа, что, само собою разумеется, не может быть подходящим занятием для журнала, борющегося за искусство социалистического реализма. Система взглядов, развиваемая Федоровым-Давыдовым и сводящаяся к отрицанию и опoшлению идейно-реалистического и революционного народного искусства, является типично меньшевистской системой. Подобно тому, как меньшевики (и главным образом Троцкий) старались представить боевое демократическое искусство XIX века (в частности Салтыкова-Щедрина, Некрасова и др.) нехудожественной публицистикой, утерявшей всякое значение, так и Федоров-Давыдов «доказывает» то же самое на примере идейного реализма, революционных произведений Репина и др.

Предоставив Федорову - Давыдову страницы журнала для проведения этих меньшевистско-троцкистских установок по отношению к творчеству Перова, редакция «Искусства» тем самым допустила худший вид примиренчества, а именно терпимость к меньшевистским теориям. Наряду с этим журнал проявил терпимость и к идеализму. Это случилось, когда журнал обратился к творчеству А. Иванова. Журнал дал две статьи к 75-летию со дня смерти А. Иванова — Г. Серого и А. В. Бакушинского (№ 5, 1933 г.). При правильной установке на переоценку наследия А. Иванова Серый настолько увлекся этим делом, что почти уничтожил грань между А. Ивановым и Чернышевским. Он считает, что в Иванове «отразились многие характерные качества революционных разночинцев, широко хлынувших в период от Герцена к Чернышевскому» (стр. 106). Он объявляет безапелляционно А. Иванова «безбожником» (стр. 77), а его «Библейские эскизы» считает гигантской антирелигиозной работой (стр. 99). Между тем это неверно. И не случайно буржуазная критика и художники обратились к этим эскизам в период роста

мистико-религиозных тенденций после революции 1905 года. Они прекрасно учитывали, что, борясь против обветшалых академических форм религиозной живописи, А. Иванов не находил в себе сил порвать с религией до конца и пытался не разрушить, а только реформировать религиозную живопись, вводя в нее элементы большей реалистичности, с одной стороны, и известный ориентализированный мистицизм — с другой. Называть его «безбожником», «антирелигиозником» так же неверно, как например и Толстого или Ге (который, кстати сказать, во многом опирался на библейские эскизы Иванова). Поэтому, подчеркивая значение Иванова в его борьбе с академизмом, нельзя превращать его в демократа и радикального разночинца. Статья Серого напечатана рядом с ней напечатана статья Бакушинского без всяких примечаний.

В этой статье проводится неверное положение о том, что вершиной творчества А. Иванова являются мистические «Библейские эскизы». Между тем эти эскизы показывают отход А. Иванова от тех элементов реализма, которые мы имеем в «Явлении Христа народу» и этюдах к этой картине. Именно последние, а не «Библейские эскизы» более ценны для нас и в первую очередь должны быть использованы как наследие в ходе борьбы за социалистический реализм.

Поместив разобранные статьи, журнал не сумел дать правильной линии в оценке А. Иванова и, как и в отношении Перова, помог провести «модернизованную» позицию Бенуа, заклятого врага идейно-реалистического искусства, поклонника мистики и религиозности. В оценке Иванова журнал дал место возвеличению мистики и идеализма. Недостаток места не дает нам возможности остановиться на разборе других статей, посвященных проблемам наследия. В них мы нашли бы также ряд существенных недостатков.

В статье А. Ромма о Матиссе (№ 3, 1934 г.) эволюция творчества Матисса совершенно не связана с кризисом познания в эпоху империализма, вне кото-

рого трудно объяснить ряд моментов, характерных для Матисса (отказ от реального пространства, заменяемого условной плоскостью, то-есть возврат к примитивным формам мышления и восприятия, переход к локальному цвету и т. д., и т. п.), вместо этого очень много рассуждений о «революционности» (хотя бы и в кавычках) «левых», которые связываются с «пролетаризирующей мелкой буржуазией», и очень упрощенная схема объяснения творческих особенностей Матисса (формалистичность — от пассивности и гедонизма рантье, динамизм и «активизм» — от крупной индустриальной буржуазии и технической интеллигенции¹⁾).

Сделаем вывод, который неизбежно вытекает из всего сказанного: журнал «Искусство» в своей двухлетней практике прошел мимо творчества крупнейших представителей реализма прошлого: Рембрандта, Гальса, Тициана, Веласкеза, Рубенса, Репина, Сурикова и др., а в тех случаях, когда он обращался к наследию (Перов, Иванов и др.), он не смог обеспечить правильного марксистско-ленинского подхода в анализе этого наследия и не смог по-настоящему связать такого рода анализ с практикой борьбы за социализм.

¹⁾ В связи с этим надо также отметить ряд грубых ошибок, допущенных в статье Б. Николаева «Итальянский фашизм и искусство» (№ 3, 1933).

Правильно связывая итальянский футуризм с фашизмом, Николаев пишет, что футуристы вели борьбу на два фронта: «не только против консерватизма, рутини, отживающих мешанских традиций, мешающих свободно расправиться свои члены растущему итальянскому капитализму, но и все более яростная атака, ведомая футуристами на рабочий класс, на его интернационализм, на его социалистические убеждения» (стр. 177). В действительности демагогические крики футуристов (и фашистов) о борьбе против «мешанства» являлись не чем иным, как прикрытием единственной и основной линии их борьбы против пролетарской революции, против революционного искусства. Ни о какой, следовательно, борьбе на два фронта говорить в данном случае не приходится; это является грубой политической ошибкой. Грубой ошибкой является и недооценка агитационной роли фашистского искусства, методы фальсификации и обмана масс, которые должны быть вскрыты более глубоко и тонко.

V.

В настоящей статье невозможно остановиться на всех вопросах, которые следовало бы поднять. Поэтому ограничимся одним только вопросом — о стиле, если можно так сказать, самой критики, о ее реализме. Подобно тому, как искусство должно правдиво показывать действительность, не припудривая ее и не прикрашивая, так и критика должна правдиво разбирать произведения искусства, подчеркивая их достоинства и вскрывая недостатки. Критик, который будет «припудривать» критикуемые им произведения, не достоин уважения художников и своих собратий.

Убежденность в своих оценках, искренность и четкость высказываний так же нужны критику, как и художнику.

Если подойти с этой точки зрения к статьям, помещенным в журнале «Искусство», то ясно обнаружится их поверхностно-апологетический характер.

Возьмем например статью Досужего о Богородском¹⁾ (№ 3, 1933). За что только не хвалит здесь критик художника! Хвалит иногда так, что даже постороннему читателю трудно не покраснеть. Богородский поехал в Италию в командировку. Все знают, что художники едут в Италию прежде всего для того, чтобы изучать классиков живописи. Не знаем, насколько их изучал Богородский (судя по вещам, привезенным из-за границы, изучал), но вот Досужий хвалит его за то, что он их не изучал. «И действительно, — пишет он, — Богородский не идет по пути копирования «классиков», не проходит итальянскую «школу», а, изучая быт, нравы и характер повседневных явлений этих стран, в дальнейшем синтезирует все это в своей творческой интерпретации» (стр. 77).

¹⁾ Мы не разбираем здесь творчества Богородского, останавливаясь только на характере критических оценок Досужего. Богородский, занимающий одно из первых мест в советской живописи, заслуживает, по нашему мнению, более обстоятельной статьи, нежели работа Досужего, но и не нуждается в то же время в голый апологии.

После этого чрезвычайно странно читать, что, и не изучая (по Досуужему) мастеров прошлого, не проходя их школы, Богородский все же возвысился и над итальянскими, и над голландскими мастерами. Описывая тональные качества Богородского, Досужий заявляет: «Но это не возврат к локальному тону иллюзионистов Возрождения или к грязно-коричневым тонам натуралистов-передвижников (!?), это не повторение коричневого колорита голландских мастеров. Налицо индивидуальная колористическая переработка наследия и новых достижений живописной культуры Запада» (стр. 83).

Для Досужего этой проблемы уже не существует; у него Богородский и соцреалист *par excellence*, и классиков до конца освоил и превзошел. Такая же примерно апология содержится и в статье Никифорова о Дейнеке (№ 3, 1933). Говоря о воздействии на Дейнеку Ходлера, «своеобразно решавшего задачи передачи динамики и ритма движения человеческих фигур», Никифоров заявляет: «Однако, если в творчестве Ходлера эти задачи приобретали самодовлеющий, формалистический характер, то у Дейнеки они становятся средством реалистического показа советской действительности». Это сказано на 87-й странице, а на 105-й помещен рисунок Дейнеки «Ударник» (1928 г.), где как-раз господствует типично ходлеровская символика жестов, отрывающаяся от конкретной идеи изображения. Следовательно, нельзя было так безапелляционно утверждать, что воздействие Ходлера во всех случаях приводило к положительным результатам.

Творчество Дейнеки не нуждается в преувеличенных апологиях: значение «Обороны Петрограда» и других его картин достаточно признано, однако это не исключает отрицательных моментов в творчестве Дейнеки: в частности известной плакатности и жесткости его стиля, негативного отношения к пейзажу (исключая индустриальный пейзаж), преобладания схематизации над индивидуализацией. В связи с этим надо отметить, что, разбирая эскизы панно для росписи в доме Наркомзема, Никифоров

совершенно не отмечает неудачу Дейнеки в показе крестьянства (см. № 4 за 1934 г. — Б. Никифоров. «Панно для здания Наркомзема»). В эскизах панно на темы «Два класса» и «Крестьянское восстание» Дейнека дает типаж, характерный для городского рабочего, но никак не крестьянина (притом русского крестьянина). Совершенно очевидно, что это стоит в прямой связи с известным ограничением тематики и горизонта видения художника, который на протяжении ряда лет почти не выходил за границы «урбанизма». Между тем социалистический реализм предполагает выход за пределы этого ограничения, предполагает многообразие типов, освоение природы и т. д. Сможет ли Дейнека, прочтя статьи Никифорова, осознать эти особенности своего творчества, сможет ли он преодолеть известную ограниченность, которая явилась результатом «урбанизма» и преимущественной ориентации на «левое» искусство. Конечно не сможет, ибо Никифоров сделал из него полубога, у которого нет никаких недостатков: все хорошо, все великолепно. Перед таким созданным самим критиком фетишем можно только кадить фимиамом и петь гимны и прославления. Между тем в процессе борьбы за соцреализм такого рода фимиам и гимны мало чему помогут. Таким мало полезным прославлением страдают и некоторые другие статьи, напечатанные в журнале.

В заключение несколько слов о статье т. Исакова о Бродском¹⁾ (№ 5, 1934). Вот уже, действительно, странная статья. Она вся построена по классическому методу: «с одной стороны нельзя не сознаться, а с другой нельзя не признаться». Прежде всего, он признает, что у Бродского имеется натурализм. Натуралистичность он находит в частности в картине «III конгресс Коминтерна» (стр. 16). Ну, раз признал, казалось бы, надо сказать, чем же натурализм отличается от соцреализма, и каковы пути его преодоления. Так нет же. Исаков начинает смягчать свои формулировки тем, что натурализм, собственно, был не

¹⁾ Разбирая статью Исакова, мы не решаем здесь вопросов оценки творчества Бродского. Это — тема особой работы.

продуктом определенного течения, а вызывался самими условиями пролетарской революции, которая, видите ли, в первые годы иначе не могла быть воплощена и выражена, как только в натурализме. Но вот теперь, мол, он недостаточен. «Натуралистический, с упором на детализованный, рисунок, творческий метод Бродского, диктовавшийся условиями первых лет революции, уже недостаточен в период построения бесклассового общества» (стр. 19). Это утверждение — более чем странно. Ведь еще десятки лет назад Маркс и Энгельс четко сформулировали понятие реализма. Борьба за социалистический реализм — лозунг, выдвинутый тов. Сталиным, — органически продолжает ту борьбу за реализм, которую вели Маркс, Энгельс и Ленин. Но появляется т. Исаков и авторитетно разъясняет, что до последних лет мы объективно должны были питаться натурализмом, и только теперь можно говорить о реализме. И для чего же все это? Для того, чтобы, с одной стороны, согласиться с критиками, утверждающими наличие натуралистичности у Бродского, а с другой, потихоньку объявить эту натуралистичность как «законного заместителя» реализма в первые годы революции, объявить ее «соцнатурализмом». Но — пусть простит нам т. Исаков! — это называется уже не критикой, а хиромантией. Никакого «соцнатурализма» нет и быть не может, — это должно быть ясно для нашей критики, если она правильно понимает лозунг соцреализма.

Все эти примеры показывают, насколько бесхребетны еще некоторые наши критики. На какое же уважение художников и зрителя могут они претендовать, если они не дают ни тем, ни другим ясной перспективы движения вперед, если они смертельно боятся малейшего критического замечания о творчестве того или иного мастера.

Задачей журнала являлась организация подлинно критических кадров, воспитание их на принципах марксистской партийной критики, которая не юлит, а серьезно и обоснованно разбирает положительные и отрицательные явления нашего искусства.

Либеральность и бесхребетность критики не только не позволили журналу действительно возглавить борьбу за социалистический реализм, но и ослабили бдительность в отношении вскрытия враждебных тенденций. Классовая борьба отнюдь не снята, и ее выражение в искусстве принимает сейчас неизмеримо более тонкие формы. Одной из таких форм является нарочито пессимистическая трактовка революционных тем. Внешне как будто все благополучно, — взяты актуальные темы: похороны товарища, забастовка, восстание и т. д. Но если внимательнее проанализировать, то скажется, что в ряде таких картин заложена глубокая пессимистичность, чисто экспрессионистический надрыв, который убивает волю к революционной борьбе. Критика журнала «Искусство» не смогла своевременно сигнализировать об этой тенденции. Больше того, в этой критике господствующим тоном стал тон полнейшего благополучия. Если т. Бескин на страницах журнала объявил войну формализму, то в печатаемых под его редакцией статьях проблема формализма оказывается совершенно снятой. «Реалистический путь нашей скульптуры лишь в незначительной мере отягощен формалистическими отклонениями. Их поверхностный характер и относительно скромная роль стали как бы традицией и оборотной стороной пластического самосознания советской скульптуры» — заявляет в обзоре скульптуры И. Хвойник (№ 4, 1933 г., стр. 160). Не мудрено, что после такого заявления в скульптуре все оказывается архиблагополучно. На самом деле элементы формальной стилизации значительно еще распространены в скульптуре: не обязательно ведь, чтобы формализм проявлялся в чистом беспредметничестве, можно дать сюжетную вещь, но решить ее с тенденцией к формалистичности.

Такого рода благополучно-либеральный тон, господствовавший в критике журнала, противоречит задачам подлинно партийной критики, и он привел к тому, что ни в оценке важнейших явлений нашего художественного фронта, ни в теоретической области журнал не смог занять подлинно боевой, ведущей линии.

Мимо внимания журнала прошли такие в частности факты, как выход книги Иоффе «Синтетическая история искусства», извращающей как проблемы наследия, так и вопросы развития советского искусства и опускающейся до меньшевистско-зиновьевской клеветы на партию, которая якобы вела беспринципную художественную политику, привлекая сначала «левых» для разгрома реалистов, а затем последних — для разгрома «левых».

Говоря о «левом фронте» и АХР, Иоффе пишет:

«Но мнимое господство и широкое распространение каждого из этих течений было для пролетариата тактическим ходом, маневренным привлечением одного для разгрома другого: такова была роль кубо-футуризма в период военного коммунизма как разрушителя импрессионизма и узкого бытоотражательского реализма; такова была роль реализма в восстановительный период как разрушителя абстрактного технологизма-формализма и носителя сюжетности и изобразительной тематики» (стр. 525).

Трудно придумать большее клеветничество, ибо прекрасно известно, что партия с самого начала последовательно ориентировала на борьбу за реалистическое искусство, о чем свидетельствуют указания Ленина и ЦК еще в эпоху военного коммунизма, об этом говорят и последующие партийные директивы, вплоть до лозунга тов. Сталина о соцреализме. Спрашивается, где же был наш единственный научно-исследовательский, критический журнал по вопросам изобразительного искусства, если он спокойно пропускал такие вещи. Далее. В 1933 г. вышла книжка Федорова-Давыдова: «Реализм в русской живописи XIX века».

В этой книге проводится извращенная, антиленинская оценка реалистического наследия XIX века, в частности революционно-народнических тенденций в искусстве, причем в своих нападках на реализм Федоров-Давыдов солидаризируется с реакционнейшей критикой А. Бенуа и других идеологов «Мира искусства», с одной стороны, и с другой — с меньшевистско-троцкистской оценкой ре-

волюционно-демократического искусства вообще. Спрашивается, разве не обязанностью «Искусства» было подвергнуть эту работу серьезной критике, раскрыть ее порочную основу и дать правильные установки в освоении наследия?

Но и здесь журнал сохранил полную «лояльность». Этих фактов нельзя объяснить ничем, кроме отсутствия у самого журнала твердой линии и большевистской бдительности, подмененной либерализмом и примиренчеством. А между тем в распоряжении редакции журнала была например статья, критикующая Иоффе и троцкистско-меньшевистские искусствоведческие теории, которую редакция не сочла нужным напечатать. Не были подвергнуты критике и вопиющие извращения марксизма в экспозиции Третьяковской галлерей. Вообще журнал не уделял никакого внимания работе художественных музеев. Так же мимо журнала проходила и работа по оформлению массовых празднеств и постоянному художественному оформлению городов. Все эти факты заставляют думать, что редакция журнала «Искусство» не считает важным разоблачать вредные теории, порою меньшевистско-троцкистского характера, не считает нужным бороться за чистоту художественной критики, за ленинское понимание искусства.

Что же получается в итоге?

В итоге получается, что:

в о - п е р в ы х, вместо того, чтобы решительно развернуть борьбу за социалистический реализм, за преодоление остатков формализма, которые продолжают еще существовать в нашем изобразительном искусстве под видом «левых» тенденций, журнал «Искусство» запутал само понятие соцреализма, дал возможность идеалистам попробовать подменить его понятием «внутренней» субъективной правды и старательно выдвигал «левых» художников, замалчивая в ряде случаев творчество реалистов;

в о - в т о р ы х, вместо того, чтобы разрабатывать наследие классиков реализма, журнал вел «сезаннистскую» ориентацию, которую нельзя оценить иначе, как потворство формализму, грубо извращающее художественную политику

партии и указания Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина;

в-третьих, в оценке наследия журнала предоставил свои страницы всевозможным извращениям меньшевистского характера, допустив опошление подлинно революционных сторон искусства Перова, Репина и др. Одновременно в журнале имело место идеалистическое восхваление мистико-религиозного искусства («Библейские эскизы» А. Иванова);

в-четвертых, журнал прошел мимо борьбы на теоретическом фронте и ни одного раза не снизошел до критики идеалистических и меньшевистских тенденций в области теории. Борьбу против идеализма и меньшевизма в теории журнал подменил гнилым либерализмом и печатанием в «порядке обсуждения» (статья Щекотова) или без обсуждения махрово-идеалистических или меньшевистских теориек;

в-пятых, журнал не мог поднять уровень критической работы и культиви-

ровал мало компетентную, поверхностно-апологетическую критику.

Конечно среди статей, помещенных в журнале, имеются бесспорно интересные и ценные работы, но в данном случае речь идет не об отдельных статьях, а о линии журнала в целом. А эта линия не может быть признана правильной. Журнал должен коренным образом перестроиться для того, чтобы выполнить стоящие перед ним задачи.

При отсутствии принципиальности, распылчатом либерализме и сильном крене в сторону, явно противоположную движению к соцреализму, — которые до сих пор являлись «ведущими» в журнале, — он этих задач выполнить не сможет.

Журнал должен взять решительный курс на подлинное развертывание борьбы за социалистический реализм, за правильное марксистско-ленинское освещение наследия и поднять принципиальность и качество своей критической работы.

2. ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПАЛЕХА

Ник. Зарудин, Бор. Пильняк

1

В Москве нельзя было достать билетов. Вагоны поезда превратились в московский клуб искусств. На двух станциях разных железных дорог — на станциях городов Шуя и Иваново — висели плакаты: «Добро пожаловать! Делегатов, приехавших на юбилей Палеха, просят обращаться туда-то». Автобусы понесли среди полей и лесов — шестьдесят километров от Иванова, тридцать от Шуи — по шоссе, трактором расчищенному от метелей. Автобусы шли до обыкновеннейшего русского села, расположившегося в обыкновеннейших российских пейзажах, обстроенного обыкновеннейшими избами, обставленного обыкновеннейшими овинами, — до Палеха.

Шоссе, к слову сказать, построено прошлой осенью, — до прошлой осени в

Палех пробирались на санях или телегах.

Село, к слову сказать, несколько недель тому назад перестало быть селом, став районным центром, — городом Палехом Ивановской Промышленной области.

В город-село приехало несколько сот делегатов — из Москвы и Ленинграда, с Украины, из области, — общественные деятели, художники, искусствоведы, писатели, среди них нарком А. С. Бубнов, секретарь обкома И. П. Носов, предблисполкома С. П. Агеев, Я. С. Ганецкий, Ю. М. Славинский. Телеграф принес несколько сот телеграмм — от предсовнаркома РСФСР Сулимова, от Емельяна Ярославского, от Шверника, от Милютина, от Горького, от Станиславского, Немировича-Данченко, Мейерхольда, Таирова, Демьяна Бедного, Кроме всех художнических

организаций, Палех приветствовали Союз писателей СССР, «Правда», «Известия», «Новый мир», «Красная новь», «Наши достижения».

Был голубой от солнца и снега день необыкновенного народного праздника, который длился двое суток под ряд, когда двое суток под ряд люди не ложились спать. Кроме приехавших со станций на автобусах, на праздник пришли и приехали на развалажках соседние деревни и села. С утра над селом летали три аэроплана, которые сначала разбрасывали над толпами первый номер палехской газеты «Трибуна Палеха», а затем поднимали в воздух знатнейших палешан. Когда аэропланы садились на землю за выгоном, соседние овины проваливались под сотнями ног стара и млада, и сотни людей бежали от площади, от каруселей, от оркестра на выгон. Весь день по селу гремел медный оркестр. Карусели бесплатно катали детишек. По селу расставлены были ларьки с книжками и со сладостями. Под аэропланами по селу устраивались рысистые колхозные ристалища.

В час дня торжественно открылся Государственный Палехский музей. Книгу записей музея обновил нарком А. С. Бубнов, написавший всего два слова: «прекрасный музей!», — и музей на самом деле прекрасен. У порога музея делегатов встретили залпы фотографов и кинодеев. Кроме музея, были открытия двух выставок — в церкви, которая превращена в музей и на самом деле является музейной редкостью, где демонстрировались декорации, написанные палешанам, и вторая выставка — станковой палехской живописи и художественных изделий соседних сел. Под вечер в Доме культуры началось торжественное заседание. К двойм палешанам — к Баканову и Голикову, — уже имевшим звание заслуженных деятелей искусств, прибавились еще трое заслуженных — Вакуров, Котухин и Маркичев. Правительство РСФСР сообщило телеграфом о субсидии в сто тысяч рублей на организацию художественного техникума. Правительство области засвидетельствовало, что, если к горо-

ду Палеху, который месяц тому назад был селом, до прошлой осени можно было добраться лишь по речке, то сейчас Палех будет обладать своим автомобилем. Уже построена — на самом деле прекрасная — столовая на триста человек, гостиница, будут выстроены баня, звуковое кино, новые магазины, так, чтобы через два года Палех стал прекрасным и подлинно социалистическим городом. Так засвидетельствовали власти области. Общественными организациями дарилась библиотеки, картины, научные командировки и путевки на Кавказ для изучения миниатюр и фресок, для отдыха. Сейчас же за торжественным заседанием все сказанное на празднестве и заседании транслировалось через Москву, через радио Коминтерна всему миру, из Палеха непосредственно, из палехского Дома культуры. И был банкет сразу в двух домах, где народное хоровое пение смешивалось с джазом, впервые звучавшим в Палехе. И были балы и концерты. И все село не спало две ночи.

2

Так праздновалось десятилетие Палехской артели художников.

Заслуженный деятель искусств, малограмотный человек, гениальный художник Иван Иванович Голиков, в интервью, данном им для первого номера «Трибуна Палеха», рассказывает:

«... Искусство, зародившееся в Палехе, исчисляется столетиями. Наши отцы, деды и прадеды всю жизнь писали иконы и производили живописную отделку храмов. Кисти и краски передавались от поколения к поколению. Иконописное дело для большинства из нас являлось, как выражаются, насущным куском хлеба. Работа по заказу хозяйина ограничивала наши творческие порывы. За свою жизнь приходилось писать сотни раз одного и того же «Николая-чудотворца». Вложить в лик святого что-нибудь от себя, — это рассматривалось, как богохульство. Работа сводилась к трафарету, без всяких художественных затей. Правда, были из нас и такие, которых игра красок увле-

кала за пределы икон и церквей. Такие вдохновенные художники считались неудачниками. Злясь на свое бессилие и не получая ниоткуда поддержки, они часто успокаивали себя вином и спивались...»

Октябрь сдал «богомазов» в ненадобность. Голиков говорит: «... Мы, художники-иконописцы, оказались в пиковом положении... Многие безнадежно махнули рукой на художественное ремесло и считали его похороненным навсегда. Но я не верил в это и часто думал так: «Неужели мы, со своими кисточками и красками, не можем быть полезными нашей трудовой власти? И вот стал я присматриваться. Много изменяет советская власть. Буржувс сажает в тюрьмы, конфискует их богатство, а художественные музеи не трогает. К тому же вижу, появляются новые картины и плакаты. Из этого я заключил, что искусство, значит, у коммунистов в почете. А где наше место в революции — я долго не мог его определить...»

«... Попал я раз в Москву. Увидел в Кустарном музее расписанные коробочки из папье-маше. Уцепилась у меня мысль за эти коробочки. Думаю: «Вот бы нашим палешанам суметь такие штучки откальвать. Все бы с делом были и вздыхать бы перестали!»

Разыскали мы с товарищем заведующего музеем и стали говорить по поводу сырья для пробы. Но когда он узнал, что мы — бывшие богомазы, и говорить с нами не стал...»

У приятеля Голикова оказалась фотографическая ванночка из папье-маше. На дне этой ванночки Голиков «золотами», как он выражается, и серебром написал много птиц и зверей. Он понес эту коробочку для пробы в тот же кустарный магазин, в тот, что на Леонтьевском.

Одобрили.

Дали полуфабриката.

Эта первая работа Голикова, написанная на дне фотографической ванны, ныне хранится в музее.

Эта первая работа Голикова оказалась фундаментом Артели палехских

художников, известной ныне не только Союзу, но на всем земном шаре.

Эта первая коробочка породила тот юбилей, который описан выше.

3

13 марта 1935 года праздновалось десятилетие Палехской артели живописи, искусство которой признано одним из прекраснейших и необыкновеннейших явлений, созданных революцией, это подлинно русское искусство, которое не существовало до революции, которое пряталось в омертвелости иконописи и было революцией оживлено и осмыслено, праздновалось десятилетие, которое оказалось большим, чем годы палехской древности от XVII века до 17-го года.

На самом деле, в трехстах километрах от Москвы, в тридцати километрах от железной дороги, — не один, не два, но несколько десятков, с сотнями учеников, с громадными мастерскими, с государственным художественным техникумом, с государственным музеем, который открылся 13 марта 35-го года, — живут художники, обединенные в артель, в ту артель, которая родилась по инициативе Ивана Ивановича Голикова, которая первой продукцией своей имеет миниатюру, сделанную на фотографической ванне из папье-маше. Работы этой артели сейчас хранятся во всех лучших музеях СССР и за ними охотятся лучшие музеи земного шара. По поводу работ артели написано, кроме языков СССР, на всех культурных языках человечества. В старой России это село не принадлежало искусству, умершему в нем за двести лет до революции. В нем жили крестьяне-ремесленники, крестьяне-отходники, иконописцы, называвшиеся иронически и полупрезрительно «богомазами». Эти отходники ездили по старой России и стандартно, по трафаретам, расписывали церкви николаями-угодниками, саровскими серафимами, казанскими и прочими божьими матерями и прочими богами и святыми. Это было только ремесло, — одни писали только лица, другие платья, третьи землю и горы,

четвертые небо. В самом селе Палехе проживал «хозяин» Сафонов, содержавший мастерские, опиравшиеся на бога, в которого ни один «богомаз» не верил, и на плетку, — о сафоновских порках рассказывают предания до сих пор, причем бог так чтился, что — избежи бог вообще писать этим иконописцам «светскую» живопись, а в частности пишущему «лики» рисовать

тия трафареты и стандарты владимиросуздальского иконописного мастерства, навыки и эстетику Андрея Рублева. Законсервированное стандартами, умершее при императорах, капитализированное Сафоновыми, мастерство иконописцев было донесено до семнадцатого года. Девятьсот семнадцатый год сдал богомазное искусство в ненадобность вместе с богами и серафимами саров-

Заслуженный деятель искусств т. Баканов со студенткой профессиональной школы т. Баженовой

облака и платья, — порка удваивалась! Мальчики, в том числе и Иван Иванович Голиков и Иван Михайлович Баканов, заслуженные деятели искусств СССР, начинали обучение и жизнь у Сафопова с семилетнего возраста, на всю жизнь оставались у него «должниками», и Голиков помер бы нищим, если бы его не спасла революция. Село Палех было некогда монастырским селом. Иконописный промысел был родовым промыслом, передававшимся от отцов к детям. Промысел возник у села во владимиросуздалскую эпоху русской истории и пронес через столе-

скими, вместе с императором, дворянами и капиталистами. Крестьяне и ремесленники пошли в революцию. Заслуженный деятель искусства Иван Иванович Голиков, засл. д. и. Иван Михайлович Баканов, з. д. и. Иван Петрович Вакуров, з. д. и. Иван Васильевич Маркичев, з. д. и. Александр Васильевич Котухин, художники Алексей Иванович Ватагин, Аристарх Александрович Дыдыкин, Дмитрий Николаевич Буторин, Павел Львович Парилов, Иван Иванович Зубков, Николай Михайлович Зиновьев, — эти знаменитейшие и почетнейшие фамилии современного искус-

Заслуженный деятель искусств т. Голиков за работой.

ства СССР были в Красной армии и дрались на гражданских фронтах. Вернувшись с гражданской войны — до дней фотографической ванны Голикова — совершенно безызвестные люди, похоронив свое ремесло, малярничали, плели лапти, пахали, расписывали декорации провинциальных театров, разошлись по российским пространствам, забыв об иконописи.

4

И — возникло новое искусство.

В горно-рудной промышленности и в химико-аналитических лабораториях знают, что в тиглях, где плавятся новые сплавы, или при разложении минералов, в качестве отбросов, иной раз возникают совершенно неожиданные соединения, которые никто не искал и не подозревал, прекрасные и необходимые. Иван Иванович Голиков, Иван Михайлович Баканов, Иван Иванович Зубков были в жизни и в революции, и они, кустари и ремесленники, никак не почетного промысла, никак не были — ни во внимании эпохи, ни на

волне ее. Их промысел был выкинут за ненадобностью и в презрении, но мастерство их села осталось в их пальцах и в их глазах. Глаза их и руки были развязаны. Они сумели увидеть революцию. Из конгломерата дней пролетарской революции и Андрея Рублева получился неожиданный и прекрасный сплав. Наш суровый, боевой пролетарский век выглянул из-под кисти палешан народной радостью, весельем, умением, поэзией, — сказкой. Иван Иванович написал зверей и птиц на дне фотографической ванны. Он получил заказ и приехал в Палех, чтобы позвать для работы товарищей. Десять лет тому назад в Палехе возникла артель. Писали: деревенские будни, петухов, заседания сельсовета, гражданскую войну, соседний трактор. Голиков сообщил:

«... гулянка, хоровод, пляска, виртуозность во время пляски парня или девки. В отдаленности где-то гармошка. Запечатлеваю отголоски: какое настроение. Выгон скота — утром, вечером — игра пастуха в рожок. Базар. Рыбная ловля. Пьяная компания, сам в ней. От настроения слезы катятся. Детские игры. Бедность действительных бедняков, а не притворных. Зимние вечера, когда поет жена. В особенности много «троек». Люблю писать лихих троек. Даже набрасываю рисунок, когда поет жена: вот мчится тройка удаляя вдоль по дороге столбовой. Много переписано битв, потому что сам был участником боев, и, видя кавалерийские схватки и битвы, пожары городов, деревень, ужас беженцев, детей, стариков, — все писал».

Голиков, вместо Георгия-победоносца, жалящего дракона с белого коня, написал Семена Михайловича Буденного на красном коне в буденновском шлеме, жалящего гидру контрреволюции. Мастерство и традиции Андрея Рублева ожили, на свободе возникло искусство. Баканов, вместо богоматери с Иоанном, написал двух — его и ее — под золотым солнцем, среди рублевских гор, в окружении синих и розовых барашков и облаков. Работа была названа — «Первый поцелуй». Мастерство и традиции Прокопия Чирина не умерли.

Возникло искусство. Котухин написал заседание сельсовета мастерством и экспозициями тайной вечери. — Сказка! — прекрасное искусство.

Как всегда в большом искусстве, не все его загадки разгаданы, конечно, но Палех завоевал себе не только равноправие, но совершенно самостоятельное место в искусстве СССР и, стало быть, в искусстве мира.

5

Революция отобрала двухэтажные пробо-домовины у кулаков и передала их артели художников. Мастерские Сафонова, где некогда сидели «богомазы», придавленные потолками, где харкали туберкулезом, где пороли учеников, — они уничтожены и остались лишь в недоброй памяти. Мастерские переместились в хоромы Сафонова, в простор и свет. У окон столы, за столами художники. То прекрасное, что склоняет головы всех на земном шаре, понимающих искусство, делается на этих столах, в комнатах, где вокруг мастеров сидят ученики. Краски, которыми пишутся тончайшие миниатюры, разведены на яичном желтке и разлиты по деревянным ложкам. Кисти из беличьего хвоста самодельны. Золото, наносимое на краску, перед тем, как пойти под лак, полируется коровьим или волчьим зубом. Там, где мельчайшая работа недоступна глазу, там употребляется лупа. Мастера сидят в валенках, в кацавейках, в рубахах, и в комнатах пахнет махоркой. Мастера по внешности мало отличаются от крестьян соседних сел. И бывает, что, когда надо в миниатюре написать тот или иной текст, мастера совещаются, недоумевают, — пишут прекрасной вязью, но выписывают орфографические ошибки.

Но Палех сейчас — не только миниатюра. Как всякое большое искусство, оно растет в будущее. Палех сейчас — это фрески, разбросанные уже по лицу СССР, в частности в Ленинградском Доме Красной армии, фрески, которым конечно принадлежит громадное будущее. Это — театральные декорации. Это — книга академических изда-

ний. Это — громадное дело! — роспись фарфора. К десятилетию Палеха выпускаются лучшие в СССР папиросы, под названием «Палех», с этикетками, сделанными палешанами.

Как у всякого большого искусства, — у Палеха смена.

У Палеха есть школа, ныне переоборудуемая в художественный техникум. В этой школе учатся двести учеников. И эта школа дала уже смену, — Павел Баженов, Александр Баранов, Федор Каурцев, Дмитрий Турин, — эти четверо, молодежь, стали в ряд лучших палехских стариков. И при этом эти люди прекрасных рублевских живописных традиций так же самобытны, индивидуальны и не похожи друг на друга, как и старшее поколение: Баканов, Вакуров, Зиновьев, Дыдыкин, Маркичев, Голиков.

Революция создала из безвестных «богомазов» плеяду прекрасных художников. Советский Палех, пролетарская работа человеко-обогащения выплавил Голикова, Баканова, Маркичева, Вата-

Художник Палеха — т. Зиновьев

гина, И. Зубкова, Зиновьева, Буторина, Котухина, Дыдыкина, Парилова и многие другие имена, в том числе и молодежь.

6

На помощь пришли — революция, партия, государство. Как? — об этом рассказано выше, когда рассказывалось о праздновании юбилея.

На самом деле — следует гордиться за страну, так создающую и так чествующую искусство.

На самом деле — следует гордиться теми поистине неисчерпаемыми пластами гения, что таит в себе народ, защитивший гениальнейшую и победоносную революцию и ныне переплавляющий память своих прошлых веков, свое настоящее и ожидание грядущего в чудесные сплавы искусства.

Десятилетие Палеха — это не только праздник искусства, это пролетарский праздник многообразия, щедрости и оригинальности народных дарований.

Десятилетие Палеха — это честь пролетарской революции, переплавившей в своей домне, оформившей и оборудовавшей исторические «отбросы».

Голиков рассказывал:

«... Правда, были из нас и такие, которых игра красок увлекала за пределы икон и церквей. Но это увлечение сопровождалось трагизмом. Отсутствие образования не обеспечивало успеха. Такие вдохновенные художники считались неудачниками. Злясь на свое бессилие и не получая ниоткуда поддержки, разочарованные, они часто успокаивали себя вином и спивались...»

Свое интервью в «Трибуне Палеха», наивнейшее и вместе с тем блестящее, Голиков заканчивает следующими фразами:

«... Жизнь наша теперь становится красивой, как наши картины и коробочки. Революция наш нудный штампованный иконописный труд переключила на большое, свободное творчество. Нет теперь вдохновенных художников-пьяниц. Они стали лучшими мастерами, и им присваивают звание заслуженных деятелей искусств...»

Прекрасный и наивнейший Голиков высказал замечательную мысль: все талантливое в «иконописном» Палехе обречено было на гибель, то талантливое, что ныне поднято революцией и окружено честью. И это не только в Палехе, а во всех столкновениях старой и новой пролетарской России. И вторая мысль: то, что в «богомазном» Палехе было мечтой и сказкой, в социалистическом Палехе есть реальность, замечательная, как сказка.

На самом деле — празднование десятилетия Палехской артели, с точки зрения старого Палеха, — разве это не сказка? — разве это не сказка, когда нарком Бубнов ходил с визитами к бывшим безвестным «богомазам», поздравляя их, и они угощали его студнем и солеными огурцами, поднося ему почетную чару? — разве это не сказка, когда над селом летали самолеты, поднимали почетнейших художников в воздух и сбрасывали с неба свою собственную палехскую газету, заполненную статьями художников, сельско-художественную газету? — разве это не сказка, когда из глухого села радио говорило всему миру о празднике села-художника? — разве это не сказка, что село не спало ночи на концертах, на балах и банкетах — и в селе не было ни одного пьяного?

Разве это могло быть в старом Палехе!?

7

Следует сказать читателям «Нового мира», что первые обстоятельные очерки о Палехе появились в 27-м году на страницах «Нового мира», — это были работы Ефима Вихрева.

В дни торжественных заседаний, перед началом торжеств, всегда почитают память погибших в чести, тех, кто своею жизнью помог торжеству. Торжественное заседание в честь десятилетия Палеха началось торжественным вставанием в память Ефима Вихрева.

Первый, кто печатно заговорил о Палехе, осмыслил его, раз'яснил, рассказал о нем Союзу и всему миру, был — ивановский пролетарий, коммунист Ефим Вихрев. Все, кто имеют предста-

вление о Палехе и палехском искусстве, знают и чтут это имя, ибо вся писательская работа Вихрева связана с Палехом, ибо без писательских работ Вихрева Палех не был бы тем, что он есть. Шуянин Вихрев, то-есть человек из города суровых ткачей, пролетарий, рабфаковец, родившийся в 901-м году и член партии с девятнадцатилетнего возраста,—через шуйских и ивановских ткачей,—он создал понятие пролетарского рыцаря, ибо он на самом деле был рыцарем Палеха. В январе этого года, 2 января, Ефим Федорович Вихрев умер. Он ездил в Палех организовать юбилей, там захворал, перевезен был умирать в Шую, похоронен по единодушному желанию всей области в Палехе. В дневнике Вихрева осталась записать:

«За гранью Палеха—юность. Я готовился к Палеху двенадцать лет. Я искал его всю жизнь, хотя он находился совсем рядом, — в тридцати

верстах от города Шуи, где я рос и юношествовал. Чтобы найти его, мне потребовалось отмахать тысячи верст, пройти сквозь гул гражданских битв, виснуть на буферах, с винтовкой в руке появляться в квартирах буржуазии. Вместе с моей страной я мчался к будущему. Мне нужно было писать сотни плохих поэм. Я рвал их, мужая. Я негодовал и свирепствовал. И, пройдя сквозь все испытания юности, на границе, я нашел эту чудесную страну...»

Революция создала не только прекрасный Палех, но она ж создавала и создает прекрасных рыцарей-пролетариев, чему свидетельство—Ефим Вихрев, рыцарь Палеха, пролетарий и коммунист.

Высокая честь Ефиму Вихреву!..

8

Да здравствует социалистический Палех!

11 марта 1935.

3. ВЫСТАВКА ЭСТОНСКОГО ИСКУССТВА

К. Ситник

Открывшаяся 7 марта в Москве 1-я выставка эстонского искусства, организованная по инициативе ВОКС и Всекохудожника, включает в себе около 160 экспонатов, главное место среди которых занимает живопись, слабее представлена скульптура и совсем недостаточно — графика.

На выставке представлены все течения современного эстонского искусства, начало которого относится ко времени получения Эстонией национальной независимости.

Выставка является новым звеном в цепи культурного сближения СССР со своими западными соседями и ознакомления советского зрителя с современным западным искусством.

Кроме этого общего значения, кроме демонстрации роста эстонской культуры,

выставка эта интересна и со стороны чисто художественной. Она много дает для понимания развития современного западного искусства и может служить яркой иллюстрацией к сложившейся у нас общей точке зрения на развитие современного зарубежного искусства. На примерах эстонской выставки наглядно можно проследить все общие закономерности эволюции современного буржуазного искусства. Таковыми являются ограниченность и узость тематического охвата действительности, безразличие к тематике, отказ от больших идей и проблем в искусстве, отказ от показа современной жизни, перенесение центра тяжести в искусстве с содержания на форму, на освоение не действительности, а самих средств выражения искусства, уход в решение чисто формальных задач, в техно-

логию; важно не отражение предмета, но важна сама по себе живописная форма.

Обращаясь к экспонатам выставки, надо отметить двух старейших мастеров эстонского искусства, сложившихся еще до национальной независимости страны: портретиста Антса Лайпмана (род. в 1866 г.) и Христиана Рауда (р. 1865 г.). Лайпман представлен на выставке 3 портретами. Его произведения близки нашему «Миру искусства». Выставленный портрет К. Герман напоминает портреты Бакста. Лайпман работает также и над пейзажами. Он пользуется большой популярностью в Эстонии как организатор и руководитель художников.

Христиан Рауд использует мотивы народного творчества для своих монументальных декоративно-стилизованых символических композиций. На выставке он представлен большим полотном «Сватовство» и 3 рисунками-иллюстрациями к национальной поэме «Спящий Калевипоэг», по трактовке темы близкими к искусству финляндского художника Голена.

Основное ядро современных эстонских художников сложилось под непосредственным влиянием французского искусства. «Париж не был только лозунгом, — пишет эстонский критик Ханно Компус, — а реальным местом, где складывалась их художественная индивидуальность» Из этих художников в первую очередь следует назвать пейзажиста Конрада Мяги (1878—1925). Мяги — кубист по своему творческому методу, но кубизм у него имеет чисто декоративное значение, служит средством для разложения картины на множество ярко-красочных плоскостей. Приемами такого же декоративного кубизма работает и А. Ваббэ, у которого постепенно динамика кубизма перерастает в экспрессионизм. Дальнейшим развитием этого крыла является переход от образительности к абстрактной живописи.

Самым интересным из живописи являются пейзажи той группы художников, которая как по своему мирозерцанию, так и по творческому методу близка французским эмоционалистами, лири-

кам — Утрилло, Вломинку, Фризу и др. Это течение является как бы реакцией против беспредметного, насковзь умственно-рационалистического, абстрактного искусства конструктивизма. Оно старается сохранить чувственную сторону действительности, эмоциональное, непосредственное ощущение ее; отсюда его близость экспрессионизму в его французском варианте. Все эти художники — большие мастера колорита. К этой группе нужно отнести городские пейзажи Н. Кулля, работы К. Лутс, Э. Лепса, В. Ормиссона, Ю. Пютсепа, Ю. Ныммика, Г. Рейндорфа и А. Кеснера. В работах этих художников есть непосредственное чувство действительности, ощущение атмосферы города, чувство природы. Близок этой группе по духу своих картин талантливый К. Лайман, представленный портретами (из них особенно выделяется портрет А. Бах) и жанрами.

Следует отметить портреты экспрессионистов Олеи Иохонсена, в последних работах которого намечается переход к неоклассицизму («Лето»).

Эстетизированный, осолоненный импрессионизм, где пестрота и яркость красок имеют самодовлеющее значение, дают работы Адамсон-Эрика и Грюнберга. Сюда же нужно отнести декоративный пейзаж, культивизируемый худ. Янсенем Бурманом, пейзажи старого мастера Трейка, исполненные в академическо-декоративной манере. По принципам декоративизма сюда следует отнести работы театрального художника Р. Ниймана, и ярко-декоративные пейзажи, напоминающие нашего Сарьяна по яркости красок, П. Арена.

Особое внимание заслуживает скульптура выставки. Выразительны по реалистичности воспроизведения объема и чувству материала работы Коорта; близок к нему Ю. Раудсеп; экспрессионизм в скульптуре представлен В. Мельником, декоративная скульптура А. Старкопф. В целом все скульпторы в своих последних работах начинают тяготеть к классике.

Графика на выставке представлена совсем мало. Среди представленных работ

обращают на себя внимание рисунки И. Куммита, близкие по своему содержанию к работам группы художников эмоционалистов-пейзажистов. Реалистичны и выразительны портреты-рисунки Трейка. Эклектичное сочетание реализма и Коро дает А. Иохони; талантливый мастер гравюры Э. Виральт в своем экспрессионистическом

искусстве сочетает современность со средневековой мистикой. Неоклассицизм в гравюре представлен творчеством А. Лойго.

Выставка заслуживает тщательного изучения советским зрителем, особенно со стороны художественного мастерства и тщательности исполнения.

4. МИСТИФИКАЦИЯ

(Лермонтов и Оммер де-Гелль)

П. Попов

Раскрыв томик, изданный «Academia», «Оммер де-Гелль. Письма и записки» (1933 г.), читатель может прочесть на стр. 207: «Я просто влюблена в Н—а или, правильнее, в Н—у. Удивительно, какие она туалеты делает, и я принуждена им вторить. Ей надевали шелковые ажурные чулки, вышитые на подеме. Ее чудные ноги были обуты в розовые атласные башмачки, совершенно остроконечные. Когда я вошла в комнату, уже переодетая мужчиной (я была одета амуром Людовика XV), она себе велела подать зеленые, как мои, надела их и велела дать пряжки из чудных, большущих бриллиантов. Их можно носить, как гребенки, над локонами, бриллианты были так хороши, что заставляли мечтать о себе. Я невольно преклонила колени и стала молиться на них. В это время расстреливали виновных. Н—н каждый раз подходил к окну и стрелял по этим несчастным. И все это из-за непосянного картофеля... Трех расстреляли, шестнадцать человек кнутом наказали, отправляют на каторгу в Сибирь, восемь человек сквозь строй прогнали». Это сообщает Оммер де-Гелль в «Дележ 15 марта 1839 г.

На следующих страницах читатель может найти вещи посильнее. Оммер де-Гелль описывает свое пребывание в Екатеринославе и передает рассказ своего знакомого, князя Б.

«М-сс Сквейрс, которая держит свой белошвейный и модный магазин здесь в переулке, была завалена заказами к

светлому празднику. Наступил праздник, заказанное белье было не готово, работницы отказались от работы или потому, что не хотели вовсе работать на самое светлое Христово воскресение, или потому, что действительно были изнурены. Англичанка их перехлестала хлыстом, и, в силу своего права заставлять их работать, как и когда ей угодно, она принудила их очищать ямы, то-есть употребила своих работниц в качестве золотарей... Мы подошли к открытому окошку: масса девок, с запачканными лицами, все тело покрыто нечистотами; они бежали вразброд по двору. М-сс Сквейрс бежала вдогонку за ними. Шесть дворников и кучеров с кнутами и палками в руках жестоко валяли по спине и плечам. М-сс Пенелоп подбежала, как Тальони в «Сильфиде», юбка из белого муслина, поднятая до колен, — это чрезвычайно было кокетливо, я вам даю слово, — порхая своими чудными ножками, обутыми в черный атлас, и, чтобы их не загрязнить, перелетая на цыпочках. Она ударяла работниц по головам своим волшебным жезлом (железным аршином) и стремительно накидывалась на них, как арабская кобыла, когда забьют тревогу. Она скоро собрала всю разбежавшуюся массу своим пастушеским посохом, и девки, прихрамывая, пошли на работу, разнося по двору страшное зловоние» (224 — 225).

Насторожившись при чтении всех этих странных ужасов, читатель далее переходит к рассказу одного управляю-

щего, француза, который очень понравился путешественнице Оммер де-Гелль.

Он рассказал об одной девятнадцатилетней беременной девушке, незаконной племяннице генеральши-хозяйки:

«Я распорядился высечь ее плетью: язык стал более развязным. Она мне призналась, что находилась несколько времени в связи с сыном генеральши, который только-что был произведен в офицеры.

... Я начал хлестать ее по плечам плетью вроде молота, которая произвела настоящее действие. Плеть развязала ей язык. Она призналась, что уже год спала со своей хозяйкой. Затем рассказ вдруг оборвался; я видел, что девушка имела сказать вещи более важные, но не осмеливалась их высказать. Я ударил ее несколько раз кнутом, и девушка призналась, что она и м-сс Пенелоп обожают друг друга. Но что они покаялись перед евангелием никому не выдавать этой тайны: ни генеральше, ни молодому человеку, никому на свете» (282—284).

Следующие страницы книги могут уже совершенно оглушить подавленного читателя. Оммер де-Гелль рассказывает о том, как ей пришлось спешить в сопровождении казака, ей приглянувшегося, с кучером, который сбился с дороги.

«Казак наконец устал от бесплодных расспрашиваний злополучного кучера и начал бить его по плечам длинным кнутом, который из предосторожности всегда носил за поясом. Я настаивала на том, что, раз уж наказание началось, следует его продолжать до тех пор, когда преступник станет лучше и смягчиться. Минуту спустя наказание кнутом возобновилось с такою же грубостью и жестокостью, как и вначале. При виде наказания я испытывала неизъяснимое смятение: я чувствовала в сердце какую-то тоску, а между тем я ее не имела. Ласки, расточаемые моим казаком, проникли в мою кровь. Я следила за правильным движением кнута, ударяя в такт своеюравною ногой, как высказался Альфред де-Мюссе в стихах, мне посвященных... Удары кнута сыпались, подобно граду, я придавала им темпо аллегровиваче, смешанное с кресчендо и форто-фортиссимо, и руководила ими опыт-

ною рукою ...Воздух пропитался кровью. Я чувствовала на губах какое-то странное ощущение, как будто бы вкус омертвелою тела» (291—292).

Вся эта порнографическая галиматья представлена в качестве писем и записок поэтессы-французенки, проехавшей по югу России в конце 1830-х гг. и писавшей своей подруге и ряду других лиц.

Оммер де-Гелль — лицо, известное в литературе; ее перу принадлежит томик стихотворений и описание путешествия по России, опубликованное в 1860 г. Она же участвовала в трехтомном труде своего мужа, геолога, производившего разведки на юге России и выпустившего на французском языке «Степи Каспийского моря, Кавказ, Крым и Южная Россия» (Париж, 1843 — 1845). Если прочесть эти книги, то можно легко убедиться, что они вполне благопристойны, представляли в свое время несомненный интерес для заграницы, что оба супруга хорошие наблюдатели и что Адель Оммер де-Гелль, не обладая особым поэтическим даром, умела однако довольно живо и вполне корректно рассказывать о своих впечатлениях. Между тем текст, выпущенный издательством «Academia», опубликован в виде сборника, подготовленного к печати самой Оммер де-Гелль.

Более или менее внимательный читатель сразу чувствует, что здесь фальсификация, что все эти записки и письма — «фальшивки». Н. О. Лернером в мае 1934 года был прочтен специальный доклад в Институте русской литературы в Ленинграде; им был установлен псевдо-мемуарный характер книги Оммер де-Гелль.

Мы хотим привести несколько примеров, показывающих, что мы имеем дело с совершенно определенной и беззащитной мистификацией.

На стр. 72-й книги напечатано письмо Оммер де-Гелль от 14 ноября 1833 г. из Парижа, в котором де-Гелль сообщает о только-что состоявшемся своем знакомстве с Александром Ивановичем Тургеневым. Можно было бы приветствовать это знакомство, но—увы!—оно никак не могло состояться. А. И. Тургенева не могло быть в то время в

Париже, ибо известно подробное, дневникового характера, письмо А. И. Тургенева Вяземскому и Аржевитинову, в котором Тургенев сообщает, что 13 ноября 1833 г. он выехал из Болоньи, а 14 ноября находился на высотах Аппенинских гор («Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским». Том I, 1814—1833 гг. Изд. Академии наук. 1921. Стр. 368 — 369).

В псевдо-мемуарах Оммер де-Гелль рассказывает, что она сделалась помещицей. Сообщения о поместьях Оммер де-Гелль сбивчивы. На стр. 210-й речь идет о 1.000 десятинах на Буге, в 80 верстах от Одессы, недалеко от Аделаидина. Письма же из самого Аделаидина перемежаются с письмами из Екатеринослава, причем свои бумаги по имени Оммер де-Гелль скрепляет в Верхнеднепровске (Екатеринославской губ.). (Стр. 207). Но по Екатеринославской губернии Буг не протекает вовсе. Все это можно было бы еще объяснить неточностью рассказа и бестолковостью Оммер де-Гелль, ибо письма весьма сбивчивы; из них даже можно вычитать, что Оммер де-Гелль владела двумя именьями, правда, смежными. Однако мистификация с именем легко вскрывается из приложенного к запискам документа — «доверенности, выданной Оммер де-Гелль крестьянину П. Г. Огренью», якобы явленной в Екатеринославской палате гражданского суда (стр. 405). В документе значится, что Огрень — крестьянин Ефремовской округи, селуца Аделаидино, Богдановка то ж. В Екатеринославской губернии имеются девять деревень под названием Богдановка; но по «Списку населенных мест Екатеринославской губернии» легко убедиться, что никакого Аделаидина нет, а главное, что никогда в Екатеринославской губернии не существовало никакой Ефремовской округи, потому что под названием Ефремовка в Екатеринославской губернии известна лишь небольшая деревушка в 17 дворов (по статистическим данным 1859 г.). (Аделаидино могло быть названием неустойчивым, данным самим владельцем.)

Третий и последний документ, выдающий мистификатора с головой, — это

единственный якобы автограф Оммер де-Гелль, помещенный факсимильно в книге на стр. 456. Этот автограф писан рукой князя Павла Петровича Вяземского, сына приятеля Пушкина, поэта П. А. Вяземского. Как явствует из редакционной статьи «О составе и характере издания», материал публикуется по переводу, хранившемуся в архиве Вяземского. Кроме этого «перевода», писанного рукой переписчика в двух больших тетрадах, сохранился факсимильно воспроизведенный автограф. Автограф этот — дневниковая запись, писанная от лица Оммер де-Гелль. Поскольку из сличения его с почерком П. П. Вяземского явствует, что автограф писан им, то обращает на себя внимание характер этой записи: целые фразы в нем зачеркнуты, вставлены отдельные слова, и вся запись представляет характер черновика. Если предполагать, что Вяземский был лишь переводчиком французского текста, то был бы понятен черновой характер русского текста. Но если французский подлинник писан самой Оммер де-Гелль, то как бы мог Вяземский обрабатывать его, меняя слова и целые фразы?

Автором всех материалов является не кто иной, как П. П. Вяземский, как об этом говорил Н. О. Лернер в своем ленинградском докладе. (Кроме этого вывода, у нас нет сведений об аргументации Лернера.) Это подтверждается мемуарами покойного секретаря П. П. Вяземского — Е. Опочинина. В части этих мемуаров, подготовленной к печати, Опочинин рассказывает о том, что в конце жизни Вяземский работал над романом с любопытной фабулой, в котором героиней является Оммер де-Гелль.

Особенное значение мистификации в том, что она уже более 50 лет вводит в заблуждение русскую литературу, сообщая ложные сведения о нашем поэте Лермонтове. Появившийся в печати текст не совсем новинка для русской публики. Четыре письма из нашего собрания были опубликованы самим П. П. Вяземским в «Русском архиве» (1887, № 9). В них идет речь о знакомстве Оммер де-Гелль с Лермонтовым; одно из писем содержит французское стихотворение Лермонтова, посвященное Ом-

мер де-Гелль. Публикация была сделана Вяземским в солидном органе — «Русском архиве». С тех пор это стихотворение Лермонтова неизменно включается во все полные собрания сочинений поэта, начиная с собрания сочинений Лермонтова под редакцией П. А. Висковатова и кончая собранием его сочинений, изданным Академией наук. Сведения о знакомстве и увлечении Лермонтова Аделью де-Гелль мы находим во всех биографиях Лермонтова, а письма Оммер де-Гелль о Лермонтове были не так давно перепечатаны в виде приложения к «Запискам Е. Сушковой». («Academia». Л. 1928.)

Невольно должен был встать вопрос: если вся рукопись с мнимыми записками Оммер де-Гелль — фальшивка, то ставится под сомнение как знакомство Лермонтова с Оммер де-Гелль, так и стихотворение, к ней обращенное. Тотчас по опубликовании писем о Лермонтове в «Русском архиве», в редакцию этого журнала поступило опровержение со стороны Эмили Шан-Гирей, которое было опубликовано в одиннадцатом номере журнала. Опровержение однако пошло по особому пути. Вопрос о подлинности документов не был поставлен. Шан-Гирей настаивала только на том, что в письмах Оммер де-Гелль много выдумок. Этим и определилось место эпизода Лермонтова с Оммер де-Гелль в литературе о Лермонтове: никто не поднял вопроса о достоверности самого эпизода знакомства и подлинности стихотворения, говорили лишь о том, что легкомысленная француженка много напутала. Как мы покажем ниже, легко было опровергнуть весь эпизод знакомства с Лермонтовым путем сличения писем с описанием путешествия де-Геллей по Кавказу и Крыму, как они изложены в подлинных книгах этих последних. Приходится констатировать, что наши историки литературы и лермонтовисты не заглядывали во французские книги де-Гелль вовсе. Профессор Абрамович был настолько убежден в подлинности обращения Лермонтова к де-Гелль, что, вводя в свою хронологическую канву для биографии Лермонтова его стихотворение к де-Гелль под 28 октября

1840 г., поместил лишь в подстрочном примечании хронологические даты по наградному списку Лермонтова, согласно которому 28 октября «при переходе через Гойтинский лес Лермонтов открыл первый завалы... выбил из леса значительное скопище и по миновании дефиле с командою был отряжен к отряду ген.-лейт. Галафеева», — все это на Кавказе, тогда как, по мнимым письмам, опубликованным Вяземским, в этот самый день, 28 октября, Лермонтов в Мисхоре, в Крыму, писал свое стихотворение к де-Гелль. Отдавая полное предпочтение в смысле достоверности факту пребывания Лермонтова в Крыму по публикации Вяземского, Абрамович аттестовал наградной список Лермонтова не заслуживающим большого доверия, между тем как известно, что послужные документы, особенно по военной службе, отличаются наибольшей точностью датировки. (Ср. Ракович—«Тангинский полк на Кавказе», 1819 — 1846. Тифлис. 1900, прил., стр. 33 — приложенный к рапорту от 24 декабря 1840 г. за № 139 наградной список поручику Лермонтову; при перепечатке Абрамович допустил ошибку, переключив, вероятно вследствие опечатки, действия Лермонтова 27 октября 1840 г. на следующий день,—срв. Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова. СПб. 1913. Т. V, стр. 20.)¹⁾

¹⁾ В. А. Мануйлов считает, что недоразумение устраняется, если исходить из того, что О. де-Гелль помечала свои письма по новому стилю, — тогда письмо Гелль со стихами Лермонтова должно быть приурочено к 17 октября ст. ст. Если по наградному списку Лермонтов совершил ряд удачных действий при переправе через Аргун 15 октября, то, по мнению Мануйлова, «затем в три дня он доскакал до Крыма». Но стихотворение Лермонтова помечено «Мисхор 28 октября», т.-е., по Мануйлову, 16 октября ст. ст., следовательно, на другой день после удачных действий поэта на Кавказе, а из письма Гелль явствует, что до 17 октября ст. ст. она успела с Лермонтовым побывать в Алушке, Мисхоре, Корензе, Орианде, Кучук-Ламбате и Ялте. Так «проскакать» не только трудно, но прямо невозможно, если при этом иметь в виду, что вопреки исчислению Мануйлова в распоряжении Лермонтова был всего один день, чтобы перенестись в Мисхор (П. Щеголев. «Книга о Лермонтове». 1929, II, стр. 112 — 113).

Бросается в глаза, что французские подлинные писания де-Гелль не знают имени Лермонтова вовсе. Это отметил лишь французский литературовед Дюшен в своей книге о Лермонтове. Но и он лишь лаконически заявляет о Гелль: «Она нигде не называет Лермонтова» (Duchesne. «M. J. Lermontov. Sa vie et ses oeuvres», Paris, 1910, p. 70), тем не менее Дюшен, опираясь на публикацию Вяземского, безоговорочно включает эпизод встречи Лермонтова с Оммер де-Гелль в свою книгу.

Прежде всего покажем, что Лермонтов не только не встречался с де-Гелль, но и не мог бы с ней встретиться, так как его в ту пору не было на Кавказе, а равно он никогда не бывал в Крыму. По обеим французским книгам де-Гелль (как трехтомному, так и изд. 1860 г.) легко проследить маршруты их поездок по югу России. Избрав Одессу своим местожительством при въезде в Россию, де-Гелли совершили оттуда два больших турне: выехав из Одессы весной, они побывали в Екатеринославе, затем южными степями достигли Мариуполя, были в Ростове, Новочеркаске, побывали в Сарепте, затем спустились в Астрахань, откуда через Каспийское море прибыли на Кавказ: побывав в Владимировке на Куме, посетили Георгиевск, Пятигорск, Кисловодск, Ставрополь и через Дон приехали в Таганрог, где вследствие усталости и желания побыть с друзьями задержались на 8 дней. Между тем погода переменялась, был октябрь, поднялись ветры, и запоздавшие путешественники попали под первый выпавший снег. Путь от Таганрога до Одессы почтовым трактом составлял 900 верст, который де-Гелли думали проделать в 10 дней, но из-за сильных метелей они застряли на два дня в одной немецкой колонии и попали в Одессу в начале зимы (срв. «Voyage dans les steppes», p. 306—307 и сл.). Проведя зиму в Одессе, они ранней весной, в конце апреля (p. 315), воспользовавшись шкуной «Юлией», находившейся в распоряжении их одесского знакомого, нидерландского консула Тэтбу де-Мариньи, отправились в Крым, который они, следовательно, посетили на

следующий год после пребывания на Кавказе. Псевдо-письма, опубликованные Вяземским, упускают обе поездки: в августе 1840 г. чета де-Геллей на Кавказе, в начале сентября они возвращаются в Одессу и в октябре они якобы уже в Крыму. Этого нелепого возвращения в Одессу, с тем, чтобы через три недели оказаться в Крыму, в действительности не было. В плане же создаваемого Вяземским романа это имело свой смысл. Желая сконструировать свой рассказ с наибольшим правдоподобием, Вяземский мог воспользоваться некоторыми хронологическими неясностями во французских книгах де-Геллей. В них действительно есть противоречие, которое можно ликвидировать лишь косвенными показателями. Дело в том, что в трехтомном труде де-Гелля начало поездки на Кавказ, с выездом в Екатеринослав, отнесено к 1839 году («Les steppes de la mer Caspienne», I, p. 228), между тем как Адель де-Гелль в своем позднейшем труде приурочивает путешествие к 1840 г. («Voyage dans les steppes», p. 1). Но не дадим Вяземскому воспользоваться этим разногласием. Есть точная дата, подписанная под стихотворением, посвященным Аделью де-Гелль Е. П. Фадеевой («Les steppes», I, p. 468 — 470). С. Фадеевыми де-Гелли виделись в Астрахани, где А. М. Фадеев служил в качестве управляющего Астраханской палатой государственных имуществ. Дата стихотворения—16 августа 1839 г. Предположить здесь ошибку невозможно, потому что о встрече с де-Геллями вспоминает и сам Фадеев («Воспоминания А. М. Фадеева». Одесса. 1897. I, стр. 146). Свидание состоялось в Астрахани. И тот же Фадеев рассказывает, что в 1839 г. он был переведен на новую службу в Саратов, куда и приехал из Астрахани 30 ноября 1839 г. (стр. 150), следовательно, свидания с Геллями не могло быть в 1840 г. Мы имеем, таким образом, двойное доказательство, что де-Гелли были в Астрахани в 1839 г.¹⁾, а так как они оттуда сразу проехали на Кавказ и были

¹⁾ К этому можно присоединить также справку, что статья Оммер де-Гелль с описанием

там однажды, то и Пятигорск они посетили осенью 1839 г., то-есть тогда, когда Лермонтова в Пятигорске не было вовсе, ибо в 1839 г. он служил в гусарах в Царском Селе.

Таким образом, на основании строго фактических данных можно с полной достоверностью утверждать, что Лермонтов никогда не был знаком с Оммер де-Гелль. Можно лишь добавить, что, если бы де-Гелль была знакома с Лермонтовым, то она конечно, рассказала бы об этом в своих подлинных мемуарах. Факт умолчания был бы загадочен. Имея возможность познакомиться с известным ученым, раввином-поэтом, жившим в Чуфут-Кале, супруги де-Гелль специально пошли к нему, и об обстоятельствах этого знакомства с раввином-поэтом рассказывает не только Адель Оммер де-Гелль (р. 344—345), но и Ксавье в своем трехтомном труде (II, р. 409 — 410). Неужели они воздержались бы от рассказа французской публике о Лермонтове?

Теперь мы должны перенести анализ в другую плоскость. Если ясно, что ничего общего между Лермонтовым и де-Гелль не было, то письма, опубликованные Вяземским, приобретают другой интерес, — на что опираясь и какими данными пользуясь, Вяземский создал свой рассказ об увлечении Лермонтова Аделью де-Гелль?

Разумеется, Вяземский хорошо изучил писания самой Оммер де-Гелль. С Лермонтовым он был знаком лично. В 1887 г. Вяземскому повезло. В «Русской старине» (1887, т. 54, стр. 406) Висковатов опубликовал бывшее ранее неизвестным стихотворение из альбома Одоевского, подаренного ему Лермонтовым. В этом французском стихотворении, неизвестно к кому относящемся, речь идет о том, как мелькает тень в

Владимировки на Куме была напечатана в «Journal d'Odessa», 1840 г. № 34, то-есть в первую половину 1840 г., следовательно, посещение Владимирки, имевшее место осенью, могло состояться не позднее 1839 г. И наконец в «Старине и новизне», кн. 9, 1905 г., стр. 331, опубликовано письмо Ксавье Оммер де-Гелля к А. М. Фадееву, с которым Гелли познакомилась во время своего турне непосредственно перед отъездом на Кавказ; письмо датировано 28 сентября 1839 г.

сумерках долины, — но это обман: то колеблется береза на своем высохшем стволе. Но вот слышатся шаги по дороге, — нет, то ветер гонит лист. Полный разочарования, я ложусь в густую траву и погружаюсь в сон. Но вот я пробуждаюсь, она мне шепчет на ухо, ее уста коснулись моего лба. Вяземский находчиво решил использовать это стихотворение, приурочив его к Оммер де-Гелль. Вяземский оказался незаурядным писателем¹⁾. Поэзия Лермонтова он знал хорошо. Слишком много брать на себя он не хотел; он решил готовый материал неизвестного французского стихотворения смонтировать по-своему, стараясь как можно ближе держаться подлинника. Ниже мы печатаем стихотворение Лермонтова из альбома Одоевского; цифры, стоящие в конце каждой строки, обозначают ту строку смонтированного стихотворения, куда ее переместил Вяземский. (Он брал или всю строку, или использовал лишь рифму.) Мы видим, что он почти полностью утилизировал подвернувшийся ему материал.

Je l'attends dans la plaine sombre...
(12)

Au loin je vois blanchir une ombre, (7)
Une ombre, qui vient doucement—(8)
Et non! trompeuse espérance!
C'est un vieux bouleau qui balance (1)
Son tronc desséché et luisant. (2)

¹⁾ Внук Вяземского, П. С. Шереметев, засвидетельствовал, что, разбираясь в бумагах архива Павла Петровича, он читал как французский текст псевдо-мемуаров, писанный рукой Вяземского, так и русский перевод. Он думал, что в основании работы лежат какие-то подлинные документы. Отец его, С. Д. Шереметев, разуверил его в этом, сказав, что еще при жизни тестя, Вяземского, тот посвятил его в писание своего романа. Это удивило П. С. Шереметева, заставив признать за дедом незаурядный писательский талант.

Мнимые мемуары де-Гелль представились настолько занимательными, что вскоре после их напечатания на русском языке появился их французский перевод: Adèle Hommaire de Hell. «Mémoires d'une aventurière. 1833—1852». Préface, notes et traduction de Marc Slonim. Ed. Plon. XXVIII + 264 pp. Хотя переводчик Слоним выражает сомнение в достоверности материала, тем не менее подделка Вяземского под француженку увидела свет и на французском языке, позволив рецензенту признать, что мемуары «проливают яркий свет на события эпохи» («Les nouvelles littéraires», 1934, № 633).

Je me penche et longtemps j'écoute, (5)
 Je crois entendre sur la route (4)
 Le son qu'un pas léger produit.
 Non, ce n'est rien! C'est dans la mousse
 Le bruit d'une feuille, que pousse
 Le vent parfumé de la nuit. (16)

Rempli d'une amère tristesse, (19)
 Je me couche dans l'herbe épaisse (20)
 Et m'endors d'un sommeil profond.
 Tout-à-coup tremblant je m'éveille: (22)
 Sa voix me parlait à l'oreille, (23)
 Sa bouche me baisait au front¹⁾.

Стихотворение Лермонтова было готово. Вяземский смонтировал его осторожно и удачно. Он ничего не упустил. Две строчки, не использованные в стихах, он пустил в ход в сопроводительном письме. Об этих строчках (о шуме листа, который движет ночной ветер) якобы спорит Оммер де-Гелль, что они нехорошо звучат по-французски, поэтому они и опускаются. Только в последней строке Вяземский не смог подчинить себя Лермонтову. Туда у него проскользнула женская ножка — специфический любовный символ, который характерен для Вяземского в последний период его жизни и о котором речь впереди. Естественно однако, что если поэт пишет поэссе, то и та отвечает ему. Вяземский стал рыться. Оммер де-Гелль публиковала свои стихи в повременной печати как в России, так и за границей. Вяземский находит желаемое. В № 104 от 31 декабря 1840 г. в «Journal d'Odessa» Оммер де-Гелль опубликовала стихотворение «Соловей» («Le Rossignol»), посвященное à L—e. Но как сюда втиснуть Лермонтова?

Для непосвященного в лабораторию творчества Вяземского совершенно непонятно, зачем понадобилось Оммер де-Гелль в письме от 29 октября 1840 г. длинно рассуждать о том, как нужно писать русские фамилии, что неправильно писать Puschkin вместо Pouschkine, Schterbinin вместо Schterbinine («Русский архив», 1887, IX, стр. 134). Все это де-

лается с целью убедить читателя, что нужно писать Lermontove. Натяжка большая: можно просмотреть всю многочисленную литературу о Лермонтове и собрания его сочинений на французском языке, — мы найдем всевозможные начертания фамилии Лермонтова — и с двумя «f» на конце, и «v», но «ve» найти нельзя. Только если взглянуть в самый номер «Journal d'Odessa», можно понять, зачем тут понадобилась Вяземскому эта махинация (кстати сказать, нам не удалось найти в книгохранилищах Москвы «Journal d'Odessa»; мы воспользовались точным воспроизведением стихов Оммер де-Гелль, как они напечатаны в «Одесской газете», — в перепечатке, находящейся в «Историческом вестнике», 1893, декабрь, стр. 848—849). Можно высказать предположительную догадку, кто подразумевается под L—e, которому посвятила свои стихи Оммер де-Гелль. Ксавье де-Гелль, рассказывая об одесском обществе, сообщает, что среди его соотечественников было только два лица, с которыми они, де-Гелли, сблизились. Это — Тэтбу де-Мариньи и врач при известной любовнице Александры I, М. А. Нарышкиной, — Лемэр. Lemaire=L—e. («Les steppes», I, p. 32). Так или иначе, но взаимные стихотворные обращения были найдены. Но как создать наиболее подходящую в художественном отношении обстановку, в которой бы столкнулись Лермонтов с Оммер де-Гелль? Вяземский вычитал один яркий эпизод из подлинных записок де-Гелль. Эпизод этот описан как в книге Ксавье, так и в самостоятельном труде Адели де-Гелль. Путешественники описывают, как их застигла гроза в чудном лесу Кучук Ламбата. Это было всеобщим бегством. Бывшие впереди могли легко достигнуть жилища генерала Бороzdина, хозяина имения; запоздавшие, среди которых находилась я, — пишет Адель, — могли скрыться только в павильоне, который был взят приступом. В то время, как мы спокойно ждали конца грозы, обитатели замка, предупрежденные нашими спутниками, искали нас повсюду. Несколько раз мы видели их, проходящими вдалеке, с зонтами, но мы подали им сигнал только после того, как

¹⁾ Текст этого стихотворения Лермонтова сохранился также в неопубликованном его письме к С. Н. Карамзиной от 10 мая 1841 г. (печатается в № 19 — 20 «Лит. наследства»).

кончили интересную партию в бильярд (павильон оказался залой для игры). Это подняло всеобщую веселость («Les steppes», II, p. 474; теми же словами — «Voyage», p. 380). Вяземский решил устроить романтическое свидание Оммер де-Гелль с Лермонтовым в этом павильоне. Для этого прежде всего нужно было устроить неизвестную в литературе поездку Лермонтова в Крым. Это можно было рискнуть сделать, потому что Лермонтов мог всегда отважиться на самовольную отлучку без разрешения начальства, почему она и оставалась неизвестной. Псевдо-де-Гелль свидетельствует: «Лермонтов торопится в Петербург и ужасно боится, чтобы не узнали там, что он заезжал в Ялту» («Р. А.», стр. 139). Но дело было не в одном Лермонтове. В своих мемуарах Опочинин рассказывает, что фабула рассказа была задумана Вяземским так, что у Лермонтова оказывался соперник. Это был Тэтбу де-Мариньи. Но Тэтбу де-Мариньи жил в Одессе. Исторически было известно только то, что он из Одессы привез на шкуне де-Геллей в Крым. Нужно было одновременно двинуть Лермонтова с Кавказа, а Тэтбу из Одессы в Крым. Отсюда нелепая спешка де-Геллей с Кавказа в Одессу и из Одессы в Крым, чтобы составилось нужное для романа столкновение Лермонтова с Тэтбу, как с соперником. Это и происходит у бильярдного павильона, взятого с натуры, в Крыму. В Крыму же пишется или во всяком случае заканчивается стихотворение Лермонтова, посвященное Адели. Но стихотворение не подходит к югу России, тем более к Крыму. В Крыму не растут березы. Как бы это приспособить? Создается особая фальшивка — «Записка Скальковского», приложенная к письму Оммер де-Гелль от 26 декабря 1838 г. Оммер де-Гелль пишет некоему графу Гаспарену, сообщая ему сведения о скотоводстве и рождении лесов в Херсонской губернии, доставленные Скальковским («Записки Оммер де-Гелль», 1933, стр. 198—199). «Заведующий статистическим бюро при гражданском губернаторе Левашеве в Одессе», Скальковский, составляет ученую записку, чтобы спасти роман Вязем-

ского, — в ней он свидетельствует: «На границе Киевской губернии, в Александрийском и, по рубежу Подольской губернии, в Ананьевском уездах попадаются несколько берез» (там же, стр. 398), а в своих «примечаниях переводчика» Вяземский спешит подтвердить: «На Кавказские и Крымские горы береза могла быть занесена ветром. В Крыму и на Кавказе я никогда не был, но в Италии я встречал в Альпах березы, которые туда только могли быть занесены ветром» («Р. А.», стр. 142). Кое-как роман оказался правдоподобно сколоченным. И вот Вяземский решается выдать четыре письма де-Гелль о Лермонтове за подлинные ее письма. Авось, пройдет, а если не пройдет, то всегда можно сослаться на легкомыслие француженки, чтобы замести следы. Первый абзац своей публикации (приезд в Пятигорск и первые впечатления) Вяземский создает, точно следуя книге Адели де-Гелль (срв. стр. 257—259). Однако Вяземский сначала решил сделать пробу. Он обратился к П. И. Бартеневу, известному любителю исторического анекдота, обожавшему архивы высокопоставленных аристократов, но посылает ему сначала на испытание только одно письмо, — пройдет или не пройдет. Бартнев, по видимому, не выразил сомнения, он внес лишь кое-какие поправки и дополнения в примечания Вяземского. Тогда в свою очередь при письме от 19 августа 1887 г. Вяземский шлет дополнительный материал — еще новых три письма и французское стихотворение Лермонтова. Публикация была сделана, причем Вяземский забрасывал Бартенева корректурными поправками. В редакцию «Русского архива» приходит опровержение Шан-Гирей. Бартенева это не колеблет. Он слишком уважает князя, притом еще председателя «Общества любителей древней письменности». Разве блюстителем древней письменности может отважиться на фальсификацию? Все исторические анекдоты не без вранья. Такова всякая анекдотическая история, культивировавшаяся Бартневым. Бартнев спокойно и почтительно пересылает опровержение Вяземскому, присовокупляя, что «полной и точной правды

от французской путешественницы подобного пошиба нельзя и требовать». (Оммер де-Гелль. «Письма и записки», стр. 412). Но на Вяземского опровержение Шан-Гирей действовало подавляюще. Он в явном смятии и смущении. Он пишет несколько встревоженных писем Бартеневу, в которых старается замести следы, что ему блестяще удалось. Печатаем выдержки из ряда этих писем, хранящихся ныне в Государственном литературном музее. (Печатается с любезного разрешения директора музея В. Д. Бонч-Бруевича).

I

[От 29 августа 1887 г.] «...Вы были у Шереметевых. Жена хвалит, а что говорит Сергей Дмитриевич. Я Кафтаревой читал письма г-жи Гелль, которую она знает. Я думаю, что и я ее знал (sic!). Мы должны были часто встречаться в гостинице Кокоци в Константинополе au petit champ des morts. В 46—48 мы оба были в Константинополе, но она от меня скрывала свое имя. Я ее знал под именем прекрасной Американки. Я с ней часто обедал с генералом Иокмусом и Бельгийским посланником Бером, которые были моими закадыжными приятелями. Я накануне прощался с ней, она уезжала в Брюсселю с турецким генералом Иокмусом и прощалась со мной под именем Американки. — Она, видимо, изолгалась в школе Лермонтова. Мне очень досадно, что она в своем путешествии вовсе не упоминает обо мне. — И Титова тоже она не упоминает, вероятно, у ней были трехи, которые одному Титову тогда известны были».

II

[Без даты]. «...Я ничего не могу иметь против опровержения, как сообщитель известия. Но опровержение не без коварства. Буде вы признаете необходимым напечатать, то ради бога избегайте имен, *nomina sunt odiosa*. — Реброва выиграет заменением трех звездочек, и имя мужа ее не советую упоминать. Зачем впутывать Юрьева и Нину Александровну. [Речь идет о Н. А. Ребро-

вой, которую упоминает де-Гелль. Неожиданно для Вяземского она оказалась в живых]. Мне сдается, что тут есть коварство. Простая осторожность требует с вашей [стороны] осмотрительности — не обозначать лишних имен и не определять личностей. Очень жаль, что мое письмо запоздало и пришло, когда статья была отпечатана. Когда я вам послал статью, имя Ребровой было мне неизвестно, я случайно нашел, что он был правителем дел при Ермолове. — Гоммер издавна известная вралиха и муж ее; вот что [пишет] Шишкина (Олимпиада) в предисловии к своим заметкам и воспоминаниям Русской Путешественницы по России в 1845 (ч. I, С.-Петербург, 1848. [стр. III — IV]): ...например, в книге его, впрочем, хорошо написанной «Степи Каспийского моря и пр.» (*Les steppes de la mer Caspienne etc. par Xavier Hommaire de Hell*), сочинитель Ксавье Гоммер де-Гелль, утверждая иногда совершенные нелепости, с восторгом говорит, что между Бахчисраем и Севастополем реки, деревни, луга, холмы и города быстро сменяются, между тем как тут нет ни одного города. В официальном издании (изд. на казенный счет при Людовике-Филиппе в 1844 в трех частях) Гоммер де-Гелль или его жена с первых слов врут [следуют два примера с рядом французских цитат]. Может быть, пропуск, неверно прочтенная фамилия могли дать повод к этому обвинению в неточности г-жи де-Гелль. Она пишет наскоро и перепутывает все обстоятельства. Почтенное имя, затронутое нами по оплошности, принадлежит одному из сотрудников правителей Грузии. Он состоял при Кнорринге, Цециане и удалился от дел Ермолова. Ради бога не произносите моего имени всуе и пощадите мои старческие годы и мой удушливый кашель».

III

[От 7 октября 1887 г.]. «Я забыл вам сказать, что стихи Лермонтова и к нему так интересны, и его характеристика так верно намечена, что я все постороннее упустил из виду. Большая оплошность, что я упомянул имя девицы.

Не печатайте имен Юрьевой и даже Ребровой. Шан-Гирей, моя родственница, пожалуй, не уполномочена, и мы новую беду наживем. Опровержение весьма слабо, а статья сама по себе интересна.— Она не достаточно выгораживает друга детства. Она даже не говорит, что она в Кисловодске не была. Гоммер печатала в 39—41 году в «Journal d'Odessa», в «Семафоре» и в «Парижском курьере». Шан-Гирей вам пишет по почте из Пятигорска, или письмо доставлено из Москвы? Мне сдается, как будто из Москвы. — Коварству женщин нет пределов. Пожалуй, ее опровержение вызовет целую бурю. Глупо себе наживать неприятности и огорчать почтенную старуху, которой без малого 70 лет. — Пишу вам письмо потому, что на нынешнем и вчерашнем, мне помнится, я не поставил даты. Надеюсь, что мне Барсуков привезет известия из Москвы. Бранят ли меня сильно за оплошную нескромность. Письмо это я вам отправляю завтра. Павел Вяземский». [Приписка 8 октября]: «Остерегайтесь женского коварства, они хуже Лермонтова. Лермонтов только изучал их коварство и старался им подражать».

Вяземский одержал победу. Его фальшивкам поверили. Это тем более удивительно, что он писал свой роман в состоянии психического распада, когда он явно впадал в маразм. Такие свидетельства об его состоянии можно найти в ряде некрологов, ему посвященных. Но и эти свидетельства не были сопоставлены с его публикацией. С. Д. Шереметев писал о своем тесте: «Последнее лето 1887 г. еще было некоторое улучшение; заметно было какое-то искусственное возбуждение жизни с значительным усилением раздражительности и подозрительности. Он... усиленно занимался составлением своеобразных записок, о которых говорил с оживлением прежних лет» («Сборник в память кн. П. П. Вяземского», 1902, стр. 66). По свидетельству того же С. Д. Шереметева, во время заседаний Общества любителей древней письменности, которого Вяземский был председателем, он вел себя пассивно и бездейственно и «рисовал какие-то головки и уходил в себя» (там же,

стр. 71). В том же сборнике памяти Вяземского Н. В. Тимофеев засвидетельствовал так: «Одно из сочинений, по мысли князя, должно было быть иллюстрировано, и он старательно раскрашивал литографированные портреты каких-то иностранцев, военных, штатских и дам. В этом помогал князю являвшийся почти ежедневно художник И. Я. Красницкий, ныне также покойный. Сочинение это должно быть в Астафьевском архиве. Я, как сейчас, вижу синий крашенный переплет домашнего издания, — это оригинал сочинения; кроме того, должна быть копия, писанная четким писарским почерком» (стр. 56—57).

Эти слова объясняют происхождение и авторство тех «эскизов неизвестного художника», которыми издательство «Academia» заботливо иллюстрировало роман кн. Вяземского; они же наглядно демонстрируют тот «подлинник», который тщательно описан комментатором издания: «Рукопись эта, написанная (то-есть перебеленная) рукой переписчика синими чернилами на плотной бумаге, размера писчей, заключается в двух больших тетрадах, хранящихся в отдельных папках» (стр. 460).

Цинизм Вяземского, который мы демонстрировали в начале статьи путем четырех выдержек из книги, наименее сказался в письмах о Лермонтове. Предпринимая сам издание этих писем, как подлинных, Вяземский воздержался от разнузданных образов своей эротической фантазии. Можно бы, пожалуй, привести следующие строки Оммер де-Гелль о Тэтбу, которые не могут не покорибить: «Он не прочь и строить куры, но прежде всего моцион ему необходим. Он страдает закрытым геморроем. Он мне это сказал в первый раз, что меня встретил на бале у г-жи П — о. Такие вещи можно слышать разве от фламандского ловеласа». («Р. А.», стр. 138.) Наряду с этим, конечно в свете того увлечения образом женских ног, которые, будучи овены ударами хлыстов и кнутов, эротически возбуждали разнузданную фантазию кн. Вяземского, становится понятным, что «прикосновение милых ног» венчает у него мнимое стихотворение Лермонтова. К чести

исследователя нужно сказать, что этот образ покорибл знатока поэзии Лермонтова того времени П. А. Висковатова. После публикации Вяземского он писал в статье «Еще о французских стихах Лермонтова»:

«Текст... приводимый в «Русском архиве», отзывается наброском недостаточно отделанным, даже, пожалуй, циничным, навеянным случаем никак не возвышенного характера. Это видно достаточным образом из заключительных двух строк. В моем тексте поэт пробуждается, когда голос возлюбленной касается его слуха, уста чела его:

Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front

В тексте кн. Вяземского спящий просыпается, когда голос возлюбленной касается его слуха, нога ноги его:

Sa voix me parlait à l'oreille,
Son pied effleurait le mien.

Удивляюсь, что кн. П. П. Вяземский не указал на эту разницу» («Русская старина», 1887 г., т. 56, стр. 735).

Другой исследователь счел возможным дать отповедь Висковатову. Мартынов писал: «О вкусах, конечно, не спорят. Г. Висковатов может находить один текст послания произведением красоты, искренности и чувства, другой—наброском неотделанным и циничным: мнение его в данном случае не имеет никакого значения, так как оно явно пристрастно в пользу им отысканного и напечатанного последнего, по его словам, «отделанного» текста»¹⁾. («Исторический вестник», декабрь, 1893, стр. 855).

Мартынов известен в литературе произвольностью и неточностью всех своих мемуарных сообщений. В его статье мы находим единственную поддержку публикации Вяземского в смысле подтверждения знакомства Лермонтова с Оммер де-Гелль. Он приводит слова барона фон-Майделя (там же, стр. 854), но,

кроме Мартынова, отзыв фон-Майделя никем больше не засвидетельствован; кроме того, слова Майделя, приурочивающие свидание Лермонтова к осени 1840 г., разбиваются о ту хронологическую неувязку, о которой сказано выше.

Висковатов однако не решился опустить в собрании сочинений Лермонтова публикацию Вяземского, но, так как стихотворение отзывало для него чем-то сомнительным, неприятным, он поместил это стихотворение в примечаниях и не дал подстрочного перевода, что сделано им в отношении других стихотворений на иностранных языках. (Т. I, стр. 378.)

В настоящее время мы достаточно уполномочены, чтобы вышвырнуть вон из всех полных собраний сочинений Лермонтова эту мнимую пьесу со всем приущим ей неприятным специфическим оттенком. Настала также пора перестать примешивать блудливую фантазию Вяземского к биографии нашего поэта. Мечтательным презам Вяземского о женских ногах, украшенных изысканной обувью, можно отвести совсем другое место: сдадим их в медицинские архивы клиническим исследователям. Доктор Блох писал в главе о половом фетишизме: «В своей этиологии половой психопатии я доказал, что фетишизм обуви наблюдался уже в древности и что связь между ногой и половой жизнью установлена уже давно. К современному фетишизму обуви примешиваются также мазохические и садистические представления (идея субъекта, чтобы его топтали ногами, чтобы поставили ему ногу на затылок или, наоборот, желание топтать другого ногами и т. д.). Значение имеют также обонятельные ощущения, вызываемые запахом кожи, и цвет ботинок. «Fussfreier» («женихи ног») — так называются фетишисты обуви на языке про-

¹⁾ Пример исследовательского глубокомыслия Мартынова. Он пишет об Оммер де-Гелль: «Она говорит, что ей жаль Лермонтова: он дурно кончит. Он не для России рожден. Его предок вышел из свободной Англии, со своей дружиной, при деде Петра Великого», и кончает: «а Лермонтов великий поэт...». Несмотря на все неблагоприятные для того времени вея-

ния, она сумела отличить истину от царившей в свете лжи и нареканий, сумела понять и определить по достоинству гений поэта, предугадать его будущее значение, его славу и его роковую кончину» (стр. 853—854). В Петербурге в 1887 г. П. П. Вяземскому легко было предугадывать и сообразить о роковой кончине поэта в 1841 году.

ституток, — соответственно дифференцировке формы обуви и модам на обувь обнаруживают самые разнообразные фетишистские наклонности». («Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре», 1910, стр. 552).

Измышленная Вяземским встреча А. де-Гелль с Лермонтовым, прочно внедрившаяся в биографию поэта, отразилась и на нашей беллетристике: романы, посвященные Лермонтову, обычно включают в расцвеченном виде увлечение Лермонтова поэтессой. Этому отдали дань все советские писатели, работавшие над Лермонтовым: Пильняк («Штосс в жизнь» — «Красная новь», 1928, № 10, стр. 12 — 13: «В старых французских архивах есть письма м-м Г. де-Гелль... Вот желтые листки ее писем», и далее цитируется фальшивка Вяземского), П. А. Павленко — «13-я повесть о Лермонтове» (М. «Федерация». 1932), Сергеев-Ценский — «Поэт и поэтесса» (М. «Федерация». 1930), специально о Лермонтове и Оммер де-Гелль — стр. 121—245; переиздано в книге «Мишель Лермонтов» (М. 1933),

К. Большаков — «Бегство пленных» (Харьков, 1929); последний роман — в сопровождении предисловия и послесловия двух литературоведов, удостоверяющих, что «все главнейшие эпизоды, как история Лермонтова, так и других персонажей романа, могут быть документированы... С этой стороны роман сделан прочно» (стр. 302). Историк литературы не виноват, если у писателя историческая личность Тэтбу де-Мариньи, нидерландского консула, превращается в Тэбу, французского генерального консула (Пильняк), или имя Бороздина (в Кучук Ламбате) превращается в имя Нарышкина, а сама Оммер де-Гелль оказывается женой французского консула в Одессе (Сергеев-Ценский), но советский писатель в праве сетовать на историю русской литературы, что она до сих пор не разобралась, где кончается Лермонтов и где начинаются эротические потуги Вяземского.

Пусть последыш минувшей культуры, «жених ног» — кн. Вяземский, — перестанет шутаться в творчестве поэта, 120-летие которого мы только что отпраздновали.

5. ТВОРЧЕСТВО Д. ШОСТАКОВИЧА

С. Чемоданов

В семье советских композиторов Д. Шостакович — одна из самых ярких величин. Несмотря на совсем молодой возраст (родился в 1906 г.), он успел вырасти уже в музыканта довольно больших масштабов. Шостакович хорошо известен не только у нас, но и за границей, где с большим успехом исполняются его произведения. Он — также превосходный пианист.

За короткий промежуток времени Шостакович сумел показать себя в самых различных жанрах: опере, симфонии, фортепианной музыке, массовой песне, музыке к драме и тонфильму, — везде талантливо, оригинально, не сбываясь на штампы, ходячие формулы, банальные приемы. Это конечно не означает, что нет в музыке Шостаковича чужих и даже порой чуждых влияний, особенно на

ранних этапах творческого пути. Однако нигде элементы чужой музыки не входят механически в музыку Шостаковича, а всегда лишь после тщательной переплавки их собственным критическим сознанием. Притом, чем дальше, тем все больше освобождался композитор от этих влияний, особенно западнического формализма, сильно тяготевшего над ним в ранних композициях. С каждым новым произведением все рельефнее вырисовывалось советское лицо Шостаковича, не только в отношении идеологических концепций музыки, но и формально-творческих приемов.

Шостакович — питомец советской Ленинградской консерватории, которую окончил по двум отделам: творческому (в 1925 г.) — у крупного педагога и

композитора, ученика Римского-Корсакова, проф. Максимилиана Штейнберга, и фортепианному (в 1923 г.) — у проф. Л. Николаева. От своего учителя по композиции юный музыкант усвоил приемы одной из образцовых школ прошлого, а также получил богатый арсенал техники. На ранней стадии развития советской музыки психологически понятны некоторые перегибы в увлечении западной техникой, свойственные многим представителям композиторской молодежи. Советская музыка переживала тогда период напряженных исканий новых средств выражения в целях возможно более полного и разностороннего охвата и звукового показа сложной советской тематики. В этих исканиях композиторы нередко обращались на Запад, причем многие из них формальную «левизну» западной музыки ошибочно смешивали с идеологической левизной, не учитывая того обстоятельства, что в музыке, как и вообще в искусстве, формальным радикализмом сплошь и рядом прикрывается самая беззащитная идеологическая реакционность. Но соблазны были велики, а критическое чутье не было еще достаточно заострено. Отсюда порой некритическое заимствование с Запада последних достижений техники, нередко со свойственными ей индивидуалистическим оригинальничаньем и трюкачеством. Однако вместе с этими болезнями, характерными для падающих культур, в музыку Шостаковича отнюдь не вошли упадочнические буржуазные настроения: всюду в его музыке, даже сквозь сложную формалистически-изощренную вуаль западных наслоений, перед слушателем встает образ композитора-оптимиста, радостно воспринимающего жизнь во всем богатстве ее явлений и многогранности.

Из ранних сочинений обращает на себя внимание в особенности 1-я симфония, написанная в девятнадцатилетнем возрасте. Симфония не ставит перед собою больших идейных задач, но привлекает к себе оригинальностью мысли и свежестью творческих приемов. В симфонии с первого взгляда — обычная классическая форма, и по колориту она местами напоминает светлую моцартов-

скую старину. Однако есть и большие отличия в симфонии от «седой» старины: в голосоведении, гармониях (составе аккордов и их последованиях), инструментальных красках. Симфония полна контрастов — эмоций, форм, колоритов, при явном преобладании элементов радостных, жизнеутверждающих. Уже в первой части находим все характерные черты стиля симфонии: резкие контрасты — от наивно-песенной пасторали до огромных звуковых массивов; мелодическая линия, причудливо-изломанная, с частыми скачками на большие интервалы; ритмика — острая, четкая, энергичная; роскошна оркестровая палитра, блестящая тембровой оригинальностью, контрастностью сочетаний, мастерством использования инструментальных видов. Вторая часть симфонии — вместо обычного в классической традиции анданте (медленно-певучая часть) — скерцо («шутка»), особенно типичная для автора. Юмор, гротеск — едва ли не самое яркое в музыке Шостаковича. Неисчерпаемы его изобразительность и остроумие в этом жанре. Интересный и оригинальный прием (наряду с многими другими): использование фортепиано в качестве оркестрового инструмента, в своеобразном звучании — наподобие громовых ударов или звона колоколов (в заключительном эпизоде). Интересны ритмические контрасты скерцо — бешено галопирующего движения — с лирикой среднего эпизода. В третьей, медленной части — необычные для автора этой поры трагические эмоции, ритм похоронного марша, элегический плач скрипки (вторая и третья части как бы переставлены в симфонии по сравнению с классическими образцами, где вторая часть — обычно медленно-лирическая, а третья — оживленная). Симфония заключает стремительный финал, кончающийся широким заключением торжественно-монументального стиля.

Симфония впервые исполнена была в Ленинграде, в 1928 г. в Москве, исполнялась не раз за границей и проходила всюду с большим успехом, вызывая живой отклик аудитории.

В 1927 году Шостакович откликнулся на октябрьскую тематику монумент-

тальной композицией для оркестра и хора «Посвящение Октябрю», исполненной в дни десятилетия Октябрьской революции в Москве и Ленинграде. В то время советская музыка небогата была композициями крупного плана, в особенности симфоническими, и потому «Посвящение Октябрю», хотя и не осваивало еще в полной мере новую тематику, было крупным событием советского музыкального дня.

В 1929 г. появилась в свет первая проба оперного пера молодого автора — «Нос» по Гоголю. Сочинение яркое и интересное, показавшее с большой рельефностью ряд положительных и отрицательных сторон в творчестве Шостаковича. Сочный сатирический язык гоголевской прозы нашел талантливое воплощение в музыке молодого автора. Выдающееся гротесковое дарование последнего нашло блестящее поле приложения в опере. Музыкальное изложение повести Гоголя дано в плане обнаженного натурализма с большой сатирической колкостью. Автор рисует картину чиновных будней до мельчайших подробностей быта с большим остроумием, местами прямо-таки с физиологической изобразительностью (чихание, сморкание и прочие звуки, исходящие из спальни Ковалева). Оркестр оперы экономный: струнный квартет, единичный состав деревянных, из медных — труба, валторна, тромбон, большое обилие ударных (крайне характерен в отношении их использования оригинальный «антракт» 1-го акта для десяти ударных, построенный на одних ритмовых и тембровых комбинациях). Вокальная часть оперы дана в стиле живой декламации текста,

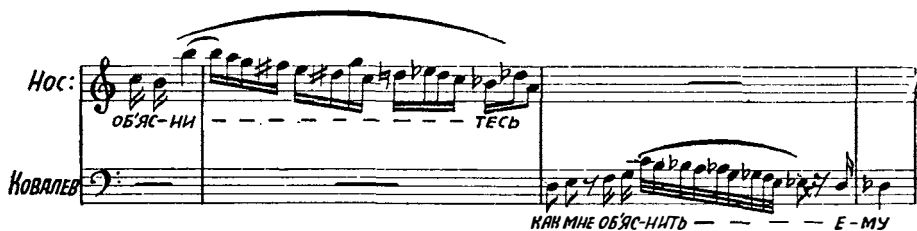
без каких бы то ни было уступок традиционным приемам и часто вопреки им. «Нос» — в некоторой степени продолжение опыта, проделанного Мусоргским над «Женитьбой», где гоголевская проза взята была автором во всей ее натуралистической неуклюжести и без всяких переделок и прикрас положена на музыку. В этом плане «Нос» — прогрессивное явление, дерзкий наскок на оперные традиции. То же в отношении внешней структуры оперы: она не делится на законченные номера (арии, ансамбли и т. д.), искусственно разрывавшие организм старой оперы, а дает непрерывное музыкальное развитие на протяжении целого акта. Техническое мастерство автора на огромной высоте.

Однако в методах использования технических ресурсов есть и порочное. В год создания «Носа» Шостакович не осознал еще полностью огромных задач, стоящих перед советской музыкой, не уяснил себе всей необходимости идейно углубленного сюжета в музыке и использования техники лишь как средства для достижения цели. Использован сюжет «Носа» Шостаковичем по преимуществу в плане натуралистического показа быта, а не выявления идейного смысла повести, с сильным привкусом любования остроумными звучностями. Отсюда известный формалистический налет на музыке «Носа», сильно уменьшающий социально-сатирическую ценность повести Гоголя. Что касается вызова старой оперной традиции, то он также подчас звучит неубедительно и граничит иногда с пустым экспериментаторством и формальным произволом, как например:

Здесь логические и грамматические ударения нарочито не совпадают с музыкальной акцентуацией (начало тактов

приходится на неударяемые слоги). Или пользование колоратурами в партии Носа и Ковалева (I).

В эпоху реконструкции нашего хозяйства и сильного обострения классовой борьбы молодой автор делает решительный поворот к советской тематике. Ярким тому примером могут служить балеты «Золотой век» и «Болт», 3-я «Первомайская» симфония, ряд композиций к драмспектаклям и тонфильмам. Правда, «грехи» «Носа» тяготеют еще над балетами «Золотой век» и «Болт». Искреннее намерение автора подойти вплотную к советской тематике разбилось здесь о малоудачные сценарии балетов, трактованные советскую действительность больше в сатирически-приключенческом плане, чем углубленно-идейного анализа ее и серьезного воплощения в формах музыки и танца. В балетах попрежнему больше интереса к форме, чем к содержанию, увлечение гармоническими и тембровыми комбинациями, нередко искание трюка. В музыке балетов много остроумия и изобретательности, вызывающих иногда искренний смех слушателя. Галерея типов, образов, бытовых сцен занимательна: «дива и партнер», «полька», «бюрократ», «пьяный извозчик», «шпана» и пр. Слушая этот остроумный калейдоскоп, жалеешь, что так много средств потрачено на малые, в сущности, дела, что блестящее формально-техническое мастерство талантливого автора не нашло в этих композициях идеологически полноценного эквивалента. Да и самые формально-технические приемы порой чрезмерно повторяются, в силу чего притупляется острота восприятия и ослабляется сила воздействия их на слушателя, как например: злоупотребление галопирующими темпами, западно-танцевальной ритмикой, эффектом тромбона — глиссандо (быстрое скольжение по звуковой скале).

В «Первомайской» симфонии (1929 г.) широко развернуты картины весеннего

пробуждения природы — от мирной «пасторали» полей и лугов до неистового бушевания расхлывшихся стихий. Показ просыпающейся и обновляющейся природы густо сплетается в симфонии с социально-идеологическими моментами, лозунгами международного пролетарского праздника. В последней части к оркестру присоединен хор — прием, использованный впервые Бетховеном в 9-й симфонии, «узаконенный» Берлиозом и Малером, а ныне вошедший в плоть и кровь советского симфонизма. Над симфонией Шостаковича в немалой степени тяготеют еще формалистические и натуралистически-изобразительные тенденции, однако значительные сдвиги в смысле углубления идеологического содержания музыки здесь налицо.

Большой вклад в музыку звукового кино сделали композиции Шостаковича к тонфильмам «Одна», «Златые горы», «Встречный». Наряду с талантливым показом звериного лица классового врага в различных видах и одеяниях, бичующим высмеиванием его быта и морального разложения даны четкие образы борцов за пролетарское дело. А «Утренняя песня» из «Встречного», напевно сочетающая лирику природы и рабочего труда, приобрела широчайшую популярность в трудовых массах Союза, глубоко вошла в быт, всюду и везде распевается.

Среди музыкальных композиций к драматическим спектаклям отметим созданные в эти годы оформления к пьесам «Клоп» Маяковского и «Выстрел» Безыменского (в театре им. Мейерхольда) и «Поднятая целина» Шолохова. В этих композициях Шостакович показывает чуткое понимание специфических задач, которые ставит перед собой музыка драмы. В музыке к «Гамлету» (театр им. Вахтангова) композитор делает сме-

лый, интересный, хотя и спорный (как и вся постановка), опыт освоения по-новому драматургии Шекспира.

Новые сдвиги происходят в молодом авторе после исторического постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций. Для Шостаковича эта знаменательная веха в истории советского искусства явилась не только новым живительным источником творческого энтузиазма, но и этапом серьезной перестройки, пересмотра прежних позиций. Высказывавшиеся иными опасения, что постановление развяжет формалистические страсти в музыке, ни в коей мере не оправдались. Шостакович — яркий и разительный тому пример. Целый ряд советских композиторов, прежде «запуганных» заезжательской критикой, после постановления ЦК более, чем когда-либо, осознали всю огромную, лежащую на них творческую ответственность перед революцией.

На этом этапе отметим два крупнейших произведения Шостаковича разных типов: концерт для фортепиано с оркестром и оперу «Леди Макбет Мценского уезда». Концерт Шостаковича является крупнейшим вкладом в советскую музыку, пока еще небогатую сочинениями этого типа. «Это моя первая попытка, — говорит сам автор по этому поводу, — восполнить значительный пробел в советском инструментальном репертуаре, в котором отсутствуют крупные концертные произведения». Концерт глубок по идейному замыслу. Гротесковые и «галопирующие» моменты уже не выпячиваются здесь на первый план. Большое место занимают углубленная лирика, здоровая патетика (2-я часть), драматическая выразительность (1-я часть с темой, родственной «Апассионате» Бетховена, 3-я часть). Торжественным ликованием насыщена 4-я финальная часть концерта. Богатое разнообразие мелодики, ритмики, гармонических и тембровых эффектов используется здесь композитором не с целью показа остроумно-изобретательных звучаний, а как средство выявления идеологически-эмоциональной линии композиции. Оригинален состав оркестра: партия фортепиано идет на

фоне струнного квартета и солирующей трубы, местами успешно конкурирующей по значимости партии с фортепиано. Последнее использовано в концерте также свежо и оригинально: в противоположность тембровой красочности фортепиано романтиков (Шопена, Листа и др.) фортепиано Шостаковича приближается по характеру звучности к типу ударных инструментов, что придает всей партии некоторый налет сухости и жестковатости, но вместе с тем мужественности и силы. «Нашу эпоху я воспринимаю как эпоху героическую, бодрую, исключительно жизнерадостную. Это я и хотел передать в своем концерте» — говорит композитор. Элементы некоторого любования звучностями и здесь налицо, но в значительно меньшей степени, чем в прежних композициях. О неполном еще преодолении формально-эстетических традиций на этом этапе говорит также следующее высказывание автора о концерте: «Какова основная художественная тема концерта? Я считаю совершенно излишним следовать примеру ряда композиторов, идущих по линии наименьшего сопротивления и пытающихся всегда расшифровать содержание своих произведений в посторонних определениях, заимствованных из какой-либо смежной области искусства. Я не могу рассказать о содержании концерта иными средствами, кроме тех, которыми написан сам концерт». Рассуждение ошибочное. Одна и та же идея может быть передана разными художественными средствами. Человеческая речь настолько богата, что в состоянии передать идею и содержание любого музыкального произведения. Слово, разумеется, не может заменить языка звуков (средства всякого искусства специфичны и не могут быть заменены другими без подмены самого вида искусства); но как дополнительно-вспомогательный прием к расшифровке тематики и содержания музыкальной речи раз'яснительное слово имеет полное право на существование и, мы бы сказали, необходимо там, где музыка имеет в виду массового потребителя, не искущенного в тонкостях музыкальной кухни, но жадно рвущегося к пониманию музыки, классической и современной. Поэтому насчет

«линии наименьшего сопротивления» Шостакович не прав. Полезное дело делает советский композитор, когда дает некоторый словесный ключ-комментарий к пониманию своего произведения, в особенности — сложной симфонической формы.

Одним из самых замечательных вкладов Шостаковича в советскую музыку является опера «Леди Макбет Мценского уезда». Произведение это — значительнейший этап в развитии советской оперы и огромный шаг вперед на творческих путях автора. Новое в опере — искание серьезного драматического сюжета большого идейного смысла. Выбор автора пал на повесть Лескова, реалистически поданную драму любовной страсти, не останавливающейся ни перед чем, все готовый перенести, даже самую смерть. Шостакович прочел повесть, как часто говорят, по-новому, увидел в ней признаки большой социальной идеи. Кое в чем автор ошибся в чтении. «У Лескова, — говорит он о героине повести, — это женщина-убийца, погубившая мужа, тестя и малолетнего племянника мужа. Причем особенно злостным и неоправданным является последнее убийство, так как оно продиктовано исключительно корыстолюбием, желанием избавиться от главного претендента на оставшееся после мужа наследство». Это последнее убийство опущено в опере. Беда небольшая, на сцене и без того слишком достаточно убийств, но в том-то и дело, что у Лескова убийство ребенка вовсе не вызвано корыстью героини; идея преступления принадлежит не Катерине, а ее любовнику Сергею, ради которого она готова на все, с которым «ей и каторжный путь цветет счастьем».

«Я воспринял Катерину Измайлову, — говорит автор музыки, — энергичной, талантливой, красивой женщиной, которая гибнет в мрачном, жестоком семейном окружении купеческо-крепостнической Руси... Я пытался дать психологическую характеристику основным действующим лицам трагедии и в то же время в ряде массовых сцен обрисовать социальный фон Руси той эпохи». Вот задание автора. Разумеется, «социальный фон» и у Лескова налицо, и раз-

глядеть его не так уж трудно сквозь густую паутину страсти, опутавшую Катерину, но идеологическая трактовка как «фона», так и отдельных персонажей значительно иная, чем у Шостаковича. Лесков не только далек от передовых идейных течений своего времени, но определенным противником их. «Развитие демократии? Но ведь этот народ рвет своих докторов и сестер милосердия, как мы видим, на куски и потом идет служить молебны. Ведь с этим зверьем разве можно что-нибудь создать в данный момент?» Или в повести, по поводу легко отдававшейся всем каторжанки Феоны, автор говорит: «Такие женщины очень высоко ценятся в разбойничьих шайках, арестантских партиях и петербургских социально-демократических коммунах» (!). Лесков затушевывает в своей повести «фон», сводя всю историю Измайловой к трагедии всепожирающей страсти, без большого интереса к той социальной обстановке, в какой эта страсть развивается. Автора мало интересует тот факт, что именно окружение Кит Китычей и развращенной дворянки приводит Катерину к тройному преступлению. Шостакович сделал это окружение центром внимания. Повесть Лескова, хотя и занятая главным образом фигурой Екатерины и психологическим анализом ее страсти, дает для этого известный материал.

Все же выбор композитором именно этого произведения для создания новой социально-полноценной оперы нельзя признать особенно удачным. Для показа драм купеческого быта есть обильная и более идейно-благодарная литература, чем Лесков. Но раз сюжет взят, по-новому прочтен и частично видоизменен, нужно уж было идти дальше. В каком направлении?

Задача советского автора, будь то писатель, художник, музыкант, прежде всего заключается в диалектическом вскрытии действительности, показе ее противоречивых движущих сил в столкновении, борьбе и ведущей линии этой борьбы. Такого диалектического анализа действительности в опере нет. «Движущие» силы показаны автором оперы лишь в плане столкновения личной стра-

сти Катерины с окружающей мерзопачностью купеческого быта, в плане физиологической борьбы, а не социально-психологической (в этом и заключается главная порочность выбранного сюжета). Задача в этом плане поставлена четко, но ошибочно: бездельная, скучающая, хотя и по-своему одаренная купеческая жена в роли не только жертвы определенного бытового уклада, но и социальной героини, рвущей цепи этого быта, — неестественна и нецельна. В этом отношении повесть Лескова цельнее. Есть у Шостаковича, правда, слабый намек на иную «движущую силу» — в виде учителя-социалиста, рассуждающего о безбожии и душе лягушки в полицейском участке. Однако эта фигура настолько осмеяна композитором, что серьезно говорить о «движущей» силе в данном случае не приходится. Непонятно даже, зачем этот отдающий пaskвилем персонаж введен в оперу. Быть может, это показ никчемности русской интеллигенции, предпочитающей рассуждать об «отвлеченных» материях и сидеть сложа руки? Но ведь были и другие, настоящие движущие силы, активные борцы с самодержавием, громко заявлявшие о своем существовании в эпоху Измайловых. Вот откуда можно и должно было почерпнуть социальную антитезу звериному быту Кит Китычей. Правда, у Лескова этой антитезы нет и быть не могло, но от советского автора мы в праве ждать ее. И раз уж композитор и либреттист во многом отошли от литературного оригинала, нужно было идти именно в направлении всякого подчеркивания социальных противоречий, не останавливаясь перед вводом новых персонажей, более полноценных, чем дурашливый интеллигент или «задрипанный мужичок». От отсутствия социальной антитезы и вытекает бесысходно-трагический финал оперы, сводящийся к разгулу звериной ненависти, убийству и самоубийству. Беспросветная мгла, без единого «луча света в темном царстве». Эти лучи только намечены: в хоре каторжников последнего акта, в образе старого каторжанина, кстати сказать, единственного в своем роде, — остальная каторжная масса дана также в зве-

роподобном виде (непонятно, зачем, — тут, в мире обреченных, как-раз кстати было бы отыскать некую живую, не сочиненную «антитезу»). Да и эти лучи даны только в намеках, в плане горького оплакивания каторжной доли, не больше.

Таковы сюжетно-идеологические недостатки оперы Шостаковича. Что касается основного «тезиса», то, надо признать, он дан блестяще. Разоблачение звериного образа царско-купеческой России, обличение Кит Китычей, полицейских, попов, лакеев-прихлебателей — все это удалось автору в наивысшей степени.

Музыка оперы вполне реалистична. Это еще не социалистический реализм, но большое приближение к нему. Средства музыкального выражения в опере — обличения, сатиры, выявления трагических страстей — богаты и разнообразны. Оркестровая и вокальная части — в состоянии равновесия и органического контакта. Оркестр ярко живописует действие (иногда в тонах нарочитого натурализма: сцены порки, насилия и др.), четко характеризует образы, усиливает выразительность вокальной речи. Последняя наряду с остродекламационными приемами (на которых целиком строился «Нос») дает ряд мелодически-певучих «кантилен», однако без уступок устаревшим традициям, без намеков на штампованный мелодизм. «Опера является прежде всего вокальным произведением, — говорит автор, — и певцы должны заниматься своей прямой обязанностью — петь, но не разговаривать».

«Леди Макбет Мценского уезда» — не только острая социально-бытовая сатира, но срывание всяческих масок с лица старой оперы, ее романтической лжи и идеалистической фальши. Сергей, «слащавое, галантерейное ничтожество», подан во всей свойственной ему цинической обнаженности. Любовь его ни на йоту не романтизирована, напротив, дана как ярко выраженная животное-тщеславная страсть развращенного приказчика к барыне-купчихе. Музыка, характеризующая его, утрированно подчеркивает слащавую галантность приказчицей любви

(мещанские мотивчики с аккомпанементом гитаро-балалаечного типа). Свекор Борис Тимофеевич — гроза, зверь, сластолюбец, которому не свойственны сложные душевные движения — также нарочито грубо и прямолинейно пере-

дается музыкой, «без модуляций» (по выражению автора). Вот образец музыки, рисующей придиричность, назойливость, деспотическое самодурство этого человека (с мелодией у фагота):

Купец-сын, муж Катерины, Зиновий Борисович, жалкий, ничтожный перед отцом, но деспот-самодур к другим, дан в стиле острого гротеска, иронически подчеркивающего и разоблачающего его важность как хозяина дома (комические фанфары при возвращении его из поездки). Остроумно обличаются также другие персонажи старой России. Напыщенно-шумлив марш перед сценой в поли-

цейском участке; юмористически звучат наставительные интонации попа, вызванного к умирающему купцу; тупой жесткостью отдает музыка развращенной дворни.

Яркой противоположностью всей этой мерзости звучит музыкальная характеристика Катерины. Тут и стилизация старинного сентиментально-любовного романса (3-я картина):

Ек. Льв.

я од-на-жды в а-ко-шо-у-ва-де-ла

и музыка трагических страданий — редкое по силе драматической выразитель-

ности симфоническое вступление к 5-й картине:

и полная обреченности песня Катерины в последнем акте, на каторге. Катерина подана в опере как положительный тип. Ей симпатизирует автор, она — предмет глубокого сострадания зрителя.

Как положительное явление, также в серьезных драматических тонах, изображена среда каторжан во вступительном и заключительном хоре, в песне страдания и обреченности.

Эта опера Шостаковича твердо наметила и реализовала ряд стиливых черт, все глубже входящих в плоть и кровь советской оперы. Это черты художественного реализма, без романтизации и прикрас, черты музыкальной правды без компромиссов и уступок традициям. «Леди Макбет Мценского уезда» — тип серьезной музыкальной драмы, с органичной слитностью всех составляющих ее элементов — действия, слова, музыки.

На этом этапе молодой талантливый композитор не намерен останавливаться. Его опера — лишь начало трилогии, идейный путь которой — от жертвы купеческого быта к раскрепощенной советской женщине. Все ближе подходит Шостакович к тематике наших дней, все больше освобождается от груза буржуазно-эстетского и формалистиче-

ского наследства (следы последнего уже редко проглядывают в «Леди Макбет»).

Творческий путь Шостаковича вступил в новую стадию углубленно-идейного осознания действительности. Мы в праве ждать от огромного быстро созревающего таланта полного, стопроцентного включения в советскую тематику, а также разрешения труднейшей проблемы нашего музыкального фронта — создания подлинно советской оперы. Для этого нужны: чуткое внимание к запросам советской современности, овладение методом социалистического реализма, музыкальное дарование, зрелое техническое мастерство. Шостакович имеет все шансы стать подлинно советским оперным мастером. Советская общественность в праве ждать трудного «подвига» от талантливейшего из молодых музыкантов, созревшего в условиях нашей действительности.

Слово за Шостаковичем. Чтобы сказать это веское слово, ему нужно как можно глубже творчески войти в советскую тематику, главное же — хорошенько продумать методы ее художественного освоения и претворения. Шостаковичу очень много дано. Потому мы много с него и спрашиваем.

Книжное обозрение

1. ЛЕВ ЗИЛОВ. „Новеллы о Толстом“. — Борис Анибал. 2. В. Г. ПЕРОВ. — Е. Меликадзе

Лев Зилов.—«Новеллы о Толстом». (Предисловие М. Цявловского). МТП. 1934. Стр. 176. Тир. 5.200 экз. Ц. 2 р. + перепл. 75 коп.

Одоевский, второй гильдии купец, именующий себя «писателем-археологом», поспорил со своим приятелем на четыре бутылки тенерифу, что смутит Толстого, и действительно, автор «Войны и мира» был смущен той стихотворной ахинеей, которую они ему преподнесли.

Деревенский кулак пришел к Толстому, как к ворожее,—погадать, какие ценные бумаги следует покупать его сыну.

Старушка на станции, не узнав писателя, попросила его донести до извозчика чемодан и дала Толстому гривенник на-чай.

И еще о множестве нелепых, наивных, злых и трогательных мелочей, так или иначе относящихся к Толстому, рассказано Зиловым в рецензируемой книге. Читатель видит, как нестрой толпой проходят перед великим писателем то ничтожные, то озорные, то трогательные люди—купцы, чиновники, студенты, гимназисты, помещики, мещане, профессора, толстовцы и просто пьяные со своими просьбами, сомнениями, раздумьями. И как нельзя более уместен эпиграф из свифтовского Гулливера, открывающий книгу Зилова:

«Полагаю, что не менее десяти тысяч любопытных перебывало на мне в разное время, взбираясь на мое тело по лестницам».

Советский читатель среди этих людей, в большинстве никчемных, почувствует себя, как в кунсткамере. Между тем они представители совсем недавнего, но уже основательно забытого прошлого.

Наряду с показом той социальной среды, среди которой распространялись слава и учение Толстого, Зилов поставил своей задачей «дать трезвый образ живого Толстого, чуждый ньюношеской идеализации, столь обычной в... мемуарной литературе о писателе...» (Из предисловия М. Цявловского.)

Этот образ воссоздается Зиловым также из мелочей, мелочей быта, обстановки, привычек, отношения к окружающему, и вот перед нами то старик с церковного дворика, ласково улыбающийся гимназистке, то грозный Лев, то раздраженный автор неудачного сочинения о деньгах, а в целом—величайший лировой писатель.

Зилов знает и любит Толстого, но эта любовь не помешала ему трезво взглянуть на вещи и, там где следует, назвать их своими именами. Его новеллы написаны хорошим

языком, с большим тактом и умением. Он владеет трудной формой маленького рассказа в сто-полтораста строк, рассказа «короче воробьиного носа».

Книгу свою автор назвал «новеллами», термином, не так давно вошедшим в наш литературный обиход и не совсем ясным; о существовании его теоретики литературы еще продолжают спорить. Было бы правильнее и для читателя понятней назвать эту книгу просто «мелочами о Толстом». Правда, это не так завлекательно, как «новеллы», но дело конечно не в завлекательности заголовка, а в самом материале, который вполне доброкачествен.

Как пишет в предисловии Цявловский, «фольклор о Толстом» в лице Зилова нашел своего художника-интерпретатора... Большая часть (новелл)... в своей основе имеет бывшее в действительности, часть же изображенных эпизодов является художественным вымыслом».

Необходимо однако отметить, что этот вымысел не выходит за пределы: если не бывшего, то возможного, он не искажает образа Толстого и его окружения, а, наоборот, помогает восстановить ту или иную черту, лишь вскользь упоминаемую биографами и мемуаристами.

Очевидно, что Зилов построил свои новеллы на любовном и тщательном изучении как самого Толстого, так и обширной литературы о нем, и те несколько эпизодов, которые являются художественным вымыслом Зилова, от действительно бывших может отличить лишь специалист.

В целом рецензируемые новеллы—приятная, без претензий, книга, представляющая интерес и для любителя литературы, и для широкого читателя, желающего познакомиться с образом живого Толстого, его окружением и бытом.

Борис Анибал

В. Г. Перов. Изогиз, 1934 г. 360 стр. Цена 9 руб. 75 коп.

В ознаменование столетия со дня рождения В. Г. Перова Институт литературы и искусства Коммунистической академии, Государственная Третьяковская галерея и Изогиз выпустили книгу, посвященную творчеству этого яркого представителя революционного, идейно-реалистического искусства России 60-х годов. В этой книге впервые полностью опубликован весь архивный материал и перепечатаны три рассказа художника. Книга снабжена полным списком произведений ху-

дожника и библиографией. Начинается она с большой статьи Федорова-Давыдова о творчестве Перова.

Следует отметить, что по сборнику фактического материала и по его обработке проведена положительная работа. Собранный фактический материал безусловно имеет большое значение для изучения творчества Перова. Что же касается статьи Федорова-Давыдова, то необходимо подчеркнуть, что она не только не помогает читателю познать Перова, а уводит его и от Перова, и от правильного понимания развития русской живописи.

Советскому читателю хорошо известна искусствоведческая концепция Федорова-Давыдова. Совсем недавно во всех своих выступлениях и в своей практике в экспозиции Третьяковской галереи он отрицал всякое значение революционно-демократического искусства XIX века. В книге «Реализм в русской живописи» он открыто утверждал, что Чернышевский и вслед за ним революционно-демократические художники овыми установками на идейность отрицали специфику искусства. В противоположность этому он доказывал, что расцвет искусства начинается с импрессионизма и Сезанна.

И вот эта вредная «теория», в более завуалированном виде, вновь преподносится читателю в статье о Перове. В полном согласии с утверждениями А. Бенуа, этого эстетствующего представителя русского контрреволюционного дворянства и буржуазии конца XIX и начала XX веков, и меньшевистско-троцкистских искусствоведов и теоретиков Федоров-Давыдов доказывает ничтожество художественной формы всех произведений Перова, отмечая только как положительный факт идейную насыщенность этих произведений. Еще Бенуа на заре XX века писал, что «несмотря на весь наш протест против содержания и идейного (в понимании 60-х годов) искусства, Перов первых лет остается и до сих пор очень крупным и, как оно ни странно, даже симпатичным мастером. Но это только доказывает, что мы относимся к нему не как к живописцу и художнику, а как к очень интересному и умному наблюдателю... окружавшей его жизни»¹). Бенуа этим самым вычерпывает из истории революционно-демократическое искусство. То же самое делает и Федоров-Давыдов во всех своих статьях и в частности в разбираемой статье о Перове.

Защитники «искусства для искусства» утверждали, что Перов занялся чуждыми для искусства задачами, т. е. изображением острой социальной тематики, и что, доволья на «чистое» искусство, идейность произведений Перова сделала их ничтожными в художественном отношении. Федоров-Давыдов, подходя к этому вопросу с другого конца, заявляет, что «беда ранних работ Перова заключается не в их идейности (наоборот, она составляла их сильнейшую сторону), а в неумении эту ло-

гическую идейность выразить как специфически живописную, выразить на собственном языке живописи, ее средствами и возможностями» (стр. 36).

В итоге всех рассуждений Федорова-Давыдова получается, что все искусство Перова является слабым и мало полезным художественным наследием.

Федоров-Давыдов совершенно не понимает того, что заслуга и значение Перова заключается именно в том, что он категории искусства (цвет, композицию и т. д.) трактовал реалистически, в противовес идеалистической трактовке их в академическом классицизме.

У Перова содержание и форма, обусловленные его мировоззрением, даны в единстве. А Федоров-Давыдов по соображениям формалистического порядка «доказывает» их полный разрыв.

По мнению Федорова-Давыдова, Перов в своих произведениях «недоучитывает специфики» искусства и не умеет дать композиционную собранность. По его мнению, «композиция на всю жизнь осталась самым слабым местом Перова» (стр. 30). Но если все это было бы правильным, то о Перове как о художнике нечего было бы и говорить.

Композиция картин Перова: «Сельский крестный ход на пасху», «Проповедь на селе», «Чаепитие в Мытищах», «Похороны крестьянина» и т. д., способствует и подчинея глубокому обобщенному раскрытию содержания изображаемого жизненного явления.

В картинах Перова мы имеем не единичные жизненные факты, а типичные явления в положении многомиллионного крестьянского населения России.

Перов в изображении тогдашней русской действительности выступает как революционный художник крестьянской демократии 60-х годов. Федоров-Давыдов и в этой части ополчает Перова (см. стр. 55—56): он доказывает, что Перов не был революционным художником. Федорову-Давыдову кажется, что разоблачать уходящий, но пока еще господствующий класс с позиций революционного крестьянства — это не революционное дело, и это не означает борьбы за новые революционные идеалы. Конечно в этом разоблачении у Перова не было революционных пролетарских идеалов. В творчестве Перова имеет место, объективно, только буржуазно-демократическая революционность, а в этом отказать Перову, как это делает Федоров-Давыдов, значит ничего не понять в его творчестве.

Наконец следует отметить совершенно недопустимое охаивание в статье Федорова-Давыдова творческой деятельности Перова 70-х годов. Всем известно, что с этого периода Перов все правее и правее. Перов не может стать ведущим художником второго демократического подъема, — им был Репин. Однако в творчестве Перова и после 70-х годов продолжают иметь место элементы революционно-демократических идеалов молодежи («Отпетый», «Современная идиллия» и т. д.). Правда, эти картины не находятся на том уровне революционности, на каком были картины

¹ А. Бенуа. «История русской живописи». Изд. 1902 г. Часть II, стр. 163.

«Похороны крестьянина», «Крестный ход» и т. д., т. е. картины, характеризующие высшую точку творчества Перова. Но пройти мимо революционных картин Перова во второй период его творчества, как это делает Федоров-Давыдов, значит в угоду своим субъективных интересов извратить существующее в творчестве художника.

Кроме того, во втором периоде своей творческой деятельности Перов создает большую серию прекраснейших, глубоко реалистических портретов. Правда, в творческой деятельности Перова 70-х годов имеется отход от идейного реализма, от обличительной тематики в сторону бытового драматизма и сентиментализма. Но нужно отметить, что полное и окончательное переход на новую мировоззренческую позицию в эволюции Перова все же не произошло.

В статье о Перове Федоров-Давыдов в более завуалированной форме, чем в предыдущих работах, протаскивает меньшевистские

установки на революционно-демократическое искусство 2-й половины XIX века. Федоров-Давыдов на протяжении ряда лет систематически оплошляет революционных крестьянских художников, он, как и меньшевистско-троцкисты, хотя и на примерах живописца, не признает революционно-прогрессивной роли за определенными слоями крестьянства в условиях царизма.

В проповедывании подобных неверных взглядов повинны не только редактора книги о Перове, но и редакция журнала «Искусство», перепечатавшая статью Федорова-Давыдова в журнале без всякого примечания.

В остальной части книга безусловно представляет интерес. Довольно значительную ценность представляют напечатанные рассказы и письма из-за границы. Приведенный в книге фактический материал может сыграть существенную роль в изучении художника-разночинца.

Е. Мелкадзе.

ВЫНУЖДЕННОЕ РАЗ'ЯСНЕНИЕ.

Выступая на пленуме Союза советских писателей СССР, тов. Щербаков заявил:

«Тов. Гронский на собрании, посвященном плану журнала «Новый мир», заявил: «Мы сейчас имеем самую лучшую в мире художественную литературу, самую высокую в мире театральную культуру, самый лучший театр в мире и самую лучшую в мире живопись, но пока мы отстаем в критике». Тов. Гронский сравнивает нашу литературу, наш театр, нашу живопись с буржуазной литературой, театром, с буржуазной живописью, нашу критику с буржуазной критикой. Ну как же можно говорить про нашу критику, владеющую методом марксизма-ленинизма, критику принципиальную и идейную, что она отстает от уровня буржуазной критики». (Речь тов. А. С. Щербакова. «Литературная газета», № 14 (505), от 10 марта 1935 года.)

Прочитав столь строгий приговор, я вновь обратился к цитате и, откровенно говоря, мог только развести руками. В этой цитате я не только не сравниваю, но даже и не думаю сравнивать наше искусство с буржуазным (у меня нет даже этого слова) искусством, нашу большевистскую критику с уровнем буржуазной (этих слов у меня тоже нет) критикой. В этой цитате я просто констатирую высокое художественное качество нашего искусства, являющегося лучшим в мире, и вслед за этим констатирую факт отставания нашей критики от этого нашего искусства, а не от чего-либо другого. Только и всего. В том, что эту мысль вкладывал я в свое выступление, а не какую-

либо другую, тов. Щербаков мог легко убедить-ся, прочитав весь абзац стенограммы, из которого он взял приведенную выше цитату. Так как стенограмма не опубликована, я позволю себе привести этот абзац целиком.

Вот он:

«Говоря о критике, тут же нужно сказать, что если в области художественной литературы мы имеем совершенно исключительные успехи, совершенно исключительные достижения, то в области критики мы очень и очень основательно отстали. Я думаю, что вы не сочтете за хвастовство, если я скажу, что мы сейчас имеем самую лучшую в мире художественную литературу, самую высокую в мире театральную культуру, самый лучший в мире театр и самую лучшую в мире живопись, но мы пока отстаем в критике. Поэтому нам надо бросить все силы на этот участок фронта и во что бы то ни стало поднять нашу критику и сделать ее достойной нашей великой пролетарской социалистической литературы».

Как видим, и в начале, и в середине, и в конце этого абзаца я прямо говорю о подтягивании нашей большевистской критики к нашей пролетарской социалистической литературе.

Думаю, что вопрос настолько ясен, что я могу на этом поставить точку.

И. Гронский.

Редакция:

А. И. Безыменский.
Ф. В. Гладков.
В. В. Григоренко.
И. М. Гронский.
Л. М. Леонов.
А. Г. Малышкин.
В. П. Ставский.

Отв. редактор **И. М. Гронский.**

Издатель: «Известия ЦИК СССР и ВЦИК».